СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1967

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/VII-1967 г. Т-12867 Подписано к печати 6/X 1967 г. Зак. 31
Форм. бум. 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10,0 Усл.-печ. л. 28,0 Уч.-изд. л. 23,2 Тираж 2200 эк.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Третий и четвертый номера журнала посвящаются пятидесятилетию Великой Октябрьской Социалистической Революции

Статьи

А. М. АПАКИДЗЕ

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

В стране, так богато насыщенной памятниками материальной культуры, как Грузия, интерес к археологическим предметам и вообще к их исследованию, как выясняется, проявлялся еще в древности и продолжает проявляться до нового времени. Но несмотря на это, археология как наука, имеющая в своем распоряжении огромное и все возрастающее количество разнообразного материала, со своими методами исследования, которые становятся все более точными и объективными, начала развиваться в Грузии, как и в других советских республиках, только после Великой Октябрьской социалистической революции. До установления Советской власти в Грузии имело место первоначальное и эпизодическое накопление археологического материала, что позволило дореволюционным ученым создать ряд важных исследований.

Лишь после установления Советской власти в Грузии были созданы условия для развития научной археологии и развертывания археологических работ, причем они получили государственное значение. Государственный музей Грузии был в первые годы Советской власти единственным учреждением, где имелись возможности для развертывания археологических работ. Поэтому не удивительно, что именно здесь и зародился первый очаг археологических исследований Советской Грузии, сыгравший большую роль как в подготовке кадров специалистов, так и в развитии полевых и научных изысканий.

Решающее значение в раннем и быстром подъеме археологических работ в Музее Грузии имело то обстоятельство, что по рекомендации И. А. Джавахишвили уже с 1925 г. их возглавил Г. К. Ниорадзе, первый грузинский ученый, получивший специальную подготовку по археологии в университетах России и Германии. Объединенная Г. К. Ниорадзе небольшая на первых порах группа ученых (Г. С. Читаиа, С. И. Макалатиа, Г. К. Гозалишвили и др.) пополнилась в дальнейшем другими исследователями (Л. В. Мусхелишвили, Б. А. Куфтин) и молодыми кадрами, составившими целую школу, представители которой ныне являются ведущими специалистами-археологами в республике. Они занялись, с одной стороны, систематизацией материала, лежащего под спудом, с другой — полевыми работами как планомерными, так и связанными с большими стройками 20-х годов.

Сбор добытого научными методами нового материала (могильники Земо-Авчала, Корснис Хеви, палеолитические пещерные стоянки Западной Грузии [1]) вместе с упорядочением и изучением старых археологиче-

[1] Г. К. Ниорадзе. Земо-Авчальское погребение. Тбилиси, 1931 (на груз. яз.); его же. Карснисхевский могильник. Тр. ГМГ, IV, 1926 (на груз. яз.); его же. Палеолитический человек в пещере Девисхврели. Тбилиси, 1933 (на груз. яз.).

ских фондов музея (Г. К. Ниорадзе, Б. А. Куфтин, С. И. Макалатиа, Г. К. Газалишвили) позволили не только окончательно опровергнуть ошибочность мнения о привнесении в Грузию культуры эпохи бронзы, но и показать ее местное происхождение. В этом смысле фактом огромной важности для развития археологии в Грузии следует признать организацию первой археологической выставки в Музее Грузии в 1934 г. Уже само название выставки — «Доклассовое общество в Закавказье» — и его тематическая структура говорят о новом для того времени подходе организаторов (Г. К. Ниорадзе, Б. А. Куфтин) к истории материальной культуры. Здесь в отличие от устаревших вещеведческих экспозиций вновь добытые и старые материалы археологических фондов впервые были развернуты для показа хозяйственного, социального и культурного развития общества, т. е. для раскрытия вещественными материалами самого исторического процесса. Это было первым большим практическим шагом вперед, знаменующим наступление нового этапа в развитии археологии Грузии как науки исторической. Значение первой археологической выставки Музея Грузии трудно переоценить: целое поколение молодых работников получило здесь методологические установки и богатейшие специальные познания, плодотворно применяемые им в дальнейшем в полевой и научно-исследовательской работе.

Тридцатые годы ознаменовались систематическими планомерными раскопками в республике. К этому времени были созданы соответствующие научные учреждения при Грузинском филиале АН СССР (Институт языка, истории и материальной культуры, возглавляемый проф. С. Н. Джанашиа) [2], Тбилисском государственном университете (кафедра археологии, возглавляемая проф. Г. К. Ниорадзе), Народном Комиссариате просвещения (Институт археологии), а также ряд краеведческих музеев. Таким образом, изучение памятников материальной культуры, собирание случайных находок, охрана и их исследование стали задачей государственной важности и неотложной обязанностью многочисленных научных и культурно-просветительных учреждений.

Результаты повседневной работы Коммунистической партии и Советского Правительства сказались немедленно. В первые же годы было выявлено огромное количество археологических памятников, по-новому освещающих ряд важнейших проблем древней и древнейшей истории грузинского народа, грузинской культуры и имеющих немаловажное значение для истории культуры сопредельных с Грузией стран.

В настоящее время археологические исследования проводятся во многих научных учреждениях республики. Ведущим в этой области является Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР, где имеется сектор археологии. В Государственном музее Грузии археологические работы сосредоточены в отделах истории материальной культуры Грузии. Кроме того, большую исследовательскую работу проводят сотрудники химико-технологической лаборатории этого старейшего в республике археологического учреждения. Значительно расширил исследовательскую и особенно раскопочную работу за последнее время Тбилисский государственный университет (кафедра археологии, этнографии и истории грузинского искусства). Большую полевую работу ведут Музей искусств Грузии и Историко-этнографический музей Тбилиси. Музей искусств в течение многих лет успешно раскапывает высеченный в скалах античный город Уплисцихе, а Тбилисский музей возглавляет археологические работы в столице республики. Помимо вышеуказанных научных учреждений археологическим исследованиям большое внимание уделяется в многочисленных историко-этнографиче-

---

[2] С. Н. Джанашиа. Общественные науки в Грузии к 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. ИИЯИМК, I, Тбилиси, 1937 (на груз. яз.).

ских и краеведческих музеях, в школьных музеях и кабинете краеведения Тбилисского Дворца пионеров и школьников им. Б. Дзнеладзе.

Одновременно большое внимание обращается на подготовку молодых специалистов, на оснащение археологических экспедиций новейшей техникой, создание специальных научных лабораторий и применение методов технических и естественных наук в археологических исследованиях; для этого при Институте геофизики АН ГрузССР создана группа геофизических методов. Применяя электрометрический, гравиметрический, радиометрический и сейсмометрический методы разведок, грузинские геофизики оказали большие услуги Бичвинтской археологической экспедиции по выявлению оборонительных сооружений позднеантичного городища Восточного Причерноморья — Питиунта (Пицунды-Бичвинта). Ведутся работы по созданию группы для использования археомагнетизма при датировке керамики, в частности строительной керамики и древних обжигательных печей, раскопанных в разных уголках республики. Лаборатория Института археологии АН СССР создала и проверила палеомагнитную шкалу для Грузии и Закавказья [3], что значительно облегчило работу тбилисских геофизиков.

В настоящее время при Тбилисском государственном университете функционирует созданная общими усилиями ТГУ и ИИАЭ АН ГрузССР лаборатория по датированию археологических памятников органического происхождения радиокарбонным методом (руководители — Г. М. Мирианашвили и А. Н. Бурчуладзе). При Государственном музее Грузии им. С. Н. Джанашиа имеется хорошо оборудованная химико-технологическая лаборатория (руководитель Р. Бахтадзе), занимающаяся изучением технологии, металлографии и химического состава археологических вещей. Результаты работ этой лаборатории обобщены в многочисленных исследованиях ее сотрудников с участием ученых, представителей смежных научных дисциплин, в частности металлургов, археологов и историков. Особенно значительными являются работы по исследованию древних бронз (Ф. Н. Тавадзе, Т. Сакварелидзе, Р. Бахтадзе, Ц. Абесадзе, Т. Двали, О. М. Джапаридзе) [4], ранних образцов железа (Ф. Н. Тавадзе, Т. Сакварелидзе) и стекла древней Грузии (Р. Бахтадзе, Н. Угрелидзе).

При развертывании археологических исследований всегда учитывалась необходимость освещения насущных задач, стоящих перед всей советской археологической наукой, решение которых в значительной степени было связано с изучением археологических памятников Кавказа, и в частности Грузии. Это, в первую очередь, проблема зарождения, формирования и развития первобытнообщинного строя на Кавказе, исследование его особенностей, специфики локальных вариантов процесса развития, вопросов генезиса археологических культур и этнических образований и взаимоотношений с синхронными культурами сопредельных стран и народов.

В этой связи следует отметить, что в конце 20-х и начале 30-х годов научному миру впервые стало известно о результатах хорошо проведенных раскопок стоянки верхнепалеолитического человека в западной Грузии (Г. К. Нпорадзе), окончательно рассеявших высказывания дореволюционных авторов об отсутствии на Кавказе отстатков человеческой культуры каменного века. Во второй половине 30-х годов Г. К. Нпорадзе исследовал верхнепалеолитическую стоянку Сакажиа в окрестностях г. Кутаиси, на левом берегу р. Цкалцитела.

В результате исследования накопленных к этому времени многочисленных материалов Г. К. Нпорадзе удалось дать общую характеристику

---

[3] С. П. Бурлацкая. Датирование археологических объектов археомагнитным методом. СА, 1963, 4.

[4] Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе. К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).

палеолита Грузии и Кавказа, выявить специфические черты палеолита Грузии и увязать его с так называемой капсийской культурой, что означало признание весьма существенной роли Кавказа в формировании палеолитических культур Запада [5].

С 1934 г. палеолитические стоянки Грузии привлекли внимание известного русского археолога С. Н. Замятнина, открывшего в окрестностях Сухуми древнейшие в СССР кремневые орудия нижнего палеолита (ашель). Значительно расширились наши знания в области и верхнего палеолита Грузии в результате плодотворных работ С. Н. Замятнина в Земо Имерети, в частности в Чиатурском районе. На основе изучения каменных орудий С. Н. Замятнин успешно попытался дать хронологическую классификацию всего добытого материала, наметить своеобразную линию развития палеолита Грузии, расширить выставленное Г. К. Ниорадзе в 1933 г. положение о связях грузинского палеолита с памятниками так называемой капсийской культуры [6].

Со второй половины 30-х годов изучением палеолитических памятников Грузии занялась Н. З. Киладзе (Бердзенишвили), а позже к старшим коллегам присоединились Д. М. Тушамбрамишвили (раскопки в ущелье р. Квирила и разведки в Кахети), Г. К. Григолиа (раскопки в Цопи, в ущелье р. Кциа, на территории Месхет-Джавахети, в Абхазии, в ущелье рек Ингури, Техури и Цхенцкали), Г. И. Джавахишвили (Лагодехи), Т. Бугианашвили (Абхазия, Кахети), М. Габуния (Триалетский мезолит), Л. Д. Церетели, М. Г. Ниорадзе и др. [7]

В результате весьма плодотворных разведок и раскопок выявлены многочисленные стоянки нижнего палеолита (Яштхва, Колхида, Бирцха, Чубурхинджи, Гали, Мокви, Илори, Ачигвара, Рухи, Лашебальта, Морго, Корниси, Джиджоити, Цона, Кударо, Цопи, Држучула, Месхет-Джавахети и др.) и верхнего палеолита (Девисхврели, Сакажиа, Сагварджиле, Сванта-Саване, Гваржилас-клде, Таро-клде, Хелгулис-клде, Цопи, Цона, Кударо, Држучула, Мгвимеви, Цкалцителa, Квачара и многие другие). Даже далеко не полный перечень показывает, насколько плодотворно работали разведчики самых древнейших остатков человеческой культуры на территории Грузии. Возросло издание трудов по каменному веку. За советское время появились несколько десятков работ, в их числе и монографии Г. К. Ниорадзе, С. Н. Замятнина, А. Н. Каландадзе, Н. З. Бердзенишвили, Д. М. Тушабрамишвили, Г. К. Григолиа, В. П. Любина [8] и др.

Успешные исследования проведены по изучению мезолитических и неолитических культур на территории Грузии, не знавшей до 30-х годов значительных стоянок этой эпохи. Первое удачное обоснование происхождения неолитической культуры Грузии из местного мезолита принадлежит А. Н. Каландадзе [9], а последующие открытия в многослойной пещере Саг-

---

[5] Г. К. Ниорадзе. Палеолитический человек в Девисхврели. Тбилиси, 1929 (на груз. яз.); его же. Древний каменный век на Кавказе. Тр. ТГУ, VI, 1938 (на груз. яз.); его же. Человек каменного века в пещере Сакажиа. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

[6] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Л., 1937; А. Н. Каландадзе. К истории формирования древнего общества на территории Грузии. Тр. ИИ АН ГССР, II, Тбилиси, 1956 (на груз. яз.); его же. Палеолит Западного Закавказья. Сб. МАЭ, XVII, 1957.

[7] Н. З. Киладзе (Бердзенишвили). Многослойный археологический памятник Сагварджиле. САН ГССР, 9, 1953; Д. М. Тушабрамишвили. Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-клде. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.); Г. К. Григолиа. Палеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.); Н. З. Бердзенишвили. Новый памятник каменного века в ущелье Цкалцителa. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).

[8] П. В. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I. ИРГО, 91, 1959.

[9] А. Н. Каландадзе. Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. ИИЯИМК, IV, Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).

варджиле (раскопки Н. З. Бердзенишвили) подтвердили его выводы новыми материалами.

Разведками и раскопками в последнее 30-летие были выявлены многочисленные стоянки неолитического человека: в Одиши (А. Н. Каландадзе), Кистрике (А. Л. Лукин), в Самтаварджиле (Н. З. Бердзенишвили), Сакао, Рустави, Тетрамица (Н. З. Бердзенишвили), Анасеули (Л. Д. Небиеридзе), Абелиа, Гали, Земо Имерети (Д. М. Тушабрамишвили), Лагодехи (Г. И. Джавахишвили) [10] и др. Они внесли значительный вклад в изучение неолита Грузии и сделали возможным создать более или менее ясную картину хозяйственной и социальной жизни ее населения неолитической эпохи и выделить две хронологические группы — керамический и бескерамический неолит Грузии (Л. Д. Небиеридзе).

По масштабам новых исследований, обработки и обобщению накопленного материала, подготовки научных кадров в области каменного века грузинские археологи-палеолитчики, возглавляемые ныне А. Н. Каландадзе, занимают одно из ведущих мест в науке о палеолите и неолите всего Кавказа.

Накопление огромного археологического материала, естественно, ставило перед советскими археологами задачу разработки основных вопросов периодизации памятников. В первую очередь, чувствовалось отсутствие четкой внутренней периодизации памятников эпохи древних металлов. Этот значительный пробел кавказской археологии впервые был заполнен работами известного ученого-кавказоведа А. А. Иессена [11], которому в результате скрупулезного изучения накопленных в музеях Кавказа, Москвы, Ленинграда богатейших археологических коллекций в начале 30-х годов удалось разработать периодизацию памятников Кавказа эпохи древних металлов.

Последующая попытка разработки новой, более полной периодизации связана с открытиями Триалетской и Мцхетской экспедиций, а также исследованием старых фондов Музея Грузии в связи с организацией выставки «Доклассовое общество в Закавказье» в 1934 г. (Б. А. Куфтин [12], А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Т. Н. Чубинишвили, Р. М. Абрамишвили, Г. Пхакадзе, К. К. Пицхелаури и др.) [13]. Новая периодизация, предложенная Б. А. Куфтиным, хотя и нуждалась в некотором уточнении, для 40-х годов являлась значительным достижением и большим вкладом в археологию Грузии и Закавказья в целом.

К концу 50-х годов периодизация Б. А. Куфтина в свете новых материалов была значительно пополнена и уточнена в университетском учебнике «Археология Грузии» [14].

Интенсивное накопление нового, точнее стратифицированного материала, выявленного на поселениях и могильниках эпохи первого появле-

---

[10] А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаута. СА, XII, 1950; Н. З. Бордзенишвили. Неолитические остатки из Тетрамица. МИГК, 29, 1951 (на груз. яз.); е е ж е. История первобытного земледелия в Грузии. Тр. ИИ АН ГССР, II, 1956 (на груз. яз.); е е ж е. Новый каменный век. АГ, 1959 (на груз. яз.); Л. Д. Небиеридзе. Ранненеолитический памятник в Анасеули. Тр. ИИ АН ГССР, VII, 1963 (на груз. яз.); Г. И. Джавахишвили. Неолитические материалы из Лагодехского р-на. МИМКГ, Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

[11] А. А. Иессен. Древняя металлургия меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, М.—Л., 1935.

[12] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941; е г о ж е. Материалы к археологии Колхиды. I, Тбилиси, 1949; II, Тбилиси, 1950.

[13] А. Н. Каландадзе. Вопросы периодизации Самтавро. КСИИМК, XXIV, 1948; Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета, Тбилиси, 1957 (на груз. яз.); е г о ж е. Амиранис гора. Тбилиси, 1963, (на груз. яз.); е г о ж е. Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника. КСИИМК, XLVI, 1952; е г о ж е. Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

[14] А. М. Апакидзе, Н. З. Бердзенишвили, Г. Ф. Гобеджишвили, О. М. Джапаридзе, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Н. В. Хоштария. Археология Грузии. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

ния металла[15] в западной Грузии, Шида Картли, Месхет-Джавахети, Квемо-Картли, особенно же открытия в 1965—1966 гг. южнее Тбилиси квемокартлийской энеолитической культуры (раскопки А. И. Джавахишвили, О. М. Джапаридзе, Т. Н. Чубинишвили в окрестностях Марнеули, рис. 1) естественно потребовали коренного пересмотра периодизации памятников, предложенной Б. А. Куфтиным в начале 40-х годов. Особенно остро стал вопрос о сущности и датировке так называемой куро-аракской энеолитической культуры, ее локальных вариантов, относимых группой ученых к эпохе ранней бронзы (Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева) [16].

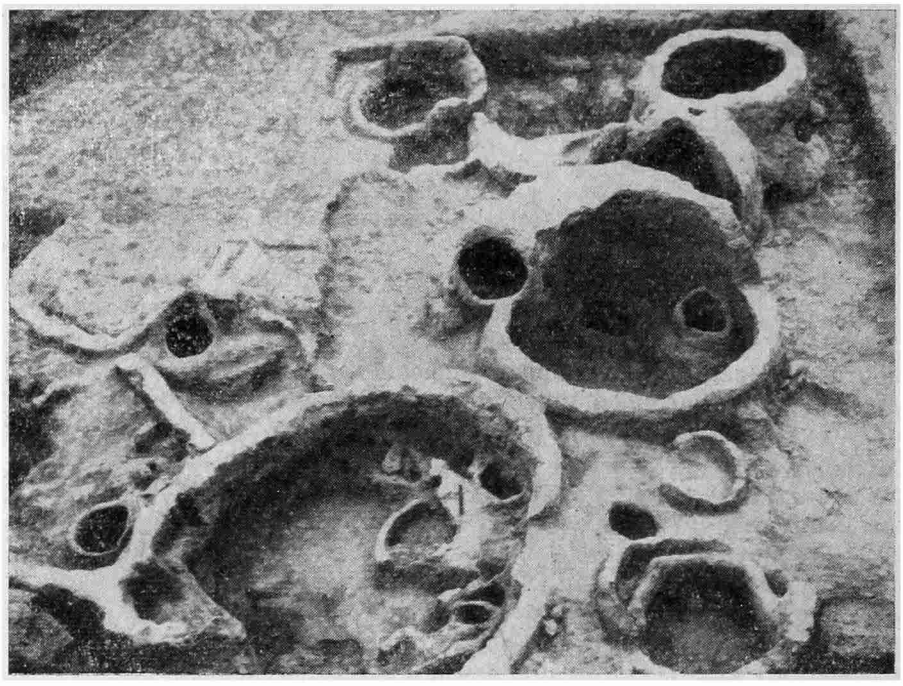


Рис. 1. Жилые сооружения и хозяйственные ямы квемокартлийской культуры. Марнеули

В настоящее время хронологические рамки так называемой куро-аракской культуры раздвинуты значительно; признается факт раннего распространения энеолитической культуры и ведутся интенсивные исследования по пересмотру существующей периодизации памятников культуры Куро-Аракского двуречья, с попыткой дать новое осмысление всем археологическим данным, полученным в результате планомерных и систематических раскопок широкими площадями больших и малых поселений и могильников. Все это пополнило новым содержанием само понятие «куро-аракс-

---

[15] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети; его же. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, XIII-B, Тбилиси, 1943; его же. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском р-не. Тбилиси, 1948; Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы. Тр. АИЯЛИ, XXIX, 1958; О. М. Джапаридзе. Энеолитическая культура. АГ; его же. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.); А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси, Тбилиси, I, 1963 (на груз. яз.); Г. Г. Пхакадзе. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.); Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Грузии. 1952; его же Среднебронзовый век. АГ; Г. А. Меликишвили. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

[16] К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э., СА, 1963, 3.

ской культуры», определяемой в качестве культуры начального этапа эпохи бронзы.

Одновременно ведутся исследования и полевые работы по выявлению на территории восточной Грузии памятников, характеризующихся общими или близкими по происхождению признаками для всего южнокавказского энеолита V—IV тысячелетий до н. э. (Т. Н. Чубинишвили, А. И. Джавахишвили, О. М. Джапаридзе, Г. Ф. Гобеджишвили, Е. И. Крупнов и др.).

Накануне юбилейного года в высокогорном районе южнее Тбилиси блестящими открытиями были завершены полевые работы Беденской археологической экспедиции (раскопки Г. Ф. Гобеджишвили), обнаружившие богатое погребальное сооружение, по всей вероятности, племенного вождя самого конца III или начала II тысячелетия до н. э. Погребальное сооружение представилось в виде маленького дубового дома с погребальной деревянной колесницей, многочисленными керамическими и резными деревянными сосудами и другими предметами, деревянным погребальным ложем, украшенным тонкой резьбой, с бронзовыми орудиями, остатками тканей, циновками, остатками пищи, злаков и др. Для Грузии и Кавказа этот уникальный деревянный погребальный дом — погребальное сооружение и найденные в нем предметы — является ценнейшим источником для изучения жизни и культуры, экономического и социального развития общества конца III и начала II тысячелетия до н. э.

Таким образом, перед археологами Грузии открываются новые возможности для изучения древнейших этапов появления металла и решения ряда актуальнейших вопросов истории человеческой культуры семи- пятитысячелетней давности на территории Кавказа и всего Ближнего Востока.

Успешно разрабатывается ряд кардинальных вопросов культуры эпохи поздней бронзы и возникновения металлургии железа в Грузии и на Кавказе. Наиболее значительными достижениями в этой области следует признать выделение раннего этапа поздней бронзы (А. Н. Каландадзе, Т. Н. Чубинишвили, Г. А. Ломтатидзе, Р. М. Абрамишвили и др.) [17], изучение ведущих элементов бронзовой культуры Колхиды (О. М. Джапаридзе, Д. Л. Коридзе) [18], исследование локальных среднебронзовых вариантов [19], позднебронзовой и раннежелезной культур (Г. К. Ниорадзе, А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Куфтин, Е. И. Крупнов, А. Н. Каландадзе, Г. Ф. Гобеджишвили, Г. А. Ломтатидзе, Т. Н. Чубинишвили, Р. М. Абрамишвили, К. К. Пицхелаури, О. С. Гамбашидзе, Л. С. Сахарова, Н. Н. Тушишвили, Б. Г. Шатберашвили, М. В. Барамидзе, В. В. Техов, М. М. Трапш, А. М. Апакидзе и др.), исследование вопросов первого появления древнейших очагов металлургии железа (Г. К. Ниорадзе, А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Куфтин, Н. В. Хоштария, А. М. Апакидзе, А. Н. Каландадзе, Р. М. Абрамишвили и др.) [20].

---

[17] А. Н. Каландадзе. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточной Грузии. АГ; Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.); Р. М. Абрамишвили. К вопросу о широком освоении железа на территории Восточной Грузии. ВГМГ, XXII-В, Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).

[18] О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953; Д. Л. Коридзе. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

[19] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети; его же. Материалы к археологии Колхиды; О. М. Джапаридзе. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии. КСИИМК, 60, 1955; его же. Археологические раскопки в Триалети в 1957—1958 гг. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.); Г. Ф. Гобеджишвили. Среднебронзовый век. АГ; его же. Археологические раскопки в Грузии. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).

[20] Г. К. Ниорадзе. Земо-Авчальское погребение, Тбилиси, 1931 (на груз. яз.); его же. Археологические раскопки в Колхиде. ИИЯИМК, X, 1941 (на груз. яз.); его же. Археологические находки в с. Квишари. СА, XI, 1949; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети; его же. Материалы к археологии Колхиды; С. И. Макалатия. Плависманский некрополь. ВГМГ, V, Тбилиси, 1930 (на груз.

Изучение памятников эпохи раннего железа, открытых в Мцхета и в восточной Грузии, показывает, что племенам, населявшим указанную территорию, еще три тысячи лет назад были хорошо известны железные изделия и они, по всей вероятности, сами являлись искусными мастерами обработки железа. Находки убедительно доказывают, что мастера обработки железа успешно пользовались навыками высокоразвитой бронзовой металлургии (А. Н. Каландадзе, А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, Р. М. Абрамишвили и др.) [21].

Раннее зарождение железного производства привело к расцвету обработки железа в середине I тысячелетия до н. э. В качестве примера можно указать на раскопки в Уреки, где Н. В. Хоштария выявила остатки железного производства раннеантичного времени. Важно отметить, что в Уреки железо выплавляли из магнетитного железняка, т. е. способом получения халибского и амисского железа из песка в сочинении IV в. до н. э., которое приписывается Аристотелю [22].

О расцвете металлургии железа на территории восточной Грузии в античное время можно судить по результатам археологических раскопок в Саркине 1954—1956 гг. Здесь на сравнительно небольшой площади было обнаружено значительное количество железного шлака, железные полуфабрикаты в виде «болванок», железные крицы, куски руды, специальная с железной рукояткой лопата для выгребания железоплавильных печей, развалины самих печей — античного «металлургического завода» Мцхета, имевшего, по всей вероятности, большое значение для экономической мощи всего государства (А. М. Апакидзе) [23].

Изучения селищ феодальной эпохи в Квемо-Картли показывают, что дальнейшее увеличение добычи железной руды и усовершенствованная выплавка железа сыграли важную роль в создании мощной феодальной державы в Грузии. И. А. Гзелишвили выявил многочисленные шахты и древние выработки, свидетельствующие о добыче в XI—XII вв. многих тысяч тонн железных руд. Так постепенно археология вскрывает «секреты» могущества феодальной Грузии.

Результаты археологических исследований памятников железоплавильного дела древней и средневековой Грузии обобщил И. А. Гзелишвили, который на основе анализа материалов дал хронологическую и типологическую классификацию остатков производства. Автор, в частности, различает остатки производства предантичного и античного периодов, зрелого и позднего средневековья; подробно описывает операции, связан-

---

яз.); Г. Ф. Гобеджишвили, Холм Нацаргора. «Мимомхилвели», II, Тбилиси, 1952 (на груз. яз.); О. М. Джапаридзе. Цхинвальский клад. ВГМГ, XVI-B, Тбилиси, 1950 (на груз. яз.); его же. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953; его же. Земледельческие орудия в западно-грузинской культуре. Тр. ТГУ, 49, 1949 (на груз. яз.); М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культуры в с. Куланурхва. Сухуми, 1962; Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси. I, Тбилиси, 1955; II, Тбилиси, 1958 (на груз. яз.); его же. Древнейшие памятники материальной культуры из Сачхерского района. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.); Р. М. Абрамишвили. К вопросу о широком освоении железа на территории Восточной Грузии. ВГМГ, XXII-B, Тбилиси, 1961 (на груз. яз.); К. К. Пицхелаури. Кинжалы кахетинского типа. МАГК, II, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); его же. Могильник эпохи поздней бронзы близ с. Гулгула. МАГК, II; его же. Бронзовая культура племен Иоро-Алазанской долины. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); Л. Сахарова. К изучению земледельческих орудий позднего бронзового века. «МАЦНЕ», 1964, 1 (на груз. яз.).

[21] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Грузии; А. М. Апакидзе. Древнейшая культура Грузии в свете новых археологических открытий. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.); А. Н. Каландадзе. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточной Грузии. АГ; Р. М. Абрамишвили. К вопросу о широком освоении железа на территории Восточной Грузии; А. М. Апакидзе. Важнейшая проблема археологии Грузии. «МАЦНЕ», 3, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).

[22] Н. В. Хоштария. Археологические исследования Уреки. МАГК, I.

[23] А. М. Апакидзе. Города и городская жизнь в древней Грузии. I, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.); его же. Результаты археологического изучения античных городов Грузии. Сб. «Античный город». М., 1963.

ные с выплавкой железа и дальнейшей обработкой криц; выделяет пять основных признаков группировки сыродутных печей, раскопанных в Грузии, и т. д.[24]

Таким образом, археологические исследования, осуществленные за советский период, значительно пополнили наши знания по истории железной металлургии, выявили почти повсеместно значительное количество древних выработок и остатков железоплавильных мастерских.

Особенно много, как показывают раскопки, остатков древних и средневековых железоплавильных мастерских в Чуберском ущелье[25] (Б. Е. Деген-Ковалевский), в Джвари и Лиа (раскопки экспедиции «Ингури ГЭС»), в Аджара (И. А. Гзелишвили, Д. А. Хахутайшвили), Уреки (Н. В. Хоштария), Саркине-Мцхетском (А. М. Апакидзе), Навардзети (Р. М. Абрамишвили), Болнисском-Саркинети и Маднеули (И. А. Гзелишвили)[26].

К числу важнейших проблем древней истории, разрабатываемых в результате новых археологических изысканий, относится история городов и городской жизни Грузии античной эпохи, непосредственно связанная с развитием железной металлургии и возникновением первых государственных образований на ее территории. Самые крупные археологические работы в этом направлении были осуществлены с 1937 г. в столице Картлийского царства Мцхета и ее окрестностях (И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа)[27].

В результате археологических изысканий мы располагаем столь богатыми и разнообразными памятниками материальной культуры и эпиграфики, что история древней столицы Картли — одного из старейших городов всего Ближнего Востока — раскрывается во всем многообразии и полноте. В свете новых раскопок вырисовываются основные кварталы и районы древнего города, а именно: резиденция и фамильная усыпальница питиахшей — сановников царя иберов в Армазисхеви (А. Н. Каландадзе, А. М. Апакидзе, Г. А. Ломтатидзе, Г. Ф. Гобеджишвили); царская резиденция — акрополь в Багинети — Армасцихе (А. М. Апакидзе, рис. 2); производственный — железообрабатывающий квартал в Саркине (А. М. Апакидзе); собственно Мцхета и ее могильник в Самтавро (А. Н. Каландадзе, М. М. Иващенко); Цицамури — укрепленный город — крепость на левом берегу р. Арагви (А. М. Апакидзе) и т. д.

Как выясняется, древняя Мцхета вырисовывается как большой город, расположенный на стыке двух важнейших речных долин Грузии на обоих берегах рек Мтквари (Кура) и Арагви. Она состояла из двух основных частей: на правом берегу Куры находился, по выражению древнегрузинских исторических источников, «город Армазской стороны», а на левом берегу — «город Мухранской стороны». Мцхета стала большим городом в результате объединения и слияния отдельных древнейших поселений, сохранивших важное хозяйственно-экономическое и стратегическое значение в качестве разных «убани» (районов) стольного города. Вместе с тем, по-новому освещаются вопросы локализации некоторых исторических пунктов, в частности, упомянутых в «Географии» Страбона (Армозика и Севсамора) и в грузинских летописях (Саркине, рис. 3).

Входившие в столицу торговые пути — это часть великой магистрали,

---

[24] И. А. Гзелишвили. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси 1964.

[25] Б. Е. Деген-Ковалевский. К истории железного производства Закавказья. ИГАИМК, 120.

[26] А. М. Апакидзе. Города....; его же. Результаты археологического изучения античных городов Грузии; Р. М. Абрамишвили. Отчет о раскопках в Навардзети. Краткие отчеты, Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).

[27] А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Археологические памятники Армазис-хеви. Мцхета. I, Тбилиси, 1958; А. М. Апакидзе. Города...; Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в древней столице Грузии Мцхета. Тбилиси, 1955.

связывающей Бактрию, Индию и другие восточные страны с Западом. Резиденция царей и высших сановников, ремесленный и торговый квартал «города божеств» Армаз и Заден, а также обширные сельскохозяйствен-

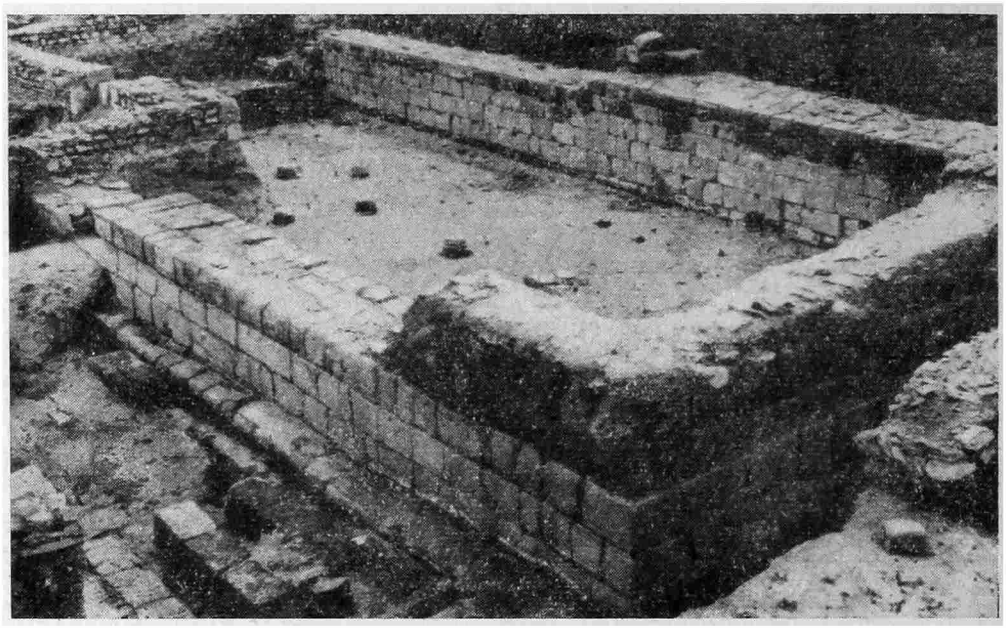


Рис. 2. Колонный зал в акрополе IV—III вв. до н. э. Мцхета, Армазцихе

ные районы, в частности орошаемые виноградники столицы, защищались воздвигнутыми на квадровом фундаменте мощными сырцовыми стенами и башнями, выявленными в районах Бебрис-Цихе — Цицамури, Цихедиди — Саркине — Саване, Армазцихе, Накулбакеви и в других пунктах.

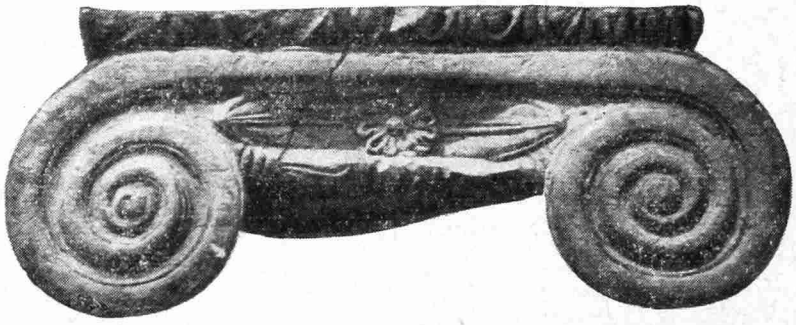


Рис. 3. Капитель эллинистической эпохи. Мцхета, Саркине

Выясняется, что многочисленные «убани» (районы) Мцхета при своем строго определенном своеобразии имели ряд общих характерных признаков: жилые сооружения расположены были на предгорьях и возвышенностях (Багинети, Цицамури, Дзвели Мцхета, Кодмани, Мтакартли, Саване, Саркине и др.); могильники устроены в низменностях, культовые сооружения — на высоких горах (Зедазени, Мцхетис гора, Картлис кеди, Джзарис Борцви и др. рис. 4); в низменностях устроены были хозяйственные и ремесленные мастерские; «убани» защищались определенной системой крепостей. Письменные источники сообщают, что районы, располо-

женные на противоположных берегах рек Арагви и Мткари, между собой были связаны мостами [28].

Процессы возникновения древнего города у слияния рек Куры и Арагви, как показывают раскопки, были характерными для всей Иберии. К примеру можно назвать Тбилиси, который возник на торгово-транзитной дороге в результате постепенного расширения и укрупнения ряда

Рис. 4. Гробница I в. Мцхета

древнейших поселений, расположившихся на обоих берегах р. Куры. Археологические находки показывают, например, что такими древними поселениями, объединенными впоследствии в один город, должны были быть: Дидубе на левом берегу Куры, где существовало поселение с энеолитической эпохи (Г. К. Нпорадзе); Грма-Геле в том же районе с поселением раннебронзовой эпохи, характеризуемым «необыкновенной для Кавказа формы» топором первой половины III тысячелетия до н. э.; Навтлуги с поселением позднебронзовой эпохи и предметами, характерными для так называемой восточногрузинской бронзовой культуры; Исани, Сабуртало, Делиси, Ведзиси и ряд других, еще мало изученных древних поселений, объединенных под гегемонией собственно Тбилиси, т. е. поселением на двух холмах — левобережном, где находилось поселение раннебронзовой эпохи (разведки Г. К. Григолиа), и правобережном, в районе горячих серных источников. Этот второй холм являлся высокой и легкоукрепляемой горой, впоследствии ставшей акрополем новой столицы.

То же самое можно сказать и об Урбниси (Г. А. Ломтатидзе, П. Ф. Закарая), ставшем городом в результате объединения собственно Урбниси, Руиси, Хизанаант гора, Квацхела и других пунктов. Среди упомянутых имеются замечательно сохранившиеся поселения ранней поры металла на Хизанаант гора и особенно Квацхела (А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти) [29].

---

[28] А. М. Апакидзе. Города...; его же. Об итогах новых археологических раскопок в Грузии. М., 1960; его же. Результаты археологического изучения античных городов Грузии; Мцхета. I, Тбилиси, 1958.

[29] Г. А. Ломтатидзе. Начало археологического изучения древнего города Урбниси. «МАЦНЕ», 2. Тбилиси, 1964, (на груз. яз.); П. Ф. Закарая. Архитектура Урбниси. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); Л. Чилашвили. Городище Урбниси. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси. I, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).

Аналогичный процесс прослеживается и в высеченном в скалах городе Уплисцихе — важном центре феодальной Грузии, где выявлены поселения, культурные слои и погребения раннеантичной, эллинистической, позднеантичной и феодальной эпох (Ш. Я. Амиранашвили и Д. А. Хахутайшвили) [30].

Учитывая результаты новых раскопок, можно утверждать, что решающую роль в возникновении городов Грузии сыграла высокая степень внутреннего развития общества в первой половине I тысячелетия до н. э. Иллюстрацией к этому могут служить хотя бы раскопки в Ховлегора, где в течение последних лет раскапывается крупное поселение (Н. А. Бердзенишвили) и Болниси (И. А. Гзелишвили) [31].

Пример Ховле и Болниси показателен в первую очередь тем, что перед нами вырисовывается облик поселений со всеми основными элементами будущего города, но по некоторым причинам не ставшими поселениями городского типа или городами.

При изучении результатов раскопок в Мцхета, Вани, Урбниси, Сухуми, Пичвнари и др. нетрудно проследить все более усиливающийся приток предметов, отражающих греко-эллинистические и римские вкусы и, по всей вероятности, в значительной части происходивших из соответствующих культурных областей. Начиная с первого века до нашей эры, наблюдается массовый ввоз в Грузию предметов античного происхождения. Приток многочисленных изделий ремесленных центров античного мира говорит о вовлечении городов Грузии в мировую торговлю. Открытия Г. Ф. Гобеджишвили в верховьях р. Риони показывают наличие весьма интенсивных торговых связей античного мира с населением высокогорных районов Кавказа. Среди импортных товаров видное место занимали серебряная утварь, геммы, бусы из египетской голубой пасты, скарабеи, каменные бусы малоазийских и сирийских мастерских, стеклянные бальзамарии зеленого и темно-зеленого цвета, аналогичные образцам из погребений Дура-Европос и т. д. Особую группу представляют бронзовые эпохои и патеры, аналогичные сосудам из Помпей и других областей империи. Возможно, они завозились из города Капуя, известного центра производства серебряной утвари [32].

Вовлечение городов и крупных поселений Грузии в мировую торговлю хорошо иллюстрируется на примерах монетного обращения. Проследив даже главнейшие пункты находок иноземных монет, нетрудно убедиться, что римские и парфянские монеты наводняют территорию Грузии. Приток в страну иноземных монет, имевших значение международного эталона на мировом рынке, создавал предпосылки для появления местных подражаний динарам Августа и драхмам Готарза. Весьма интересную картину монетного обращения и распространения иноземных монет в Грузии выявляют раскопки в Бичвинта и Сухуми, где наряду с многочисленными римскими и византийскими найдены монеты Херсонеса, Босфора, Понтийского царства, Пафлагонии и др. и, что весьма любопытно, в большом количестве встречаются так называемые трапезундские монеты, найденные даже в виде кладов (Бичвинта). В свете находок последних лет не только ярко устанавливаются экономические связи Питиунта, Диоскурпады и Трапезунда, но и выясняется широкое распространение трапезундских монет, считавшихся ранее чеканенными для внутреннего, городского потребления [33].

[30] Д. А. Хахутайшвили. Уплисцихе. I. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.); его же. Вопросы истории городов Иберии. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); Н. Г. Чубинашвили. Уплисцихе. Тбилиси, 1957.

[31] И. А. Гзелишвили. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964; его же. Древние железоплавильные мастерские на территории Восточной Грузии. «МАЦНЕ», 1964, 1 (на груз. яз.).

[32] О. Д. Лордкипанидзе. Италийские бронзовые изделия, найденные по территории древней Грузии. СА, 1964, 1.

[33] Г. Ф. Дундуа. Монетные находки Бичвинтской археологической экспедиции. Краткие отчеты полевых исследований. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).

Таким образом, широкое обращение древнейших грузинских монет, так называемых колхидок VI в. до н. э., золотых статеров Аки, Савлака, монет древней Дноскурии, а также золотых статеров Грузии, чеканенных по образцам статеров Александра Македонского и Лисимаха, парфянских, римских, византийских и других иноземных монет [34], наряду с усилением ввоза античных товаров, все больше и больше расширяло связи Грузии с античным миром и Ближним Востоком. Это придавало большое значение торгово-транзитным путям, проходящим через главные города Иберии и Колхиды и, естественно, сильно влияло на социально-экономическое развитие страны. Древние города Грузии становились крупными торгово-ремесленными центрами. Изучение добытых за последнее время археологических материалов дает основание предполагать наличие широко специализированных групп городских ремесленников (гончаров, мастеров строительного дела, ювелиров, резчиков по камню, кузнецов, литейщиков, стеклодувов (рис. 5), деревообделочников и др.), работавших главным образом в царских или рабовладельческих мастерских по изготовлению товарной продукции. Наличие торгово-ремесленной прослойки среди горожан можно наблюдать по крайней мере с VI в. до н. э.

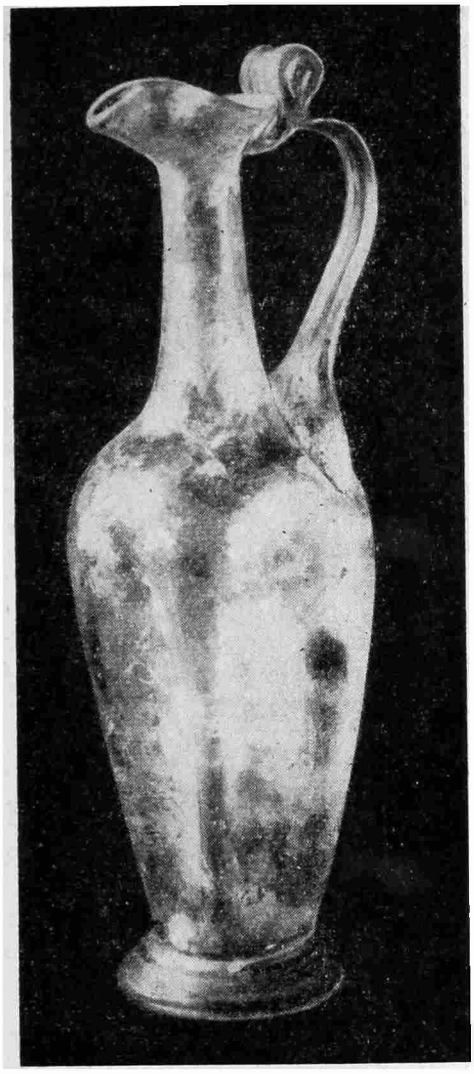


Рис. 5. Стеклянный сосуд из погребения II—III вв. Мцхета

Среди археологических находок особо выделяются эпиграфические памятники. В 1938 и 1940 гг. выявлена большая группа Мцхетских надписей I—III вв., среди которых: греческая надгробная надпись главного живописца и архитектора Мцхета, двуязычная (греческая и арамейско-армазская) надпись (знаменитая Армазская билингва), арамейская надпись питиахша Шарагаса, греческие надписи на блюде питиахша Берсумы и на украшениях Джаваха и Карпака (рис. 6), арамейские надписи на серебряных чашах Бори, Армазисхеви и Багинети и др.

Как известно, Мцхетские надписи, расшифровке, переводу и исторической интерпретации которых посвящены исследования Г. В. Церетели, А. Г. Шанидзе, С. Г. Каухчишвили и др., сохранили нам ценнейшие указания о политическом устройстве Иберийского царства первых веков нашей эры. Выяснилось, что цари иберов (Фарсман, Митридат, Ксефарнуг) носили титул «Великого царя иберов» (билингва и надпись Шарагаса).

Неоднократное повторение этой формы, как отмечал С. Н. Джанашиа,

---

[34] Д. Г. Капанадзе. Ауреусы Армазского некрополя. СА, 1957, 3; его же. Нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции. МАГК, I. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); его же. Монетные находки Мцхетской экспедиции. ВДИ, 1955, 1; его же. Грузинская нумизматика, М., 1955.

Рис. 6. Гемма с надписью: «Джавах жизнь моя — Карпак» (II в.)

свидетельствует о том, что тут мы имеем дело с канонизацией формы: царь иберов — царь великий. После царя, согласно надписям, высшими должностными лицами государства были питиахши и двороуправители. Питиахши являлись владыками («упали»); они владели рабами, слугами и подданными, как это показал в своих работах Г. В. Церетели.

Анализ мцхетских надписей показывает, что греческий и арамейский языки были языками межгосударственных связей. В пользу такого вывода говорят и находки арамейских надписей в Бори, Урбниси и Згудери, расшифровка которых удалась специалистам благодаря работам Г. В. Церетели [35].

Исследования поселений и городов Колхиды античной эпохи проводятся в двух направлениях: с одной стороны, интенсивно изучаются поселения и города приморской полосы (Сухуми, Эшера, Очамчире, Бичвинта-Пицунда, Поти, Пичвнари, Цихисдзири, Батуми Цихе), с другой — поселения и города внутренних районов Колхиды (Диблагоми, Вани, Кутаиси, Итхвиси, Сачхере и др.). В результате археологических исследований удается по-новому осветить вопросы о своеобразных процессах зарождения городской жизни и, следовательно, ее дальнейшего развития в приморской полосе, отличающегося от аналогичного процесса во внутренних областях Колхиды [36].

Накоплен весьма значительный археологический материал для изучения характера поселений городского типа и городов, этнического состава их населения, состояния городских ремесел, торговли, культурного развития, взаимоотношений с внешним миром и т. п.

Для представления масштабов археологических исследований городов и поселений Колхиды античной эпохи достаточно отметить, что полевые работы в разной степени были осуществлены в Диоскурии-Себастополисе (современный Сухуми), в окрестностях фазиса (Поти), в Очамчире, в Эшера, в Пицунде, в Пичвнари, Цихисдзири, Батумис Цихе, Гонио [37], а также во внутренних областях: в Даблагоми, Вани, Кутаиси, Шорапани, Итхвиси, Сачхере и др. [38] Значительные работы проведены по изучению

---

[35] Г. В. Церетели. Армазская билингва. ИИЯИМК, XIII, 1941 (на груз. яз.).

[36] Н. Ю. Ломоури. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); Т. К. Микеладзе. К генезису взаимоотношений между грузинскими племенами и греческим миром. ВООН, 2, Тбилиси, 1960 (на груз. яз.); А. Ю. Кахидзе. Материалы по истории древних городов Восточного Причерноморья. МАГК, IV, Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

[37] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды; М. П. Инадзе. К вопросу о характере развития городов Колхиды. САН ГССР, Тбилиси, 1959; ее же. К вопросу о самоуправлении приморских городов Колхиды в античную эпоху (Диоскурия). Тр. ИИ АН ГССР, VI, Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида; Н. Ю. Ломоури. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).

[38] Н. В. Хоштариа. Древнее поселение Дабла Гоми. Тбилиси, 1941; ее же. Памятники античной эпохи Западной Грузии. АГ; ее же. Археологические исследования в Вани и Ванском районе в 1952 г. МАГК, II; ее же. Археологические раскопки в Вани. КБВС, II, Тбилиси, 1962; О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида; Ю. М. Гагошидзе. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.); Д. Л. Коридзе. Древнейшие памятники материальной культуры из Сачхерского р-на. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.);

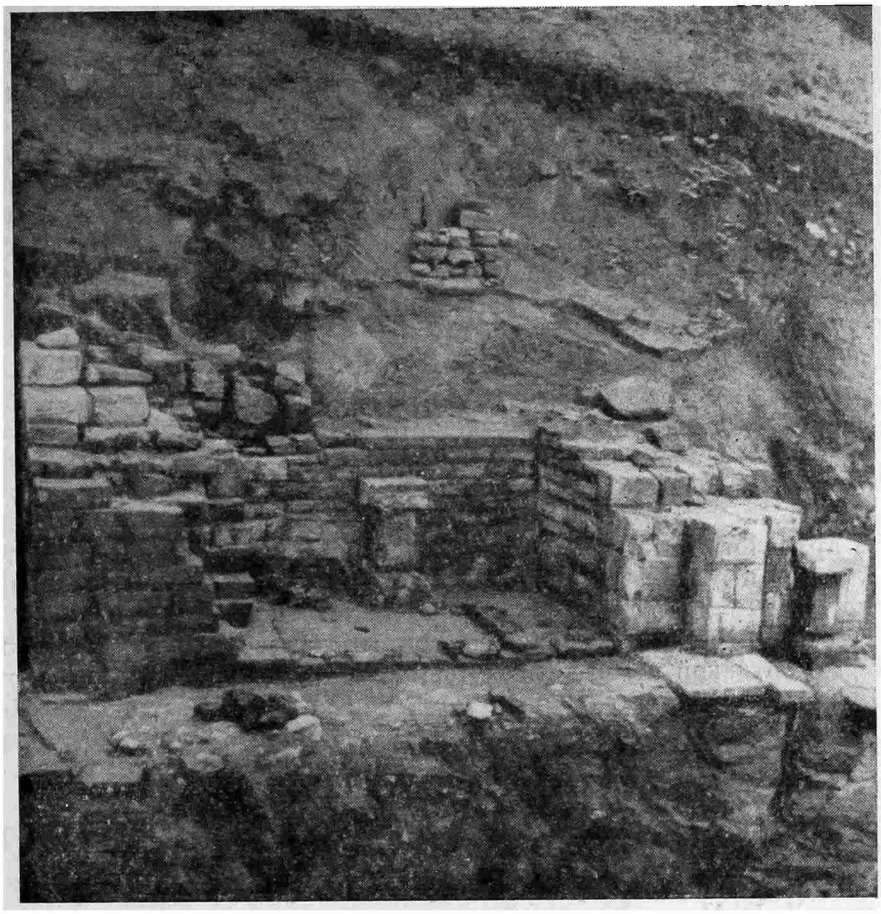


Рис. 7. Фрагмент сооружения у входа в акрополь (III в. до н. э.) Вани

поселений и производственных очагов античной эпохи в верховьях р. Рионн, в Сванети, в нижнем течении р. Ингури и в других пунктах.

Вопросы торгово-экономических и культурных взаимоотношений античного мира с Колхидой в VII—II вв. до н. э. стали предметом монографического исследования О. Д. Лордкипанидзе[39].

Особого внимания заслуживают результаты археологических раскопок античного города Вани, где обнаружены развалины Акрополя раннеантичного города, в частности выложенные из хорошо отесанных и часто рустованных квадров ограды, ворота (рис. 7), стены культовых сооружений, архитектурные фрагменты, хорошо сохранившийся отрезок вымощенной улицы, многочисленные разнохарактерные предметы и, что особенно важно, богатейшие погребения VI—V вв. до н. э., содержащие многочисленные шедевры златокузнечества так называемого ахеменидского стиля, финикийского стекла и античной торевтики (раскопки Н. В. Хоштария)[40]. По художественному облику, изяществу и полихромии, ванское золото можно сопоставить с наилучшими образцами античного златокузнечества и торевтики, хранящимися в крупнейших музеях мира.

Р. В. Путуридзе. Позднеантичные археологические памятники западной Грузии. МАГК, III, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Грузии. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.); его же. Памятники эпохи развитого железа в верховьях р. Рионн. АГ.

[39] О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида.

[40] Н. В. Хоштариа. Археологические раскопки в Вани. КБВС, II; ее же. Памятники античной эпохи Западной Грузии. АГ.

Наряду с образцами златокузнечества и торевтики, найденными в других местах Грузии, находки в Вани проливают яркий свет на процессы развития и совершенствования появившегося еще в эпоху культуры средней бронзы Триалети древнегрузинского полихромного ювелирного искусства. Оно дало, как показывают открытия советского времени, блестящие образцы в эпоху расцвета ахеменидского искусства, раннего эллинизма, в позднеантичное время и в период зарождения в Грузии раннефеодального ювелирного мастерства, достигшего вершины развития в школах знаменитых золотых дел мастеров Бека и Бешкена Опизари [41].

В 1961 г. в Музее Грузии открылась новая археологическая выставка, подводящая итоги развития археологии в Советской Грузии за 40 лет и отображающая жизнь, хозяйственную деятельность и культуру грузинского народа с древнейших времен до раннефеодальной эпохи [42].

Археологические исследования памятников грузинского средневековья (VI—XVIII вв.) 30 лет назад являлись отстающим разделом археологии Грузии. Единственным памятником раннефеодальной Грузии, ставшим объектом археологических раскопок в 1930—1931 гг., явился Накалакеви-Археополис (Шнейдер, Г. К. Гозалишвили, Л. В. Мусхелишвили) — центр позднеантичной и раннефеодальной Лазики. Планомерные раскопки феодальных городов, селищ и производственных центров начались с 1936 г., в связи с подготовкой к 750-летнему юбилею поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Связанные с празднованием этого юбилея раскопки были развернуты в трех направлениях: а) раскопки городов эпохи Шота Руставели, б) раскопки дворцовых сооружений и в) раскопки и изучение хозяйственных комплексов.

В первую очередь были начаты раскопки в Дманиси (И. А. Джавахишвили и Л. В. Мусхелишвили) — крупнейшем центре торговли и городских ремесел Грузии эпохи развитого феодализма [43] и Болниси (Г. Н. Чубинашвили, Л. В. Мусхелишвили), известном культурном центре Грузии в раннефеодальную пору и эпоху Руставели [44]. Одновременно начались раскопки царского дворца в Гегути недалеко от Кутаиси (Л. В. Мусхелишвили, В. Цилосани) [45].

К юбилею были закончены исследования Алазанского оросительного канала, сооруженного в эпоху царицы Тамары, и Схалтба-Шио-Мгвимского водопровода, построенного в 1202 г. первым министром царицы Тамары Антонием (раскопки Ш. В. Хидашели). Позже были начаты раскопки монастырского комплекса XIII в. в Гударехи (Л. М. Мусхелишвили, Х. В. Хидашели, В. В. Джапаридзе) [46].

Таким образом, первый этап археологического изучения памятников феодальной Грузии, связанный с юбилеем 750-летия поэмы «Витязь в тигровой шкуре», охватил значительное число первостепенных памятников и обогатил древлехранилища республики важнейшими материалами для показа быта и культуры Грузии XI—XIII вв. и монографического изучения ремесленного производства, в особенности поливной керамики фео-

---

[41] Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. Тбилиси, 1964; его же. Бека Опизари. Тбилиси, 1945; Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1961.

[42] А. М. Апакидзе. Археология. Наука в Советской Грузии за 40 лет. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).

[43] Л. В. Мусхелишвили. Дманиси. Сб.: «Материальная культура эпохи Руставели», Тбилиси, 1938 (на груз. яз.); его же. Раскопки в Дманиси. СА, VI. 1940.

[44] Л. В. Мусхелишвили. Болниси. ИИЯИМК, III, Тбилиси, 1938 (на груз. яз.); Г. Н. Чубинашвили. Болнисский сион. ИИЯИМК, IX, Тбилиси, 1940.

[45] В. Цилосани. Гегути. Сб.: «Материальная культура эпохи Руставели».

[46] Ш. В. Хидашели. Водопровод Схалтба-Шио-Мгвиме. Сб.: «Материальная культура эпохи Руставели»; Л. В. Мусхелишвили, Ш. В. Хидашели, В. В. Джапаридзе. Отчет Гударехских первой и второй (1938—1939 гг.) археологических кампаний. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

Рис. 8. Мозаика в нартексе храма IV в. Бичвинта-Пицунда

дальной эпохи [47]. Работы были организованы Музеем Руставели и его эпохи, Музеем Грузии и Институтом языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР (руководитель И. А. Джавахишвили).

В годы Отечественной войны раскопки памятников феодальной эпохи были приостановлены, велись только лишь небольшие разведки в Рустави (М. М. Иващенко, Г. А. Ломтатидзе), на территории строившегося Рустави металлургического завода и социалистического города грузинских металлургов. Следующий послевоенный этап был начат работами в старой части Тбилиси, где в 1948—1949 гг. раскапывались остатки керамических обжигательных печей XIII в. (О. М. Джапаридзе, Г. А. Ломтатидзе) и Рустави [48] (Г. А. Ломтатидзе, Л. А. Чилашвили).

В конце 40-х и начале 50-х годов раскапываются оборонительные и культовые сооружения в Вашнари (Г. Ф. Гобеджишвили), Уджарма, Лочини и раннефеодальный храм в с. Сиони — в районе будущего водохранилища (Г. А. Ломтатидзе, И. Н. Цицишвили, Р. М. Абрамишвили) [49].

[47] В. В. Джапаридзе. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. СА, XVII, 1953; его же. Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.); З. Маисурадзе. Грузинская художественная керамика, Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

[48] О. М. Джапаридзе. Отчет о раскопках 1948 г. в Ганджис Кари. МАГК, I, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Тбилиси зимой 1948 г. МАГК, I.

[49] Г. А. Ломтатидзе. Некоторые итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии. СА, XXVII, 1957; его же. Результаты и перспективы археологического изучения Тбилиси. СА, 1959, 4; его же. Памятники феодальной эпохи. АГ; Л. А. Чилашвили. Город Рустави. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).

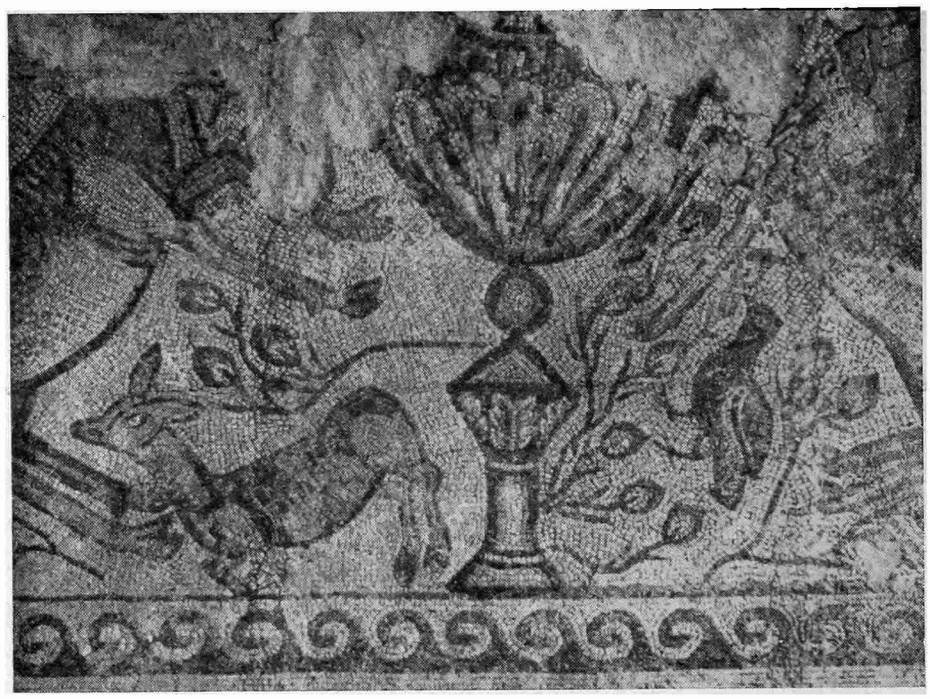


Рис. 9. Мозаика в алтарной части храма IV в. Бичвинта-Пицунда

Раскопками в Лочини и началось планомерное исследование селищ феодальной Грузии. В 1949—1954 гг. раскапываются Надарбазеви, Начивчавеби, Ткемлари, Бедени и другие селища Тетри-Цкаройского района (И. А. Гзелишвили) [50] и селища в Боржомском районе, где были выявлены остатки архаичных каменных сооружений (Л. Д. Рчеулишвили).

Значительно пополнили наши знания в области истории ремесел раскопки остатков стекольного производства в Натбеури, Орбети и Мцхета (Н. Н. Угрелидзе) — известных производственных центров феодальной Грузии [51].

С 1952 г. ведутся систематические раскопки позднеантичного и раннефеодального городища Бичвинта-Пицунды (А. М. Апакидзе, и И. Н. Цицишвили, Р. В. Путуридзе, Р. М. Рамишвили, О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе и др.), где открыты грандиозные фортификационные сооружения позднеримской эпохи, развалины храмов со знаменитой мозаикой (рис. 8 и 9), позднеантичная баня, жилые и хозяйственные сооружения, керамическая обжигательная печь, хорошо сохранившийся городской канализационный коллектор, центральная улица внутренней укрепленной части города и другое [52].

С 1954 г. Государственный музей Грузии раскапывает крупный центр раннефеодального времени — городище Урбниси (Г. А. Ломтатидзе, П. Ф. Закарая и др.) [53] и позднефеодальный городской центр Кахе-

---

[50] И. А. Гзелишвили. Селища Тетри-Цкаройского р-на. САН ГССР, XV, 5; его же. Археологические раскопки в Начивчавеби. САН ГССР, XVII, 1; его же. Итоги раскопок селища Начивчавеби. САН ГССР, XVII, 7; его же. Грузинское село эпохи Руставели. Сб.: «Грузия в эпоху Руставели». Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

[51] Н. Н. Угрелидзе. Натбеурская стеклоделательная мастерская. МАГК, III, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).

[52] Л. А. Мацулевич. Открытие Пицундской мозаики. ВДИ, 1956, 4.

[53] П. Ф. Закарая. Архитектура Урбниси; Л. А. Чилашвили. Городище Урбниси; Г. А. Ломтатидзе. Начало археологического изучения древнего города Урбниси. «МАЦНЕ», 1964, 2.

гии — Греми (П. Ф. Закарая). Возобновились раскопки Дманиси (В. В. Джапаридзе).

Значительно расширились археологические раскопки в Тбилиси за последние годы, в частности изучались кварталы городского поселения в районе Анчис-хати и Сиони (И. А. Гзелишвили) [54]. Естественно, что новым этапом изучения памятников феодального Тбилиси считается 1966 г., когда в связи с юбилеем 800-летия Шота Руставели начались раскопки развалин цитадели города — Нари-Кала, где в первом же сезоне раскопок выявлены монументальные сооружения храма и дворца акрополя.

Несмотря на то, что грузинская историография располагает многочисленными письменными историческими источниками для исследования истории страны в феодальную эпоху, данные археологии оказывают историкам огромную услугу при воссоздании правдивых картин истории городов, селищ, производственных центров, где трудился народ, создавший великолепные образцы культуры, искусства и письменности, народ, подготовивший эпоху Руставели, давший мировой культуре гениального певца.

Весьма значительных успехов добились в советское время вспомогательные исторические дисциплины, непосредственно связанные с развитием грузинской советской археологии — нумизматика и глиптика.

Значительных успехов достигли исследователи грузинской нумизматики. Нумизматические памятники Грузии обратили на себя внимание любителей древностей еще во второй половине XVIII в., когда, по сообщению историка Теймураза Багратиони, во дворце царя Ираклия II стали собирать древние монеты. Позже возрос интерес к древнегрузинским монетам среди ученых грузиноведов, и вскоре начали появляться первые исследования по грузинской нумизматике.

Особо нужно отметить заслуги М. П. Бараташвили, издавшего в 1844 г. основополагающую работу «Нумизматические факты Грузинского царства», в которой впервые дана успешная попытка описания, классификации и датировки известных тогда грузинских монет и заложены прочные основы созданию научной терминологии по грузинской нумизматике на грузинском языке. С этого времени грузинская нумизматика как вспомогательная историческая дисциплина получила широкое признание.

Значительную исследовательскую работу развернул в области нумизматики Грузии Е. А. Пахомов, издавший в 1910 г. первый том труда «Монеты Грузии» — капитального и по сей день настольного для специалистов по грузинской нумизматике.

Несмотря на определенные достижения в изучении грузинской нумизматики, эта важнейшая отрасль исторической науки до установления в Грузии Советской власти оставалась вне внимания соответствующих государственных органов, и даже в таком крупном хранилище древностей, каким был по тем временам Кавказский музей, не было специалистов-нумизматов.

После установления Советской власти в Грузии положение существенно изменилось. В 1924 г. при Тбилисском государственном университете был основан кабинет нумизматики, возглавляемый Т. Н. Ломоури. Год спустя грузинская советская историография обогатилась основополагающей капитальной работой И. А. Джавахишвили по грузинской нумизматике и метрологии [55].

Вскоре нумизматический кабинет ТГУ слился с Музеем Грузии и с этого времени начался неуклонный рост нумизматических коллекций музея, насчитывающих в настоящее время около 90 000 единиц. Под руководством Т. Н. Ломоури и Д. Г. Капанадзе были подготовлены молодые

---

[54] И. А. Гзелишвили, О. Ткешелашвили. Памятники материальной культуры г. Тбилиси. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).

[55] И. А. Джавахишвили. Грузинская нумизматика — метрология. Тбилиси, 1925 (на груз. яз.).

специалисты, успешно продолжающие исследования в области грузинской нумизматики. За годы Советской власти в музей Грузии поступило множество редчайших монет. Коллекции пополняются кладами и монетами, добываемыми многочисленными археологическими экспедициями, работающими на территории Грузии. Нумизматические фонды Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа сейчас занимают почетное место среди коллекций крупнейших музеев мира.

При отделе нумизматики Музея Грузии создан особый фонд «Кладов и отдельных монет, найденных на территории республики», наглядно иллюстрирующий монетное обращение в Грузии и торгово-экономические связи с различными странами (Греция, Рим, Парфия, Сасанидский Иран, Аравия, Византия, страны Переднего Востока и Европы, Турция, Сефевидский Иран и Россия) с VI в. до н. э. по XIX в.

Являясь неисчерпаемым источником для исследования, нумизматические коллекции музея Грузии дали возможность специалистам ввести в научный обиход крайне ценный фактический материал: опубликованы не известные до того монетные типы и группы монет, дано новое освещение ряду нумизматических фактов, уточнена их датировка, установлено истинное происхождение монет, чеканенных в Грузии по иноземным образцам, и т. п.

В республиканских, союзных и зарубежных печатных органах грузинскими нумизматами (Т. Н. Ломоури, С. И. Макалатиа, Д. Г. Капанадзе, Т. Я. Абрамишвили, И. Джалаганиа, Г. Ф. Дундуа, Р. Кебуладзе) за это время опубликовано свыше 100 научных трудов, в том числе несколько монографий [56].

Чтобы дать хотя бы общее представление о достижениях в этой отрасли науки, достаточно отметить, что именно за советский период в общую классификацию включено несколько интереснейших монет, не имевших до этого определенного места или продолжавших оставаться спорными, например Колхидская тетрадрахма VI в. до н. э., статер III в. до н. э. базилевса Аки, так называемые сомхитские монеты XIII—XIV вв. и т. д. Положительно решен вопрос о чеканке грузинских золотых монет (так называемые колхидские и иберийские статеры, местные ауреусы III—IV вв.— Д. Г. Капанадзе, Г. Ф. Гобеджишвили).

Ценным вкладом для генеалогии тбилисских эмиров является публикация монет Али ибн Джафара конца X и начала XI в. (Д. Г. Капанадзе); именуемые на протяжении долгого времени «грузинскими подражаниями трапезундских аспров» монеты в результате вдумчивого и серьезного анализа получили объяснение причин их возникновения и правильное название — кирманеули (Т. Я. Абрамишвили).

Изучение монетных кладов открывает не известные до этого монетные типы и целые их группы, чеканившиеся в XIV—XVI вв. Выявляется чекан отдельных феодалов (Вамика Дадиани, Кваркваре атабега), о которых до того ничего не было известно.

Подробно изучены монетные типы XV в. и выявлены торговые взаимоотношения Грузии с соседними странами (Г. Ф. Дундуа). Изучены и опубликованы монеты XIII в., чеканенные в Грузии по монгольским образцам (И. Л. Джалаганиа). По существу впервые поставлен вопрос о широком обращении в Грузии европейских монет XV—XVIII вв. (Р. В. Кебуладзе).

Таким образом, даже далеко не полный перечень достижений грузинской нумизматики за время Советской власти показывает характерную линию развития этой области исторической науки, которая обогатила со-

---

[56] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. Тбилиси, 1950 (на груз. яз. Там же литература вопроса); Т. Я. Абрамишвили. Западногрузинские монеты XIII—XIV вв. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.); она же. Византийские монеты Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); И. Л. Джалагания. Из истории монетного дела в Грузии XIII в. Тбилиси, 1958.

ветскую историческую науку весьма ценными фактами по истории Грузии и сопредельных с ней стран.

К концу 30-х годов накопился многочисленный материал по глиптике и были предприняты первые шаги по их научному изучению. С этой целью из Ленинграда была приглашена М. И. Максимова, крупный знаток античного искусства и истории культуры древнего мира. Еще в 1939 г. М. И. Максимовой было выяснено большое значение найденных памятников глиптики для истории древней Грузии от IV в. до н. э. и до эпохи Сасанидов включительно. Были выделены две большие группы гемм: античные (большая часть) и восточные (меньшая часть). Помимо этого, исследования группы пронизей из синего стекла, происходящих из Триалети и Мцхета, показали несомненную связь Грузии ахеменидской и раннеэллинистической эпох с центрами греко-персидской культуры Малой Азии. Результаты изучения памятников глиптики, найденных в Грузии, были обобщены М. И. Максимовой [57].

Кроме того, М. И. Максимова подготовила для Грузии специалистов по глиптике, которые успешно продолжают работу и в настоящее время (С. В. Барнавели [58], М. Н. Лордкипанидзе [59]).

Изложение даже основных достижений грузинской археологии за Советское время в настоящем кратком сообщении не представляется возможным. При показе главнейших результатов новых археологических исследований мы ограничились характерными примерами изучения некоторых проблем, имеющих, по нашему мнению, наибольшее значение для изучения жизни племен и народностей, живших на территории Грузии с древнейших времен и внесших свою лепту в сокровищницу мировой культуры. В этом заключаются особенности и историческое значение археологии, новый этап ее развития, который привел к созданию качественно новой грузинской советской исторической археологии. В этом мы усматриваем главный результат развития археологической науки в Грузии в советскую эпоху.

---

[57] М. И. Максимова. Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии. ИИЯИМК, X; ее же. Геммы из Некрополя Мцхета-Самтавро. ВГМГ, XVI-B.

[58] С. В. Барнавели. Печати и другие материалы по глиптике Грузии. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

[59] М. Н. Лордкипанидзе. Геммы Государственного музея Грузии. I, Тбилиси, 1954; II, Тбилиси, 1958; III, Тбилиси, 1961 (на груз. языке).

Б. Н. АРАКЕЛЯН, А. А. МАРТИРОСЯН

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АРМЕНИИ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Изучение археологических памятников Армянского нагорья, начатое еще в первой половине XIX в., особенно усилилось после V Всероссийского археологического съезда, созванного в 1881 г. в Тифлисе. Тогда и развернулись раскопки ряда интереснейших археологических памятников, относящихся к различным периодам первобытнообщинного строя, Ванского государства и средневекового царства Багратидов.

Начальный период развития археологии Армении, длившийся почти сто лет, несмотря на усилия представителей местной интеллигенции, русских и зарубежных ученых из различных обществ и научных организаций, оставался временем накопления археологического материала. Для него были характерными невысокий научно-технический уровень раскопочных работ и примитивная обработка археологических источников.

Обобщение археологических материалов затруднялось тогда как неравномерной изученностью отдельных районов страны, отсутствием систематических археологических работ, так и отсутствием местных общественных и научных организаций, квалифицированных кадров и государственного материального обеспечения.

Положение в корне изменилось после Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в Армении. Постановлениями Совета Народных Комиссаров Армянской ССР были созданы общественные и государственные научно-исследовательские учреждения — Исторический музей Армении (1921 г.), Государственный университет (1920 г.), Комитет по охране археологических памятников Армении (1923 г.), которые начали планомерную научную работу по изучению древней культуры [1].

За годы Советской власти было раскопано огромное количество могильников, поселений и стоянок, относящихся к начальным разделам истории культуры Армении: к каменному веку, эпохе бронзы и раннего железа и древневосточному Урартскому царству.

1. Изучение памятников первобытнообщинного строя

Разработка проблем истории первобытнообщинного строя связана целиком и полностью с обследованием древнейших археологических памятников, проводимых особенно интенсивно за годы после установления Советской власти в Армении.

Обследование Жаком Морганом первоклассных стоянок и мастерских палеолита, обнаруженных на склонах горы Арагац, открыло наиболее древние страницы истории первобытнообщинного строя Армении. Совместные усилия экспедиций Института истории и археологии АН

[1] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 514.

АрмССР, Эрмитажа и Института археологии АН СССР выявили яркие памятники нижнего и верхнего палеолита на склонах горы Артин (Сатани-Дар) [2], на левобережной террасе р. Раздан (Арзни) [3], у Севанского бассейна (Джрабер [4]) и в Ноемберянском районе. Остатки поселений нижнего и верхнего палеолита зарубежные археологи нашли также в западной части Армянского нагорья [5]. Эти открытия позволили Е. А. Байбуртяну, С. Н. Замятнину, М. З. Паничкиной, С. А. Сардаряну, В. П. Любину и С. П. Баляну установить факт непрерывного заселения Армянского нагорья и эволюционного развития культуры палеолита, проследить пути зарождения и становления «первобытной орды» и материнского рода; исследовать хозяйственные основы общества и конкретные вопросы, связанные с климатическими условиями, флорой и фауной того времени. Сделаны первые попытки установления значения и места палеолита Армении в ряду древнейших культур Восточного Средиземноморья, Передней Азии, Кавказа и южнорусских степей. Конечно, многие из перечисленных проблем далеки еще от окончательного решения. Дело в том, что темпы интенсивно производившихся в 30—40-х годах нашего столетия палеолитических изысканий на территории Советской Армении ныне значительно замедлены, а открытие новых памятников в западных районах Армянского нагорья носит в основном случайный характер. Палеолитические орудия, обнаруженные в районах Карса, Буланыха, Харберта, Малатии, у подножьев Сасунских гор, Армянского тавра, в бассейне р. Арацани и во многих других пунктах, не подвергшиеся еще специальному исследованию, используются для обоснования положения о существовании «прародины особого турецкого палеолита».

Так же обстоит дело с изучением многочисленных неолитических памятников Армении, которые выявлены в окрестностях палеолитических стоянок, у подножья горы Артин и прилегающих районах Араратской равнины. Они остаются почти целиком неопубликованными [6]. Между тем неолитическая культура представляет собою, как известно, чрезвычайно важный этап перехода первобытнообщинного строя от собирательства и охоты к оседлой жизни, земледелию и скотоводству.

В последние годы особенно интенсивно продвигаются работы по выявлению памятников позднеолитического и энеолитического возраста (VI—IV тысячелетия до н. э.) на территории Армянского нагорья и Закавказья. Наряду с известным поселением этого периода на холме Шамиральти у Вана, обследовавшимися неоднократно с 1898 г. [7], появилась серия новых памятников в области Харберд-Малатии [8], на Араратской равнине (Техут, Цахкунк, нижние слои Кюль-Тепе и пр.), на территории современного западного Азербайджана (Кюль-Тепе на Араксе у Нахичевана), несколько поселений на реке Актев, в Мильско-Карабахской степи [9] Южной Грузии [10] и даже в Дагестане.

---

[2] С. Н. Замятнин. Находки нижнего палеолита в Армении. ИАН АрмССР (общ. науки). 1947, 1; М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950; С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. Ереван, 1954.

[3] Е. А. Байбуртян. Новые находки каменного века в Армении. СА, III, 1937.

[4] В. П. Любин, С. П. Балян. Новые находки культуры палеолита на вулканическом нагорье Армянской ССР. ДАН АрмССР, 33, 11, 1961.

[5] В. Любин. Палеолит Турции и проблема раннего расслоения человечества. СА, XXVII, 1957.

[6] О. Потапов. Передісторичій Кавказ. «Східні світ», 2, 1928, стр. 222; Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 27, 28.

[7] A. Jenny. Schamiramalti. Prehistorische Zeitschrift., XIX, 3/4, Berlin, 1928; E. B. Reilly. Tilxitepodeki ilk Kazilar. 1937, TTA, dergis., IV, 1940, стр. 145—178.

[8] C. A. Burney. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze age. AS, XIV, 1964, стр. 172—204.

[9] А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. КСИА АН СССР, 1963, 93; О. А. Абибуллаев. Некоторые итоги изучения холма Кюльтепе в Азербайджане. СА, 1963, 3; И. Нариманов, Г. С. Исмайлов. Акстафачайское поселение близ г. Казаха. СА, 1962, 4, стр. 148—156.

[10] Выявление памятников V—IV тысячелетий до н. э. в Грузинской ССР только

Над изучением древнейших земледельческих поселений упорно трудились или трудятся ныне экспедиции и отряды братских республик Закавказья: Института археологии АН СССР (А. А. Иессен), институтов истории АН Грузинской ССР (О. М. Джапаридзе и А. А. Джавахишвили), АН Азербайджанской ССР (О. А. Абибуллаев, И. Нариманов) и АН Армянской ССР (Г. М. Торосян).

Исследуемые памятники характеризуют локальные очаги единой культуры оседло-земледельческих и скотоводческих хуррито-язычных племен, занимавших все Армянское нагорье, некоторые районы Грузии и Азербайджана от Евфрата до Куры, от Армянского Тавра до вершин Малого Кавказа. Круглые постройки из сырцового кирпича, начальные сорта культурных злаков и породы домашних животных, возникновение металлургического и гончарного производства с продукцией, родственной с такими же ремеслами северомесопотамских Хассуны и Халафа, являются типичными признаками энеолитической культуры Армении. Углубленное изучение позднеолитических и энеолитических памятников Армянского нагорья, несомненно, откроет перед нами картину великого революционного процесса становления производящего хозяйства в недрах первобытнообщинного строя.

В результате исследований ряда археологов (А. Калантар, А. П. Демихин, С. А. Сардарян, С. А. Сафян, Г. А. Караханян, С. Б. Петросян) в районе Сисиана, Ухтасара, в Гехамских горах была выявлена серия первоклассных наскальных изображений, относящихся к разным стадиям неолита, эпохи бронзы и последующих этапов истории Армении. Это настоящие «картинные галереи» или «открытые, вечно живые книги» о быте, материальном производстве, искусстве и мировоззрения древних оседло-земледельческих и скотоводческих племен, развивавших здесь на протяжении тысячелетий свою самобытную и богатую культуру. На страницах этих «базальтовых книг» можно увидеть интереснейшие сцены первобытной охоты, производившейся пешими и конными охотниками, картины пасущихся стад домашних животных в сопровождении пастухов и собак, множество изображений диких, а также мифических животных, сцены заклинания, магических, ритуальных танцев и пр. (рис. 1). Особое место в наскальных рисунках Армении занимают композиции геометрических и животных фигур, связанных с космическими представлениями древних людей, с почитанием Луны, Солнца и других небесных тел. Эти изображения поддаются научной дешифровке с помощью богатого армянского и древневосточного мифологического, фольклорного и этнографического материала. Образцовое издание, дешифровка и интерпретация этих памятников является делом чести не только советских армянских археологов, но и специалистов разных отраслей науки. Для решения этой задачи Президиум Академии наук Армянской ССР создал комплексные экспедиции по изучению наскальных изображений Армении.

На основе сравнительно развитого хозяйства и культуры энеолита в конце IV тысячелетия до н. э. в Армении формируется своеобразная и блестящая во многих отношениях раннебронзовая культура III тысячелетия до н. э., представленная ныне сотнями археологических памятников. В Советской Армении Е. А. Лалаян, Е. А. Байбуртян, А. О. Мнацаканян, А. А. Мартиросян, С. А. Сардарян, Э. В. Ханзадян, Т. С. Хачатрян и др. открыли и частично исследовали более 80 поселений этого времени (Шенгавит, Кюль-Тапа, Шреш-Блур, Элар, Гарни, Джраовит, Аревик, Артик, Арагац, Кахси, Гукасян и др.).

началось. См. тезисы докладов О. М. Джапаридзе, Л. А. Джавахишвили, Т. Н. Чубинишвили на Всесоюзной сессии археологов в 1966 г. То же самое можно сказать об Армении. См. А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян. К характеристике энеолитической культуры Армении. «Лрабер», 3, 1967 (на арм. яз.).

Многочисленные древние поселения однотипной культуры III тысячелетия до н. э. распространены также в пределах Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа [11]. Исследования в ряде пунктов Армянского нагорья, Кавказа и Сиро-Палестины, Иранского Азербайджана выявили широкий ареал так называемой «куро-аракской» энеолитической культуры, а также ряд особенностей ее, характерных для древнебронзовой поры. Значительное увеличение количества однотипных памятников этой куль-

Рис. 1. Наскальное изображение неолит-энеолитического возраста

туры позволило предположительно установить существование крупного очага древнебронзовой культуры в естественных пределах Армянского нагорья от оз. Ван и Малатии до оз. Капутан и р. Куры, а также локальные очаги в пределах Восточной Грузии и Западного Азербайджана. Установлено влияние этой культуры на Северном Кавказе (Лутовое, Серженьюрт и др.), в Сиро-Палестине [12] (памятники типа Кирбет-Керака), Киликии и в Иранском Азербайджане. При этом наиболее яркие памятники культуры III тысячелетия до н. э. обнаружены на территории Армянского нагорья, что дает некоторые основания считать эту область центром самобытной культуры Закавказья в эпоху древней бронзы [13].

Особенно результативными оказались раскопки известного Шенгавитского поселения (Е. А. Байбуртян в 1936—1938 гг., С. А. Сардарян в 1958—1967 гг.). В четырех строительных горизонтах этого многоярусного поселения были открыты значительные остатки круглых и четырехугольных жилых и хозяйственных построек с богатыми комплексами вещей, следами металлообрабатывающего, гончарного и других ремесел, памят-

---

[11] Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подножья Арарата и куро-аракский энеолит Тбилиси, 1946; Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949; О. М. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА, 100, 1961.

[12] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

[13] Е. А. Байбуртян. Культовый очаг из раскопок Шенгавита. ВДИ, 1937, 2; Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья в III тысячелетии. Ереван, 1967.

никами искусства, ювелирного дела, амбарами и остатками крупного рогатого скота и мелких домашних животных. Изделия рук древних гончаров, культовые очаги и очажные подставки, статуэтки людей и животных, чернолощеные большие и малые сосуды, украшенные изумительным геометрическим и растительным орнаментом и рисунками животных культового содержания, являются настоящими шедеврами культуры. Они демонстрируют передовые технические достижения своего времени. На Шенгавите открыты отдельные части поселения: великолепная циклопическая ограда с контрфорсами и башнями, подземный ход к реке, погребения с золотыми вещами. Здесь получен антропологический материал, имеющий важное значение для решения вопросов этногенеза армян.

В последнее время обнаружены два первоклассных памятника культуры III тысячелетия до н. э. — многослойное поселение Джраовит возле Арташата (Э. В. Ханзадян) и циклопическая крепость возле Артика (Т. С. Хачатрян). В циклопической крепости Артика было открыто, по всей вероятности, помещение древнего храма или святилища с многочисленными замечательными предметами искусства и культа. Среди этих вещей особо выделяются довольно крупные скульптурные головы животных, фигуры людей, предметы мелкой пластики, многочисленные повозки, запряженные волами и пр.

Характерными признаками этой культуры являются: чернолощеная посуда с рельефно-выемчатой и тонкой резной орнаментацией; распространение множества типов орудий производства и предметов вооружения переднеазиатских вариантов, изготовленных из мышьяковистой бронзы; увеличение стада мелкого рогатого скота, посевы при наличии примитивной ирригации; интенсивные культурные межплеменные связи и обмен с районами Кавказа, с центрами шумеро-аккадской и восточносредиземноморской культурами [14]. Постепенное выделение родоплеменной аристократии из общей массы общинников, переход к патриархальной родовой общине, полный расцвет родоплеменной организации являются характерными особенностями общественного развития местного населения в III тысячелетии до н. э.

Проблеме культуры III тысячелетия до н. э. посвящено множество исследований советских и зарубежных археологов, однако до сих пор остаются малоосвещенными и не до конца доказанными некоторые из важных положений: существовал один центр или было несколько центров возникновения этой культуры; нет общепризнанной хронологии отдельных ее периодов; неясно соотношение основных и периферийных очагов этой культуры; спорны отличительные признаки локальных групп и т. п. Остро ощущается необходимость обобщающей работы по культуре Армении и Кавказа III тысячелетия до н. э.

За годы Советской власти были выявлены десятки памятников II тысячелетия до н. э. в районах Эчмиадзина, Еревана, Октемберяна, Котайка, Севана, Аштарака, Гарни, Апарана, Кировакана, Алаверди [15]. В советской археологии широко известны богатый кировоканский курган племенного вождя середины II тысячелетия до н. э. (доследовал Б. Б. Пиотровский) и многочисленные оригинальные курганные погребения Лчашена (А. О. Мнацаканян, 1956—1967 гг.) В курганах найдены материалы второй половины II тысячелетия до н. э.

Несмотря на имеющиеся крупные недочеты в изучении культуры II тысячелетия до н. э., памятники среднебронзовой и позднебронзовой эпохи Армении обрисовывают разнообразную внутреннюю жизнь обще-

---

[14] А. А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 24—47.

[15] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 45 сл.; А. А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 47—48; К. Х. Кушнарева. Тазакендский могильник в Армении. СА, 1960, 1, стр. 137 сл.

ства, достигшего вершины развития первобытнообщинного строя, возникновения крупных союзов племен, расцвета ремесла, земледелия и скотоводства. С самого начала II тысячелетия до н. э. появляются и довольно четкие признаки упадка родоплеменных отношений: имущественное расслоение внутри племени, обособление племенной верхушки, хозяйственно-политическое неравенство между племенами, возникновение зачатков частной собственности. Отдельные периферийные области Армянского нагорья с самого начала II тысячелетия до н. э. включаются в состав разных государственных образований Древнего Востока [15], возникают хайасский союз племен и раннее хайасское царство на территории Западной Армении [17]. Восточные области страны, несколько отставшие в социально-экономическом развитии, в последней трети II тысячелетия до н. э. уже приближаются к созданию своей государственности.

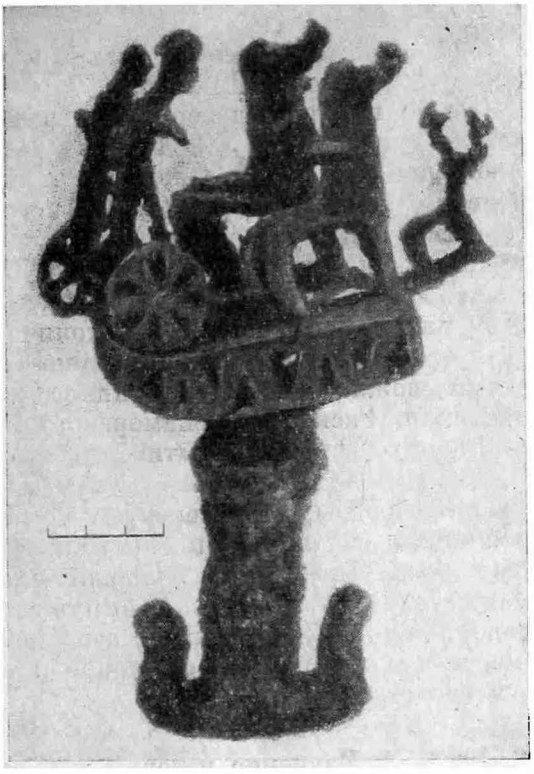


Рис. 2. Модель колесницы из Лчашенского погребения (XIV—XIII вв. до н. э.)

Вторая половина II тысячелетия представлена сотнями памятников позднебронзовой поры и периода раннего железа. Ныне особенно выделяются богатейшие на Кавказе и в Передней Азии лчашенские погребения этого периода [18]. Интересный материал обнаружен также в могильнике Артика [19].

Уникальные сосуды, части погребальных лож, четырехколесные, двухколесные, открытые, крытые и детские повозки, боевые колесницы, бронзовые модели боевых колесниц с воинами на кузове (рис. 2), многочисленные первоклассные статуэтки из бронзы, набор всевозможных предметов вооружения и доспехов, разнообразных орудий труда, шедевры ювелирного, гончарного, ткацкого производств последней трети II тысячелетия до н. э. дают весьма четкое представление не только о богатой и самобытной культуре Армении и ее многогранных взаимоотношениях с культурами переднеазиатских народов, но и позволяют определить уровень социально-экономического развития общества того времени.

Не менее интересными оказались в этом отношении и раскопки памятников эпохи поздней бронзы. Под развалинами урартского города Тейшебаини В. С. Сорокин и А. А. Мартиросян (1948—1960 гг.) исследовали многослойное поселение конца II тысячелетия до н. э. с жилыми комплексами большесемейных общин, со священными уголками культа и земле-

---

[16] А. Хачатрян. История Армении клинописного периода. Ереван, 1936 (на арм. яз.).

[17] Г. А. Капанцян. Хайаса — колыбель армян. Ереван, 1947.

[18] А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан. СА, 1957, 2, стр. 148 сл.; его же. О двухцветной керамике Лчашена. ИАН Арм.ССР, 5, стр. 107 сл. (на арм. яз.).

[19] Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963.

дельческо-скотоводческой богини-матери, с остатками бронзолитейной мастерской и могильником [20].

Более широко развернулись работы археолого-геологической комплексной экспедиции (1964—1966) АН Армянской ССР (М. Мкртчян) на многослойном мецаморском поселении, просуществовавшем с III тысячелетия до н. э. до раннеурартского периода. Открытые здесь крупные обогатительные устройства, многочисленные плавильные печи и домницы, «мастерская литейщика», большое святилище с алтарем, сложные наскальные изображения, погребальные памятники, наземные и скальные жилые помещения, циклопическая ограда крепости, относящиеся в основном ко второй половине II тысячелетия до н. э., являются частями сложного комплекса жилого, производственного и культового назначения. Раскопки мецаморского поселения продолжаются и обещают много интересных открытий.

Разнообразные данные, добытые обследованием памятников эпохи поздней бронзы, характеризуют последний этап разложения первобытно-общинных отношений и сложение современных этнических групп всего Закавказья (дробление большой патриархальной семьи, появление домашнего рабства, глубокая имущественная дифференциация с отрывом родоплеменной верхушки от основной массы общинников, глубокие изменения в хозяйстве, приведшие к отделению пашенного земледелия от скотоводства) [21].

2. Изучение истории и культуры государства Урарту

Блестящая культура урартов и современных им племен первой трети I тысячелетия до н. э. представлена огромным количеством древних городов, поселений, крепостей, могильников. Особенно плодотворные работы были произведены советскими археологами и историками по изучению памятников, находящихся на территории Советской Армении. Западные районы Армянского нагорья, входящие ныне в пределы Турции, после работ Леманна-Гаупта (1898—1899), Н. Я. Марра и И. О. Орбели (1911—1917, 1916) почти не были исследованы, если не считать разведочных работ 1956 г., произведенных зарубежными археологами с целью выявления урартских объектов в районе Вана и раскопки в Ерзинке, начатые еще в 1938 г.

За последние 30 лет была проделана колоссальная работа и в области собирания и изучения урартских клинописных текстов, и в области археологического обследования величественных урартских городов, которые дали огромное количество материалов по земледелию, скотоводству, ремеслам, по быту, культуре, искусству, религии и общественному строю первой крупной государственной организации на юге СССР. Были обнаружены и исследованы новые клинообразные надписи нескольких урартских царей в Нор-Баязете, Джанфиде, Гарни, около 25 базальтовых блоков с клинописными текстами в городах Тейшебаини, Эребуни, Аргиштихинили, несколько сот мелких надписей на бронзовых предметах [22] и свыше десятка глиняных табличек — остатков архива города Тейшебаини [23].

---

[20] А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини. Ереван, 1961.

[21] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 75 сл.; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 81—160.

[22] Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. М.,— Тбилиси, 1953; Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинообразная таблетка из раскопок Кармир-блура. ВДИ, 1957, 3; его же. Новая клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура. Festschrift Johannes Fridrich, Heidelberg, 1959; его же. Новая клинообразная надпись из Кармир-блура. «Историко-филол. журн.» АН АрмССР, 1962, 3; его же. Новая урартская надпись из Давти-Блура. ВДИ, 1966, 3; его же. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван, 1966.

[23] И. М. Дьяконов. Урартские документы и письма. Л., 1964.

Над изучением урартского эпиграфического материала за годы Советской власти весьма плодотворно работали историки и филологи Г. А. Капанцян, Б. Б. Пиотровский, Г. А. Меликишвили, Н. В. Арутюнян, М. А. Исраелян и др.

Интенсивные работы привели к открытию ныне известных всему миру первоклассных памятников культуры Урарту — городов Тейшебаини [24], Эребуни [25], Аргиштихинили [26] и ряда более мелких крепостей — Цовинар, Арагац и др. (рис. 3). На территории города Тейшебаини (Кармир-Блур),

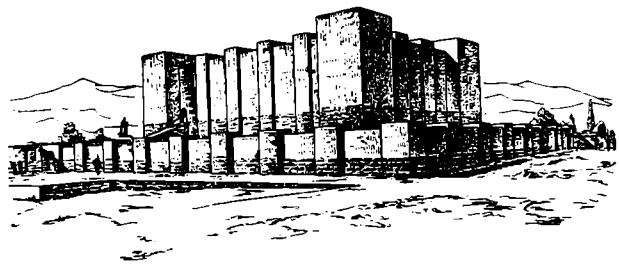


Рис. 3. Реконструкция урартской крепости Арагаца (по К. Л. Оганесяну)

исследуемого в течение 25 лет экспедицией институтов археологии АН Армянской ССР, АН СССР и Государственного Эрмитажа (руководитель Б. Б. Пиотровский), открыты кроме здания цитадели с более чем 150 помещениями светского, культового и хозяйственного назначения также и жилые кварталы. Раскопки города Тейшебаини дали нам особенно ценный материал по градостроительству [27], архитектуре (рис. 4) [28], со-

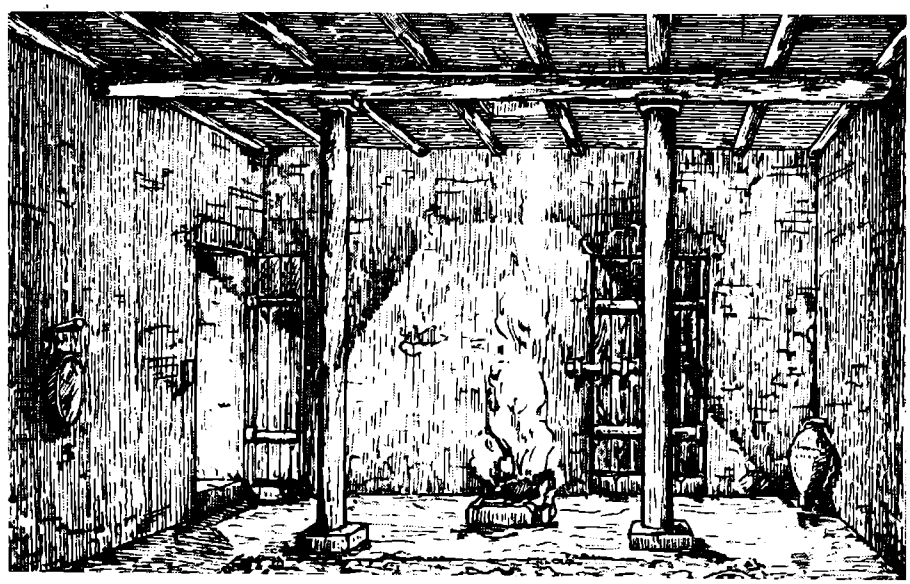


Рис. 4. Интерьер жилого помещения, город Тейшебаини

циальному строю, хозяйству и быту Урарту, по религии, искусству, политической истории Ванского царства, по его многогранным и сложным

[24] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, I, Ереван, 1950; его же. Кармир-Блур, II, 1952; его же. Кармир-Блур, I, Ереван, 1955.
[25] К. Л. Оганесян. Архитектура Эребуни. Ереван, 1962.
[26] А. А. Мартиросян. Город Аргиштихинили. СА, 1967, 4.
[27] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 232—269; его же. Город Тейшебаини.
[28] К. Л. Оганесян. Архитектура Тейшебаини. Ереван, 1953.

культурно-экономическим взаимоотношениям почти со всеми странами древневосточной цивилизации, Кавказа и южнорусских степей.

Раскопки городов Тейшебаини и Эребуни близки к завершению. Исследования города Аргиштихинили, производимые экспедицией Института археологии и этнографии АН АрмССР (руководитель А. А. Мартиросян, 1962—1967 гг.) выдвинулись на первый план. Изучение многочисленных и разновременных объектов города Аргиштихинили в корне меняет наши представления об урартских городах и вполне подтверждает немногочисленные описания их в ассирийских реляциях и древнеармянских письменных источниках. С другой стороны, раскопки поздних объектов Аргиштихинили очень четко вырисовывают картину падения и гибели городов восточной окраины урартского царства, сложную и интересную картину возникновения раннеармянской культуры в причудливом переплетении с урартской.

Поразительный материал по урартскому искусству и архитектуре добыт в цитадели города Эребуни, исследуемой с 1950 г. экспедицией Института археологии и этнографии АН Армянской ССР и Музея изобразительных искусств им. Пушкина (Москва) под руководством К. Л. Оганисяна. В великолепных зданиях светского и культового назначения, кроме многочисленных важных клинообразных надписей и всевозможных остатков материальной культуры, выявлены чудесные настенные полихромные росписи. Крупные обломки многоцветных фресок образуют богатую композицию четырехметровой высоты на весь интерьер торжественного зала цитадели Эребуни. Роспись эта воскрешает светскую картину охоты царя Аргишти I, представленного во всем блеске своего одеяния, снаряжения, вооружения, на колеснице, в окружении пеших и конных воинов, охотничьих собак, многочисленных животных, и особенно лошадей, достойных кисти греческих и египетских мастеров (рис. 5). Нас восхищают сцены, изображающие погонщика волов или пахаря, теленка, спасшегося бегством в кусты, собак, грызущих туши пораженных животных, исполненных с высоким мастерством и в реалистической манере. Все известные росписи Древнего Востока, за исключением египетских, тускнеют перед фресками Эребуни. Поступили сведения, что богатые росписи обнаружены в 1966 г. в одной из крепостей около Вана. Это, конечно, новая страница изучения урартского искусства. Уже выполнен ряд крупных исследований, посвященных культуре, архитектуре, хозяйству, языку, религии, социально-экономическому строю и истории Урарту. Они обрисовывают широкую картину жизни древневосточного общества на территории Армении, богатую политическими событиями, сопровождавшими возникновение и развитие Урартского царства (борьба местных племен, завоевание многих районов Восточной Армении, окончательное разложение первобытнообщинных отношений и выдвижение новых политических сил на территории Древнего Востока) [29]. Однако в разработке урартоведческих проблем имеются малоисследованные, чрезвычайно важные проблемы и темы. К их числу относятся, главным образом, вопросы возникновения и становления урартской государственности и культуры, государственных и храмовых хозяйств, религии и других надстроечных явлений, земельных, социально-экономических отношений и пр.

Громадный археологический материал был добыт при эпизодических раскопках могильников племен Восточной Армении, относящихся к IX—VI вв. до н. э. Особенно выделяются среди этих памятников могильники

---

[29] Г. А. Капанцян. История Урарту. Ереван, 1940; Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944; его же. Ванское царство. М., 1960; Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954; его же. Урартские клинообразные надписи...; Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1963.

в Хртаноце и Головино, Кироваканском, Степанаванском и в некоторых районах Севанского бассейна [30].

Интересный памятник первой половины I тысячелетия до н. э. исследуется ныне в с. Енокаван Иджеванского района (археологический отряд Института археологии и этнографии АН Арм. ССР, руководитель С. А. Еса-

Рис. 5. Роспись, изображающая бога Халди на льве (Эребуни)

ян). В циклопической крепости Енокавана открыто культовое помещение, где найдены модель-курильница храма, культовые сосуды, подставки, предметы вооружения и прочие вещи, являвшиеся жертвоприношениями храму. Рядом находится могильник IX—V вв. до н. э. с первоклассным инвентарем.

В материальном производстве племен первой половины I тысячелетия до н. э. прослеживается сильное влияние урартской культуры и переход к широкому освоению железа, что предопределило интенсивное развитие земледелия, скотоводства и ремесел. Период широкого освоения железа (VII—VI вв. до н. э.) характеризуется не только общим подъемом производитель-

[30] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 69 сл.; его же. Раскопки в Головино. Ереван, 1954.

ных сил и углублением социальной дифференциации, но и сложением армянского народа — прямого носителя культурного наследства, созданного на территории Армянского нагорья всем предшествовавшим развитием. Установление исторических закономерностей жизни первобытнообщинного строя, приведших к возникновению древнейших государственных образований на территории Армении, является крупным вкладом советских исследователей в изучение древней истории народов Советского Союза.

3. Изучение культуры древней Армении (VI в. до н. э. — III в. н. э.)

После падения государства Урарту начинается древний период истории Армении, который продолжается девять столетий, вплоть до порога феодального общества. В этот период происходят значительные сдвиги в социально-экономической жизни страны и завершается процесс этнического образования армянского народа. Рабовладельческое государство достигает своего могущества при Арташесе I и Тигране II Великом; растет орошаемое земледелие, появляется множество городов, развиваются ремесла и торговля, расширяются экономические и культурные связи Армении с соседними странами, высокого уровня достигает материальная и духовная культура Армении.

Изучение истории этого весьма значительного периода в жизни страны опиралось в основном на сообщения древнегреческих и армянских письменных источников, вследствие чего ряд коренных вопросов получил одностороннее освещение, а другие ожидают своего исследователя. Археологическое изучение этого периода начато недавно. Достигнутые результаты уже подвели базу для постановки и разрешения ряда проблем. Вместе с тем перед историками и археологами Армении стоит множество задач, разрешение которых станет возможным после развертывания археологических работ по исследованию памятников древней Армении и всестороннего обобщения письменных и археологических источников.

В 1927 г. С. В. Тер-Аветисян в Старом Армавире обнаружил греческие надписи II в. до н. э. и другие ценные вещи [31]. В 1926—1930 гг. А. Калантар и Торос Тораманян раскрыли несколько погребений в некрополе старого Вагаршапата. В 1931 г. перед археологической экспедицией Наркомпроса Армянской ССР во главе с А. Калантаром была поставлена задача установить местоположение старого Вагаршапата и приступить к его раскопкам. Старый город, однако, оказался на территории нового Вагаршапата (ныне Эчмиадзин), что затруднило его археологическое изучение. Особенно результативными были раскопки некрополя старого Вагаршапата. Здесь открыты разнотипные погребения, давшие представление о материальной культуре I—IV вв. [32].

Раскопки старого Вагаршапата после 1931 г. не продолжались, и ввиду ограниченности добытого археологического материала культура древней Армении продолжала оставаться мало известной и чрезвычайно слабо изученной.

Систематические раскопки археологических объектов древней Армении стали проводиться после Великой Отечественной войны. Находка в 1945 г. греческой надписи царя Тиридата в Гарни [33] стимулировала начало работ

[31] Бюллетень Кавказского историко-археологического института (КИАИ) в Тбилиси, 1928, 1—3, 4; С. В. Тер-Аветисян. Археологическое обследование городища и крепости «Древний Армавир». Научный сборник, посвященный 20-летию установления Советской власти в Армении. Ереван, 1941; А. И. Болтунова. Греческие надписи Армавира. Изв. Арм. ФАН СССР, 1942, 1—2; А. Я. Манандян. Армавирская греческая надпись в новом освещении. Ереван, 1946; К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении. М.— Л., 1953; С. Тер-Акопян. Армавирская вторая новонайденная надпись. Тр. Института истории культуры Армянской ССР, I, Ереван, 1935 (на арм. яз.).

[32] А. Калантар. Раскопки старого Вагаршапата. Ереван, 1935, (на арм. яз.).

[33] Я. А. Манандян. Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского

Рис. 6. План крепости Гарни, после раскопок

в этой крепости — летней резиденции армянских царей династии Арташесидов (II—I вв. до н. э.) и Аршакидов (I—IV вв.).

В 1949 г. археологическая экспедиция во главе с Б. Н. Аракеляном открыла оборонительную систему крепости (рис. 6), остатки ряда архитектурных памятников и добыла большой археологический материал [34].

Крепостная стена, возведенная из огромных базальтовых квадров, по строительной технике и по планировке является выдающимся архитектурным и военно-фортификационным сооружением древней Армении [35]. Украшением крепости является гарнийский языческий храм греко-римского типа — периптер ионического ордера [36]. Рядом с храмом открыты развалины сооружений, входивших в дворцово-усадебный комплекс, в том числе развалины парадного зала царя, двухэтажного жилого дворца и бани [37]. Дворцовая баня с системой отопления из-под пола (гипокауст), архитектурными и строительными особенностями является выдающимся коммунальным памятником своего времени.

Особое значение для изучения искусства древней Армении приобретает мозаичный пол бани. Полихромная мозаика изображает море, на фоне которого в искусной композиции сочетаются божества, мифические существа ихтиокентавры, нереиды, рыбы и рыбаки. Картины знаменуют зарождение жизни и море, любовь, бракосочетание и продолжение потомства людей. Раскрытию сюжета изображений способствовали короткие греческие надписи возле фигур [38].

Комплекс сооружений в Гарни является одним из важных звеньев в цепи развития армянской архитектуры. Гарнийские сооружения, торс мраморной статуи и многочисленные другие художественные изделия, будучи замечательными памятниками древней Армении, одновременно имели важное значение для формирования ряда памятников светской архитектуры и искусства раннефеодальной Армении. Они являются уникальными памятниками древнеармянского искусства, развивающегося в тесной связи с культурой эллинистического мира. Разнообразный археологический материал из Гарни — орудия труда, оружие, керамика, замечательные стеклянные изделия, бытовые предметы, украшения, античные монеты — показывает высокий уровень производства, культуры и искусства древней Армении [39], а с другой стороны, выявляет ее тесные торгово-экономические и культурные связи со странами Кавказа и эллинистического мира, в частности с Сирией, Малой Азией и Месопотамией [40].

языческого храма. Ереван, 1946; К. В. Тревер. Надпись о построении армянской крепости Гарни. Л., 1949.

[34] Гарни имеет культурные слои III тысячелетия до н. э., эпохи средней бронзы, раннего железа урартского и древнеармянского времени, а также раннего, зрелого и позднего средневековья.

[35] Б. Н. Аракелян. Гарни I. Результаты работ археологической экспедиции Института истории АН АрмССР 1949—1950 гг. Ереван, 1951; его же. Раскопки крепости Гарни. ВДИ, 1951, 4.

[36] Н. Г. Буниатян. Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни. Ереван, 1933; К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении.

[37] Б. Н. Аракелян. Гарни II. Результаты работ гарнийской археологической экспедиции 1951—1955 гг. Ереван, 1957; Г. А. Тирацян. Памятник коммунальной техники древней Армении — баня в крепости Гарни. «Историко-филол. журн.», 1959, 1, 2—3.

[38] Б. Н. Аракелян. Мозаика из Гарни. ВДИ, 1956, 1; его же. Гарни II, стр. 23—41; его же. Мозаичный пол в крепости Гарни. «KLIO», 37, 1959; В. А. Хачатурян. Анализ набора гарнийской мозаики «Историко-филол. журн.», 1965, 1, Ереван.

[39] Б. Н. Аракелян. Значение раскопок Гарни для изучения культуры древней Армении. ВДИ, 1950, 3; его же. Гарни, I, Ереван, 1951; Гарни, II, Ереван, 1957; Г. А. Тирацян. Материальная культура Армении первых веков нашей эры по данным некрополя и бани в Гарни. Автореф. канд. дис., Л., 1966.

[40] Г. А. Тирацян. Ук. соч.; его же. О торговых связях Армении с Сирией в античное время. «Палестинский сборник», 4 (67), 1959; Ж. Д. Хачатрян. Несколько образцов античного стекла, найденных в Армении. ИАН Арм. ССР, 12, 1964.

Отряд Гарнийской экспедиции под руководством Г. А. Тирацяна с 1959 г. производит раскопки Ацаванской крепости. Эта небольшая крепость была возведена на развилке дорог, ведущих из Гарни в Арташат и Вагаршапат. Она функционировала, видимо, до VII в., ее археологические материалы, вместе с гарнийскими, помогают проследить ход развития культуры Армении в I—VII вв. [41].

Культура VI—I вв. до н. э. продолжала оставаться малоизвестной. Некоторые данные были добыты в Арин-Берде. Выяснилось, что урартский город Эребуни в V в. до н. э., возможно, стал резиденцией ахеменидского наместника этой части страны. Новые хозяева цитадели урартского города заметно перестроили старые сооружения или, снеся их, возвели новые в соответствии с новыми потребностями и строительными принципами. Были возведены ападана с тридцатью деревянными колоннами, храмы огня и другие здания [42]. В позднем слое Эребуни найдены керамические изделия, милетские серебряные монеты V в. до н. э. и другие предметы этого времени.

Погребения VI—IV вв. до н. э. были раскрыты на территории заброшенного урартского города Тейшебаини [43] и возле селения Джарарат [44], в которых обнаружены характерные керамические изделия, оружие и украшения. Были найдены также арамейские надписи, оставленные царем армян Арташесом I [45].

Все это, однако, было далеко недостаточно для того, чтобы раскрыть картину раннеармянской культуры, определить ее основные черты и закономерности развития. Именно с этой целью были начаты систематические раскопки древнего Армавира.

Первая столица Армении — Армавир возникла на месте крупного урартского центра в Араратской равнине Аргиштихинили, основанного царем Аргишти в VIII в. до н. э. Можно не сомневаться, что Армавир как важный центр продолжал существовать и после падения Урарту — в раннеармянское (ахеменидское) время (VI—IV вв. до н. э.), а в эпоху эллинизма он уже был столицей Армении.

С 60-х годов прошлого века на Армавирском холме и его окрестностях было обнаружено 15 урартских клинописных и 7 греческих надписей. Систематические раскопки начались лишь в 1962 г. под руководством Б. Н. Аракеляна. Археологическая экспедиция открыла большую часть мощной оборонительной системы цитадели города (местами с двойной линией монументальных стен; обозначены контуры входа и пандус, ведущий в цитадель); зафиксированы остальные участки городского комплекса за стенами крепости, а также развалины четырех монументальных сооружений дворцового, хозяйственного и культурного назначения.

Отцу армянской историографии Мовсесу Хоренаци Армавир представлялся одним из древнейших городов Армении, бывшей столицей Ервандитов (конец IV в. — начало II в. до н. э.), затем Арташеса I (189—160 г. до н. э.), крупным административно-хозяйственным и культовым

---

[41] Г. А. Тирацян. Раскопки Ацаванской крепости в 1961 году. ИАН Арм. ССР, 12, 1962; его же. Раскопки Ацаванской крепости в 1962 г. ИАН Арм. ССР, 12, 1963 (на арм. яз.).

[42] Г. А. Тирацян. Колонный зал на Арин-Берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье. ИАН Арм.ССР, 7, 1960; К. Л. Оганесян. Арин-Берд I. Архитектура Эребуни по материалам раскопок 1950—1959 гг., стр. 75 сл.; Г. А. Тирацян. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. СА, 1964, 3.

[43] А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, стр. 137—150.

[44] А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Новые данные в материальной культуре древней Армении. ИАН Арм. ССР, 8, 1961.

[45] Г. А. Тирацян. Новонайденная арамейская надпись Арташеса I. ИАН Арм. ССР, 10, 1957; Периханян. Арамейская надпись из Гарни. «Историко-филол. журн.», 1964, 3; его же. Арамейская надпись из Зангезура. «Историко-филол. журн.», 1965, 4.

центром. Здесь были возведены храмы Солнца и Луны, в которых стояли статуи языческих богов, а также обожествленных предков царей Армении. Первые результаты раскопок Армавира, а также найденные здесь греческие надписи подтверждают справедливость и ценность сообщений отца армянской историографии Мовсеса Хоренаци об этом городе.

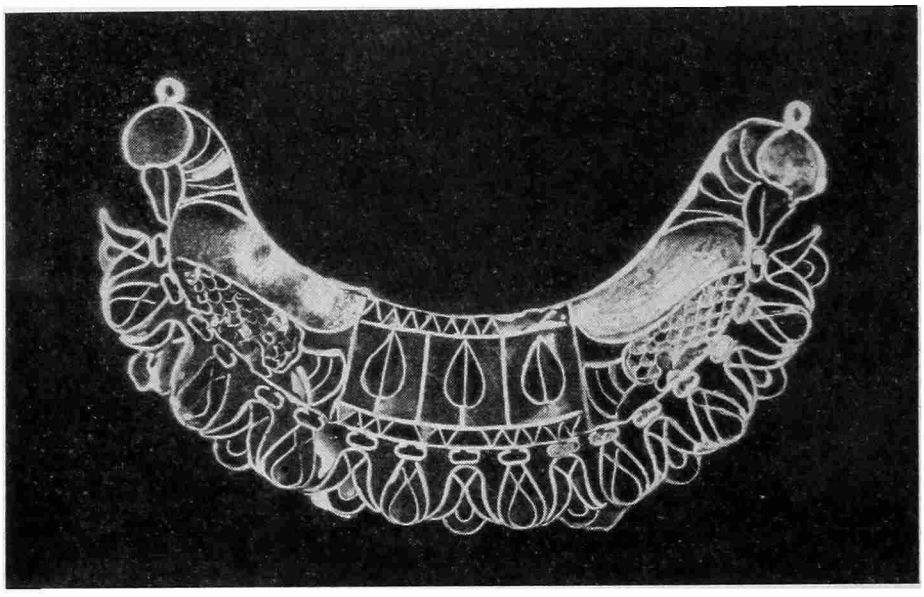


Рис. 7. Золотая пектораль из Армавира

Архитектурные детали показывают, что в Армавире существовали возведенные из прекрасно обработанных базальтовых камней сооружения, украшенные колоннами, базы которых сохранились, а также здания с полуколоннами. Судя по технике обработки камней, часть имеющихся деталей относится к урартскому времени, другая часть — к эллинистическому. На Армавирском холме имеются также следы жилищ и других сооружений частично высеченных в скале, что характерно как для урартского, так и для армянского времени.

О характере и уровне развития культуры Армении VI—I вв. до н. э. можно судить также по многочисленным находкам в Армавире металлических, каменных, гончарных, костяных и других изделий. Наряду с железными найдены также медные, бронзовые и золотые изделия, в числе которых золотое нагрудное украшение (пектораль) (рис. 7). По общей форме и орнаментации (птицы, чередующиеся друг с другом, цветок и бутон лотоса) армавирская пектораль перекликается с аналогичными предметами маннойского и урартского происхождения; однако армавирская пектораль отличается от них техникой и орнаментацией, да и время другое (VI—V в. до н. э.). Армавирская керамика VI—I в. до н. э. отличается большим разнообразием. Надо признать закономерным, что формы и обработка урартских глиняных изделий во многих случаях имели исходное значение для раннеармянской керамики VI—IV вв. до н. э.

Среди расписной керамики VI—I вв. до н. э. встречаются образцы, привезенные с восточных берегов Средиземного моря. Найдены фрагменты и целые сосуды цилиндрической формы, напоминающие аналогичные египетские сосуды. Имеются протомы ритонов в виде головы быка и медвежонка (рис. 8). В Армавире и в других местах найдены каменные вазы и их фрагменты из порфирита и конгломерата, аналогичные ахеменидским образцам из Персеполя.

Параллельно с Армавиром продолжались и раскопки Гарни, которые также дали материалы VI—I вв. до н. э., в частности, керамику (расписную и нерасписную), железные наконечники стрел, геммы и прочие предметы. Некоторые из них найдены в погребениях (каменные ящики и кувшинные погребения). Интересные материалы эллинистического времени были обнаружены при раскопках нижних слоев Двина. Керамика, металлические изделия и украшения VI—V вв. до н. э. обнаружены также в северных, северо-восточных районах Армении, на оз. Севан, в Ноемберянском, Шамшадинском районах и в других местах.

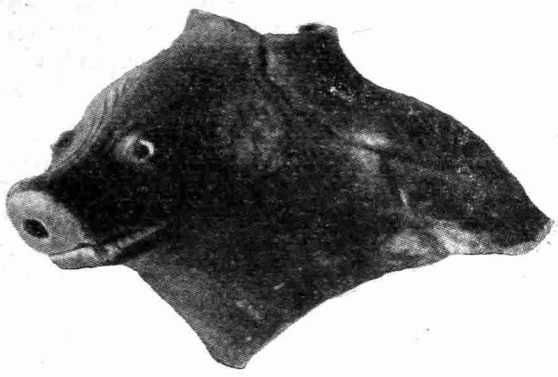


Рис. 8. Протома ритона в виде головы медвежонка. Армавир

В результате археологических работ, в частности, благодаря раскопкам Армавира и Гарни, культура древней Армении VI в. до н. э.— III в. н. э. шаг за шагом выявляется в ее многообразии и величии. Уже накоплен значительный материал, позволяющий ставить и решать ряд частных и общих вопросов.

Изучение культуры древней Армении выявило общие закономерности развития и особенности, характерные для каждого периода истории Армении. Устанавливается три периода в культурно-историческом развитии древней Армении.

Первый, раннеармянский период развития культуры Армении, относится к VI—IV вв. до н. э. В это время завершается образование армянского народа, продолжается формирование основ общеармянской культуры, корни и истоки которой уходят в глубь векового развития культур древних племен Армении. Вместе с тем углубляются различия между культурами народных масс и господствующей верхушки. Общественные отношения достигли более высокого уровня развития и на этой основе возникло армянское, хотя и подвластное Мидии, государство.

Имея в виду, что армянский народ формировался на территории, где существовало государство Урарту, можно было предполагать, что армяне в той или иной мере унаследовали урартскую культуру. Роль Урарту в широком освоении железа на всей территории Армянского нагорья общеизвестна. Теперь же памятники послеурартского времени подтверждают, что урартская культура имела громадное значение в формировании раннеармянской. Раннеармянская культура проявляет ярко выраженные древневосточные черты и значительное влияние ахеменидского Ирана, под властью которого в VI—IV вв. до н. э. находилась Армения. Наблюдается также заметное расширение культурных связей Армении со странами Малой Азии и Средиземноморского бассейна.

Второй период знаменуется возникновением и расцветом эллинистической культуры в Армении в III—I вв. до н. э. Освобожденная от владычества ахеменидов Армения была объединена в сильном государстве и оказалась в сфере эллинистического мира. На основе развития эллинистических общественных отношений, градостроительства, ремесел и торговли, расширения торгово-экономических связей с соседними эллинистическими странами Армения становится одним из значительных очагов эллинистической культуры. Эта культура распространяется среди городского населения и знати, а народные массы, главным образом крестьянство, продолжают развивать свою местную культуру. Эллинистическая культура в Армении достигла расцвета в то время, когда на западе она клонилась к упадку. Материальное производство, культура и искусство Армении в этот пе-

риод достигают высокого уровня развития. Армения во II—I вв. до н. э. занимает важное место в кругу эллинистических стран Востока.

Третий период развития культуры древней Армении, охватывающий I—III вв., характеризуется ослаблением, затем и упадком эллинистической культуры в стране. Государство Арташесидов (с его достаточно ярко выраженными эллинистическими чертами) уступает место царству армянских Аршакидов. Усиливается общение с Парфией. Ослабевают экономические и культурные связи со странами восточного бассейна Средиземного моря, где утверждаются римляне. Резко пали темпы градостроительства в стране; вскоре зарождаются новые отношения, приведшие к формированию в IV в. феодализма.

Культура древней Армении с тремя последовательными периодами прошла долгий и самобытный путь развития и занимает видное место в истории материальной культуры Армении и стран Ближнего Востока [46].

4. Изучение материальной культуры средневековой Армении

Феодальные отношения в Армении возникают довольно рано и в IV в. уже приобретают достаточно определенные формы. После обращения армян в христианство (301—303 гг.) христианская церковь превращается в феодальную организацию и выразителя господствующей идеологии общества. На ее началах развертывается раннефеодальная культура Армении. Возникают связи и общность с раннехристианскими культурами Кавказа, Сирии и стран Византийской империи.

Культура Армении IV—VII вв. занимает выдающееся место в многовековом творчестве народа и является серьезным вкладом в сокровищницу мировой культуры. Сказанное в равной мере относится к письменности и литературе, к архитектуре и искусству IV—VII в. Вследствие установления арабского владычества с конца VII в. и до конца XI в. развитие армянской культуры резко задерживается. Это особенно относится к строительству и материальной культуре.

С конца IX в. Армения вступает в эпоху развитого феодализма. Возникает крупное феодальное землевладение, формируется вотчина, и не только феодалы, но и монастыри ведут крупное земледельческое хозяйство, усугубляется зависимость крестьян от феодалов, часть крестьян-шинаканов закрепощается, обостряется классовая борьба. На новых началах происходит общественное разделение труда: отделившись от земледелия, ремесла сосредотачиваются в городах, формируется феодальный город с городским сословием. Страна переживает экономический и культурный подъем. Строительная деятельность народа получает довольно большой размах. Ремесленное производство, развиваясь, широко разветвляется и занимает ведущее место в городском хозяйстве. Армения, через которую проходят караванные пути, играет весьма важную роль в международной торговле. Множество городов Армении, находившихся на торговых магистралях (в том числе — Двин, Ани, Карс, Карин или Эрзерум, Арцн, Ерзнган, Ван, Арчеш, Маназкерт, Хлат, Арзн, Неферкерт или Маяфаткин), становятся крупными экономическими центрами.

Естественно, что перед исследователями истории культуры средневековой Армении открыто весьма широкое поле деятельности и стоит мно-

[46] Г. А. Тирацян. Опыт периодизации истории материальной культуры древней Армении. ИАН Арм. ССР, 2, 1957; его же. Замечания об армянской одежде в эллинистическую эпоху. ИАН АрмССР, 11—12, 1959; его же. О расписной керамике древней Армении VI в. до нашей эры — III в. н. э. «Историко-филол. журн.», 1965, 3; Б. Н. Аракелян. Основные черты материальной культуры древней Армении. ИАН АрмССР, 7—8, 1960; его же. Изучение материальной культуры древней Армении. «Историко-филол. журн.», 2, 1963; его же. Археологические раскопки в Армении в 1963 г. «Историко-филол. журн.», 1964, 1; Ж. Д. Хачатрян. Многогранные печати, найденные в Армении. «Историко-филол. журн.», 1, 1965; его же. Некоторые образцы расписной керамики, найденной в Армении. «Историко-филол. журн.», 1966, 1.

жество важных проблем, из коих разрабатывались, в основном, четыре: 1) изучение армянской средневековой архитектуры; 2) формирование феодального замка и монастыря; 3) изучение феодального города: 4) сбор и публикация средневековых армянских надписей.

Изучение архитектурных памятников сопровождалось не только обмерами, но и частичными раскопками [47]. Много сделал для этого Торос Тороманян [48]. В 1932 г. экспедиция Института истории культуры под его руководством изучала Гегартский монастырь и производила раскопки, в результате которых были открыты развалины продолговатого четырехугольного сооружения, высеченного в скале,— трапезной или зала для собраний монахов [49]. В том же году были изучены фрески церкви Павла и Петра в Ереване. Это послужило толчком к изучению, копированию и спасению ряда средневековых армянских фресок, которыми мастерски и плодотворно занималась Л. А. Дурново [50].

Для изучения архитектурных памятников проводились раскопки вокруг знаменитой центрально-купольной церкви VII в. в Аване возле Еревана. Здесь К. Г. Кафадарян и М. С. Асратян открыли четырехгранные стелы с раннехристианскими рельефами и криптографическую надпись-белингву на греческом и армянском языках [51]. Раскопки были произведены в базиличных церквях в Касахе, Ереруке, Аштараке, Ошакане, Гарни, на основании результатов которых архитектор А. А. Саинян установил корни и истоки армянских базиличных сооружений и ход их дальнейшего развития [52]. Раскопками внутри Эчмиадзинского кафедрального собора установлено, что в начале IV в. была сооружена базиличная церковь, а четырехабсидное по плану крестообразное купольное сооружение было возведено в V в. [53].

В. М. Арутюнян в Аруче (Талиш) открыл дворцовый комплекс правителя Армении в VII в. Григора Мамиконяна [54]. Осуществлены раскопки в Джрвеже и Вохчаберде, где были открыты и изучены церковные и другие сооружения [55]. Исследователи истории армянской архитектуры Н. М. Токарский, В. М. Арутюнян, А. А. Саинян, К. Л. Оганесян, А. Л. Якобсон, С. Х. Мнацаканян, Р. Я. Агабабян, О. Х. Халпахчян и другие провели большую исследовательскую работу, обобщенную в соответствующих трудах [56]. Не остались без внимания также и средневековые армянские рельефы [57].

[47] К. Кафадарян. Археологическая работа в Армении после установления советского строя. Тр. Гос. Исторического музея Армении, I (на арм. яз.).

[48] Т. Тороманян. Материалы по истории армянской архитектуры. I. Ереван, 1942; II, Ереван, 1948 (на арм. яз.).

[49] Т. Тороманян. Сообщение о раскопках в гехартском ущелье. Тр. Института истории культуры АрмССР, I, Ереван, 1935 (на арм. яз.).

[50] Л. А. Дурново. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957.

[51] К. Г. Кафадарян. Аванская двуязычная криптограмма. Ереван, 1945 (на арм. яз.).

[52] А. А. Саинян. Архитектура касахской базилики. Ереван, 1955, (на арм. яз.).

[53] А. А. Саинян. Первоначальный вид Эчмиадзинского кафедрального собора. «Историко-филол. журн.», 1966, 3.

[54] В. М. Арутюнян. Новый памятник светской архитектуры VII в. ИАН Арм. ССР, 8, 1953.

[55] Н. М. Токарский. Джрвеж I. Результаты работ джрвежской археологической экспедиции 1957 г. Ереван, 1959; его же. Джрвеж II. Ереван, 1964.

[56] Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946; его же. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961; В. М. Арутюнян, С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества, М., 1951; В. М. Арутюнян. Караван-сараи и мосты средневековой Армении. Ереван, 1960 (на арм. яз.); К. Л. Оганесян. Зодчий Трдат. Ереван, 1951; А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVIII вв. М.— Л., 1956; С. Х. Мнацаканян. Архитектура армянских притворов. Ереван, 1962; его же. Сюнийская школа армянской архитектуры. Ереван, 1960 (на арм. яз.); Р. Я. Агабабян. Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ереван, 1950; О. Х. Халпахчян. Архитектура Армении. Всеобщая история архитектуры, I, гл. IX, М., 1958; А. Б. Еремян. Храм Рипсиме. Ереван, 1955; Коллектив авторов. Очерк истории армянской архитектуры. Ереван, 1964 (на арм. яз.); Т. Тер-Марухян. Звартноц. Ереван, 1964 (на арм. яз.).

[57] Г. Овсепян. Материалы исследования по истории армянского искусства и

Проблема феодального замка интересовала акад. И. А. Орбели еще в годы анийских раскопок. Археологическая экспедиция под его руководством в 1936 г. приступила к раскопкам феодального замка Анберд. Экспедиция изучала оборонительную систему замка, дворцовые и культовые сооружения, баню, водоснабжение и тайный ход к реке. При раскопках было обнаружено значительное количество металлических предметов, поливная и неполивная керамика, стекло и пр. Возведенный высоко на склоне горы Арагац и далеко от торговых дорог феодальный замок, конечно, имел собственные мастерские, но поддерживал тесные экономические и культурные связи с городом Ани, приобретая на городском рынке товары не только местного производства, но и привозные из Китая (селадон и парча) и фаянсовые изделия иранского производства. В крепости найдены монеты разных стран и государств [58]. Прерванные в 1937 г. раскопки Анберда частично были возобновлены в 1963 г. Разработка проблемы феодального замка все еще нуждается в дальнейшем, более целеустремленном исследовании.

В советский период развития археологии Армении были изучены также крупные монастырские комплексы в Ованаванке, Санаине и Ахпате (К. Г. Кафадарян). Изучены также сюнийские монастырские комплексы в связи с формированием крупного монастырского землевладения. Историко-археологическое и архитектурное изучение многочисленных монастырских комплексов Армении все еще нуждается в пристальном внимании.

Большие проблемы социально-экономического и культурно-бытового порядка связаны с изучением средневекового города. Раскопки Н. Я. Марра и И. А. Орбели в Ани положили хорошее начало решению этих проблем [59]. Необходимо было продолжить их разработку, и в 1937 г. были предприняты систематические раскопки другого крупного средневекового городского центра Армении — Двина (С. В. Тер-Аветисян, К. Г. Кафадарян).

Двин был основан еще в IV в. и являлся крупнейшим ремесленным и торговым городом как в раннефеодальную эпоху (V—IX вв.), так и в период расцвета феодального общества в Армении в X—XIII вв. Таким образом, от раскопок города ожидались материалы по обоим основным периодам истории феодальной Армении.

Цитадель города, возведенная на холме, окружена мощной стеной из сырцового, местами обожженного кирпича на каменном цоколе. Широкий ров, заполнявшийся водой, отделял цитадель от городских кварталов. Город в свою очередь был обнесен широкой глинобитной стеной. С юго-западной стороны цитадели на небольшой возвышенности находился центральный квартал города. На этом участке был открыт кафедральный собор города. Первоначально это было базиличное сооружение, которое после переделок стало купольным собором, крестообразным в плане. Рядом с собором обнаружены развалины дворца католикоса, однонефной базилики и других сооружений.

На холме в цитадели открыты дворцовые сооружения различных времен. В Нижнем слое обнаружены фундаменты большого дворца времен армянских Аршакидов (I—IV вв.). Несколько позднее на вершине холма был возведен дворец из сырцового кирпича, стоявший до землетрясения 893 г. После землетрясения дворец был восстановлен, а его апартаменты отделаны резными и лепными гипсовыми орнаментами, крашенными в си-

---

культуры, I, Иерусалим, 1935; III, Нью-Йорк, 1944 (на арм. яз.); Б. Аракелян. Сюжетные рельефы Армении IV—VII вв. (на арм. яз.).

[58] И. А. Орбели. Баня и скоморох XII в. Памятники эпохи Руставели. Л., 1938; Т. А. Измайлова. Керамика из раскопок в Анберде. Тр. ОВЭ, IV, Л., 1947.

[59] Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л., 1934; И. А. Орбели. Избранные труды. Ереван, 1963; Б. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957.

ний цвет. При правлении сельджуков (XI—XII вв.) на холме был построен новый дворец, стены которого были отделаны терракотой. У подножья холма внутри ограды открыты остатки жилых и других сооружений, отделанных художественной резьбой по камню и лепными гипсовыми геометрическими и зооморфными орнаментами. Культовые и светские сооружения и их детали имеют огромное значение для изучения развития армянской архитектуры и искусства с IV по XIII в. (рис. 9).

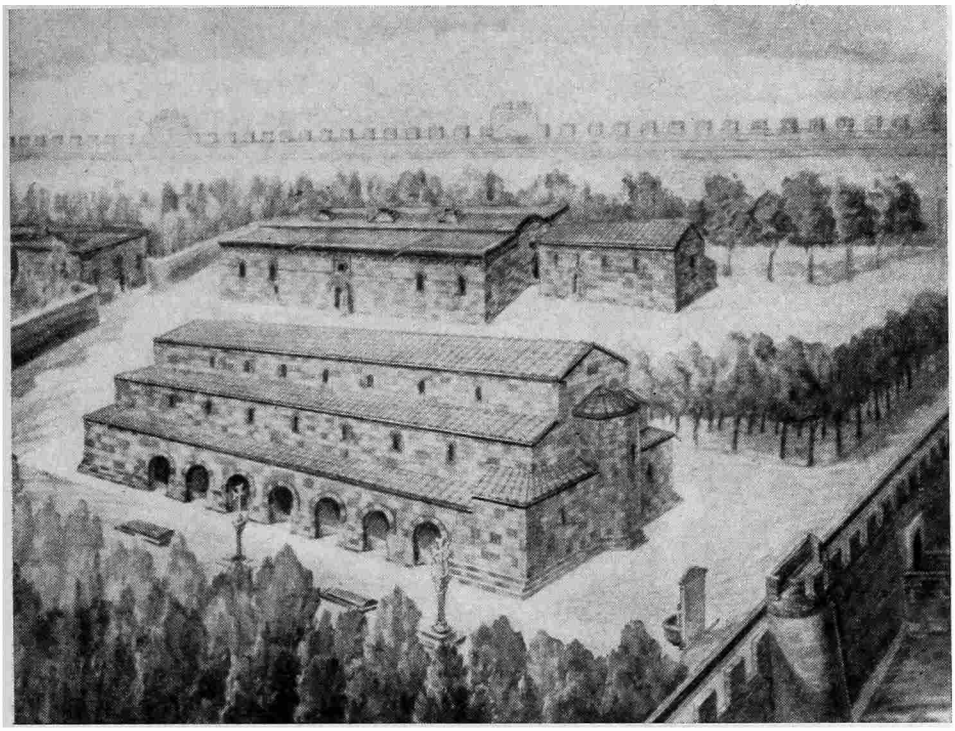


Рис. 9. Двин. Реконструкция центрального квартала города

В Двине открыты также производственные сооружения, в частности кузница, мастерские медника, гончара, стеклодува, ювелира и ткача. Этот город был крупным центром обработки металлов и производства орудий труда и оружия. Раскопки дали множество металлических изделий. Двинские находки неполивной и поливной керамики, в том числе и образцы местного и привозного высококачественного фаянса составляют самую богатую часть археологического материала и исключительно ценную для науки коллекцию (рис. 10). Не менее богато представлено и стекло местного производства, но имеются изделия, привезенные из Византии, Киликии и других стран.

Среди найденных в Двине монет имеются сасанидские, арабские (в том числе местного чекана), византийские, сельджукские, грузинские и др. Двин был крупнейшим экономическим и торговым центром [60].

---

[60] К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952 (на арм. яз.); В. М. Арутюнян. Архитектурные памятники Двина V—VII вв. Ереван, 1950 (на арм. яз.); Б. А. Шелковников. Художественная керамика двинских раскопок. ИАН Арм. ФАН СССР, 4—5, 1940; его же. Художественная керамическая промышленность средневековой Армении. Изв. Арм. ФАН СССР, 3—4, 1942; его же. Керамика и стекло из раскопок Двина. Тр. ГИМА, IV; Р. М. Джамполадян. Сфероконические сосуды, обнаруженные из раскопок Двина. Тр. Гос. Ист. музея Армении, III; Х. А. Мушегян. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван, 1962.

Огромный археологический материал из Двина имеет громадное значение для изучения производственной жизни, торговли, быта и культуры, а также экономических и культурных связей крупного средневекового города не только Армении [61], но и всего Ближнего Востока.

Нельзя также упускать из виду, что мелких городов было во много раз больше, чем крупных. Результаты раскопок средневековых слоев в Гарни

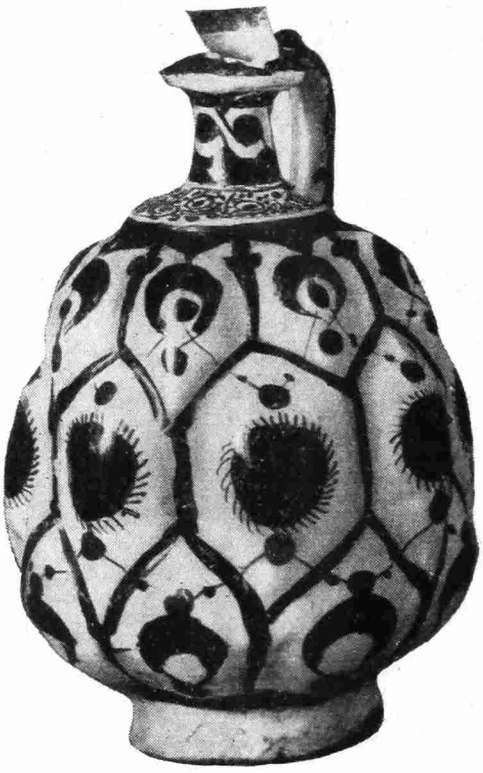


Рис. 10. Кувшин — образец люстренной керамики местного производства. Двин

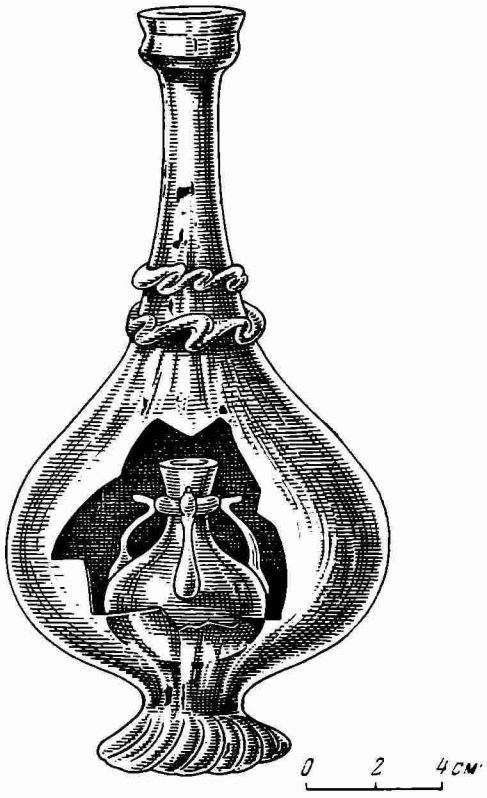


Рис. 11. Стеклянный сосуд с сосудиком внутри. Гарни

показали заметную роль этого города в ремесленном производстве, в переработке сельскохозяйственных продуктов и в торговле (рис. 11) [62].

В Советское время в Армении большая работа проводится по сбору, изучению и публикации средневековых армянских надписей. Их число превышает 10 тысяч, а по содержанию надписи являются самыми значительными источниками для изучения разных сторон внутренней жизни и деятельности народа. Они являются ценнейшими источниками также по истории армянского языка. Эпиграфической экспедицией под руководством С. Г. Бархударяна уже собрано и расшифровано более 7000 надписей на территории Армянской ССР, отчасти и на территории Азербайджанской ССР. Институт археологии и этнографии АН АрмССР опубликовал три выпуска корпуса армянских надписей [63] и подготовил еще пять выпусков.

---

[61] Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении IX—XIII вв. I, Ереван, 1958; II, Ереван, 1964 (на арм. яз.); В. А. Абраамян. Ремесла и цеховые организации в Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1946 (на арм. яз.); ее же. Ремесла в Армении в IV—XVIII вв. Ереван, 1956 (на арм. яз.).

[62] Б. Н. Аракелян, Г. О. Караханян. Гарни III. Результаты раскопок 1949—1956 гг. (средние века). Ереван, 1962 (на арм. яз.).

[63] Свод армянских надписей, I, Городище Ани, Ереван, 1966; II, Горисский, Сисианский и Кафанский районы, Ереван, 1960; III, Ежегнадзорский район, Ереван, 1967.

Надписи ряда монастырских комплексов (Оганаванк, Санаин, Ахпат) опубликовал К. Г. Кафадарян [64].

Археологические исследования в Армении, осуществленные после Великой Октябрьской революции, ликвидировали ряд существенных пробелов в изучении отдельных эпох истории страны, открыли множество выдающихся памятников архитектуры и искусства различных эпох и дали огромный материал, намного расширяющий источники по истории армянского народа и его многовековой культуры. Результаты археологических раскопок опубликованы в виде научных отчетов, серийных публикаций и обобщены в монографических исследованиях, в частности в многотомной истории армянского народа. В настоящее время проводится большая работа по созданию археологического атласа-корпуса Армении, в многочисленных выпусках которого будут охвачены основные памятники и материалы всех эпох, начиная с палеолита и до позднего средневековья.

---

[64] К. Кафадарян. Ованаванк и его надписи. Ереван, 1948 (на арм. яз.); его же. Санаинский монастырь и его надписи. Ереван, 1957; его же. Ахпат. Архитектурные сооружения и надписи на камнях. Ереван, 1963; С. Г. Бархударян. Средневековые армянские архитекторы и мастера по камню. Ереван, 1963 (на арм. яз.); Е. Мушегян. Каталог музейных коллекций. I. Предметы с армянскими надписями. Ереван, 1964 (на арм. яз.).

Р. М. ВАИДОВ, И. Г. НАРИМАНОВ

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВЕТСКОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Развитие археологии в Азербайджане непосредственно связано с установлением Советской власти.

До революции в Азербайджане не было ни одного национального научного учреждения. С установлением Советской власти создается ряд научных центров, которые возглавили исследование и охрану памятников материальной культуры Азербайджана. Одним из первых был Азербайджанский государственный музей, созданный в Баку в 1920 г.

4 марта 1924 г. Совет Народных Комиссаров Азербайджанской Советской Социалистической республики издал декрет об учете и охране памятников старины в республике. Азербайджанский государственный музей становится учреждением, в котором хранились и экспонировались археологические материалы. Сотрудники музея (директор Д. М. Шарифов) приняли деятельное участие в археологических работах.

В 1922 г. при Институте востоковедения и социальных наук было создано Азербайджанское археологическое общество (председатель Л. Г. Лопатинский). Тогда же при Азербайджанском государственном музее существовала Комиссия по охране памятников старины в Азербайджане. В 1923 г. обе организации были слиты в Азербайджанский археологический комитет при Наркомпросе республики (председатель Т. Шахбази). На Комитет возлагались обязанности охраны, регистрации и изучения памятников старины и искусства. Впоследствии Комитет был переименован в Азербайджанский комитет охраны памятников старины, искусства и природы (Азкомстарис, 1927). Он имел отделения в Нахичеванской АССР и в Нагорно-Карабахской автономной области.

В 1923 г. было создано Общество обследования и изучения Азербайджана (ООИА), которое стало основным научным центром в области археологии и этнографии. Общество имело отделение на местах — в Ленкорани, Гандже и Нахичевани [1].

Большую роль в изучении исторического прошлого и в подготовке кадров молодых археологов сыграл первый краеведческий съезд Азербайджана, созванный в 1924 г. [2].

В работе по изучению археологических памятников, наряду с местными учеными Д. М. Шарифовым, А. К. Алекперовым, Е. А. Пахомовым, И. И. Азимбековым, И. М. Джафарзаде, В. М. Сысоевым, С. М. Казиевым, М. А. Саламовым, К. Куле-заде, С. Л. Берцелиусом, Дж. Александрович-Насыфи, деятельное участие приняли ученые-археологи Москвы и Ленинграда — И. И. Мещанинов, Т. С. Пассек, А. А. Миллер, Б. Н. Латынин и А. А. Иессен. Следует особенно подчеркнуть заслуги И. И. Мещанинова

---

[1] И. И. Мещанинов. Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет. ИООИА Азербайджана, II, 8, Баку, 1929.

[2] А. К. Алекперов. Сб. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960.

в развитии азербайджанской археологической науки и подготовке местных специалистов-археологов.

В 20-х годах появились периодические издания: «Известия Азкомстариса», «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана» и «Материалы Азгосмузея», в которых освещались результаты археолого-этнографических исследований в Азербайджане.

Основным направлением археологических исследований в этот период было изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа, погребальных памятников античного периода, а также средневековых памятников и городов Азербайджана.

Крупная археологическая экспедиция, организованная Обществом обследования и изучения Азербайджана под руководством И. И. Мещанинова в 1926 г. производила раскопки на обширном Ходжаллинском курганном поле между Агдамом и Степанакертом и на Кызыл-Ванском могильнике в Нахичеванской АССР [3]. Экспедиция в Ходжалах дополнила данные раскопок Э. Реслера и установила наличие трех хронологически последовательных групп курганов, относящихся к последним векам II и первым векам I тысячелетия до н. э. [4] Раскопки на могильнике Кызыл-Ванк, проведенные И. И. Мещаниновым и экспедицией Закавказской научной ассоциации под руководством А. А. Миллера [5] в 1926 г., дали возможность определить место и хронологические рамки крашеной керамики, найденной здесь в погребальных комплексах. До этого крашеная керамика была известна только по случайным находкам.

В 1926 и 1928 гг. Д. И. Шарифов в окрестностях Човдара исследовал 42 погребения типа каменных ящиков и один курган эпохи поздней бронзы [6]. Недалеко от Човдара в с. Баян С. Л. Берцелиус раскопал каменный ящик, который содержал материал, синхронный с човдарскими погребениями [7]. Кроме того, недалеко от станции Хачмас были найдены памятники эпохи бронзы другого облика [8].

В 1924 г. И. Азимбеков впервые зафиксировал три дольмена недалеко от с. Гориюди Ярдымлинского района [9]. В 1927 г. экспедиция Общества обследования и изучения Азербайджана начала фиксацию остатков циклопических сооружений и примыкающих к ним поселений и могильных полей в Хачбулаге и в Ейнал-Жахты [10].

Более детальные обследования циклопических сооружений в зоне Малого Кавказа были проведены в последующие годы, результаты обобщены в работах И. И. Мещанинова и И. М. Джафарзаде [11].

Важное значение для археологии Азербайджана в 20-е годы имела научная обработка материалов, хранившихся в музеях Ленинграда и Москвы, и обобщение итогов работ дореволюционных археологов. Большую

---

[3] И. И. Мещанинов. Краткие сведения о работах археологических экспедиций в Нагорный Карабах и Нахичеванский край. СГАИМК, 1, 1926.

[4] Там же, стр. 218; И. М. Джафарзаде. Ходжалинская экспедиция. Изв. Аз. ФАН СССР, 2, 1941.

[5] А. А. Миллер. Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 г. СГАИМК, 1.

[6] Д. М. Шарифов. Раскопки близ с. Човдар Ганджинского уезда. Изв. Азкомстариса, 4, Баку, 1929; его же. Отчет (предварительный) об археологических раскопках в окрестностях с. Човдар Ганджинского уезда в августе-сентябре 1928 г. Научный архив Музея истории Азербайджана, № 81.

[7] С. Л. Берцелиус-Налчагаров. Раскопки в окрестностях с. Баян Ганджинского уезда. Изв. Азкомстариса, 4.

[8] Дж. Александрович-Насифи. Находки бронзового века около Хачмаса. Изв. Азкомстариса, 4.

[9] И. Азимбеков. Древности Ленкоранского края. Изв. Азербайджанского археологического комитета. II, 1926.

[10] И. И. Мещанинов. Изучение доисторических памятников, стр. 5.

[11] И. И. Мещанинов. Циклопические сооружения Закавказья. ИГАИМК, 47; И. М. Джафарзаде. Циклопические сооружения Азербайджана. Тр. Аз. ФАН СССР, 55, Баку, 1938.

работу провели Т. С. Пассек и Б. Н. Латынин [12], систематизировав археологические памятники Азербайджана, известные по раскопкам и публикациям Э. Реслера, А. А. Ивановского, Жака де-Моргана и Г. О. Розендорфа.

В процессе обработки материалов из Ходжалинского кургана № 11, раскопанного Э. Реслером, была обнаружена бусина с клинописным текстом, содержащим имя ассирийского царя Ададнирари [13]. Изучением этой ценной находки и надписи на ней занимался И. И. Мещанинов [14].

Археологические работы 20-х годов открыли памятники античного периода. В этом отношении особо важным являются раскопки Д. И. Шарифова в 1926 г. в местности Ялойлу-Тепе [15], археологические материалы которой дали впоследствии название археологической культуре, распространенной в основном к северу от р. Куры в Азербайджане и Восточной Грузии. Первые сведения о памятниках этой культуры поступили еще в 1925 г. от С. М. Казиева, который в бытность сельским учителем производил в этих местах небольшие раскопки [16]. В одном из погребений внутри сосуда оказались монеты албанской чеканки. Аналогичные памятники обследовал в 1927 г. А. К. Алекперов в Нухинском уезде в Дегме-Дере.

Наиболее вероятной датой ялойлу-тепинской культуры А. А. Иессен считал IV—I до н. э. [17] Т. С. Пассек и Б. Н. Латынин датировали ее концом железного века [18], И. И. Мещанинов отнес ее к началу нашей эры. Тогда же, основываясь на материалах разведочных работ 1927 г., Е. И. Пахомов и И. И. Мещанинов высказали предположение о возможности сближения с ялойлу-тепинскими материалами могильника близ Шемахи [19].

Экспедиции 1927 и 1929 гг. (руководитель И. И. Мещанинов) в ряде пунктов Мильской степи вдоль Гявур-Арха, а также в зоне Тертер-Гянджи выявили кувшинные погребения, близкие по времени памятникам Ялойлу-Тепе [20].

Археологические исследования 20-х годов на так называемых доисторических памятниках выдвинули перед исследователями большие проблемы, потребовали объединения отдельных групп памятников в археологические культуры, выявления их хронологических взаимосвязей [21].

Одной из основных задач в те годы было изучение древних и средневековых городов и архитектурных памятников. В 1925 г. Д. М. Шарифов провел обследование и раскопки Кабалы — главного города Кавказской Албании. На раскопанном участке города был выявлен только средневековый слой. Слои, относящиеся к более ранним периодам истории Кабалы, тогда оставались неизвестными.

---

[12] Т. С. Пассек, Б. А. Латынин. Очерк доистории Северного Азербайджана. ИООИА, 3. Баку, 1926.

[13] Т. С. Пассек, Б. Н. Латынин. Ходжалинский курган № 11. ИООИА, II, Баку, 1926.

[14] И. И. Мещанинов. Ассирийская вотивная бусина из Азербайджана. ИООИА, II; его же. К вопросу об ассирийской бусине из Ходжалинского могильника. ИООИА, III, Баку, 1927.

[15] Д. М. Шарифов. Раскопки в Ялойлу-Тепе. Материалы Азгосмузея, 1, Баку, 1926.

[16] И. М. Джафарзаде. Развитие археологических работ в Азербайджанской ССР. ИАН АзССР, 6, 1945, стр. 128.

[17] А. А. Иессен. Культура Ялойлу-Тепе в Закавказье. Сб. аспирантов, РАИМК, Л., 1929.

[18] Т. С. Пассек, Б. Н. Латынин. К вопросу о керамике из Ялойлу-Тепе. ИООИА, IV, 1927.

[19] И. И. Мещанинов. Изучение доисторических памятников..., стр. 11.

[20] А. К. Алекперов. Материалы по археологии и этнографии Азербайджана. ИООИА, IV; его же. Культура кувшинных погребений Азербайджана. Сб. «Исследования по археологии и этнографии Азербайджана», Баку, 1960.

[21] И. И. Мещанинов. Изучение доисторических памятников..., стр. 9, 10.

В 20-е годы были проведены архитектурные исследования на средневековых памятниках Нахкрая, Баку и его окрестностей, в Гандже и Шемахе. Проводились поездки в Мильскую степь (городище Оренкала), известного мусульманского кладбища Пейгамбар, мавзолея Имамзаде в Барде, а также оборонительных крепостных сооружений на горе Беш-Бармак и Аскеране. Одновременно изучались эпиграфические и нумизматические материалы Азербайджана.

Основными научно-исследовательскими учреждениями в области изучения археологических памятников в 30-е годы стали Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт (АГНИИ), учрежденный на базе Общества обследования и изучения Азербайджана, сектор истории материальной культуры при Азербайджанском отделении Закавказского филиала АН СССР (АзОЗФАН). Объем археологических работ в этот период несколько сократился, что было связано со сравнительно небольшим участием в исследованиях московских и ленинградских ученых и малочисленностью местных специалистов. Одной из значительных работ этого периода было выявление и изучение циклопических памятников. В 1934 и 1937 гг. в зоне Малого Кавказа были зафиксированы десятки циклопических сооружений. Этим интересным памятникам посвятил специальную работу И. М. Джафарзаде, обобщив все накопленные материалы [22].

С большой энергией вел археолого-этнографические исследования один из основоположников археологической науки в Азербайджане А. К. Алекперов. Благодаря его исследованиям в 1934 и 1936 гг. в Нахкрае значительно расширилась изученная область распространения крашеной керамики, впервые было документировано наличие ее в древних поселениях. В этой зоне были вскрыты также циклопические сооружения. Экспедиция, возглавляемая А. К. Алекперовым, в 1936 г. проводила раскопки в Шор-Тепе и Гяур-Кала, на поселениях с мощным культурным слоем, а также на могильнике эпохи бронзы вблизи села Шахтахты [23].

В изучении археологических памятников Азербайджана большую роль сыграл Я. И. Гуммель, исследовавший Ганджа-Карабахскую зону. Он раскопал много погребений эпохи бронзы и раннего железа (курганы, каменные ящики), поселения в долине Ганджачая, мастерскую по выделке кремневых изделий, неолитическую стоянку и другие памятники [24].

Исследования Я. И. Гуммеля в 30-е годы не только значительно пополнили данные, известные по раскопкам предыдущих лет, но и выявили совершенно новые материалы различных этапов эпохи бронзы. Он впервые в Азербайджане обратил внимание на антропологические и палеоботанические материалы, добытые археологическими раскопками [25]. Научная деятельность Я. И. Гуммеля была связана с созданным им в 1928 г. Краеведческим музеем [26].

В 30-х годах проводились исследования археологических памятников античного периода в Шемахинском, Исмаиллинском, Ханларском районах, в Мингечауре и Мильской степи. Изучение новых комплексов этого вре-

---

[22] И. М. Джафарзаде. Циклопические сооружения...,

[23] А. К. Алекперов. Археологическое обследование Нахичеванских районов в Азербайджанской ССР в 1936 г.; его же. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванского царства. В сб. Алекперов. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, стр. 43—63.

[24] Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940; его же. Памятники древности в окрестности Килик-Дага. Изв. Аз ФАН СССР. № 2, 1941: его же. Из памятников материальной культуры Азербайджана. ВДИ, 1, 1940; его же. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, XX, 1948; его же. Погребальный курган № 1, около Еленендорфа (Азербайджанской ССР). Баку, 1931; его же. Курган № 2 близ Ханлара. КСИИМК, 24, 1949; его же. Раскопки поселения № 1 на запад от Ханлара. КСИИМК, XXIII, 1948.

[25] Я. И. Гуммель. Археологические очерки..., стр. 114—115; его же. К проблеме археоботаники Закавказья. Сообщ. ГрузФАН СССР, 1, 8—10, Тбилиси, 1940.

[26] Я. И. Гуммель. Краеведческий музей Ханларского района. Баку, 1939.

мени позволило дать их характеристику и установить взаимосвязь разнородных памятников. Выявление объектов с кувшинными погребениями на широкой территории (преимущественно в Кура-Аракской низменности) дало основание объединить их в археологическую культуру «кувшинных погребений». Кувшинные погребения относятся к рубежу нашей эры и имеют близкое сходство с памятниками ялойлу-тепинской культуры; в некоторых районах Азербайджана границы памятников этих двух культур перекрываются территориально и хронологически[27]. Находки римских и аршакидских монет I в. до н. э. дали основу для датировки ялойлу-тепинских погребений и сырцовых гробниц.

Важным звеном в развитии археологической науки 30-х годов явилось изучение крупных средневековых феодальных городов. С этой целью в 1933 г. для исследования городища Оренкала, осмотренного впервые А. К. Алекперовым еще в 1926 г.[28], была направлена археологическая экспедиция под руководством И. И. Мещанинова[29]. В 1936 г. на городище Оренкала сравнительно большие раскопочные работы вел А. К. Алекперов[30]. В итоге этих двух экспедиций были установлены: планировка города, стратиграфия культурных напластований, выявлены следы города за пределами крепостных стен, было высказано предположение, что Оренкала является остатком известного города Байлакана или Билагана, возникшего до VIII в.

Вторым крупным средневековым городом, подвергнувшимся исследованиям, был г. Ганджа — родина великого Низами. Работы здесь были связаны с подготовкой к 800-летнему юбилею поэта. Раскопки И. М. Джафарзаде в 1938—1940 гг. дали вещественные материалы, характеризующие историю, экономику, культуру и быт населения средневековой Гандж и[31].

В годы Великой Отечественной войны археологические исследования продолжались. В Кубатлинском районе были зарегистрированы пещеры, циклопические сооружения, курганы, поселения и средневековые крепости. На восточном побережье Апшерона было раскопано несколько каменных ящиков. Небольшие раскопки производились на могильнике эпохи раннего железного века у с. Варданлы Варташенского района, на городище Кабалы и во дворце Ширваншахов в Баку[32].

В 1941 г. во время строительных работ в местности Узун-Тепе Астраханбазарского района из разрушенных грунтовых погребений собрана интересная коллекция археологического материала, состоящая в основном из оружия эпохи бронзы и раннего железа[33].

---

[27] Е. А. Пахомов. Статуэтка из Молла-Исаклинского сельбища и ее датировка. Изв. АзФАН СССР, 1937, 2; его же. Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. Изв. АзФАН, 1939, 2; Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 149—160; Т. С. Пассек. Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, 2 (16); А. К. Алекперов. Культура кувшинных погребений Азербайджана. А. К. Алекперов. Сб. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, стр. 37—49.

[28] И. И. Мещанинов. Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет.

[29] И. И. Мещанинов. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1933 г. Тр. АзФАН СССР, XXV, Баку, 1936.

[30] А. К. Алекперов. Раскопки Оренкалы. Сб. А. К. Алекперов. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана.

[31] И. М. Джафарзаде. Историко-археологический очерк Старой Ганджи. Баку, 1949; В. Н. Левиатов. Керамика Старой Ганджи. Баку, 1940.

[32] И. М. Джафарзаде. Развитие археологических работ в Азербайджанской ССР. ИАН АзССР, 1945, 6; его же. Археологические разведки на Апшероне. МАН АзССР, 1948, 6; С. М. Казиев. Итоги археологических раскопок 1944 г. в районе Кабалы. Изв. АзФАН СССР, 1945, 1; В. Н. Левиатов. Археологические раскопки близ дворца Ширваншахов в г. Баку. МКА, 1, Баку, 1949.

[33] И. М. Джафарзаде. Элементы археологической культуры древней Мугани. ИАН АзССР, 9, Баку, 1946.

В 1945 г. была организована Академия наук Азербайджанской ССР. Начался новый этап в развитии археологической науки в Азербайджане. Археологические исследования стали предметом внимания двух учреждений Академии наук — Музея истории и Института истории.

В связи со строительством Мингечаурской ГЭС в 1946 г. была организована Мингечаурская археологическая экспедиция (начальник С. М. Казиев), которая в течение восьми лет обследовала и раскопала большое число археологических объектов в зоне затопления. Экспедиция выявила ценные памятники, относящиеся к периоду от III тысячелетия до н. э. до позднего средневековья. Она обнаружила и исследовала четыре разновременных поселения, несколько могильников с разнотипными обрядами захоронения, обжигательные печи, христианские культовые сооружения и добыла большой нумизматический, эпиграфический, антропологический и остеологический материалы.

После работ Мингечаурской экспедиции впервые на территории Закавказья стали известны грунтовые погребения с вытянутыми костяками, относящиеся к скифскому времени.

Были открыты катакомбные и срубные погребения с материалами I—VII вв., обнаружены фрагменты лапидарной письменности кавказских албанцев. Существование письменности у албанцев было известно ранее только по письменным источникам.

Анализ мингечаурского археологического материала дал возможность осветить прошлое одного из важных в историческом отношении районов древнего Азербайджана, проследить разнообразные стороны жизни населения, документировать преемственность в его материальной и духовной культуре. Мингечаурские материалы также освещают ряд вопросов о взаимоотношениях населения древнего Азербайджана и всего восточного Закавказья с народами сопредельных и более отдаленных стран. Установлено, что в эпоху раннего железа имел место тесный контакт с районами, расположенными к югу; в античный период в материалах отражаются более заметные связи со странами Средиземноморья; в раннем средневековье значительно преобладают связи с сасанидским Ираном и с народами Северного Кавказа и юга России [34]. Отдельным вопросам посвящены многочисленные статьи в республиканских и всесоюзных изданиях [35]. Мингечаурская экспедиция явилась школой подготовки специалистов археологов.

В 1947 г. была организована специальная экспедиция для изучения наскальных рисунков Кобыстана (И. М. Джафарзаде), которая работает в течение 20 лет и выявила на склонах гор Беюк-Даш, Кичик-Даш, Джингир-Даг (холм Язылы) в Кобыстане несколько тысяч наскальных рисунков и знаков, относящихся ко времени от VIII—VI тысячелетий до н. э. до средневековья. Наскальные рисунки отличаются большим разнообразием:

---

[34] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959; Р. М. Ваидов. Мингечаур в III—VIII веках. Баку, 1961; С. М. Казиев. Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1962.

[35] Р. М. Касимова. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку, 1960; С. М. Казиев. Археологические памятники Мингечаура как исторические источники для изучения истории Азербайджана. ИАН АзССР. 1950, 7; его же. Археологические раскопки в Мингечауре ДАН АзССР, посвященные 30-летию Великой Октябрьской революции. М., 1948; Г. И. Ионе. Гончарные печи Древнего Мингечаура. КСИИМК, XXIV, 1949; его же. Археологические раскопки в районе Мингечаургэсстроя. Две могилы грунтового погребения со скорченным костяком. ДАН АзССР, 1946, 6; его же. Некоторые данные к вопросу о датировке грунтовых погребений. ДАН АзССР, 1946, 9; Г. М. Асланов. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. КСИИМК, 60, 1955; его же. Мингечаурское погребение с костяком, закованным в кандалы. ДАН АзССР, 1953, 4; О. А. Даниелян. Парное погребение в кувшине из Мингечаура. ДАН АзССР, 1959, 3; его же. Глазурованное блюдо из Мингечаура. ДАН АзССР, 1954, 3; Р. М. Ваидов. Археологическая характеристика эпиграфических памятников Мингечаура. ИАН АзССР, 1958, 4; его же. Археологические раскопки в Мингечауре в 1950 году. КСИИМК, 46, 1952; Н. А. Алекперова. Домашние бараны и козы древнего Мингечаура. Тр. Естественно-исторического музея им. Г. Зардаби, IX, Баку, 1954.

здесь и сцены охоты и различные животные, жатва и жертвоприношения, нередко реалистически выполненные танцы и лодки с гребцами с изображением солнца на носовой части. Несомненно, что некоторые рисунки связаны с магией. Наскальные изображения Кобыстана в зависимости от времени высечения отличаются друг от друга по стилю, композиции, технике выполнения и размерам. Иногда они налегают друг на друга, подражают более древним. Ранние рисунки дают изображения в натуральную величину, более поздние — меньших размеров [36].

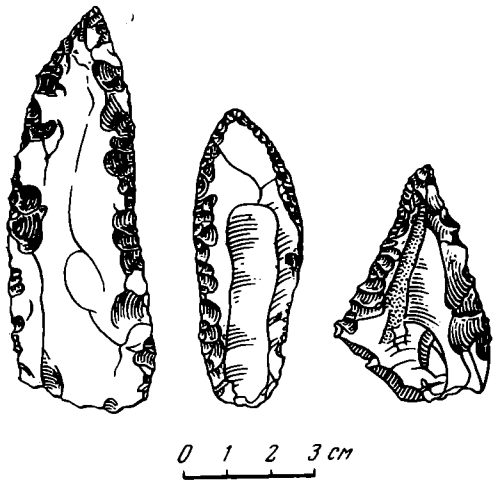


Рис. 1. Мустьерские орудия из пещеры Дашсалахлы

В последние годы начаты раскопки убежищ под скалами с рисунками, число их превышает два десятка. Здесь был обнаружен комплекс микролитических орудий, неизвестных до сих пор на территории Восточного Закавказья. В Кобыстане эти орудия найдены в одном из убежищ в слоях расположенных ниже наиболее древних образцов наскальных изображений.

Среди Кобыстанских памятников большой интерес представляет латинская надпись у подошвы горы Беюк-Даш, свидетельствующая о пребывании центурии XII римского легиона в период правления императора Домициана (81—96 гг.) у берегов Каспийского моря [37].

В последнее время Г. М. Асланов в некоторых пунктах Апшерона выявил и исследовал комплексы наскальных изображений, часть которых по технике исполнения и сюжету совершенно отличается от Кобыстанских. Характерно, что апшеронские изображения во многих случаях нанесены на камнях бытовых и культовых сооружений.

На Апшероне изучены также поселения бронзового века и различные типы погребений эпохи раннего железа. Материалы из раскопанных на Апшероне памятников связываются с тремя археологическими культурами Кавказа: каякентскохорочеевской на севере, ходжалы-кедабекской (центральнозакавказской) на западе и мугано-талышской на юге [38].

В начале 50-х годов перед археологической наукой Азербайджана встал вопрос о заполнении пробелов по отдельным периодам. Необходимо было обследование объектов, связанных с проблемными вопросами истории Азербайджана. Имеющиеся археологические кадры республики не были в состоянии всесторонне охватить возникшие перед ними новые задачи.

Для успешного решения этих задач Академия наук республики пригласила из головных институтов АН СССР ряд специалистов. В эти же институты были направлены аспиранты-археологи. Были приглашены С. Н. Замятнин, А. А. Иессен и А. Л. Якобсон, которые руководили полевыми работами и оказали помощь в подготовке специалистов. Кроме того, подготовку кадров археологов осуществлял Музей истории Азербайджана.

[36] И. М. Джафарзаде. Наскальные изображения Кобыстана. Тр. ИИ АН АзССР, XIII, 1958; его же. Наскальные изображения Кобыстана. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965.

[37] И. М. Джафарзаде. Древнелатинская надпись у подошвы горы Беюк-Даш. ДАН АзССР, 1948, 7; П. Х. Тумбиль. Римская надпись I в. н. э., обнаруженная в пределах Азербайджана. Там же; З. И. Ямпольский. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-Даш. ВДИ, 1950, 1.

[38] Г. М. Асланов. Археологические раскопки на Апшероне. МКА, VI, Баку, 1965; Г. М. Асланов, П. А. Гаджиев. Художественно-технические особенности наскальных рисунков Апшерона. Материалы сессии..., стр. 86.

Большая заслуга в подготовке азербайджанских археологов принадлежит Е. И. Крупнову.

В 1953 г. под руководством С. Н. Замятнина была проведена разведка по районам республики. С. Н. Замятнин собрал каменные орудия и установил существование поселений верхнепалеолитического времени в гроте Дамджилы на горе Авейдаг Казахского района [39]. С этого началось изучение палеолита в Азербайджане, которое продолжил М. М. Гусейнов. Экспедиция Музея истории Азербайджана (начальник М. М. Гусейнов) в течение трех лет раскапывала в гроте Дамджилы, а в 1956 г.— в пещере Дашсалахлы на горе Авейдаг палеолитические стоянки. Пещера Дашсалахлы оказалась однослойной и дала мустьерские материалы (рис. 1). В гроте Дамджилы слои перемешаны и содержат материалы, относящиеся ко времени от мустье до неолита [40]. В 1960 г. были начаты раскопки одной из крупных пещер Кавказа — Азыхской, расположенной на юго-восточном склоне Малого Кавказа в долине р. Гуручай. Установлено, что в ней имеется восемь литологических и культурных слоев, которые дали археологический и палеонтологический материал от раннего ашеля до мустье включительно [41]. Недалеко от Азыхской пещеры выявлена и частично исследована Тагларская пещера с позднемустьерским культурным слоем [42]. М. М. Мансуров осуществил разведки на северо-восточных склонах Малого Кавказа. В нескольких пунктах он нашел палеолитические стоянки и мастерскую по обработке камня. Каменные орудия относятся преимущественно к мустьерскому и верхнепалеолитическому времени [43].

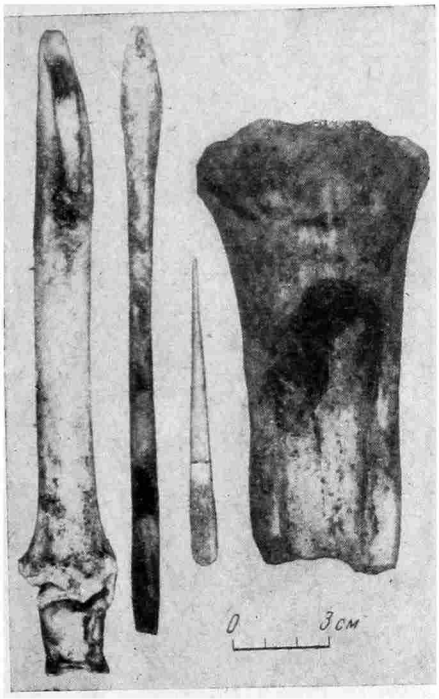


Рис. 2. Костяные изделия из поселений V—IV тысячелетий до н. э.

В 1950 г. было продолжено исследование городища Оренкала. И. М. Джафарзаде провел небольшие работы на внешней стене города. Эти работы значительно дополнили представления о границах Малого и Большого городов [44]. Для всестороннего исследования городища Оренкала в 1953 г. была организована совместная археологическая экспедиция Института истории и философии АН Азербайджанской ССР и Института археологии АН СССР (начальник А. А. Иессен). Итоги работ этой экспедиции подведены в ряде сборников [45].

---

[39] С. Н. Замятнин. Разведки по каменному веку в Азербайджане осенью 1953 г. Тр. ИИ АН АзССР, XIII.

[40] М. М. Гуссейнов. Пещеры каменного века на Авейдаге. ДАН АзССР, 11, Баку, 1959; его же. Мустьерская стоянка в пещере Дашсалахлы, ИАН АзССР, 6, Баку, 1959.

[41] М. М. Гуссейнов. О результатах археологических раскопок в Азыхской пещере. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане».

[42] М. М. Гуссейнов, Д. В. Гаджиев. Изучение палеолитических месторождений в долине реки Куручай. Материалы сессии... Баку, 1965.

[43] М. М. Мансуров. Первые сообщения об археологических разведочных работах близ с. Шихлы. МКА, VI, 1965.

[44] И. М. Джафарзаде. Археологические раскопки городища Оренкала в 1951 г. Тр. ИИФ АН АзССР, IV, 1954.

[45] Издано три тома: Труды Азербайджанской (Оренкалинской) археологической

В настоящее время на Оренкале продолжает исследования Г. М. Ахмедов.

На городище Оренкала раскопана большая площадь внутри города, часть крепостных стен Большого и Малого городов, ремесленный квартал и мавзолей вне городских стен. Собран огромный материал, позволяющий сделать ряд выводов по истории города: определить этапы его культурно-экономического развития, характер ремесла, выделение Малого Города из Большого, архитектурно-строительные особенности сооружений и решить вопрос об отождествлении городища Оренкала со средневековым городом Байлаканом [46]. Проведены также разведочные работы по выявле-

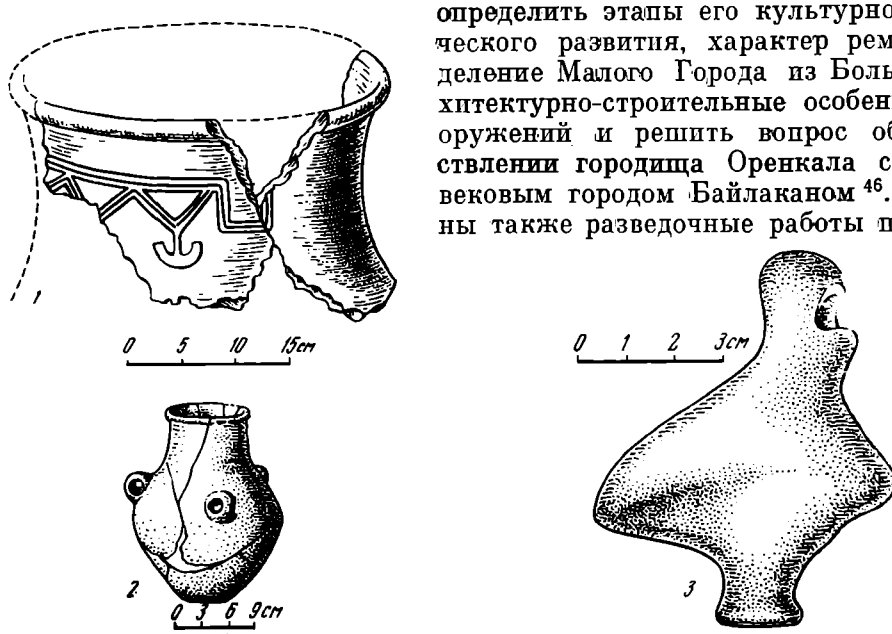


Рис. 3. Сосуды из поселения Баба — Дервиш (*1*, *2*) и фигурка птицы из глины (*3*)

нию разновременных памятников Мильско-Карабахской степи, в особенности поселений энеолитического времени. Были раскопаны: поселение Узерлик-Тепе с чернолощеной и расписной керамикой и оборонительной стеной II тысячелетия до н. э.; поселение Кара-Тепе с основным слоем VII—V вв. до н. э.; сезонное поселение скотоводов начала I тысячелетия до н. э. на урочище Уч-Тепе; один из больших курганов группы Уч-Тепе, относящийся к III тысячелетию до н. э.; погребения конца эпохи бронзы и начала железа у с. Ходжалы [47].

О. А. Абибуллаев в 1951—1964 гг. раскопал многослойный холм Кюль-Тепе около Нахичевани. Он установил, что это поселение содержит наслоения длительного времени с начала IV до начала I тысячелетий до н. э. Особое внимание заслуживает неизвестный ранее в Закавказье нижний энеолитический слой Кюль-Тепе с материалами, характеризующими культуру оседлого населения с земледельческо-скотоводческим укладом и ран-

---

экспедиции, I, 1953—1955 гг. МИА, 67, 1959; Труды Азербайджанской археологической экспедиции, II, 1956—1960 гг.; Средневековые памятники Азербайджана. III, МИА, 133, 1965.

[46] Кроме указанных выше: Г. М. Ахмедов. Неполивная керамика Азербайджана. Баку, 1959 (на азерб. яз.); его же. Некоторые итоги археологических раскопок городища Оренкала в 1959—1963 гг. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965; Н. В. Минкевич-Мустафаева. Некоторые итоги изучения ремесленного квартала Байлакана. Там же; В. П. Фоменко. Стеклянные изделия средневекового городища Оренкала XI—XIII вв. Там же; Ф. А. Ибрагимов. Об орнаментах на металлических изделиях из Оренкала. Материалы сессии..., стр. 150, 151.

[47] К. Х. Кушнарева. Археологические работы 1954 г. в окрестностях с. Ходжалы, МИА, 67; ее же. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама. Там же.

ними металлическими изделиями и указывающими на связи с Передней Азией [48].

В Нахичеванской АССР найдены поселения с мощными культурными слоями III—II тысячелетий до н. э., исследование которых поможет выяснению ряда вопросов по культуре расписной керамики Закавказья [49].

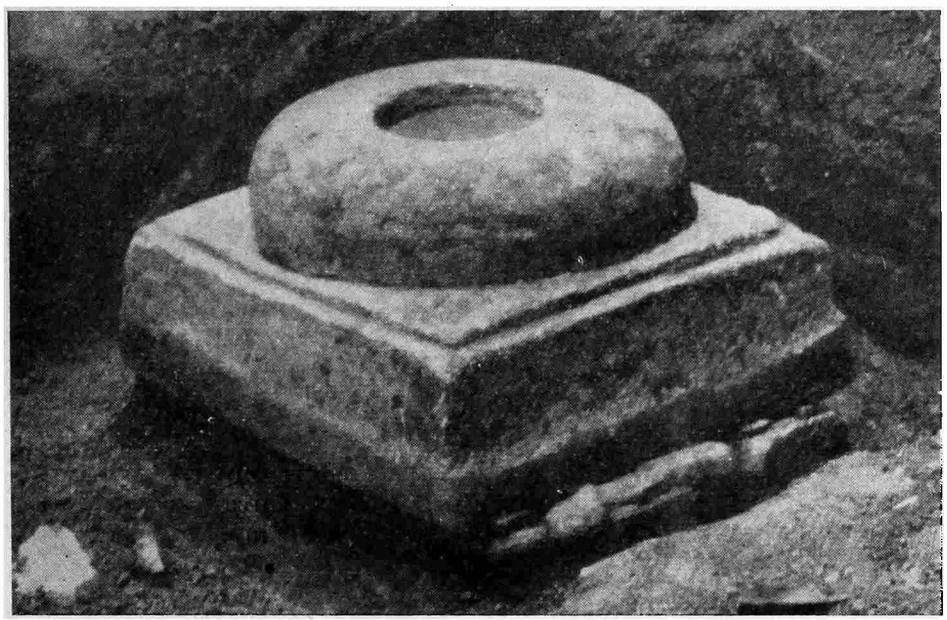


Рис. 4. Каменная база колонны античного периода. Кабала

Казахская археологическая экспедиция (руководитель И. Г. Нариманов), имела задачей исследование памятников древнего оседлого населения Азербайджана. Эта экспедиция впервые в Закавказье выявила десятки энеолитических поселений на правобережье р. Куры в западной части Азербайджана. Часть этих поселений несомненно относится к V тысячелетию до н. э. Открыты слои с круглыми домами из сырцового кирпича, орудиями труда, бытовыми предметами (рис. 2), остатками хлебных злаков и костями домашних животных [50]. Экспедиция исследовала кроме того поселения периода ранней бронзы (рис. 3) и переходного времени от бронзы к железу. Поселения такого рода особенно многочисленны [51].

Заслуживает внимания также дворцовый комплекс зданий на холме Сарытепе на окраине г. Казаха с каменными базами колонн ахеменидского типа (рис. 4) [52].

В последние годы в бассейне р. Гуручай на юго-восточном склоне Малого Кавказа, а также в районе Куба-Хачмас и на Мугани, были выяв-

---

[48] О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку, 1959 (на азерб. яз.); его же. Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане, СА, 1963, 3.

[49] В. Г. Алиев. Крашеная керамика Кюль-Тепе. II ДАН АзССР, 1963, 5

[50] И. Г. Нариманов. Древнейшая земледельческая культура Закавказья. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Праге. М., 1966.

[51] И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов. Акстафачайское поселение близ г. Казаха. СА, 1962, 4; Г. С. Исмаилов. Орнаментация керамики древнего поселения Бабадервиш и ее взаимосвязи с энеолитическими памятниками Закавказья. АИА; И. Г. Нариманов. Археологические раскопки на поселении Сары-Тепе. ИАН АзССР, 1959, 3.

[52] И. Г. Нариманов. Находки баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане. СА, 1960, 4.

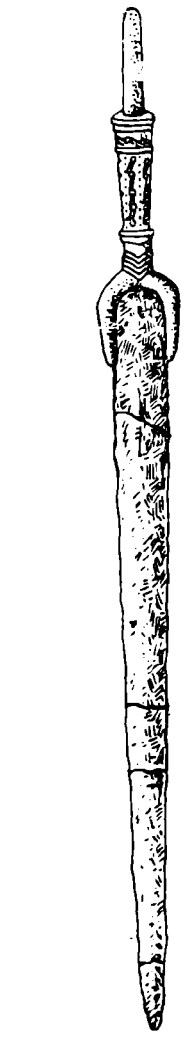


Рис. 5, *1*. Железный меч с бронзовой рукоятью из грунтового погребения IX—VIII вв. до н. э.

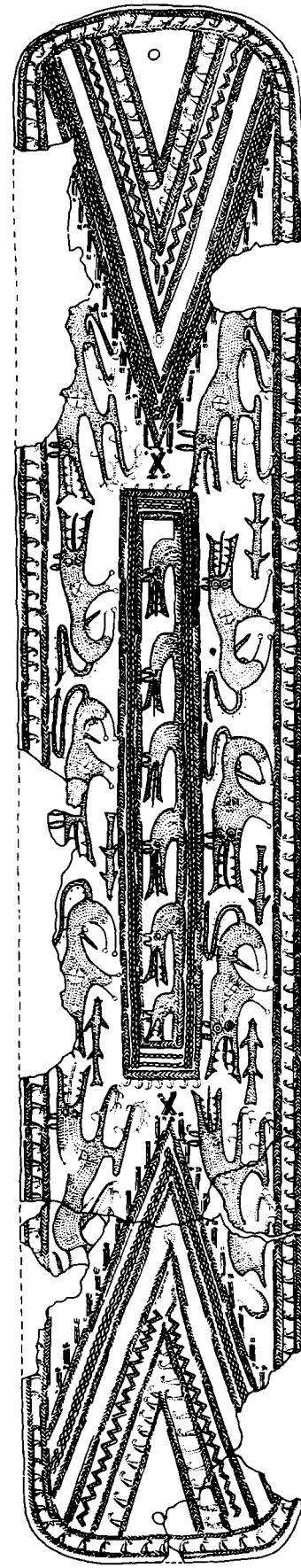


Рис. 5, *2*. Бронзовый пояс X—VIII вв. до н. э. Казахский район

лены и частично изучены памятники земледельческой культуры эпохи энеолита и ранней бронзы. Продолжались обследования памятников в горах на Хачбулагском яйлаге, где наряду с курганами эпохи поздней бронзы, раскопаны погребения с материалами, характерными для ранней и средней бронзы [53].

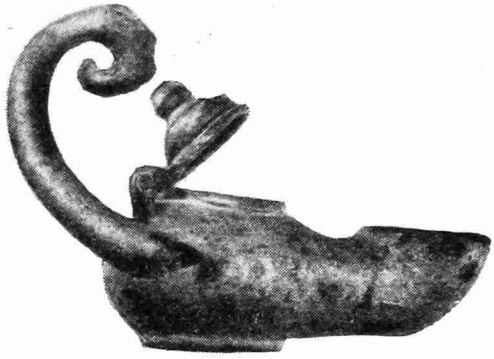


Рис. 6. Бронзовый светильник античного времени. Кабала

В конце 50-х годов археологи Азербайджана приступили к планомерному изучению археологических памятников, связанных с проблемой истории Кавказской Албании. Были организованы экспедиции для исследования разнотипных объектов: Гяур-Кала в Агдамском районе, Топрак-Кала в Кахском районе, Хныслы около Шемахи и городища Кабала в Куткашенском районе.

Рис. 7. Селевкидские и албанские монеты из клада. Кабала

Р. М. Вайдов на холме Гяур-Кала выявил однонефный монументальный христианский храм, погребения в каменных ящиках и саркофагах VIII—X вв. На одной из крышек саркофага высечена эпитафия с именем албанского князя X в. Хамама [54]. Он же установил, что Топрак-Кала представляет собой остаток большого поселения с разновременными бытовыми памятниками, датируемые первыми веками до н. э. до XIV—XV вв. На по-

[53] И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов. Археологические раскопки в Хачбулаге в 1959 г. ИАН АзССР, 1961, 3; Г. П. Кесаманлы. О Хачбулагских каменных ящиках. МКА, VI (1965).

[54] Р. М. Вайдов. Археологические раскопки в Гяур-Кала. МКА, VI, 1965, Баку.

селении и за его пределами открыты погребения типа Ялойлу-Тепе (кувшинные и христианские), а также гончарные печи для обжига посуды и кирпича [55].

Специальным объектом исследования была избрана округа села Хыныслы, где в 1958 г. был найден большой клад из привозных и местных монет античного периода. Хыныслинская экспедиция (руководитель Дж. А. Халилов) обнаружила, что окрестности Хыныслы хранят остатки

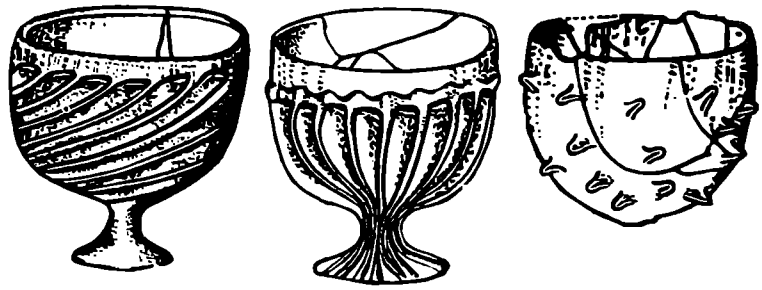


Рис. 8. Стеклянные сосуды из кувшинных погребений V—VII вв. Шергах, Шемахинский район

крупных населенных пунктов Кавказской Албании от последних веков I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры. Здесь известны могильники с ямными, грунтовыми, кувшинными погребениями и погребениями в каменных ящиках позднего времени [56].

Раскопки Кабалинской экспедиции (руководитель С. М. Казиев), в отличие от прежних исследований в Кабале, оказались более результативными. Археологические материалы подтвердили сообщения письменных источников о существовании города Кабала в античное время. Открыты разновременные бытовые и культовые сооружения и получен большой материал, характеризующий жизнь города на разных этапах его развития (рис. 6). Кабала была главным городом и крупным экономическим центром древней Кавказской Албании. Здесь найдены клады македонских и селевкидских монет, местные подражания им, а также аршакидские, римские и раннесасанидские монеты (рис. 7) [57]. Памятники Кавказской Албании античного времени были также выявлены в Исмаиллинском районе [58].

На материалах археологических экспедиций осуществлены специальные исследования стекла, глиптики и керамики (рис. 8) [59].

Наряду с городами Кабала и Байлакан, проводилось археологическое изучение и города Баку. Экспедиция О. Ш. Исмизаде обследовала старую (крепостную) часть города и выявила материалы IX и последующих веков. Были изучены остатки второй линии крепостных стен с полукруглыми башнями, большое сооружение с аркадой, исследована известная бакинская «Девичья башня» [60]; в Бакинской бухте изучалось затопленное

---

[55] Р. М. Вандов. Первые итоги археологических работ в Топрак-кале. МКА, VI Г. М. Асланов. Археологические раскопки на Топрак-Кала. ИАН АзССР, 1961.

[56] Д. А. Халилов. Раскопки на городище Хыныслы — памятнике древней Кавказской Албании. СА, 1962, 1; его же. Первые итоги археологических раскопок в поселении Хыныслы, МКА, VI.

[57] С. М. Казиев. Первые итоги археологических разведок и раскопок в городище Кабала. МКА, VI.

[58] Ф. Л. Османов. Об археологических памятниках Исмаиллинского района. МКА, VI.

[59] А. Б. Нуриев. О производстве стекла в древней Шемахе. МКА, VI; И. А. Бабаев. О производстве предметов глиптики в Кавказской Албании. Материалы сессии..., стр. 100; Р. Б. Геюшев. Отдельные этапы развития гончарных изделий в Кабале в I—X вв. ДАН АзССР, 1963, 12; Н. Рзаев. Художественная керамика Кавказской Албании. Баку, 1964.

[60] О. Ш. Исмизаде. Обследование Девичьей башни. ИАН АзССР, 1965, 5.

морем крепостное сооружение XIII в., стены которого были украшены орнаментальной надписью и различными изображениями [61]. Обследовались и другие феодальные города, храмы, замки, крепости и оборонительные сооружения около Ширвана, Карабаха и Кабалы [62].

Нумизматические материалы Азербайджана систематизировал, свел в каталог и издал Е. А. Пахомов [63]. Он посвятил более 40 лет своей жизни нумизматике Азербайджана. Его дело продолжают А. В. Рагимов и А. А. Раджабли.

Важную роль в изучении древней металлургии Азербайджана и всего Кавказа сыграла лаборатория археологической технологии, созданная И. Р. Селимхановым. Лаборатория проделала большую работу по определению составов древних бронз спектральным и химическим способами [64].

Полувековое развитие археологии в Азербайджане, широкие полевые исследования, систематические публикации работ, посвященных общим и частным проблемам археологии и истории Азербайджана, значительный рост национальных кадров квалифицированных археологов, создание фондов и постоянной музейной экспозиции — яркое свидетельство развития культуры Советского Азербайджана в годы Советской власти и залог будущего развития археологической науки в республике.

---

[61] О. Ш. Исмизаде. Крепостные сооружения в Бакинской бухте. СА, 1966, 1.

[62] Г. А. Джидди. Крепость Кюлистан. Баку, 1967 (на азерб. яз.); Р. Б. Геюшев. Археологическое обследование городища Ана Шехер и крепости Чераберд. Материалы сессии..., стр. 148; Ф. В. Кадыров. О некоторых археологических памятниках Саваланского горного прохода. МКА, VI.

[63] Е. А. Пахомов. Монетная коллекция Азгосмузея (Греция, Рим, эллинистический Восток, сасаниды, бухар-худаты, Табаристан и Омайадские наместники в Иране). I. Баку, 1928; его же. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. 1—9, Баку, 1926—1966; его же. Монеты Азербайджана, I—II, Баку, 1959—1963.

[64] И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960; его же. Спектральное исследование металлических предметов из археологических памятников Кавказа и установление их эпохи (III—II тысячелетия до н. э.). ИАН АзССР, 1960, 1.

К. А. АКИШЕВ

АРХЕОЛОГИЯ В КАЗАХСТАНЕ ЗА СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

История становления археологии Казахстана как науки связана с именами крупных русских востоковедов — В. В. Радлова, П. С. Савельева, В. Розена, В. В. Бартольда, Н. В. Веселовского, А. А. Спицына и В. А. Городцова.

Не умаляя значимости большого вклада, который внесли дореволюционные предшественники в изучение древностей, часть работ которых не утратила своего значения и поныне, необходимо констатировать, что археология Казахстана стала самостоятельной отраслью исторической науки лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

В первые же годы существования Советской власти охрана и изучение памятников истории, искусства и архитектуры становится делом государственной важности. В 1918 г. Совет Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина издает декрет о регистрации всех монументальных и вещественных памятников старины. В 1919 г. учреждается Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК).

Учреждения подобного профиля возникают на окраинах Советской России. В 1920 г. возник Туркестанский (позднее переименован в Среднеазиатский) комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис — Средазкомстарис). Ближайшие задачи Комитета определил В. В. Бартольд, обратив особое внимание на составление археологической карты.

Однако в связи с трудностями восстановительного периода крупные археологические работы начались позднее, хотя изучение разрушающихся памятников и поездки археологов на отдельные объекты начались еще в 20-е годы.

Среди работ первых лет в Казахстане нужно отметить поездки на развалины городища Сайрам П. П. Иванова (1923 г.) и М. Е. Массона (1925 г.). Оба ученых в статьях, посвященных результатам обследования, дали детальное описание памятника и исчерпывающую сводку исторических сведений о нем [1].

Новое в археологическую науку Казахстана внесли раскопки в 1926 г. в Западном Казахстане М. П. Грязнова. Открытие и раскопки ряда могильников эпохи бронзы Киргильда I, II, Урал-Сай и Кунакбай-Сай дали яркий вещевой материал и изменили утвердившееся мнение о том, что андроновская культура характерна лишь для Западной Сибири и Минусинской котловины.

М. П. Грязнов дал обоснованную систематизацию изученных памятников и высказал мысль, что дальнейшее исследование погребений и стоянок

---

[1] П. П. Иванов. Сайрам. Историко-археологический очерк. В кн.: Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923; его же. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. Сборник В. В. Бартольду — Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927; М. Е. Массон. Старый Сайрам. Известия Средазкомстариса, 3, 1928.

эпохи бронзы в Казахстане, возможно, заставит по-иному смотреть на синхронные культуры других территорий [2]. Ныне мы убеждаемся в правильности прогноза, сделанного сорок лет назад М. П. Грязновым. Мощный очаг высокоразвитой культуры бронзового века, широко распространенный по всей степной части Казахстана дает основание исследователям памятников соседних областей ставить вопрос о казахстанском происхождении андроновской культуры [3].

Примечательно, что крупный знаток памятников эпохи бронзы евразийских степей С. В. Киселев, отмечая изменение облика культуры эпохи Шан (XVI—XI вв.) и основываясь на появлении не присущих бронзе Китая новых форм орудий труда и оружия, считал возможным говорить о влиянии на шанскую бронзу андроновской культуры Казахстана и Южной Сибири [4].

Исследования О. А. Кривцовой-Граковой, проведенные в 1930—1939 гг. около Кустаная и в 1948 г. у с. Садчиково, явились следующим шагом в изучении андроновской культуры. Раскопкам подвергся комплекс памятников одной культуры; в Алексеевке были исследованы поселение с остатками жилищ, жертвенник и могильник, оставленный, может быть, жителями этого же поселения [5]. Итоги раскопок имели большое значение для более полного изучения бытового уклада и религиозных представлений степных племен эпохи бронзы. В будущих работах на поселениях необходимо обратить внимание на весьма интересную мысль О. А. Кривцовой-Граковой об установлении количества обособленных хозяйств внутри большесемейной общины по числу остатков кухонных очагов.

Особое значение материалы Алексеевского и Садчиковского поселений имели для установления относительной хронологии памятников эпохи бронзы в Казахстане. На основании изучения керамики О. А. Кривцова-Гракова выделила два этапа андроновской культуры — ранний и поздний.

Принимая в основном классификацию и периодизацию керамики, предложенную О. А. Кривцовой-Граковой, нельзя не отметить, что горшки с налепным валиком появляются на позднем этапе андроновской культуры, а не на раннем федоровском, на что уже обращал внимание В. С. Сорокин [6].

Хотя со времени опубликования результатов раскопок алексеевского археологического комплекса прошло много времени и накоплен огромный новый материал, обоснование датировки алексеевских памятников X—XIII вв. и отнесение их к финальному этапу андроновской культуры не могут быть опровергнуты. Было бы справедливо этот этап, вместо неудачного названия замараевского или ивановско-замараевского [7], назвать алексеевским.

Важное значение для изучения культуры эпохи бронзы в Казахстане имели работы Нуринской экспедиции ГАИМК (П. С. Рыков, 1933 г.). Участники этой экспедиции М. П. Грязнов, М. И. Артамонов, И. В. Синицын, М. Н. Комарова, Н. К. Арзютов, А. Н. Рогачев провели большие разведочные маршруты и раскопки в долинах рек Нура и Шерубай-Нура; были об-

---

[2] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки». Л., 1927, 2.

[3] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948; Г. А. Максименков. Окуневская культура. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1961.

[4] С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, 4.

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, М., 1948, XVII; е е ж е. Садчиковское поселение. МИА, 21, 1951.

[6] В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, 120, 1962, стр. 86.

[7] К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Пермь, 1948; М. П. Грязнов. Восточное Приаралье. В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л., 1966.

наружены и обследованы стоянки энеолитического времени, могильники бронзового века, курганы эпохи раннего железа, надмогильные сооружения казахов [8].

Подлинным открытием этой экспедиции явились раскопки кургана 11 около аула Дандыбай. Здесь в большой четырехугольной камере, стены которой были сложены из плитнякового камня, находились остатки разграбленного захоронения. В камере вместе с останками погребенного были обнаружены обломки бронзовых наконечников стрел, роговая ворворка, фрагменты 12 глиняных сосудов. Великолепно орнаментированные горшки с шаровидным туловом и прямым венчиком живо напомнили посуду карасукской культуры. В степях Центрального Казахстана был открыт в то время единственный, но очень яркий памятник поздней бронзы.

Карасукообразный облик культуры Дандыбая II серьезно поколебал распространенное мнение о том, что только на востоке карасукская культура сменила андроновскую, а на западе андроновская культура непосредственно предшествовала культуре эпохи раннего железа [9]. Вместе с тем близкие параллели Карасука и Дандыбая привели к появлению новых гипотез о западных границах карасукской культуры, о происхождении дандыбаевских находок в результате проникновения карасукских форм далеко на запад.

Полную публикацию и анализ дандыбаевского материала сделал М. П. Грязнов. Привлекая находки из могильника Бегазы, он считает культуру Дандыбая локальным вариантом карасукской, но возникшей не в результате распространения из Минусинской котловины, а на основе развития местной андроновской культуры при тесном культурном взаимовлиянии с соседними племенами [10]. Высокий уровень производства бронзовых изделий и керамики, найденных в Дандыбае и Бегазах, послужили М. П. Грязнову поводом для пересмотра его же вывода о сравнительной бедности казахстано-алтайской культуры и богатстве минусинской, который он сделал в 1930 г.[11]

В 1933 г. археологическими работами были охвачены районы более западные, чем долина Нуры и даже Притоболье. ГАИМК организует Южноуральскую экспедицию (А. И. Тереножкин, П. А. Дмитриев и Б. Н. Граков) с целью учета и картографирования древностей. В результате было учтено и обследовано 168 могильников, насчитывающих 838 погребальных сооружений, пять стоянок и две пещеры, в том числе к эпохе бронзы относились 14 могильников. В раскопанных курганах наиболее интересные археологические материалы найдены в двух кольцевых оградах (Тулайкин аул).

Эти находки в совокупности с итогами разведок навели Б. Н. Гракова на мысль о распространении единой андроновской культуры на огромной территории от Минусинска до Орска [12].

В 1932—1933 гг. было положено начало изучению древних горных выработок на медь, олово и золото. Работа была проведена комиссией металлов, состоящей при Комитете по работам на новостройках ГАИМК. Комиссия провела обследование преимущественно в восточных районах Казахстана [13].

---

[8] П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). ИГАИМК, 110. Археологические работы Академии наук на новостройках, II, М.— Л., 1935.

[9] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 153; С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, стр. 69; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1948, стр. 96.

[10] М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 159.

[11] М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», III, Л., 1930.

[12] Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, 110.

[13] Работы комиссии металлов (Главзолото и Союзредметразведка). ИГАИМК, 110.

В 1935—1937 гг. С. С. Черников продолжил работы в этом направлении. За два сезона в Калбинском и Нарымском хребтах он обследовал 16 древних выработок, из них 11 на олово, две на медь и одну на золото. Работа С. С. Черникова до сих пор является одним из первых в СССР трудов, специально посвященных развитию металлургии и горного дела в древности [14]. В изучение древней металлургии включились и геологи, чьи специальные познания оказывают ценную помощь археологам в выяснении многих вопросов истории металлургического производства в бронзовом веке [15].

Таким образом, к концу 30-х годов памятники эпохи бронзы были открыты во всей степной части Казахстана от Иртыша до Урала, изучены и выборочно раскопаны могильники, поселения и горные выработки, разработана предварительная хронология культуры, намечены общие контуры истории племен в эпоху бронзы.

Работы М. П. Грязнова, О. А. Кривцовой-Граковой и С. С. Черникова определили дальнейшее направление в изучении андроновской культуры.

В 1928—1929 гг. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов раскопали курганы у башни Бурана, поселков Чильпек и Каракол в Северной Киргизии. Бесспорной заслугой М. В. Воеводского и М. П. Грязнова является анализ материала, датировка изученных памятников и определение их этнокультурной принадлежности, т. е. выделение культуры древних усуней. Археологический комплекс был сопоставлен с конкретным этносом, с усуньскими племенами — древними обитателями Семиречья, имя которых сотни лет не сходило со страниц китайских хроник.

Работы последующих лет полностью подтвердили выводы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова, более того, они долго служили своеобразным эталоном датировки и определения древнеусуньской культуры Семиречья, Ферганы и Южного Казахстана.

Среди работ этих лет несомненно ведущее место занимают экспедиционные исследования в Семиречье и Южном Казахстане, организованные ИИМК АН СССР совместно с Казахским филиалом Академии наук под руководством А. Н. Бернштама. Работам А. Н. Бернштама были присущи большие масштабы как по охвату больших территорий (Киргизия, юг Казахстана, Таджикистан, частично Узбекистан), так и по хронологическим рамкам изучаемых памятников. Изучению древностей Казахстана и Средней Азии А. Н. Бернштам посвятил свыше 20 лет. В течение этого времени почти все археологические изыскания на юге Казахстана и в других среднеазиатских республиках связаны с его именем. А. Н. Бернштам был организатором и руководителем крупных экспедиций, которые, выполняя археологические разведки и раскопки, в то же время являлись школой для подготовки археологических кадров.

Первой такой экспедицией была Семиреченская, организованная ИИМК АН СССР вместе с Казахским филиалом Академии наук и Комитетом наук при Совнаркоме Киргизской ССР. Полевые работы Семиреченской экспедиции проводились в несколько этапов: в 1936—1938 гг. в Таласской долине (Казахстан и Киргизия), в 1938—1940 гг. в Чуйской и Илийской долинах, в 1947—1952 гг.— в Южно-Казахстанской и, наконец, в 1950—1952 гг.— в Памиро-Ферганской экспедициях, организованных ИИМК АН СССР совместно с Академией наук Казахской ССР, Киргизским и Таджикским филиалами АН СССР.

На городищах Таласской долины были произведены разведывательные раскопки с целью выяснения их стратиграфии, а также раскопано несколько курганных погребений, обследованы памятники Акыртас и место

---

[14] С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

[15] Г. Н. Щерба. Археологические находки на Южном Алтае в 1949 г. ИАН КазССР, серия археол., 3, 1951.

случайной находки деревянной палочки с руническими письменами в ущелье Нельда. Так, подверглось раскопкам интересное по своей топографии городище Кош-Тепе (Костобе) (правый берег нижнего течения р. Талас). Материалы раскопок свидетельствуют о двух периодах в жизни города, датируемых VI—VIII и IX—X вв. На городище Чуль-Тепе (Чольтобе) были выявлены остатки жилых строений из сырцового кирпича на каменном фундаменте и другие. Раскопки охватили лишь верхний строительный горизонт XI—XII вв. Датировка городища Кош-Тепе и Чоль-Тепе, предложенная А. Н. Бернштамом, поставлена под сомнение Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем, считающими ее удревненной [16].

В междуречье Талас-Чу экспедиция А. Н. Бернштама обследовала и частично раскапывала Акыртас (XII—XIV в.). По мнению А. Н. Бернштама Акыртас был сооружением не среднеазиатского мастера, а мастеров сирийско-византийского происхождения. Вопрос о происхождении и времени сооружения Акыртаса остается спорным. Г. И. Пацевич, обследовавший памятник в 1940 г., датирует его VIII—IX вв. [17], а архитектор Т. К. Басенов склонен относить его к VII—VIII вв. [18].

Наиболее интересные материалы были получены при частичных раскопках поселения Луговое-холм — остатки сельского поселения с саманными жилищами полуоседлого типа. Наряду с развитым скотоводством в хозяйстве жителей поселения значительную роль играло земледелие. Эти наблюдения явились исходными для вывода о развитии оседлости и земледелия в Таласской долине среди племен кангюй еще в первых веках нашей эры, который сделал А. Н. Бернштам.

Однако, как свидетельствуют наши материалы, полученные при раскопке поселения-зимовки Актас, синхронного памятнику Луговое-холм, переход к оседлости и развитие земледелия происходили и в восточном Семиречье у усуней [19].

Таким образом, развитие оседлости и земледелия на территории Семиречья во II—V вв., по-видимому, было связано с общими закономерностями социально-экономического прогресса скотоводческих обществ. Его ускоряло воздействие высокоразвитых древнеземледельческих центров Средней Азии и Восточного Туркестана, с которыми общались скотоводы Семиречья.

Стратиграфический раскоп, заложенный близ цитадели Луговое-городище, установил время жизни города, начиная с VII в. до XII в. Работы, проведенные на городище в 1963 г., дали дополнительные данные и подтвердили датировку А. Н. Бернштама [20].

Работы Семиреченской экспедиции были продолжены в 1938 г. в более широких масштабах, чем в 1936 г. Были начаты раскопки городища Тараза, продолжено обследование западной части Таласской долины, в частности мавзолеев Айша-биби и Бабаджа-хатун, архитектурных памятников X—XII вв. Результаты раскопок Тараза показали, как отмечает А. Н. Бернштам, «столичный» характер культуры и архитектуры былого города, центра Таласской долины. Стратиграфический раскоп, заложенный в северо-восточном углу шахристана Тараза, дал материал, датирующий время жизни города с V по XV в. Особый интерес имеет надпись на сосуде, найденная в Таразе. Она была написана сирийским письмом, вероятно в VII в.,

---

[16] Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, реестр № 3780, 3816.

[17] Археологическая карта..., № 3819.

[18] Т. К. Басенов. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, 1957; А. Х. Маргулан, Т. К. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.

[19] К. А. Акишев. Основные научные итоги археологических исследований в Казахстане. ВАН КазССР, 4, 1963; его же. Ценнейшие археологические памятники (на каз. яз.). В кн.: Свидетели древней культуры. Алма-Ата, 1966, стр. 62—64.

[20] К. М. Байпаков. Средневековые города и поселения Семиречья (VII—XII вв.). Автореф. канд. дис., Алма-Ата, 1966, стр. 5, 6.

представителем среднеазиатского сирийско-тюркского христианского населения [21].

В дальнейшем раскопки Тараза проводились в 1958, 1961 гг. (Т. Н. Сенигова), в 1962 г. (Т. Н. Сенигова, Е. И. Агеева, М. С. Мерщиев) и в 1963 г. (Т. Н. Сенигова). Раскопки обогатили коллекцию из Тараза новыми многочисленными находками, дополняющими наше представление о культуре средневекового города и в основном подтвердили хронологические границы жизни Тараза. Добытые материалы дают основание предположить, что Тараз возник на месте поселения античного времени. Поэтому, возможно, что история Таласа — Тараза — Аулие-Ата — Джамбула гораздо древнее, чем нам представляется в настоящее время.

В 1938 г. были начаты раскопки на грандиозном могильнике, состоящем из нескольких сот курганов, известном под названием «Берккаринский» [22]. Берккаринский могильник примечателен разнообразием типов сооружений и контрастным различием размеров курганов и их конструкций (насыпные курганы, плоские кольцевые оградки, четырехугольные выкладки, образующие сложные в плане фигуры). Эти конструктивные особенности берккаринских курганов А. Н. Бернштам объясняет космогоническими, астральными представлениями кочевников, соорудивших эти памятники [23].

Датировка и этническая принадлежность населения, оставившего могильник Берккары, предложенная А. Н. Бернштамом и поддержанная Г. Г. Бабанской, на наш взгляд представляются убедительными. А. Г. Максимова, исследовавшая могильник в 1957 г., датирует его по аналогии с усуньскими погребениями Семиречья I—III вв. и предполагает, что он оставлен древними усунями [24].

Семиреченская экспедиция в 1939 г. обследовала Алма-Атинскую область. Итогами ее работ является составление археологической карты района разведок, описание и топографическая съемка плана памятников [25]. Кроме того, были заложены стратиграфические шурфы на Талгарском городище в Джуантобинском могильнике, расположенном на р. Или. Датировка IV—IX вв., предложенная А. Н. Бернштамом, этого грандиозного могильника, насчитывающего около тысячи курганов, была уточнена А. Г. Максимовой в 1956 г.

На Джуантобинском могильнике она раскопала 29 курганов, давших большой материал, относящийся к двум хронологическим периодам: раннесакскому и усуньскому [26]. Предложенная А. Г. Максимовой датировка довольно убедительна [27].

Таким образом Джуантобинский могильник — один из самых крупных в Восточном Семиречье — содержит захоронения трех племенных объединений: саков, усуней и тюрков, время обитания которых охватывает огромный хронологический период с VII в. до н. э. по VII—VIII в. н. э.

Несмотря на разведочный характер работ Семиреченской экспедиции, итоги обследования дали материалы, выясняющие особенности земле-

---

[21] А. Я. Борисов. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948, стр. 108.

[22] Г. Г. Бабанская. Берккаринский могильник. Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, Алма-Ата, 1956; А. Г. Максимова. Погребальные сооружения скотоводческих племен. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962.

[23] А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, 14, 1950.

[24] А. Г. Максимова. Указ. соч., 100, 111.

[25] А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области (по материалам экспедиции 1939 г.). ИАН КазССР, сер. археол., I.

[26] А. Г. Максимова. Курганы сакского времени могильника Джуантобе. КСИИМК, 80, 1960; ее же. Усуньские курганы левобережья реки Или. ИАН КазССР, I (9), Алма-Ата, 1959.

[27] К. А. Акишев. Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

дельческой культуры Семиречья и торговые пути в Восточный Туркестан, а также уточняющие маршруты В. Рубрука во время путешествия в ставку монгольского хана Мункэ (Мэнгу) в 1253 г. [28]

Однако в общем-то небольшая маршрутная поездка А. Н. Бернштама создала у него поверхностное впечатление о историко-культурном прошлом Семиречья. Он согласился с мнением В. В. Бартольда об отсутствии здесь «сколько-нибудь замечательных памятников древности», и распространил это мнение на все восточное Семиречье [29]. Многолетние работы, проведенные в Семиречье в 1954—1966 г., доказали ошибочность мнения В. В. Бартольда и А. Н. Бернштама.

В Восточном Семиречье ныне нет белых пятен, не охваченных археологическим обследованием, нет также районов, где бы не были обнаружены следы деятельности человека в разные эпохи, будь то высокогорные плато Тянь-Шаня или безводные пустыни Прибалхашья. Открытые памятники относятся к разным хронологическим периодам, начиная с неолита и эпохи бронзы до XIX в., что свидетельствует о непрерывности развития общества и его культуры.

Топографические особенности памятников (размещение поселений — зимовок и могильников, планировка городов) наглядно отражают специфику экономического развития, обусловленную географической средой Семиречья. В древнем и средневековом Семиречье эта специфика развития выразилась в единстве скотоводческого и земледельческого хозяйства, полукочевого и полуоседлого быта и, наконец, в единстве кочевнической и земледельческой культуры.

Необходимо подчеркнуть, что подобный синкретизм не был явлением искусственно насажденным в результате военных действий или колонизаторской деятельности, а был единственно возможным, естественным направлением экономического и культурного развития общества, выработавшимся в специфических природных условиях.

Среди многих новых памятников Семиречья особо должны быть отмечены такие редкостные, как петроглифы Тамгалы-Тас в Чу-Илийских горах, представляющие хранилище сотен наскальных рисунков бытовых сцен и ритуальных танцев, животных и сцен охоты [30].

В долине р. Или, где раньше не предполагали большого количества памятников, теперь найдены и раскопаны грандиозные курганы Бесшатыра с уникальными деревянными конструкциями — усыпальницами сакских вождей. Найдены тысячи курганных могильников — родо-племенных кладбищ древних усуней [31]. В долинах рек Лепсы и Каратал были открыты и обследованы 20 неизвестных до этого средневековых городищ.

Большие земледельческие оазисы с развалинами городов и остатками мощных ирригационных сооружений были обследованы в пустынях Прибалхашья. Очаги городской культуры найдены и в предгорьях Кетмень-Тау, и в горных котловинах Заилийского и Кунгей Алатау [32]. Результаты обследования этих памятников свидетельствуют о более широких масштабах развития земледелия и городской цивилизации в Семиречье в X—XII вв., чем это представлялось раньше.

В 1940 г. А. Н. Бернштам обследовал развалины у современных поселков Мерке и Чалдавар и отождествил их со средневековыми городами Мерке и Аспара. На среднем Таласе обследованию подвергались городища Майтобе и Джувантобе, расположенные к югу от Тараза. А. Н. Бернштам, основываясь на противоречивых сведениях арабоязычных письменных

---

[28] А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской обл., стр. 87, 88.
[29] А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 90.
[30] А. Г. Максимова. Наскальные изображения в ущелье Тамгалы. ВАН КазССР, 9, 1958.
[31] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней...
[32] К. М. Байпаков. Города и поселения Семиречья. ИАН КазССР, 2, 1966.

источников о местонахождении средневековых населенных пунктов, пришел к гипотетическому заключению о тождестве городища Майтобе с древним городом Хамукет, а Джувантобе — с Атлахом. Уместно отметить, что В. В. Бартольд на основании этих же источников помещал упомянутые города на противоположной стороне, т. е. к северу от Тараза, на равнине.

На городище Аспары в 1965 г. были предприняты раскопки. Результаты раскопок внесли уточнения в некоторые вопросы истории Аспары монголо-тимуридского периода. В частности, время жизни города было определено вплоть до XVI в., тогда как раньше предполагалось, что уже в 30-х годах XV в. Аспара лежала в развалинах. В письменных источниках, кроме того, сообщалось, что уже в начале XV в. город существовал лишь как крепость, где содержался военный гарнизон войск Тимура, однако раскопки установили, что вне цитадели находились жилища гражданского населения, занимавшегося земледелием, скотоводством и различными ремеслами [33].

Кроме упомянутых работ больших экспедиций или целенаправленных исследований по отдельным проблемам, в 20—30-е годы осуществлялись поездки и раскопки отдельных ученых, краеведов, работников музеев, любителей археологии. Так, в 1929 г. А. И. Тереножкин совершал археологическую разведку по р. Чу, в результате которой была составлена археологическая карта и дано описание и датировка обнаруженных памятников [34].

В 1930 г. разведку и небольшие раскопки в Западном Казахстане произвел Б. Н. Граков. Он выявил и обследовал более 500 памятников, относящихся преимущественно к эпохе бронзы и раннего железа, и раскопал несколько курганов V—IV вв. до н. э. А. Г. Максимова исследовала часть этого материала [35]. Большую собирательскую работу провел старейший краевед республики Л. Ф. Семенов в Акмолинской и Карагандинской областях [36].

В 1936 г. обследованием памятников древностей в Джезказгане занимался академик К. И. Сатпаев. Ему принадлежит первенство обнаружения и описания интереснейших наскальных изображений на правом берегу р. Буланты, каменных баб в окрестностях гор Едиге, наскальных писанниц, казахских родовых тамг в низовьях р. Сарысу и сборы каменных орудий горного дела и других древностей, особенно обследование и описание мест древних рудных разработок [37].

К. И. Сатпаеву принадлежит честь находки в горах Улутау плиты с надписью, сделанной в 1391 г. по приказу Тимура во время его похода в Дешт-и-Кипчак. Ее прочитал Н. Н. Поппе [38].

Н. В. Валукинский более детально изучал древние рудные разработки в Джезказгане в начале 40-х годов. В тяжелые военные годы он проделал огромную работу по изучению окрестностей Джезказгана. Благодаря его работам археологическая наука ныне располагает детальными сведениями о местах древней добычи, разработки и плавки медной руды в Джезказганском рудном районе. Он же предварительно датировал эти памятники, относя их к двум периодам: древнему (бронзовый век) и к средневековью [39].

---

[33] Л. Б. Ерзакович. Городище Аспара в послемонгольское время. ИАН КазССР, 3, 1965; его же. Оседлая культура Южного Казахстана XIII—XVIII вв. Автореф. канд. дис., Л., 1966.

[34] А. И. Тереножкин. Археологическая разведка по р. Чу в 1929 г. ПИДО, 1935, 5—6.

[35] А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата). Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, 1956.

[36] Л. Ф. Семенов. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. Вестник Центрального музея Казахстана, I, 1930.

[37] К. И. Сатпаев. Доисторические памятники в Джезказганском районе. Народное хозяйство Казахстана, I, 1941.

[38] Н. Н. Поппе. Карсакпайская надпись Тимура. Тр. ОВЭ, 2, Л., 1940.

[39] Н. В. Валукинский. Древнее производство меди в районе Джезказгана. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948.

Заслугой Н. В. Валукинского является создание по инициативе К. И. Сатпаева музея в г. Джезказгане.

Значительные работы были произведены в 1938 и 1940 гг. в Северном и Центральном Казахстане. В районе г. Степняк (Кокчетавская обл.) С. С. Черников изучил древние горные выработки на золото, открыл и обследовал 11 поселений эпохи бронзы [40]. В 1940 г. С. В. Киселев и Л. Ф. Семенов обследовали памятники в урочищах Бесоба и Жанааул (Карагандинская обл.) [41].

Таковы научные итоги археологического изучения территории Казахстана в 1920—1940 гг. Довоенный период заложил основу периодизации казахстанских древностей, что имело огромное значение для дальнейшего развития древней истории и археологии Казахстана.

М. П. Грязнов уже в 1930 г. хронологию казахстанской культуры бронзового века разработал более конкретно. Основой датировки послужило выделение своеобразных, отличных от минусинских, типов бронзовых орудий и предметов быта, характерных для территории Казахстана. Таким образом, в культуре эпохи бронзы Казахстана были установлены три этапа развития: ранняя, средняя и поздняя [42].

Результаты работы А. Н. Бернштама в довоенный период наметили основные контуры развития древней и средневековой истории и этапы развития культуры Семиречья и Тянь-Шаня [43]. Заслугой А. Н. Бернштама является разработка историко-археологической периодизации памятников этих территорий [44]. Эта хронология не потеряла значения до сегодняшнего дня и служит основой для периодизации древней и средневековой истории Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Систематические и широкопоставленные раскопки памятников разных эпох внесут (частично уже внесли) коррективы в исторические выводы и хронологию А. Н. Бернштама, ибо в его работах, как он сам отмечал, «разведка преобладала над раскопками», а раскопки имели всегда относительно узкую задачу — датировку памятников.

Великая Отечественная война временно приостановила археологические работы, но после окончания войны, уже в 1946 г., они были возобновлены в Южном, Восточном и Западном Казахстане и положено начало систематическому изучению Центрального Казахстана. Одним из решающих факторов расширения масштаба работ явилась организация в республике Академии наук и отдела археологии при Институте истории, археологии и этнографии. С этого времени археологические исследования носят плановый и систематический характер, работы охватывают все районы Казахстана, изучаются и фиксируются памятники всех эпох.

По-прежнему большую помощь в изучении древностей Казахстана оказывают экспедиции Института археологии (А. Н. Бернштам, С. С. Черников, В. С. Сорокин) и института этнографии АН СССР (С. П. Толстов), Государственного Эрмитажа (С. С. Сорокин), Государственного исторического музея (О. А. Кривцова-Гракова) и Саратовского государственного университета (И. В. Синицын). Следует отметить заслуги крупных советских ученых в подготовке национальных кадров археологов: А. Н. Бернштама, М. П. Грязнова, С. П. Толстова, С. С. Черникова, П. И. Борисковского, В. М. Массона, А. М. Беленицкого.

Важной задачей развития археологии в Казахстане в послевоенные го-

---

[40] С. С. Черников. Древнее горное дело в районе г. Степняк. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948; его же. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, 53, 1954.

[41] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 92, 93, 102; А. Х. Маргулан, Е. И. Агеева. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.). ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948.

[42] М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры, стр. 149—162.

[43] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI, 1949.

[44] А. Н. Бернштам. Чуйская долина..., табл. XCV.

ды было составление археологической карты. Вместе с тем производились раскопки памятников, велось дальнейшее накопление материала.

Период с 1946 г. по 1956 г. составил особый этап развития казахстанской археологии. Он был периодом широких археологических поездок с целью регистрации и учета памятников, периодом археологической разведки всей огромной территории Казахстана. Многолетние работы были завершены в 1960 г. опубликованием фундаментального труда «Археологическая карта Казахстана». Составление и издание археологической карты целой страны (Казахстана) является первым случаем в советской археологии (имеются карты только отдельных районов) и пока не имеет прецедента.

Издание «Карты» сделало возможным научно обоснованное перспективное планирование археологических работ, выбор районов наибольшего сосредоточения памятников, где могут быть наиболее эффективно решены проблемы древней истории Казахстана, стал возможным выбор основных объектов для стационарных раскопок.

Первой археологической экспедицией, организованной Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР, является Центрально-Казахстанская (ЦКАЭ, руководитель А. Х. Маргулан). Эта экспедиция в течение 20 лет ведет систематические поиски и изучение древностей Сары-Арки. Для выяснения вопросов взаимовлияния и расселения племен, а также для установления границ распространения отдельных типов памятников обследованию подвергались территории, лежащие на периферии Центрального Казахстана: на западе — бассейн рек Эмбы и Сагыза, на востоке — предгорья хребта Чингиз, на севере — низовья р. Нуры и побережья оз. Кургальджин и, наконец, на юге — низовья рек Сарысу и Чу и северные предгорья Каратау.

Работам А. Х. Маргулана были свойственны не только большие территориальные масштабы, но и широкий хронологический диапазон исследуемых памятников. Экспедиция обнаружила, обследовала и раскопала стоянки эпохи неолита, поселения и могильники андроновской и бегазы-дандыбаевской культуры; погребальные сооружения VII—I вв. до н. э. и курганы V—VIII вв.; наскальные изображения и каменные изваяния; древние ирригационные сооружения и средневековые караванные пути; монументальные памятники каменной архитектуры VIII—X вв. и руины средневековых городов; шатровые мавзолеи XIII—XIV вв. и казахские кумбезы XVI—XIX вв.

Работам А. Х. Маргулана присуще сочетание данных письменных и литературных источников с местными преданиями, раскопки и систематические разведки.

Центрально-Казахстанская экспедиция в 1946 г. провела широкую археологическую разведку, охватив огромную территорию от северных склонов Каратау на юге до низовьев р. Нуры на севере [45].

Среди обнаруженных курганов привлекают внимание так называемые курганы с «усами». По мнению А. Х. Маргулана, они по своему расположению напоминают планировку кочевого аула, а своеобразная конструкция курганов с «усами» связана с культом солнца [46]. Таким образом, А. Х. Маргулан поддержал мнение о ритуальном характере курганов этого типа и связь их с солнечным божеством, впервые выдвинутое С. В. Киселевым. Позднее к этому мнению присоединился М. К. Кадырбаев [47].

Значительными оказались результаты поисков и изучения следов оседлой культуры в стране кочевников Дешт-и-Кипчаке. Остатки разви-

---

[45] А. Х. Маргулан. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.). ИАН КазССР, сер. истор., I, 1948.

[46] А. Х. Маргулан. Ук. соч., стр. 122.

[47] М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. В кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

той городской культуры были обнаружены и обследованы на северных склонах Каратау (городище Тарсатобе, Баба-Ата, Кумкент, Чулак-Курган, Саудакент, Аксумбе) [48]. Из этих городищ лишь Кумкент и Саудакент упоминаются на страницах письменных и литературных источников. Следы городской культуры в виде остатков поселений, караван-сараев, городов, ирригационных сооружений прослеживаются гораздо севернее Каратау, в степных оазисах в бассейне рек Сарысы, Кенгир, в горных долинах Улутау и в низовьях р. Нуры [49].

Таким образом, уже в первый год работы Центрально-Казахстанской экспедиции внесли поправки в существующую концепцию, согласно которой считалось, что оседлая земледельческая культура на территории Казахстана распространена лишь в бассейнах рек Сыр-Дарьи, Талас, в верховьях Чу, а крайним северным пунктом для Таласской долины было определено городище Оххум [50]. Они же свидетельствуют о более тесной взаимосвязи кочевого и оседлого населения, кочевнической и земледельческой культур, чем это предполагалось ранее. Представилось возможным также внести некоторые уточнения в маршрут Рубрука. А. М. Маргулан убедительно отождествил открытое им городище Кумкент с городом Кинчат (Кинкат), упоминаемым Рубруком. Г. И. Пацевич считает, что на месте городища Кумкент может быть локализован город Койканд [51], названный в отчете посольства царя Малой Армении Гайтона.

В 1947 г. ЦКАЭ исследуются древние караванные пути и частично раскапывается ряд новых поселений и городищ: Тасты (низовья р. Чу), Карабиданк и Ольке (р. Коктас в северной Бетпакдале), Кызылкент, Талдыкент и Карабулак (северо-западная Бетпакдала), относящихся к XI—XV вв. Некоторые из этих памятников возникли на месте поселений первых веков нашей эры. В районе расположения поселений и городов обнаружены остатки ирригационных сооружений — плотин, каналов и арыков, свидетельствующих об орошаемом земледелии сравнительно небольших масштабов. Экспедиция установила направление нескольких магистральных кочевых и караванных дорог, связывающих города Сыр-Дарьи и Таласа с оазисами Улутау, с низовьями рек Иртыша и Нуры [52].

В 1948—1949 гг. экспедиция продолжала выявлять следы оседлой и полуоседлой земледельческой культуры в низовьях р. Чу (городища Тортқуль, Улькен-Актобе, Орта-Актобе, Аяк-Актобе и Бала-Актобе), р. Кенгир (Болтан-Ана), р. Джезды (Аяк-Камыр, Баскамыр). Датируются эти памятники XI—XV вв.

Значительное внимание уделялось раскопкам и регистрации надмогильных сооружений: курганов, оград, архитектурных памятников — дынов (каменные пирамидальные сооружения), мазаров и мавзолеев, а также стоянкам с микролитическим инвентарем и наскальным изображением в пустыне Бетпакдала [53].

Большой интерес представляют результаты раскопок плиточных оград в известном могильнике Бегазы. Необходимо отметить, что датировка плиточных погребений Бегазы VII—V вв. до н. э., предложенная авторами раскопок [54], не нашла сторонников и была обоснованно отвергнута. Да-

---

[48] А. Х. Маргулан. Оседлые поселения XII—XIII вв. на северных склонах Каратау. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948.

[49] А. Х. Маргулан. Археологические разведки в бассейне р. Сарысу. ВАН КазССР, 7 (28), 1947.

[50] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

[51] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958; История монголов по армянским источникам. СПб., 1874, 2, стр. 8.

[52] А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. ИАН КазССР, сер. археол., 2, 1949.

[53] А. Х. Маргулан. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. ИАН КазССР, сер. археол., 3.

[54] Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 126—136.

тировка плиточных оград Бегазы позднекарасукским временем, т. е. IX—VIII вв. до н. э., представляется убедительной, вместе с тем нельзя не согласиться с мнением А. Х. Маргулана, что бегазинский комплекс отражает типичные черты кочевого быта [55].

В эти же годы в Центральном Казахстане были раскопаны курганы, ритуальные ограды и обследована группа каменных изваяний. Л. Р. Кызласов курганы и изваяния, находящиеся в горах Бегазы и Кзыл-Арай, Жаксы Арганаты и Едиге, датировал соответственно VI—VIII и IX—XI вв. и предположительно определил бегазы-кзыларайские — карлукскими, а едиге-арганатинские — кипчакскими [56]. О каменных изваяниях Казахстана ныне накоплен большой материал, но он плохо изучен, систематизация и хронология его — дело будущего, поэтому первые предварительные выводы представляют интерес, хотя и не могут считаться убедительными.

Следует отметить, что памятники кочевников позднесредневекового времени изучены чрезвычайно плохо. Между тем значение их велико для понимания историко-культурной обстановки кануна сложения казахского народа [57].

В работах А. Х. Маргулана 1946—1950 гг. основное внимание обращалось на изучение двух проблем: историю возникновения и развития оседлых поселений и городов и историю архитектуры культовых сооружений.

При разработке первой проблемы особое внимание обращалось на такие вопросы, как взаимодействие кочевников и земледельцев и роль кочевников в формировании средневекового города и его населения. А. Х. Маргулан собрал большой и ценный материал. Ныне этот материал обобщен в специальной монографии, посвященной развитию городской цивилизации и строительной техники на территории Казахстана. В ней делается попытка рассмотреть эту проблему, начиная с сакского времени до современных казахов, устанавливаются при этом генетические связи и преемственность культур разных хронологических периодов. Для территории Казахстана во все времена было характерно чередование кочевничества у одной части населения и оседлости у другой, синтез кочевнической и земледельческой культур [58]. Представляется, что эта мысль автора соответствует исторической действительности. Уместно отметить, что С. П. Толстов на материалах Приаралья также утверждает сочетание кочевого и оседло-земледельческого хозяйства в дотюркский и тюркский периоды.

А. Х. Маргулан собрал обширный и ценнейший материал по истории архитектуры культовых сооружений, значительная часть которого издана в книге, посвященной истории развития архитектуры и архитектурного декора в Казахстане с древнейшего периода до современности [59].

С 1951 г. по настоящее время ЦКАЭ ведет изучение памятников преимущественно двух эпох: эпохи бронзы и раннего железа.

Особую важность для археологии Казахстана, Средней Азии, Приуралья и Южной Сибири, представляют монументальные каменные сооружения в могильниках поздней бронзы Сангру, Ельшибек, Бельасар [60] и Бугулы. В Атасуском поселении открыты необычные конструкции жилых помещений: стены жилищ были облицованы крупными гранитными плитами, обработанными и пригнанными одна к другой [61]. Е. Е. Кузьмина уста-

---

[55] А. Х. Маргулан. Отчет о работах..., стр. 17.

[56] Л. Р. Кызласов. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. ИАН КазССР, сер. археол., 3, 1951.

[57] А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нуры. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, 1959.

[58] А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

[59] А. Х. Маргулан. Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.

[60] А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, стр. 59—74.

[61] А. Х. Маргулан. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Ка-

новила, что подобная конструкция жилищ была известна и обитателям древнего Оренбуржья, что свидетельствует о применении камня в жилищном строительстве андроновскими племенами.

Центральный Казахстан является основным районом распространения курганов с «усами». Представляется, что конструкция этих курганов, скорее всего связана с бытовым укладом кочевников и имитирует кочевую повозку, которая являлась средством передвижения, и постоянным жилищем кочевых племен.

В конструктивных деталях кургана с «усами» есть все части повозки: основная насыпь (кибитка), пара каменных выкладок (оглобли) и запряженный конь, остатки которого лежат под насыпью малого кургана между «усами». По-видимому, идея, которая была вложена при первоначальном появлении курганов с «усами» заключалась не в изображении солярного знака, а в воспроизведении из камня дома-повозки, с которым была связана вся жизнь кочевника и его семьи. Редкие случаи частичного изменения общераспространенной конфигурации их не отрицают основную идею, а свидетельствуют о постепенном ее вырождении и о переходе к архитектурному конструктивизму.

Впервые основные разновидности курганов с «усами» и хронологические пределы их существования определил М. П. Грязнов [62]. Систематическое изучение этих памятников и курганов сакского времени начато с 1955 г. Результаты исследований вписали новую страницу в историю евразийских кочевников и умножили коллекцию вооружения, конского снаряжения и прикладного искусства эпохи раннего железа [63].

Одним из итогов изучения древностей Центрального Казахстана является разработка хронологии памятников эпохи бронзы и определение общих контуров социально-экономической истории общества этого периода [64]. Следует отметить, что предложенная хронология носит предварительный характер. Новые археологические источники и более углубленное изучение казахстанской бронзы внесут коррективы. Последнее коснется особенно уточнения относительной и абсолютной хронологии памятников и выделения новых этапов развития культуры бронзового века.

Хронологическая классификация разработана также А. М. Оразбаевым для эпохи бронзы Северного Казахстана [65], а А. Г. Максимовой и С. С. Черниковым — для Восточного [66]. М. К. Кадырбаев предложил хронологию памятников кочевых племен Центрального Казахстана эпохи раннего железа, в том числе и курганов с «усами» [67]. Одним из существенных моментов проделанной им работы является установление факта существования курганов с «усами» в пределах целого тысячелетия (VI в. до н. э.— V в. н. э.), что, по-видимому, свидетельствует об этнокультурной преемственности какой-то части племен Центрального Казахстана в этот отрезок времени. Вместе с тем археологические и антропологические материалы дают оче-

---

захстана. ВАН КазССР, 3, 1956; его же. Открытие новых памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

[62] М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, 61, 1956.

[63] М. К. Кадырбаев. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. ИАН КазССР, сер. истор., археол. и этногр., I (6), 1958, стр. 95—104; его же: Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, стр. 162—203.

[64] К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. канд. дис., Л., 1953.

[65] А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958.

[66] А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960.

[67] М. К. Кадырбаев. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э.). Автореф. канд. дис., Алма-Ата, 1959.

видные основания, устанавливающие пришлые компоненты в этносе и культуре.

В настоящее время большая часть материалов из раскопок в Центральном Казахстане в 1950—1965 гг. обобщена в книге, посвященной эпохе бронзы и раннего железа [68]. Монография, по сравнению с указанными выше трудами о памятниках этой же территории, является следующим шагом в изучении центральноказахстанских древностей.

Центральный Казахстан был одним из основных районов становления и развития андроновских племен. Скопление большого количества различных памятников этого времени (поселения, могильники, рудные разработки, жертвенные сооружения) на сравнительно ограниченной территории, их внешний вид, техника сооружения, уровень производства говорят о высокоразвитой культуре, которую можно назвать классической андроновской. Племена Центрального Казахстана с их высокоразвитой культурой оказывали влияние на развитие культуры близлежащих районов. Наиболее близкие аналогии центральноказахстанской культуре наблюдаются в памятниках эпохи бронзы Северного, Западного и Восточного Казахстана.

В Центральном Казахстане для раннего железного века выделена сакская культура, которая названа тасмолинской. Выделение культуры основывается и на особой внешней конструкции курганов с «усами», распространенных преимущественно в Центральном Казахстане. Установлены два этапа ее развития: ранний (VII—VI вв.) и поздний (V—III вв.) и определено место тасмолинской культуры среди других культур скифо-сакского времени евразийских степей.

Большое значение для археологического изучения Южного Казахстана имеют многолетние работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР (С. П. Толстов). Здесь археологические исследования начались в северных Кызыл-Кумах и низовьях Сыр-Дарьи в 1946 г. [69] С этого времени проблема взаимоотношения древнего Хорезма с кочевой периферией надолго увлекла исследователя и его коллектив.

В 1948—1951 гг. и в последующие годы была исследована группа городищ Джеты-Асар, датируемых от середины I тысячелетия до н. э. до VI—VII в. н. э.[70] Найдено и обследовано более двух десятков городищ, руины погребальных сооружений мавзолейного типа и курганные могильники. С. П. Толстов эту группу памятников отнес к эфталито-хионитским племенам, т. е. тохарам Помпея Трога, отметив большую устойчивость культуры на протяжении тысячелетней истории этих племен.

Т. Н. Сенигова предложила первый опыт хронологии керамики джеты-асарской культуры. Она разделила керамику на три хронологические группы: I—IV вв. (верхний горизонт), III—I вв. до н. э. (средний) и середина I тысячелетия до н. э. (нижний) [71]. Л. М. Левина пересмотрела часть выводов Т. Н. Сениговой [72].

Результаты многолетних работ Хорезмской экспедиции позволили выделить культуру четырех племен среднеазиатских саков: апаспаков (массагетов болот и островов, по Страбону), сакараваков, аугасиев и тохаров. Культура этих племен представлена такими хорошо известными памятни-

---

[68] А. Х. Маргулан, А. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

[69] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). Тр. ХЭ, I, 1952.

[70] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. ХЭ, II, М., 1958; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

[71] Т. Н. Сенигова. Керамика городища Алтын-Асар. Автореф. канд. дис., М., 1954.

[72] Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966.

ками, как городища Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Джеты-Асарский комплекс, Баланды и Баракгам, одноименными погребальными зданиями, расположенными около городищ, и курганными могильниками Тагискен и Уйгарак.

Материалы, накопленные в итоге раскопок этих памятников, дали возможность по-новому поставить вопрос об уровне развития социальных отношений в сакском обществе Южного Приаралья. Высокий уровень материальной культуры, монументальные оборонительные и погребальные сооружения, как отмечает С. П. Толстов, несовместимы с примитивностью первобытно-общинного строя, они могли быть созданы силами только классового общества, принудительным трудом эксплуатируемого населения [73]. На развитие культуры древних племен оказывал сильное влияние Хорезм, но влияние было взаимное. Особенно большую роль степные племена сыграли в происхождении афригидской культуры Хорезма.

По нашему мнению, следует считать ошибочным распространение этнонима «скиф» вместо «сак» на территорию Средней Азии и Казахстана. Археологические антропологические материалы свидетельствуют об отличии скифов и их культуры от саков и сакской культуры. На это указывают краниологические наблюдения, а также существенные различия в материальной культуре этих племен.

Существенный вклад в развитие археологии Казахстана внесли работы Южно-Казахстанской экспедиции (1947—1956 гг., руководитель А. Н. Бернштам) и Восточно-Казахстанской (с 1947 по настоящее время, руководитель С. С. Черников).

Среди научных итогов работ этих экспедиций необходимо выделить постановку проблемы этногенеза народов Южного Казахстана и древнего Отрара [74], разработку хронологии средневековой керамики Казахстана и изучение исторической топографии поселений и городов бассейнов рек Сыр-Дарьи (среднее течение), Арыси и Таласа [75]; в Восточном Казахстане — открытие и изучение палеолитического местонахождения, периодизацию памятников и обобщение материалов эпохи бронзы [76].

Особо следует отметить раскопки царского кургана в Чиликтинском могильнике (С. С. Черников), давшее большое количество предметов из листового золота, выполненных в зверином стиле. Чиликтинское золото послужило причиной возрождения, но уже в новом варианте, старой геродотовской версии о приходе скифов с востока [77].

* * *

Достижения советской археологии в Казахстане огромны. Установлена непрерывность развития человеческого общества здесь с эпохи палеолита. До недавних пор в Казахстане не были известны следы обитания человека в эпоху палеолита. Открытие стоянок первобытных людей, находки каменных орудий — первых орудий, сознательно изготовленных человеком, имеют большое научное значение. Значение их состоит не только в том, что эти находки расширили границы истории древнего Казахстана на несколько сот тысяч лет, но и в том, что открыт новый ареал расселения первых людей, возможно, новый очаг становления человека на пути к

---

[73] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 200.

[74] А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. ИАН КазССР, сер. археол., 2, 1950; его же. Древний Отрар. Там же, 3, 1951.

[75] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958.

[76] С. С. Черников. Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. ВАН КазССР, 12, 1951; его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960.

[77] С. С. Черников. Загадка «золотого» кургана. М., 1965.

homo sapiens[78]. Неолит Казахстана представлен памятниками кельтеминарской культуры, но они изучены весьма слабо, хотя известны во многих районах[79].

Изучение культур эпохи бронзы и раннего железа наметило определенную генетическую преемственность, вплоть до начальной истории собственно казахского народа, что является объективным фактом, свидетельствующим об его автохтонности. Изучая орнаментику на андроновских сосудах, мы безошибочно найдем рисунок, знакомый по прикладному искусству казахов, мотивы так называемого рогового орнамента. Если андроновские племена украшали этим рисунком изделия из глины, то у казахов он явился основой орнаментики и широко употребляется для украшения изделий из самого различного материала. Сочетаниями мотива украшались войлочные ковры, чехлы для сундуков, спинки деревянных кроватей и т. д.

Таким образом, казалось бы, такая незначительная деталь прикладного искусства, как мотивы орнамента, приобретает важное значение и связывает между собой культуру тысячелетиями отдаленных народов. Антропологические данные свидетельствуют, что расовый тип современных казахов сложился на андроновской основе. Потомками племен бронзовой эпохи Казахстана были древние саки, усуни, кангюй, исторические имена которых известны из письменных сочинений древних авторов.

Памятники Казахстана сакского периода получили широкую известность. Любой исследователь древности вправе восхищаться величественными культовыми сооружениями сакских царей в Чиликтинской долине (Восточный Казахстан), в Бесшатырском и Берккаринском могильниках, в Тасмолинских каменных курганах в Центральном Казахстане, в Семиречье[80], в могильниках Тагискен и Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи[81]. Раскопки этих памятников обогатили сокровищницу древней культуры прекрасными коллекциями предметов быта, вооружения, конской сбруи и украшений, мастерски изготовленных из бронзы, железа и золота.

Древние усуни были прямыми продолжателями культурных традиций сакских племен. Усуньская культура не только сохранила лучшие традиции реалистического искусства саков, но и породила свои новые самобытные мотивы. В это время пышно расцветает искусство обработки золота (зернь, инкрустация цветными камнями). Прекрасными образцами древнеусуньского изобразительного и ювелирного искусства являются широко известная золотая каргалинская диадема[82] и массивные золотые серьги, обнаруженные в 1962 г. при раскопке погребения в долине р. Кегень.

Археологические исследования сделали возможным по-новому рассматривать форму хозяйства и быт этих племен, сыгравших значительную роль в сложении казахского народа[83]. В этом смысле принципиальное значение имело изучение древнеусуньских зимовок-поселений в ущелье Заилийского Алатау.

В хозяйстве обитателей поселения преобладало скотоводство, но занимались они и земледелием (находки обломка серпа, каменных мотыг и зернотерок). По-видимому, древние усуни не были чистыми номадами, а яв-

---

[78] Х. Алпысбаев. Находки каменного века в хребте Каратау. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 14, 1962; С. С. Черников. Находки палеолитических стоянок...

[79] А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. ВАН КазССР, 2, 1945; его же. Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане. Там же, 5, 1946; А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7.

[80] К. А. Акишев. Культура саков (VII—IV вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.

[81] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яскарта.

[82] А. Н. Бернштам. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, 5, 1940.

[83] Г. А. Кушаев. Культура усуней правобережья р. Или. В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней...

лялись полукочевниками, хозяйство которых основывалось на яйлажном скотоводстве и на богарном и поливном земледелии.

В V—VII вв. на месте таких зимовок-поселений иногда появляются оседлые поселения и города, наибольшее развитие и расцвет которых относится к периоду Западно-Тюркского каганата и Караханидского государства.

Районом наиболее древней оседлости и земледелия являлся Отрарский оазис, примыкавший к нему район Келесской степи и левобережья р. Сыр-Дарьи. Несколько позднее переход к оседлости и земледелию происходит в Таласской и Чуйской долинах. Здесь земледелие сочеталось с интенсивным скотоводством. Оседлость и земледелие возникали и развивались в Илийской долине, но здесь еще большим удельный вес принадлежал скотоводству.

В настоящее время мы уже можем представить внешний вид, планировку городов на разных этапах развития. Для рубежа нашей эры характерны небольшие поселения сельского типа. Для середины I тысячелетия типичным являются укрепленные усадьбы, приспособленные к военным целям. В дальнейшем на месте таких поселений развивались феодальные города, где наблюдается уже более сложная планировка и архитектурное оформление.

Археология Казахстана накопила материал о ремеслах средневекового периода: кузнечном, ювелирном, гончарном, косторезном, стеклодувном и т. п. Изучение этих материалов позволило установить уровень развития ремесленного производства, основные технические приемы, некоторые вопросы организации производства [84].

Археологические и палеоантропологические исследования, проводимые в Казахстане, доказывают, что здесь с глубокой древности обитали аборигенные племена с самобытной материальной культурой. Перспективы развития казахстанской археологии определены. В силу сложившейся специфики развития двух форм хозяйства на территории Казахстана в древности у этнически родственных племен сложились две формы материальной культуры: кочевническая и земледельческая. Исследование этих двух культур было в прошлом, есть ныне и будет в грядущем основным направлением развития археологической науки Казахстана.

В заключение необходимо подчеркнуть, что развитие археологии в Казахстане непосредственно связано с развитием производительных сил страны, подъемом ее культуры и образования. Достаточно сказать, что в послевоенные годы в Казахстане работало много экспедиций на новостройках и на целинных землях, а это были наиболее крупные экспедиции, которые в буквальном смысле поднимали археологическую целину (в зонах строительства Бухтарминской, Южно-Уральской, Копчагайской, Шульбинской ГЭС, канал Иртыш — Караганда, Чардаринское водохранилище, десять экспедиций на целинные земли и др.).

---

[84] Т. Н. Сенигова. Поселение Ак-Тобе. Тр. ИИАЭ, 14, Алма-Ата, 1962.
Е. И. Агеева. Раскопки на городище Баба-Ата. Тр. ИИАЭ, 14.

Д. Ф. ВИННИК

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В КИРГИЗИИ

Киргизстан располагает огромным количеством археологических памятников, которые представлены стоянками первобытных людей каменного века, поселениями и погребениями эпохи бронзы, разновременными курганными могильниками, наскальными изображениями, каменными изваяниями, руинами античных и средневековых городов, поселений и селищ, оросительными каналами, древними горнорудными выработками, архитектурными сооружениями, кладами различных предметов и т. д. Богатство памятников древностей свидетельствует о развитой хозяйственной и культурной жизни населения Киргизстана в различные исторические эпохи.

Археологическое изучение Киргизии началось в середине XIX в. после добровольного вхождения ее в состав России, и проводилось силами русских ученых-естественников и небольшой группы местных краеведов. Вся работа дореволюционных исследователей сводилась главным образом к выявлению археологических памятников и накоплению материалов. Масштабы работ были незначительны и носили в основном случайный характер. Раскопки почти не проводились. Собранные данные относились к средневековью, античные и древнейшие памятники оставались неизвестными.

Принципиально новый период в археологическом изучении Киргизстана начинается после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Его характеризуют плановость и целенаправленность, широкие масштабы разведочных и раскопочных работ, большой хронологический диапазон исследований — от эпохи каменного века до позднего средневековья, анализ археологических материалов и увязка с конкретной историей человеческого общества в свете марксистско-ленинской методологии.

Но успехи пришли не сразу. Размах археологических работ в Киргизии в первые годы Советской власти был невелик. Это объясняется не только тяжелой обстановкой того времени — гражданская война и восстановление народного хозяйства, но и отсутствием специалистов. Лишь постепенно в ходе социалистического строительства создаются кадры советских археологов, вооруженных марксистско-ленинским учением, вырабатываются новые методы полевых исследований, расширяются масштабы работ, происходит процесс осмысления материалов с диалектико-материалистических позиций. Однако все это потребовало многих лет упорного труда, борьбы и исканий.

В первые десятилетия Советской власти археологические исследования в Киргизии проводились Туркестанским, а затем Среднеазиатским комитетом по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Были взяты на учет выдающиеся архитектурные и крупнейшие археологические памятники — башня Бурана, минарет и мавзолеи г. Узгена, гумбез Манаса, городища Ак-Бешим, Краснореченское, Ак-Тобе и др. В период 1923—1928 гг. средневековые архитектурные сооружения рес-

публики изучают П. П. Иванов, Б. П. Денике, Б. Н. Засыпкин, М. Е. Массон и А. Ю. Якубовский [1].

Наряду с охраной памятников архитектуры совершаются кратковременные археологические поездки в долины рек Чу, Таласа и котловины озера Иссык-Куль с целью обследования городищ, курганных могильников и установления трасс древних караванных путей.

Заметного оживления археологические исследования достигли с момента образования Киргизской АССР и организации местных научно-исследовательских учреждений. Впервые осуществляются раскопки памятников, в широких масштабах проводятся разведочные работы и реставрация архитектурных сооружений.

В 1926—1927 гг. обследованием древностей оз. Иссык-Куль и его котловины занимался П. П. Иванов [2]. В результате обширных изысканий им была составлена первая археологическая карта этого района, которая не потеряла значения до сих пор, и собраны ценные сведения о подводных археологических объектах оз. Иссык-Куль. В 1928—1929 гг. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов в Чуйской долине и Иссык-Кульской котловине раскопали группы курганов, принадлежавших ранним кочевникам — усуням [3]. На основе этих работ впервые стала возможной постановка целого ряда вопросов, касающихся быта, хозяйства, материальной культуры усуней и взаимоотношений их с соседними народами. Курганы ранних кочевников Северной Киргизии раскапывал в 1932 г. С. А. Теплоухов. В 1929 г. широкий комплекс работ по выявлению памятников кочевого и оседлоземледельческого населения в Чуйской долине выполнил А. И. Тереножкин [4]. Здесь же впервые были найдены каменные орудия эпохи неолита и стоянка бронзового века.

Большая заслуга в археологическом изучении республики в 20-х — начале 30-х годов принадлежит М. Е. Массону. Он обследовал раннесредневековые города и поселения в долинах рек Чу, Таласа и на юге Киргизии, проводил раскопки на Буранинском городище, изучал архитектурные памятники, постоянно регистрировал монетные находки, выявлял древние горнорудные выработки и эпиграфические памятники [5]. В эти и последующие годы дешифровку древнетюркских надписей, найденных в Киргизской ССР, делал С. Е. Малов [6]. В начале 30-х годов Ферганская археологическая экспедиция под руководством Б. А. Латынина обследовала отдельные па-

---

[1] П. П. Иванов. К вопросу о древностях в верховьях Таласа. Сб. С. Ф. Ольденбургу. Л., 1934; Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. М., 1927; Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация. Сб. «Вопросы реставрации», I, Л.— М., 1926; его же. Памятники Узгена. Сб. «Выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии». М., 1927; А. Ю. Якубовский. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в г. Узгене. ЭВ, I, 1947.

[2] П. П. Иванов. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. Тр. ИИ АН КиргССР, III, 1957.

[3] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, 3.

[4] А. И. Тереножкин. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. ПИДО, 1935, 5—6.

[5] М. Е. Массон. Из результатов поездки в долину Таласа для выяснения истории горной промышленности. БСАРГРУ, Ташкент, 1930, 2; его же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г. Изв. Средазкомстариса, III, Ташкент, 1928; его же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. Материалы Узкомстариса, 5, Ташкент, 1933; его же. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. Материалы Узкомстариса, 6—7, М.— Л., 1936; его же. Краткий очерк изучения Средней Азии в археологическом отношении. Тр. САГУ, нов. сер., LXXXI, истор. н., 12, Ташкент, 1956.

[6] С. Е. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас ИАН СССР, отд. гуманит. н., 1929, 10; его же. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, 6—7, М.— Л., 1936; его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.— Л., 1959.

мятники оседлоземледельческого населения Южной Киргизии[7]. Б. А. Латынин создал периодизацию древнейшей истории Ферганской долины, продвинул решение вопросов развития земледельческого хозяйства, основанного на ирригации.

Таким образом, в первые 15 лет после Великой Октябрьской социалистической революции археологическое изучение территории республики было значительно продвинуто вперед. Оно характеризовалось заботой государства об охране и реставрации архитектурных сооружений, широким разведочным обследованием разновременных памятников и проведением раскопок на некоторых из них, привлечением данных полевых исследований к освещению отдельных периодов древней истории Киргизии и т. д. Однако еще отсутствовало планомерное изучение археологических памятников. Участники поездок и экспедиций, в основном ученые Москвы, Ленинграда и Ташкента, лишь наезжали в Киргизстан, а потом прекращали работу. Материалы полевых исследований увозились из республики, а публикация их затягивалась.

Перелом наступает в середине 30-х годов, когда в археологическое изучение Киргизии включаются местные научные учреждения: Комитет наук при СНК Киргизской ССР и Киргизский государственный педагогический институт. С этого времени организуются самостоятельные и совместные с Институтом истории материальной культуры АН СССР экспедиции.

В 1937 г. археологическая экспедиция Киргизского пединститута (руководитель Б. М. Зима) обследовала уже известные и выявила новые памятники в различных районах республики: наскальные изображения, курганные могильники, каменные изваяния, городища и др. Были произведены обмеры и фотографирование средневековых архитектурных памятников. Особенно ценными находками оказались широко известные иссык-кульские жертвенники — культовые предметы саков[8]. Итогом исследований экспедиции явилось создание при историческом факультете пединститута археологического музея, экспонаты которого впоследствии пополнили коллекции Республиканского музея национальной культуры, а наиболее уникальные вещи были переданы в центральные музеи нашей страны.

С 1938 г. в изучение древностей республики включилась Семиреченская археологическая экспедиция (начальник А. Н. Бернштам), внесшая наибольший вклад в разработку исторического прошлого Киргизии. За три года работ (1938—1940 гг.) Семиреченская экспедиция обследовала археологические памятники всех районов Северной Киргизии, за исключением Центрального Тянь-Шаня. На крупнейших развалинах средневековых городских центров Ак-Бешим, Краснореченским, Новороссийском, Ак-Тобе, Шельджи и др. были проведены раскопки, в результате которых удалось разрешить ряд вопросов, связанных с возникновением и развитием оседлоземледельческих поселений Северной Киргизии VI—XII вв.[9] Детальному обследованию подверглись также архитектурные памятники — башня Бурана и гумбез Манаса. А. И. Беленицкий прочел надпись на портале гумбеза[10], которая гласила, что памятник является усыпальницей Кянизек-Хатун — дочери одного из тюркских эмиров. Семиреченская экспеди-

---

[7] Б. А. Латынин. Работы в районе проектирования электростанции на р. Нарын в Фергане. ИГАИМК, 110, 1935; его же. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, 64, 1956.

[8] Б. М. Зима. Иссык-кульские жертвенники. Фрунзе, 1941.

[9] А. Н. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 1939, 4; его же. Археологические работы в Семиречье. КСИИМК, IV, 1940; его же. К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, 1940, 2; его же. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI, 1940; его же. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; его же. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

[10] А. М. Беленицкий. Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине. ЭВ, II, 1948.

ция проводила также изучение курганных могильников, давших особо ценные материалы по культуре кочевого населения рубежа нашей эры [11].

М. Е. Массон и М. Э. Воронец провели в конце 30-х годов обследование наскальных изображений Южной Киргизии [12]. Попутно они регистрировали античные и средневековые поселения этой территории.

Но наиболее обширный материал в довоенное время был получен экспедицией археологического надзора, возглавляемой А. Н. Бернштамом на строительстве Большого Чуйского канала (БЧК) в 1941 г. Трасса канала протяженностью 150 *км* прорезала стоянки эпохи бронзы, курганные могильники ранних и поздних кочевников и культурные напластования многих средневековых поселений. Собранный материал представил возможность осветить четырехтысячелетний период исторического развития Северной Киргизии [13]. Коллекции, полученные на БЧК, легли в основу создания археологического отдела Исторического музея в г. Фрунзе.

Работы Семиреченской экспедиции и экспедиции археологического надзора были настолько результативными, что позволили наметить основные этапы развития культуры Северной Киргизии от эпохи бронзы до XV в. А. Н. Бернштам поставил и продвинул решение некоторых общеисторических проблем. Он считал, что большую роль в развитии земледельческой и городской культуры в Семиречье сыграла согдийская колонизация области, начавшаяся в VI в. и особенно усилившаяся во время арабского завоевания Средней Азии.

Таким образом, в рассматриваемый период была проведена значительная работа по археологическому изучению Киргизии. Если до середины 30-х годов преобладало разведочное обследование памятников древности, то в конце 30-х — начале 40-х годов организуются крупные экспедиции, которые охватывают обширную территорию республики. Эти экспедиции производят систематические раскопки на различных памятниках и публикуют материал, воссоздавая на его основе (с привлечением данных письменных источников) историю и культуру древних племен и народов Киргизстана. В археологическом изучении края активное участие принимают центральные научные учреждения — ИИМК АН СССР и Государственный Эрмитаж.

Большое значение в дальнейшем развитии археологии в республике имело открытие в 1943 г. Киргизского филиала АН СССР, который стал единым планирующим центром в организации изучения исторического прошлого Киргизстана.

Учитывая то, что многие районы Северной и Южной Киргизии в археологическом отношении оставались совершенно неизученными, Киргизский ФАН СССР совместно с ИИМК АН СССР организуют в 1944 г. Тяньшано-Алайскую археологическую экспедицию (руководитель А. Н. Бернштам). Основной ее задачей являлась широкая разведка с одновременными раскопками наиболее важных памятников древности в высокогорных долинах Атбаши, Арпа, Ак-Сай, бассейнах рек Нарын и Алабуга в Центральном Тянь-Шане, Кетмень-Тюбинской котловине, Алайской долине, предгорьях Чаткальского и Ферганского хребтов на юге Киргизии.

За время работ экспедиции (1944—1948 гг.) были открыты пещерные стоянки первобытных людей (Чатыр-Куль, Охна, Хайдаркан, Арсланбоб и др.), погребения эпохи бронзы (Арпа), курганные могильники сакских усуньских и тюркоязычных племен. Обследовались поселения античного и

---

[11] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.

[12] М. Е. Массон. Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане. Тр. ИЯЛИ КиргФАН СССР, II, 2, 1948; М. Э. Воронец. Наскальные изображения Южной Киргизии. Тр. Киргиз. гос. пед. ин-та, сер. истор., 2, 1951.

[13] А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; его же. Чуйская долина. МИА, 14, 1950.

средневекового времени. Много внимания уделялось обследованию архитектурных памятников — караван-сараю Таш-Рабат, мавзолею Шах-Фазиль и комплексу сооружений г. Узгена. Результаты работ получили широкое освещение в многочисленных трудах А. Н. Бернштама [14].

Тяньшано-Алайская экспедиция в основном завершила разведочное обследование памятников Киргизии. Перед археологами была поставлена задача проведения систематических раскопок на памятниках, оставленных кочевым и оседлоземледельческим населением, и разведок в необследованных районах.

В 1949 г. Тянь-Шаньская археологическая экспедиция (начальник А. Н. Бернштам) произвела массовое вскрытие курганов, относящихся к VII в. до н. э. — X в. н. э., в различных местах Иссык-Кульской котловины и Центрального Тянь-Шаня [15]. Одновременно обследовались и оседлые поселения, среди которых особенно интересным оказался караван-сарай Манакельды в бассейне р. Алабуга [16]. Изучением широко известных наскальных изображений в урочище Саймалы-Таш и раскопками курганов в отдельных местах юга Киргизии занималась Памиро-Ферганская археологическая экспедиция в 1950—1952 гг. (начальник А. Н. Бернштам) [17]. В эти же годы значительные успехи по выяснению историко-археологического прошлого Чаткала были достигнуты Чаткальским археологическим отрядом (начальник А. К. Кибиров) [18].

Работы на Центральном Тянь-Шане и юге Киргизии позволили осветить многие вопросы истории племен и народов, населявших эти территории в древности. В частности, были выявлены локальные особенности древних культур, установлены связи Центрального Тянь-Шаня и Алая с оседлоземледельческими центрами Средней Азии, исследована география античных и раннесредневековых поселений, их планировка, хронологические рамки жизни и т. д.

Несмотря на широкий размах археологических исследований в республике, целый ряд проблем древней истории Киргизстана оставался малоизученным и спорным, что особенно относилось к проблеме происхождения киргизского народа. Учитывая это положение, ЦК КП Киргизии, Совет Министров республики и Президиум АН СССР признали необходимым организовать комплексную археолого-этнографическую экспедицию. Киргизская археолого-этнографическая экспедиция начала свою деятельность в 1953 г. в составе четырех археологических, антропологического, этнографического отрядов и групп языковедов и фольклористов. Ее основной задачей являлось изучение этногенеза киргизского народа и его культуры.

Трехлетние работы экспедиции ознаменовались рядом важнейших открытий. Так, А. П. Окладниковым были обнаружены многочисленные памятники каменного века и несколько стоянок эпохи бронзы [19]. Богатый

---

[14] А. Н. Бернштам. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. Изв. КиргФАН СССР, II—III, 1945; его же. Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-Шаня. В кн. «Академику К. И. Скрябину», 1945; его же. К истории ферганотянь-шанских культурных отношений. Изв. КиргФАН СССР, IV—V, 1947; его же. Из истории Восточной Ферганы и Алая. Там же, VI, 1947; его же. Из истории изучения древней истории Киргизстана. Там же, VII, 1947; его же. Археологические исследования на Памире и в Алае. ВЛУ, 1948, 11; его же. Древняя Фергана. ВДИ, 1949, 1; его же. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае. КСИИМК, XXVIII, 1949; его же. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI, 1949; его же. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950; его же. Древняя Фергана. Ташкент, 1951; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952.

[15] А. Н. Бернштам. Древний Тянь-Шань. КСИИМК, XXXVIII, 1951.

[16] А. Н. Бернштам. Постройка Чалдывар на реке Манакельды в Центральном Тянь-Шане. В кн. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951.

[17] А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, 2.

[18] А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. Тр. КАЭЭ, II, М., 1959.

[19] А. П. Окладников. Археологические исследования в Киргизии. ВАН СССР, 1954, 9; его же. Первый год работы Киргизской комплексной экспедиции. СЭ, 1954,

вещественный материал по культуре, быту и идеологическим представлениям ранних кочевников и тюркских племен был получен А. К. Кибировым [20]. В совокупности с данными письменных источников находки представили возможность установить наличие в Центральном Тянь-Шане второго племенного объединения усуней, существовавшего до V—VI вв. Интересные материалы были получены и при изучении поселения IX—XII вв. в высокогорной долине Сусамыра [21].

Л. Р. Кызласов (1953—1954 гг.), а затем Л. П. Зяблин (1955—1958 гг.) раскапывали один из крупнейших городов Чуйской долины — городище Ак-Бешим. Открыты и раскопаны два буддийских храма, христианская церковь с могилами у ее стен, наусы (погребальные памятники зороастрийцев). Стратиграфический раскоп позволил установить время существования города. Детальное обследование городищ Чуйской долины, проведенное П. Н. Кожемяко, а также его многолетние раскопки на городище Красная Речка и др. дали прекрасный материал по истории и исторической топографии раннесредневековых городов Северной Киргизии. Материал экспедиций этих лет в совокупности с тем, что установил А. Н. Бернштам, свидетельствует о многообразии религиозных верований древнего населения и о большой роли буддизма, а также о высоком уровне городской и земледельческой культур, развивавшихся под влиянием согдийцев [22].

Обследованием памятников кочевого и оседлоземледельческого населения Южной Киргизии занимались Н. Н. Забелина, Т. Г. Оболдуева и Ю. А. Заднепровский [23]. В Узгенском и Кара-Дарьинском оазисах были открыты крупнейшие в Восточной Фергане античные городские центры Шурабашат, Дун-Булак и др. Интересный материал был получен отрядом под руководством Г. Ф. Дебеца при изучении антропологического состава населения Киргизстана.

Итоги деятельности Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции и всей предшествующей исследовательской работы в области древнего и средневекового киргизоведения были подведены на научной сессии по этногенезу киргизского народа в 1956 г. По общему мнению участников сессии, киргизский народ и его культура сложились в результате взаимодействия двух этнических элементов: центральноазиатского и местного среднеазиатского. Наряду с успехами, достигнутыми археологами в области исследования древней культуры Киргизстана, на сессии была отмечена и недостаточная изученность памятников II тысячелетия. Результаты работ 1953—1955 гг. обобщены в четырехтомном издании «Трудов

2; А. П. Окладников, В. И. Рацек. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня. ИВГО, 86, 5, 1954.

[20] А. Кибиров. О работе Тянь-Шаньского археологического отряда. В кн. «Первая научная сессия АН Киргизской ССР». Фрунзе, 1955; его же. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда. КСИЭ, XXVI, 1957; его же. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. Тр. КАЭЭ, II.

[21] А. Кибиров. О некоторых итогах обследования Сусамыра. Тр. ИИ АН КиргССР, I, 1955.

[22] Л. Р. Кызласов. Раскопки древнего Баласагуна. ВМГУ, сер. обществ. н., 4, 1953; его же. О работе Чуйского отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, XXVI, 1957; его же. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. КАЭЭ, II; Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим. Уч. зап. Ин-та востоковедения, XIV, М.—Л., 1958; Л. П. Зяблин. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961; П. Н. Кожемяко. К исторической топографии средневековых поселений Чуйской долины. Тр. ИЯЛИ АН КиргССР, V, 1956; его же. К вопросу о топографии средневековых поселений Чуйской долины. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М., 1959; его же. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

[23] Ю. А. Заднепровский. Разведки и раскопки Южно-Киргизского отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Тр. АН ТаджССР, 37, 1956; его же. Археологические работы в Южной Киргизии. КСИЭ, XXVI, 1957; его же. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа. Тр. КАЭЭ, III, Фрунзе, 1959.

Киргизской археолого-этнографической экспедиции» и являются крупным вкладом в разработку истории киргизского народа и Киргизстана.

Дальнейший размах археологические исследования в Киргизии получают с 1956 г. С этого времени Институт истории АН Киргизской ССР планирует многолетние стационарные раскопки на памятниках кочевого и оседлоземледельческого населения. Работы археологических экспедиций проводятся по изучению всех периодов древней и средневековой истории Киргизстана.

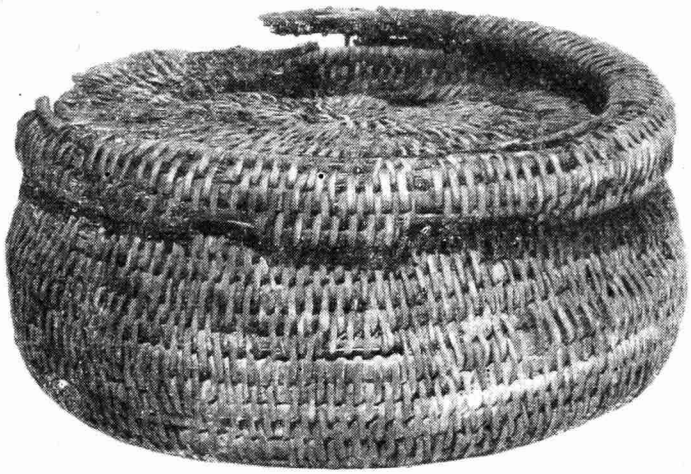


Рис. 1. Плетеная корзинка из Кара-Булакского могильника II—IV вв.

В 1956 г. А. Н. Бернштам возобновил изучение древностей Алайской долины, где были обнаружены стоянки каменного века[24] и раскопаны погребения ранних кочевников. Продолжением предшествующих работ А. Н. Бернштама на Алае и в юго-западной части Ошской области явились исследования Ю. Д. Баруздина[25]. Среди курганных могильников наибольший интерес представляет могильник Кара-Булак, давший многочисленные и разнообразные материалы. Весь инвентарь погребений исключительно хорошей сохранности и наглядно свидетельствует о высокой и самобытной культуре местного населения первых веков нашей эры (рис. 1).

В 1956—1960 гг. обширный комплекс работ в Таласской долине и Центральном Тянь-Шане выполнен археологическими экспедициями под руководством П. Н. Кожемяко. В Таласе впервые были обнаружены погребения эпохи бронзы[26], исследовано много курганных могильников, принадлежавших сакам, усуням, племенам, оставившим погребения в катакомбах, и тюркоязычному населению. Открыто несколько десятков городищ. Раскопки, проведенные на части из них, дали новые материалы по топографии, архитектуре, фортификации, о времени возникновения раннесред-

[24] В. А. Ранов. Находки каменного века в Алайской долине. Тр. ИИ АН КиргССР, IV, 1959.

[25] Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник (раскопки 1954 г.). Тр. ИИ АН КиргССР, II, 1956; его же. Кара-Булакский могильник (раскопки 1955 г.). Там же, III, 1957; его же. Кара-Булакский могильник. ИАН КиргССР, сер. обществ. н., III (история), 1961; Ю. Д. Баруздин, А. Г. Подольский. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника. КСИА АН СССР, 85, 1961; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.

[26] П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. ИАН КиргССР, сер. обществ. н., II, 3, 1960.

невековых поселений [27] и т. д. (рис 2). Изучены горнорудные выработки по добыче цветных металлов [28]. Большой интерес представляют находки нескольких камней с древнетюркскими надписями [29]. В Центральном Тянь-Шане было выявлено около десяти новых поселений, которые в совокупности с уже известными позволяют глубже изучить географию оседлой жизни в этом высокогорном районе. Раскопки, проведенные на городищах, расположенных у сел Кызыл-Туу и Тугель-Сай, а также Чаекском, Сусамырском и караван-сарае на р. Манакельды, дали дополнительные материалы по архитектуре, планировке, строительной технике и быту раннесредневековых поселений Северной Киргизии (рис. 3).

Рис. 2. Глазурованная чаша с росписью XII в. Городище Шельджи

В последнее десятилетие Ю. А. Заднепровский продолжил исследование памятников Ошской области. Раскопки на городищах Шурабашат, Дун-Булак, Кара-Дарьинском и др. позволили наметить схему периодизации истории культуры Ферганы в древности [30].

Планомерное изучение археологических памятников в Кетмень-Тюбинской котловине, в том числе в зоне затопления Токтогульского водохранилища, осуществляет с 1958 г. и по настоящее время И. Кожомбердиев [31]. Здесь обнаружено множество археологических памятников, начиная от эпохи бронзы и до позднего средневековья. Наиболее изученными среди них являются курганные могильники с погребениями в катакомбах. Материалы из катакомбных погребений дают достаточно полное представление о хозяйстве, культуре и общественном строе населения, обитавшего на территории Кетмень-Тюбе в первой половине I тысячелетия.

Результаты исследований последних лет показывают, что для изучения генезиса катакомбной культуры Кетмень-Тюбинская котловина является одним из перспективнейших районов в Средней Азии. Чрезвычайно интересны работы Кетмень-Тюбинского археологического отряда на городище в местности Акчий-Карасу, где вскрыто уникальное архитектурное сооружение XIV—XV вв., богато украшенное полихромными росписями, резьбой по сырой глине и ганчу.

С 1959 г. Институт истории АН Киргизской ССР изучает археологические памятники озера Иссык-Куль и его котловины. Проверены прежние

[27] Трехлетние исследования в Таласе обобщены в сборнике «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.

[28] М. А. Бубнова. К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии (рудничный район Шельджи). СА, 1963, 2.

[29] Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). Фрунзе, 1962.

[30] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1959; его же. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962.

[31] И. Кожомбердиев. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. ИАН КиргССР, сер. обществ. н., II, 3, 1960.

и собраны новые данные о подводных археологических объектах [32]. В прибрежной и предгорной частях котловины открыто около 100 раннесредневековых поселений [33], раскопки на большинстве из них дали большое количество материала по культуре оседлого населения. В местности Тору-Айгыр раскопан интереснейший объект — средневековый ремесленный центр по обжигу кирпича и производству глазурованных керамических

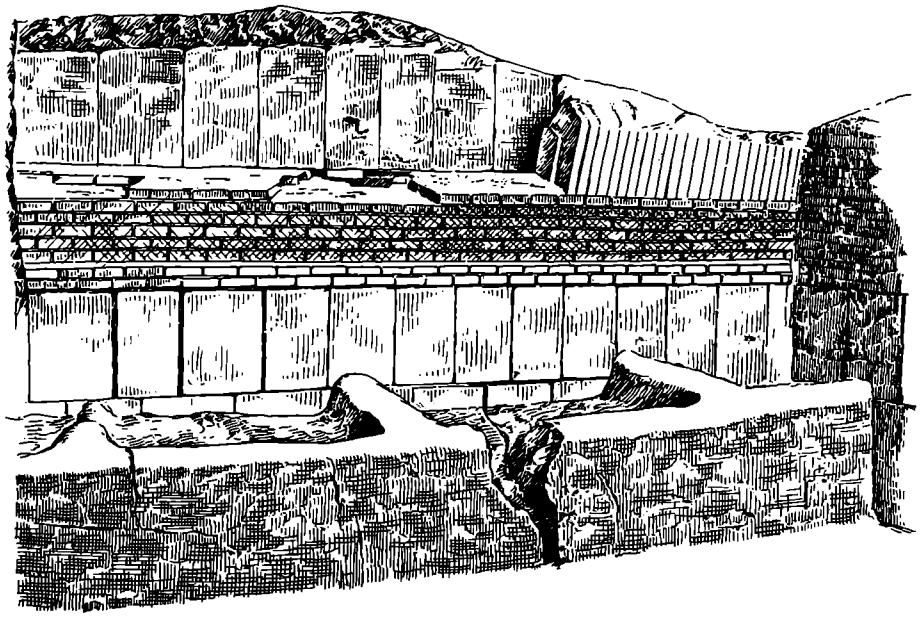


Рис. 3. Часть помещения для животных. Караван-сарай X—XII вв. на р. Манакельды

плиток (рис. 4). Проводилось планомерное обследование памятников кочевого населения — курганных могильников и каменных изваяний.

Весьма значительны работы П. Н. Кожемяко в 1961—1963 гг. на Краснореченском городище [34]. Здесь обследованы жилые и производственные комплексы рядовых горожан, монументальные сооружения — замки и храмы. Раскопки на городище дали богатый материал: бытовые предметы, орудия труда, вооружение, украшения, монеты и т. д. (рис. 5, 6).

Определенный вклад в изучение оседлоземледельческих поселений I—XII вв. в Южной Киргизии в последние годы внесен Г. А. Брыкиной. Раскопки на городище Майда-Тепе полностью открыли сооружение IV—V вв. включавшее парадный зал, жилые и хозяйственные постройки. Основным объектом работ Г. А. Брыкиной в течение ряда лет было Кара-Булакское городище, где она раскопала сооружения середины I тысячелетия и XI—XII вв., что дало обильный материал для характеристики культуры и хозяйственной деятельности населения юго-западных предгорий Ферганской долины [35].

---

[32] Д. Ф. Винник. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. ИАН КиргССР, сер. обществ. н., III, 3, 1961; его же. К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары. Там же, V, 1, 1963.

[33] Д. Ф. Винник. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины. Сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана». Фрунзе. 1967.

[34] П. Н. Кожемяко. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. Сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана».

[35] Г. А. Брыкина. Раскопки на городище Кара-Булак в 1961—1962 гг. КСИА АН СССР, 98, 1964; ее же. Раскопки замка в Кара-Булаке в 1964 г. КСИА АН СССР, 108, 1966; ее же. Раскопки на городищах Майда-Тепе и Кара-Булак. В кн. «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1963.

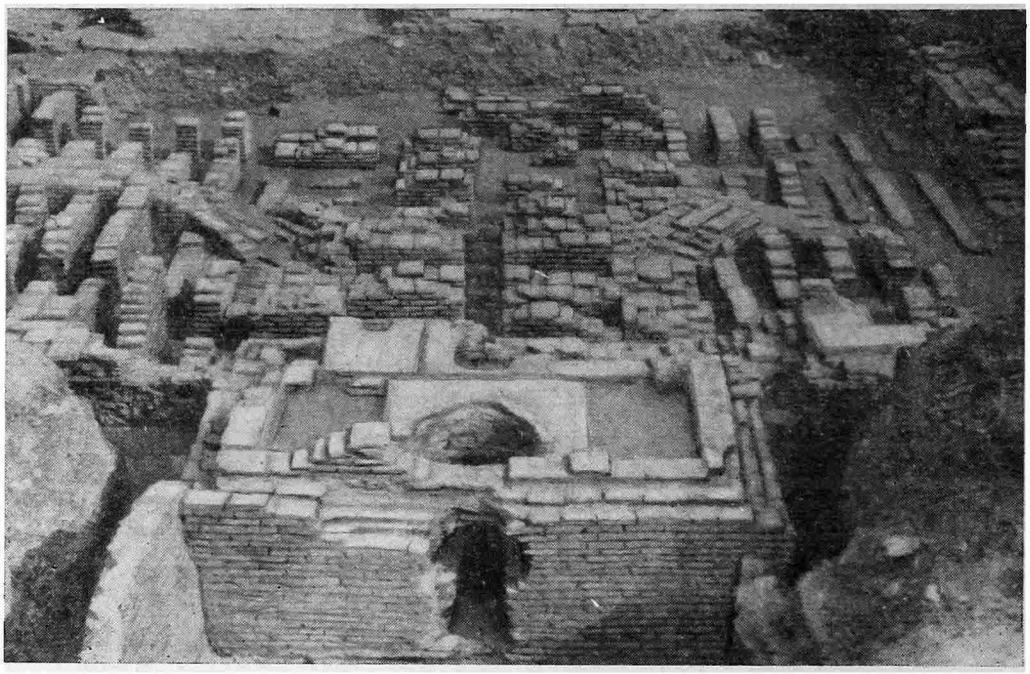


Рис. 4. Печь по обжигу кирпича. XIV—XV вв. Тору-Айгыр, Иссык-Куль

В 1962—1965 гг. исследование памятников сако-усуньских племен на территории Чуйской долины осуществлял А. Абетеков[36]. Большую научную ценность приобретает открытие в районе с. Калининское поселения конца I тысячелетия до н. э.— первых веков нашей эры. Находки подобного рода имеют важное значение, так как помогают проследить генезис оседлой культуры на территории Северной Киргизии с рубежа нашей эры.

В настоящее время киргизские археологи изучают курганные могильники и поселения, находящиеся в зоне строительства Токтогульского, Кировского, Андижанского и Керкидонского водохранилищ. Уже получены интересные материалы для характеристики различных сторон жизни населения, обитавшего на территории Киргизии в древние и средние века (рис. 7).

В последние 15—20 лет в республике широким фронтом развернулось краеведческое движение, которое способствует не только более полному обследованию памятников древности, их сохранности, но и пропаганде археологических знаний среди населения. Высокой оценки заслуживают работы старейших археологов-краеведов Н. Д. Черкасова и В. Р. Чейлытко, а также М. К. Синусова, М. В. Гапоненко, Л. В. Шевченко, С. Н. Рева, В. А. Лобко, Г. П. Васильева, Л. Рысаковой и др.

Таким образом, за годы Советской власти археологическими исследованиями охвачена вся территория республики. Получен огромный материал, объясняющий различные стороны экономики и культуры древних племен и народов. Советским археологам удалось наметить основные этапы развития человеческого общества на территории Киргизстана. Из многих научно-исторических проблем, поставленных археологами, важнейшими являются следующие.

Открыты и исследованы ранее неизвестные памятники палеолитического времени (Центральный Тянь-Шань и Южная Киргизия), некоторые из

---

[36] А. Абетеков. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу. КСИА АН СССР, 107, 1966; его же. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины. Сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана».

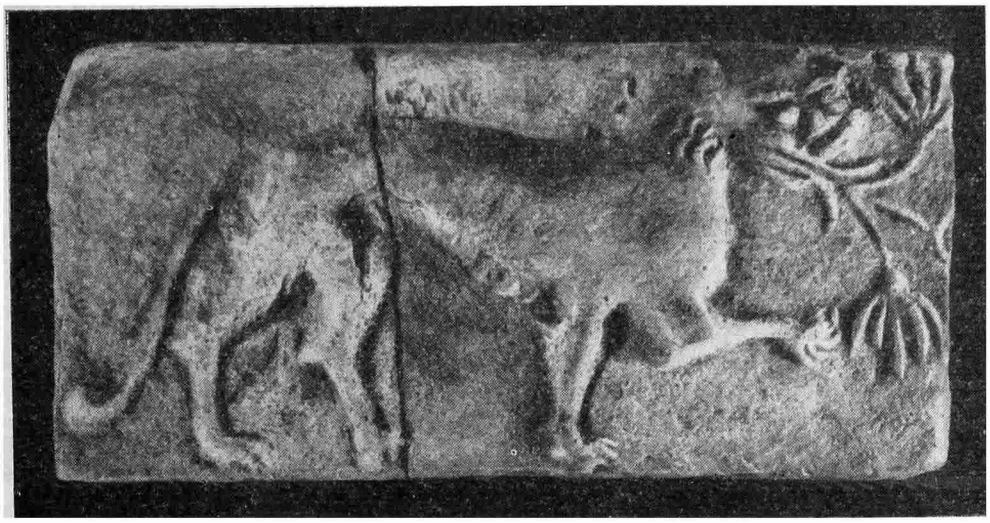


Рис. 5. Рельефное изображение льва на терракотовой плите дома X—XII вв. Красная Речка

них датированы ашельской эпохой. Находки памятников нижнего палеолита получили широкую гласность в советской исторической литературе. В отрогах Алайского хребта обнаружены камнеобрабатывающие мастерские мустьерского и верхнепалеолитического времени, представляющие данные для углубленного разрешения таких вопросов, как добыча камня, техника изготовления и распространения орудий труда среди первобытных обитателей Средней Азии и т. д. Памятники палеолита свидетельствуют

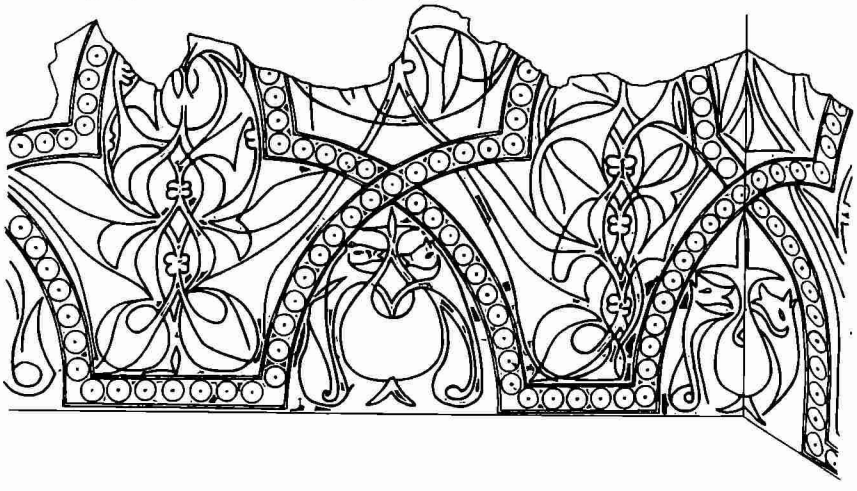


Рис. 6. Фрагмент резной алебастровой панели жилого дома X—XII вв. Красная Речка

о том, что территория Киргизстана наряду с другими районами нашей страны входила в область первоначального расселения человека, была частью его древнейшей родины.

Время неолита в Киргизии характеризуется широким распространением памятников первобытного человека. Они обнаружены в долинах рек Чу, Таласа, Иссык-Кульской котловины, Центральном Тянь-Шане, Алайской долине, окрестностях г. Ош, Охнинской впадине и других местах. Памятники неолита горных районов Киргизии принадлежат к «гиссарской культуре». Таким образом, археологи установили, что жизнь на современ-

ной территории республики продолжалась непрерывно с древнейших времен истории человеческого общества.

Эпоха бронзы на территории Киргизстана, начиная с андроновского периода, представлена поселениями, погребениями и кладами различных предметов. Археологические памятники времени бронзы открыты в различных пунктах республики: в высокогорных долинах Центрального

Рис. 7. Расписная посуда IV—I в. до н. э. Усадьба на р. Ясы, Узгенский район

Тянь-Шаня, на Иссык-Куле, Чуйской и Таласской долинах, Кетмень-Тюбе, Алае, Ошском и Узгенском оазисах. Бронзовый век в Киргизии характеризуется зарождением пастушеского скотоводства и древнеземледельческой культуры. В эту эпоху начинается строительство ирригационных сооружений. Наиболее ранние древнеземледельческие центры Южной Киргизии относятся ко времени существования в Фергане чустской культуры XIII—VIII вв. до н. э. Материалы свидетельствуют о том, что племена эпохи бронзы достигли значительных успехов в области скотоводства, земледелия и металлургии. Разнообразные орудия труда подтверждают существование самостоятельного очага бронзовой индустрии. Совокупность всех материалов позволяет наметить этапы развития культуры бронзового века и связи племен Киргизстана с древними племенами Ферганы, Ташкентского оазиса, Хорезма, Казахстана, Прпуралья, Южной Сибири и некоторыми странами зарубежного Востока.

Археология Киргизии открыла возможность изучения культуры ранних кочевников, сложившейся на основе культуры населения эпохи бронзы. Племенные объединения саков и усуней положили начало кочевому скотоводству и тем самым определили форму ведения хозяйства в Киргизии на многие века. М. В. Воеводский, М. П. Грязнов и особенно А. Н. Бернштам выяснили пути сложения кочевого скотоводства, время образования

племенных союзов и территорию их расселения. Освещены отдельные стороны быта, хозяйства, материальной культуры, общественного строя, взаимоотношений саков и усуней с другими народами и ранними государствами. Имущественное расслоение, происходившее внутри кочевого общества, прослеживается не только на погребальном инвентаре. Так, курганы племенной аристократии представляют огромные холмы диаметром до 50—80 *м* и высотой до 10 *м*. Определены и районы распространения курганов кочевой знати — это восточная часть Иссык-Кульской котловины, Чуйская, Джумгальская и Сусамырская долины.

В послевоенный период отмечаются успехи в разрешении такой сложной проблемы в истории кочевых племен рубежа и первых веков нашей эры, как проблема происхождения культуры подбойно-катакомбных погребений. На основе собранного материала отдельные исследователи доказали принадлежность этой культуры местным среднеазиатским племенам. Наиболее полно эта концепция выражена в исследованиях С. С. Сорокина [37].

Значительно продвинулось вперед изучение культуры поздних кочевников — тюркоязычных племен VI—XII вв. Установлено большое разнообразие курганов и каменных изваяний. Выявлена серия наскальных изображений тюркского времени и памятников письменности. Получены данные для суждения о классовом расслоении, происходившем в тюркском обществе. Многочисленные археологические материалы представляют возможность охарактеризовать домашний быт, ремесленное производство, хозяйство, идеологические воззрения, взаимоотношения тюрков с соседними племенами и народами. Интересные исследования над специфическим типом археологических памятников Северной Киргизии — древнетюркскими каменными изваяниями — провели А. Н. Бернштам и Я. А. Шер, в работах которых рассмотрены вопросы классификации, семантики и историко-культурного значения этих памятников [38].

Важнейшие открытия сделаны в области исследования оседлоземледельческой культуры античного периода на территории Южной Киргизии. В долинных районах Ошской области обнаружены развалины крупнейших городских центров Ферганы и многочисленные сельские поселения, представлявшие отдельные усадьбы и усадьбы-замки V в. до н. э.— V в. н. э. Удалось изучить топографию поселений, оборонительные сооружения, планировку и архитектуру построек, собрать огромный вещественный материал с интересным комплексом расписной и красноангобированной керамики. Прослежены пути и время распространения оседлоземледельческой культуры в высокогорных районах Алайской и Чаткальской долин. Археологические материалы в совокупности с письменными источниками позволяют глубже изучить общественный строй населения Южной Киргизии античного времени, который характеризуется сложением раннеклассовых отношений и появлением первых государственных образований.

Значительны успехи киргизских археологов в исследовании оседлоземледельческой культуры VI—XII вв. В результате развития производительных сил феодального общества, начиная с VI в., все плодородные земли Киргизии покрываются густой сетью городов и поселений. В Чуйской и Таласской долинах, на Иссык-Куле, Кетмень-Тюбе и в Южной Киргизии выявлены десятки населенных пунктов, свидетельствующих о развитой оседлоземледельческой культуре периода раннего средневековья. На городищах Ак-Бешим, Краснореченском, Ак-Тобе, Орловском, Шельджи, Кой-Саринском, Курментинском, Михайловском, Узгенском и др. проводились многолетние раскопки, в результате которых получен огромный материал

[37] С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, 64, 1954; его же. Среднеазиатские подбойно-катакомбные захоронения как памятники местной культуры. СА, XXVI, 1956.

[38] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; его же. Историко-археологические очерки...; А. Я. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.— Л., 1966.

по исторической топографии, стратиграфии культурных напластований, фортификации, монументальной и жилищной архитектуре. Выяснены многие вопросы из области ремесла, сельского хозяйства, торговли, искусства, религиозных воззрений жителей поселений и т. д. Установлены экономические и культурные связи оседлоземледельческого населения с кочевниками.

Характерной особенностью крупнейших раннесредневековых городов Северной Киргизии, как установил П. Н. Кожемяко[39], является наличие одного или нескольких колец длинных стен, окружавших огромные пространства, прилегающие к центральным частям города — цитадели и шахристану. Возведение многокилометровых оборонительных сооружений было вызвано тем, что города находились в гуще кочевого мира. Получили некоторое разрешение и вопросы генезиса оседлоземледельческой культуры в Северной Киргизии. Установлено, что эта культура — результат развития производительных сил внутри кочевого общества. В то же время учитывается и влияние согдийской колонизации на возникновение оседлоземледельческой культуры.

В последние годы начаты исследования и горнорудной промышленности. В различных районах республики открыты места древних выработок по добыче сурьмы, ртути, меди, олова, серебра, золота и других металлов. Значительные работы выполнены по изучению наскальных изображений (А. Н. Бернштам, М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова).

Подводя итоги проведенным исследованиям, следует констатировать большие успехи советской археологии в воссоздании древней и средневековой истории Киргизстана. Материалы свидетельствуют о глубокой самобытности и высоком уровне развития культуры предков киргизского народа и о широких связях с другими народами и странами. Конечно, не все проблемы и вопросы нашли необходимое решение, но дальнейшие более глубокие исследования дадут возможность объяснить закономерности исторического процесса у населения Киргизии в далеком прошлом.

---

[39] П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Узбекистан — страна древней цивилизации, чрезвычайно богатая археологическими памятниками. На территории республики в настоящее время археологи открыли и изучили памятники почти всех периодов истории человечества. Среди них имеются такие, как Тешик-Таш, Айртамский фриз, Варахша, городище Афрасиаб, мавзолей Исмаила Самани, обсерватория Улугбека и другие, которые по своей научной значимости стоят в одном ряду с памятниками мирового значения.

Сведения об археологических памятниках Узбекистана появились в европейской литературе в конце XVIII в. Однако археологическое изучение страны началось со второй половины прошлого столетия. Присоединение Средней Азии к России дало возможность русским ориенталистам и любителям-археологам ознакомиться с новым краем, с его народами и древностями, представленными в виде многочисленных архитектурных памятников, городищ, курганов, письменных источников и др. В дореволюционной археологии Узбекистана наиболее видное место занимает деятельность Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА). Хотя этот кружок состоял преимущественно из чиновников царской администрации, среди его членов, насчитывающих свыше ста человек, были также видные краеведы и известные ученые-ориенталисты. Однако в деятельности ТКЛА имели место и серьезные недостатки. В археологическом изучении края не было никакого плана и последовательности, тематика отличалась большей узостью и носила вещеведческий характер, поэтому накопленный материал, за исключением небольшой части нумизматического, был плохо изучен.

В дореволюционной археологии Узбекистана белым пятном оставались периоды доклассового и раннеклассового общества — каменный век, эпоха бронзы и железный век. Для определения и характеристики вещественных памятников применялась совершенно ненаучная и слишком примитивная периодизация, выделявшая «домусульманский», «домонгольский», «монгольский» и «тимуридский» периоды. Существовали сугубо идеалистические представления о ходе исторического процесса. В отношении «домусульманского» периода господствовала точка зрения о его застойности и неподвижности. Таким образом, памятники материальной культуры Средней Азии в дореволюционный период не подвергались всестороннему изучению. Поэтому археологическое исследование значительно отставало от разработки истории Средней Азии по письменным источникам. Историки-востоковеды, в частности В. В. Бартольд, на основе тщательного изучения письменных источников извлекли из них и ввели в научный обиход огромный фактический материал и своими трудами подняли изучение истории Средней Азии на уровень лучших исследований буржуазной историографии. Все же в дореволюционный период был собран немалый археоло-

гический материал, который впоследствии вошел в коллекции Эрмитажа, Ташкентского и Самаркандского музеев. Деятельность кружка привлекла к изучению древностей любителей археологии из числа представителей местного населения (Акрам-Палван Аскаров [1], Мирза Абдулла Бухори, Мухаммад Вафо и др.).

Подлинно научное изучение Узбекистана в археологическом отношении началось после Великой Октябрьской социалистической революции. С освобождением народов Средней Азии от колониализма, в процессе консолидации узбекской и других социалистических наций, естественно, увеличился интерес к прошлому, к былой самобытной культуре среднеазиатских народов. Однако в первые годы Советской власти в связи с создавшейся чрезвычайно тяжелой обстановкой в Туркестане для организации широких научных исследований не было возможностей. Поэтому археологические работы тогда не получили достаточного развития. Археологические работы, произведенные в этот период, в значительной мере были связаны с исследованием лишь архитектурных памятников XIV—XV вв. Например, Туркомстарис, созданный в 1921 г. в составе Наркомпроса Туркестанской Автономной Республики, осуществил ряд экспедиционных выездов для обследования архитектурных памятников в Туркестане (А. А. Семенов, А. Э. Шмидт и др., 1923), в Бухаре (Д. А. Морозов, 1924), в Карши и Гузаре (И. И. Умняков, 1924). Хотя в это время археологи Туркестана в основном были заняты организацией охраны памятников, в их деятельности уже намечалось новое направление, проявлявшееся в изучении исторической топографии Самарканда, Ташкента и Бухары, начатое еще в 1921 г. М. Е. Массоном.

С образованием в 1925 г. Узбекской Советской Социалистической Республики в археологическом изучении Узбекистана наступил новый этап, характеризующийся усилением полевых экспедиционных исследований, организованных как местными, так и некоторыми центральными научными учреждениями. В первое же десятилетие существования Советской власти в Узбекистане был осуществлен ряд серьезных археологических работ. Среди них большого внимания заслуживают раскопки на городище Афрасиаб (В. Л. Вяткин, 1925 и 1929—1930 гг.), трехлетняя деятельность Термезской экспедиции Музея восточных культур (Б. П. Денике, 1926—1927 гг.), археологические разведки в долине р. Ангрена и других местах (М. Е. Массон, 1925—1928 гг.), раскопки вблизи Тойтюбе (М. Е. Массон, 1928 г.) и на городище Айртам близ Термеза (М. Е. Массон, 1932 г.), раскопки курганов в долине Ангрена (А. А. Потапов, 1929—1930 гг.), в Ферганской долине (Б. А. Латынин, 1930, 1932—1933 гг.) и др.

Благодаря этим археологическим исследованиям были открыты такие уникальные памятники материальной культуры, как айртамский скульптурный фриз I—II вв., остатки дворца термезских правителей XII в. и др., получившие широкую известность в научной литературе. Кроме этого, был накоплен большой новый вещественный материал, на основе которого впервые был установлен возраст некоторых категорий археологических памятников и определено местонахождение большого числа древних городов и селений, известных по письменным источникам. Важное народнохозяйственное значение имели исследования древних разработок полезных ископаемых в верховьях Ангрена (М. Е. Массон, Б. Н. Наследов), результаты которых были использованы геологической разведкой Среднеазиатского отделения Геолкома [2]. Многое сделано и в изучении выдающихся памятников среднеазиатской средневековой архитектуры (Б. Н. Засыпкин, М. Ф. Мауэр, Б. П. Денике, И. К. Мрочковский и др.). Таким образом, уже в первое десятилетие после образования Узбекской ССР советская археологическая наука достигла значительных успехов. Хотя в это время в ме-

[1] Б. В. Лунин: О нумизматической коллекции Узбекского собирателя древностей Акрама Аскарова. ИМКУ, 6, Ташкент, 1964.

[2] 25 лет советской науки в Узбекистане (1917—1942 гг.). Ташкент, 1942.

тодике археологических работ, в частности в раскопках В. Л. Вяткина, еще полностью не были преодолены установки дореволюционной археологии, однако характерными для этого периода были поиски новых методов исследования, постановки не возникавших раньше проблем, более тщательное и углубленное изучение материала, позволившего наметить вехи периодизации древней истории Узбекистана.

Во второй половине 30-х годов, когда в результате социалистической реконструкции народного хозяйства страны была заложена материальная база для всестороннего развития науки, наступил период большого перелома в археологическом исследовании Узбекистана. Развитие высшего образования и научных учреждений создали для этого необходимые предпосылки. Появились достаточно подготовленные кадры историков и археологов. Особенно важно, что молодые советские специалисты твердо встали на позиции исторического материализма и с этих позиций оценивали факты, открывали закономерности исторического развития народов Средней Азии — создателей выдающегося культурного наследия. В этот период были организованы очень важные по своим результатам археологические экспедиции: Зарафшанская (Узкомстарис и Эрмитаж, 1934, 1939 гг.), руководимая А. Ю. Якубовским; Термезская (Узкомстариса, Эрмитажа и Центрального антирелигиозного музея и др., 1936—1938 гг.) под руководством М. Е. Массона; Г. В. Григорьев раскапывал городище Каунчи-Тепе (1934—1937 гг.), а А. И. Тереножкин — Ак-Тепе (1940—1941) в Ташкентской области и городище Тали-Барзу под Самаркандом (1936—1939 гг.); В. А. Шишкин начал исследования на городище Варахша (1937—1939 гг.) и др. Особо следует отметить работу Хорезмской экспедиции, организованной в 1937 г. и руководимой С. П. Толстовым, которая выявила ценнейший материал по истории Древнего Хорезма. Для археологического изучения Узбекистана важные результаты получены наблюдениями на строительстве больших ирригационных сооружений — Большом Ферганском канале (М. Е. Массон, Я. Г. Гулямов, В. Д. Жуков, Т. Г. Оболдуева, 1939 г.); Ташкентском канале (М. Э. Воронец, А. И. Тереножкин, 1940 г.), а также на Каттакурганском водохранилище (В. А. Шишкин, И. А. Сухарев, 1940 г.).

Хотя в годы Великой Отечественной войны деятельность больших археологических экспедиций почти прекратилась, однако и в это тяжелое для страны время все же велись серьезные археологические работы, как например, археологические наблюдения на строительстве Северо-Ташкентского канала (Я. Г. Гулямов, М. М. Герасимов, А. В. Збруева, М. Э. Воронец, 1942 г.); в 1943—1944 гг. под руководством В. Ф. Гайдукевича проводятся археологические исследования в зоне строительства Фархадской ГЭС, в 1944 г. В. А. Шишкин и В. А. Нильсен совершают археологическую разведку по Бухарскому оазису и др.

В этот период в связи с эвакуацией в Ташкенте собрался большой коллектив крупнейших ученых — историков и археологов из Москвы, Ленинграда и других научных центров нашей страны. Они активно участвовали в разработке многих теоретических и практических вопросов археологического изучения Узбекистана. В Ташкенте были защищены докторские диссертации С. П. Толстовым и А. Н. Бернштамом, а кандидатские — Я. Г. Гулямовым и А. В. Шишкиным.

Широкий размах археологические исследования в Средней Азии, в том числе в Узбекистане, получили после окончания Великой Отечественной войны. В послевоенный период были организованы крупные археологические комплексные экспедиции, охватившие всю территорию Узбекистана. Полевые исследования были направлены на широкое археологическое изучение памятников всех эпох, начиная с каменного века. С 1945 г. возобновила свою деятельность Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, имеющая выдающиеся успехи в археологическом изучении одного из очагов древней цивилизации в Средней Азии — Древ-

него Хорезма. В 1946—1948 и 1950—1952 гг. под руководством А. Н. Бернштама работали Памиро-Алайская и Памиро-Ферганская экспедиции, получившие важные результаты в изучении археологии Ферганы. Под руководством Я. Г. Гулямова и В. А. Шишкина приступила к работе Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР; многочисленные отряды ее проводили широкие полевые работы в низовьях Зарафшана, Самарканде, Ферганской долине и Ташкентском оазисе.

В связи с небывалым расширением орошения в Узбекистане за последние десять лет большие археологические работы были осуществлены в зоне Чимкурганского, Южно-Сурханского и Туябугузского водохранилищ, на строительстве Чарвакской ГЭС, в зоне Аму-Бухарского и Аму-Каршинского каналов. В настоящее время ведутся работы на трассе строящегося Центрального Ферганского канала.

Для всестороннего археологического изучения городища Афрасиаб, крупнейшего центра древней городской культуры Узбекистана, на базе Афрасиабского археологического отряда Института истории и археологии АН УзССР, возникшего в 1958 г., в 1966 г. была создана Афрасиабская археологическая комплексная экспедиция АН УзССР (В. А. Шишкин, Я. Г. Гулямов).

Диапазон экспедиций стал широким, поэтому в их многообразной деятельности участвовал большой коллектив ученых различных специальностей — археологов, этнографов, востоковедов, архитекторов, искусствоведов, антропологов, палеогеографов и др. Сочетания разведки с многолетними стационарными исследованиями, эти экспедиции, работающие и в настоящее время, изучили обширные районы, зачастую ранее совершенно не тронутые археологическими изысканиями. Они открыли множество ценнейших памятников культуры разных времен, начиная с палеолита и кончая поздним средневековьем. Комплексное изучение этих памятников позволило не только уточнить их археологическую периодизацию, но и поставить, а также значительно продвинуть решение важных проблем по социально-экономической и культурной истории народов Средней Азии.

В настоящее время археологические исследования в Узбекистане ведутся многими научными учреждениями республики, например, Самаркандским, Термезским, Ферганским, Бухарским историко-краеведческими музеями, Институтом искусствознания Министерства культуры УзССР, кафедрой археологии Ташкентского государственного университета, кафедрой Всеобщей истории Самаркандского государственного Университета, Институтом истории и археологии АН УзССР. В организации больших комплексных археологических экспедиций и в разработке крупных научно-теоретических проблем ведущая роль принадлежит Академии наук Узбекистана.

Большой коллектив археологов Узбекистана работает в тесном контакте с учеными Москвы, Ленинграда, Новосибирска и других городов Советского Союза и принимает непосредственное участие в экспедициях Академии наук Союза ССР. Археологи Узбекистана активно участвуют во многих всесоюзных и международных археологических совещаниях, симпозиумах и конгрессах.

Остановимся на основных итогах археологического изучения Узбекистана.

* * *

В годы Советской власти в Узбекистане была разработана история первобытного общества. Этому способствовали большие успехи, достигнутые в изучении палеолита Узбекистана, о наличии которого до 30-х годов почти ничего не было известно. Был открыт ряд памятников первобытной эпохи. Среди них стоянка мустьерского времени в гроте Тешик-Таш (горы Бай-

сунтау в Сурхан-Дарьинской области) [3], палеолитическая пещерная стоянка Аман-Кутан в Самаркандской области [4], стоянка того же времени на Бозсу под Ташкентом [5], Ходжикентский [6] и Обирахматский гроты [7] в верховьях Чирчика в Ташкентской области, мустьерские стоянки в Южной Фергане [8], многослойная стоянка Кульбулак в Ангренской долине [9], верхнепалеолитическая Мочайская пещера в Сурхан-Дарьинской области [10] и верхнепалеолитическая стоянка на территории г. Самарканда, мезолитические стоянки в верховьях Сох-Мая в Ферганской долине, мезолитическая стоянка на Бозсу около Ташкента и др.

В изучении памятников первобытной эпохи важное место занимает открытие ряда палеолитических кремнедобывающих мастерских, которые явились новым видом источника для изучения первобытности Узбекистана: канчигайской (Ферганская обл.) [11], каратаусской и ангренской (Ташкентская обл.) [12] кремнеобрабатывающих мастерских и Учтутской шахты по добыче кремня в Бухарской области [13].

А. П. Окладников нашел в 1938 г. в пещере Тешик-Таш скелет 8—9-летнего мальчика-неандертальца. Это открытие, несомненно, имеет мировое значение. Оно явилось чрезвычайно важным аргументом в пользу теории единства процесса антропогенеза и серьезным ударом против реакционных теорий, утверждающих, что неандертальский человек не является предком современного человека, а лишь вымершей боковой (тупиковой) ветвью гоминид, истребленной на грани мустье и верхнего палеолита вторгшимися в Европу людьми современного физического типа [14]. Буржуазные ученые искали «прародину» современного человека, где он существовал бы одновременно с неандертальцем. Как один из возможных районов его возникновения указывалась Средняя Азия, остававшаяся до 30-х годов в этом отношении «белым пятном». Находка скелета Тешикташского мальчика показала, что и Средняя Азия была населена неандертальцами, которых реакционные ученые считали вымершей, «боковой, тупиковой ветвью» человечества, а не ступенью в его развитии.

В 1964—1966 гг. на Самаркандской верхнепалеолитической стоянке Д. Н. Лев нашел две нижние челюсти Homo sapiens, принадлежащего следующей стадии развития человека, но генетически связанного с тешикташским обитателем.

Для изучения каменного века, а также последующих эпох большую ценность представляют памятники первобытного искусства. Уникальные и интересные наскальные рисунки были найдены в урочище Зараут-Сай в Сурхан-Дарьинской области (Г. В. Парфенов, 1936 г.) [15], в ущелье Таке-

---

[3] А. П. Окладников. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш в Узбекистане. КСИИМК, II, 1939, стр. 8—9; его же. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш. Тр. Уз. ФАН СССР, Ташкент, 1940, сер. история археологии, I.

[4] Д. Н. Лев. Древний палеолит в Аман-Кутане. Самарканд, 1949.

[5] Полевые работы Узбекистанской археологической экспедиции в 1954—1955 гг. ИМКУ, I, Ташкент, 1959.

[6] А. П. Окладников. Краткий отчет о раскопках Ходжикентской пещеры в 1958. ИМКУ, 4, Ташкент, 1963.

[7] Х. К. Насретдинов. Грот Обирахмат. ИМКУ, 5, Ташкент, 1964.

[8] М. Р. Касымов. Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964 году. ИМКУ, 7, Ташкент, 1966.

[9] М. Р. Касымов. Памятники каменного века в долине Ангрена. «Общественные науки в Узбекистане», 1967, 2.

[10] История Узбекской ССР, I, 1, Ташкент, 1955.

[11] А. П. Окладников, М. Р. Касымов, П. Т. Конопля. Канчигайская палеолитическая мастерская. ИМКУ, 5.

[12] М. Р. Касымов. Памятники каменного века в долине Ангрена. «Общественные науки в Узбекистане», 2.

[13] М. Р. Касымов. Новые данные о мастерских каменного века в районе Каратау. ИМКУ, 5.

[14] Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966, стр. 211, 212.

[15] История Узбекской ССР. I, 1, стр. 20, 21; А. Рошинская. Зараут-Сай. М., 1950; А. А. Формозов. О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье Зараут-Сай. СА, 1966, 4.

Таш в Сыр-Дарьинской области (А. Р. Мухамеджанов, 1956 г.) [16], в горных ущельях Коронгур-Сай и Сармыш в Бухарской области [17] и ряд других.

Изучение позднейших этапов каменного века было значительно продвинуто археологическими исследованиями, проведенными в низовьях Аму-Дарьи и Зарафшана. В 1939 г. Хорезмской экспедицией были открыты исключительные по своей важности памятники эпохи неолита, датируемые концом IV и началом II тысячелетий до н. э., которые впоследствии были названы кельтеминарской культурой [18]. В 1950—1953 и 1960—1966 гг. Махан-Дарьинским отрядом Узбекистанской археологической экспедиции (Я. Г. Гулямов) в низовьях Зарафшана и Кашка-Дарьи были обнаружены и изучены более 60 памятников кельтеминарской культуры, имеющих в то же время некоторые свои местные особенности [19].

Изучение неолитических памятников и остатков жилищ со своеобразной керамикой и кремниевым инвентарем позволило осветить хозяйственную и общественную жизнь древних охотничье-рыболовецких племен Средней Азии, обладавших высокой для того времени микролитической индустрией.

Благодаря работам Хорезмской экспедиции в некоторой степени освещена эпоха энеолита — переходной поры от камня к металлу. Памятники эпохи энеолита, обнаруженные в древней Ахча-Дарьинской дельте Аму-Дарьи, С. П. Толстов назвал камышлинской культурой (датируется концом III — началом II тысячелетия до н. э.). Она имеет некоторую аналогию с древними культурами Передней Азии и Кавказа [20]. Таким образом, исследования памятников неолита и энеолита дали материалы для выявления культурных связей древних племен — носителей кельтеминарской и камышлинской культур с древнеземледельческим югом, обладавшим более высокой культурой, с одной стороны, и севером — областью расселения охотников и рыболовов, с другой. Тем самым была определена роль Средней Азии, в частности Хорезма как зоны контактов в этих связях. Установление этого факта представляет значительный интерес, тем более, что камышлинская культура сосуществовала с поздними этапами кельтеминарской. Такая же картина одновременного сосуществования различных культур, тяготеющих то к земледельческому югу, то к степному северу, наблюдается и в эпоху бронзы.

В изучении памятников этой эпохи, остававшихся неизвестными до 30-х годов, были достигнуты большие успехи. На территории Узбекистана памятники эпохи бронзы, получившие название тазабагъябской культуры, впервые были открыты в 1938 г. Хорезмской экспедицией. Эта культура имеет черты сходства с андроновской культурой Западной Сибири, Казахстана и Минусинской котловины и со срубной культурой Нижнего Поволжья [21]. Интересный материал дали памятники суярганской культуры, которая сосуществовала, а позднее в значительной степени была поглощена тазабагъябской культурой [22].

В 50-х и начале 60-х годов многочисленные памятники андроновско-тазабагъябской культуры, датируемые последней четвертью II — началом

---

[16] А. Р. Мухамеджанов. По следам загадочных камней. «Фан ва Турмуш», 1957, 1 (на узб. яз.).

[17] Н. Х. Ташкенбаев. Наскальные изображения Коронгур-сая и Сармыша. ИМКУ, 7.

[18] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 59—66; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., стр. 65—74; А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, 1.

[19] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.

[20] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

[21] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 67; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта..., стр. 47—60.

[22] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта..., стр. 60—68.

I тысячелетия до н. э., изучались в низовьях Зарафшана и Кашка-Дарьи [23]. Интересный материал, характеризующий степную бронзу Ферганской долины, дали Вуадильский и Карамкульские могильники [24], а также поселения и могильники в Кайрак-Кумах [25]. В 1964 и 1966 гг. могильник этой культуры был обнаружен в местности Муминабад в Самаркандской области.

Очень важное значение имеют памятники, открытые Я. Г. Гулямовым на Махан-Дарье и получившие название культуры Заманбаба. Они дали богатый материал, характеризующий культуры древнеземледельческих племен и степных скотоводческих племен эпохи бронзы [26]. Многочисленные земледельческие поселения со сходной культурой были обнаружены вблизи г. Чуста [27] и на холме Дальверзин [28]. К этой же культуре относится поселение, открытое в 1963 г. на бугре Кучук-Тепе (Л. А. Альбаум) в Сурхан-Дарьинской области [29]. Памятники эпохи поздней бронзы, IX—VIII вв. до н. э., были исследованы в Хорезме (амирабадская культура) [30], в низовьях Зарафшана и Кашка-Дарьи [31]. Таким образом, исследование памятников эпохи бронзы в Узбекистане позволило воссоздать культуру и быт племен, обитавших на территории Узбекистана и имевших теснейшие связи с земледельческим населением Востока, с одной стороны, и со степными скотоводческими племенами, с другой, что сыграло большую роль в образовании новых земледельческих оазисов и проникновении на юг носителей культур степной бронзы.

Одним из серьезных достижений советской археологии в Узбекистане является открытие и изучение памятников, относящихся к середине I тысячелетия до н. э., связывающих культуру населения родового строя с культурой раннеклассового общества. Памятников времени перехода от первобытных отношений к начальным стадиям образования классов и ранних государств пока выявлено и изучено очень мало. Их явно недостаточно для характеристики локальных особенностей в культуре отдельных районов и разных этнических образований. Материал этого периода имеется в нижнем слое городища Афрасиаб, верхнем слое Кучук-Тепе, городище Эйлатан и могильнике Хозар Бухарской области, но особенно много получила его Хорезмская экспедиция на городищах Кюзел-гыр, Дингильдже, Калалы-Гыр [32].

Наиболее значительных успехов советские археологи добились в изучении памятников рабовладельческого периода. Они открыты на всей территории Узбекистана — в Термезе, Хорезме, Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Фергане и других местах. Это позволило с достаточной полнотой выявить многие стороны материальной культуры, ее эволюцию и некоторые локальные особенности Хорезма, Согда, Тохаристана, Даваня и Шаша.

Большая заслуга советских археологов заключается в том, что вместо расплывчатого определения древней культуры народов Средней Азии как

[23] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Ук. соч., стр. 187—223.

[24] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, 63, 1956; их же. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, 3, стр. 130—135.

[25] А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, XXX—VII, 1956; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. ИИАЭ АН ТаджССР, LXIII, 1956.

[26] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Ук. соч., стр. 117—170.

[27] М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Тр. Музея истории УзССР, 2, 1954; В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.). СЭ, 1954, 3, стр. 69—76; его же. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 гг.). КСИИМК, 69, 1957, стр. 40—49; его же. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.). КСИИМК, 71, 1958, стр. 86—98.

[28] Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, 62, 1957.

[29] В. А. Шишкин. Сорок лет Советской археологии в Узбекистане. ИМКУ, 7.

[30] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта..., стр. 68—74.

[31] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Ук. соч., стр. 224—228.

[32] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 77—89; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта..., стр. 96—117.

«домусульманской» или «доарабской» они совершенно по-новому решили проблему социально-экономической периодизации древней истории Узбекистана. Благодаря археологическим открытиям была отвергнута выдвигавшаяся зарубежными историками и даже некоторыми советскими исследователями идея о чуть ли не извечном существовании феодализма на Востоке, особом развитии народов Азии, которые отставали от Запада с фатальной неизбежностью.

В социально-экономической и культурной истории древнего Узбекистана большую роль играло кочевое население, окружавшее со всех сторон древние центры античной и средневековой цивилизации Средней Азии, от которого в республике сохранились многочисленные и разнообразные памятники. Большое количество курганных погребений и могильников, охватывающих время от периода бронзы до средневековья, было изучено в Ташкентском оазисе, Хорезме, Каракалпакии, Ферганской и Зарафшанской долинах. Однако полученный в результате раскопок археологический и антропологический материал требует значительного пополнения и обобщения, что очень важно для этногенеза народов Средней Азии, путей расселения кочевых и оседлых племен, характеристики их культурно-бытового уклада и общественного строя.

Огромные успехи были достигнуты в изучении памятников древнего искусства — архитектуры, живописи и скульптуры. Айртамский фриз [33], живопись и скульптуры Топрак-Калы [34], глиняные скульптуры из Халчаяна [35] показали, что народы Узбекистана еще в глубокой древности создали высокую художественную культуру неповторимого своеобразия. Глубокое и всестороннее изучение этих памятников указывает на самобытный характер культуры вопреки утверждениям ряда ученых не только Запада, но и дореволюционной России о ее периферийном, заимствованном характере. Древнее искусство Узбекистана свидетельствует о взаимодействии с культурами соседних народов Ирана, Индии, Дальнего Востока, Кавказа и об активном участии Средней Азии в мировом культурном творчестве.

Это подтверждается исследованиями крупнейших памятников раннего средневековья: Варахши — резиденции бухар-худатов, с ее замечательными стенными росписями и алебастровой скульптурой [36]; живописи феодального замка Балалык-Тепе [37]; скульптуры буддийского храма в Куве [38] и выдающейся стенной галереи Афрасиаба, открытой в 1965—1966 гг. Афрасиабской экспедицией [39].

Археологами и архитекторами выявлено также немало новых, ранее неизвестных первоклассных созданий народных мастеров, таких, как мавзолей Араб-ата [40] в с. Тим (X в.), мечеть Деггарон [41] в с. Хазара (XI в.), мечеть в урочище Багимазар [42] (XIV в.) и др.

Многолетние работы Узбекистанской археологической экспедиции АН УзССР в последнее время ведутся главным образом на развалинах древних городов Узбекистана, игравших в средневековье важную роль как торгово-ремесленные и культурные центры: в Куве (VI—VIII вв.); Афра-

[33] М. Е. Массон. Скульптура Айртама. Искусство, 1935, 2; К. В. Тревер. Памятники грекобактрийского искусства. М.— Л., 1940.

[34] С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 204—206.

[35] Г. А. Пугаченкова. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.

[36] В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963.

[37] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960.

[38] В. А. Булатова. Буддийский храм в Куве. СА, 1961, 3.

[39] В. А. Шишкин. Афрасиаб — сокровищница культуры. Ташкент, 1966.

[40] Г. А. Пугаченкова. Искусство зодчих Узбекистана. II, Мавзолей Араб-ата. Ташкент, 1963.

[41] В. А. Нильсен. Мечеть Диггарон в селении Хазара. Тр. ИИАЭ, АН УзССР, 7, Ташкент, 1955.

[42] А. Р. Мухамеджанов. Новый архитектурный памятник XIV века в Багимазаре. «Общественные науки в Узбекистане», 1963, 5.

сиабе — столичном городе древнего и раннесредневекового Согда; Ахсикенте — главном городе X—XV вв. в Ферганской долине и др. Изучение городов выясняет историческую топографию со сложными фортификационными сооружениями, планировку феодальных замков и крепостей, а также оборонительные сооружения, возведенные вокруг земледельческих оазисов (Бухара, Самарканд, Ташкент, Фергана, Шахрисябз, Нурата и др.). Вместе с тем получен материал, характеризующий технику различных ремесел, строительного дела, горнодобывающего промысла, металлургию и пр. Отдельные монеты и целые клады позволяют судить о денежном обращении в тот или иной период, о межобластных, а иногда и международных связях (работы М. Е. Массона, Е. А. Давидович, О. И. Смирновой и др.).

Известно, что Средняя Азия, в том числе Узбекистан, является страной древнего орошаемого земледелия. Процветание страны здесь всегда зависело от развития ирригации. Поэтому одним из главных направлений в археологии Узбекистана являлось изучение истории орошения страны.

На основе большого фактического материала, полученного благодаря археологическому изучению земель древнего орошения в низовьях Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Зарафшана и других оазисов, прослеживается история ирригации в Узбекистане со времени появления примитивного ирригационного сооружения, основанного на дамбировании небольших боковых дельтовых протоков, до грандиозных гидротехнических инженерных сооружений. Такие памятники, как Хан-Банда в ущелье Илачи-Сай (Сыр-Дарьинская обл., X в.) [43], Гишт-Банд в горном ущелье Амандара (Самаркандская обл., XII в.), Абдуллахан-Банди в ущелье Акчаб-Сай (Самаркандская обл., XII в.) и др., возведенные из бутовой кладки на специальном вяжущем материале, свидетельствуют о том, что в строительстве водных сооружений строители средних веков достигли довольно высокого для того времени уровня технических знаний. Так, плотина водохранилища XVI в. Абдуллахан-Банди как комплекс инженерных сооружений в принципе не отличается от современных водохранилищ [44]. Примечательно, что еще в то время строители умели изготовлять специальный гидравлический вяжущий материал для водных сооружений.

Археологическими исследованиями установлено, что запустение цветущих оазисов в Хорезме, на нижнем Зарафшане, в бассейне Сурхан-Дарьи и в Фергане главным образом было обусловлено социально-политическими причинами — опустошительными войнами, ростом феодальной раздробленности, феодальными усобицами. Однако для низовьев Зарафшана имеется и другая, не менее важная, причина, связанная с хозяйственной деятельностью населения. Расширение орошаемого земледелия в верхней части долины, т. е. в Самаркандском оазисе, способствовало постепенному сокращению орошаемой площади в Бухарском оазисе, так как водный баланс р. Зарафшан не мог орошать всю площадь долины, пригодную для земледелия. Поэтому огромная площадь земель древнего орошения в низовьях Зарафшана до последнего времени лежала без какого-либо освоения из-за недостатка воды в долине, и этот вопрос окончательно был решен лишь благодаря сооружению Аму-Бухарского канала — грандиозного ирригационного сооружения советской эпохи.

В настоящее время, когда освоение новых земель идет быстрыми темпами, для интенсивного развития сельского хозяйства большое народнохозяйственное значение приобретает многовековой земледельческо-ирригационный опыт народа. Именно благодаря археологическим исследованиям, проведенным за последние годы на землях древнего орошения, были вы-

---

[43] Я. Г. Гулямов. К изучению древних водных сооружений в Узбекистане. ИАН УзССР, 1955, 2.

[44] А. Р. Мухамеджанов. Древние гидротехнические сооружения и орошение новых земель. «Общественные науки в Узбекистане», 1966, 9.

явлены огромные резервы земель в дельтах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, в низовьях Зарафшана и Кашка-Дарьи, пригодных для первоочередного освоения, которые уже учитываются проектными организациями страны.

В развитии археологической науки в Узбекистане огромная заслуга принадлежит крупнейшим советским ученым — С. П. Толстову, А. Ю. Якубовскому, Я. Г. Гулямову, М. Е. Массону, А. П. Окладникову, В. А. Шишкину и др. Благодаря упорной и плодотворной их деятельности не только сделано множество археологических открытий мирового значения, но освещена древняя история Узбекистана. Им принадлежит ведущая роль в разработке многих современных методических приемов в полевых археологических исследованиях. Именно они обобщили огромный и разнообразный археологический материал и создали капитальные монографические труды по археологии, истории ирригации, искусства, архитектуры и нумизматики, благодаря которым древняя культура народов Средней Азии поднялась до мировой известности. Они подготовили значительный отряд квалифицированных специалистов-археологов — активных участников археологического изучения Узбекистана.

В Узбекистане до 60-х годов почти не было археологов по изучению памятников первобытного периода. В подготовке таких специалистов большую помощь оказал Институт археологии АН СССР. Видные ученые Ленинграда и Москвы (А. П. Окладников, П. И. Борисовский, М. М. Герасимов, М. П. Грязнов и С. А. Семенов) подготовили специалистов по изучению памятников эпохи камня и бронзы (М. Р. Касымов, У. Исламов, А. Аскаров, С. Рахимов, Р. Сулейманов, Н. Ташкенбаев), которые в настоящее время развертывают поиски и изучение памятников первобытности.

В подготовке молодых специалистов, несомненно, велика заслуга и кафедры археологии, организованной в 1940 г. при историческом факультете Ташкентского Государственного Университета им. В. И. Ленина, руководимой проф. М. Е. Массоном. Среди ее выпускников имеется немало и узбеков (И. Ахраров, М. Аминджанова, Ш. Ташходжаев, З. Усманова, Г. Дадабаев, Т. Ходжаниязов, Б. Тургунов и др.), успешно работающих в области археологии.

Выросшие за годы Советской власти научные кадры на основе усовершенствованной методики и техники полевых исследований и методов интерпретации археологического материала обеспечили блестящий расцвет археологии Узбекистана. Пятьдесят лет в истории развития советской археологии Узбекистана были периодом, когда эта наука, находившаяся в дореволюционное время в зачаточном состоянии и интересовавшая только любителей, превратилась теперь в подлинную науку, являющуюся важнейшей составной частью историографии Узбекистана. Созданные Советской властью и Коммунистической партией Советского Союза условия для развития исторической науки в СССР особенно ярко сказались в развитии историографии союзных республик, в том числе Узбекской Советской социалистической Республики.

А. Я. СТУБАВС

АРХЕОЛОГИЯ В СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ (1945—1967 гг.)

Преобразование латвийской археологии на марксистско-ленинских методологических основах началось с восстановлением Советской власти в Латвии в 1940 г. Однако развитие археологических исследований было прервано Великой Отечественной войной и возобновилось только после ее окончания. В послевоенные годы выросли местные кадры археологов. Археологические исследования в Латвии сосредоточены главным образом в Институте истории Академии наук Латвийской ССР [1], Музее истории Латвийской ССР [2], Государственном историческом музее, где созданы лаборатории по консервации, реставрации и технической обработке материалов раскопок. В настоящее время в республике работают 22 специалиста-археолога и один антрополог (среди них 8 кандидатов наук). В анализе и научной оценке палеоботанических, остеологических, дендрологических и других материалов принимают участие специалисты в области естественных и технических наук. У латвийских археологов установились полезные контакты и сотрудничество с археологическими учреждениями Москвы, Ленинграда и соседних республик.

Развитие латвийской советской археологии условно может быть подразделено на три периода:

1) начало работ в первые послевоенные годы (1945—1948);

2) развертывание систематических и комплексных археологических исследований (1949—1960 гг.);

3) количественный рост исследований и качественное их углубление (начиная с 1960—1961 гг.).

Первый период характеризуется ограниченным объемом раскопок (в основном изучались могильники), нехваткой кадров и материальных ресурсов для планового археологического обследования всех районов республики. Количество публикаций по археологической тематике в этот период невелико, причем полностью отсутствуют исследования монографического и обобщающего характера. Частично этот пробел восполняют очерки известного специалиста по истории феодального периода академика Я. Зутиса, в которых автор коснулся также проблем латвийской археологии [3].

Я. Зутис подверг критике антинаучные взгляды ведущего археолога буржуазной Латвии Фр. Балодиса, в особенности его «теорию завоеваний»,

---

[1] К. Страздынь. Расцвет общественных наук в Латвийской ССР. ИАН ЛатвССР, 1960, 1. стр. 25—26, 32—35; A. Stubavs. Arheologiskā pētniecība Padomju Latvijā 1945—1960 g. AE. IV. Rīgā. 1962, стр. 5—16.

[2] H. Strods. Latvijas PRS Vestures muzejs devindesmit gados (1869—1959. g.). ИАН ЛатвССР, 1961, 1, стр. 197—198.

[3] J. Zutis. Latvijas aizvestures problemas. Apcerejumi par Latvijas PSP vēsturi. I. Rīgā, 1948, стр. 7—45; его же. Krievu un Baltijas tautu cīnas pret vācu agresiju. «Apcerejumi...», III. Rīgā, 1948, стр. 3—47.

идеалистический и узконационалистический подход к пониманию исторических явлений.

Во второй период развернулись значительные по объему исследования археологических памятников Латвии всех категорий, в особенности древних городищ и поселений. Археологические проблемы решаются комплексно, с использованием достижений антропологии, топонимики, диалектологии и других отраслей знания. В республике разрабатываются планы перспективных исследований на длительный период, научная проблематика увязывается с археологическими исследованиями в соседних республиках. В 1951—1952 гг. были организованы раскопки и разведка археологических памятников на пограничных территориях между РСФСР и Латвийской ССР. Начиная с 1955 г., развернула всестороннюю деятельность Прибалтийская объединенная комплексная археологическая, этнографическая и антропологическая экспедиция, включившая в ареал своих исследований территории трех прибалтийских республик и прилегающих областей. Часть результатов этих исследований была опубликована в 1959 г.[4]. Подлинно научная и правильная методологическая постановка исследовательской работы позволила ликвидировать недостатки, имевшие место в латвийской археологии в досоветский период, когда памятники рассматривались изолированно от их конкретной среды и социально-экономических условий соответствующего времени. В этот период завершается критическая переоценка научного наследия прибалтийско-немецких и латышских буржуазных археологов[5]. Создается новая археологическая концепция, нашедшая наиболее полное выражение в монографии академика Х. А. Моора[6] и в первом томе «Истории СССР»[7]. Монография Х. А. Моора представляет собой систематический курс археологии Латвии с новой периодизацией, с характеристикой экономики, культуры и общественного строя отдельных эпох. В те же годы опубликована монография, посвященная Нукшинскому могильнику, и ряд других археологических очерков; начинается издание сборников (Arheoloģija un etnogrāfija» («Археология и этнография»).

Третий период характеризуется большим числом проводимых археологических раскопок: помимо разведочных в республике ежегодно организуются 8—12 археологических экспедиций, с длительностью работ от 4 до 6 месяцев. Впервые в истории археологии Латвии осуществляется полное исследование отдельных археологических микрорайонов Латвии: завершены раскопки в зоне затопления Плявиньской ГЭС[8] (41 памятник, в раскопках которых найдено 28 тысяч предметов и др.), а в 1966 г. начато широкое исследование археологических памятников в районе строящейся Рижской ГЭС в низовье Даугавы. Актпвизируется исследование поселений на настилах на озерах Латвийской ССР, проводятся как подводные работы, так и археологические раскопки после снижения уровня воды. Археологи совершенствуют методы раскопочных работ, для датировки шире используются достижения естественных и технических наук (радиокарбонный метод, пыльцевой и дендрохронологический анализы).

В этот период значительно возрастают количество и объем научных

---

[4] Тр. ПОКЭ. М., 1959; ВЭИНП, М., 1959, 578 стр.; П. М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этнографическая антропология Восточной Прибалтики, М., 1959, 273 стр.

[5] Šnore. Pret buržuāziskām koncepcijām Latvijas arheoloģija. В кн.: Buržuāziskie nacionālisti — Latvijas vēstures viltotāji. Rīgā, 1952, стр. 31—39.

[6] H. Moora. Pirmatnēja kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952, 169 стр.

[7] Х. Моора, Э. Шноре. Первобытно-общинный строй на территории Латвийской ССР. История Латвийской ССР. I. Рига, 1952, стр. 6—49.

[8] Х. П. Строд. К итогам крупнейших археологических полевых исследований в Латвии. VII Международный конгресс доисториков и происториков. М., 1966, стр. 222—223.

публикаций, которые характеризуются различной проблематикой, более систематическим, чем ранее, использованием данных антропологии, лингвистики в научном анализе и исторических обобщениях.

За советский период на территории Латвии раскопки проводились на 154 археологических объектах, многие из которых изучены на большой площади. Получен разнообразный и научно ценный материал (около 60 тысяч предметов и много других находок). В фондах республиканских музеев хранятся более 100 тысяч предметов, найденных ранее при раскопках, или как случайные находки. На основе этого материала, а также материалов, добытых в советский период с помощью современных методов раскопок, археологи республики подготовили и издали по различным проблемам археологии Латвии пять книг монографического характера (из них три на русском языке), совместно с этнографами издано 7 томов «Археологии и этнографии» [9] и 2 тома «Трудов Музея истории Латвийской ССР» [10]. В периодических и других изданиях в Латвийской ССР, Москве, Таллине и др. опубликовано около 160 научных статей, сообщений и тезисов рефератов [11]. В последние годы в связи с развитием международного научного сотрудничества латвийские археологи опубликовали несколько статей в археологических изданиях Польской Народной Республики, Чехословацкой Социалистической Республики и Финляндии. Оценку достижений и недостатков археологии Советской Латвии дает книга А. Бирона и В. Дорошенко «Развитие исторической науки в Советской Латвии» [12].

Археологические исследования в Советской Латвии развиваются в различных направлениях и по весьма сложной проблематике: этногенез и этническая история латышского народа, развитие производительных сил, смена общественных формаций и причины ее, экономические и культурные связи и т. п. В археологическом аспекте эти проблемы изучаются по историческим периодам.

Заметные успехи достигнуты в исследовании древнейших периодов истории Латвии — мезолита и неолита. До настоящего времени мезолит в Латвии (IX—VIII тысячелетия до н. э.— IV тысячелетие до н. э.) был представлен только отдельными предметами, найденными на Лубанской низменности [13] и в Двиете (рис. 1). Типологически и хронологически эти случайные находки в основном соответствуют кундской культуре мезолита в Эстонии. В ходе раскопок последних лет под руководством Ф. Загорскиса в бассейне оз. Лубанас в нижнем горизонте стоянки Оса, относящейся к периоду каменного века, вскрыт культурный слой мезолита с интересным комплексом находок этого периода [14]. Поздний мезолит и ранний неолит представлены теперь и в раскопках Звейниекского могильника, относящегося к каменному веку и расположенного близ оз. Буртниеку. Здесь обнаружены самые ранние на территории Латвии погребения, причем антропологический тип захороненных имеет европеоидные черты [15].

---

[9] AE, I—VII. Rīgā, 1957—1966.

[10] Latvijas PSR Vēstures muzeja raksti. LVM Raksti, I. Arheoloģija, Rīgā, 1962.

[11] В 1959—1967 гг. в Риге ежегодно публиковались тезисы отчетных сессий археологических и этнографических экспедиций. Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций, далее — Тез. докл.

[12] A. Bīrons, V. Dorošenko. Vēstures zinātnes attīstība Padomju Latvijā, Rīgā, 1966, стр. 9—25.

[13] И. Лозе. Мезолитические находки Лубанской низменности. ИАН ЛатвССР, 1964, 3, стр. 7—20.

[14] Ф. Загорскис. Памятники позднего мезолита и раннего неолита на территории Латвии. Пленум Института археологии АН СССР, 1966 г. Тезисы докладов. Секция неолита и бронзового века. М., 1966, стр. 11—13; F. Zagorskis. Neolīta ekspedīcijas rezultāti. Tez. dokl., 1965, стр. 26.

[15] По данным антропологических исследований Р. Денисовой, использованным в диссертации Ф. Загорскис: Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Автореф. канд. дис. Рига, 1967, стр. 23, 24.

Из числа памятников неолита наиболее систематично изучена торфяниковая стоянка Сарнате в западной части Латвии на побережье Балтийского моря. В раскопках Сарнате под руководством Л. Ванкиной добыта богатая и многообразная коллекция деревянных орудий труда, домашней

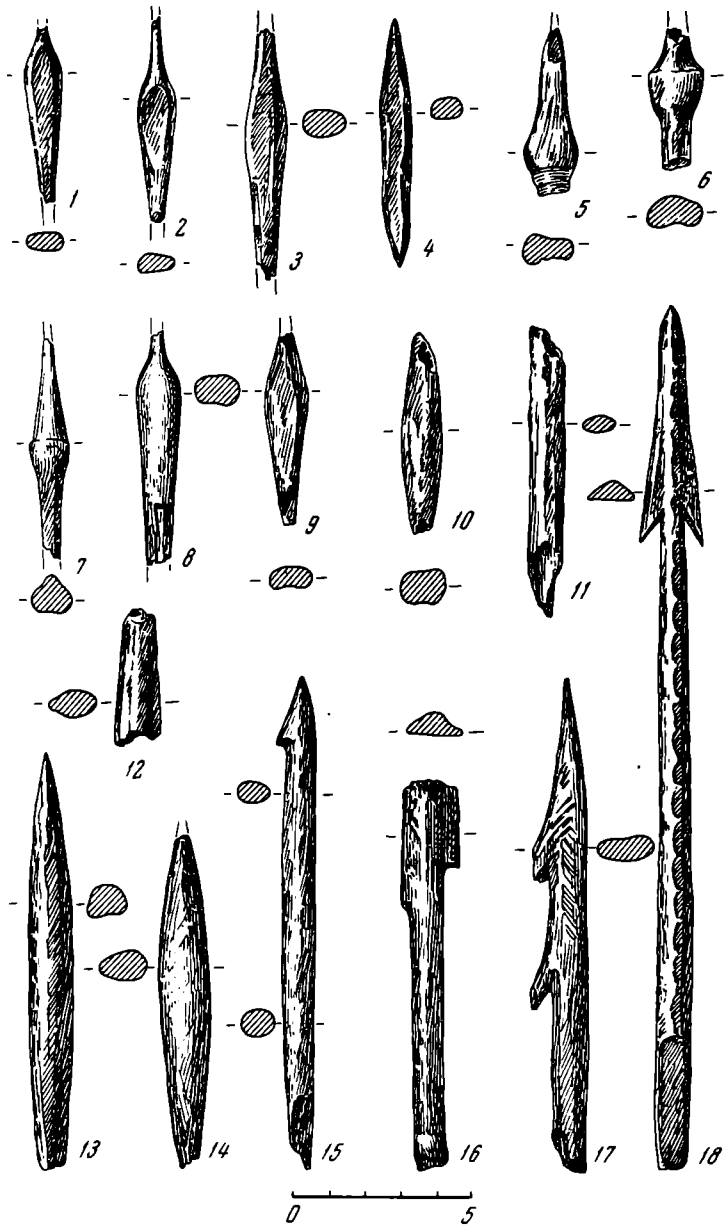


Рис. 1. Костяные наконечники стрел, копий и гарпунов из стоянки Оса (Лубанская низменность)
16—18 — из мезолитического слоя; *1—15* — из неолитического слоя

утвари и предметов культа. Обнаружены остатки многоугольной постройки площадью примерно в 30—35 $м^2$ и четырехугольной постройки меньших размеров. Древнейшие жилища Сарнате датируются III тысячелетием до н. э., самые поздние — первой половиной или серединой II тысячелетия до н. э. (рис. 2). Основными занятиями населения были охота, рыболовство, собирательство, а в последний период — примитивное земледелие и зачатки скотоводства. Определенное развитие получила обработка янтаря, который добывался неподалеку на берегу моря. Янтарные изделия, как и необработанный янтарь, использовался также для

обмена. Материал раскопок в Сарнате имеет некоторые родственные черты с материалом, добытым на Шигирской и Горбуновской стоянках. Находки из Сарнате имеют наиболее близкое сходство с материалом раскопок в Пурциемсе, Леясцискас и Силиньупе. Эти неолитические памятники Западной Латвии составляют единую группу местной культуры [16].

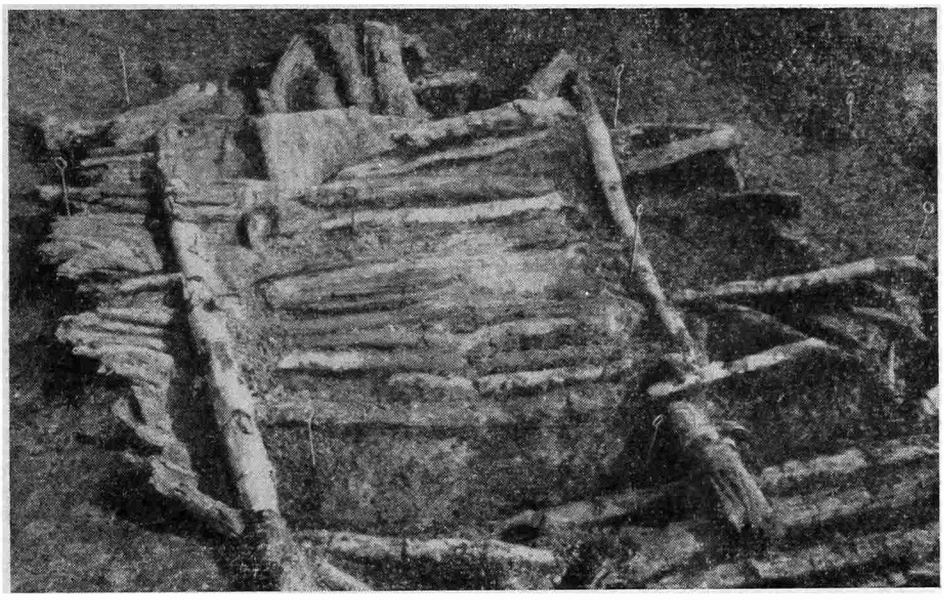


Рис. 2. Сарнатская торфяниковая стоянка. Очаг жилища после снятия верхних слоев песка и коры — первая половина III тысячелетия до н. э.

В восточной и северной частях Латвии несколько неолитических стоянок и могильников изучено на берегах озер Лудзас и Буртниеку. Крейчский могильник (у впадения р. Иснауда в оз. Б. Лудзас) с его 23 погребениями II тысячелетия до н. э. характеризует виды захоронения и обычаи неолита [17]. В антропологическом материале выявляются как европеоидные, так и монголоидные признаки [18]. Могильник устроен рядом с древней стоянкой, время существования которой подразделяется на три периода, начиная со второй половины III до I тысячелетия до н. э. или несколько позднее [19]. В окрестностях оз. Лудзас открыты и обследованы на небольшой площади две другие неолитические стоянки — Будянка и Юрисдика.

Однако наиболее значительные материалы для исследования неолита в Латвии за последние годы дали разведка и раскопки ряда неолитических памятников в Лубанской низменности и близ оз. Буртниеку [20]. На

---

[16] Л. В. Ванкина. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). Muistsed asulad ja linnused, I. Tallin, 1955, стр. 138—149, табл. XXV—XXXIII; е е ж е. Раскопки в Сарнате в 1955—1956 гг., СА, 1958, 3, стр. 180—183; е е ж е. Archeoloģiskie izrakumi Sārnates purva apmetnē 1958 g. Тез. докл. 1959, стр. 9—11; О раскопках 1959 г. см. Тез. докл., 1960, стр. 9—10.

[17] F. Zagorskis. Kreiču neolita kapulauks. AE, III, Rīgā, 1961, стр. 3—18.

[18] Р. Денисова. Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи. СЭ, 1960, 3, стр. 163—169.

[19] F. Zagorskis. Kreiču neolita apmetne. ИАН ЛатвССР, 1963, 4, стр. 23—35.

[20] F. Zagorskis. Jauni materiali par neolitu Latvijas austrumu dalā. ИАН ЛатвССР, 1965, 6, стр. 35—50; И. Лозе. О новых неолитических памятниках. ИАН ЛатвССР, 1965, 12, стр. 15—24; I. Loze. Archeoloģiskie pētijumi Lubānas zemienē 1964 g. Тез. докл. (секция археологии), 1965, стр. 9—11; F. Zagorskis. Neolīta ekspedicijas rezultāti. Там же, стр. 25—27.

основании нового материала в латвийском неолите выделены ранний, развитый и поздний периоды и уточнены их хронологические границы. Все материалы по культуре раннего и развитого неолита на территории Восточной Латвии, в том числе по нескольким памятникам, изученным им самим, Ф. Загорскис систематизировал обобщив данные своих исследований в кандидатской диссертации [21].

Ранний неолит датируется концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. По керамике и остальному инвентарю памятники этого периода представляют определенную локальную группу нарвской культуры, сформировавшуюся на территории Латвии на основе местной культуры мезолита. Об этом свидетельствует и антропологический материал могильников, имеющий европеоидные признаки. В противоположность этому, для развитого неолита, датируемого второй половиной III тысячелетия до н. э., характерна гребенчато-ямочная керамика. Последняя имеет этнические связи с финно-уграми. Наряду с нею для этого периода автор выделяет особый вид керамики — типа Пиестиня. Последняя образовалась из керамики раннего неолита под воздействием культуры гребенчато-ямочной керамики. Этнический состав населения восточной части Латвии в этот период, по-видимому, был неоднородным, так как помимо прежних обитателей, обнаруживаемых здесь еще в мезолите, появляются и финно-угры.

Важные материалы о культуре позднего неолита (первая половина и середина II тысячелетия до н. э.), о формирующих ее компонентах и значении в генезисе последующей эпохи — ранней бронзы — дали некоторые памятники Лубанской низменности (Абора I, Асне, Эйни) [22] и стоянка Лейманишки у р. Малта [23]. В противоположность этому, стоянка Лагажа уже относится к культуре ранней бронзы.

Несмотря на то, что ряд вопросов истории неолита в Латвии уже решен, систематизация материалов и углубление исследований в этой области будут продолжаться.

В эпоху бронзы и раннего железа на территории Латвии активизировался обмен, появились первые предметы из металла, которые вначале, правда, были редки и не могли заметно влиять на развитие производительных сил. Во второй половине эпохи бронзы роль металла в изготовлении орудий труда и в быту возросла, однако полностью вытеснить кремневые, каменные и костяные орудия [24] металлические орудия не могли даже в начале эпохи раннего железа. Памятники эпохи бронзы и раннего железа лучше всего изучены в районе нижнего течения Даугавы, где группируется ряд характерных для этого периода укрепленных поселений и могильников. В течение 1959—1962 гг. полностью изучено укрепленное поселение на Мукукалнсе (I тысячелетия до н. э.— середина I тысячелетия н. э.), в результате чего получены данные о постепенном развитии оборонительной системы памятника, характере и особенностях строительства, важнейших отраслях экономики (животноводстве, земледелии и др.) [25]. Слои названного периода отмечены также на ряде памятников более позднего времени (в Асоте, Кокнесе, на Кентескалнсе, в Тервете). Богатым костяным инвентарем, развитой местной обработкой бронзы,

---

[21] Ф. А. Загорскис. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Автореф. канд. дис. Рига, 1967, стр. 3—28.

[22] М. Лозе. Археологические исследования Лубанской низменности в 1965 году. Тез. докл., 1966, стр. 24, 25.

[23] Л. Ванкина. Археологические раскопки стоянок позднего неолита на берегу реки Малта около Лейманишки. Тез. докл., 1962, стр. 44—46.

[24] J. Graudonis. Kaula priekšmetu veidi Latvijā I g. tūkstoti pr. m. ēras. ИАН ЛатвССР, 1961, 3, стр. 13—28.

[25] J. Graudonis. Die befestigte Siedlung Mūkukalns in Lettland. «Suomen musee». Helsinki, 1966, стр. 40—56; его же. Celtniecība Latvijā I. g. t. pr. m. e. sākumā. ИАН ЛатвССР, 1961, 4, стр. 3—20.

мощными укреплениями выделяется Кивуткалнс (на острове Доле) (рис. 3), где раскопки были начаты в 1966 г. Впервые на территории Западной Латвии в нижнем горизонте Маткульского городища, выделено поселение с находками штрихованной керамики, характерной для всей названной группы памятников [26].

Рис. 3. Каменная кладка — укрепление оборонительного вала на северной стороне Кивуткалнса (I тысячелетия до н. э.)

Исследовались также могильники рассматриваемого периода. К типу курганных могильников с каменным ящиком, принадлежавших патриархальному роду, относятся Калниешский I [27] и Резнесский [28] могильники, расположенные на правом берегу Даугавы. В них найдены захоронения с трупоположением и гнезда кальцинированных костей.

На материалах последних раскопок, используя также результаты прежних исследований и сопоставимый материал с соседних территорий, Л. Ванкина [29] и Я. Граудонис [30] в своих публикациях обобщили и подвергли анализу археологические находки этого времени, классифицировали памятники, рассмотрев все категории древностей. Основываясь на этом, они дали характеристику экономической жизни населения, культовых традиций, этнических отношений и др. В противоположность выдвигавшимся ранее утверждениям о принадлежности Резнесского могильника и укрепленного поселения (городища) Кланьгюкалнс к области распространения финно-угорской культуры, названные исследователи поддерживают мысль о том, что эти и другие памятники с штрихованной керамикой и другими балтскими атрибутами характерны для культуры балтских племен.

---

[26] Э. Мугуревич. Укрепленное поселение начала нашей эры в Западной Латвии (Курземе). «Pronksiajast». Tallin, 1966, стр. 39—49.

[27] L. Vankina. Kalniešu pirmais kapulauks. LVM Raksti, I, стр. 7—27.

[28] J. Graudonis. Reznu kapulauks. AE, III, стр. 19—38.

[29] Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 66—75; ее же. Новейшие находки эпохи бронзы на территории Латвийской ССР. СА, 1960, 3, стр. 153—161; ее же. Находки бронзовых изделий эпохи бронзы на территории Латвийской ССР. LVM Raksti, I, стр. 28—36.

[30] Я. Я. Граудонис. Поздний бронзовый и ранний железный век на территории Латвийской ССР. Автореф. канд. дис. Л., 1962, стр. 3—35.

Несколько типичных групп балтских памятников распространены в южной части территории Латвии; они имеют черты сходства с памятниками I тысячелетия до н. э. в Восточной Литве, Северной Белоруссии и Восточной Пруссии. В то же время памятники на территории к северу от Даугавы типа обнаруженного в Буллюмуйже, представленные могильниками с каменными курганами и погребениями в каменных ящиках, которые датируются концом эпохи бронзы — началом раннего железа, с характерной текстильной керамикой и другими находками, родственны современным им памятникам в Эстонии и Финляндии. Этнические данные также позволяют отнести их к памятникам финно-угорских племен.

Я. Граудонис разработал новую типологическую схему погребений с каменными конструкциями на территории Латвии, подразделив их на шесть групп, и сделал попытку определить этническую принадлежность каждого типа памятников, а также уточнить границы соприкосновения балтских и финно-угорских племен[31]. Вследствие недостаточности материала раскопок некоторые этнические проблемы и вопросы типологии памятников остаются нерешенными до конца, поэтому исследования в этом направлении должны продолжаться.

Важные перемены в экономике и общественном укладе населения территории Латвии произошли в период разложения первобытной общины (I—IV вв.). Вследствие распада патриархальной большой семьи и роста численности населения большинство укрепленных поселений предыдущего периода либо прекращает свое существование, либо превращается в городища-убежища. Возрастает численность и значение открытых поселений. Наиболее важные материалы о последних получены в результате раскопок поселения Кивты в Восточной Латвии (по берегу оз. Цирмас) и поселения Спиетыни на территории древних латгалов-селов (на левом берегу Даугавы).

Поселение Кивты образовалось в начале нашей эры; наиболее интенсивная заселенность его относится к III—VI вв., а с VII в. на его площадке устроен могильник латгалов. На поселении изучены постройки с углубленными в землю очагами. Среди находок представлены различные орудия труда, в том числе инвентарь бронзолитейщика, а также украшения и оружие. В керамике преобладает текстильная, черепки которой составляют 65% общей численности находок керамики. Основными отраслями экономики были земледелие и животноводство; в районе оз. Цирмас местные условия благоприятствовали рыболовству. Комплекс находок свидетельствует о принадлежности памятника к ареалу распространения финно-угорской культуры, причем выявляются связи с дьяковской культурой верховьев Волги и Оки[32].

На поселении Спиетыни впервые в Прибалтике обнаружен центр черной металлургии с шестью наземными сыродутными горнами шахтного типа. В районе горнов найдена огромная масса железного шлака (1500 *кг*). И. Дайга относит эти горны к II—III—V вв., допуская, однако, и более позднюю датировку, в соответствии с последним периодом существования поселения и хронологией могильника[33]. Культурный слой на поселении тонкий и однородный, что затрудняет датировку горнов по стратиграфическим данным. Конструкция спиетыньских горнов в основном соответствует конструкции сыродутного горна шахтного типа X в. из Асоте.

Констатируемый расцвет материальной культуры в I—IV вв. в основном определялся развитием местных производительных сил (прогресс в

---

[31] Я. Я. Граудонис. Об этнической принадлежности могильников с каменными конструкциями на территории Латвии. «Pronksiajast...», стр. 42—54.

[32] Э. Шноре, И. Цимермане. Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия). «Pronksiajast...», стр. 175—186.

[33] J. Daiga. Dzelzs ieguves krāsnis Sēlpils Spietiņu apkārnē. AE, IV, 1964, стр. 23—37.

земледелии, животноводстве, выплавке железа из болотных руд). Растущий обмен способствовал развитию связей с соседними территориями, делая возможными взаимные заимствования в области культуры.

В советский период раскапывались отдельные могильники рассматриваемой эпохи (в Паки [34], Боки и др.). В это время более четко выявляется этническая граница между балтскими и финно-угорскими племенами на территории Латвии. Видземские и северолатгальские могильники с каменными оградками аналогичны соответствующим памятникам на территории Эстонии [35].

На территории балтских племен — латгалов-селов и частично земгалов находят коллективные курганные могильники с каменными оградками, а на территории куршей — грунтовые могильники с трупоположениями [36]. Эти памятники и их инвентарь имеют черты сходства с памятниками данного периода на территории Литвы [37]. Несмотря на изменения в погребальной традиции, преемственность прослеживается по нескольким памятникам. Раскопками Бокского могильника установлен переход от прежних коллективных курганных могильников к более поздним индивидуальным грунтовым захоронениям (V—XI вв.) [38].

В период перехода к классовому обществу на территории Латвии происходит усиленное укрепление городищ. Полностью изучен характерный памятник этого периода — городище и селище Кентескалнс (V—VI—IX вв.). Укрепления городища построены по принципу нескольких оборонительных линий (с 5 валами, 2 площадками и форбургом). В строительстве укреплений (рис. 4) использованы два различных деревянных каркаса земляной насыпи: а) горизонтальный трех-четырехслойный решетчатый деревянный настил; б) вертикальные двухрядные деревянные камеры (начиная с VIII в.), служившие одновременно основанием наземных укреплений. Материал раскопок свидетельствует о преобладающей роли земледелия и животноводства в экономической жизни поселения; определенную роль играло и ремесленное производство (кузнечное, ювелирное ремесла). Бо́льшая часть жилых построек возведена в срубной технике, с отоплением печью-каменкой или очагом [39]. Городище было местом жительства представителя знати.

Процесс быстрого социального и имущественного расслоения и становления классового общества полнее отражают материалы раскопок могильников этого периода — Калниешского II [40], Леясбитенского [41] и других. Леясбитенский могильник с 459 погребениями является первым на территории Латвии столь широко изученным могильником этого периода (рис. 5). Его хронологические границы охватывают как предшествовавший, так и последующий период (III—XI вв.).

На основании данных археологических раскопок и используя немногочисленные письменные источники этого периода, В. Анисимова обобщила и дала суммарный обзор общественно-экономического развития на

---

[34] M. Bresava. Jauni materiāli par sēlu kolektīvo uzkalninu kapulaukiem. ИАН ЛатвССР, 1966, 5, стр. 41—54.

[35] М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 49—165.

[36] H. Moora. Pirmatnējā kopienas iekārta..., стр. 66—81.

[37] Lietuvas archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, стр. 158—265 (автор раздела П. Куликаускас).

[38] L. Vankina. Archeeoloģiskie izrakumi Boku kapulaukā 1961 g. Тез. докл., 1962, стр. 46—48.

[39] А. Я. Стубавс. Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг. Тр. ПОКЭ, I, стр. 186—221. Все материалы раскопок 1954—1958 гг. обобщены в кандидатской диссертации. А. Стубавс. Городище и селище Кентескалнс — археологический памятник периода перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу в Латвии. Автореф. канд. дис. Рига, 1965, стр. 3—39.

[40] V. Urtāns. Kalniešu otrais kapulauks. LVM, Raksti, стр. 37—82.

[41] В. Уртанс. Что нового дали раскопки в Айзкрауклес Леясбитены. Тез. докл., 1961, стр. 48, 49.

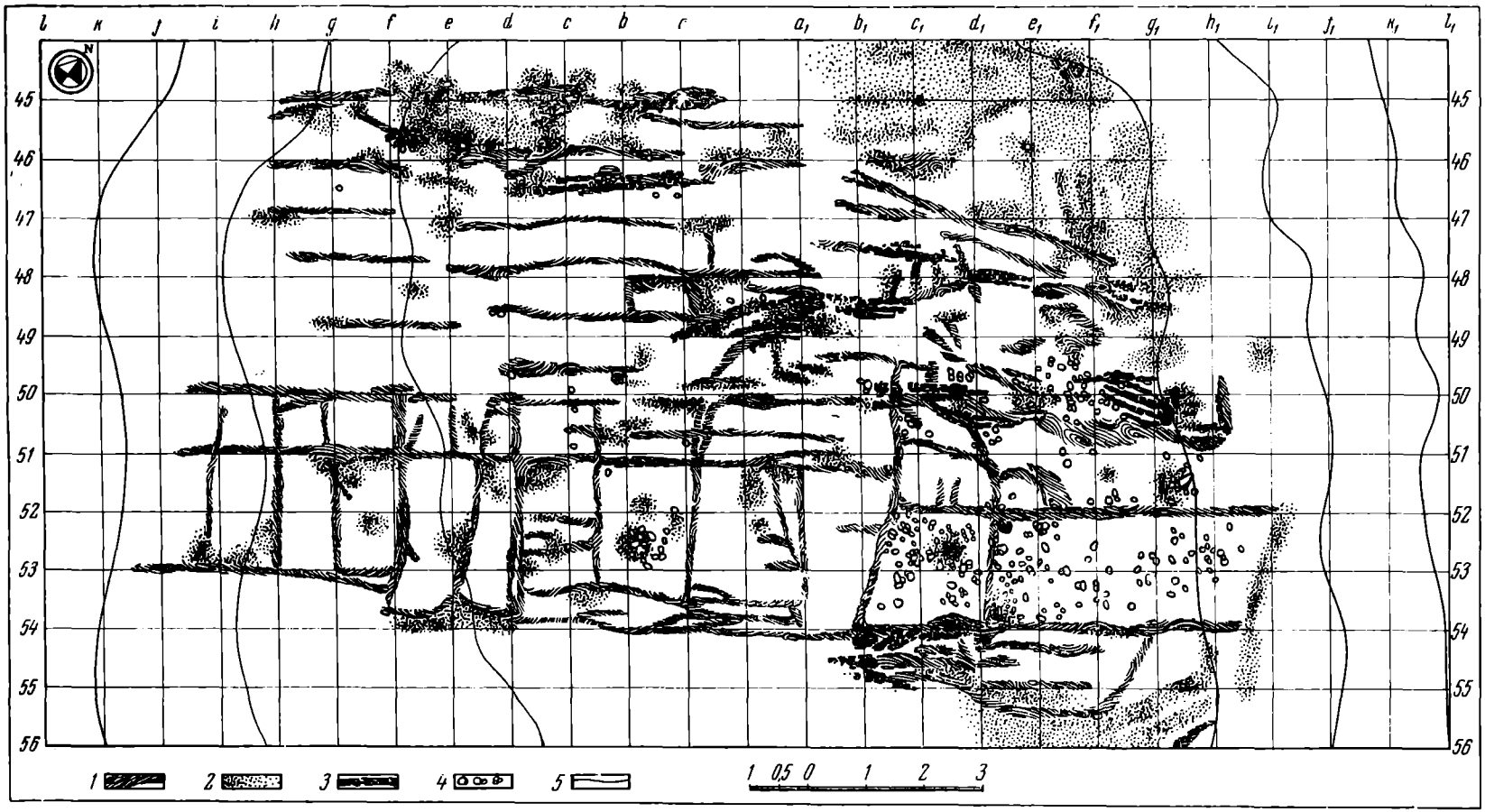


Рис. 4. Остатки деревянных камер северного вала городища Кентескалнс (VIII в.):

1 — истлевшее дерево; *2* — темная земля; *3* — обгорелое дерево; уголь; *4* — камни; *5* — горизонтали (проведены через 1 *м*)

территории Латвии в оба периода[42]. Проблемы I тысячелетия с позиций историка подвергнуты анализу в очерке В. В. Дорошенко[43].

Ко второй половине и к концу I тысячелетия относится своеобразная и мало изученная категория археологических памятников Латвии — настильные поселения на озерах. Помимо известного поселения на оз. Арайшу (рис. 6) Я. Апалс в результате подводной разведки на видземских озерах обнаружил девять новых настильных поселений. На озерах Ушуру и Арайшу был понижен уровень воды и начаты систематические археологические раскопки, давшие первые результаты[44]. В ходе их детально изучены техника строительства нескольких типов деревянных построек, система отопления жилых домов, добыты орудия труда и другой деревянный инвентарь, некоторые виды оружия, украшения, предметы домашней утвари, а также палеоботанический и остеологический материал.

На первое место по значимости научной проблематики, многообразию и количеству исследованных объектов, а также по общему объему раскопок выдвигаются памятники раннего феодализма на территории Латвии (X — XIII вв). Исследован ряд характерных для этого периода сильно укрепленных замков. В большинстве случаев они могут быть идентифицированы с упомянутыми в хрониках и летописях экономическими, политическими и военными центрами земель и областей. Таков, например, главный замок земгалов Тервете. Раскопками восстановлено развитие системы его укреплений на протяжении нескольких столетий. Замок был разрушен на последнем этапе освободительной борьбы земгалов в 1286 г., за чем последовало подчинение всей Земгале власти крестоносцев.

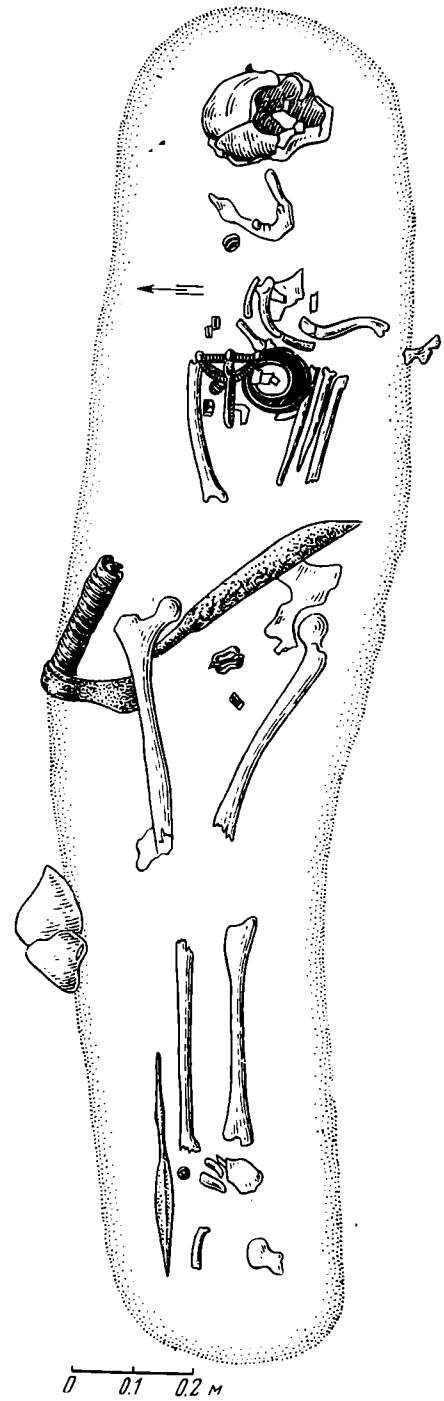


Рис. 5. Грунтовое мужское погребение № 393 из могильника Леясбитены ок. Айзкраукле, IX в.

В раскопках получен многообразный материал, касающийся всех областей экономики[45]. По добытым материалам и данным письменных источников

[42] В. Р. Анисимова. Распад первобытнообщинного строя и зарождение классового общества на территории Латвийской ССР в I тысячелетии н. э. Автореф. канд. дис. Рига, 1966, стр. 3—53. (по этой теме автором опубликовано несколько статей).

[43] В. В. Дорошенко. Латышские племена в I тысячелетии н. э. ВИ, 1952, 9, стр. 122—130.

[44] J. Apals. Klāstu mītnes Latvijas PSR teritorijā. ИАН ЛатвССР, 1965, 5, стр. 45—61 (см. также Тез. докл., 1963, 1964, 1965).

[45] Э. П. Бривкалне. Городище Тервете и его историческое значение. Тр. ПОКЭ, I, стр. 254—272.

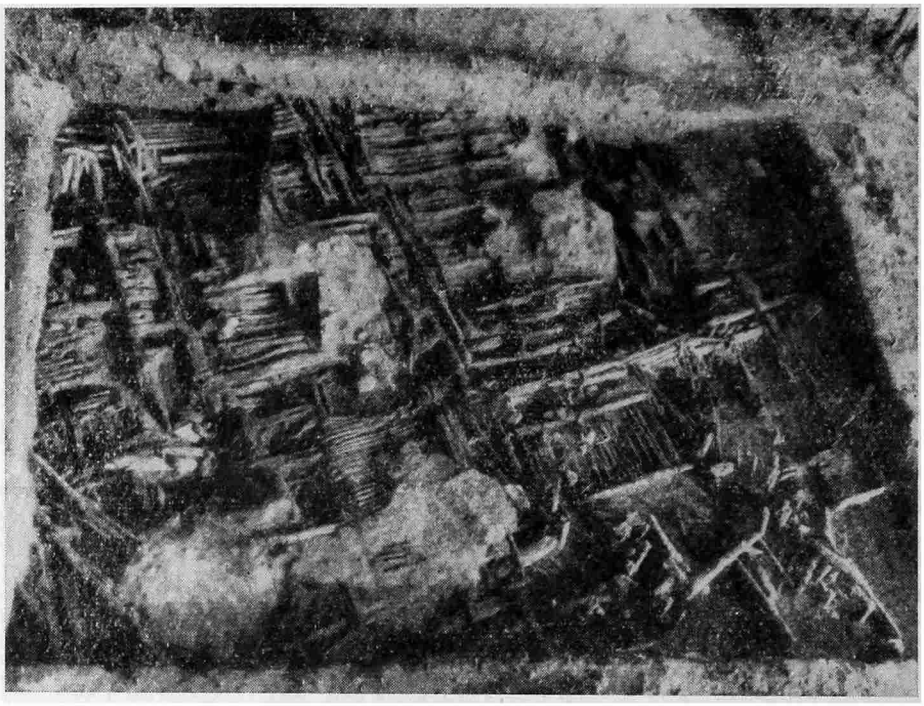


Рис. 6. Поселение на озере Арайшу. Остатки деревянных построек (IX в.)

Рис. 7. Городище Тервете — вид с юга

Э. Бривкалне охарактеризовала значение второго центра земгалов — замка Межотне — в развитии культуры и в политических судьбах Восточной Земгале. Автор идентифицирует посад Межотне, занимавший площадь примерно в 15 *га*, с упомянутым арабским географом Идрузи богатым и большим городом Медзуна [46] (рис. 7).

[46] E. Brīvkalne. Rakstītās ziņas un arheologiskās liecības par 9.— 13. gs. Mežotni. AE, II, стр. 61—78.

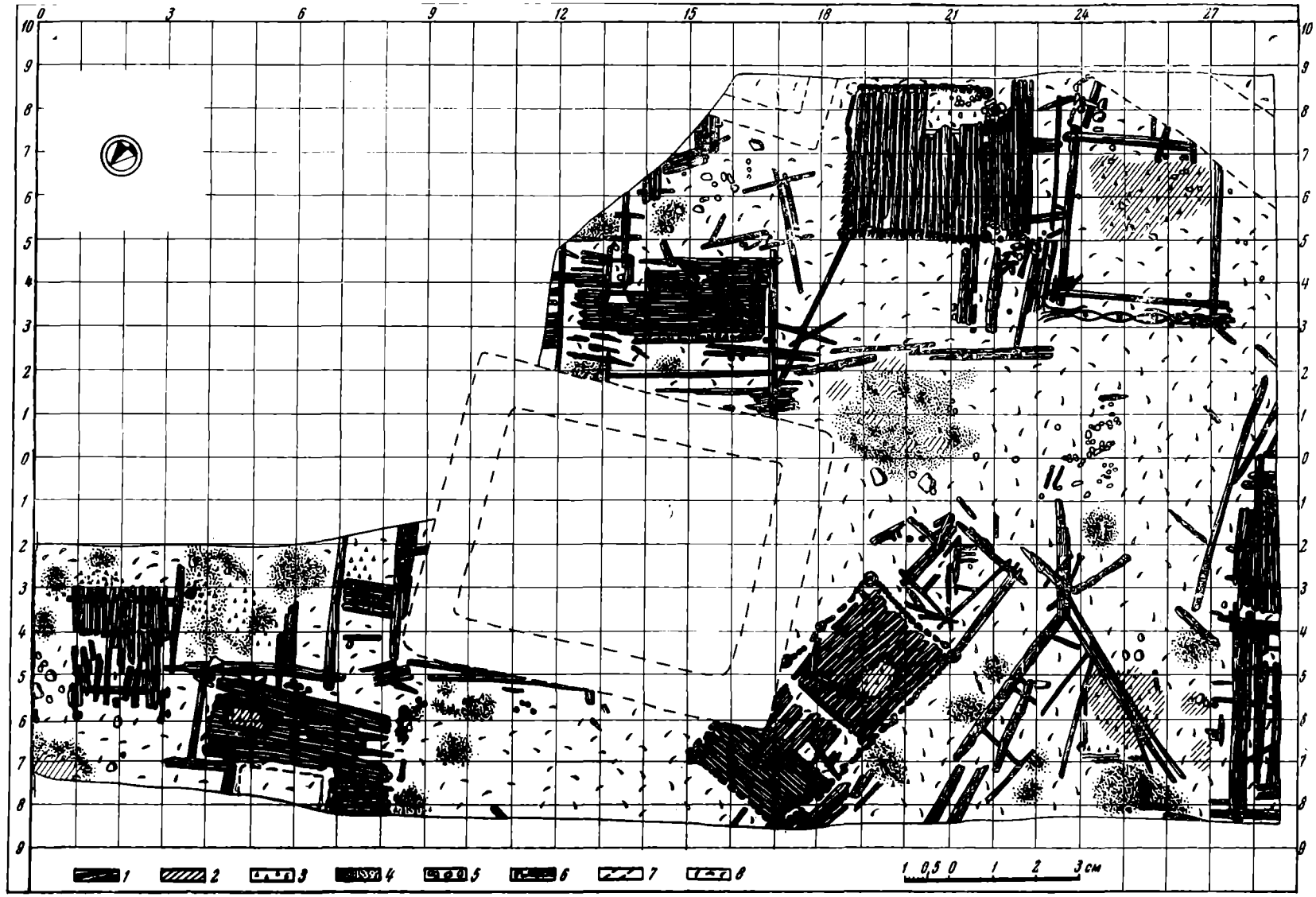


Рис. 8. Остатки деревянных построек в 9 слое на форбурге Кокпесе (XI/XII вв.)

1 — дерево; *2* — глина; *3* — зола; *4* — темная земля; *5* — камни; *6* — обгорелое дерево; *7* — перекоп; *8* — навоз со щепками

На территории древних латгалов систематическому изучению подвергся центр области, подчиненной Ерсике (Асотское городище). Асотское городище представляет собой многослойный памятник со сложной стратиграфией (I тысячелетие до н. э.— XIII в.). В слоях XI—XIII вв. изучена система укреплений этого периода, в частности характерный для некоторых латвийских городищ камеровидный каркас в земляной насыпи вала, ранняя форма которого была известна еще по раскопкам городища Кентескалнс. Материалы раскопок характеризуют хозяйственную жизнь этого периода. На основании древних документов Э. Шноре восстановила границы и размеры Асотского замкового округа [47].

Ерсикское и Кокнесское княжества в среднем течении Даугавы были древнейшими государственными образованиями на территории Латвии. Центр Кокнесского княжества (regnum) — замок Кокнесе (с форбургом и посадом) (рис. 8), как об этом свидетельствуют письменные источники и материалы раскопок 1961—1966 гг., в XI — начале XIII в. поддерживал тесные связи с древним Полоцком. Деревянный замок погиб в 1208 г., и через год епископ Альберт возвел на его месте каменные укрепления. В деревянном строительстве XI в. и вещевом материале видно славянское влияние. Остатки сильно разрушенного строения (церкви?) дают основания предполагать, что в середине XII в. в Кокнесе была уже известна кладка каменных зданий на известковом растворе [48].

На Олинькалнсе — втором по величине городище Латвии — изучена конструкция 7-метрового земляного вала с деревянным камеровидным каркасом, на площадке вскрыты места построек, отапливавшихся печью-каменкой или очагом. Предметы импорта характеризуют связи с русскими землями и другими территориями [49] (рис. 9).

В Восточной Латвии раскопки проводились на городище, в форбурге и в поселении Кишукалнс у оз. Б. Лудзас [50]. В древности был один из центров восточных областей территории, населенной латгалами.

На городище Селпилс (так же как в форбурге и поселении) культурный слой серьезно пострадал во время строительства каменного замка. Тем не менее материал раскопок позволяет идентифицировать городище с главным центром земли селов — Селпилсом, который был уничтожен крестоносцами в начале XIII в. [51]

На территории куршей исследовалось Маткульское городище. Замок вместе с форбургом и посадом в период раннего феодализма был одним из крупнейших политических и экономических центров Восточной Курсы [52].

В Турайде под слоями каменного замка открыто ливское поселение с остатками построек. Это подтверждает выдвинутую ранее некоторыми историками гипотезу о том, что здесь находился «Большой замок» видного ливского феодала Каупо.

Начатые в 1966 г. раскопки Даугмальского городища (В. Уртан) позволяют уточнить хронологию этого ранее уже исследовавшегося памятника: заселенность его прекращается в конце XII в. В последний период состав населения был неоднородным (земгалы, ливы, курпские элементы).

---

[47] Э. Шноре (совместно с другими авторами). Асотское городище. МИАЛ, II, Рига, 1961.

[48] А. Стубавс. Некоторые археологические находки XI—XIII веков из городища Кокнесе. «Pronksiajast»..., стр. 166—174 (см. также Тез. докл. 1961, 1962, 1963, 1964, 1965).

[49] Э. Мугуревич. Археологические раскопки на городище Олинькалнс в 1959 г. Тез. докл., 1960, стр. 25—27. (О раскопках 1960 и 1961 гг. см. Тез. докл., 1961 и 1962).

[50] Э. Шноре. Раскопки 1959 г. на городище и поселении Кишукалнс в с. Шелупинки Лудзенского района. Тез. докл., 1960, стр. 23—25.

[51] А. Зариня. Раскопки 1963 года в поселении у городища Селпилс. Тез. докл., 1964, стр. 46—47; E. Šnore. Sēlpils pilskalna izrakumi 1964. gadā. Тез. докл. 1965, стр. 19—21.

[52] E. Mugurēvičs. Arheologiskie izrakumi Matkules pilskalnā 1965. gadā. Тез. докл., 1966, стр. 23, 24.

Новый материал опровергает выдвинутую Ф. Балодисом и поддержанную некоторыми историками гипотезу о том, что Даугмале — это упомянутая в «Хронике Ливонии» «гавань земгалов» XIII г.[53] Тем не менее богато представленный на городище импорт свидетельствует о выдающемся значении памятника в транзитной торговле по Даугаве.

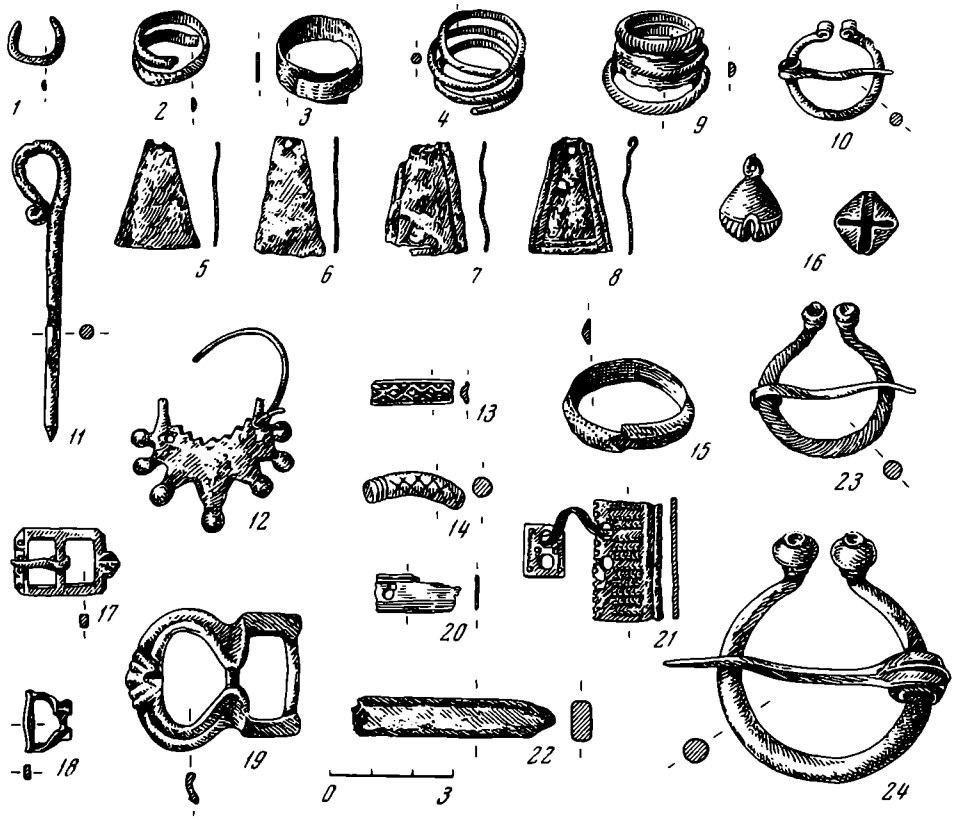


Рис. 9. Городище Олинькалнс. Бронзовые изделия (VIII—XII вв.):
1—4, 9, 13 — перстни; *5—8* — подвески; *11* — булавка; *12* — височное кольцо; *14, 15* — браслеты; *16* — бубенчик; *17—19* — пряжки; *20—21* — оковки; *22* — слиток; *10, 23, 24* — фибулы

Материал городищ и поселений раннего феодализма освещает некоторые еще не до конца выясненные проблемы генезиса феодализма, возникновения первых государственных образований, проблемы экономики, культурных связей и т. п.

Новые данные об имущественном и классовом расслоении общества, разделений на классы, о культовых традициях, по этническим проблемам, как и по другим вопросам, получены в результате раскопок ряда могильников периода раннего феодализма. Нукшинский могильник в Восточной Латвии — первый памятник этого вида, подвергшийся широкому изучению в советский период. Здесь вскрыто 218 погребений VIII—XII вв. с характерной для этого периода у латгалов противоположной ориентацией мужских (головой на восток) и женских (головой на запад) захоронений[54].

Интересные материалы об отличии материальной и духовной культуры селов от культуры родственных им латгалов получены в ходе исследования Леясдопельского могильника X—XIII в. с коллективными курганными

---

[53] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.— Л., 1938, IV, 7, стр. 80.
[54] Нукшинский могильник. МИАЛ, I. Рига, 1957, 103 стр., I—XLIII табл. (авторы Э. Шноре, А. Зариня, И. Дайга).

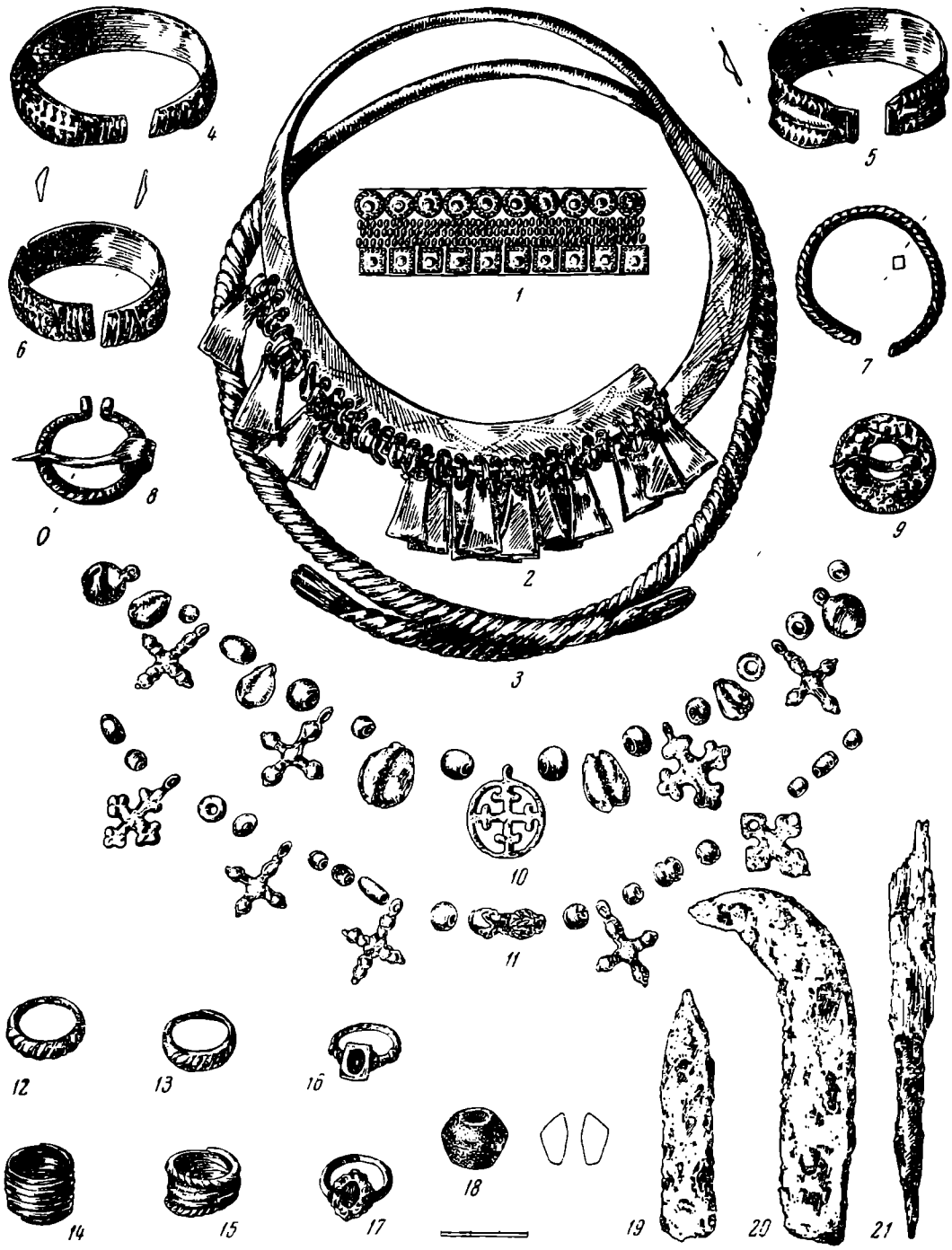


Рис. 10. Инвентарь женского погребения № 10 из II кургана в Леясдопелес Екабпилсского р-на, ок. 1200 г.

1 — реконструкция головного венка из желтого бисера и оловянных пластинок на шерстяной основе; *2—3* — шейные гривны; *4—7* — браслеты; *8* — подковообразная фибула; *10, 11* — шейные украшения из стеклянных бус, раковин каури, подвесок — крестиков и бубенчиков; *12—17* — перстни; *18* — янтарная бусина; *19* — нож; *20* — серп; *21* — шило

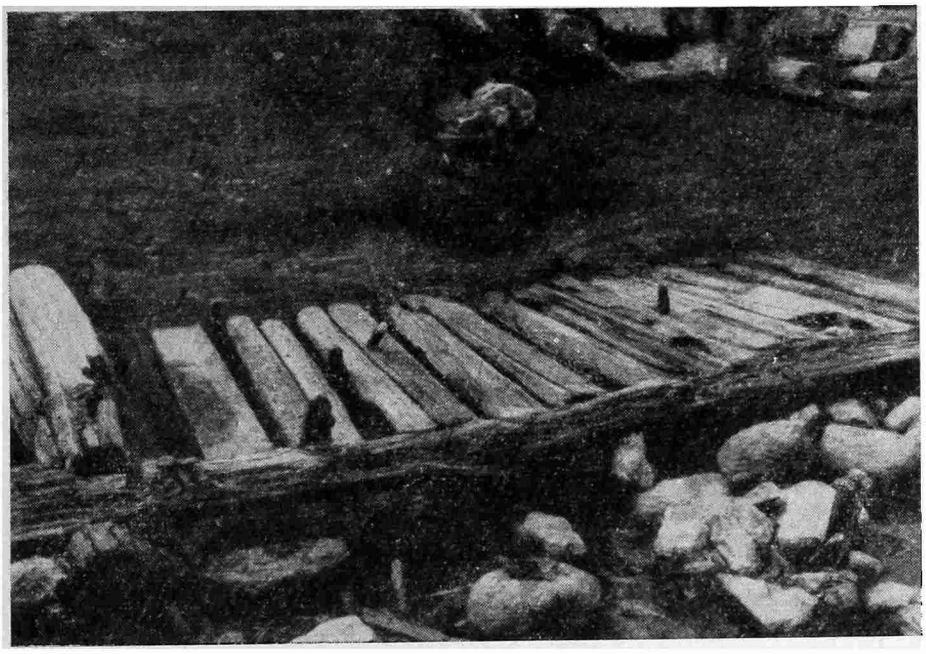


Рис. 11. Раскопки 1960 г., площадь Альберта, г. Рига. Слой XII в. с остатками бревенчатого пола кузницы

захоронениями (рис. 10). Заслуживают упоминания находки предметов из дерева с черно-бело-красной росписью [55].

Начаты раскопки на Вампениешском могильнике (на острове Доле) близ Риги. Куршские погребения с трупосожжением в небольшом объеме изучены близ Ницы и Алсунги. Можно полагать, что характерный для Курсы вид погребения с трупосожжением появился под влиянием погребальных обрядов соседних народов.

В ходе раскопок в столице республики Риге наиболее богатые материалы получены на площади Альберта, у церкви Петра и др. Эти данные расширяют наше представление о Риге как о древней гавани, центре торговли и ремесла еще до 1201 г., когда епископ Альберт возвел на месте Риги первые каменные стены. Добыто много материала по истории Риги в XIII—XIV вв. и позднее: об оборонительных сооружениях, покрытии улиц, о ремесленных мастерских (рис. 11) и др. [56]

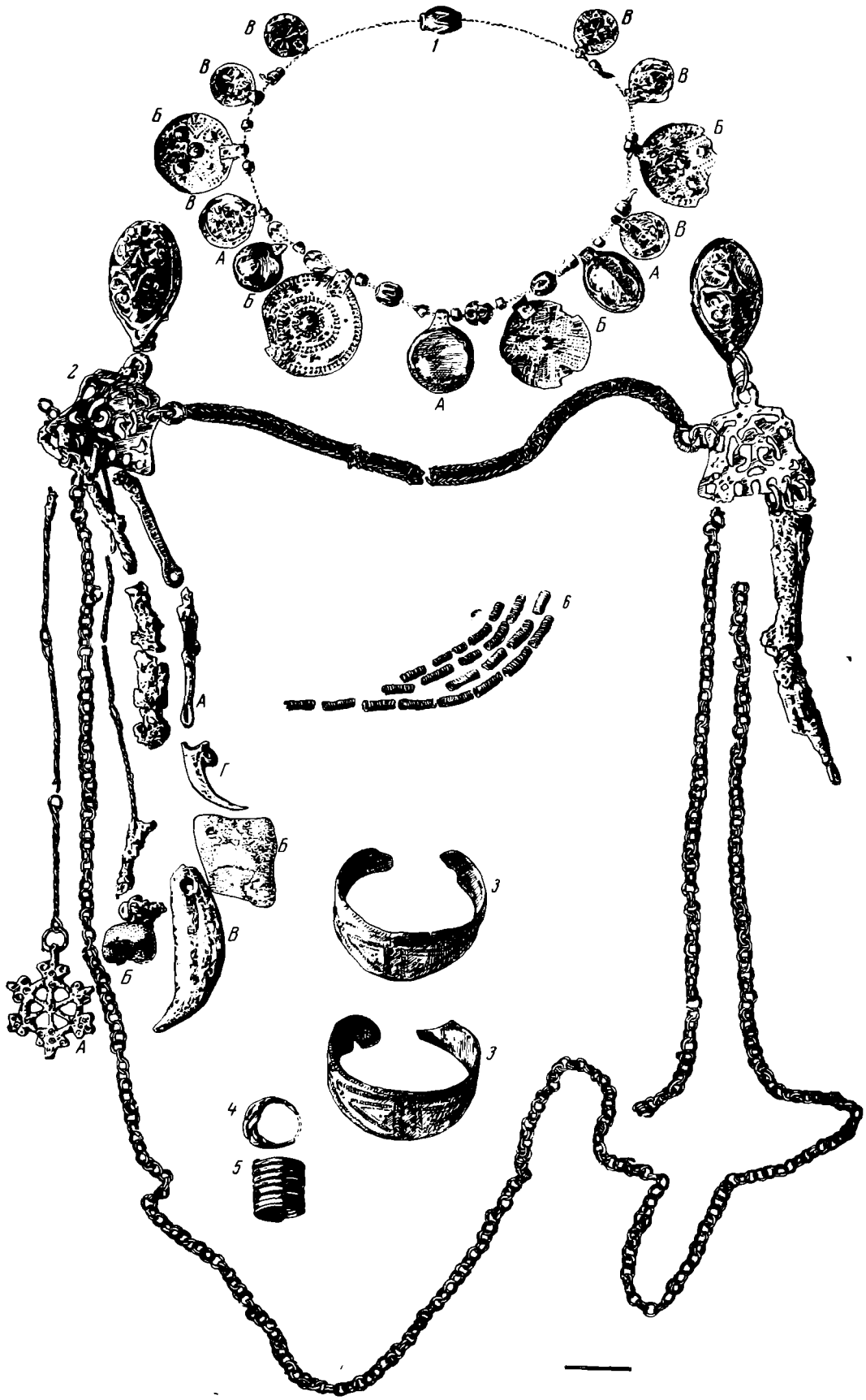
Помимо Риги на остальной территории Латвии также были организованы раскопки памятников XIII—XVII вв., исследованию которых в буржуазный период уделялось мало внимания. Материалы раскопок значительно дополняют сведения письменных источников, а в отдельных случаях дают совершенно новые данные о социально-экономическом развитии в этот период, равно как и о культуре и этническом составе. Раскопки средневековых каменных замков (Локстене [57], Селпилс, Алтене [58], Кокнесе, Вец-

[55] Э. Д. Шноре. Археологическая экспедиция 1960 г. на левобережье Даугавы. Тез. докл., 1961, стр. 26—28. (О раскопках 1961 г. см. Тез. докл., 1962).

[56] М. С. Вилсоне. Археологические раскопки в городе Рига. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 124—133; M. Vilsone. Arheologiskie izrakumi Rīgā, 1958 g. Тез. докл., 1959, стр. 40, 41 (О раскопках 1959—1965 гг. см. Тез. докл., 1960—1966); M. Vilsone. Rīgas, vēstures sākumi. В кн.: Rīga. Rīgā, 1965, стр. 9—27; T. Pāvele. Parskats par arheologiskiem izrakumiem Rīgā, 1957, gadā. Rīgā, 1959, стр. 3—47; T. Pāvele. No Rīgas XIV gs. civilceltniecības vēstures. TV, VI, Rīgā, 1964, стр. 111—113.

[57] Э. Мугуревич. Археологические раскопки замка Локстене в 1962 г. Тез. докл., 1963, стр. 32—34; О раскопках 1963, 1964, 1965 гг. см. Тез. докл., 1964, 1965, 1966.

[58] Я. Граудонис. Археологические раскопки 1963 г. в Алтене. Тез. докл., 1964, стр. 36—38; О раскопках 1964 и 1965 гг. см. Тез. докл., 1965 и 1966.


1
2
3
3
4
5
А
Б
В
Г
Д

доле и др.), посадов и поселений (Рига, Кокнесе, Селпилс, Добеле и др.), могильников (Винакалнс [59], Селпилс [60], Мартиньсала и др.) (рис. 12) наглядно свидетельствуют о том, что уровень материальной культуры местного населения, оказавшегося под игом завоевателей, снизился. Местные жители были вынуждены подчиниться господствовавшей идеологии, что происходило, однако, не без пассивного сопротивления. Последнее находило выражение, например, в стремлении сохранить древние погребальные традиции. Тем не менее значение этих факторов не следует преувеличивать, так как существовала и обратная тенденция. В некоторых средневековых замках (Локстене, Кокнесе) и в Риге, особенно в XIII—XV в., в быту, строительстве и производстве находят выражение отдельные традиционные элементы культуры местных народов.

Важный вклад в решение вопросов развития земледелия и систем обработки земли представляют собой работы А. Расиньша. На основании засоренности полей и по другим данным автор высказывает мнение, что до XIII в. в Латвии не может быть доказано существование трехпольной системы земледелия [61], с чем другие исследователи не согласны. Работы о животноводстве и охоте по остеологическому материалу археологических памятников Латвии опубликовали В. И. Цалкин [62] и К. Паавер [63]. О выплавке из местных болотных руд черных металлов и их обработке, особенно в технологическом аспекте, много писал А. Антейн [64]. Относительно хорошо изучены обработка цветных и драгоценных металлов, вопросы ювелирного [65], гончарного [66] и других видов [67] ремесленного и домашнего производства. Ряд очерков, посвященных одежде и текстильным изделиям древних лат-

---

[59] V. Urtāns. Vīnkalna kapulauks pie Stukmaniem. AE, IV, 1962, стр. 17—32.

[60] A. Zarina. Arheologiskie izrakumi Sēlpils kapulaukā. Тез. докл. 1966, стр. 31—32.

[61] А. П. Расиньш. Материалы к истории культурных и сорных растений на территории Латвийской ССР до XIII в. н. э. Растительность Латвийской ССР. II, Рига, 1959, стр. 125—144; его же. Сорняки археологического зернового материала как показатель системы земледелия в Латвии до XIII в. н. э. Доклады научн. конференции по защите растений. Вильнюс. 1959, стр. 369—385.

[62] В. И. Цалкин. Млекопитающие древней Латвии. Бюллетень МОИП, Отд. биологии, XIII, 3, стр. 5—17; его же. Фауна из раскопок средневековых городищ на территории Латвии. МИАЛ, II, стр. 203—223; его же. Фауна из раскопок археологических памятников средневековой Прибалтики. МИА, 107. 1962, стр. 97—129, приложение 1—14.

[63] К. Л. Паавер. Костные остатки птиц из Асотского городища. МИАЛ, II, стр. 223—225; его же. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Таллин, 1965.

[64] А. К. Антейн. Железные и стальные изделия древней Латвии (до XIII в.). Сб. «Из истории техники Латвийской ССР». I, Рига, 1959, стр. 5—31.

[65] И. В. Дайга. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии. СА, 1960, 3, стр. 78—92; ее же. Krāsaino metālu kīmiskais sastāvs Latvijā 6.— 13. gs. AE, IV, стр. 47—66; I. Daiga un I. Grosvalds. Senākie tīgeli Latvijā. AE, VI, 1964, стр. 7—22; V. Urtans. Sudraba un zelta apstrāde senajā Latvijā (līdz XIII gs.) TV, III, 1962, стр. 69—108; его же. Pūces sakta. AE, III, стр. 39—59.

[66] I. Cimermane. Zīmes uz XI—XIII gs. māla traukiem Latvijas PSR teritorija. LVM Raksti, I, стр. 95—106.

[67] E. Brīvkalne. Daži amatniecibas darimājumi Tērvetes pilskalnā. AE, VI, стр. 85—104; A. Stubavs. Amatniecība 6.— 8. gs. pēc archeologiskiem atradumiem Kentes pilskalnā un apmetnē. AE, I, стр. 21—43.

Рис. 12. Инвентарь погребения № 1212 могильника в Мартиньсала (нач. XIII в.)

1 — ожерелье: *а* — подвески из горного хрусталя (3 экз.), *б* — подвески серебряные (4 экз.), *в* — подвески — монеты (6 экз.); *2* — ливское нагрудное украшение с черепаховидными фибулами и подвесками: *а* — бронзовые подвески, *б* — янтарные подвески, *в* — *г* — подвески, звериный клык и коготь; *3* — серебряные браслеты (2 экз.); *4* — серебряный перстень; *5* — бронзовый перстень; *6* — бронзовые спиральки

галов в VI—XIII вв., опубликован А. Зариней [68]. Систематизированы и классифицированы материалы по латвийским кладам [69], вооружению [70] и др.

В области систематизации материала о торговых путях и импорте Латвии работает Э. Мугуревич, опубликовавший по этим вопросам статьи [71] и монографию, в которой подверг всестороннему анализу экономические и культурные связи Латвии с Русью и другими соседними странами [72].

Заметные успехи в советский период достигнуты в комплексном решении проблем этногенеза и этнической истории [73]. Тем не менее в этой области еще много нерешенных вопросов. Одной из наиболее острых и актуальных является проблема ливов в Западной Видземе [74]: являются они автохтонными элементами или иммигрировали сюда позднее либо следует принимать во внимание обе возможности. В решении этой проблемы принимают участие и эстонские археологи [75]. Для пополнения археологических материалов организованы совместные раскопки ливских памятников на Гауе [76].

Задача археологов республики в этом пятилетии — завершить исследование всех памятников микрорайона Рижской ГЭС, продолжать раскопки памятников эпохи мезолита, неолита и других периодов, шире развернуть раскопки в Риге, совершенствовать методы раскопок и обработки материалов, завершить коллективный труд «Археология Латвии», подготовить к изданию ряд монографий, четырехтомник материалов раскопок в зоне Плявиньской ГЭС, продолжать совместно с этнографами издание сборников «Археология и этнография» и «Труды Музея истории Латвийской ССР», активизировать совместные исследования с археологами соседних республик.

---

[68] А. Э. Зариня. Одежда латгалов по материалам раскопок последних лет. Тр. ПОКЭ, I, стр. 510—522; его же. Виллайне латгалов VII—XIII вв. СА, 1960, 3, стр. 203—216.

[69] V. Urtāns. Latvijas 5.—9. gs. depozīti. AE, VI, стр. 39—74; его же. Tīras purva depozīts. LVM Raksti, I, стр. 83—94; J. Graudonis. Mūkukalna depozīti. AE, VI, стр. 75—84.

[70] M. Atgāzis. Latgalu 9.—12. gs. cirvji. AE, VI, стр. 105—125; A. Anteins. Senās Latvijas damascētā tērauda šķēpu gali. AE, VI, стр. 33—46.

[71] E. Mugurēvičs. Svarīgākie ceļi latgalu un lībiešu teritorijā 12.—13. gs. AE, III, стр. 61—81; его же. Находки раковин каури на территории Латвии ИАН ЛатвССР, 1962, 7, стр. 37—52; его же. Razā šifera izstrādājumu atradumi Latvijā. ИАН ЛатвССР, 1960, 9, стр. 17—31.

[72] Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1966.

[73] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, 2, стр. 9—33; Л. В. Ванкина, Я. Я. Граудонис, Э. Д. Шноре. Археологические данные по этногенезу Латвии. М., 1964, 9 стр. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964. Р. Я. Денисова. К истории формирования антропологического состава восточных латышей и восточных литовцев. ИАН ЛатвССР, 1958, 3, стр. 17—24; Р. Я. Денисова. Особенности антропологического типа селов в современном населении юго-восточной Латвии. СЭ, 1965, 4, стр. 84—94; Р. Я. Денисова. К вопросу об антропологическом типе селов XI—XII вв. в связи с краниологическим материалом из могильника Леясдопелес. ИАН ЛатвССР, 1964, 5, стр. 19—30; Р. Я. Денисова, К. Ю. Марк. Связи между разными этническими группами населения Прибалтики в I—II тысячелетиях по данным антропологии. Конференция по топонимике. Тез. докл., 1966, стр. 221—223; M. Rudzīte. Latviešu dialektoloģija Rīgā, 1964, стр. 20—34; К. Я. Анцитис, А. Я. Янсон. Некоторые вопросы этнической истории древних селов. СЭ, 1962, 6, стр. 92—104; П. А. Аристе. Ливы и ливский язык. ИАН ЭстССР. Сер. обществ. н., 1958, 1, стр. 36—45.

[74] Х. Моора. Pirmatnējā kopienas..., стр. 167—168.

[75] Э. Ю. Тыниссон. Об этнических границах в Западной Видземе. Конференция по топонимике. Тез. докл., 1966, стр. 114—116.

[76] Я. Я. Граудонис, Э. Ю. Тыниссон. Раскопки ливских курганов в Кримулде. СА, 1963, 4, стр. 241—252.

В. Д. БУДЬКО, А. Г. МИТРОФАНОВ

АРХЕОЛОГИЯ БЕЛОРУССИИ ЗА СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

До Октябрьской социалистической революции Белоруссия не имела ни высших учебных заведений, ни научно-исследовательских учреждений, которые бы занимались археологическими исследованиями.

Лишь после установления Советской власти начались планомерные, поставленные на научную основу археологические исследования, причем они сразу получили государственное значение. После окончания гражданской войны и в Белоруссии были организованы учреждения, которые взяли на себя руководство учетом, охраной и изучением археологических памятников, расположенных на территории республики. В 1921 г. при Народном Комиссариате просвещения БССР была создана Научно-Терминологическая комиссия, подотдел которой (Научно-экспертная комиссия) провел большую работу по выявлению и учету памятников, предварительно разослав на места «Опросный лист». Это мероприятие способствовало развитию краеведческого движения в Белоруссии. Функции Научно-Терминологической комиссии в 1922 г. были переданы институту Белорусской культуры (Инбелкульт). В 1925 г. при Инбелкульте была создана Историко-археологическая комиссия, в состав которой вошли крупные ученые того времени: М. В. Довнар-Запольский (председатель), А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович, С. А. Дубинский, И. А. Сербов, П. В. Харламович и др. Большое значение имело создание в 1929 г. на базе Инбелкульта Академии наук БССР, а при ней — Института истории. Еще в 1927 г. при Инбелкульте был создан археологический орган — Кафедра археологии, которая в 1930 г. вошла в состав Института истории АН БССР под названием «Археологической комиссии». В 1932 г. «Комиссия» была переименована в «Секцию археологии» и под этим названием действовала до 1944 г., когда был создан «сектор археологии» Института истории АН БССР.

Историко-археологическая комиссия организовала систематические и планомерные исследования археологических памятников Белоруссии. Во второй половине 1920-х и в 1930-х годах белорусские археологи провели не менее 50 экспедиций, в результате чего были обследованы бассейны рек Днепра и Западной Двины. Эти экспедиции выявили огромное количество разновременных археологических памятников (позднепалеолитические стоянки Бердыж и Юровичи, больше ста стоянок эпохи мезолита, неолита и бронзового века). Важным было то обстоятельство, что изучению подвергались не только курганные древности IX—XIV вв., но и поселения раннего железного века. До Великой Отечественной войны было зарегистрировано около 700 стоянок эпохи мезолита, неолита и бронзового века, 864 городища и 200 селищ железного века. На многих городищах производились археологические раскопки [1]. Итогам исследований памятников Бе-

[1] К. М. Паліkарповіч. Вынікі археолёгічных даследаванняу у Беларусі пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі. Весці АН БССР, I, 1947.

лоруссии были посвящены специальные сборники и много статей в разных изданиях Академии наук СССР и Академии наук БССР [2].

Среди археологов Белоруссии выдающееся место принадлежало выдающемуся советскому археологу А. Н. Лявданскому (1893—1942) [3] и К. М. Поликарповичу (1889—1963) [4]. А. Н. Лявданский руководил исследованиями в Белоруссии и сам проводил большие археологические изыскания не только на территории республики, но и в Смоленской и Псковской областях. Он впервые произвел классификацию городищ, разделив их на локальные и хронологические группы. Эта классификация оправдалась в дальнейших исследованиях, хотя датировки претерпели изменения.

В 1932 г. поселения раннего железного века А. Н. Лявданский рассматривал с точки зрения их стадиального развития. Он выделил селища и грунтовые могильники эпохи латена; городища со штрихованной керамикой переходного характера — от селищ к укрепленным поселениям, но без земляных валов и рвов (рубеж и первые века нашей эры); городища с поздней гладкостенной керамикой с земляными валами и рвами (VI—VII вв.). Большинство этих городищ, по его мнению, возникло на месте старых городищ со штрихованной керамикой; городища с относительно большими площадками и селищами при них (VIII—X вв., к X в. появляется гончарная керамика) и, наконец, городища ранне-феодальной поры (XI—XIII вв.) [5]. Предложенная А. Н. Лявданским схема развития городищ по стадиям в своей основе оказалась правильной. Итоги археологического изучения Белоруссии А. Н. Лявданский изложил в монографии «Нарысы першабытна-абшчыннага грамадства на тэрыторыі Беларусі», которая, к сожалению, не увидела света [6].

Главным предметом научных интересов К. М. Поликарповича были памятники каменного века и эпохи бронзы. Он открыл и изучал Бердыжскую и Юровичскую верхнепалеолитические, многочисленные мезолитические и неолитические стоянки и стоянки эпохи бронзы на Днепре, Соже, Беседи, Западной Двине и других реках. Стоянки эпохи бронзы на Днепре, Соже и Десне К. М. Поликарпович отнес к «днепровско-деснинской фации» фатьяновской культуры.

Ценный вклад в археологическую науку Белоруссии внес С. А. Дубинский, который производил раскопки на Банцеровском, Черкасовском, Германовском городищах и курганах XI—XIII вв. Большое научное значение имеет составленная им «Библиография» [7], являющаяся до сих пор настольной книгой любого исследователя, который изучает памятники Белоруссии и соседних с ней территорий.

Плодотворная работа по археологическому изучению Белоруссии была ослаблена в 30-е годы. До 1945 г. археологические исследования в Белоруссии фактически не проводились. Лишь В. Р. Тарасенко, работавший в то время в Могилевском краеведческом музее, произвел разведки в окрест-

---

[2] Гістарычна-археалагічны зборнік Інбелкульту. Менск, 1928; Запіскі аддзеля гуманітарных навук. Інбелкульт, 5; Працы катэдры археолёгіі, I. Мінск, 1927; Запіскі аддзелу гуманітарных навук Беларускае Акадэміі навук, II; Працы археолёгічнай камісіі, II, Мінск, 1930; Запіскі Аддзелу гуманітарных навук Беларускае Акадэміі навук. Працы сэкцыі археолёгіі, III, Мінск, 1932; Запіскі Беларускае Акадэміі навук, 5, Мінск, 1936.

[3] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў водазборах рр. Сожа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні. Працы археолёгічнай комісіі..., II; памяти А. Н. Лявданского. СА, 1964, 1.

[4] Некролог: К. М. Поликарпович. СА, 1963, 4.

[5] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. СГАИМК, 7—8, 1932, стр. 56 сл.; А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў БССР пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі. Працы сэкцыі археолёгіі, III, Мінск, 1932.

[6] А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікарповіч. Археолёгічныя досьледы ў БССР у 1933—1934 гг. Зап. БАН, 5, 1936.

[7] С. А. Дубінскі. Бібліографія па археолёгіі Беларусі і сумежных краін. Менск, 1933.

ностях Могилева (1936 г.) и раскопки на городище «Барсучья горка» (1937 г.). На городище были обнаружены следы длинных домов с каменными очагами в жилых помещениях [8].

Громадный урон археологии в Белоруссии нанесла немецко-фашистская оккупация во время Великой Отечественной войны: были разграблены и вывезены в Германию уникальные коллекции, которые после их возвращения оказались депаспортизованными.

Археологические исследования в Белоруссии начались сразу же после окончания Великой Отечественной войны. В 1945 г. были начаты раскопки на детинце древнего Минска («Минское замчище», В. Р. Тарасенко, Э. М. Загорульский) [9]. В 1940 и 1950 гг. К. М. Поликарпович провел большие раскопки на верхнепалеолитических стоянках у дер. Подлужье на Гомельщине.

Большие археологические работы в центральной и северной Белоруссии в послевоенные годы осуществил А. Г. Митрофанов. Однако, недостаток научных кадров суживал археологические работы в республике. Поэтому Институт истории АН БССР и Институт археологии АН СССР подготовили в послевоенные годы квалифицированных специалистов для сектора археологии.

Изучением археологических памятников Белоруссии в послевоенные годы занимались и некоторые другие учреждения республики — Белорусский государственный университет, Белорусский государственный музей (И. М. Тюрина), Гродненский историко-археологический музей (К. Т. Ковальская), Военно-исторический музей в Волковыске (Г. И. Пех), Брестский (И. В. Бируля, В. Б. Никитина), Пинский (Б. В. Миролюбов), Витебский (В. Н. Кузнецов) и Могилевский краеведческие музеи (Т. Д. Елисеева). Очень большую и весьма плодотворную работу по изучению памятников Белоруссии провел Институт археологии АН СССР (П. Н. Третьяков, Г. Ф. Соловьева, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковская, В. В. Седов, Э. А. Сымонович, Н. Н. Гурина, И. П. Русанова, И. И. Артеменко, Ф. Д. Гуревич, Л. В. Алексеев). В результате собран большой материал, который значительно расширил наши представления о социально-экономическом строе, быте и материальной культуре племен, заселявших территорию Белоруссии в различные исторические эпохи.

1. Палеолит и мезолит

В Белоруссии пока не открыты нижнепалеолитические памятники, однако находки костей южного и трогонтериевого слонов, пыльцы теплолюбивых растений в раннечетвертичных слоях свидетельствуют о том, что открытие верхнепалеолитических памятников здесь вполне возможно. Вопрос о заселении Белоруссии в мустьерское время был поставлен впервые К. М. Поликарповичем. Он считал, что в эпоху среднего палеолита перигляциальные пространства, расположенные к северу от 52 параллели, были уже освоены первобытными людьми [10].

В последнее время на территории БССР отмечен ряд мест с находками орудий мустьерского возраста (овраги так называемой Каменной Горы, где

---

[8] В. Р. Тарасенко. К истории позднеродового общества на территории Белоруссии. ИАН БССР, 2, Минск, 1948. Вся документация раскопок городища «Барсучья горка» во время войны погибла. В литературе об этих раскопках имеется небольшая статья: В. Р. Тарасенко. Раскопки на городище «Барсучья горка». КСИИМК, XV, 1947, стр. 102—104.

[9] В. Р. Тарасенко. Вынікі раскопак Мінскага замчыша ў 1945—1949 гг. Весці АН БССР, 4, 1950; его же. Древний Минск. Материалы по археологии БССР. Минск, 1959; Э. М. Загорульский. Древний Минск. Минск, 1963.

[10] К. М. Поликарпович. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. Сб. «Материалы по археологии БССР», 1; В. Д. Будько. К вопросу о первоначальном заселении территории БССР. ИАН БССР, сер. обществ. н., 4, Минск, 1960, стр. 67—72.

найдены стоянка Светиловичи, мустьерское скребло, которое нашел в 30-х годах Чайковский, стоянка в Клеевичах и в ряде пунктов Верхнего Днепра, Припяти, Беседи, Сожа (рис. 1) [11].

Наиболее ранним поселением на территории Белоруссии является Подлужье II, которое по облику кремневого инвентаря можно отнести к средней поре верхнепалеолитической эпохи [12] и значительно сблизить его

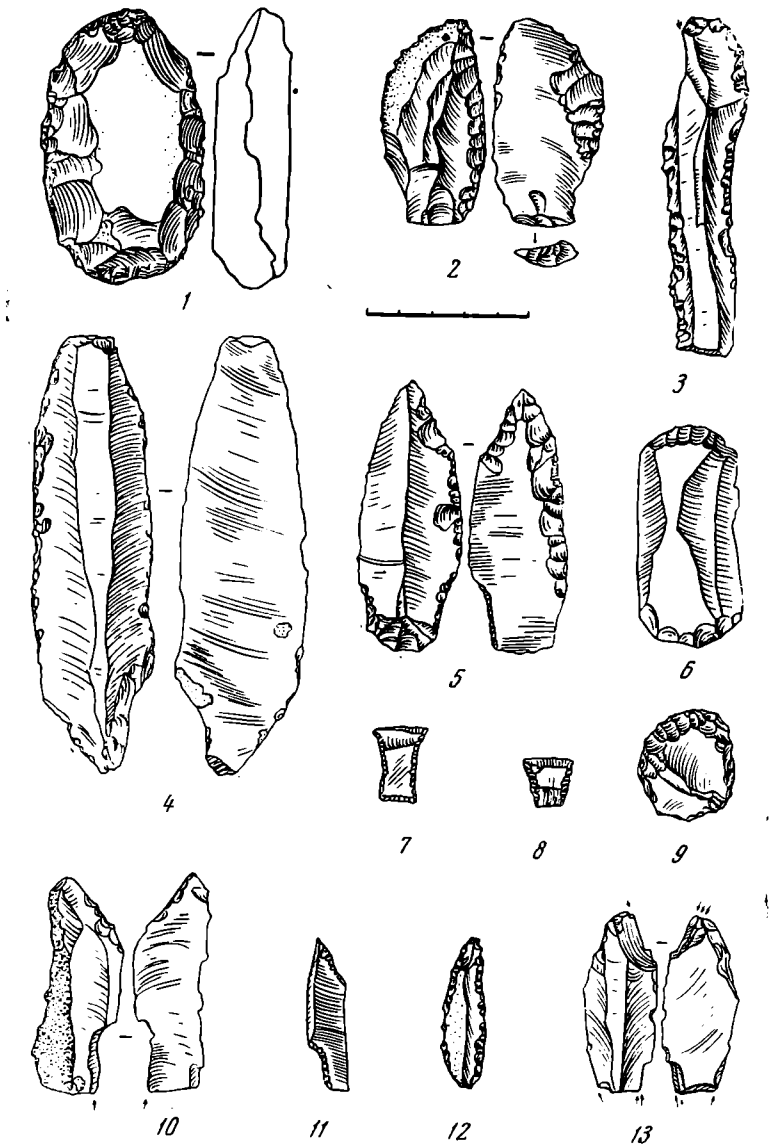


Рис. 1. Палеолитические и мезолитические орудия из Белоруссии:

1 — Ново-Быхов; *2* — Каменная гора; *3, 7—9, 11—13* — стоянки по Неману и Припяти; *4—6, 10* — Бердыж (Подлужье 1)

[11] К. М. Поликарпович. Первая находка мустьерской эпохи в БССР. СА, III. 1937, стр. 197—199; В. Д. Будько. Белорусская археологическая экспедиция (исследования 1966 г.). «Открытия советских археологов», Минск, 1966.

[12] М. М. Цапенко, В. Д. Будько, Л. Н. Вознячук. Геологические условия залегания палеолитических стоянок Белоруссии. Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита. Тр. КИЧП, XVIII, М., 1961, стр. 72; Л. Н. Вознячук. Система краевых образований валдайского оледенения на территории Белоруссии. Материалы научно-теоретической сессии Минского педагогического института. Минск, 1965, стр. 16; Л. Н. Вознячук, Л. Т. Пузанов. Краткая характеристика основных стратиграфических горизонтов четвертичных отложений Белоруссии по новым данным. Материалы IV Конференции геологов Белоруссии и Прибалтики. Минск, 1966.

с Бердыжем. Весьма вероятно, что стоянка Подлужье II является одним из наиболее ранних поселений костенковско-авдеевской культуры в районе Среднего Сожа.

Своеобразным памятником костенковско-авдеевской палеолитической культуры является Бердыжская стоянка (К. М. Поликарпович, 1926).

В ее культурном слое четко прослеживаются остатки полуземляночных овальных в плане жилищ и ям-хранилищ, что характерно для памятников костенковско-авдеевской палеолитической культуры. В Бердыже мы видим массовое применение крупных костей мамонта как строительного материала [13].

Жилища в Бердыже имеют близкие аналогии с жилой постройкой в Пушкаревской верхнепалеолитической стоянке; в то же время они резко отличаются от аналогичных сооружений верхнего слоя Костенок I, Авде-

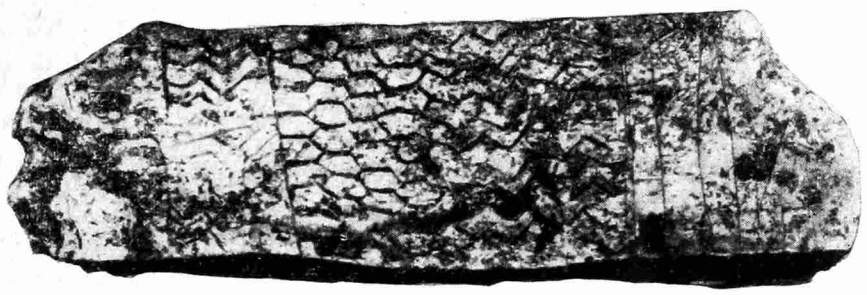


Рис. 2. Пластина из бивня мамонта с орнаментом елисеевского типа. Юровичи

ева. Это объясняется близостью Бердыжа к краевым моренам валдайского ледника, суровым климатом приледниковой зоны. Кремневый инвентарь Бердыжа близок к инвентарю памятников костенковско-авдеевской культуры. Инвентарь Бердыжа является развитием инвентаря более ранней стоянки Пушкари I (рис. 1, *4—6*, *10*) [14].

Геологический возраст Бердыжа падает на промежуток времени от конца поздневалдайского (брянского) интервала и до конца первой половины двинской стадии валдайского оледенения, т. е. к XXII—XX тысячелетиям до н. э. Г. Ф. Мирчинк правильно определил геологический возраст памятника, а С. Н. Замятнин верно объяснил скопление костей мамонта как преднамеренное [15]. Последние исследования подтвердили справедливость этих выводов [16], позволили ставить и решать вопрос о местном возникновении костенковско-авдеевской культуры.

Большое значение имеет исследование двух культурных горизонтов стоянки Юровичи, родственной по кремневому инвентарю и искусству стоянке Елисеевичи (РСФСР) [17]. Там, в Юровичах, также найдены костяные пластинки с гравированным орнаментом (рис. 2) в виде чешуи рыбы.

Абсолютная идентичность кремневого инвентаря Елисеевичей и Юровичей, их близкий геологический возраст указывают на этническую близость

---

[13] В. Д. Будько. О жилищах Бердыжской стоянки. КСИА АН СССР, 101, 1964.

[14] Г. Ф. Мирчинк. Геолёгічныя умовы знахадженья палеолітычнай стаянкі каля в. Бердыжа на рацы Сожы (Гомельшчына). Працы, II, Менск, 1930, стр. 1—6. Працы..., II, Менск, 1930, стр. 459—460.

[15] С. Н. Замятнин. Раскопкі Бердыжскай палеолітычнай стаянкі у 1927 г. Працы..., II, Менск, 1930, стр. 459—490.

[16] В. Д. Будько. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 6—20.

[17] К. М. Поликарпович. Проблема палеолита в Белоруссии. Материалы юбилейной сессии Академии наук БССР. Минск, 1950; В. Д. Будько. Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение. Докл. АН БССР, 10, 1955; его же. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины. Доклады и исследования советских археологов. М., 1966.

первобытных общин, обитавших на месте этих памятников. Пожалуй, единственным различием является то, что в Юровичах основания стен жилищ были выложены местным валунным камнем, в изобилии встреченном в моренных отложениях.

Оба культурных горизонта Юровичей имеют домадленский возраст и относятся к поздней поре верхнепалеолитической эпохи. Геологически они относятся к первой половине Двинской стадии валдайского оледенения. Хронологически они близки к памятникам костенковско-авдеевской культуры. Различия между ними можно объяснить чисто локальными, этнографическими причинами.

Не противоречат датировке и геологические данные, определяющие древность этого памятника временем, близким к возрасту памятников павловской культуры (время европейского позднего граветта) [18].

В последние годы сектор археологии уделял большое внимание изучению памятников позднейшей поры верхнепалеолитической эпохи, относящихся к валдайскому позднеледниковью (XIII—VIII тысячелетия до н. э.). В итоге этих исследований удалось выделить три хронологические группы памятников этого времени [19]. Первая характеризуется залеганием находок в самых верхних горизонтах аллювия первой надпойменной террасы рек бассейна Верхнего Днепра и в нижней части покрывающих ее поздневалдайских аллювиально-деллювиальных песков, а также в верхних слоях поздневалдайского лёсса.

Вторая группа памятников, представленная нижними слоями Гренска и Латков и аналогичными им поселениями, характеризуется залеганием в основании нижней толщи дюнного песка, на поверхности первой надпойменной террасы рек бассейна Верхнего Днепра, под нижней прослойкой ископаемого гумуса. Для них характерны остатки жилищ легкого наземного типа с очагами в середине. Кремневый инвентарь является дальнейшим развитием инвентаря первой группы и неразрывно с ней связан.

Третья, поздняя группа памятников, представленная верхними слоями Гренска и Латков, а также рядом поселений в бассейне Верхнего Днепра, характеризуется залеганием в основании верхней толщи дюнного песка, расположенной между двумя прослойками ископаемого гумуса.

Инвентарь описанных выше памятников, отнесенных к кругу памятников гренской культуры, неразрывно связан с инвентарем поселений поздней поры верхнепалеолитической эпохи, в частности Бердыжа, Юревичей, Елисеевичей, Юдинова, Мезина и др. В конце валдайского оледенения первобытный человек интенсивно осваивал освобожденную от ледника территорию. В течение этого времени намечаются следующие пути заселения территории Белоруссии: юго-восточный, по рекам Днепровского бассейна — Днепру, Сожу, Беседи, Ипути и др. Население, развивавшееся на базе таких выдающихся очагов верхнепалеолитической культуры, как Елисеевичское, Юдиновское, Мезинское и другие поселения, двигалось к северу и северо-западу в поисках удобных для расселения мест. Это продвижение отмечено рядом памятников в бассейнах указанных выше рек. Мощный поток свидерского населения двигался с юго-запада, с Волыни и Западного Буга, в бассейн Припяти. Весь юго-запад БССР стал сферой его деятельности. Это население оставило такие замечательные очаги культуры, как Нобель, Ополь, Сеньчицы и др.

Материалы поздней поры верхнепалеолитической эпохи позволяют выделить две локальные группы памятников: 1) поселения костенковско-авдеевской культуры (Бердыж и Подлужье II); 2) елисеевичская группа

---

[18] Л. Н. Вознячук. Отложения последнего межледниковья на территории Белоруссии. Материалы по антропогену Белоруссии. Минск, 1961.

[19] В. Д. Будько. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии. МИА, 131, 1966.

(два горизонта Юровичей). Геологический возраст этих групп близок; все они относятся к концу третьего брянского интервала и началу двинской стадии валдайского оледенения [20].

К мадленскому (субарктическому) времени в Белоруссии относятся памятники типа Комягино, Подлужье III (ранняя группа). Поселения типа нижних культурных слоев Гренска, Латков, древнейшие комплексы Нобеля, Сеньчиц, Ополя (средняя группа) и, наконец, памятники типа верхнего слоя Гренска, Латков, поздние комплексы Нобеля, Сеньчиц, Ополя (поздняя группа) уже относятся к рубежу палеолита и мезолита.

Материалы, полученные при исследовании упомянутых комплексов, позволяют нам сопоставить их со свидерскими комплексами Польши. Можно сделать вывод, что мадленское население Западной и Северо-Западной Европы, племена мазовшанского цикла Польши, гренские и родственные им племена, обитавшие на территории Белоруссии в течение валдайского позднеледниковья, бытовали в одно и то же время.

Исследования последних лет привели к выделению среди так называемых свидерских комплексов локального варианта гренской культуры, отнесенного согласно геологическим и археологическим данным к позднейшей поре верхнепалеолитической эпохи. Лишь поздние слои Гренска и Латков имеют в своем инвентаре геометрические формы орудий, характерные для раннего мезолита [21].

В. Ф. Исаенко выделил три большие локальные области мезолита с различным характером материальной культуры: верхнеднепровская, неманская и нижнеприпятская [22]. Первая характеризуется распространением макролитических орудий. Территориально она охватывает Посожье, Верхний Днепр и Двину (исключая нижние течения). Известно до 20 поселений этой эпохи, расположенных в основном в бассейне Сожа, Ипути и Беседи.

Неманская область характеризуется микро-макролитическим инвентарем и охватывает не только бассейн Немана, но и верховья Припяти и ее притоков по левому берегу, междуречье верхней Припяти и Буга. Известно до 30 поселений, оставленных мезолитическим населением этой области. Ранний этап жизни этих стоянок характеризуется микролитами и геометрическими орудиями (рис. 1, *7—12*), поздний — макролитическими с небольшой примесью микролитических.

Нижнеприпятская область характеризуется микролитическим инвентарем. Она охватывает в основном территорию Полесья (нижняя Припять), нижний Сож и Десну на востоке, до притоков Припяти, Стыри и Бобрика на Западе. Аналогичные поселения встречены на Березине, Птичи, Случи, а отдельные на Западной Двине. На территории БССР обнаружено до 30 стоянок с инвентарем микролитического облика.

Анализ материалов мезолитических поселений Белоруссии позволяет высказать мнение, что они послужили основой для развития местных неолитических культур. В мезолите уже намечаются области с различным характером материальной культуры. Подобное разделение в основном сохраняется и в неолите [23].

---

[20] Л. Н. Вознячук. Отложения последнего межледниковья. Материалы по археологии Белоруссии. Минск, 1962; А. А. Величко. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской Равнины. М., 1961.

[21] В. Д. Будько. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии. МИА, 126, 1966.

[22] В. Ф. Исаенко. Мезолит Восточного Полесья. Сб. Вопросы истории и археологии». Минск, 1966, стр. 328—339; его же. Мезолит и неолит Припятского Полесья. Древности Белоруссии, стр. 22—51.

[23] В. Ф. Исаенко. Мезолит и неолит Припятского Полесья. Древности Белоруссии, стр. 46.

2. Неолит и бронза

В результате работ последних лет, с учетом данных К. М. Поликарповича, удалось определить области распространения локальных вариантов различных неолитических культур (рис. 3) [24].

Носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики являются племена, обитавшие в основном по Днепру, Сожу и их притокам севернее Березины и Ипути. В настоящее время насчитывается до 110 поселений этой

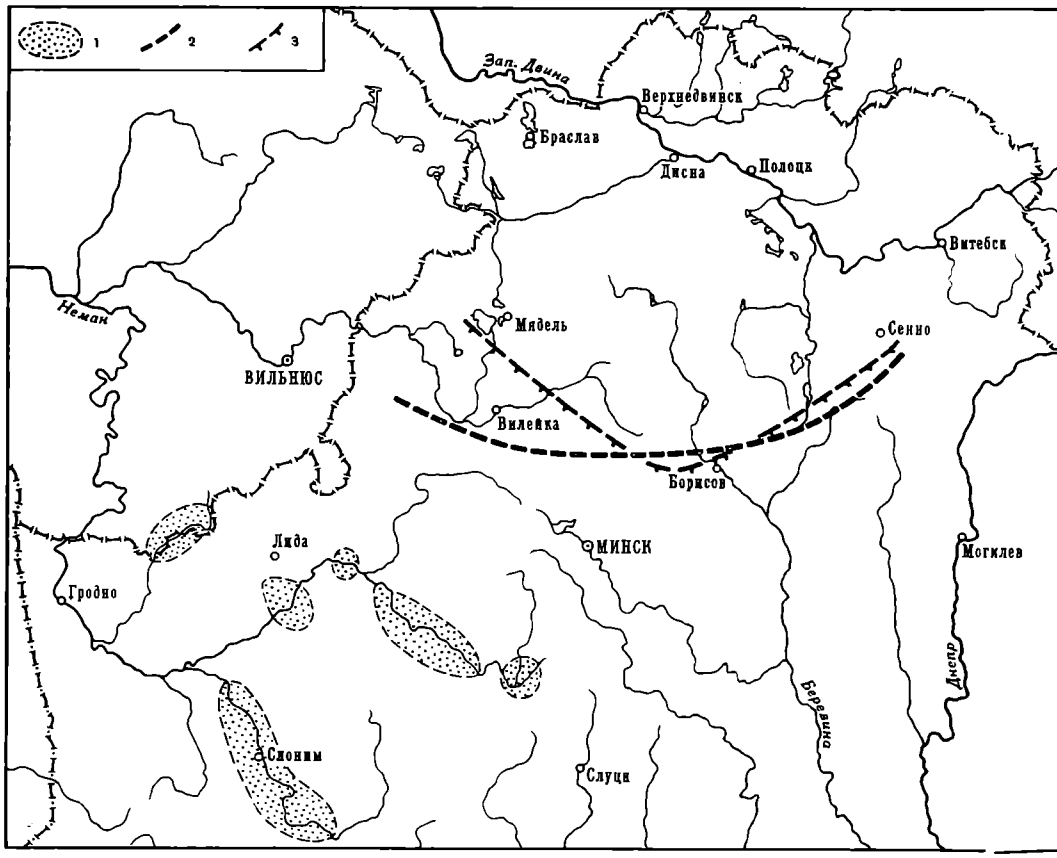


Рис. 3. Распространение неолитических культур Северо-Западной Белоруссии:

1 — памятники типа Лысой горы; *2* — южная граница распространения ямочно-гребенчатой керамики; *3* — южная граница распространения ракучешной керамики

культуры. Все они в основном концентрируются в Посожье и расположены группами; то же можно сказать и о Верхнем Днепре.

Культура гребенчато-накольчатой керамики была распространена в основном на территории Полесья, в бассейне Припяти — от Нижнего Сожа до Стыри, Средней Горыни, верховий Шары и Немана. Несмотря на некоторые ранние элементы, она — припятский вариант днепро-донецкой культуры на позднем этапе ее развития [25]. В пределах Белорусского Полесья известно около 120 стоянок этой культуры.

В бассейне Немана, Бобрика и Ясельды (основные притоки Припяти) сложился восточный вариант днепро-эльбской культуры. Ямочно-гребенчатая керамика, обнаруженная здесь, мало отличается от керамики поселений северной Польши и юго-восточной Литвы [26].

[24] Исследования И. И. Артеменко, В. Ф. Исаенко, М. М. Чернявского и И. М. Тюриной и Н. И. Гуриной.

[25] В. Ф. Исаенко. Мезолит и неолит Припятского Полесья. Древности Белоруссии, стр. 22—51.

[26] М. М. Чернявский. Некоторые итоги изучения неолитических поселений Белорусского Понеманья. Древности Белоруссии, стр 83—97.

К северу от Вилии, верховий Березины и Днепра, т. е. в бассейне Западной Двины, гораздо более редкие, чем на юге Белоруссии, неолитические поселения характеризуются типичной ямочно-гребенчатой и ее разновидностью пористой керамикой (типа Кривины или Пиестиня, ЛатвССР).

Эта картина расселения неолитических племен будет неполной, если не сообщить данные о проникновении племен деснинской ямочно-гребенчатой керамики в бассейн Сожа и распространении племен культуры воронковидных кубков в междуречье Западного Буга и Припяти с Ясельдой. Однако последние две группы неолитического населения обитали лишь на окраинах Белоруссии. Основное население эпохи неолита представлено племенами, которые изготовляли различные виды гребенчатой керамики. В настоящее время успешно начато изучение истории этих племен и их взаимоотношения с племенами шнуровой керамики, проникшими на территорию республики в конце III — начале II тысячелетия до н. э.

В бассейне Верхнего Поднепровья поселились племена среднеднепровской культуры, на Немане — племена культуры боевых топоров, в бассейне Припяти — племена культуры шнуровой керамики. Племена этих культур ассимилировали местное население и оказали большое влияние на культуру и быт племен Среднего Подвинья. Под их влиянием здесь во II тысячелетии до н. э. возникла важная отрасль хозяйственной деятельности — скотоводство.

3. Железный век (VII в. до н. э.— VIII в. н. э.)

Железный век в Белоруссии начался с возникновения культуры штрихованной керамики (в средней части страны), гладкостенной (на севере) и особой гладкостенной (на юге). Все эти культуры оставили городища. Первую их систематизацию сделал еще А. Н. Лявданский. С 1948 г. А. Г. Митрофанов продолжил изучение городищ со штрихованной керамикой. Он осуществил раскопки широкими площадями на многих городищах. Были подвергнуты изучению городища Западной Белоруссии, где до Отечественной войны исследований не было.

В бассейне Верхнего Понеманья изучением поселений со штрихованной керамикой занималась Ф. Д. Гуревич (городище у пос. Городище, селища Черешля и Конявка) [27].

В результате исследований выяснилось, что поселения с культурой штрихованной керамики занимали среднюю полосу Белоруссии и восточную половину Литвы. За пределами этой культуры лежит широкая полоса, где штрихованная керамика встречается совместно с керамикой других культур, но почти нигде она не является преобладающей и носит иной характер (иные формы сосудов и орнамент). Следовательно, о культуре штрихованной керамики в собственном смысле этого слова можно говорить только применительно к средней полосе Белоруссии.

Основным типом поселений племен — носителей культуры штрихованной керамики были укрепленные поселения-городища, которые по внешним признакам не отличаются от городищ других культур лесной полосы Восточной Европы. Новые исследования городищ позволили внести ряд существенных уточнений в схему их стадиального развития, предложенную А. Н. Лявданским. Поселения с культурой штрихованной керамики прошли несколько этапов в своем развитии — от открытых, расположенных в глухих, природою укрепленных местах, до хорошо укрепленных земляными валами и рвами городищ. С появлением и широким распространением гладкостенной керамики городища прекратили свое существование и из мест постоянного обитания превратились в убежища, уступив место откры-

---

[27] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.— Л., 1962.

тым поселениям — селищам [28]. В настоящее время известно довольно много городищ, содержащих в себе только штрихованную керамику, но вместе с тем укрепленных земляными валами и рвами (городища в Вязынке, Старая Рудица под Дзержинском, Малышки и мн. др.).

Важным результатом послевоенных исследований было открытие жилищ на этих городищах (рис. 4). Для ранних городищ (нижний слой Лабенщины, Збаровичи) характерны большие длинные дома столбовой конструкции, разделенные на отдельные жилые помещения и располагавшиеся по краю площадок. На поздних городищах (III—V вв.) дома располагались не только по краям поселений, но и на всей их площади. Границы домов

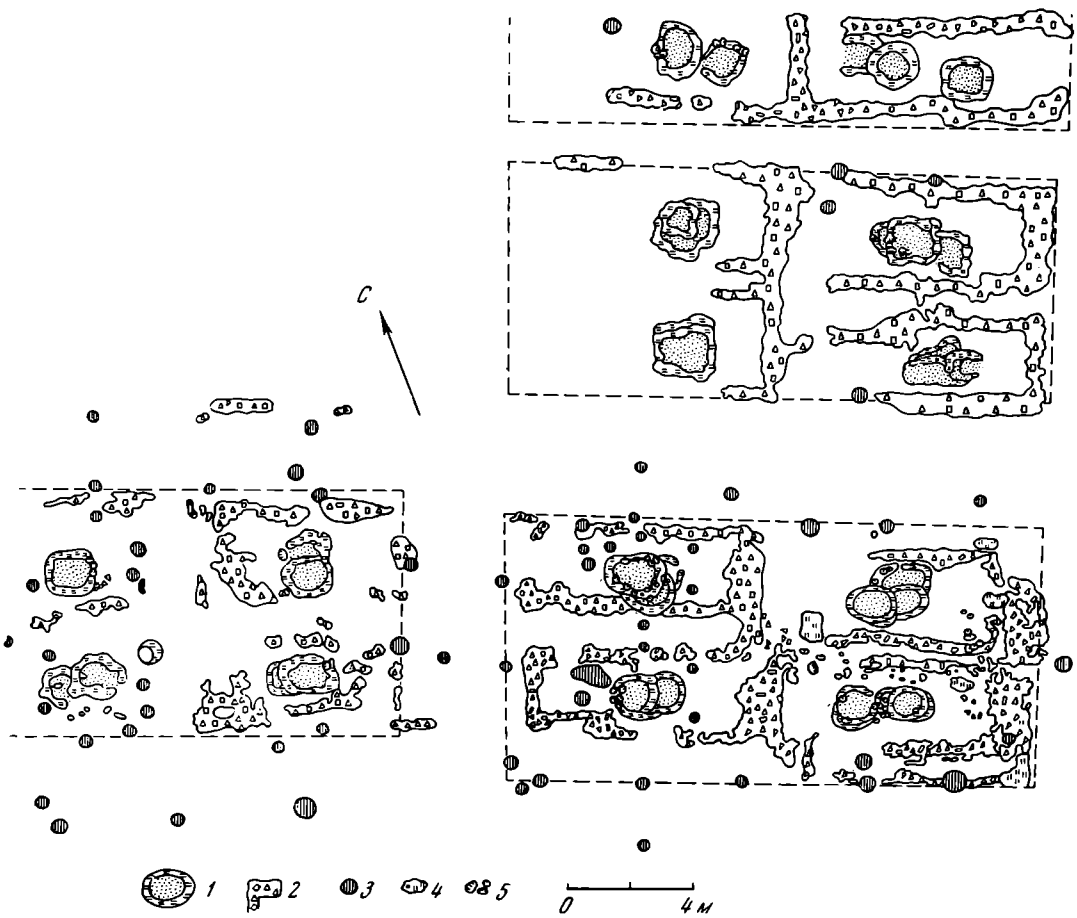


Рис. 4. Остатки жилища. Городище в Малышках

прослежены по скоплению кусков глиняной обмазки, упавших со стен во время пожара. Дома рубились в угол, а столбы играли вспомогательную роль. Внутри жилых помещений находились открытые очаги двух типов, весьма характерных для восточнобалтийских культур: очаги из камней, выложенных в один ряд в виде подковы (иногда камни вмазывались в глину) и глинобитные овальные (рис. 5).

Важной чертой культуры является штрихованная керамика. Вся она лепная. Характерная форма сосудов — остроребериые выпуклые горшки, конусообразно суживающиеся к плоскому дну, а орнамент в виде защипов, ямок, насечек и коротких нарезных линий (рис. 6). В нижних слоях встре-

[28] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 26; А. Г. Митрофанов. Новые данные о памятниках VI—VIII вв. средней и северной Белоруссии. Древности Белоруссии, стр. 218 сл.

Рис. 5. Очаг. Городище Вязынка

чаются обломки сосудов, украшенных по ребру только защипами. Керамика здесь грубее, чем в средних и верхних слоях. Сосуды толстостенные, обжиг хуже, в глине много дресвы. Максимальное количество орнаментированных сосудов падает на средние слои. Керамика верхних слоев почти не украшалась. Здесь встречаются и другие формы сосудов.

Остроребериая форма сосудов распространена лишь в западной части ареала культуры штрихованной керамики. В поселениях, расположенных восточнее линии Слуцк — Минск — Лепель, сосуды этой формы встречаются лишь в верхних горизонтах культурного слоя и их не много. Здесь распространены иные формы штрихованных сосудов, характерные не для самой культуры штрихованной керамики, а для соседних культур. Это, конечно, не исключает поселения, расположенные к востоку от указанной линии, из ареала культуры штрихованной керамики. Важнее то, что их объединяет (штрихи на посуде, общность других элементов культуры — жилищ, инвентаря). Прав В. В. Седов, который полагает, что эту территорию следует рассматривать как переходную зону между ареалом культуры штрихованной керамики и областями распространения милоградской и днепродвинской культуры [29].

В относительно небольшом количестве известны штрихованные сосуды баночных форм, которые не имеют орнамента, залегают в верхних горизонтах культурного слоя и относятся к поздней поре существования городищ. В этих же слоях встречены горшковидные сосуды с эсовидным профилем, которые своей формой напоминают гладкостенные сосуды более поздних поселений — Банцеровщины (верхний слой), Дедилович и др. Кроме того, найдены поселения, переходные от культуры штрихованной керамики к культуре поселений с гладкостенной керамикой типа верхних слоев городищ Банцеровщины, Тушемли и др.

Самостоятельную, но небольшую группу керамики составляют лощеные сосуды. Они представлены обломками остроребериых и баночных горшков и мисок.

---

[29] В. В. Седов. Городище Церковище. КСИА, АН СССР, 102, 1964, стр. 70—74; его же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Автореф. докт. дис. М., 1966, стр. 7—8.

В литературе долгое время бытовало неправильное мнение об отсталости носителей культуры штрихованной керамики [30]. В действительности культура этих племен по уровню своего развития ничем не отличалась от культуры своих соседей. Железный век у них начался в те же столетия (VII—VI вв. до н. э.), как и у других племен. Правда, железо в широкий

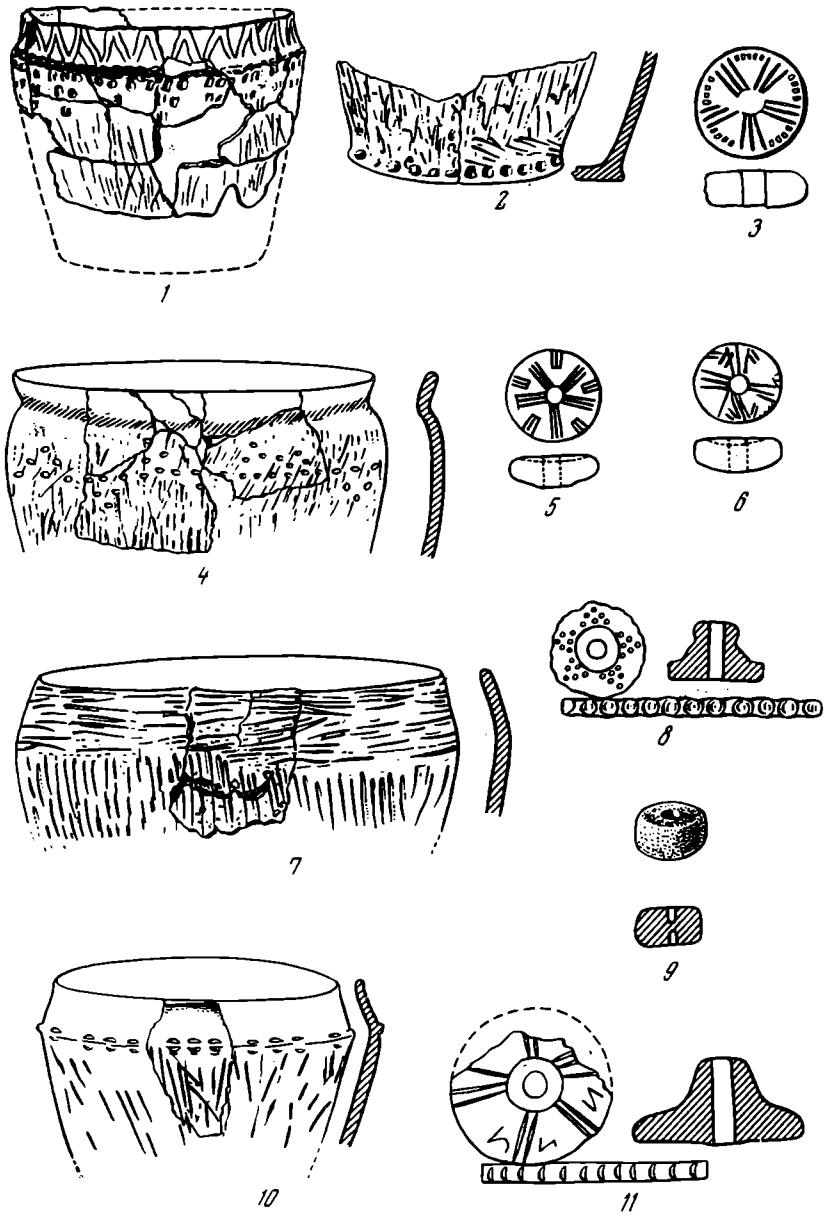


Рис. 6. Сосуды, пряслица, бусы, грузики дьякова типа из Городищ Белоруссии:

1—6, 8—11 — Лабенское; *7* — Зборовическое

производственный обиход здесь вошло на два-три столетия позднее, чем на юге. На территории Белоруссии пока не известно ранних «костеносных» городищ с культурой штрихованной керамики. Однако, освоив процесс добычи и обработки железа, эти племена довольно быстро догнали своих со-

[30] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 92; Л. Крживицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина. М., 1913

седей, и уже в последних столетиях до нашей эры их культура приобрела обычные для того времени черты.

Орудиями подсечного земледелия являются железные топоры, серпы и серповидные ножи (рис. 7, *1, 3, 4*). Топоры относятся к южноприбалтийскому типу (I—IV вв.). Топоры были основным орудием домостроительства при обработке дерева, заготовке дров и т. п.; они могли служить и в качестве боевого оружия. Долотовидные орудия, которые встречаются еще и в Прибалтике, Х. А. Моора считает деревообрабатывающими инструментами. К предметам вооружения относятся копья, дротики и втоки (рис. 7, *8, 9*). Копья имеют листовидное перо и ромбическое поперечное сечение. Дротики имеют треугольное в сечении перо и шипы в нижней части. Для обработки дерева, кости и рога и других бытовых нужд служили железные ножи и резцы-ложкари. Из других инструментов и бытовых вещей отметим железные шилья, булавки с эсовидной головкой, железные фибулы (рис. 7, *7*), шпоры, (рис. 7, *10*), пряжки; рыболовных принадлежностей найдено мало.

На городищах много шлаков, криц, болванок и заготовок. Изделия из железа производились на месте, что подтверждают и остатки печей-домниц (Лабенщина, Кимия, Малышки и Свидно). Особый интерес представляет массивный каменный молот (Малышки) со следами окалины на рабочих плоскостях. О местном изготовлении большинства бронзовых украшений говорят находки целых и фрагментированных тиглей и обломок каменной формочки (Лабенщина). На Банцеровском и Лабенском городищах найдены «льячки», на Збаровичском — кусок свинца. Бронзовых украшений довольно много, хотя ассортимент их не велик: бронзовые кольца, трапециевидные и очковидные подвески (рис. 7, *5*). Браслет найден только один (рис. 7, *6*). Мало импортных вещей, что указывает на слабость внешних связей (обмена). Немногие чужеземные изделия происходят из Волжско-Камского района, Прибалтики или являются готскими.

Ассортимент изделий из кости небольшой. Сравнительно много костяных предметов лишь в нижних слоях Лабенского городища — булавки, проколки, рукоятки ножей и шильев, неоконченный обработкой топор из лосиного рога, миниатюрный гребень, клыки медведя и волка с просверленными отверстиями. Глиняные пряслица встречаются сотнями и отличаются большим разнообразием форм и спецификой орнамента. Бусы встречены только глиняные. Почти на каждом поселении встречаются грузики дьякова типа. Многие из них имеют местный орнамент — нарезные линии, треугольники из точек.

В решении вопроса об этнической принадлежности племен, оставивших культуру штрихованной керамики, единства взглядов еще нет. Большинство исследователей (Х. А. Моора, А. З. Таутавичус, В. В. Седов и др.) связывают их с восточнолитовскими племенами (летописной «Литвой»). Ф. Д. Гуревич полагает, что «памятники (культуры штрихованной керамики.— *А. М.*) принадлежали тем балтийским племенам, чья культура вне области восточно-литовских племен исчезла в результате славянской колонизации, не оставив заметных следов в культуре более позднего времени [31]. П. Н. Третьяков считает, что племена культуры штрихованной керамики «балтами не являлись во всяком случае по своему происхождению... В племенах штрихованной керамики следует видеть древнее, местное по происхождению население, оказавшееся во II тысячелетии до н. э. в окружении балтийских племен и, очевидно, мало помалу ими ассимилированное» [32]. Таким образом, вопросы об этнической принадлежности культуры штрихованной керамики и, в особенности, ее происхождении весьма сложны и еще далеки от своего окончательного разрешения.

---

[31] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья, стр. 36.

[32] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, стр. 162.

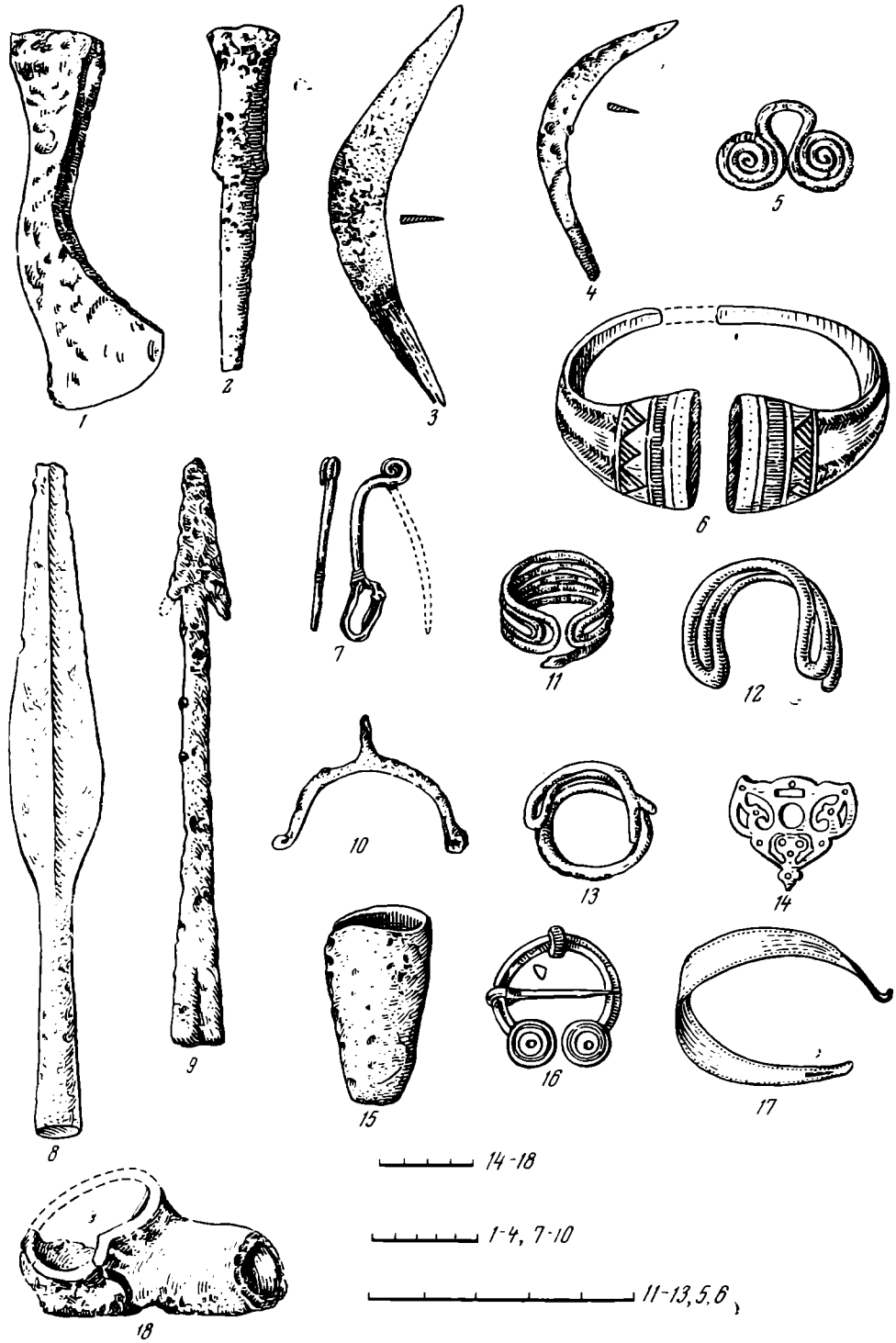


Рис. 7. Изделия из железа, бронзы, тигли и льячки из городищ Белоруссии:

1, 5, 9, 13, 14 — Августовское; *2—4, 10, 11* — Лабенское; *6, 7, 12, 18* — Банцеровское; *8* — Оздятическое; *15, 16* — Малышки; *17* — Старорудницкое

Днепро-двинская культура. Еще А. Н. Лявданский поселения, расположенные на Полотчине и Витебщине, объединил с поселениями Смоленщины, что, как показали дальнейшие исследования А. Г. Митрофанова, было совершенно правильным. В 1949 году он провел большие разведки в бассейне Среднего Подвинья и зарегистрировал свыше 20 городищ, относящихся к раннему железному веку.

Археологи установили, что аналогичные по культуре памятники уходят до границ Латвии, а на севере — в район Себежских озер и в бассейн левобережных притоков р. Великой [33]. Учитывая это обстоятельство, мы сочли возможным памятники Среднего Подвинья, района Себежских озер и Верхнего Поднепровья отнести к одной археологической культуре, назвав ее «днепро-двинской».

Как и культура штрихованной керамики, днепро-двинская культура характеризуется только поселениями. Культура штрихованной керамики и днепро-двинская культура мало чем отличаются друг от друга. Основным типом ее поселений были городища, которые по своему устройству и размерам почти не отличались от поселений культуры штрихованной керамики. Они прошли те же этапы в своем развитии — от поселений, укрепленных частоколом, до городищ, укрепленных земляными валами и рвами. Одинаковыми были и жилища на поселениях этих культур; длинные дома столбовой конструкции, разделенные на отдельные жилые камеры (Язно, «Толкач» у дер. Горовые). Для позднего этапа культуры характерны небольшие четырехугольные в плане дома с очагами двух типов.

Поселения днепродвинской культуры разделяются на две хронологические группы: раннюю и позднюю. Ранняя группа городищ характеризуется обилием костяных изделий и малым количеством изделий из железа (Поддубники, нижние слои Урагова и Загорцев и др.). Наряду с изделиями из кости (стрелы, копья, долота и др.) встречаются каменные полированные топоры с просверленными отверстиями и топоры-клинья. В ранних городищах встречено много костей домашних и диких животных. Орудия подсечного земледелия (топоры, серпы) встречаются редко. Редко встречаются и зернотерки. По-видимому, ведущими отраслями хозяйства до III—II вв. до н. э. были скотоводство и охота, а земледелие не имело большого значения.

Поздняя группа городищ (Язно, «Толкач», Девички и др.) отличается от ранних поселений тем, что в составе их культурного слоя встречается много следов железоделательного производства и готовой продукции из железа. На городище Тербакунь [34] найдена целая домница. Интересную железоделательную мастерскую археологи нашли в верхнем слое Язненского городища. На городищах Бураково, Кострица и Урагово обнаружены кузницы [35]. Наковальни были каменными. На городище Урагово найден железный молоток.

Основные формы орудий труда, встреченные на поселениях днепродвинской культуры, почти ничем не отличаются от орудий культуры штри-

---

[33] Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, 62, 1956; С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. Материалы по археологии и этнографии, I, М., 1959.

П. Н. Третьяков придерживается иной точки зрения. Он полагает, что «область нижнего и среднего течения Зап. Двины... в значительной части входила в пределы культуры городищ штрихованной керамики» и что себежские городища составляют якобы «особую группу древних городищ» (П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 21, 171). В действительности, в бассейне Среднего Подвинья нет ни одного городища культуры штрихованной керамики, а керамика и другие предметы материальной культуры себежских городищ, а также и жилища совершенно аналогичны культуре поселений Среднего Подвинья и Верхнего Поднепровья.

[34] А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікарповіч. Археолёгічныя досьледы ў БССР...

[35] К. П. Шут. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии. Древности Белоруссии, стр. 169—170.

хованной керамики. Много встречено серпов, (среди которых имеются формы, свойственные только днепро-двинской культуре [36]), ножей с изогнутой и прямой спинкой, бритва латенского времени; предметов вооружения встречено мало — это железные украшения (булавки с эсовидной головкой, подковообразные фибулы, шейная гривна).

Наиболее характерна в днепро-двинской культуре керамика. Вся она лепная. В ранних городищах встречаются грубые, плохообоженные сосуды, чаще всего черного или темно-серого цветов. Сосуды поздних городищ лучше по качеству, сравнительно хорошо обожжены. Формы сосудов на всем протяжении существования городищ были одинаковыми — слабопрофилированные горшки и баночные сосуды часто с орнаментом из ямок, тычков, сквозных отверстий, нарезных линий. Есть отдельные сосуды, украшенные насечками.

Глиняные пряслица на поселениях днепро-двинской культуры очень редки, и их формы характерны для культуры штрихованной керамики. Мало и грузиков «дьякова» (балтийского) типа. Бронзовых изделий на поселениях северной Белоруссии найдено немного, что объясняется, повидимому, относительно небольшим объемом раскопок. Известны трапециевидные подвески, спиральки, трубочки, несколько обломков витых браслетов, колечки, обломки неопределенных изделий. Встречаются вещи, которые имеют аналогии в ранних памятниках Смоленщины и в древностях Верхней Оки [37].

Городища Северной Белоруссии относятся к VI в. до н. э.— III—IV вв. н. э. Эта датировка доказывается сходством многих элементов их культуры с городищами Смоленщины.

Как показали исследования лингвистов, в Верхнем Поднепровье и в Подвинье распространены гидронимы, ведущие свое происхождение от восточнобалтийских языков [38]. В связи с этим принадлежность памятников днепро-двинской культуры восточно-балтийским племенам ни у кого не вызывает возражений.

Сложнее вопрос о происхождении днепро-двинской культуры. Пока можно высказать предположение, что формирование этой культуры происходило на месте и что ее носители являлись аборигенами края. В некоторых памятниках эпохи бронзы (торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в Сенненском районе Витебской области) наряду с типичной для бронзового века керамикой найдено много обломков от гладкостенных сосудов с дресвой, которые, судя по форме венчиков, похожи на сосуды днепро-двинской культуры.

Милоградская культура. Исследования памятников, расположенных на юге и юго-востоке Белоруссии, с 1951 г. вели П. Н. Третьяков, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковская и др. Исследованный в юго-восточной части Белоруссии круг памятников О. Н. Мельниковская выделила в особую археологическую культуру и назвала ее милоградской [39] по имени пос. Милоград Речицкого района Гомельской обл.

Памятники милоградской культуры занимают обширную территорию. На севере они граничат с поселениями культуры штрихованной керамики, на востоке, в нижнем течении Сожа и на Ипути,— с памятниками днепро-двинской и юхновской культур, на западе, в Погорынье,— с лужицкими, а позднее с поморскими памятниками. На юге они смыкались с родственны-

---

[36] К. П. Шут. Ук. соч., стр. 177, рис. 7, *1*, *4*.

[37] К. П. Шут. Ук. соч., стр. 176, рис 6, *1*, *2*; А. Н. Лявданский. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах р. р. Сожа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерні, стр. 326, табл. XIII, *27*.

[38] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.

[39] О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

ми им памятниками подгорцевской культуры правобережной Украины. Поселениями милоградской культуры были городища и селища. Полесские городища иногда располагаются в болотистых местах, и они, вероятно, не являлись поселениями, а служили убежищами. Среди милоградских городищ встречаются значительные по размерам, иногда они имеют дополнительные площадки, укрепленные валами.

Жилища милоградской культуры были небольшие однокамерные наземные или несколько опущенные в землю, прямоугольные (редко округлые) постройки столбовой конструкции. Внутри жилищ, прямо на полу или в небольшом углублении, находились очаги, имевшие вид обыкновенного костра. Около жилищ встречены ямы-погреба и другие хозяйственные сооружения.

Милоградская культура с самого начала своего существования выступает как культура железного века. Даже в ранних поселениях изделий из кости встречено очень мало (проколки, рукояти), и, наоборот, много найдено предметов из железа. О местном характере металлургии железа свидетельствуют шлаки, крицы, куски железа. Набор железных вещей большой — топоры и серпы, ножи с изогнутой спинкой, шилья и острия, наконечники стрел и копий, браслеты, булавки, фибулы, бритва латенского образца, цепь от уздечного набора и др.

На поселениях милоградской культуры была развита цветная металлургия (серебра, возможно, олова и свинца). Найдены тигли, льячки, литейные формы. Украшений много, они отличаются большим разнообразием: различные браслеты, булавки, фибулы всех трех латенских схем, разнообразные подвески, височные кольца, колокольчики и мн. др. На городище найден клад браслетов из бронзы и серебра позднегальштатских и раннелатенских типов (V—III вв. до н. э.). Много стеклянных, главным образом, синих с глазками бус.

Очень своеобразна лепная глиняная посуда. Большинство сосудов имеют шарообразную и яйцевидную форму. Дно сосудов округлое, но на ранних поселениях есть и плоскодонные сосуды. В Полесье (могильник Дубой) встречены грушевидные сосуды, близкие по форме сосудам высоцкой культуры. Много орнаментированных сосудов, особенно на ранних поселениях.

Грузики и пряслица весьма разнообразны по форме: шаровидные, биконические, крестовидные, блоковидные, грушевидные, в виде катушки, воспроизводящие форму сосудов милоградской и высоцкой культур и мн. др. Они орнаментированы.

Погребения племен милоградской культуры двух типов: грунтовые могильники с трупосожжением и курганные — с трупоположением. Грунтовые могильники располагались либо вблизи от городища, за валами (Чаплин, Асаревичи), либо же на городищах (Мохов I, Горошков). На Горошковском могильнике вскрыто более 100 погребений. В погребениях встречаются разбитые сосуды или отдельные черепки, вещей найдено мало. Лишь в некоторых погребениях обнаружены булавки, наконечники стрел, грузики, бронзовые колечки и т. п. На Моховском I могильнике в одном погребении найдены разбитые литейные формы.

Очень сложны вопросы о происхождении и этнической принадлежности памятников милоградской культуры. Среди исследователей по этим вопросам единого мнения нет. О. Н. Мельниковская полагает, что милоградская культура сложилась на базе местных культур эпохи бронзы. В VI—V вв. до н. э. значительные массы милоградского населения переместились с Волыни на север Припяти и в Верхнее Поднепровье. Она связывает милоградскую культуру с неврами Геродота и полагает, что относить ее к балтоязычным племенам, как это делают В. В. Седов и П. Н. Третьяков, пока нет достаточных оснований, хотя это и не исключается [40].

[40] О. Н. Мельниковская. Ук. соч.

Памятники зарубинецкой культуры на территории Белоруссии были открыты после Отечественной войны. Известные ранее памятники (Казаргать и др.) археологи не связывали с зарубинецкой культурой, а просто относили к эпохе латена [41]. Зарубенецкие памятники исследовали П. Н. Третьяков и Ю. В. Кухаренко [42], Л. Д. Поболь, К. В. Каспарова и И. П. Русанова.

Зарубинецкая культура имеет городища, селища и могильники. Иногда зарубинецкое население использовало городища, сооруженные племенами милоградской культуры. В Полесье городищ с зарубенецкими слоями пока не найдено, а есть только селища. Памятники зарубинецкой культуры целиком перекрывают территорию милоградской культуры, а на западе доходят до правобережных притоков Западного Буга.

Жилища зарубинецких племен мало чем отличались от жилищ милоградской культуры: те же полуземлянки или наземные дома столбовой конструкции (Мохов, Чаплин, Горошков). Очаги имели вид костра, иногда они были несколько углублены в пол жилища.

Могильники грунтовые. Их известно сейчас свыше 30. Обряд — трупосожжение. Лишь в Велемичах встречено три погребения, совершенные по обряду трупоположения. Останки сожженного покойника помещались в овальную или круглую яму. Очень редко, и только в Полесье, останки сожжения помещались в урну.

Инвентарь, сопровождавший погребения, относительно большой и разнообразный. В этом отношении могильники зарубинецкой культуры резко отличаются от могильников милоградской культуры. Вместе с останками сожженного покойника в могилу ставили сосуды и клали различные вещи, чаще украшения — браслеты, булавки, кольца, фибулы, подвески, стеклянные бусы и т. п. В могильниках Верхнего Поднепровья встречается оружие — наконечники копий и стрел.

Памятники зарубинецкой культуры исследователи делят на три локальных варианта — среднеднепровский, верхнеднепровский и полесский. Однако отличительные особенности каждого варианта прослеживаются лишь в деталях культуры, а в целом она едина.

Во всем своем многообразии зарубинецкая культура Белоруссии предстала перед нами после исследования Чаплинского могильника, городища и селища. На могильнике вскрыто свыше 280 погребений. Очень много найдено изделий из железа или остатков его производства: шлаки, крицы, обломки домниц, заготовки, топоры-кельты латенского типа, серпы, ножи с изогнутой спинкой, наконечники копий, дротиков и стрел, рыболовные крючки, шилья, острога и разнообразные украшения — фибулы средне- и позднелатенских схем, подковообразные фибулы, разнообразные подвески и многое другое. Найдены тигли, льячки и глиняные формочки. Бронзовых вещей очень много — разнообразные браслеты, подвески, височные кольца, фибулы, булавки и т. д.

Глиняная посуда зарубинецкой культуры состоит из двух групп — грубой кухонной и столовой лощеной. Ее очень много. На Чаплинском могильнике, например, только целых сосудов найдено около 280. Грубая посуда представлена гладкодонными горшками с отогнутым венчиком, сравнительно высокой шейкой, хорошо выраженным плечиком и выпуклым туловом и мисками. Орнамент в виде насечек, вдавлений и защипов наносился, главным образом, на край венчика. Лощеные сосуды состоят из высоких горшков и разных мисок и кружек. Встречаются миниатюрные сосуды и плоские круглые крышки.

---

[41] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічные досьледы ў БССР...; его же. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции...

[42] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д—1—29, М., 1961; его же. Зарубинецкая культура. САИ, Д1—19, М., 1964.

Много встречено разнообразных глиняных пряслиц, некоторые воспроизводят форму зарубенецких сосудов. Найдены зернотерки, песты, острия для плетения сетей, гребень, пряжка сарматского образца.

Много вопросов, связанных с изучением зарубинецкой культуры, спорно. Нет единого мнения по вопросу датировки этой культуры. Исследователи датируют ее по-разному в пределах III в. до н. э.— V в. Неясным является вопрос и о происхождении зарубинецкой культуры. В науке существует несколько точек зрения и по этому вопросу, П. Д. Либеров исходные формы этой культуры видит в скифских древностях, В. Н. Даниленко — в подгорцевской культуре, А. И. Тереножкин — в чернолесской культуре, Л. Д. Поболь — в милоградской [43], Ю. В. Кухаренко, В. В. Седов и Д. А. Мачинский — в поморской, П. Н. Третьяков полагает, что формирование зарубинецкой культуры происходило на месте при активном влиянии западных культур.

Не ясна этническая принадлежность памятников зарубинецкой культуры. Традиционное и распространенное мнение о славянской принадлежности зарубинецкой культуры в последнее время отрицает Ю. В. Кухаренко и В. В. Седов. Они полагают, что эта культура была оставлена западнобалтийскими племенами. То же самое можно сказать и относительно исторических судеб зарубинецкой культуры.

Степень изученности памятников VI—VIII вв. до недавнего времени была очень низкой. В послевоенные годы К. П. Шут, Г. В. Штыхов, Ф. Д. Гуревич [44], А. Г. Митрофанов [45] и Л. Д. Поболь [46] зарегистрировали несколько десятков таких поселений.

Все памятники, относящиеся к третьей четверти I тысячелетия, можно разделить на три больших группы: 1) на юге Белоруссии располагаются памятники типа Корчак [47] житомирской или пражской культур, славянская принадлежность которых бесспорна (Хотомель, Петриков, Семурадцы и др.); 2) на большей части территории республики расположены памятники с гладкостенной керамикой типа верхнего слоя Банцеровского городища; этническая принадлежность населения, оставившего эти памятники, не установлена; 3) на западе Белоруссии — восточнолитовские памятники, главным образом, курганы.

Впервые археологические материалы, относящиеся к VI—VIII вв., были открыты Н. Н. Улащиком и С. С. Шутовым на Банцеровском городище в 1925 г. [48]. В 1926—1928 гг. на этом городище вел раскопки С. А. Дубинский. Было установлено, что городище содержит в себе два слоя: нижний слой со штрихованной керамикой и верхний слой, содержащий в себе гладкостенную керамику VI—VIII вв. В последующие годы аналогичная керамика была обнаружена на ряде памятников (Германы, Черкасы и др.). В науке эта культура относится к верхнему слою Тушемли, но собственного названия пока ей не дано.

Эта культура характеризуется поселениями и могильниками [49]. Основ-

---

[43] Л. Д. Побаль. Пасяленні і магільнік зарубінецкай культуры ў Чапліне. Весці АН БССР, Мінск, 1966.

[44] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья, стр. 156—178.

[45] А. Г. Митрофанов. Новые данные о памятниках VI—VIII вв. н. э. средней и северной Белоруссии. Древности Белоруссии, стр. 218—220.

[46] Л. Д. Побаль, А. Г. Митрафанаў. Праблема рассялення славян на тэрыторіі Беларуссі в I тысячелетии н. э...., стр. 54—62.

[47] И. П. Русанова. Поселение у с. Корчак на р. Тетерев. МИА, 108, 1963, стр. 35 сл.; ее же. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на сев.-зап. Украины и в Белоруссии. Древности Белоруссии, стр. 183 сл.; Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е1—57, 1961; его же. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. SA, VII, 1960.

[48] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского университета, III, 1926, стр. 184.

[49] А. Г. Митрофанов. Новые данные о памятниках VI—VIII вв. средней и северной Белоруссии. Древности Белоруссии, стр. 218—235.

ной тип поселения — селища. Их можно разделить на две группы. В первую группу входят селища, которые располагаются около ранних городищ культуры штрихованной керамики или днепродвинской культуры. Вторую группу составляют селища, располагающиеся на большом расстоянии от городищ. Селища второй группы изучению не подвергались, но зато большие раскопки производились на поселениях первой группы. Городища существовали и в третьей четверти I тысячелетия, но они в это время являлись не местами поселений, а были убежищами.

Раскопки велись на селище близ деревень Деделович (селище «Замковая гора») и Городище. На «Замковой горе» обнаружено 55 полуземляночных срубных жилищ с печами-каменками. Селище располагалось на склонах горы, поэтому его обитатели вынуждены были при постройке жилищ врезаться в землю. Полуземлянки нельзя считать характерными для племен этой культуры. Для них были типичны наземные постройки столбовой и срубной конструкции. Такие жилища были обнаружены на селище близ дер. Городище. Вещей найдено мало. Для культуры характерно большое количество железных изделий, изготовленных на месте (находки шлаков, криц, обломков домниц); найдены узколезвийные топоры с проушиной (Кострица, Чашникский район), серпы архаичных форм, шилья, ножи с прямой спинкой, копья и двушипные дротики с пламевидным пером, наконечники стрел, пряжки; эсовидные булавки, шпора, удила (Банцеровщина).

Бронзовые украшения встречаются часто, но их ассортимент невелик: трапециевидные подвески, колокольчик, колечки, детский браслет из круглой проволоки, лунница с тремя выступами, два височных кольца со спиралевидными концами, на которые подвешены трапециевидные пластинки и другие [50]. Для отливки изделий употреблялась не только бронза, но и свинец (возможно, олово).

Керамика лепная и довольно грубая. Формы глиняной посуды живо напоминают посуду Тушемли, Акатова, Колочина и др. Встречены слабопрофилированные сосуды, баночные, с ребром посередине тулова, мисковидные.

Комплексом вещей поселения этой культуры датируются VI—VIII вв. На многих селищах располагаются длинные курганы (Старое Село под Витебском, Рудна под Полоцком, Гуры Вилейского района и др.), относящиеся к VIII—IX вв.

Вопрос о происхождении культуры окончательно решить трудно. Есть основания считать ее местной, сформировавшейся на базе культур ранних городищ, некоторые черты которых она усваивает. Такое же явление наблюдается и в Верхнем Поднепровье [51]. В соответствии с этим должен решаться и вопрос об этнической принадлежности этой культуры. Славянской ее считать нельзя. Однако можно полагать, что племена этой культуры находились под большим влиянием славян (грунтовые, а позднее и курганные могильники с трупосожжением, полуземляночные жилища).

4. Археология Белорусского средневековья [52]

До революции небольшие эпизодические и часто любительские раскопки курганов общеисторических задач не ставили. Не привлекали внимания и культурные напластования древнерусских городов, древнейшие участки которых часто уничтожались. Послереволюционный период развития

---

[50] Г. В. Штыхов. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей. Древности Белоруссии, стр. 240.

[51] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 29—31.

[52] Этот раздел написал по просьбе редакции СА Л. В. Алексеев.

археологии средневековья характеризуется изучением социально-экономической структуры и истории города [53]. По-новому осмысливались письменные источники, а в археологических на первых порах острой надобности не ощущалось. В Белоруссии в 20—30-х годах археологи более всего занимались «ранними» этническими проблемами. На очереди дня стоял вопрос, какие племена жили в Белоруссии в глубокой древности и как они жили. Изучались древности эпохи неолита и раннего железа. Средневековье почти не изучали. Разведки лишь попутно показали, что некоторые феодальные белорусские города (Полоцк, Витебск и др.) выросли из местных древних славянских центров.

Послевоенный период потребовал новых источников по истории Киевской Руси и, прежде всего, по истории древнерусских городов. В Белоруссии этот период начался в 1945 г. обширными и многолетними раскопками белорусской столицы — Минска. На первом этапе раскопок (1945—1951) квалифицированных кадров не хватало, и, несмотря на широкий размах, ощутимых результатов они не дали [54]. Работы возобновились в 1957—1961 гг. Появились новые кадры, выросшие в Белорусской Академии наук; положение круто изменилось и ознаменовалось серьезными исследованиями [55]. Была выяснена топография древнего города, микропланировка и застройка его детинца, характер жизни и занятия населения, изучены конструкции его укреплений. Э. М. Загорульскому удалось установить, что Минск возник первоначально как небольшой пограничный форпост на южных рубежах Полоцкой Земли и лишь в XII—XIII вв. стал сравнительно крупным центром.

Важной вехой в изучении белорусского средневекового города были исследования Н. Н. Воронина в Гродно в 1949 г., продолжившие работы польских археологов И. Иодковского и Зд. Дурчевского. Гродно — небольшой княжеский центр, воздвигнутый на западных рубежах русских земель в начале XI в. Раскопки показали богатую культуру его жителей как в русский, так и в литовский период. Были выявлены фрагменты улиц, мощенных деревом, многочисленных деревянных построек [56], остатки двух разновременных храмов и др.

Археологические работы велись и в древнейшем белорусском городе Полоцке; их возглавляли А. Г. Митрофанов, В. Р. Тарасенко и Г. В. Штыхов, наследовавший материалы своих предшественников. Еще А. Н. Лявданский (1928) установил, что древнейший детинец Полоцка (X в.) располагался не в устье реки Полоты, как предполагалось, а несколько севернее, на самой Полоте, и лишь в конце X в. (может быть, в 980 г.) он был сожжен и перенесен в устье. Г. В. Штыхов проследил в древнейшем детинце следы оборонительных сооружений, изучил их последовательность и определил даты их возведения [57]. Поздний детинец, возникший в конце X в., был значительно обширнее и достигал площади 7 *га*. Г. В. Штыхов полагает, что, подобно многим другим древнерусским городам, Полоцк возник в результате слияния нескольких отдельных поселений и имел, как и Новгород, кончанскую структуру. Впрочем, подтверждения этому ни в письменных, ни в археологических источниках пока в нашем распоряжении нет. Помимо остатков деревянных построек найдены многочисленные изделия местных ремесленников и привозные вещи — янтарь, гребни из самшита, раковина каури и др. В результате анализа стекла (Ю. Л. Ща-

---

[53] А. Л. Хорошкевич. Основные итоги изучения городов XI — первой половины XVII в. Города феодальной России. М., 1966, стр. 38 сл.

[54] В. Р. Тарасенко. Древний Минск. Материалы по археологии БССР. Минск, 1957.

[55] Э. М. Загорульский. Древний Минск. Диссертация.

[56] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, 41, 1954.

[57] Г. В. Штыхаў. Пытанні гістарычнаі тапаграфіі Полацка. Весці АН БССР. Мінск, 1963, 2.

пова) было установлено в Полоцке существование собственного производства, стеклянных браслетов. Многочисленные ремесла Полоцка представлены очень хорошо, особенно литейное дело. Вспомним, что в XII в. здесь жил знаменитый ювелир Лазарь Богша и талантливый зодчий Иоанн. Многие предметы XII в. свидетельствуют о распространении в Полоцке грамотности.

Помимо Полоцка, в Белоруссии многие годы раскапываются другие крупные и мелкие исторические центры. Академия наук БССР ведет работы в Турове, Пинске, Волковыске, начаты раскопки в Витебске, Лукомле, Слуцке, Клецке, Стрешине, Свислочи. Местные музеи раскапывают Волковыск, Слоним, Турийск. Археологи Москвы и Ленинграда уже давно ведут работы в Полоцке, Турове, Новогрудке, Друцке, Мстиславле. Проводились работы и в Браславе.

Новогрудок — столица Черной Руси — оказался весьма интересным и сложным объектом (раскопки Ф. Д. Гуревич). Его детинец, как и окольный город, возникли почти одновременно в конце X — начале XI в. Однако на первом жизнь продолжала существовать до XVI в., а на втором прекратилась в XIII в. По своему характеру детинец ближе к городам северо-западной Руси, наиболее интенсивная жизнь на нем падает на XII—XIII вв. В окольном городе были обнаружены уникальные большие деревянные дома местной знати, стены которых были расписаны фресками; найден разнообразный и богатый инвентарь. Работы на памятнике оказались плодотворными.

Раскопки в Волковыске, начатые еще в 1925 г. польским археологом И. Иодковским, продолжили в 50-х годах Г. И. Пех, В. Р. Тарасенко и П. А. Раппопорт. Возникновению города предшествовало городище-убежище X—XI вв. Потом в полукилометре от него возник детинец и надобность в убежище отпала. Детинец (так называемая Шведская гора) и окольный город были возведены одновременно в XI в., причем детинец был сразу же укреплен, а укрепления окольного города возникли в XII в. Раскопки дали богатый материал по истории города. В окольном городе были обнаружены остатки домонгольской церкви и много предметов, документирующих связи города с другими странами и городами Европы.

В последние годы проводится сравнительное изучение (раскопки Л. В. Алексеева) Друцка и Мстиславля — этих небольших, исторически равновеликих центров Полоцкой и Смоленской Земель, удаленных друг от друга всего на 100 *км*. Друцк расположен в начале пути «из варяг в греки» и возник на рубеже X—XI вв. Здесь, в заселенной с X в. (судя по многочисленным курганам) зоне обитало платежеспособное население, подчинив которое, феодал овладевал важной частью торгового пути. Вокруг детинца вскоре возник укрепленный окольный город, а затем и посад. Раскопки выявили микротопографию города, характер жизни княжеских ремесленников на детинце, наметили торговые связи. Город Мстиславль, расположенный в некотором отдалении от путей сообщения, возник лишь в XII в. на месте небольшого славянского поселка и в домонгольское время такого значения, как Друцк, не имел. В Друцке и Мстиславле были обнаружены улицы, мощеные деревом, остатки деревянных построек домонгольской поры, много орудий труда, украшений и бытовых предметов.

Несомненно, что массовое изучение городов Белоруссии, начавшееся в последние годы, откроет новую страницу в истории образования и развития древнерусских городов.

Значительны достижения белорусской археологии в изучении древнерусской архитектуры. Н. Н. Воронин раскопал и изучил так называемую нижнюю церковь в Гродно. Этот уникальный памятник XII в., имевший мозаичные полы, рухнул в грозу 1183 г. Его стены сохранились на высоту до 4 *м*. Храм весьма своеобразен; его стены, подобно гродненской Коложской церкви, были украшены богатой майоликой. Подобный памятник най-

ден и в окольном городе Волоковыссе, что дает представление о самостоятельной архитектурной школе Гродненского княжества.

М. К. Каргер осуществил археологические исследования архитектурных памятников Полоцка и изучил ранее неизвестный археологам большой храм с притворами-усыпальницами епископов (упоминается в житии Евфросиньи Полоцкой) и открыл еще два домонгольских архитектурных сооружения.

И. М. Хозеров, Н. Н. Воронин и М. К. Каргер исследовали «Бельчицкие руины» — остатки некогда обширного укрепленного монастыря под Полоцком, построенного по соседству с княжеской резиденцией. «Памятники полоцкого зодчества XI—XII вв. ...позволяют воссоздать яркую и самобытную полоцкую школу зодчества, опиравшуюся на устойчивую самостоятельную техническую традицию, сложившуюся здесь в середине XII в.» (М. К. Каргер).

Кроме того, М. К. Каргер изучил домонгольский храм в Новогрудке, где мы видим как бы смешение полоцких и витебских строительных приемов, что имеет большое значение для понимания развития архитектурной мысли Полоцкой Земли. Особый интерес представляют остатки домонгольского храма, открытые тем же исследователем в Турове [58].

* * *

За 50 лет существования Советской Белоруссии проделана большая работа по изучению археологических памятников и получены весьма важные материалы. Однако предстоит еще многое сделать, чтобы продвинуть решение ряда принципиальных проблем: о происхождении славян, об этнической принадлежности носителей культур эпохи бронзы и железного века в Белоруссии; недостаточно разработана хронология ряда памятников; остается слабо изученной чрезвычайно важная проблема происхождения городов и генезиса феодализма; нужно совершенствовать охрану памятников. Одни из этих проблем могут быть разработаны силами белорусских археологов, решение других проблем требует координации с работами археологов из соседних республик.

---

[58] В заключение назовем основные труды по археологии БССР вышедшие в послевоенные годы: Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, МИА, вып. 41, М., 1954; Сб. «Материалы по археологии БССР», Минск, 1957; Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья. М.— Л., 1962; Древности железного века в междуречье Десны и Днепра САИ, вып. Д1—12, М., 1962; Э. М. Загорульский. Древний Минск, Минск, 1963; Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, вып. 108; Э. М. Загорульский. Археология Белоруссии. Минск, 1965; Сб. «Вопросы истории и археологии». Минск, 1966; Сб. «Древновности Белоруссии». Минск, 1966; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966; Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966; О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

Памяти
белорусского археолога —
КОНСТАНТИНА МИХАЙЛОВИЧА
ПОЛИКАРПОВИЧА
посвящаю

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ ДО 60-х ГОДОВ XIX в.

Истории русской археологии должны предшествовать региональные исследования, посвященные ее истории на местах. В краткой статье я пытаюсь проследить развитие археологии и историко-краеведческой мысли в Белоруссии в дворянский период — до 60-х годов XIX в.[1]

Первые документы с упоминанием археологических памятников Белоруссии относятся к XVI в., где они фигурируют как географические понятия[2]. Однако население их всегда выделяло, а тогда еще и помнило первоначальное назначение[3]. Проезжая через Белоруссию и Смоленск в Москву в 1576 г., австрийский посол Даниил фон Бухау удивлялся многочисленности «искусственных возвышений, которые здешние жители называют по своему «курганы» и говорят о них, что это древние гробницы, которым уже несколько сот лет»[4]. Курганы долго обходили при городской застройке, и в XVI—XVII вв. в Полоцке, Витебске, Гродно и других городах еще можно было видеть остатки некогда огромных некрополей, а в Друцке и Лукомле они сохранились и до наших дней[5].

Хронист XVI в. Матвей Стрыйковский первый пытался привлечь археологические памятники как источник: «Еще и теперь,— писал он,— очень много в Литве и в Жмуди мы видим городищ, которые являются явными признаками (литовских.— Л. А.) замков». Одно из таких городищ у Вилии он определял как остатки замка литовского князя Гедруса. Археологические находки помогали М. Стрыйковскому определить места древних битв. Так, пытаясь устранить сомнения М. Меховского и И. Длугоша о местонахождении битвы 1294 г. между Витенем и Казимиром Ленчицким у с. Жукова или у с. Троянова, хронист отмечал, что у с. Троянова в его присутствии были вспаханы «шпоры, три древка от кольев, круглая булава и несколько железок от стрел, сделанных по-старинному...»[6]. М. Стрый-

[1] В существующих работах истории белорусской археологии внимания не уделялось: С. А. Жебелев. Введение в археологию. Пг., 1923; М. Г. Худяков. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933; А. А. Формозов. Очерки русской археологии. М., 1961.

[2] М. Веревкин. Записка об археологических памятниках Витебской губернии. Тр. ВОМПК, стр. 187—224.

[3] И сейчас курганы именуются в Белоруссии особыми терминами: «волотовки», «капцы», «сопки», «французские могилы», «курганы». Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966.

[4] Ф. Аделунг. Древнейшие путешествия иностранцев по России. ЧОИДР, М., 1863, 2, разд. III, стр. 175.

[5] Л. В. Алексеев. Ук. соч.; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, 41, 1954, стр. 17.

[6] Свидетельства об интересе М. Стрыйковского к памятникам древности детально собраны в вышедшем недавно крайне интересном исследовании А. И. Рогова.

ковский отыскивал церкви Ольгерда в Витебске и даже собирал сведения о несохранившихся его постройках. В XVIII в. древностями Белоруссии интересовался В. Н. Татищев, но заключения его были наивны. Зная от одного «знатного дворянина», что в верховьях р. Прони «есть запустелое городище и неколико здания каменного видно», он поместил туда Тмутаракань [7]. В XVIII в. археологические памятники привлекли внимание и белорусских помещиков. К концу века восходят сведения о первых раскопках. В собрание документов Винцентия Меницкого попало письмо последнего польского короля Станислава Августа, датированное 1790 г., к помещику Бжостовскому. Заинтересованный раскопками Бжостовского кургана в его имении Мосар (современная Витебская область), коронованный любитель древностей, просил дополнительных сведений: не найдено ли при скелете, помимо бубенчиков на ремешке, каких-либо еще предметов? Принадлежал ли скелет мужчине или женщине («это может выяснить всякий цирюльник»), находился ли он в гробу и т. д. [8]. Другие помещики рубежа XVIII—XIX вв. также интересовались археологическими древностями. Так, первая находка в коллекции А. С. Плятера относилась к 1800 г.[9]

В 1810 г. известный в будущем историк, а тогда военный инженер — Ф. Е. Нарбутт (рис. 1) [10], был командирован М. Б. Барклаем-де-Толли для возведения укреплений против Наполеона между Могилевом и Рогачевым, где обнаружил много курганов, решился на их пробные раскопки, увлекся этой деятельностью, хотя раскопанные курганы интересных материалов, по его мнению, не дали. Позднее он проводил раскопки под Новогрудком и в своем имении Шавры. Ф. Е. Нарбутту принадлежит первое определение этого рода памятников в Белоруссии, которые он понимал как древние могилы, оставленные каким-то неизвестным народом, жившим «до Русинов» в этих местах [11].

Современники Ф. Е. Нарбутта не относились к археологическим древностям как к источнику познания прошлого. В то время больше интересовались «несомненными» историческими древностями: предметами с надписями — Борисовыми камнями, крестом Евфросинии Полоцкой. К ним обращался и молодой П. И. Кеппен в 1819 г., воспользовавшийся поручением ревизовать почтовые станции Белоруссии для сбора материалов для своей будущей книги [12]. Напрасно было бы искать в дневнике, который вел он и его помощник И. А. Гарижский (специально занимавшийся историей Полоцкой земли), каких-либо сведений об археологических древностях изучаемого края. Не интересовался ими П. И. Кеппен и в свое следующее «ученое путешествие» по Белоруссии в 1821 г.[13]

А. И. Рогов. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (М. Стрыйковский и его хроника). М., 1966, стр. 109, 151—153, 173, 178, 181, 185, 186, 188, 194, 195).

[7] В. Н. Татищев. История Российская. II, М.— Л., 1963, стр. 240.

[8] Wincenty Mienicki. Wykopalisko w Mosarzu. «Wiadomosci numismatyczno-archeologiczne», 1892, 1—2, стр. 285—289.

[9] A. Plater. Ueber alte Gräber und Altertümer in Polnisch-Livland. Riga, 1848, стр. 19.

[10] Федор Ефимович Нарбутт (1784—1864) — историк Литвы и первый археолог Белоруссии. Он был военным инженером русских войск; в 1812 г. вышел в отставку, поселился в своем имении Шавры Лидского уезда Виленской губ. и посвятил себя изучению местных древностей, этнографии и фольклора. Результаты исследований были опубликованы в девятитомном труде в 1835—1841 гг. За причастность к польскому восстанию 1863 г. и за участие в нем сына Муравьев насильно вывез его в Вильно, где он умер.

[11] T. Narbutt. Badanie starozytnosci litewskich. O kurhanach. «Tygodnik Wieleński», VI, 123, Wilno, 1818, стр. 161—168; его же. Pomnijesze pisma historyczne. Wilno, 1856, стр. 4 (есть о раскопках в Шаврах).

[12] П. И. Кеппен. Список русским памятникам. СПб., 1822.

[13] Дневники П. И. Кеппена 1819 и 1821 гг. см. ААНЛ (фонд 30, опись № 1, № 131, 136).

Дальнейшие судьбы белорусской (и русской) археологии должны быть связаны с именем талантливого ученого-самоучки Зориана Доленги Ходаковского, незаслуженно почти забытого нашей наукой (рис. 2). Его первая значительная работа, появившаяся на свет в 1818 г., призывала к изучению нового вида источников — топонимики, фольклора, археологических памятников. Необходимо «хранить случайные довольно частые находки в земле», убеждал он, потом «сосчитать и точно измерить все огромные могилы, пережившие века», снять «планы местностей, особенно выдающихся своей древностью», занести все это «в одну книгу, чтобы получить более отрадное представление о наших предках» [14]. «При обозрении всех насыпей на земле нашей...,— писал он в другом месте,— мы откроем новый свет, который озарял первую эпоху славян» [15]. Покровительствуемый Н. П. Румянцевым, Н. М. Карамзиным и министром просвещения А. Н. Голицыным, получив финансовую поддержку правительства, З. Ходаковский, как известно, вдоль и поперек исходил и изъездил многие русские губернии, составлял карты городищ, курганов, урочищ, собирал топонимический и фольклорный материал. Однако первые результаты огромной работы не удовлетворили царских чиновников и ученых, поддерживавших его ранее и ожидавших гораздо большего; финансирование работ было прекращено [16]. Переписку З. Ходаковского, попавшего в безвыходное финансовое положение, невозможно равнодушно читать [17]. Неутомимая энергия, физические перегрузки, финансовые лишения («без денег целый год»), пережитая душевная травма,

Рис. 1. Ф. Е. Нарбутт

[14] В. А. Францев. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906, стр. 334 сл. Более подробно с деятельностью З. Ходаковского можно ознакомиться в обстоятельной статье А. В. Поппэ: Andrzej Poppe. U źródel postępowej historiografii szlacheckiego rewolucjonizmu: Zorian Dołęga Chodakowski (1784—1825). «Kwartalnik historyczny», Warszawa, 1955, 2, стр. 13—35. Автору этой статьи я обязан указанием на место хранения публикуемого портрета З. Ходаковского (Львовская гос. научная библиотека, кабинет искусства, собрание Павликовского, № 6876).

[15] М. П. Погодин. Историческая система З. Ходаковского. Русский исторический сборник. I, 3, М., 1838, стр. 13.

[16] «Исследования, хотя и любопытны,— значилось в донесении «эксперта» проф. математики (!) Н. И. Фусса от 27 октября 1822 г.,— но польза оных весьма посредственна и отнюдь не такая, чтобы она могла вознаградить значительных издержек на продолжение его путешествия потребных...». «Не лучше ли, как я думаю, употребить столь значительную сумму на предметы более полезные?...». К нашему удивлению, не обнаружил большой дальновидности и Н. М. Карамзин, ранее поддерживавший З. Ходаковского: «Не имею нужды подробно излагать свое мнение о сих плодах его (З. Ходаковского) путешествия,— сухо заключил он 23 декабря 1822 г.,— будучи весьма искренне согласен с мнением одного из членов ученого комитета» (т. е. Н. И. Фусса). (В. А. Францев. Польское славяноведение. Приложение: Переписка З. Ходаковского, стр. CXVII и CLI).

[17] В. А. Францев. Ук. соч.

связанная с бездушием александровской аракчеевщины, и, наконец, внезапная смерть жены — все это подорвало силы сорокалетнего ученого, и он умер через два года, не сделав десятой доли намеченного, почти ничего не опубликовав. Если бы не специальные старания М. П. Погодина, его имя было бы совершенно забыто. Оказав «необыкновенно важные услуги археологии», З. Ходаковский «принялся за это дело преждевременно, когда в крае не была еще сознана потребность этой науки... и как воин, верный своему долгу, пал в бою за него»[18]. З. Ходаковский впервые перенес «систему исследования из письменной области на землю и ее памятники» (М. П. Погодин), увлек энтузиазмом многих других[19]. Его мысль о городищах, в которых он сплошь видел святилища, начала находить частичное подтверждение лишь в наше время[20]. Жизнь и труды этого талантливого самородка ждут специальных разысканий и большого исследования.

Рис. 2. З. Д. Ходаковский

Белоруссия в трудах З. Ходаковского, выходца из этой страны, занимала далеко не последнее место. Здесь он изучал памятники Минщины (например, городище у с. Дороговичи Бобруйского уезда), Могилевщины (городище в Радомле Чаусского уезда), Витебщины (городище Старое Село Витебского уезда и др.)[21]. Он первый, например, указал, что Немига «Слова о полку Игореве» протекает в Минске[22].

Работы З. Ходаковского повысили интерес к археологии и в Западной России. В Вильно в 1823 г. вышел польский перевод статьи Я. Лобойко о древних погребальных памятниках жмуди, где автор впервые знакомил читателей и с западноевропейскими работами о раскопках[23]. Археологическими обследованиями древностей в это время начали увлекаться некоторые помещики и даже просвещенные монахи. Дважды путешествовав-

[18] К. П. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильна, 1865, стр. 13.

[19] М. Макаров. Письмо к редактору. «Вестник Европы», 20, 1820; его же. Другая записка для Доленги Ходаковского. Там же, 23, 1820; А. Боярнин. Городище на р. Саре. «Вестник Европы», 20, 1820. Известно также, что Ходаковский увлек исследованиями даже военного литовского губернатора А. В. Римского-Корсакова, и тот «изволил принять на себя отыскать черту, оканчивающую русско-кривское наречие и литовского диалекта...». М. П. Погодин. Ук. соч., стр. 40.

[20] Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сб.: «По следам древних культур». М., 1953, стр. 108—113; Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, 1, стр. 240; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963.

[21] М. П. Погодин. Древняя русская история до монгольского ига. III, М., 1871; Атлас исторический, географический и археологический; его же. Историческая система Ходаковского..., стр. 50.

[22] М. П. Погодин. Древние Русские княжества. IV, стр. 8, прим. 8.

[23] Jan Loboyko. Groby obrzymie na Zmudzi i inne zabytki starożytności tego kraju. «Dzeinnik Wilenski», II, Wilno, 1823, стр. 145—157.

ший по Белоруссии П. И. Кеппен оба раза упоминает полоцкого базилианина из Бельчиц, некоего Шулакевича, «занимавшегося усердно» местными древностями в окрестностях города и открывшего в Бельчицах фундаменты древнего храма, «придел» которого он демонстрировал всем интересующимся.

Мрачная эпоха царствования Николая I началась в отношении интересующих нас вопросов «высочайшим повелением» от 31 декабря 1826 г. всем губернаторам собирать сведения «об остатках древних замков, крепостей и других зданий древности и чтобы строжайше было запрещено таковые здания разрушать». Однако в следующем году невежественный царь-иезуит сам же разоблачил себя циничным разъяснением: «разрушать их не должно, но и чинить ненужного не надобно, а поддерживать одни ворота или такие здания, в которых есть нужные помещения»[24].

Ненависть царя к Польше, усилившаяся после подавления польского восстания 1831 г., тяжело легла на все так называемые западнорусские земли. После 29-летнего существования был закрыт оплот просвещения в Западном крае — Виленский университет (1832), уничтожались почти все польские газеты и журналы, началась секвестрация польских имуществ. Художественные сокровища польской знати, безостановочно доставлявшиеся в Петербург, лично просматривались Николаем и большей частью уничтожались[25]. Все это не могло не служить стимулом развития патриотических настроений среди польской общественности. Неизбежно повысился интерес к краеведению, к древностям «своих», «литовско-белорусских» земель[26]. Теперь история белорусской археологии тесно связывается с деятельностью кружка виленских ученых и литераторов, состоявшего в основном из бывших профессоров и воспитанников закрытого университета. Историки и археологи Ф. Е. Нарбутт, братья Тышкевичи, А. К. Киркор, этнограф И. Ярошевич, известный беллетрист И. Крашевский, поэт В. Сырокомля — вот далеко неполный список его членов, ревностно приступивших к изучению края. В краеведческой литературе появилось даже руководство к раскопкам[27].

В 1837—1843 гг. Е. П. Тышкевич (рис. 3) систематическими раскопками курганов Логойского графства заложил основы белорусской научной археологии[28]. Объясняя причины, побудившие его впервые обратиться

---

[24] И. Данилов. Правительственные распоряжения относительно отечественных древностей. ВАИИ, VI, СПб., 1886, стр. 17.

[25] Н. Н. Врангель. Искусство и государь Николай Павлович. Пг., 1915, стр. 6.

[26] E. Tyszkiewicz. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847; R. Zienkiewicz. O kurhanach i grodiskach powiatu Oszniańskiego. «Atheneum», V, Warszawa, 1848, стр. 119—128; J. Jaroszewicz. Materialy do statystyki i etnografii Gubernii Grodzieńskiej. Powiat Belski. «Atheneum», VI, Warszawa, 1848, стр. 168—186; Wł. Syrokomle. Mińsk. Teka Wilenska, 1857, 1, стр. 173—232, 2. К этому времени, по-видимому, относится начало деятельности краеведа Матвея Бродовича, перу которого принадлежал обстоятельный труд по истории Полоцкого княжества. К сожалению, труд М. Бродовича до нас не дошел. Бродович умер в 1879 г. в глубокой бедности в Гродно, и весь его громадный архив был продан на макулатуру. (A. Jelski. Notatki z wycieczek po gub. Mińskiej. «Tygodnik Powszechny», 1880, 13, стр. 202, 203). Справка о М. Бродовиче по моей просьбе сделана в Вильнюсе В. В. Даугудисом, которому я выражаю искреннюю признательность.

[27] Руководство к изысканию древностей в Западной Руси. «Виленские Губернские Ведомости», 1846, № 17—19.

[28] Евстафий Пиевич Тышкевич (1814—1873) — основоположник научной археологии в Белоруссии и первый открыватель археологических древностей края; написал ряд археологических и других трудов. Книга по истории, археологии, этнографии и статистике Борисовского уезда (Opisanie powiatu Borysowskiego, Wilno, 1847) «одно из лучших произведений по польско-белорусской этнографии» (А. Н. Пыпин). С 1847 г. он являлся куратором минских гимназий и продолжал занятия археологией, написав еще одну книгу о раскопках, рисунки вещей из которых издал на отдельных таблицах (E. Tyszkiewicz. Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów stuki zemiosl i t. d. w dawnej Litwie i Rusei Litewskie. Wilno, 1850).

В основанном им и его братом Константином Виленском музее (1856) он занял

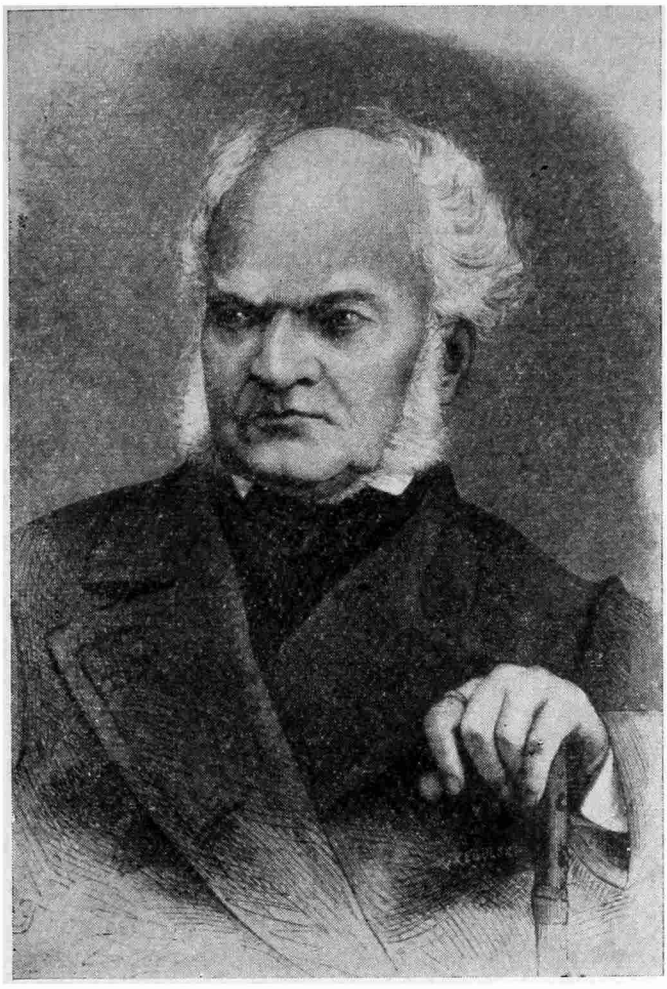


Рис. 3. Е. П. Тышкевич

к раскопкам, Е. П. Тышкевич писал: «Желание выяснить истину и противопоставить ее представлениям простого народа и наивных соседей, внушило мне мысль потревожить места, предназначенные вечному упокоению... Здесь встретилось немало трудностей. Я должен был щедро платить своим же собственным крепостным и работать наравне с ними,— лишь бы они согласились на такой грех». «Только таким образом... удалось раскопать один из самых больших курганов» [29]. Уже тогда Е. П. Тышкевич понял, что раскопанные им в Логойске 11 насыпей содержали не братские могилы воинов, а являлись древними погребениями, как он полагал, «какого-то знатного рода славян» [30]. «Это наш Геркуланум,— восклицал он,

---

пост руководителя и передал туда свои коллекции. После подавления польского восстания 1863 г. и приказа М. Н. Муравьева ревизовать музей (см. ниже), сложил с себя эти обязанности и уехал в Бирже, где и умер в 1873 г. W. Korotyński. Tyszkiewicz Eustachy. Tygodnik Illustrowany, Warszawa, 1873, сер. 2, XII, № 299—301; St. Kunaslewicz. Eustachy hr. Tyszkiewicz. Wspomnienei pósmiertne. Lwów, 1874; St. Krzyżanowski. Eustachy hr. Tyszkiewicz i ego prace. Lwów, 1873. и рец. Giller. «Cazeta narodowa», 1873, № 307.

[29] E. hr. T. Wiadomośc o kurhanach. «Tygòdnik Peterburski», XVI, 94, СПб., 1837, стр. 561, 562.

[30] E. Tyszkiewicz. Rzut oka na zrzodla Archeologii Krajowej. Wilno, 1842; его же. Быстрый взгляд на источники местной археологии или описание некоторых древних памятников, открытых в Западных губерниях Российской империи. «Виленский Вестник», 1843; 21; его же. Opisanie zabytków niektórych starożytnośći,

твердо уверенный в правоте начатого дела,— хоть и возникший не под таким чудным небом, но долженствующий быть для нас еще более драгоценным...» [31].

Важным жизненным делом Е. П. Тышкевича было создание Виленского музея древностей, а при нем Археологической комиссии. Проект этих учреждений был им разработан еще в 1851 г., т. е. за много лет до возникновения музея в таком историческом городе, как Новгород [32]. Некоторая двойственность лаконичной резолюции царя («не вижу препятствия, но с должной разборчивостью!» [33]) позволила местным чиновникам-шовинистам воспрепятствовать прогрессивному начинанию. В специально составленном протесте помощник попечителя Виленского учебного округа П. Н. Батюшков (брат поэта) доказывал, что «Литвы, как термина, законом установленного (sic!) не существует», что «утверждение проекта дает возможность составить антирусскую коалицию» и т. д. [34]. В результате проект был отклонен, и его осуществления Е. П. Тышкевич добился только после смерти Николая I (февраль 1855 г.). Александр II утвердил «Положение о музеуме древностей... в Вильно» 29 апреля 1855 г. Музей и Археологическая комиссия были созданы на личные средства Е. П. Тышкевича и на некоторые частные пожертвования. Проект Е. П. Тышкевича, именуемый теперь «Положением о музеуме», рисует крайне широкие задачи, поставленные перед новым учреждением его основателем [35]. Ядро музея составила обширная коллекция древностей Е. П. Тышкевича, собиравшаяся им всю жизнь, а также часть его личной библиотеки в 3 тысячи томов [36]. Две тысячи предметов представляли самостоятельную археологическую коллекцию, впервые собранную в крае с научными целями и положившую начало большому и важному делу. Ее недостатки стали очевидными только с дальнейшим развитием науки и вряд ли было справедливо много лет спустя инкриминировать их Е. П. Тышкевичу [37]. Виленский музей был открыт 1 января 1856 г. в здании Виленского университета [38]. По «Положению», «Музеум и Комиссию» составляли председатель (Е. П. Тышкевич), вице-председатель (М. Балинский) и члены «в неопределенном числе» «действительные», «почетные» и «члены-сотрудники» [39]. «Программа дей-

---

odkrytych w zachodnich guberniach Cessarstwa rossyiskiego. Przyjaciel Ludu. Leszno, 1843, I, 3, стр. 18—23, 4, стр. 27—30; 5, стр. 39, 40; его же. Badania arvheologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuki i rzemiośl i t. d. w dawnej Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1850.

[31] E. hr. Tyszkiewicz. Wiadomośc o kurhanach...

[32] Новгородский музей был создан по идее местного краеведа Н. Г. Богословского в 60-е годы XIX в. (В. С. Передольский. Новгородские древности. Новгород, 1898, стр. 4).

[33] Ар. Турцевич. Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов, 1864—1906. Вильно, 1906, стр. 67.

[34] П. А. Гильтебрант. О рукописном отделении Виленской публичной библиотеки. Вильно, 1871, стр. 3.

[35] ПСЗ. Собрание второе. XXX, СПб., 1856, ст. 29267, стр. 304—306.

[36] Записки Виленской Археологической комисси. I. Вильно, 1856, стр. 6.

[37] Музей древностей (в Вильне.— *Л. А.*) наполнен первобытными древностями из коллекций графа Е. П. Тышкевича,— писал 33 года спустя известный киевский профессор Н. Петров, «но так как не указаны местонахождения и условия находки, то древности эти не имеют почти никакого научного значения» (Н. Петров. Из путешествия в северо-западный край. «Киевская старина», XXIV, февраль 1889, стр. 475).

[38] И. Данилов. Правительственные распоряжения..., стр. 35. Любопытно отношение самого Е. П. Тышкевича к вынесенным им мытарствам. Открывая через год новый отдел в музее, он говорил, что были люди, «кои в самых благих начинаниях хотели видеть одну злонамеренность.... были и такие, которые по невежеству не понимали истинных целей народного образования..., не доверяли нам... Забудем это!» (ЖМНП, XCIV, апрель, 1857, отд. 7, стр. 30—32).

[39] ПСЗ, стр. 304. Из известных лиц членами Комиссии были Ф. Е. Нарбутт, П. Н. Кукольник (брат поэта), А К. Киркор, К. П. Тышкевич, И. Крашевский и др. (Записки Виленской... комиссии, стр. 8). Почетными членами являлись А. С. Плятер и, очевидно, интересовавшийся древностями, отец братьев К. и Е. Тышкевичей столетний Пий (1758—1858) (ЖМНП, ноябрь, 1858, VII, стр. 93; июнь, VII, стр. 195).

ствий» Комиссии, написанная Е. П. Тышкевичем, предусматривала, что «все предметы древности, отысканные в земле или сохранившиеся другим образом, должны служить верным изображением... жизни древних народов». «Комиссия,— говорилось далее,— должна начать с обозрения успехов, сделанных в Западном крае до сего времени...», «составить подробное руководство... с указанием способов как для отыскания предметов в курганах и вообще в земле находящихся, так равно и сохранения их...», составить указатели всех существующих в Западных губерниях курганов, городищ, разных древних земляных укреплений»... также и «по части архитектуры...». Задача комиссии — в «собирании полных сведений о местах и частных лицах, владеющих памятниками древности...». Предполагалось, что Комиссия займется затем обобщением всего собранного материала, а также будет выявлять и публиковать «независимо от занятий археологией» различный актовый и другой материал. Таков был первый программный документ археологических исследований в Западном крае [40]. Если бы Комиссии была дана возможность выполнить все предначертанное ее основателем, археология в Западном крае шагнула бы далеко вперед.

Рис. 4. К. П. Тышкевич

Деятельность Виленской Археологической комиссии падает на 1855—1865 гг. Она объединяла лиц, интересующихся местным краеведением, проводила раскопки, выдавала разрешения на них, собирала и изучала древности в самом широком смысле этого слова. На ее заседаниях, проводившихся крайне торжественно, читались рефераты, главным образом по местному краеведению, решались организационные вопросы и т. д. На годичных собраниях зачитывались подробные отчеты о деятельности Комиссии, статистическая часть которых позволяет судить, как постепенно росла ее популярность — увеличивалось количество ее членов, количество пожертвований и т. д. Комиссия издала несколько томов своих «Записок» и ряд краеведческих изданий (по истории Вильно и т. д.) [41].

Брат Е. П. Тышкевича Константин [42] (рис. 4) обратил внимание и на городища. Первая его работа была посвящена именно им [43]. В ней мы встречаем не только описание десяти обследованных городищ, но и пер-

---

[40] Записки Виленской Археологической комиссии, I, стр. 12—17.

[41] Информация о заседаниях Комиссии и о ее деятельности см. в газ. «Виленский Вестник» с 1857 г. (№ 15, 17) по 1865 (№ 26), также 1869 г. (№ 30).

[42] Константин Иневич Тышкевич (1806—1863) — один из основателей белорусской археологии. Начав заниматься раскопками в 30-е годы в своем имении Логойске, создал обширный музей белорусских древностей и ценную библиотеку. Провел ряд исследований по поручению ОЛЕАЭ, нуждавшемся в антропологическом материале, в результате чего в ГИМ попала большая коллекция археологических материалов («Виленский Вестник», 1867, 20). После смерти Тышкевичей часть логойской коллекции попала в руки Г. Х. Татура и была продана.

[43] K. hr. Tyszkiewicz. Wiadomośc historyczna o zamkach, horodyszczad i okopiskach starozytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1859.

вые топографические планы памятников и даже попытки их формальной классификации [44]. Однако раскапывать их еще в голову не приходило. Крупнейшей работой К. П. Тышкевича явилась книга «О курганах в Литве и западной Руси» [45], которая подводила итоги его многолетним раскопкам. Можно понять из этого труда, что в научном формировании К. П. Тышкевича-археолога (как, вероятно, и его брата) главное значение сыграла деятельность З. Ходаковского, западноевропейских и некоторых русских археологов (например, П. С. Савельева). Он много ездил по Европе, знал археологические коллекции музеев и был, по-видимому, в курсе многих животрепещущих вопросов науки. Немало труда им было положено на превращение собственных полевых изысканий в научные исследования. К. П. Тышкевич уделял внимание методике раскопок, которую стремился совершенствовать [46], первый сформулировал конкретную задачу раскопок, при которых напластования должны быть «с точностью рассечены» так, чтобы они «обнаружили верно слои, из коих они сложены» [47]. Ведя детальный дневник полевых исследований, К. П. Тышкевич сделал много верных наблюдений над погребальным обрядом белорусских курганов, многие из которых важны и сейчас (между Березиной, Гайной и Вилией трупосожжения встречаются реже, чем на соседних территориях; в Вилейском уезде и далее вниз по Вилии в курганах изобилуют серпы, т. е. там, как мы понимаем теперь, располагаются литовские памятники и т. д.). Он первый в русской археологии обратил внимание на гончарные клейма курганных горшков, однако действительного значения их не понял [48]. Любопытно, что, не зная хронологических рамок распространения курганного обряда, К. П. Тышкевич считал необходимым избирать для раскопок те курганные группы, о которых «сохранились предания, доказывающие их древность» (например, у с. Гребень Игуменского уезда, Видогощи Минского уезда, Логойска Борисовского уезда) [49]. Любопытны также высказывания К. П. Тышкевича вообще о науке, характеризующие отношение к ней самих исследователей в ее начальной стадии [50]. Последняя его книга носит скорее этнографический характер и археологических сведений содержит мало [51].

---

[44] Древние городища К. П. Тышкевич делил на «укрепленные замки» (мысовые городища, на многих из которых, по его наблюдению, сохранились ямы «от замковых строений»), «жертвенные городища» (городища с валом по периметру площадки), «окопные судилища» (городища, окруженные валом ниже площадки).

[45] К. П. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильно, 1865. Второе дополненное издание: K. Tyszkiewicz. O kurhanach na Litwie i Rusi zachodniej. Berlin, 1868.

[46] Первоначально К. П. Тышкевич раскапывал курганы, «начиная с его края», «снимая последовательно сверху до основания по тонкому слою земли», однако, признав методику А. К. Киркора более совершенной, переключился на нее. (А. К. Киркор вскрывал курганы крестообразной траншеей. К. П. Тышкевич. О курганах..., стр. 16).

[47] Там же, стр. 16.

[48] Там же, стр. 20, 52, 61, 62.

[49] Раскопки курганов в Минской губернии. «Виленский Вестник», 1867, № 20, стр. 78.

[50] Отношение к новой науке у самого исследователя было крайне двойственным: с одной стороны, он понимал, что при раскопках «могил отверзается для нас заря совершенно новых познаний» (О курганах, стр. III), «чтобы... изучить прошедшее мы разрываем могилы...» (там же, стр. 3), что «главнейшее и существенное условие (археологии.— *Л. А.*) состоит в беспрестанном сравнении, посредством которого она... составляет некоторую основу для событий эпохи, не доставившей нам... письменными памятниками» (там же, стр. 109); с другой — в науке археологии, по его мнению, «все без верных данных, создается на догадках более или менее вероятных, все составляет род какой-то гипотезы» (там же, стр. 9). Мысль немецких археологов «определять по горшкам эпоху существования могилы» кажется ему «замысловатым средством», оправдывая сложность и гипотетичность которого, автор добавляет, что «ничего нельзя было придумать лучше в науке столь темной и неопределенной, какова археология» (там же, стр. 65).

[51] K. Tyszkiewicz. Wilija i jej brzegi. Drezno, 1871.

Труды Е. и К. Тышкевичей пробудили, по-видимому, интерес к раскопкам у старшего современника и их двоюродного брата А. С. Плятера, еще ранее собиравшего археологическую коллекцию [52]. А. С. Плятер занимался главным образом естественными науками и копал не так много. В одном из своих сочинений, полезных большим иллюстративным материалом, он, подобно Крузе и Тышкевичам, пытался классифицировать прибалтийские древности на о. Саарема [53]. Он также одним из первых пробовал сравнить погребальные древности Двинского и Минского уездов [54]. Все же в археологическом материале А. С. Плятер разбирался значительно слабее своих кузенов. Литовские погребения с конем, например, он «с достоверностью» объяснял как погребения на поле сражения и т. д. [55]

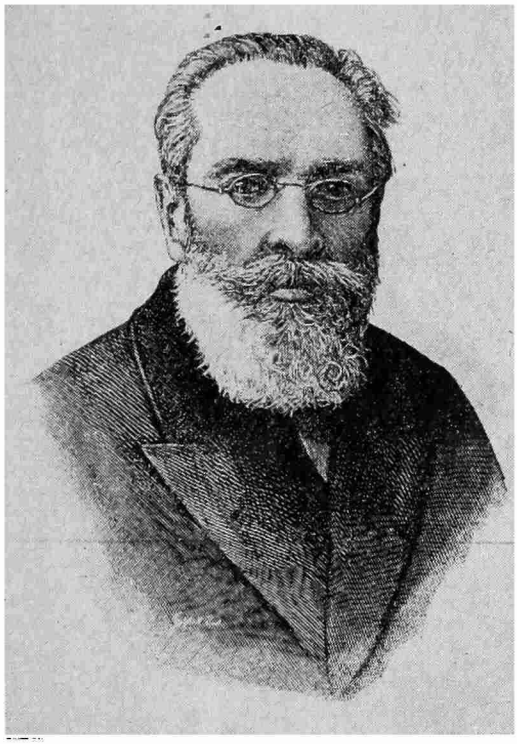


Рис. 5. А. К. Киркор

Специального исследования ждет многогранная деятельность младшего современника Тышкевичей — неутомимого труженика А. К. Киркора (рис. 5) [56]. Он «как бы замыкает собою тот длинный ряд

[52] Адам Степанович Плятер (1790—1862) родился в имении Краславка Витебской губ. Занимался краеведением и археологией (главным образом в западных уездах Витебщины) и создал у себя музей. Опубликовал ряд работ по природным богатствам края и археологии; A. P l a t e r. O dawnich grobach i starozytnościach, odkrytych w Inflantach polskich. «Rubon», I, Wilno, 1845; е г о ж е. Ueber alte Gräber und Altertümer in Polnisch-Livland. Riga, 1848; е г о ж е. O Dynaburskim Starym zamku. «Rubon», III, Wilno, 1943 и др. в этом журнале.

[53] A. P l a t e r. O dawnich...

[54] О древних могилах в Минской губернии и в Литве. «Сын отечества», VI, СПб., 1838, стр. 57, 58 со ссылкой на «Tydódnik Peterburski», который найти не удалось.

[55] Летопись ИАО, извлечение из протоколов заседаний. ИАО, I, 1, СПб., 1859, стр. 28, 29.

[56] Адам Карлович Киркор (1818—1886) — археолог и этнограф Западной Руси, литератор и издатель. Родился в дер. Сливине Мстиславского уезда Могилевской губ. в семье мелкого землевладельца-однодворца. Окончив Могилевскую гимназию и Виленский дворянский институт, получил место секретаря при Виленском губернском правлении. Под влиянием местного знатока древностей М. Гомолицкого начал заниматься археологией. Став членом Виленского статистического комитета, в 1850—1854 гг. редактировал памятные книжки Виленской губернии, где поместил ряд историко-краеведческих статей. Совместно с П. В. Кукольником издал объемистый труд по этнографии литовцев (1854). Входил в Виленский литературно-исторический кружок и был главным помощником Е. Тышкевича в его археологических начинаниях. С 1855 г. являлся консерватором Виленского музея и пополнял его археологические коллекции. После закрытия музея издавал в Петербурге газету «Новое время» (1867—1871), где попытался бороться с последствиями русификаторской политики М. Н. Муравьева в Вильно. В результате вынужден был бросить газету и выехать из России (1871). Остаток жизни А. К. Киркор провел в Кракове, где, несмотря на болезнь и преклонный возраст, продолжал полевые исследования и написал ряд книг по местному краеведению. В 1882 г. издал большое сочинение по археологии и этнографии литовцев и белоруссов («Живописная Россия», III, СПб., 1882). Умер в глубокой бедности. Н. А. Я н ч у к. А. К. Киркор. Некролог. «Древности». XII, М., 1888, стр. 79—107.

бескорыстных и самоотверженных деятелей... который так достойно был начат... Ходаковским и продолжен братьями Тышкевичами» [57]. Круг интересов А. К. Киркора, был необычайно широк, а трудоспособность поразительна. История края и его этнография, статистика и археология, общественная мысль и критика русской литературы — вот темы работ этого исследователя. Занимаясь, кроме того, постоянной издательской и редакционной деятельностью, А. К. Киркор все же ежегодно уделял значительное время «для археологических поисков в разных местах древней Литвы (и Белоруссии — *Л. А.*)» [58], где он раскопал более тысячи курганов, передав сотни вещей в Виленский музей [59]. Как показано С. С. Ланда, возникшие недавно в польской литературе обвинения А. К. Киркора в реакционности взглядов, якобы в неумеренном польском национализме и т. д. основаны на недоразумении [60]. На самом деле он был человек передовых общественных воззрений, со студенческой скамьи интересовался прогрессивной русской литературой (гибель А. С. Пушкина произвела на него удручающее впечатление) [61]. Разделяя идеи В. Г. Белинского, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, А. К. Киркор выступил с «оригинальной концепцией развития русской литературы, которая, несомненно являлась одним из высших достижений польской критической мысли XIX в.» [62]. Дополним соображения С. С. Ланды, что петербургская газета А. К. Киркора «Новое время» (1867—1871), названная в 1872 г. К. Марксом «социалистической», получила в 1868 г. даже «официальное предупреждение» «за резкие неприличные отзывы и суждения о действиях управления в Царстве Польском и Западных губерний», за «постоянно перепечатывающиеся из иностранных газет превратные и даже враждебные толки о высших правительственных лицах и положении дел в нашем отечестве» [63].

В археологических воззрениях А. К. Киркор шел дальше Тышкевичей. Он высказывает, например, первые соображения о датировках раскапываемых им курганов и берет за отправную точку принятие христианства, что произошло, по его мнению, в Западнорусских землях в XI в. Таким образом, «языческие», по убеждению исследователя, курганы Логойской пущи относятся ко времени до XI в. [64] Однако принятие христианства, по мнению А. К. Киркора, не единственный критерий датировок. Курганы у дер. Копачи Ошмянского уезда получили более «точную» дату — 1433 г., так как вблизи их расположения произошла битва Ягайла и Свидригайло (!) [65]. Для определения этноса погребенных А. К. Киркор пытался привлечь погребальный обряд: «система могил убеждает нас,— писал он,— что литовец зарывал дорогие останки своего сочлена глубоко в землю, кри-

---

[57] Н. А. Янчук. А. К. Киркор (некролог). «Киевская старина», июнь — июль, 1887.

[58] В 1859 г., например, А. К. Киркор обследовал и вел раскопки в Минском, Борисовском, Новогрудском уездах Минской губ., в Виленском, Трокском, Ошмянском и Вилейском уездах Виленской губ.

[59] K. Wl. W. «Kirkor Adam». (Encyklopedija Powszechna, XIV, Warszawa, 1863, стр. 702, 703).

[60] С. С. Ланда. А. С. Пушкин в печати Польши в 1949—1954. Пушкин. Исследования и материалы, II, М.— Л., 1956, стр. 445.

[61] П. С. Абрамов. К характеристике читателя пушкинского времени. Пушкин и его современники, XVI, СПб., 1913, стр. 100—104.

[62] С. С. Ланда. Ук. соч., стр. 445.

[63] Маркс — Фридриху Адольфу Зорге в Хобокен. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, письма, т. 33, М., 1964, стр. 395; Материалы о цензуре и печати. II, СПб., 1870, стр. 154; А. В. Никитенко. Дневник. III, М., 1956, стр. 136 и примеч. 149; продолжая традиции А. К. Киркора, газета напечатала в 1872 г. хвалебную передовую о только что вышедшем русском переводе «Капитала» К. Маркса. Облик газеты «Новое время» изменился только с переходом к А. С. Суворину; С. С. Ланда. Ук. соч., примеч. 52.

[64] А. К. Киркор. Археологические разыскания в Виленской губернии. ИРАО, I, СПб., 1859, стр. 17.

[65] Его же. Этнографический взгляд на Виленскую губернию. «Этнографический сборник», 3, СПб., 1858, стр. 184, 185.

вичанин клал их на самой поверхности, насыпав курган сверху, черноруссин укладывал их в середине кургана, литовец сжигал на костре...» [66]. Научные взгляды А. К. Киркора эволюционировали. Если в 50-е годы он туманно представлял назначение археологических памятников, под влиянием Тышкевичей классифицировал их на дохристианские, боевые и жертвенные, не верил в трупосожжение у славян, усматривал в городищах «котлище из насыпанного чернозема» [67], то к концу жизни с развитием науки он уже понимал, что большая часть раскапываемых им литовских курганов относится не только к 800-летней давности, но и к более отдаленной эпохе [68], правильнее представлял назначение городищ (места поселения, убежища, святилища) [69]. В раскопочной методике А. К. Киркор применил метод раскопок курганов крестообразными траншеями.

Конец жизни А. К. Киркора трагичен. Оторванный в Кракове от друзей, в полном одиночестве, ежедневно борясь с нищетой и всегда на пороге голода, он не переставал заниматься археологией в новом для него крае и издавать работы одну за другой. «Плохо живется человеку под старость,— пишет он одному из друзей.— Заработок труден, надежного ничего нет, пособия по Академии не хватает и на поездки...». «Люди подобные Киркору,— писал в некрологе о нем Н. А. Янчук,— пщут не собственной славы, не личной выгоды... Они, правда, не пролагают в науке новых путей, не оставляют после себя капитальных произведений... но зато вся их жизнь — капитальный труд. Это труд черновой, но в высшей степени полезный, потому что на таком труде зиждется последующая наука...» [70].

Успешные исследования этих ученых сделали идею раскопок археологических памятников в 50—60-е годы популярной. «В последнее время нашлось много охотников разрывать, вернее, лучше сказать, портить курганы,— жаловался К. П. Тышкевич.— Неприспособленные и непосвященные в таинства науки, они, конечно, не в состоянии извлечь малейшую пользу из своих изысканий» [71]. Таким дилетантом был, например, Ф. С. Вильчинский, копавший в Белоруссии уже в 30-е годы [72], часто не считавший нужным присутствовать при раскопках [73]. Неудивительно, что курганы с трупосожжением в районе Ушач Витебской губернии он считал пустыми. К 1849 г. коллекция Ф. С. Вильчинского насчитывала 600 «каменных молотов». Другой дилетант и коллекционер учитель Слуцкой гимназии И. К. Гессе, приехав из Пруссии в 30-е годы, в течение 30 лет занимался раскопками окрестных курганов, скупал у крестьян найденные древности и монеты и в результате составил колоссальную коллекцию, оцениваемую специалистами в несколько десятков тысяч рублей [74].

Однако были ученые-любители и другого порядка. Здесь следует подробнее остановиться на деятельности известного историка К. А. Говорско-

---

[66] А. К. Киркор. Археологические разыскания..., стр. 19.

[67] А. К. Киркор. Этнографический взгляд..., стр. 184; К. П. Тышкевич. О курганах..., стр. 11, примечание А. К. Киркора; А. К. Киркор. Археологические разыскания..., стр. 17.

[68] К такому выводу можно было прийти после раскопок восточнолитовских курганов, которые А. К. Киркор неоднократно исследовал. (Ср. А. З. Таутавичус. Восточнолитовские курганы. Тр. ПОКЭ, I, М., 1959, стр. 148, 151, 153).

[69] А. К. Киркор. Белорусское полесье. «Живописная Россия», III, СПб.— М., 1882, стр. 240, 242.

[70] Н. А. Янчук. А. К. Киркор, стр. 27, 28. См. также письмо А. К. Киркора Д. Я. Самоквасову от 8 апр. 1884 г. (Архив ГИМ).

[71] К. П. Тышкевич. О курганах..., стр. 11.

[72] Fr. Wilczyńksi. Wędrówki do gòr Litwy założyciela Ucian. «Tygodnik Peterburski», 1836, CLXXII.

[73] Ф. С. Вильчинский. Археологические поиски в Литве. ЗАНО, II, СПб., 1850, стр. 411, 412.

[74] В. Волчанинов. Нечто по поводу наших курганов. «Виленский Вестник», 1873, 62; Коллекция И. К. Гессе полностью была уничтожена в Слуцке пожаром 1860 г.

го (рис. 6), который детально изучил десять курганов под Полоцком[75]. К. А. Говорский сделал наблюдение, что обгорелые «кости расположены в длину по одному направлению, всегда от востока к западу» и что «из положения костей можно заключить, что трупы возлагаемы были на костер рядом один подле другого, поверх их клали дрова и таким образом тела предавались сожжению», что иногда им «встречались кости, расположенные в два и три яруса, переложенные слоем углей и золы». Эти редкие в то время подробные описания К. А. Говорский сопровождал еще наблюдениями над высотой кургана и количеством погребенных, отмечал, что в «середине» кургана обычно «находились небольшие, грубой работы (очевидно, лепные,— *Л. А.*) глиняные горшечки» и правильно определял их назначение. Наконец, (и что очень важно), он отмечал, что «для сожжения трупов сперва делали более или менее высокую земляную плоскую насыпь», на которой «сожигали труп», «угли и золу потом засыпали землею» [76]. Этот исследователь (как не относиться к нему как к личности) [77] много и успешно занимался белорусскими древностями, и некоторые работы его до сих пор используются советскими учеными[78]. Нападки на него К. П. Тышкевича объясняются, по-видимому, реакционной позицией, занятой К. А. Говорским в его «Вестнике» по польскому вопросу. К сожалению, капитальная работа К. А. Говорского по истории Полоцкой Земли света так и не увидала, и в печать проникли лишь ее небольшие отрывки[79].

Рис. 6. К. А. Говорский

---

[75] Ксенофонт Антонович Говорский (1821—1871) — белорусский историк и издатель крайне реакционного направления. По окончании Петербургской духовной академии (1835) служил преподавателем Полоцкой семинарии, а затем делопроизводителем Витебского статистического комитета. С 1862 г. издавал «Вестник юго-западной и западной России», где прославлял политику М. Н. Муравьева. Автор многих краеведческих трудов.

[76] К. А. Говорский. Поездка 14 сентября 1852 г. из г. Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги. ЗАО, V, СПб., 1853, приложение, стр. 90—92; его же. Археологические разыскания в окрестностях Полоцка. ЗАО, Перечень заседаний, СПб., 1853.

[77] Есть свидетельства, что К. А. Говорский, пользовавшийся и без того покровительством М. Н. Муравьева, заслужил справедливую ненависть ближайшего начальства бесконечными доносами в Петербург, в результате которых был даже смещен ревностный воссоединитель униатов Витебский архиепископ Василий Лужинский (1866) (К. Береза. Из посмертных бумаг Могилевского архиепископа Антония Мартиновского. «Киевская Старина», июнь, 1884, стр. 210—238).

[78] К. А. Говорский. Историческое описание Полоцкого Борисоглебского монастыря, ВитГВ, 1859, № 42—51; Н. Н. Воронин. Бельчицкие руины. «Архитектурное наследство», 6, М., 1956, стр. 6, 7, 9, 17, 18.

[79] К. А. Говорский. Исторические сведения о полотском Софийском соборе с двумя отрывками из неизданной Истории Полоцкой епархии (ВитГВ. 1858, № 39—52); его же. О начале христианства в бывшем Полоцком княжестве и начале учреждения Полоцкой Епархии (отрывок из неизданной истории Полоцкой Епархии), там же, 1859, № 2; его же. О введении римского католицизма в Белоруссии (отры-

Еще более серьезным любителем был, по-видимому, ученик прибалтийского археолога Фр. Крузе — К. И. Шмидт, служивший в 20-е годы в Полоцке, а с 60-х годов заведовавший археологическим отделом Виленского музея. К 1869 г. он раскопал в Гродненской и Ковенской губерниях свыше 100 курганных и бескурганных захоронений [80], материалы которых являлись частью его сравнительно большой коллекции древностей [81].

К. И. Шмидт опубликовал лишь одну работу, посвященную двинским камням [82]. Для нас важно, что к своим раскопкам он подходил не коллекционерски, а серьезно и свою конечную цель видел в выяснении происхождения литовцев [83].

Вторая половина XIX в. ознаменовалась в Литве и Белоруссии крупнейшим польским восстанием 1863 г., подавленным М. Н. Муравьевым. Наступившая следом реакция вскоре обрушилась и на деятелей науки. Из интересующих нас ученых восьмидесятилетний глухой, потерявший в восстании сына Ф. Е. Нарбутт, еще ранее преследовавшийся властями за научно-патриотическую деятельность, теперь был насильно вывезен из своего лидского имения в Вильну, где тут же и умер. А. К. Киркор, в конце восстания был разорен и лишен права издания «Виленского Вестника» [84]. Вскоре новые тяжелые испытания наступили и для основателя виленского музея Е. П. Тышкевича. Это нашумевшее в свое время дело было следствием русификаторской политики М. Н. Муравьева в Западном крае и им же было инспирировано. Виленский музей, ядром которого явилась коллекция Е. П. Тышкевича, несомненно сочувствовавшего восстанию, в котором принимали участие и его родственники [85], был объявлен средоточием полонизма, и для ревизии его коллекций М. Н. Муравьевым была назначена особая комиссия из шести человек (куда входил и Е. П. Тышкевич). Комиссия должна была для консультаций заседать в присутствии, а позднее и под председательством «свиты его величества генерал-майора» А. Д. Столыпина (отца создателя известной крестьянской реформы) [86]. «Дебаты не сохранили спокойствия приличного научным рассуждениям» (А. Н. Пыпин) [87] и проходили в такой форме, что в ряде случаев, сказавшись больным, Е. П. Тышкевич отказывался на них присутствовать. В конце работы комиссии он подал протест, где, отмечая отдельные недостатки в музее, указывал, что при основании его имелись в виду «древности и памятники не польские, но местные, т. е. литовско-русские», что, собирая предметы, он заботился не о том,

---

вок из неизданной истории Полоцкой епархии), там же, 1860, № 15—18. Книга К. А. Говорского, набранная посмертно в 1917 г., должна была выйти с предисловием А. П. Сапунова в I томе «Трудов Витебского церковного историко-археологического общества», но не вышла. М. Цьвькевіч. Западна-руская школа. «Полымя», Менск, 1927, 8, стр. 106, прим. 2.

[80] Я. Ф. Головацкий. Об археологических трудах и исследованиях в северо-западном крае. Тр. I АС, М., 1871, стр. 151.

[81] Э. Вольтер. Археологические коллекции частных лиц в северо-западном крае «Виленский Вестник», 1889, стр. 269.

[82] Я. Ф. Головацкий. Ук. соч.

[83] Там же.

[84] Там же, стр. 253, 254, 275.

[85] А. Ф. Смирнов. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963, стр. 66.

[86] Комиссия состояла из «проверенных» лиц: председатель — виленский попечитель П. П. Корнилов (известный позднее прославлением «муравьевской эпохи»), М. В. Шаховской-Глебов-Стрешнев (автор верноподданического адреса царю), фольклорист П. А. Бессонов, «явившийся в Вильну служить русскому делу» (А. Н. Пыпин), архивариус Н. И. Горбачевский и священник местного собора. См.: Дневник заседаний комиссии для разбора и приведения в известность и надлежащий порядок предметов, находящихся в Виленском музеуме древностей Вильно, 1865.

[87] А. Н. Пыпин. История русской этнографии. IV, СПб., 1892, стр. 117; см. Дневник заседаний комиссии...

чтобы они «представляли только светлые моменты из истории...», но «чтобы они... служили точными снимками с прошедшего на непреложных началах истории». В резком ответе А. Д. Столыпина Е. П. Тышкевич обвинялся в непонимании, «в чем состоит дело русское, неразрывное с делом правительственным» и т. д. В результате Е. П. Тышкевич вышел из состава комиссии, в дальнейших заседаниях участвовать отказался [88] и, в конце концов, снял с себя обязанности попечителя созданного им музея. 256 предметов из экспозиции музея были изъяты, а сам музей передан в ведение Виленского учебного округа. Впрочем, вскоре положение круто изменилось, правда, ненадолго. С очередной переменой местных властей действия комиссии были признаны «ненаучными» и даже «варварскими», и ее «труды» чуть не были сданы в архив [89]. Однако голос разума торжествовал недолго. Еще один новый попечитель Виленского учебного округа — П. Н. Батюшков, вступив в должность, продолжил муравьевское дело и потребовал немедленного изъятия из музея всех 256 предметов и передачи их в Румянцевский музей [90]. Разгром виленского музея «Муравьевым-вешателем» был новым последовательным реакционным актом царского произвола в западнорусских землях.

«Не будем думать,— писал А. Н. Пыпин, абсолютно справедливо оценивая скандал в Вильне,— что польские основатели музея были какие-нибудь радикалы, которые со злонамеренной тенденцией хотели удалить из музея ...след русской старины: напротив, это были местные патриоты, ... далеко не чуждавшиеся русской науки: граф Тышкевич принимал участие в работах Московского археологического общества..., Киркор доставлял свои труды в Географическое общество в Петербурге... Труды писателей этого круга долго служили для русских исследователей полезным руководством в изучении западнорусской старины» [91].

Сожалеем, что несправедливые упреки Е. П. Тышкевича и А. К. Киркора в неумеренном польском национализме иногда повторяются местными историками и теперь [92].

Оживление общественно-культурной и научной жизни, охватившее Россию в эпоху падения крепостного строя, крымского поражения, смерти Николая I и польского восстания в 50—60-е годы XIX в., сказалось и на повышении интереса к местным древностям и археологии. После раскопок Е. П. и К. П. Тышкевичей и других вышеназванных исследователей археологические памятники начинают твердо входить в издания по истории Белоруссии. Уже М. О. Без-Корнилович, написавший первый труд на эту тему, отмечал, что курганы отражают события белорусской истории и сожалел о малом количестве их раскопок [93], а О. Турчинович прямо начал свою книгу с белорусских курганов и подробно описал их исследования Ф. Е. Нарбуттом [94].

---

[88] Протест Е. П. Тышкевича показывает, каким неквалифицированным был, по-видимому, состав комиссии и как предвзято она относилась к его коллекции. В изъятые польские вещи, например, попали даже скульптуры, восхваляющие царизм, но сделанные поляками, например, портрет генерала Коссаковского был изъят за его польскую фамилию, хотя он был повешен в 1794 г. в Вильне за приверженность Екатерине II, и даже были изъяты знаки массонских лож (!) (см. Дневник заседаний комиссии..., стр. 50, 51).

[89] М. И. Г. «Помпей Николаевич Батюшков». «Русская старина», 1887, V, стр. 554, 555.

[90] Там же, а также: Виленский музей. «Виленский Вестник», 1868, № 98, стр. 389, 390.

[91] А. Н. Пыпин. «История русской этнографии», СПб., 1892, IV, стр. 114.

[92] В. Н. Перцев. «Историография Белоруссии». В кн. «Очерки истории исторической науки в СССР», II, М., 1960, стр. 717.

[93] М. О. Без-Корнилович. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. СПб., 1855, стр. 19.

[94] О. Турчинович. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857, стр. 2, 3, примеч. 5.

Несомненно положительную роль в изучении местных древностей в 60-е годы сыграли преобразование в России местных статистических комитетов, а в западнорусских губерниях и создание Виленской археографической комиссии. Специальным положением 1861 г. были расширены материальная база и круг деятельности местных статистических комитетов, которым вменялось теперь в обязанности изучать «быт, производительные силы и местные потребности губерний» и рекомендовались занятия научными исследованиями в крае. По «Циркулярному предложению министра внутренних дел», «ищущий» место секретаря комитета должен был иметь не только высшее образование, но и зарекомендовать себя «на деле любовью к статистическим работам» [95]. «Губернские Ведомости», введенные Д. Н. Блудовым в 1838 г. с целью «приучать к гласности в стране молчания и немоты» (А. И. Герцен) [96], для «Неофициальной части» которых редакторы еще недавно затруднялись найти соответствующий материал [97], теперь все чаще помещают не только статистические, но и исторические и археологические сведения [98]. Больше того, многие книги, выходившие в местных издательствах, в действительности являлись оттисками из «Губернских Ведомостей» (где они иногда печатались с продолжением годами) [99] или перепечатывали их статьи. Так поступали и в «Виленском Вестнике», переходившем из рук в руки, но неизменно помещавшем археологические статьи.

В 1864 г. была создана Виленская археографическая комиссия [100]. Если дело публикации белорусских памятников письменности, начатое И. И. Григоровичем (1824) [101] по инициативе Н. П. Румянцева, двигалось недостаточно интенсивно, то теперь в Вильне возникло учреждение, в задачу которого входило выявление и публикация именно этих памятников. Результаты не замедлили сказаться уже через год изданием актов Гродненского суда (1865), через два года — таких же актов Брестского суда (1867) [102] и т. д. Не менее важными были мероприятия попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова по организации экскурсий в Западно-Русском крае для собирания древностей (1865—1866 гг.), что продолжало в Белоруссии дело известной археографической экспедиции П. М. Строева (1829—1832) [103]. В результате, в Турове в 1865 г. Н. И. Соколов нашел знаменитое Туровское Евангелие XI в. (хранится в Вильнюсе) [104], в Полоцке А. В. Рачинский — в 1866 г. так называемая летопись Авраамки [105]. Наконец, оживление историко-краеведческой деятельности 50—60-х годов следует связывать с появлением новых деятелей в западно-русских землях отчасти местного, а отчасти неместного происхождения. Это поколение было младше первой плеяды в среднем на 15—20 лет. Теперь уже не нужно было выяснить значение археологических источников. На очереди стоял вопрос о их выявлении, регистрации и составлении кар-

---

[95] Н. Бочаров. Об участии губернских статистических комитетов в разработке отечественной археологии. Тр. I АС, I, стр. 125 сл.

[96] А. И. Герцен. Былое и думы. Соб. соч., VIII, М., 1956, стр. 304.

[97] Там же, стр. 305, 306.

[98] См. статьи С. Соколова в Могилевских Губернских Ведомостях (1850, № 49; 1851, № 2, 3, 5, 6, 9, 12, 17; 1858, № 1—4, 6—10, 12), К. А. Говорского в Витебских ГВ (1852, № 32; 1860, № 11, 12); А. М. Сементовского, там же (1863, № 44; 1864, № 28, 29); М. Ф. Кусцинского, там же (1865, № 20), ряда известных лиц в Гродненских ГВ (1865, № 5; 1867, № 29) и других.

[99] Например, К. П. Тышкевич. О курганах...

[100] В. И. Пичета. Белоруссия и Литва. М., 1961, стр. 420; А. Турцевич. Краткий исторический очерк Виленской комиссии по разбору древних актов. 1864—1904, Вильно, 1906.

[101] И. И. Григорович. Белорусский архив древних актов. М., 1824.

[102] Акты Гродненского земского суда. Вильно, 1865; Акты Брестского земского суда. Вильно. 1867 и другие.

[103] В. И. Пичета. Ук. соч., стр. 417.

[104] Н. И. Соколов. Туровское Евангелие XI в. Тр. I АС, стр. 111.

[105] ПСРЛ, XVI, СПб., 1889.

ты. Именно этим начинают заниматься все работающие в области археологии Белоруссии.

Одним из серьезных деятелей этого времени был А. М. Сементовский (рис. 7), приглашенный в Витебск на должность секретаря статистического комитета в 1862 г. в соответствии с постановлениями о преобразовании деятельности комитетов [106]. Лесовод по образованию, человек, обладающий разносторонними краеведческими интересами и неутомимый работник, А. М. Сементовский быстро вошел в интересы окружающей среды ассимилировался с нею и с большой энергией принялся за исследование края [107]. Еще в должности губернского лесничего А. М. Сементовский опубликовал описание лесов Витебщины (1862), а затем, став секретарем комитета (1863 г.), обратился к изучению статистики, истории, археологии и этнографии края [108]. Сам А. М. Сементовский раскопками не занимался и свою задачу видел лишь в регистрации археологических древностей Витебщины. Заинтересовавшись призывом Петербургской археологической комиссии к сбору сведений о памятниках края, он немедленно приступил к их изучению и в том же 1863 г. уже опубликовал результаты работы по Городокскому уезду [109]. Здесь он делил курганы на полевые, кучные и одиночные, описывал курганные группы в Жукове и у самого Городка, а также укрепления XVII в. на озере Езерище. По собственному признанию, им руководило желание «возбудить охоту к собиранию и опубликованию... заметок о... памятниках местной старины, почти на каждом шагу попираемых нашими ногами...». В 1867 г.

Рис. 7. А. М. Сементовский

---

[106] Александр Максимович Сементовский-Курилло (1821—1893) — один из крупнейших краеведов Витебщины. Окончив Нежинский лицей (1840), служил на военной службе, а затем в качестве лесничего в Киевской и Подольской губерниях. В 1862 г. приглашен в Витебщину лесничим, а затем (1863—1882 гг.) являлся секретарем Витебского статистического комитета. Выйдя в отставку (1882 г.) и поселившись в своем имении Рожанщина под Полоцком (Ветринский р-н), всецело занялся историко-археологическим краеведением, издав результаты работы отдельной книгой. А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890.

[107] А. М. Сементовский (некролог). «Виленский Вестник», 1893, № 36.

[108] Среди многочисленных работ А. М. Сементовского укажем относящиеся к археологии: Заметки для археолога. ВитГВ, 1863, № 44; Сведения о земляных памятниках Витебской губернии. ВитГВ, 1864, № 28, 29; Археологическая находка в г. Лепеле и еще памятник старины. ВитГВ, 1865, № 35; Памятники старины Витебской губернии, Витебск, 1867; Человек каменного века Витебской губернии. ВитГВ, 1887, № 13; О смоленском историко-археологическом музее. Там же, 1889, № 74; Вновь открытая в Полоцком уезде на берегу р. Ушачи группа древних курганов. Там же, 1889, № 60; Белорусские древности, СПб., 1890. Ему также принадлежат исторические работы, посвященные отдельным городам, архитектурным памятникам Витебщины (например, Витебск. ПКВитГ на 1864 г.; Полоцкая Софийская церковь. ПКВитГ на 1878 г. Витебск, 1878 и др.), работы по этнографии (Этнографический обзор Витебской губернии. СПб., 1872), статистике и т. д.

[109] А. М. Сементовский. Заметки для археолога. ВитГВ, 1863, № 44, Неофициальная часть, стр. 1, 2.

он опубликовал первую книгу, посвященную археологическим древностям Витебщины, которую впервые в Белоруссии сопровождала археологическая карта. В конце жизни, принимая деятельное участие в подготовке IX Археологического съезда, А. М. Сементовский выпустил эту же книгу, но в значительно дополненном виде, назвав ее «Белорусские древности». Впрочем, написанная в отрыве от современной ему науки, ни новая книга, ни прилагаемая к ней новая карта ученых уже не удовлетворяла и была принята холодно даже в губернии [110].

Шестидесятыми годами XIX в. кончился начальный, «помещичий», этап белорусской археологии, этап научных и методических поисков. Семидесятые годы принесли в науку новую разночинную струю и известную централизацию исследований.

---

[110] См., например, А. М. Сементовский. Некролог. «Виленский Вестник», 1893, № 36, ВитГВ, 1900, № 14.

Ю. А. МОЧАНОВ

БЕЛЬКАЧИНСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА АЛДАНЕ

В последние годы на Алдане открыт ряд археологических памятников, своеобразной чертой которых являются глиняные сосуды с внешней поверхностью, покрытой отпечатками шнура.

Шнуровая керамика, сопровождаемая устойчивыми типами каменных орудий, залегает всегда в определенных стратиграфических условиях. Особенно важно, что она присутствует на всех многослойных стоянках. Шнуровая керамика имеет на Алдане очень широкое распространение. Крайние памятники, на которых она встречается, отстоят друг от друга более чем на две тысячи километров, т. е. они занимают всю долину Алдана.

По условиям залегания шнуровой керамики и сопровождающих ее каменных и костяных орудий («шнурового комплекса») относительно других культурных комплексов алданские стоянки делятся на три группы. Первая группа — стоянки, которые содержат только «шнуровой комплекс» (Еннье, Угино I). Вторая группа — многослойные стоянки, на которых «шнуровой комплекс» залегает в отдельных культурных слоях (Усть-Тимптон, III слой, Сумнагин I, XI—X слои, Белькачи I, IV—V слои, Билир, III слой и Угино, IV слой). Третья группа — стоянки, на которых остатки «шнурового комплекса» залегают в одном слое с остатками других культурных комплексов (Томмот, Сумнагин II, Тумулуур, Алысардаах, Чагда I, Сюрах-Арыы[1], Белькачи II, Усть-Билир II, Усть-Миль II, Усть-Мая, Буор-Хая, Хатынг I и Хатынг II). На этих стоянках часто удается выделить участки, где находки «шнурового комплекса» залегают обособленно, в большинстве случаев вокруг отдельных очагов. Наиболее четко подобная картина наблюдалась на стоянке Алысардаах, где вскрыто 350 $м^2$.

Выделение «шнурового комплекса» из всего археологического материала Алдана в первую очередь ставит вопрос о его конкретном историческом содержании. Для этого необходимо хотя бы вкратце определить состав «шнурового комплекса».

Наибольшее своеобразие этому комплексу придает керамика. Все глиняные сосуды изготовлены способом выколачивания колотушкой, обмотанной шнуром или узким плетеным ремешком. По форме сосудов и элементам орнамента керамика делится на два основных типа.

К первому типу относятся сосуды яйцевидной формы с округлым дном (рис. 1). Венчик, плавно переходящий в тулово, прямой. Хорошо отмученное тесто равномерно обожжено. Толщина стенок варьирует от 0,3 до 0,5 *см*. Венчик почти всегда имеет такую же толщину, как и тулово. Донышко примерно в полтора раза толще тулова. Оно состоит из нескольких слоев, чем достигалась дополнительная прочность этой части сосуда.

---

[1] Н. Б. Якшто. Каменные вещественные памятники на Алдане. ПИДО, 7—8, Л., 1933, стр. 78—79; В. И. Громов. Остатки фауны из культурных слоев с р. Алдана. ПИДО, 1—2, Л., 1934, стр. 14—15.

Отпечатки шнура на внешней поверхности сосудов рельефные и характеризуются относительно правильным вертикальным расположением от венчика к донышку. Они представляют собой «технический» орнамент, связанный со способом изготовления сосудов. Шнуровые отпечатки образуют своеобразный фон, по которому наносился «художественный» [2] орнамент.

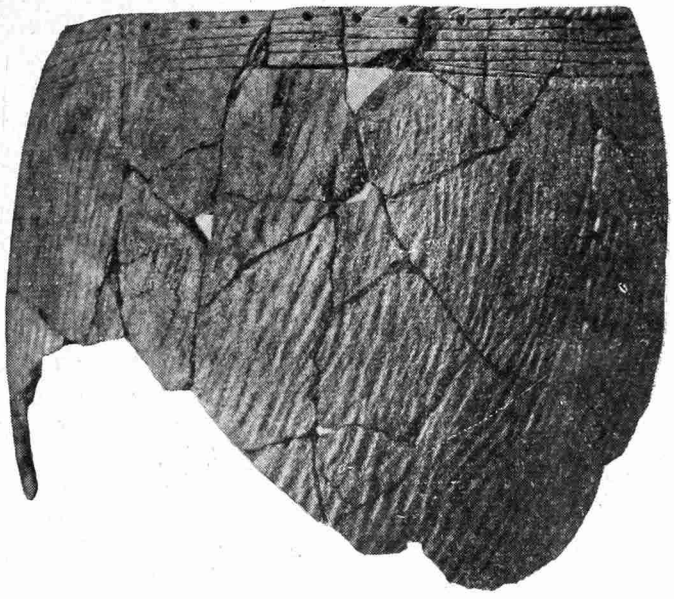


Рис. 1. Глиняный сосуд. Белькачи I

Основным элементом последнего является горизонтальный ряд сквозных округлых дырочек, опоясывающих сосуд под самым венчиком. Часто они дополняются горизонтально прочерченными линиями. Количество их колеблется от одной до шести. Иногда одна из линий, чаще всего первая или вторая сверху, идет прямо по дырочкам, как бы нанизывая их на себя. На единичных сосудах встречается орнамент в виде углов, свисающих вниз от венчиков. Углы образованы двойными резными линиями. Вместе с углами вдоль венчика расположен горизонтальный ряд сквозных дырочек. Орнамент всегда располагается бордюром на примыкающей к венчику части сосуда. Большая часть тулова и дна покрыты только «техническими» шнуровыми отпечатками.

Венчики у некоторых сосудов — плоские. Они несколько шире стенок или равны им. В этих случаях края венчиков не орнаментированы, на них имеются лишь нечеткие, иногда заглаженные, отпечатки шнура. У других сосудов края венчиков ребристые, скошенные наружу и внутрь. Они украшены короткими насечками, образующими елочку. Это украшение придает венчику вид шнура, опоясывающего верхнюю кромку сосуда.

Второй тип сосудов, подобно первому, имеет яйцевидную форму. Отличительной особенностью его является утолщенный налепом венчик. У ряда сосудов налепы отслоились от венчиков. По этим образцам можно представить технику их изготовления. Около венчика сосуда под налепом имеются такие же отпечатки шнура, как и на тулове. Негативные отпечатки шнура четко прослеживаются и на внутренней стороне налепа. Под налепом сосуд имеет сероватый оттенок, тогда как в целом у него желтовато-бурый цвет. Очевидно, сосуд без налепа не обжигался, а некоторое время (достаточное для закрепления шнуровых отпечатков) просыхал.

[2] Называя орнамент «художественным», мы не стремимся лишить его семантического значения. Термин «художественный орнамент» употребляется в данной статье как противопоставление термину «технический орнамент».

Затем на него накладывался налеп, и только после этого сосуд подвергался обжигу.

По форме верхней части сосуда и способу прикрепления к нему налепа шнуровая керамика напоминает якутскую, которая также изготовлялась техникой выколачивания. Для удобства формовки якутский сосуд в верхней части крепился к скрученному из прутьев ободку. После окончательной формовки ободок срезался, а на его место крепился налепной валик[3]. Можно предположить, что подобным образом изготовлялась и шнуровая керамика Алдана.

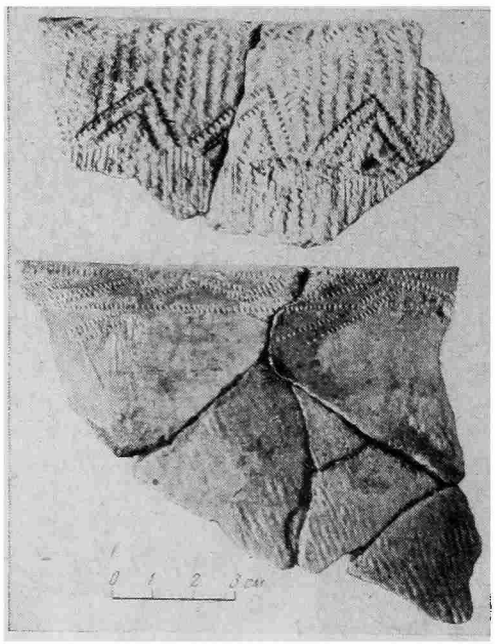


Рис. 2.

1 — керамика со стоянки Сумнагин II; *2* — керамика со стоянки Сумнагин I

По форме налепов сосуды второго типа делятся на два варианта. У первого варианта налепы округло-выпуклые с сегментовидным поперечным сечением (рис. 2, *2*; 3, *1—3*, *7*), у второго варианта налепы плоские с клиновидным поперечным сечением (рис. 2, *1*; 3, *4—6*, *8*).

Налепы сосудов первого варианта не имеют отпечатков шнура и чаще всего орнаментированы зубчатым штампом. Зубчатые отпечатки расположены либо горизонтально несколькими параллельными рядами, либо под углом друг к другу. Такие же отпечатки имеются и на венчике. На единичных экземплярах под венчиком по налепу расположен ряд сквозных дыр и наклонных отпечатков зубчатого штампа. Налепы всегда плавно соединяются не только с венчиком, но и с туловом сосуда. Это достигалось заглаживанием нижней части налепа зубчатой лопаточкой, следы которой поверх шнуровых отпечатков хорошо видны в верхней части тулова (рис. 3, 2, *7*). За счет округлого налепа венчики несколько выступают над туловом, а у единичных экземпляров сосудов первого варианта слегка намечается небольшая шейка.

Налепы у второго варианта сосудов почти всегда имеют такие же отпечатки шнура, как и на туловых. Часто нижняя часть налепа не плавно переходит в тулово, а нависает над ним небольшим карнизом (рис. 3, *4*). В этих случаях венчик, образованный в основном налепом, плоский и почти вдвое толще стенок. На нем, как правило, сделаны наклонные отпечатки зубчатого штампа. Изредка венчик бывает либо гладким, либо покрытым отпечатками шнура. Орнамент на сосудах второго варианта иногда состоит из горизонтальных рядов дырочек или в сочетании с прочерченными горизонтальными линиями. На одном сосуде от дырочек вниз спускаются наклонные резные линии, образующие прерывистый зигзаг. Распространенным типом орнамента являются параллельные горизонтальные линии, нанесенные зубчатой лопаточкой (рис. 3, *5*, *6*). Количество линий колеблется от пяти до девяти. Они всегда расположены на гладком без следов шнура налепе. Нижняя часть его заглажена зубчатой лопаточкой и плавно переходит в тулово. Бортики этих сосудов украшают либо отпечатки шнура, либо наклонные отпечатки зубчатого штампа.

[3] В. И. Подгорбунский. Заметки по изучению гончарства у якутов. «Сибирская живая старина», VII, Иркутск, 1928.

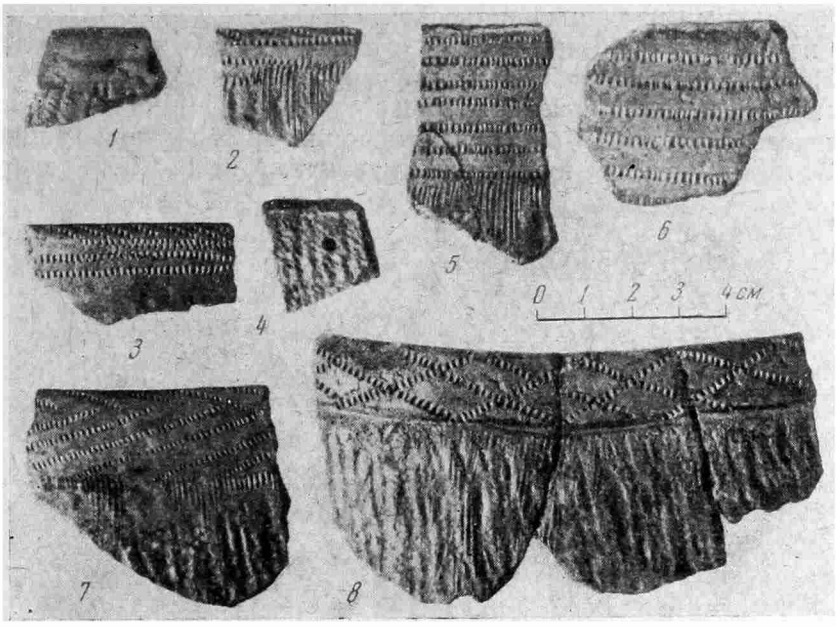


Рис. 3. Керамика. Белькачи I

В одном случае сосуд был орнаментирован зигзагом из сдвоенных зубчатых отпечатков. Он расположен на широком налепе, покрытом шнуровыми оттисками (рис. 2, *1*). Сосуд, у которого по гладкому налепу зубчатым штампом нанесена решетка с крупными ромбическими ячейками (рис. 3, *8*), является редким. Некоторые сосуды второго варианта не имеют никакого орнамента, и только отдельные из них украшены по венчику косыми зубчатыми насечками.

Несмотря на некоторые различия, оба типа сосудов представляют собой единый керамический комплекс. Они залегают вместе на одних и тех же стоянках, в одних и тех же культурных слоях. На Алдане оба типа шнуровой керамики не имеют ни хронологического, ни территориального разграничения.

На всех стоянках, содержащих шнуровую керамику, встречается большое количество каменных орудий. Для изготовления их употреблялись кремень, халцедон, глинисто-кремнистый сланец, диабаз, и другие породы.

Характерными типами каменных орудий, придающими своеобразие «шнуровому комплексу», являются следующие: пришлифованные ступенчатые тесла (рис. 4); оббитые тесла с ушками (рис.

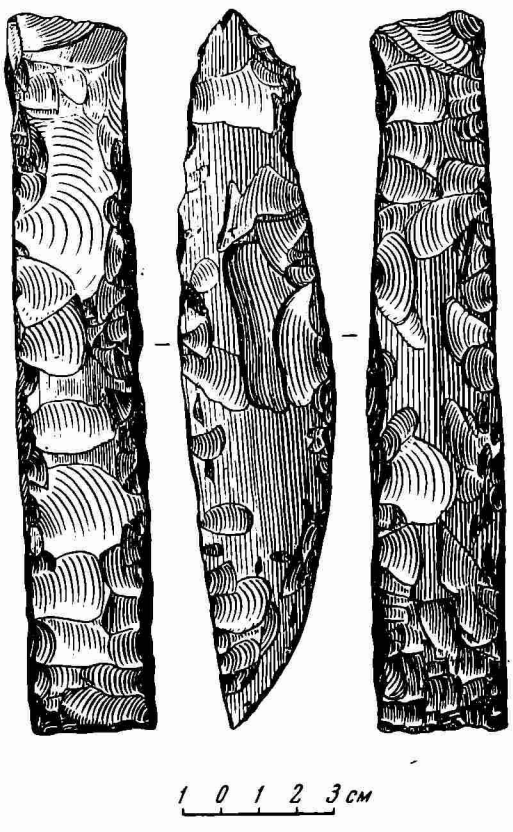


Рис. 4. Ступенчатое тесло. Белькачи I

5); мотыговидные орудия скрипкообразной формы; двусторонне ретушированные небольшие кремневые тесла с одним или двумя противолежащими лезвиями (рис. 6); долотовидные микроорудия из пластинок с лезвием на поперечном крае, сделанные отжимной ретушью со спинки на брюшко (рис. 7, *9*); двусторонне обработанные долотовидные микроорудия с уплощенным основанием для удобства крепления в рукоятке (рис. 8, *15*). У некоторых из

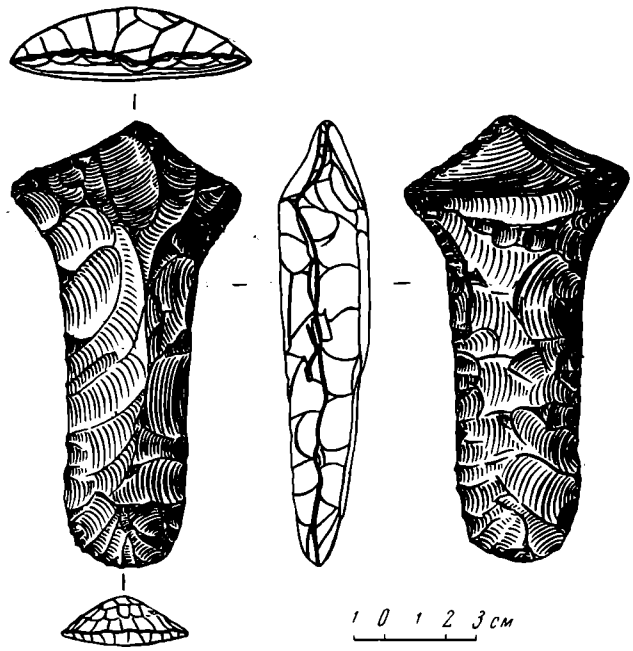


Рис. 5. Тесло с ушками. Сумнагин II

этих орудий удлиненное узкое лезвие отделено от тулова небольшими плечиками. Клювовидные комбинированные орудия, употреблявшиеся как острия, ножи и скребки (рис. 8, *16, 17, 20—23*). Удлиненное клювовидное острие у них иногда отделялось от остальной части орудия небольшими выступами-ушками (рис. 8, *17, 20*). Концевые скребки с выступами-ушками по краям лезвия (рис. 6, *8*). Многофасеточные резцы-дрили с нуклевидными или двусторонне обработанными уплощенными рукоятками (рис. 7, *12, 13*). Двусторонние ретушированные ножи с выступом для подвешивания (рис. 7, *1*). Острия с притупленным краем (рис. 7, *19*; *8*, *25*). Треугольные наконечники стрел с асимметричными жальцами в основании (рис. 8, *1*, *2*), обработанные ретушью с двух сторон; некоторые экземпляры очень мелкие и имеют по одному жальцу (рис. 7, *14*, *15*). Иволистые наконечники стрел с овально-выпуклым основанием и ромбовидным поперечным сечением, ретушированные с обеих сторон. На большинстве наконечников ретушь расположена диагонально по отношению к продольной оси орудия (рис. 7, *18*). Подтреугольные комбинированные орудия типа нож-скребок (рис. 7, *20*). Их отдельные экземпляры дополнительно снабжены резцовым лезвием. Острия из пластинок с выемчатым лезвием на поперечном крае пластины (рис. 7, *4*, *5*).

Перечисленные орудия постоянно сопровождаются большим количеством боковых и угловых резцов (рис. 8, *8—12*). Угловые резцы часто представлены микроэкземплярами и своеобразными угловыми резцами из пластин с диагональными резцовыми сколами, напоминающими боковые резцы типа «арая».

Часто встречаются вкладыши из пластин с одним обработанным продольным краем (рис. 7, *7*, *8*), проколки и острия из пластин, долотовидные орудия из отщепов, грузила для рыболовных сетей (рис. 9, *6*), вкладыши

и обломки шлифованных ножей с вогнутым лезвием и притупленным противоположным краем, обработанные с обеих сторон.

Набор костяных орудий в основном состоит из шлифованных острий, шильев и проколок, а также основ для вкладышевых орудий (рис. 9, *1—4*).

На стоянках, содержащих «шнуровой комплекс», найдено большое количество костей животных, главным образом лося, немного медведя, северного оленя и косули. Иногда встречаются кости водоплавающей и боровой птицы и рыб [4].

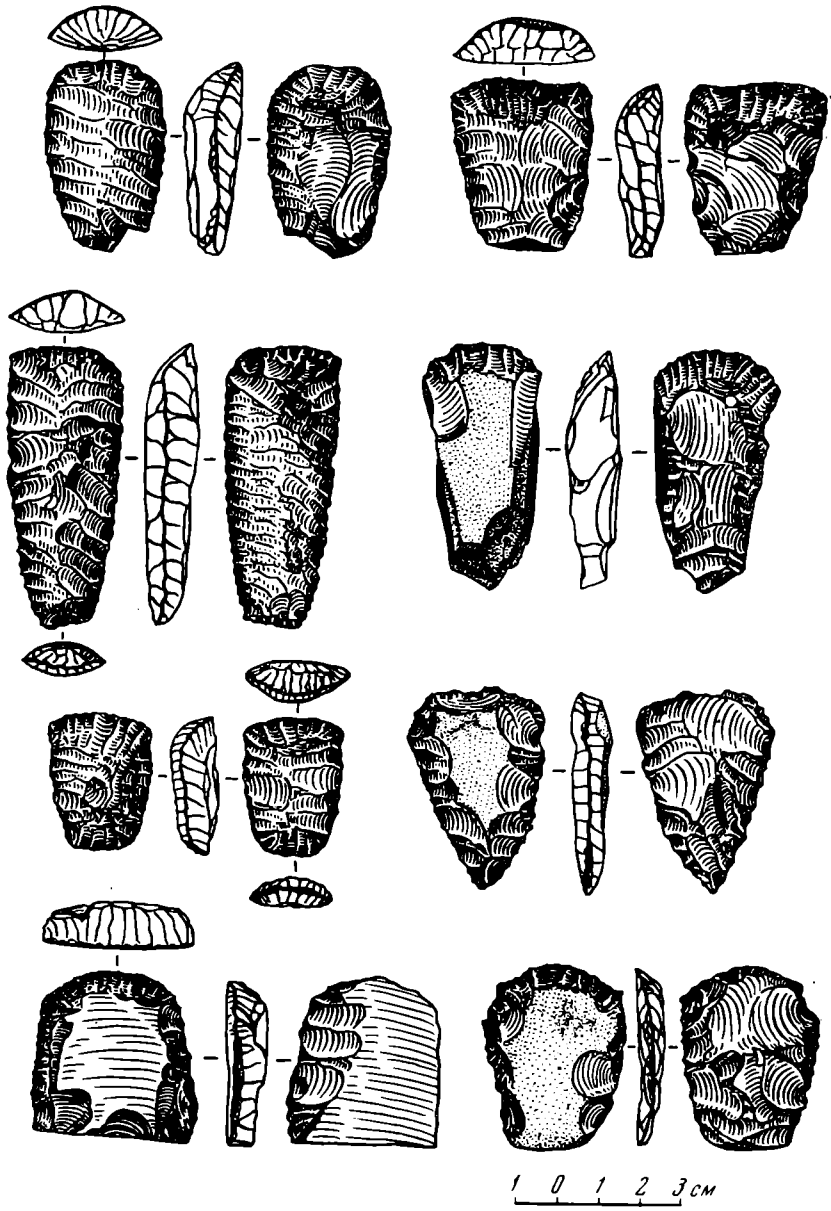


Рис. 6. Каменные орудия. Белькачи I

Набор орудий, остатки фауны и расположение стоянок на припустьевых мысах притоков Алдана, богатых зверем и рыбой, свидетельствуют, что основой хозяйства носителей «шнурового комплекса» была охота, дополняемая рыболовством. Судя по распространению находок в слое вокруг

[4] Определение О. В. Егорова, старшего научного сотрудника Института биологии Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР.

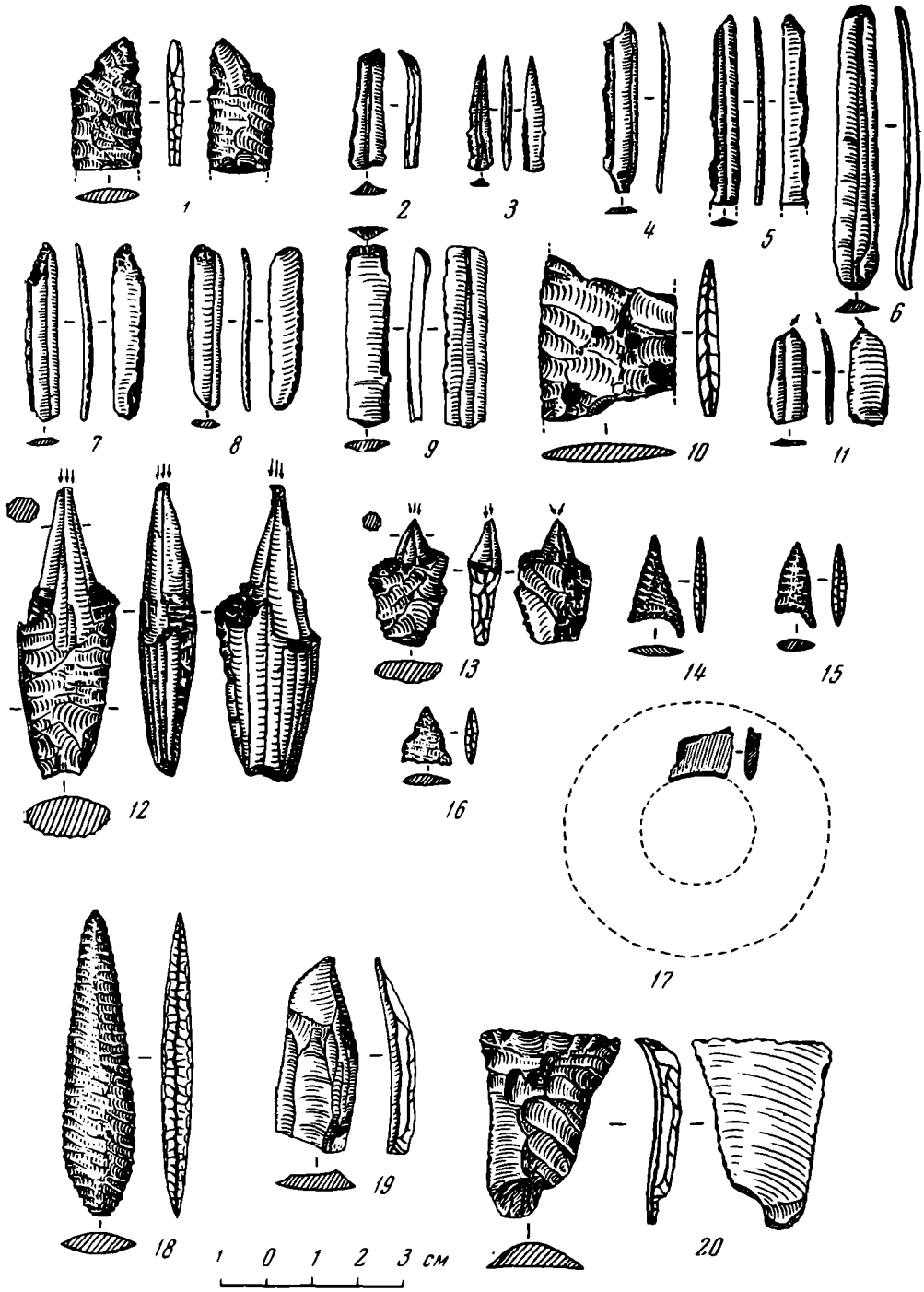


Рис 7. Каменные орудия

1—13, 16—20 — Белькачи I; *14, 15* — Сумнагин I

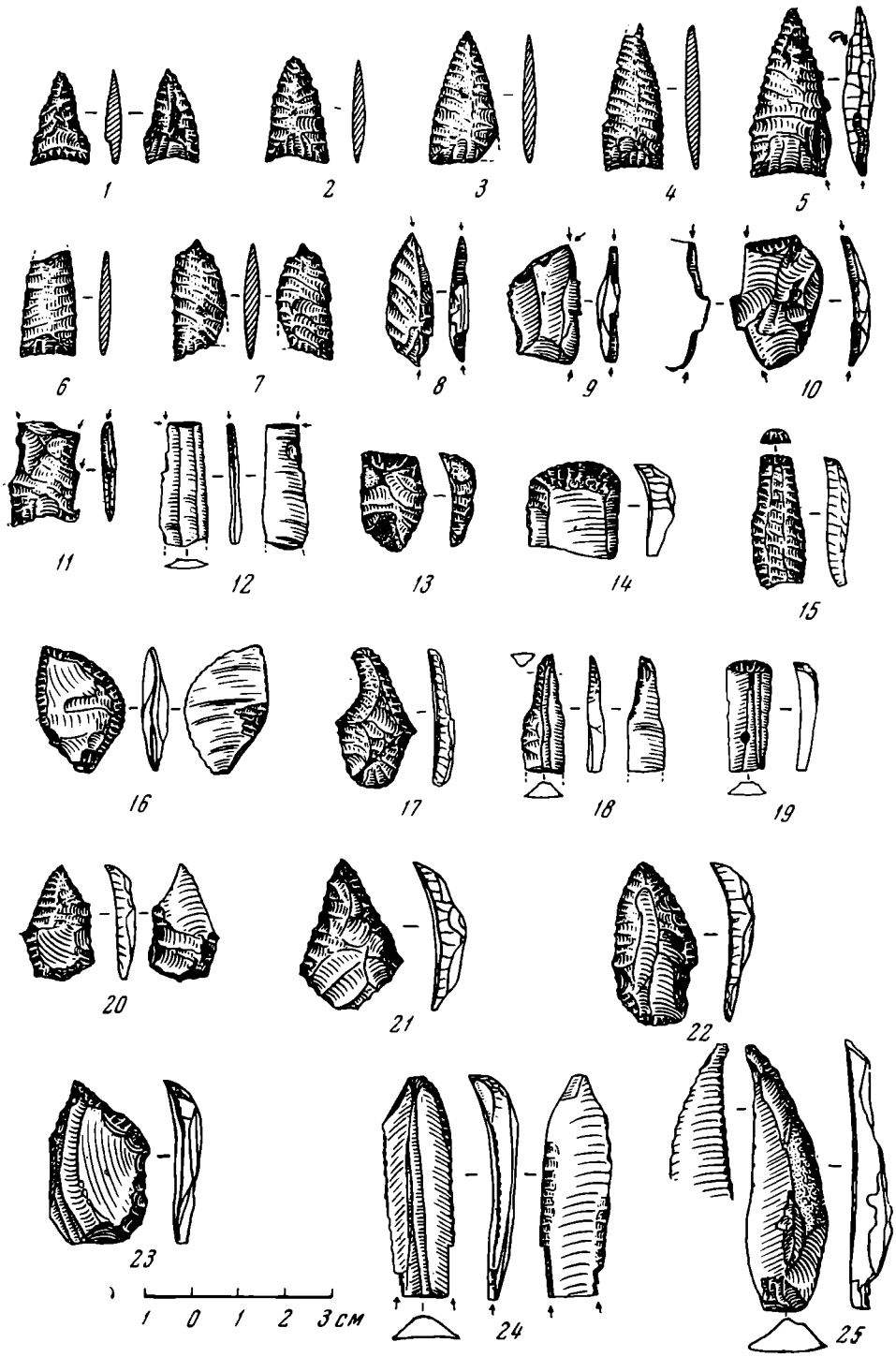


Рис. 8. Каменные орудия. Белькачи I

выложенных гальками очагов и отсутствию каких-либо следов долговременных построек, население жило в наземных жилищах, быть может, типа чумов.

Для датировки «шнурового комплекса» и определения его места в древней истории долины Алдана основополагающее значение имеет стратиграфия многослойных стоянок. «Шнуровой комплекс» на большинстве

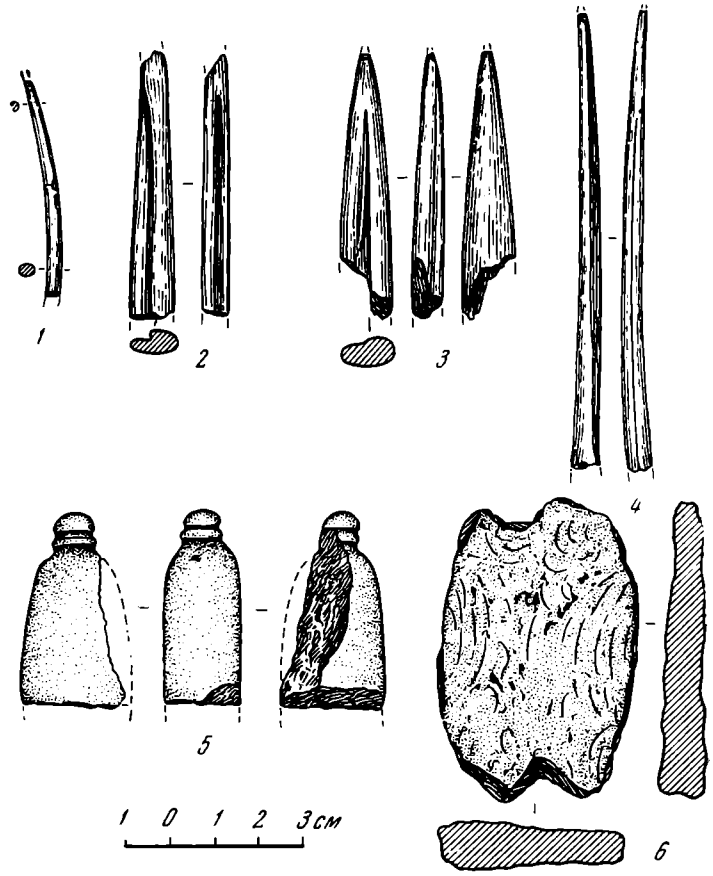


Рис. 9. Каменные и костяные орудия. Белькачи I

многослойных стоянок залегает между культурными слоями раннего и позднего неолита. Только на стоянке Усть-Тимптон он лежит между слоями позднего палеолита и позднего неолита. Ранненеолитические остатки на этой стоянке (в раскопанной ее части) не обнаружены. Но, судя по геологическим условиям, между образованием позднепалеолитических слоев и слоя, содержащего остатки «шнурового комплекса», прошло довольно значительное время.

Четкое стратиграфическое положение «шнурового комплекса» дает возможность отнести его к средней поре алданского неолита. Нижняя граница «шнурового комплекса» определяется верхней границей раннего неолита, т. е концом IV — началом III тысячелетий до н. э.[5]. Верхняя граница определяется нижней границей позднего неолита — началом II тысячелетия до н. э.

Подкрепляют эту датировку и некоторые аналогии с археологическими материалами смежных территорий. Так, например, в археологической литературе считается общепринятым относить неолитические памятники Сибири, содержащие топоры и тесла с ушками, к III тысячелетию до н. э.[6].

[5] Ю. А. Мочанов. Ранний неолит Алдана. СА, 1966, 2.

[6] А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, I; В. Н. Чернецов. К вопросу об эт-

Этим временем датируют и ступенчатые тесла[7]. Возраст ангарских памятников, в которых встречаются подтреугольные наконечники стрел с асимметричными жальцами в основании, определен IV—III тысячелетиями до н. э.[8]. Культурный комплекс Натвакруак (Natvakruak complex), выделенный на археологических материалах Северной Аляски, датируется IV — II тысячелетиями до н. э.[9]. Характерными элементами этого комплекса являются своеобразные клювовидные острия, иволистые наконечники стрел и многие другие сходные с алданскими типы орудий. Не противоречат отнесению «шнурового комплекса» к III тысячелетию до н. э. все остальные свойственные ему элементы.

При сравнении «шнурового комплекса» с материалами раннего неолита Алдана наблюдается много общего. Одинаковым остается и образ жизни населения. Для обоих комплексов характерна техника отделения ножевидных пластин от призматических нуклеусов, вкладыши, проколки, концевые микроскребки и угловые резцы из пластинок, многофасеточные резцы с нуклевидными рукоятками, долотовидные орудия из отщепов, концевые скребки с ушками, рыболовные грузила из галек с оббитыми выемками для крепления, шлифованные костяные иглы, шилья, острия и основы для вкладышевых орудий. Можно сказать, что большинство каменных и костяных орудий, бытовавших в раннем неолите Алдана, остается характерным и для «шнурового комплекса».

Общие черты прослеживаются в форме сосудов и элементах орнамента сетчатой и шнуровой керамики. В обоих случаях форма сосудов яйцевидная, с округлым дном. Особенно близки к ранненеолитическим шнуровые сосуды первого типа. У них такой же прямой венчик, в подавляющем большинстве случаев орнаментированный дырочками. Большое сходство в орнаментике обнаруживают и сосуды второго типа. Это прежде всего выражается в широком употреблении зубчатых оттисков на венчиках. Даже такой усложненный орнамент, как решетка под венчиком из зубчатых отпечатков, находит аналогию на самых поздних сосудах раннего неолита.

Но наряду с чертами сходства между сетчатой и шнуровой керамикой наблюдаются и значительные отличия. Главным образом они выражаются в различной технике изготовления сосудов. Ранненеолитическая керамика изготовлялась способом лепки при помощи сетки-плетенки. Сменившая ее керамика изготовлялась выколачиванием колотушкой, обмотанной шнуром. Соответственно древняя керамика целиком покрыта отпечатками сетки-плетенки, а новая керамика — отпечатками шнура. Не менее своеобразным элементом шнуровой керамики является и утолщенный налепом венчик. Но основное отличие заключается в том, что шнуровая керамика качеством значительно превосходила керамику раннего неолита.

Обогащается в сравнении с ранним неолитом и набор каменных орудий. Появляются новые типы орудий: ступенчатые и желобчатые тесла, тесла с ушками, клювовидные острия, «кнопчатые» ножи, ретушированные с двух сторон вкладыши, наконечники стрел иволистой формы и подтреугольные наконечники с асимметричными жальцами.

При сопоставлении «шнурового комплекса» с предшествующим важно отметить, что почти все изменения в материальной культуре населения бассейна Алдана III тысячелетия до н. э. характеризуют определенное, но еще недостаточное для смены хозяйства развитие производительных сил.

ническом субстрате в циркум-полярной культуре. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964; С. А. Федосеева. Древние культуры Верхнего Вилюя. Автореф. канд. дис., Новосибирск, 1964, стр. 10—17.

[7] А. П. Окладников. История Якутской АССР. I, Л.— М., 1955, стр. 78—79; С. А. Федосеева. Ук. соч.

[8] А. П Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, I—II. МИА, 18, 1950.

[9] S. M. Campbell. Cultural Succession at Anaktuvuk Pass. Arctic Alaska. Arctic Institute of North America, Technical paper. 11, 1962, стр. 44.

Опираясь на известные пока факты, можно предположить, что «шнуровой комплекс» возник в результате автохтонного развития ранненеолитического населения Якутии, ускоренного взаимными контактами с населением смежных областей.

Такое предположение, с одной стороны, подкрепляется явной преемственностью многих элементов «шнурового комплекса» от элементов ранненеолитического комплекса. С другой стороны, прямо выводить шнуровой комплекс откуда-нибудь извне не представляется возможным, так как нигде не обнаружены археологические памятники, материалы которых повторяли бы в основных чертах выделенный на Алдане «шнуровой комплекс».

Отдельные элементы «шнурового комплекса», не имеющие аналогий в раннем неолите Алдана, встречаются в ряде районов Северо-Восточной Азии, но они нигде не составляют единого целого. Они как бы рассеяны по разным территориям.

Некоторые элементы «шнурового комплекса» встречаются только к западу от Алдана, тогда как другие, наоборот, только к востоку от него. Так, например, топоры и тесла с ушками встречаются в Прибайкалье, на Вилюе, в бассейне Енисея и дальше до Урала [10]. Впервые их распространение проследил Г. Ф. Дебец. «Кнопчатые» ножи бытуют только в Тихоокеанской зоне — в Японии [11], Приморье, на Сахалине, Камчатке, Аляске [12].

Ступенчатые тесла в Прибайкалье встречаются очень редко и всегда тяготеют к верховьям Лены [13]. На Амуре они также редки и нигде не являются ведущими типами рубящих орудий [14]. Крайние западные находки ступенчатых тесел сделаны в верховьях Вилюя [15]. Мотыговидные орудия скрипкообразной формы широко распространены в Северном Китае и Японии [16]. Изредка встречаются они на Амуре [17], но совершенно неизвестны в Забайкалье и Прибайкалье. Многофасеточные резцы с нуклевидными или ретушированными рукоятками типичны для Прибайкалья и Вилюя, но к востоку от Байкала далеко не распространяются [18].

Особенно интересен вопрос о происхождении шнуровой керамики Алдана. Керамика с отпечатками шнура встречается в Японии [19], на Сахалине [20], в Забайкалье [21], на Ангаре [22], Амуре [23], Зее [24], Амгуни [25], Уссури [26] и

---

[10] Г. Дебец. Опыт выделения комплексов в неолите Прибайкалья (Палеоэтнологический этюд). Изв. ассоциации н.-и. ин-тов при физ.-матем. фак. I МГУ, III, 2—А, 1930, стр. 153—154.

[11] М. В. Воробьев. Древняя Япония. М., 1958, стр. 97.

[12] J. K. Giddings. Side-Notched Points near Bering Strait. Arctic Institute. Technical. paper, 11, стр. 35—38.

[13] Иркутский краеведческий музей, кол. 75—1 (р. Кут); кол. 339—1 (окрестности Верхоленска); кол. 959—1 (р. Илим).

[14] А. П. Окладников. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. МИА. 86, 1960, стр. 9—71.

[15] С. А. Федосеева. Ук. соч., стр. 10—17.

[16] М. В. Воробьев. Ук. соч., стр. 97.

[17] Сборы Б. С. Сапунова в 1965 г. Материалы хранятся в Благовещенском краеведческом музее.

[18] Г. Ф. Дебец. Ук. соч., стр. 154.

[19] М. В. Воробьев. Ук. соч.

[20] Южно-Сахалинский краеведческий музей, кол. 760—42 (Атласово).

[21] Раскопки Е. А. Хамзиной в 1960—1965 гг. Материалы хранятся в археологической лаборатории Бурятского комплексного НИИ СО АН СССР в Улан-Удэ.

[22] Иркутский Краеведческий музей, кол. 118—196 (Звездочка), кол. 765—988 (Царь-Девица).

[23] Сборы Б. С. Сапунова в 1965 г. Материалы хранятся в Благовещенском краеведческом музее.

[24] Раскопки А. П. Окладникова в 1961 г. Материалы хранятся в археологической лаборатории СО АН СССР в Новосибирске.

[25] Раскопки Ю. А. Мочанова в 1960 г. Материалы хранятся в археологической лаборатории Якутского филиала СО АН СССР в Якутске.

[26] В. Е. Ларичев. Неолитические поселения в низовьях р. Уссури (с. Казакевичево). «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 261.

в некоторых других районах. Но только в Японии, на Сахалине, Курильских островах и в Забайкалье шнуровая керамика представлена сериями сосудов, дающими возможность сравнивать с ней керамику Алдана.

В Японии она появляется в период раннего дземона, примерно в III тысячелетии до н. э.[27]. В большинстве случаев там сосуды имеют плоское дно. На Южном Сахалине встречаются и остродонные[28], но, к сожалению, стратиграфическое и хронологическое положение их еще неясно. В целом шнуровая керамика из Японии, Сахалина и Курильских островов по форме сосудов и особенно типам орнамента имеет значительно больше отличий от шнуровой керамики Алдана, чем сходства.

Неолитическая шнуровая керамика, обнаруженная на восточном побережье озера Байкал (стоянка у Посольска)[29], по форме сосудов близка к шнуровой керамике Алдана, но орнамент имеет значительные отличия. Более того, точная датировка посольской керамики неизвестна, так как она залегает в смешанном культурном слое и выделяется из всей массы находок только типологически. Привязка к ней шнуровой керамики верховьев Ангары и западного побережья Байкала и отнесение ее к китойскому этапу неолита Прибайкалья (Л. П. Хлобыстин) в настоящее время не подкрепляется фактами[30].

Сравнение алданской шнуровой керамики со шнуровой керамикой смежных областей пока не проясняет вопроса о ее происхождении. Даже если предположить, что она была принесена на Алдан из каких-либо других районов, например из Японии или Забайкалья, то это можно рассматривать как чисто техническое заимствование, не связанное с приходом на Алдан нового населения. Если бы пришло население, то вместе с новым способом изготовления керамики распространился бы и новый орнаментальный стиль, а это пока на археологических материалах не обнаруживается. Скорее всего, «шнуровой комплекс» Алдана развился на местной ранненеолитической основе. Своеобразие этого комплекса и распространение его на значительной территории в строго определенных хронологических рамках дает право считать, что он представляет особую археологическую культуру. Стратиграфически и типологически она впервые была выделена на многослойной стоянке Белькачи I в 1964/65 гг., поэтому предлагаю ее название «Белькачинская неолитическая культура» (рис. 10).

Многие элементы белькачинской культуры встречаются и на неолитических памятниках Средней Лены. Это, прежде всего, сходная посуда, ступенчатые тесла, тесла с ушками, мотыговидные орудия скрипкообразной формы, концевые микроскребки и некоторые другие изделия.

До недавнего времени не было четкой стратиграфии неолитических памятников Средней Лены, что не позволяло выделять комплексы каменных орудий, сопровождающие отдельно сетчатую и отдельно шнуровую керамику. Поэтому были введены в научный обиход как единый комплекс среднеленского неолита[31]. Последние работы Якутского филиала АН СССР в бассейне Средней Лены показали, что неолит этой области четко делится на ряд сменяющих друг друга культурных этапов. Один из них, датируемый III тысячелетием до н. э., был представлен белькачинской культурой. Территория этой культуры занимала большую часть Якутии[32].

Ряд находок из бассейна Анадыря, хотя и не имеющих четкого стратиграфического и хронологического положения, показывает, что белькачин-

---

[27] R. K. Beardsley. Far East: Japan, Cowa Survey, Area 17, 11, 1962.

[28] Южно-Сахалинский музей, кол. 70—285 (Невельск).

[29] Раскопки Е. А. Хамзиной в 1960—1965 гг.

[30] Л. П. Хлобыстин. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале. КСИА, АН СССР, 97, 1964, стр. 29.

[31] А. П. Окладников. История Якутской АССР, I, стр. 83—91.

[32] Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. Автореф. канд. дис., М., 1966.

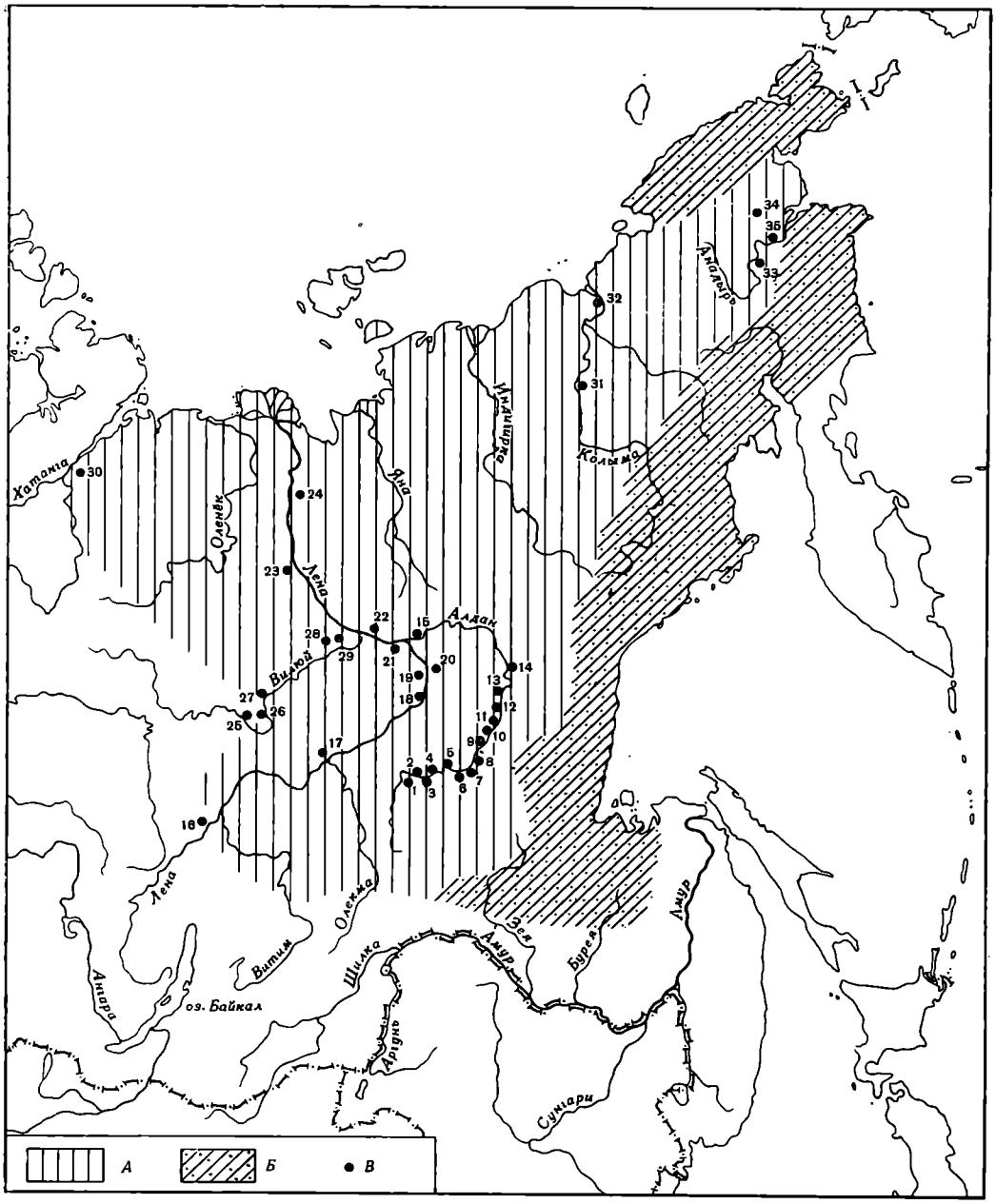


Рис. 10. Схематическая карта распространения белькачинской культуры

А — Область распространения белькачинской культуры; *Б* — Предполагаемая область распространения белькачинской культуры; *В* — Памятники белькачинской культуры: *1* — Еннье, *2* — Томмот, *3* — Усть-Тимптон, *4* — Сумнагин I, Сумнагин II, *5* — Тумулуур, *6* — Угино, *7* — Алысардаах, *8* — Чагда I, *9* — Сюрах-Арыы, *10* — Белькачи I, Белькачи II, *11* — Билир, Усть-Билир, *12* — Усть-Миль, *13* — Усть-Мая, *14* — Буор-Хая, *15* — Каллыгыр, *16* — Солянка, *17* — Малая Мунку, *18* — Куллаты, *19* — Шестаковка, Тубсанаторий, Копчагай II, *20* — Ымыяхтах, *21* — Барбатчики, *22* — Чачимэ, *23* — Уолба, *24* — Старый Сиктях, *25* — Куокуну, *26* — Ыгыатта, *27* — Нюрбачан II, *28* — Хоту-Туулах, *29* — Сыралта, *30* — Хатанга, *31* — Лабуя, *32* — Нижне-Калымск, *33* — Усть-Белая, *34* — Чировое, *35* — Чикаево

ская культура проникла и на Чукотку. Она там представлена шлифованными ступенчатыми теслами и ретушированными теслами с желобчатым лезвием, многофасеточными резцами с нуклевидными и ретушированными рукоятками, фрагментами керамики со шнуровыми оттисками и некоторыми другими изделиями [33]. Это делает весьма вероятным предположение,

[33] Раскопки Н. Н. Дикова в 1956—1960 гг. Материалы хранятся в археологической лаборатории Северо-Восточного комплексного НИИ СО АН СССР в Магадане.

что белькачинская неолитическая культура определенным способом могла повлиять и на появление в Северной Америке глиняной посуды, внешняя поверхность которой покрыта отпечатками шнура [34].

Открытие белькачинской неолитической культуры поднимает важные исторические проблемы. Можно надеяться, что от их правильного разрешения во многом будет зависеть возможность воссоздания древней истории Северо-Восточной Азии.

---

[34] J. B. Griffin. A Discussion of Prehistoric Similarities and Connections between the Arctic and Temperate Zone of North America. Arctic Institute, Technical paper, 11, стр. 160—162.

Я. К. КОЗЛОВСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА ЮЖНОЙ ПОЛЬШИ

Особенную трудность при определении относительной хронологии неолита и энеолита Польши представляет отсутствие стратиграфических данных. Датировка культур и их периодизация была основана прежде всего на сопоставлении отдельных памятников Польши с культурами более южных стран. В отличие от южных территорий, в Польше не было условий для появления многослойных поселений эпохи неолита. Это объясняется слабой седиментацией в период голоцена на местах, заселенных первобытным человеком. Формирование отложений интенсивно происходило лишь в поймах рек и на торфяниках, заселенных носителями только немногих культур эпохи неолита и энеолита. Поселения земледельцев, особенно характерные для юга Польши, не встречаются в таких местах. В пещерах южной Польши, где обнаружены остатки почти всех неолитических культур, также не было получено стратиграфических данных: отложения первой половины голоцена в них очень бедные, тонкие, в одном гумусированном горизонте здесь можно найти остатки всех культур неолита, энеолита, бронзового и раннего железного веков.

В связи с отсутствием вертикальной стратиграфии надо обратить внимание на слои, содержащие остатки поселений разных культур, позволяющие выявить горизонтальную стратиграфию. Но таких памятников немного. В последние годы исследования многокультурных памятников в Силезии (Рацибож-Оцице) и Малой Польше (Самбожец, повет Опатов, Иголомия, повет Прошовице и др.) привели к накоплению первых стратиграфических наблюдений этого рода. На основании этих наблюдений можно уточнить хронологические схемы для южной Польши, предложенные С. Носеком [1] и Т. Сулимирским [2], и внутренние подразделения отдельных культур (таблица). В настоящем сообщении представлены прежде всего результаты стратиграфических наблюдений на исследованном автором поселении Рацибож-Оцице в Верхней Силезии [3].

Начало неолита в южной Польше устанавливается очень выразительно: наблюдается отсутствие связей между местным мезолитом, представленным двумя культурами «тарденуазского» облика — коморницкой и янславицкой, и неолитом. К началу неолита на этой территории относится культура линейно-ленточной керамики, среди каменных орудий которой нет форм, характерных для местного мезолита. Некоторыми авторами (Я. Ковальчик [4], М. Мазалек [5]) были сделаны попытки проследить связь между раз-

[1] S. Nasek. Stan i potrzeby badań w zakresie neolitu Małopolski. WA. 26. 1956.
[2] T. Sulimirski. Polska przedhistoryczna. 1, London, 1956.
[3] J. K. Kozłowski. Zagadnienie chronologii relatywnej neolitu i eneolitu na Górmym Śląsku. SA, 6, 1963, стр. 21—38.
[4] J. Kowalczyk. Uwagi o problematyce i postulatach badawczych neolitu polskiego. WA, 27, 1961, стр. 271—280.
[5] M. Mazalek. Otázka vztahů mezolita a neolita. «Anthropozoikum», 3, 1953, стр. 203.

Соотношение культур неолита и энеолита в южной Польше

Культура линейно-ленточной керамики	Культура Ленгель		Культура воронковидных кубков	Культура радиальной керамики	Культура шнуровой керамики	Территория Волыни (СССР)	
					Фаза III	Группа Стрижов	
	Фаза IV группа Выционже-Злотники	Влияния поздней надписанской культуры			Фаза IIб	Культура шаровидных амфор / Культура шнуровой керамики	Трипольская культура
				Фаза IV	Фаза IIа		
				Фаза III (типичный горизонт)	Фаза I	Культура воронковидных кубков	
	Фаза III группа Злота / группа Оцице (Б)		Фаза IVб Малопольская группа	Фаза II (?)			
				Фаза I (Болераз)		Культура позднеленточной керамики	
	Фаза II группа Модльница-Хробеж / группа Оцице (А)		Фаза IVа Верхнесилезская группа				
			Фаза III Элементы культуры Михельсберг				
	Фаза I группа Самборжец-Опатов / группа Плещев-Зофиоле		Фаза Баальберг				
			Фаза А — Б				
Фаза III Линейно-ленточная керамика. Железовецкий тип. Накольчатая керамика. Элементы типа Бюкк							
Фаза II Линейно-ленточная						Линейно-ленточная керамика	
Фаза I Линейно-ленточная							

ными неолитическими племенами и мезолитом «макролитического» или «тарденуазского» облика. Но эти попытки основаны или на изучении смешанных коллекций, или на орудиях похожей формы, но совершенно разных по технике изготовления (мезолитические трапеции, изготовленные при помощи микрорезцового скола, и неолитические трапециевидные вкладыши в роде «doubles troncatures retouchées obliques»).

Отсутствие связей между каменным инвентарем местного мезолита и культуры линейно-ленточной керамики не исключает возможности временного сосуществования этих культур на территории южной Польши, в особенности потому, что памятники встречаются в различных условиях: линейно-ленточная культура — на лёссовых плато, а янославицкая — на дюнных стоянках в долинах рек (кроме немногочисленных памятников на юге Верхней Силезии). Самые поздние памятники янославицкой культуры имеют кремневый инвентарь, довольно бедный формами: скребки, трапеции, изготовленные при помощи микрорезцовой техники, редкие острия со скошенным концом, сделанным микрорезцовым сколом (типичная форма янославицкой культуры) [6].

Начало культуры линейно-ленточной керамики в Польше связано со второй ступенью этой культуры в Чехословакии (по классификации Е. Ф. Неуступного [7]), характеризующейся так называемым «ачковым» орнаментом. До сих пор в Малой Польше было известно несколько комплексов этого типа (Тржебеславице [8], Зофиполе [9], Пещера Окопы в Ойцове и др.), которые характеризует керамика с орнаментом в виде буквы «А»: конические миски с плоским дном, сосуды с округлым туловом и невысоким горлом и другие. Встречаются сосуды с носиком, сосуды на шести ножках и миски на полой ножке (рис. 1, *1—6*).

В материалах этой фазы представлены отдельные элементы культуры Криш, о существовании которой на территории Польши некоторые авторы говорили без достаточных оснований [10].

Хронологическое положение ранней линейно-ленточной керамики подтверждается новыми стратиграфическими наблюдениями на стоянке Самборжец, повет Опатов, где часть ямы с материалом указанного типа перекрыта слоем с керамикой железовского типа [11].

Вторая фаза культуры линейно-ленточной керамики представлена керамикой с «нотным» орнаментом (Ольшаница [12], Юрков [13]). В этой фазе встречаются прежде всего полушаровидные сосуды различного размера с маленьким плоским дном. Кроме того, имеются крупные сосуды с высоким суживающимся кверху горлом, небольшие миски с коническими стенками и другие (рис. 1, *7—10*). В кремневой индустрии преобладают скребки и скребла, составляющие вместе до $^2/_3$ всех орудий. Остальные орудия — вкладыши серпов и проколки.

Следующую, третью фазу линейно-ленточной керамики характеризует преобладание орнамента типа Железовце, прежде всего на полушаровидных сосудах, появление отдельных фрагментов керамики типа Бюкк

---

[6] S. K. Kozłowski. Z problematyki polskiego mezolitu. AP, 10, 1, 1965, стр. 151.

[7] E. F. Neustupny. K relativni chronologii volutové keramiki. AB, 8, 1956, стр. 386; J. K. Kozłowski. Kilka uwag o chronologii kultury ceramiki wstęgowej rytej. «Prace Archeologiczne», 3, 1961, стр. 5—15.

[8] B. Burchard. Stanowisko kultury ceramiki wstęgowej rytej w Trzebiesławicach, pow. Sandomierz. MA, 1, 1958, стр. 21.

[9] A. T. Kulczycka. Materiały kultury starszej ceramiki wstęgowej z Zofipola, pow. Proszowice. MA, 3, 1961, стр. 19.

[10] Gajewski. Ślady kultury kriszskiej w Małopolsce w świetle odkryé archeologicznych na lewym brzegu Wisły. «Sprawozdania Oddziału PAN w Krakowie», 1959.

[11] Исследования Т. Кульчицкой и Б. Бурхард.

[12] J. K. Kozłowski, A. T. Kulczycka. Materiały kultury starszej ceramiki wstęgowej z Olszanicy, pow. Kraków, MA, 3, 1961, стр. 29—44.

[13] Z. Podkowińska. Osada neolityczna kultyry starszej ceramiki wstęgowej (rytej) w Jurkowicach, pow. Opatowski. AP, 3, 1959, стр. 7—46.

(рис. 2, *11*, *12*) и накольчатой керамики (рис. 1, *12—15*). Большие поселения этой фазы исследованы в окрестностях Новой Гуты близ Кракова и в окрестностях т. Ржешов (Ржешов-Пястов, Богухвала, Крачкова и др.).

На территории Малой Польши третья фаза линейно-ленточной керамики сменяется ранней ленгельской культурой, как показывают страти-

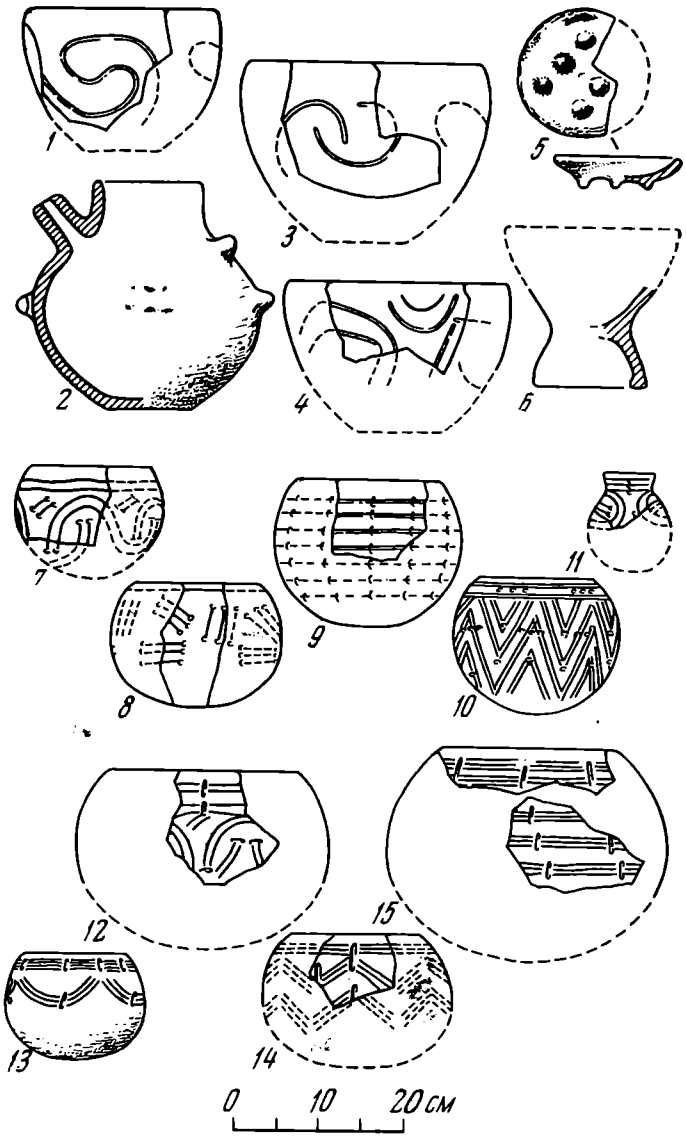


Рис. 1. Развитие форм сосудов культуры линейно-ленточной керамики

1—6 — первая фаза, *7—11* — средняя фаза, *12—14* — поздняя фаза (железовский тип, по Т. Кульчицкой)

графические данные из поселения Самборжец (яма с железовецким материалом перекрыта объектом с расписной ленгельской керамикой самборжецко-опатовской группы) [14]. Накольчатая керамика в Малой Польше до сих пор известна только в комплексах поздней линейно-ленточной керамики или в ранней фазе ленгельской культуры. Только в Верхней Силезии встречается несколько комплексов, содержавших накольчатую керамику без материалов других неолитических культур (Рацибож-Оцице).

[14] Исследования Т. Кульчицкой и Я. Каменьской, 1965 г.

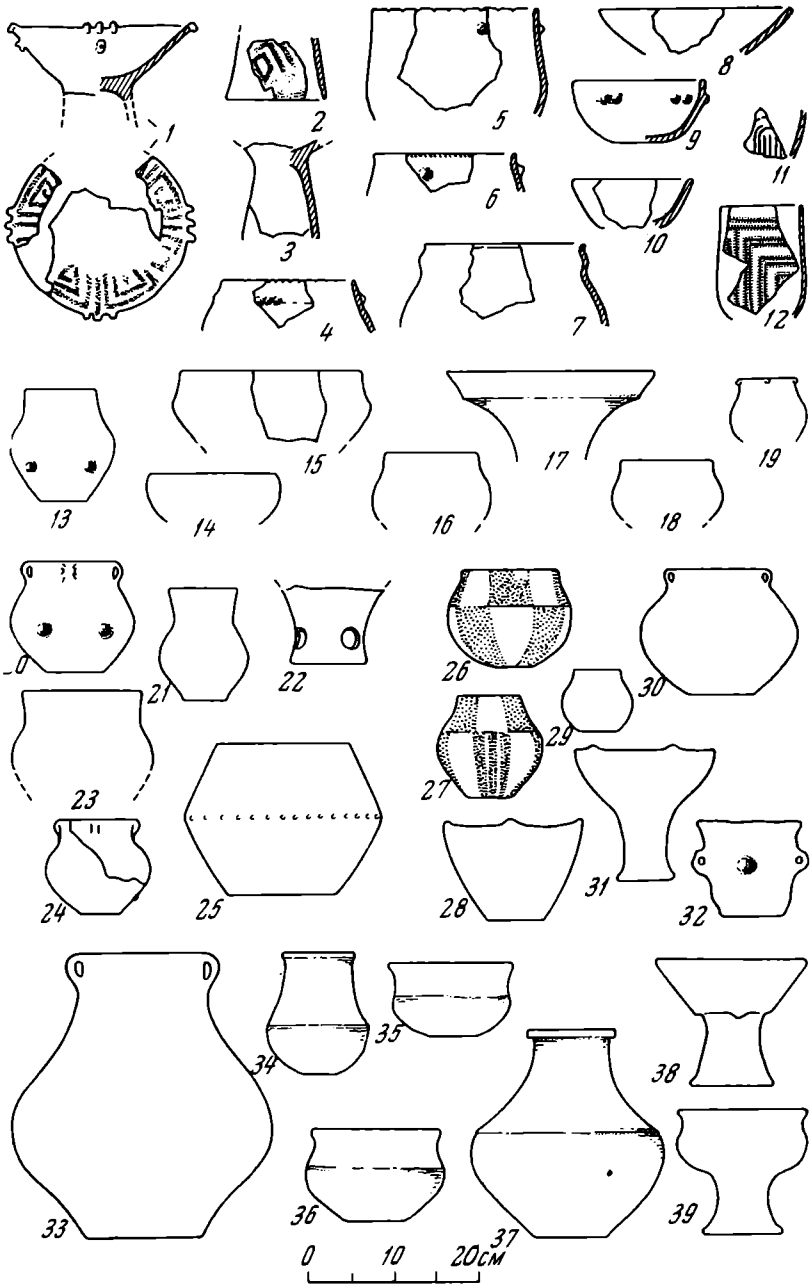


Рис. 2. Развитие форм сосудов ленгельской культуры

1—10 — первая фаза, самборжецко-опатовская группа; *11, 12* — фрагменты сосудов культуры Бюкк и накольчатой керамики, найденные вместе с материалом самборжецко-опатовской группы; *13—19* — вторая фаза, оцицкая группа; *20—25* — третья фаза, оцицкая группа; *26—32* — третья фаза, злотская группа; *33—39* — четвертая фаза, выционжская группа

Один из наиболее сложных вопросов в исследовании неолита южной Польши является вопрос о ленгельской культуре [15]. В последние годы изучено много новых материалов, которые позволяют выдвинуть новую ее периодизацию. Первая фаза ленгельской культуры еще связана с существованием накольчатой керамики. Эта фаза представлена расписной керамикой так называемой самборжецко-опатовской группы и зофиполь-

[15] J. K. Kozłowski. Próba klasyfikacji materiałów zaliczanych do kultury lengyelskiej i nadcisańskiej w Polsce Południowej. AP, X, 1, 1966.

ско-плешевской группы[16]. Керамику этой фазы характеризует большое количество кубков на пустой ножке с черным расписным орнаментом (меандр и др.), амфоровидные сосуды, конические и полушаровидные миски, крупные сосуды с суживающимся кверху горлом и т. д. Кроме росписи появляются налепы-шишечки и похожие орнаменты (рис. 2, *1—12*). Из кремневых орудий встречены только скребки (50%) и вкладыши серпов (20%). Резцы в этой фазе очень редки (5%). Указанные группы ранней ленгельской культуры в Польше соответствуют западнословацкой расписной керамике (тип Люжянки)[17], но проявляют и некоторые связи с расписной надтиссанской керамикой (группа Герпаль в Венгрии).

Вторая фаза ленгельской культуры представлена несколькими группами памятников, связанных с нерасписной керамикой моравского типа. Первая группа этих памятников — оцицкая (она названа по имени стоянки Рацибож-Оцице) — известна в Верхней Силезии. Новые исследования, проведенные на этой стоянке, позволили не только исправить ошибочное понимание оцицкой группы, которое существовало в немецкой литературе (в ней на основе смешанных материалов были объединены элементы ленгельские, культуры воронковидных кубков и радиальной керамики), но и на основании стратиграфических данных выделить два этапа развития этой группы. Первый соответствует второй фазе ленгельской культуры, второй — ее третьей фазе.

Характерная керамика раннего этапа оцицкой группы представлена сосудами с округлым туловом, небольшим дном и суживающимся кверху горлом, мисками полушаровидными и профилированными с суживающимся горлом, мисками на высокой ножке, коническими крышками и т. д. В описываемой группе отсутствует расписной орнамент, появляются только разные налепы-шишечки (рис. 2, *13—19*). Кремневый инвентарь представлен большим количеством резцов (20%) и лезвий-вкладышей (20%), немногочисленными скребками (15%) и ретушированными пластинками. Жилыми постройками служили глубокие землянки и наземные столбовые дома прямоугольной формы.

Стратиграфическое положение раннего этапа оцицкой группы установлено по отношению к культуре воронковидных кубков и к накольчатой керамике. Объекты ранней фазы оцицкой группы перекрывали части землянок с накольчатой керамикой и с материалом второго этапа (баальберского) моравско-верхнесилезской группы культуры воронковидных кубков[18]. Существуют факты, свидетельствующие о синхронности оцицкой группы и третьей фазы культуры воронковидных кубков на этой территории (кроме типологических данных об элементах культуры Михельсберг, а также определения возраста по C^{14} в границах XXVII в. до н. э.)[19].

Со второй фазой ленгельского комплекса связана и группа Модльница-Хробеж на территории Малой Польши. Она имеет много общих черт с ранним этапом оцицкой группы.

При дальнейшем развитии ленгельского комплекса появляются влияния поздней надтиссанской культуры (Тисапольгар-Бодрогкерештур). Возникают смешанные группы, например злотская (или злотско-волынская) группа расписной керамики, в советской литературе известная под именем позднеленточной расписной керамики[20]. С хронологической точ-

---

[16] Z. Podkowińska. Neolit i wczesna epoka brązu w Polsce. «I Sesja Archeologiczna IHKM PAN», Warszawa — Wrocław, 1957, стр. 54—73.

[17] B. Novotny. Lužianská skupinä a počiatky malowanej keramiky na Slovensku. Bratislava, 1962, стр. 186.

[18] J. Pavelčik. Eneolitické a starobronzové sidliště u Brumovic. «Časopis Slezského Musea v Opavě», 12, 1963, стр. 1—17.

[19] J. K. Kozłowski. Kilka uzupełniających uwag w sprawie chronologii relatywnej neolitu i eneolitu na Górnym Śląsku. SA, 7, 1965, стр. 38—44.

[20] Z. Podkowińska. Pierwsza charakterystyka stanowiska eneolitycznego na Polu Grodzisko I we wsi Złota, pow. Sandomierz. WA, 19, 1953, стр. 1—53.

ки зрения она соответствует второму этапу оцицкой группы, который характеризует появление амфоровидных сосудов с суживающимся кверху горлом и двумя ушками ниже венчика, сосудов с округлым туловом и расширяющимся горлом, мисок на пустой ножке с отверстиями внутри, двуконических сосудов и т. д. (рис. 2, *20—25*). Среди кремневых орудий преобладают резцы (50%), при уменьшении числа лезвий-вкладышей и скребков, сравнительно много скребел частично с плоской ретушью. Стратиграфически установлено более раннее залегание поздней оцицкой группы по сравнению с культурой радиальной и поздней шнуровой керамики.

Злотская группа обладает некоторыми общими формами керамики с поздним этапом оцицкой группы, особенно грушевидными сосудами. Различия проявляются в формах мисок, бутылкообразных сосудов, мисок на ножке и т. д. (рис. 2, *26—32*). Кремневые орудия часто имеют плоскую ретушь. Но особенно характерной чертой злотской группы является расписной орнамент. Стратиграфически установлено более раннее залегание злотской группы расписной керамики по сравнению с так называемой культурой злотской шнуровой керамики и на территории Волыни, и по сравнению с самой восточной группой культуры воронковидных кубков [21]. На той же территории можно установить синхронность злотской расписной керамики со среднетрипольской культурой.

Поздний этап ленгельского комплекса характеризуется появлением влияний поздней надтиссанской культуры (Бодрогкерештур) [22]. В то время в Малой Польше возникает особая группа памятников типа Выционже-Злотники, которая проявляет некоторые общие черты со словацкой группой Люданице [23]. Для этой группы характерны сосуды типа Мильхтопф (амфоровидные сосуды с высоким суживающимся кверху горлом, часто с ушками ниже венчика), небольшие миски полукруглой формы, миски на ножке и грушевидные сосуды с горизонтальным выступом в нижней части горла (рис. 2, *33—39*). Эта группа известна по поселениям и погребениям с трупоположением (Выционже, Иголомия, Злотники, Плешев). В одном погребении в Выционже найдены медный кинжал и браслет. Погребения из Выционже доказывают синхронность этой группы памятников с радиальной керамикой. Это свидетельствует о более позднем возрасте позднеленгельской культуры на север от Карпат по сравнению с югом.

На территории верхней Силезии можно доказать синхронность среднеленгельской культуры (вторая фаза) с третьим этапом культуры воронковидных кубков. Но конец развития этой культуры не является синхронным в разных областях. Самый ранний переход от культуры воронковидных кубков к радиальной керамике намечается в пределах верхнесилезийско-моравской группы. Малопольская подгруппа южной группы культуры воронковидных кубков продолжает свое развитие еще синхронно с развитием культуры радиальной керамики, вероятно, до появления шнуровой керамики. На Любельской возвышенности и на Волыни культура воронковидных кубков продолжает свое развитие синхронно с среднетрипольской культурой. Это установлено стратиграфически в Грудек Надбужны (Польша) [24] и в Зимно (СССР) [25]. На Польской равнине куль-

---

[21] Ю. Н. Захарук. Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни. КСИА, 12, 1961, стр. 48.

[22] J. K. Kozłowski. Nowe materiały do zagadnienia stosunków między terenem Polski i Węgier w epoce kamienia. AP, 5, 1960, стр. 14—20; J. Lichardusi, J. Vladar. Zu Problemen der Ludanice Gruppe. SLA, 12, 1964, стр. 69—160.

[23] A. Dzieduszycka-Machnikowa, A. Eker. Sprawozdanie z badań osady wielokulturowej w Złotnikach, pow. Proszowice. «Sprawozdania Archeologiczne», 17, 1965, стр. 61—66.

[24] K. Jażdżewski. Uwagi ogólne o osadzie neolitycznej w Gródku Nadbużnym, w. pow. hrubieszowskim. AP, 2, 1958, стр. 279—286.

[25] Ю. Н. Захарук. До питання про співвідношення і зв'язки між культурою лійчастого посуду та трипільською культурою. МДАПВ, 2, 1959, стр. 54.

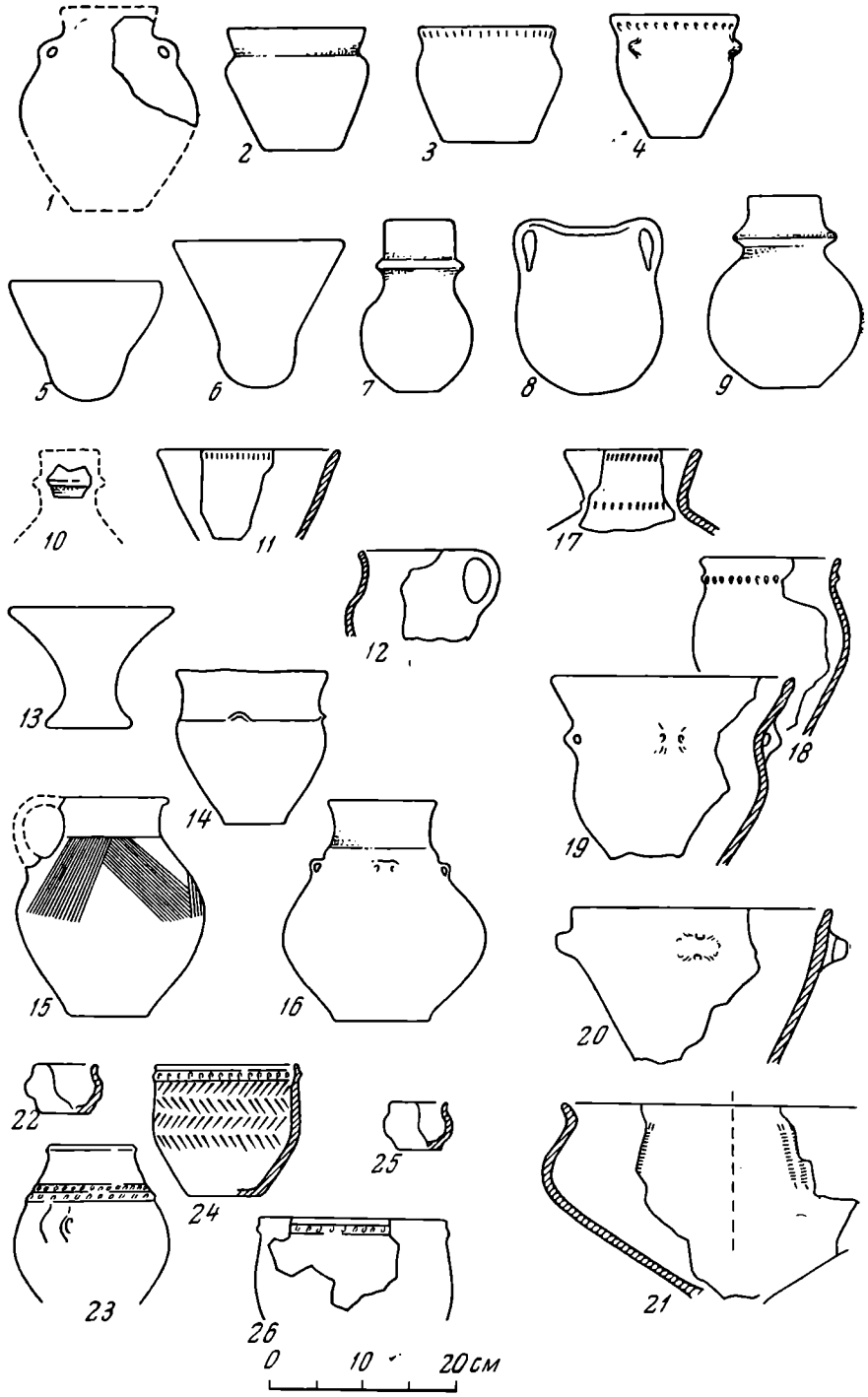


Рис. 3. Развитие основных форм керамики культуры воронковидных кубков

1—4 — «Ваальбергский этап» (типа Брумовице), стоянка Рациборж-Оцице; *5—9* — третья фаза (Рациборж-Студзенна); *10—16* — четвертая фаза, верхнесилезская группа (Петровице Вельке); *17—21* — четвертая фаза, малопольская группа (Заворжа); *22—26* — культура радиальной керамики, болеразская группа

тура воронковидных кубков (любонская фаза) встречается в одних памятниках с радиальной керамикой и культурой шаровидных амфор[26].

На территории Верхней Силезии и Моравии наблюдается последовательность перехода от культуры воронковидных кубков к радиальной керамике. Она засвидетельствована комплексами типа Евишовице *C*-2, Брно-Лишень, Огрозим и Епишовице *C*-1[27]. Похожие переходные комплексы в последние годы также исследованы на территории Польши на стоянках Польска Церекев[28] и Раков 9[29]. Указанные стоянки можно сопоставить с типом Огрозим в Моравии: набор форм сосудов типичен для культуры воронковидных кубков, но наблюдается уже радиальный орнамент, особенно на кубках с ушками.

Следующий этап этого перехода представляет на территории Верхней Силезии так называемая болеразская группа радиальной керамики, известная, например, на поселении Петровице Вельке VIII, исследованном Я. Буковской-Гедиговой[30]. Типичный состав форм представлен на рис. 3, *22—26*. Элементы ранней фазы радиальной керамики выявлены на территории Малой Польши, в поселении Ксенжнице Вельке (материал, частично смешанный с керамикой воронковидных кубков) и в погребении с Посондцы. Ранняя фаза радиальной керамики в Малой Польше частично синхронна с развитием культуры воронковидных кубков.

Средняя, третья фаза культуры радиальной керамики, так называемый типичный горизонт чешских исследователей представлена на территории Верхней Силезии и Малой Польши. Стратиграфические данные в Рацибож-Оцице подтверждают более поздний возраст радиальной керамики по отношению к поздней фазе оцицкой группы ленгельского комплекса и более ранний по сравнению со шнуровой керамикой[31]. В Злоте (Малая Польша) было найдено погребение, относящееся к культуре злотской шнуровой керамики и содержавшее типичную миску радиальной керамики[32].

На территории Малой Польши развивается особая группа поздней радиальной керамики, так называемая плещевско-засловицкая, которая имеет много общих черт с радиальной керамикой западной и северной Словакии (группы Тренчин и Ломница-Древеник). Эта группа известна по ряду крупных поселений в окрестностях Кракова (Выционже, Зесловице, Плещев, Бжезе и др.). В этих поселениях, часто окруженных оборонительными стенами, представлены элементы костоляцкой культуры. Стратиграфические наблюдения указывают на более ранний возраст этой группы поселений по сравнению с краковской группой шнуровой керамики (на поселениях типа Выционже и Зесловице появляются погребения шнуровой керамики, перекрывающие ямы с радиальной керамикой).

По сравнению с группой плещевско-зесловицкой радиальной керамикой более поздний возраст имеют немногочисленные стоянки с керамикой типа Бошаца (Модльница, яма 47, и пещера Здоменова), синхронные с краковской группой шнуровой керамики.

---

[26] L. Gabałówna. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w osadach kultury pucharów lejkowatych w Radziejowie Kujawskim i Opatowicach. «Sprawozdania Archeologiczne», 11, 1960, стр. 21—36.

[27] E. Neustupny. Zur Enstehung des Kultur mit kannelierter Kerammik. SLA, 7, 1959, стр. 260—284.

[28] D. Woźniak. Sprawozdanie z badań ratowniczych w Polskiej Cerekwi, pow. Koźle. «Biuletyn SIN», 67, 1965, стр. 33—38.

[29] D. Woźniak. Sprawozdanie z badań ratowniczych na stanowisku 9 w Rakowie, pow. Clubczyco. Там же, 46, 1965, стр. 20—24.

[30] J. K. Kozłowski. Ze studiów nad kulturą ceramiki promienistej. AP, X, 1, 1965, стр. 178—217.

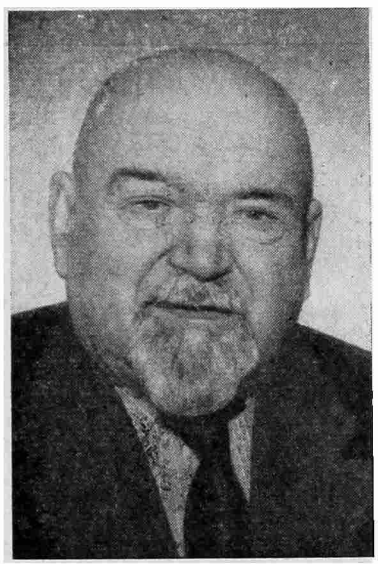
[31] J. Bukowska-Gedigowa. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych osady neolitycznej w Pietrowicach Wielkich, pow. Racibórz w roku 1962. «Sprawozdanie Archeologiczne», 16, 1964, стр. 15—22.

[32] D. Rauhut. Grób kultury ceramiki sznurowej (grupa złocka) znaleziony na stanowisku 1 we wsi Złota, pow. Sandomierz. WA, 19, 1953, рис. 28, *1*.

К 75-ЛЕТИЮ К. Э. ГРИНЕВИЧА

В 1966 г. исполнилось 75 лет со дня рождения профессора кафедры древней истории и археологии Харьковского университета, доктора исторических наук Константина Эдуардовича Гриневича.

К. Э. Гриневич родился 21 сентября 1891 г. в г. Вологде. После окончания гимназии он в 1910 г. поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, который окончил в 1915 г. После университета К. Э. Гриневич был оставлен для подготовки к профессуре, а позднее был командирован в Петроград, где работал под руководством Б. В. Фармаковского, С. А. Жебелева и других видных ученых того времени.



В 1918 г. К. Э. Гриневич стал сначала приват-доцентом, а позднее доцентом Петроградского университета, где проработал несколько лет. В дальнейшем он работал директором Керченского музея, а в 1924 г. К. Э. Гриневич был назначен директором Херсонесского музея.

В 1927 г. К. Э. Гриневич переехал в Москву. Здесь он работал заместителем заведующего музейным отделом Наркомпроса РСФСР и одновременно заведовал отделом скульптуры Музея изобразительных искусств, был Ученым секретарем ВОКС. В 1928 г. К. Э. Гриневич был избран действительным членом Института археологии РАНИОН.

В 1932 г. К. Э. Гриневич был репрессирован, а после реабилитации несколько лет заведовал кафедрой древней истории Томского университета и работал в Томском педагогическом институте.

В 1948 г. К. Э. Гриневич переехал в Нальчик, где работал профессором кафедры Кабардинского пединститута, а позднее по состоянию здоровья вынужден был переехать в Нежин. В 1953 г. он возвратился в Харьковский университет, где до 1966 г. возглавлял кафедру древней истории и археологии.

Еще в студенческие годы Константин Эдуардович проявил способности к научной работе. В 1913 г. за студенческую работу «Греция накануне Македонского владычества» он был удостоен золотой медали. В том же году К. Э. Гриневич совершил поездку по Греции. Ее результатом было несколько статей, опубликованных в журнале «Гермес».

Археологическими исследованиями К. Э. Гриневич занялся еще в 1914 г. Несколько лет он был научным сотрудником экспедиций, исследовавших Ольвию, Боспор и Херсонес. В 20-х годах он начал самостоятельные исследования на Боспоре. Здесь он раскопал эллинистический

могильник на горе Митридат, изучал топографию Керченского и Таманского полуостровов, исследовал Тиритакский оборонительный вал. В 1925—1930 гг. К. Э. Гриневич исследовал Херсонес и памятники Гераклейского полуострова, где сделал важные наблюдения, касавшиеся оборонительной системы Херсонеса на юго-восточном и западном участках, и открыл древнейшую часть оборонительной стены Херсонеса.

В эти же годы К. Э. была предпринята попытка изучения «подводного Херсонеса». Его предварительные выводы вызвали сомнение.

В результате изучения памятников Гераклейского полуострова была раскопана сельскохозяйственная усадьба в балке Бермана, выявлено несколько десятков ранее неизвестных усадеб. Эти работы способствовали изучению экономической жизни хоры Херсонеса и указали на первостепенное значение Гераклеи для правильного понимания характера экономики Херсонеса Таврического. В эти годы К. Э. Гриневич опубликовал две части монографии «Стены Херсонеса Таврического», работы «Сто лет Херсонесских раскопок» и «Опыт методологии археологической науки», отчеты о раскопках в Херсонесе и на Гераклейском полуострове, путеводители по Херсонесу, многочисленные популярные брошюры и статьи, посвященные археологическим памятникам Крыма и музейному строительству. «Стены Херсонеса Таврического» подводили итог многолетней работе по исследованию системы обороны юго-восточной части Херсонеса. В работе рассматривались не только вопросы фортификации, но определялась датировка различных строительных периодов оборонительных стен, анализировался характер кладок и строительных приемов. В работе «Сто лет Херсонесских раскопок» на основе архивных материалов, часть из которых в настоящее время утрачена, дан подробнейший очерк истории раскопок Херсонеса в дореволюционный период и в первые годы после Октябрьской революции, с приложением календаря раскопок.

Вынужденный переехать в Сибирь, К. Э. Гриневич и здесь занимался археологическими исследованиями. В 40-х годах он исследовал Басандайку — городище и курганный могильник недалеко от Томска. Раскопки городища позволили установить, что еще в мезолите здесь была стоянка, а позднее — поселения неолита и бронзового века. Оборонительные сооружения были возведены в раннем железном веке. В курганах были обнаружены погребения от раннего средневековья до XVI—XVII вв. В Томске Константин Эдуардович завершил работу над докторской диссертацией, которую он защитил в 1944 г. Его диссертация была посвящена оборонительной системе Херсонеса Таврического.

Во время пребывания в Нальчике К. Э. Гриневич провел широкие исследования археологических памятников Кабарды (в Нагорном, Эльбрусском, Кубинском, Зальском и других районах). Среди них особый интерес представляют памятники позднекобанской культуры.

В 1954—1960 гг. К. Э. Гриневич производил раскопки в Ольвии, где исследовал оборонительные стены у Заячьей балки. Эти исследования позволили обнаружить стену времен Геродота.

В своей научной деятельности К. Э. Гриневич не ограничивался только археологическими исследованиями, он всегда интересовался проблемами древней истории и истории искусства.

Большую и плодотворную работу К. Э. Гриневич проводил в области музейного строительства и музееведения. Под его руководством на месте Херсонесского монастыря в короткий срок был создан Херсонесский археологический музей, ставший центром научно-исследовательской работы, крупным культурно-просветительным учреждением. К. Э. Гриневич был инициатором создания и первым редактором «Херсонесского сборника». Следует отметить его большую работу по организации II Всесоюзной археологической конференции, проведенной в связи со 100-летием раскопок в Херсонесе.

В течение своей полувековой преподавательской деятельности Константин Эдуардович Гриневич прочел множество общих и специальных курсов по археологии и древней истории, по источниковедению и историографии, истории античного искусства. Многие археологи, окончившие Ленинградский, Харьковский, Томский университеты, Кабардинский и Томский пединституты, учились у К. Э. Гриневича, работали в археологических семинарах и экспедициях под его руководством.

К. Э. Гриневич по-прежнему продолжает работать. Его последние работы были посвящены Геродоту и Ольвии. Сейчас он вернулся к теме своего первого научного исследования — к Греции накануне Македонского завоевания, и работает над исследованием, посвященным Исократу.

Товарищи по работе, многочисленные ученики от всей души желают ему бодрости, доброго здоровья и больших творческих успехов.

В. И. Кадеев

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ Т. Н. КНИПОВИЧ

В 1966 г. исполнилось 70 лет Татьяне Николаевне Книпович — доктору исторических наук, профессору, многолетнему сотруднику Института археологии АН СССР. Дочь известного ученого-зоолога, почетного академика Н. М. Книповича, Татьяна Николаевна выросла в семье, близкой социал-демократическим большевистским кругам. В семье проф. Н. М. Книповича неоднократно бывали и В. И. Ленин и Н. К. Крупская.

Еще будучи слушательницей Высших женских курсов, а затем студенткой Петроградского университета, Т. Н. Книпович избрала своей специальностью историю и искусство античного мира. В 1920 г. она окончила университет и поступила работать в ГАИМК. Трудовой путь ученого начался со скромной должности регистратора. Большие способности и хорошая подготовка позволили Татьяне Николаевне стать разносторонним и глубоким исследователем в области истории, археологии, искусства и эпиграфики античности. В целом ряде работ Т. Н. Книпович исследовала большой материал античного прикладного искусства. Ею впервые была изучена группа краснолаковой керамики и выработана основа для датировок, столь необходимая в археологических изысканиях.

Татьяна Николаевна много лет принимала активное участие в раскопках Березани, Ольвии, боспорских городов, городищ и поселений на нижнем Дону. Работы Т. Н. Книпович, публиковавшиеся еще в 30-х годах, были принципиально новыми в изучении археологии античных колоний северного Причерноморья. К таким работам относятся: «К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V веках до н. э.» (ИГАИМК, 104, М.— Л., 1934) и «Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской» по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. (ИГАИМК, 104).

В изучении античных городов Северного Причерноморья Т. Н. Книпович поставила и продвинула разрешение проблемы взаимоотношений античных колоний с их степным варварским окружением. В этом отноше-

нии следует особо отметить ее работу, посвященную одной из групп местной художественной керамики, в которой ярко выразились черты местного художественного ремесла во взаимодействии с античным прикладным искусством («Из истории художественной керамики Северного Причерноморья». СА, VII, 1941). Работам Т. Н. Книпович присуще стремление выявить своеобразие культуры, сложившейся в античную эпоху в Северном Причерноморье, выявить все греческие и негреческие элементы этой культуры. В статье «Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху» (1955) она дала серьезное обобщение всего процесса художественного развития античных городов.

Большое значение для советского антиковедения имеют труды Т. Н. Книпович в области эпиграфики. Она глубоко исследовала известные эпиграфические источники в свете решения проблемы взаимоотношений греков с варварским окружением. Результатом этого явилось сочинение «Население Ольвии в VI—V вв. до н. э. по данным эпиграфических источников» (МИА, 50, 1956). Затем она обобщила эпиграфические памятники Ольвии, найденные в 1920—1954 гг. При этом получили новое освещение некоторые вопросы истории Ольвии. Татьяна Николаевна вложила огромный труд в подготовку капитального издания «Корпус боспорских надписей».

Она успешно продолжает исследования в области эпиграфики и теперь. Ее работы, посвященные эпиграфическим памятникам, отличаются исключительной тщательностью и скрупулезностью анализа. Т. Н. Книпович дала последнюю, ныне принятую многими датировку ольвийского декрета в честь Протогена. Необходимо особо подчеркнуть значение работ Т. Н. Книпович, посвященных античной палеографии; она установила твердые основания для датировок эпиграфических памятников, что существенно облегчает их последующее изучение. Трудно переоценить интерес и значение очерка по истории греческого лапидарного письма на Боспоре, составленного Т. Н. Книпович совместно с А. И. Болтуновой, а также ее очерка по истории греческого лапидарного письма в Ольвии. В результате проведения тонкого палеографического анализа выявлены конкретные особенности лапидарного письма в городах Северного Причерноморья. В настоящее время подготовлен к печати коллективный труд «Надписи Ольвии», являющийся продолжением корпуса надписей, изданного В. В. Латышевым. В подготовке этой книги самое активное участие принимала Т. Н. Книпович; она обработала и комментировала большую группу ольвийских надписей.

На протяжении большого творческого пути, будучи профессором Ленинградского университета, Т. Н. Книпович принимает непосредственное участие в подготовке молодых кадров антиковедов. Она продолжает и сейчас много и успешно работать.

С. И. Капошина

К 60-ЛЕТИЮ А. И. ТЕРЕНОЖКИНА

Исполняется шестьдесят лет доктору исторических наук, заведующему скифо-античным отделом Института археологии АН УССР Алексею Ивановичу Тереножкину.

Большая работоспособность, тщательный анализ фактов, рассматриваемых на широком историческом фоне, обостренное чувство нового в сочетании с требовательностью к себе, скромностью и доброжелательностью к товарищам сделали имя Алексея Ивановича известным и глубокоуважаемым среди археологов нашей страны и далеко за ее пределами.

Алексей Иванович Тереножкин родился 26 ноября 1907 г. в г. Пугачеве Саратовской области. Интерес к археологии возник у него еще в школьные годы, когда он открыл несколько поселений бронзового века. В 1926 г. Тереножкин окончил среднюю школу и поступил на археологическое отделение Высших курсов краеведения в г. Самаре, а затем перешел на историко-археологическое отделение этнологического факультета Московского университета. Научными руководителями А. И. Тереножкина были В. В. Гольмстен и В. А. Городцов.

В студенческие годы А. И. Тереножкин провел первые самостоятельные раскопки срубных поселений в Поволжье, осуществил разведки в Средней Азии. Именно археология Средней Азии, в то время совсем слабо изученная, и привлекла внимание молодого исследователя. Этому интересу во многом способствовали работы выдающегося востоковеда В. В. Бартольда, специалиста по среднеазиатской архитектуре Б. Н. Засыпкина, историко-археологические исследования А. Ю. Якубовского о манящем Хорезме, где можно было ожидать интереснейших открытий времени до арабского завоевания. С 1934 г. начинается плодотворный период археологических исследований А. И. Тереножкина в Средней Азии.

Он участник и организатор разведок и раскопок ряда экспедиций в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и особенно в Узбекистане. В 1934 г. совместно с М. В. Воеводским и А. А. Потаповым им были осуществлены исследования в Хорезме, главным объектом которых явились руины средневекового г. Замахшара. В 1937 г. А. И. Тереножкин (в то время аспирант ИИМК) в пустынных местностях Правобережья Аму-Дарьи к востоку от г. Турткуля открыл свиту выдающихся памятников домусульманского Хорезма, в том числе замки раннесредневекового оазиса Беркут-Калы и комплекс античной крепости Аяз-Калы. Тем самым было положено начало многолетних плодотворных работ Хорезмской археологической экспедиции под руководством С. П. Толстова.

С 1938 по 1948 г. А. И. Тереножкин работал в Институте истории и археологии АН Узбекской ССР, в Ташкенте и Самарканде. Если из этого периода исключить годы Великой Отечественной войны, в течение которых гвардии старший лейтенант А. И. Тереножкин прошел в войсках Советской Армии путь от Сталинграда до Вены, то можно только удивляться, как много ему удалось сделать в археологии Средней Азии. Он проявил себя как ученый, прокладывающий новые пути в науке. Им была доказана ошибочность отнесения культур Каунчи II в Ташкентском оазисе и Тали-Барзу I к ахеменидскому времени и установлено, что их следует датировать не ранее рубежа нашей эры. А. И. Тереножкин выделил бургулюкскую культуру раннего железного века в области среднего течения Сыр-Дарьи.

Особое значение имеют разработанные им основы археологической периодизации городища Афрасиаба (домонгольского Самарканда), являвшегося одним из главных центров среднеазиатской цивилизации. Он доказал, что Самарканд (Марканда античных авторов) как большой город (в пределах городища Афрасиаба) возник еще в ахеменидское время и привел убедительные данные о сложении классового общества в Согде в ту историческую эпоху. Результаты изучения среднеазиатских древностей нашли свое отражение в кандидатской диссертации «Согд и Чач», успешно защищенной А. И. Тереножкиным в апреле 1948 г.

В конце 1948 г. А. И. Тереножкин переезжает в Киев и вскоре становится во главе отдела скифо-античной археологии Института археологии АН УССР, которым он руководит и сейчас. Основное внимание А. Н. Тереножкин уделяет изучению различных вопросов скифоведения. Прежде всего, он принимается за исследование предскифского периода, почти совсем неизвестного в археологической литературе тех лет.

Со свойственной Алексею Ивановичу энергией он проводит ряд важных полевых исследований, в результате которых была выделена чернолесская культура предскифского времени. Всестороннее изучение музейных собраний и новых материалов позволили А. И. Тереножкину дать монографическое исследование по истории населения правобережной днепровской лесостепи в эпоху поздней бронзы и самого начала железного века.

Серию великолепных статей по разным вопросам археологии А. И. Тереножкин завершил написанием фундаментального труда «Предскифский период в днепровском лесостепном Правобережье», за который в 1958 г. ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук. Позднее этот труд был опубликован в виде монографии «Предскифский период на днепровском Правобережье» (1961 г.), ставшей настольной книгой всех специалистов, занимающихся древней историей Восточной Европы.

Исследования А. И. Тереножкина убедительно показали, что оседлое земледельческое население лесостепного Правобережья скифского времени имеет автохтонное происхождение, так как истоки их культуры уходят в глубь местного бронзового века, и опроверг взгляд тех ученых, которые считали, что главная роль в сложении этой культуры принадлежит фракийским племенам Карпато-Дунайского бассейна и носителям лужицкой культуры бассейна Одера и Вислы. Касаясь этнической принадлежности этого населения, А. И. Тереножкин присоединился к взглядам Л. Нидерле, который считал территорию Среднего Поднепровья прародиной славян.

Много сделал А. И. Тереножкин и в изучении степных культур бронзового века. Назовем лишь раскопки известного Сторожевого кургана, где впервые были обнаружены остатки повозки древнеямной культуры; тщательно исследованные и изданные курганы в долине р. Молочной, давшие много ценных данных о ямной, катакомбной, срубной, сарматской культурах. В частности, этими исследованиями доказано, что так называемые «киммерийские» каменные антропоморфные стелы в действительности относятся к ямной культуре.

С большой заботой и вниманием относится А. И. Тереножкин к своим ученикам, многие из которых уже защитили кандидатские диссертации. Нам, сотрудникам отдела, которым руководит А. И. Тереножкин, особенно хорошо известно мастерство и опыт Тереножкина-редактора. В последние годы под его руководством вышли в свет несколько монографий и сборников. Очень популярен А. И. Тереножкин как оппонент. Его отзывы всегда глубоки, требовательны и вместе с тем доброжелательны.

Особенно успешным для научного творчества А. И. Тереножкина оказалось последнее пятилетие. Здесь прежде всего нужно назвать статью «Основы хронологии предскифского периода» (1965 г.), где А. И. Тереножкин, опираясь на общие достижения в исследовании памятников бронзового века юга Восточной Европы, пересмотрел и внес ряд уточнений в относительную и абсолютную хронологию позднего бронзового века, стремясь при этом синхронизировать культуры нашей территории с одновременными культурами центральной Европы. Это позволило преодолеть отрицательно сказывающееся в науке стремление многих археологов к необоснованному омоложению ряда восточноевропейских культур эпохи поздней бронзы.

А. И. Тереножкин получил очень важные результаты в изучении памятников Северного Причерноморья переходного периода (VIII — пер-

вая половина VII в. до н. э.) от бронзового века к железному, уточнил хронологию ряда памятников и выдвинул гипотезу об их киммерийской принадлежности.

Многолетние успешные раскопки скифских курганов на Киевщине, Никопольщине, Царского кургана в Мелитополе, критическое отношение к источникам и литературе привели А. И. Тереножкина к выводу о необходимости пересмотра ряда важнейших теоретических положений скифоведения. Это касается происхождения скифов и этнографии Скифии, времени возникновения и характере скифского государства и, наконец, самого понятия «скифская культура» и его содержания. Все эти вопросы освещены в ряде статей и наиболее полное отражение найдут в обобщающем труде «Археология УССР» над которым сейчас работает А. И. Тереножкин вместе со своими коллегами.

Как всякий ученый, А. И. Тереножкин имеет много сторонников и немало строгих оппонентов. Его мнения всегда новы, интересны, хотя и не всегда бесспорны. Пожелаем же нашему юбиляру доброго здоровья, больших творческих успехов и новых открытий во славу отечественной археологии!

А. М. Лесков

Публикации

И. И. КОРОБКОВ

ИТОГИ ПЯТИЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯШТУХСКОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Территория Кавказа раньше других районов нашей страны привлекла к себе внимание археологов, интересовавшихся проблемами первоначального расселения предков современного человека. Здесь в 1934 г. было обнаружено богатейшее местонахождение открытого типа, давшее обильный и выразительный материал эпохи древнего палеолита. Расположенное в окрестностях Сухуми, у подножия горы Яштух, оно стало известным в научной литературе под названием Яштухского палеолитического местонахождения. Несколько раньше в Крыму Г. А. Бонч-Осмоловским был открыт интересный древний пещерный памятник Кпик-Коба. С момента открытия этих памятников начался новый этап советской палеолитической науки — изучение эпохи древнего палеолита.

Орудия древнего человека, находившиеся на Яштухском палеолитическом местонахождении в поверхностном залегании, обратили на себя внимание геолога Л. Н. Соловьева, который сообщил о своем открытии известному советскому палеолитчику С. Н. Замятнину. Экспедиция под руководством С. Н. Замятнина в течение ряда лет (1935—1938 гг.) исследовала этот памятник на высоком методическом уровне; фиксация собранного материала проводилась по определенным участкам, благодаря всему этому Яштухское местонахождение на долгое время стало одним из немногих опорных памятников по нижнему палеолиту СССР [1].

Первое открытие нижнего палеолита привлекло к себе внимание геологов, попытавшихся использовать археологические данные для создания шкалы террасовой хронологии и датировки с ее помощью нижнего, среднего и верхнего этапов каменного века. Было выделено пять террасовых уровней, геологический возраст наиболее древних орудий определялся «концом формирования пятой террасы» [2], а четвертая терраса (и, следовательно, материал, залегающий на ней) сопоставлялась с миндель и миндель-риссом. При этом со временем было забыто, что период формирования самого уступа террасы не определяет точно возраст, а дает лишь нижний хронологический предел датировки (terminus ante quam) залегающего на этой террасе материала; и уже в своем обобщающем труде, подводя итоги геологического исследования абхазского палеолита, В. И. Громов сделал вывод о миндель-рисском возрасте мустье и рисском и послерисском возрасте верхнего палеолита [3]. Подобные представления

---

[1] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Тр. Ин-та Абхазской культуры. X, Сухуми, 1937.

[2] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. ИГН, 64, геол. серия, 17, 1948, стр. 269.

[3] Там же, стр. 271.

о возрасте мустье и верхнего палеолита в настоящее время не могут быть приняты и не подтверждаются данными радиокарбоновых датировок соответствующего материала с других территорий. Увлечение террасовым методом датировки палеолитического материала привело к тому, что предметы, обнаруживаемые не на тех террасовых уровнях, на которых им бы следовало быть, считались снесенными или перемешанными. Единственным методом археологического исследования, логически вытекавшим из подобной концепции, являлось распределение всего собранного материала согласно типологическим его признакам по шкале культурно-исторических этапов (шелльский, ашельский, мустьерский и верхнепалеолитический комплексы). Тем самым значительно сужались возможности археологического изучения на месте конкретных комплексов палеолитических предметов. Помимо этого недоучитывалась возможность иного геологического толкования условий залегания таких комплексов, хотя некоторые геологи (Е. В. Шанцер, Л. Н. Соловьев) [4] определенно указывали на связь палеолитических предметов прежде всего с покровными суглинками террас. Вместо того чтобы проводить совместное геолого-археологическое изучение покровных суглинков, выяснить фациальные особенности последних, велись бесполезные для археологии споры относительно геологического возраста той или иной террасы. В результате и археологическое, и геологическое исследование Яштухского местонахождения оставалось далеко не полным. Однако уникальные материалы его продолжали привлекать к себе внимание археологов. Стремясь найти несмешанные комплексы, экспедиция Института истории Грузии под руководством Н. З. Бердзенишвили, работавшая в 1958—1960 гг., сосредоточила свое внимание лишь на изучении верхнего плато горы Яштхва, считая, что только там можно найти предметы in situ. Н. З. Бердзенишвили высказала мысль, что «основные культурные слои нижнего палеолита залегали на вершинах... и ливневыми потоками остатки смывались вниз» [5]. Основной палеолитический материал местонахождения, находимый на обширных пространствах вдоль подножия горы Яштух, считался снесенным сверху, перемешанным и абсолютно не показательным. Тем самым очень сужалась площадь местонахождения и крайне ограничивалось количество материала, по которому можно было бы сделать позитивные выводы.

За период, прошедший с момента окончания работ С. Н. Замятнина, палеолитоведение ушло далеко вперед. Стало возможным не только констатировать наличие определенных этапов эволюции человека и его культуры, но и ставить вопросы о генезисе, путях развития, характере экономики и социальной организации конкретных палеолитических общин в конкретных, территориально обособленных ареалах их обитания. Обнаружено большое число новых памятников как у нас в СССР, так и за рубежом. Неизмеримо возрос сравнительный материал. Накопление материала дало возможность обратить большее внимание на отдельные повторяющиеся детали оформления кремневых орудий, на черты сходства и различия между памятниками, проявляющиеся в статистических показателях. Было замечено, что зачастую комплексы открытых местонахождений не повторяют комплексы пещерных памятников. В свете новых возможностей возрастает значение таких памятников, как Яштух. Подобные местонахождения, несмотря на отсутствие культурного слоя, зачастую дают уникальный и специфический материал, который не может быть встречен в иных, строго датированных (чаще всего пещерных) памятниках. К тому же памятники открытого типа дают легкодоступный и

---

[4] Е. В. Шанцер. Условия залегания и геологическая датировка абхазского палеолита. БКИЧПЕ, 6—7, 1940, стр. 48; Л. Н. Соловьев. К вопросу о геологической датировке абхазского палеолита. Там же, стр. 101—105.

[5] Н. З. Бердзенишвили. Новые данные о палеолите Абхазии. Тр. АбхазИЯЛИ. Сухуми, 1959, стр. 179.

обильный материал, позволяющий в деталях проследить технику расщепления и обработки орудий, специфику типологии его инвентаря, выразить все это в статистических показателях, что является очень важным моментом на данном этапе развития палеолитической науки.

В целях уточнения характеристики палеолитических индустрий Черноморского побережья Кавказа было необходимо еще раз изучить материалы сборов С. Н. Замятнина и проследить условия залегания их на различных участках обширного местонахождения. Эта работа и была проделана автором в 1961—1965 гг.

Анализ материала, собранного и обработанного С. Н. Замятниным по последнему слову науки того времени, показал, что на Яштухе вполне возможно обнаружить несмешанные комплексы предметов, локализующиеся на разных участках местонахождения. Такую возможность подтвердили и первые рекогносцировочные осмотры Яштуха мною в 1961 г.[6] и дальнейшие работы в поле[7]. В результате этих работ обнаружены локализующиеся группы однородных палеолитических предметов, комплексы, иногда полностью различные, иногда повторявшие друг друга до малейших деталей. Однородность их свидетельствовала об отсутствии существенного смешения археологического материала. Высотное расположение одинаковых комплексов колебалось в значительной степени, а разнородные памятники иногда локализовались на поверхности одной и той же террасы. Это поставило под сомнение приемлемость террасовой системы геологической датировки и заставило обратить внимание на ранее высказывавшиеся гипотезы о связи залегания орудий древнего человека с покровными суглинками, плащеобразно налегающими на поверхность одной или ряда террасовых уровней. Внутри подобного плаща иногда можно было наблюдать различные по окраске (и, видимо, по условиям и времени образования) горизонты покровных суглинков. С разными горизонтами удалось в некоторых случаях связать находки разновременного археологического материала. Так, бурые суглинки пятой террасы, на которые налегал современный дерновый слой, связаны с эпохой мустье, а подстилающие их желтоземы (заменяющиеся на вершинах плато красноземами) дали находки предметов ашельского возраста. На ряде участков отмечены горизонты с обильными железисто-марганцевыми стяжениями. Залегающие в них палеолитические предметы, отличающиеся от других комплексов желто-бурой ожелезненностью поверхности, также, как правило, имеют однородный облик леваллуазской индустрии финального ашеля. Это позволяет высказать предположение о хронологическом значении подобных ожелезненных суглинков и о связи их с определенной фацией (леваллуазской) палеолитических индустрий. Кроме того, данные наблюдения создают перспективу для интересных геологических исследований покровных суглинков в будущем.

При учете условий залегания покровных суглинков археолог может обнаружить почти несмешанные палеолитические комплексы. Поскольку смешение и перемещение археологического материала зависит от угла налегания суглинков на эродированную поверхность террасы и от последующей эрозии самих суглинков, всегда можно встретить такие участки поверхности, где наклон суглинков и древнейшая эрозия невелики, а современная эрозия значительна, в этом случае материалы оказываются практически несмешанными. Когда по тем или иным причинам накопление позднейших суглинков шло медленно и современной глубокой эрозии подвергаются древние суглинки, локализуется древний материал. Помимо этого, расположение мест поселения человека в разное время связано

---

[6] И. И. Коробков. Новые палеолитические находки на Яштухе (результаты работ 1961 г.). СА, 1965, 3.

[7] И. И. Коробков. Новая находка ручного рубила на Яштухе. КСИА АН СССР, 101, 1964.

с различными пунктами даже на очень удобных для жизни участках местности. Применяя методику точных планиграфических сборов, можно легко разграничить разновременные комплексы. В тех же случаях, когда смешение материала налицо, последний легко разделить, беря за основу уже известные чистые комплексы данного местонахождения, либо те или иные детали внешнего облика предметов. Практически весь подъемный материал любого местонахождения открытого типа может быть при правильной постановке полевых исследований подразделен на чистые комплексы и использован для сравнения с уже датированными, полноценными памятниками. Единственным недостатком местонахождения открытого типа является отсутствие хотя бы приблизительных хронологических датировок обнаруживаемых комплексов. Этот недостаток, возможно, будет несколько возмещен в будущем, по мере исследования условий и характера образования покровных суглинков, в которых залегают палеолитические памятники. Фактически каждый комплекс на открытом местонахождении большого протяжения является самостоятельным памятником, более четко локализованным, чем любой комплекс пещерного пункта, но, к сожалению, обладающим несравненно меньшими возможностями для точной датировки материала.

Возможность локализации подобных индустриально единых памятников на Яштухе была подтверждена работами «Комиссии по осмотру Яштухских местонахождений», созданной в связи с пожеланиями Палеолитического совещания и проводившей работу совместно с автором в апреле 1965 г.[8] Комиссией было изучено несколько пунктов сосредоточения палеолитического материала на террасах, у подножия горы и на верхнем плато горы Яштухорху. Комиссия подтвердила, что «район г. Яштух является комплексом разновременных и разнохарактерных памятников, залегающих в определенных геологических условиях»[9].

Надо отметить также, что подобные единые в индустриальном отношении памятники часто содержат кремневый материал, развивающийся, эволюционирующий (что прослеживается по различному характеру патины и по вторичному использованию ряда орудия), но продолжающий тем не менее оставаться индустриально единым. Видимо, в силу каких-то особенностей специально производственного характера (в силу традиции) одни и те же пункты в течение долгого времени посещались определенными коллективами, оставлявшими строго определенную кремневую индустрию. Эта индустрия развивалась, но продолжала сохранять специфику типологического облика, свойственную только данному местонахождению. Не исключено, что в дальнейшем выяснится существование нескольких культурных горизонтов внутри покровных суглинков каждого такого локализованного участка, пока же их можно воспринимать как индустриально единый комплекс-памятник. При сравнении таких комплексов-памятников друг с другом можно установить три группы сочетаний в зависимости от соотношения их индустрий и от характера локализации памятников на местности.

1-я категория. Комплексы, относящиеся к одному культурно-историческому этапу (как правило, мустье), но имеющие различный облик индустрий. В эту категорию входят комплексы так называемого «тейяка» — индустрии раннемустьерского времени. Последняя характеризуется применением клектонских приемов в технике и зубчатым характером вторичной обработки орудий. Они локализуются как на верхнем плато горы Яштух, так и на 4-й террасе. Им противостоят в данной категории

---

[8] Состав «Комиссии...»: археологи — А. Н. Каландадзе, П. И. Борисковский, Н. З. Бердзенишвили, М. М. Трапш, В. П. Любин, З. А. Абрамова, И. И. Коробков; геологи — Л. Н. Соловьев (Сухуми), В. М. Муратов (Москва), В. Ф. Петрунь (Кривой Рог).

[9] Пункт 3 заключения «Комиссии...».

комплексы раннего леваллуа-мустье, локализующиеся у подножия Яштуха с северной стороны (Ахабиюк), в ущелье между Яштухом и Бырцем и, возможно, также на верхнем плато. Судя по некоторым условиям залегания (на верхнем плато предметы раннего леваллуа-мустье встречены в красноземах, а тейяк — в почве и выдувах), леваллуазская индустрия хронологически несколько более ранняя, чем тейякская. Она характеризуется слабой степенью вторичной обработки орудий, правильностью ретуши, применением леваллуазской техники. Такое сочетание свидетельствует об обитании на Яштухском местонахождении различных по производственному облику и, возможно, по экономике коллективов (если считать, что леваллуазская индустрия более свойственна коллективам охотников).

2-я категория. Сочетание комплексов, относящихся также к одному культурно-историческому этапу (как правило, ашелю), но представляющих собой две части одной индустрии. Они локализуются на разных участках и отличаются разным процентным составом определенных общих форм орудий. Иногда встречаются на одном пункте совместно. Эти комплексы зафиксированы у подножия горы Яштух и Бырца (5-я терраса) и на склоне. Данная ашельская индустрия представлена наибольшим количеством отдельно локализующихся комплексов: «комплекс с рубилом» — 5-я терраса — стоянка-мастерская; «комплекс склона», «Бырц I» — мастерские; «Бырц II» — поселение у подножия горы; «Бырц III» — поселение на площадке середины склона.

«Комплекс склона» отличается от «Бырца III» большим количеством нуклеусов и отходов производства, меньшим процентом орудий и пластинчатых заготовок, замененных здесь краевыми отщепами с коркой. Однако общий облик индустрии одинаков, одни и те же формы орудий, хотя в «комплексе склона» их меньше. В «комплексе с рубилом» процентный состав пластинчатых заготовок и орудий значительно больший. Но наряду с ними имеются и все типы заготовок и нуклеусов, что и в «комплексе склона». Сопоставление этих комплексов свидетельствует о существовании в ашельское время на Яштухе различных производственных комплексов внутри единой индустрии (стоянки и мастерские). На возможность существования памятников разного типа, отличающихся различным характером производства, неоднократно указывал в своих работах В. П. Любин [10]. Такие же различия характерны и для более поздних индустрий финального ашеля, отличающихся только несколько большей утонченностью форм.

3-я категория. Сюда входят комплексы хронологически и индустриально различные, но локализующиеся на одних и тех же высотных уровнях. Нередко они смешиваются. Однако их можно различить, применяя методику планиметрических сборов, или же выделить по характеру ожелезненности или окраски поверхности предметов, поскольку это свидетельствует о залегании в различных горизонтах покровных суглинков. Сюда следует отнести комплексы тейяка и леваллуа-мустье, залегающие рядом у обрыва правого берега р. Западной Сухумки и различающиеся по легкому ожелезнению леваллуазского комплекса. К этой категории относится и самый сложный для понимания пункт, составляющий северную часть основного пункта сборов С. Н. Замятнина (Я-1). Именно здесь материал наиболее сильно смешан. К счастью, таких пунктов на Яштухском местонахождении немного. Причины смешения различных комплексов на пункте № 1 кроются в специфике расположения самого пункта на местности. Он находится у дороги, идущей по продольной оси выступающего острым мысом к югу участка 5-й террасы. Ровная плоскость середины мыса не давала, по-видимому, возможности для накопления интенсивных покровных суглинков. Подвергаясь постоянному распа-

[10] В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, 131, 1965, стр. 55.

хиванию, эти маломощные отложения вскрывались на всю глубину, а залегавший в разных их горизонтах материал постоянно перемешивался. Этот процесс еще более осложнился примесью древнего материала, сносимого на ровную плоскость мыса с расположенных рядом предгорных участков. Именно здесь проводили сборы и С. Н. Замятнин, и геологи. Неподалеку отсюда были заложены шурфы экспедицией Н. З. Бердзенишвили. Таким образом, вероятно, неудачным стечением обстоятельств мы обязаны мнению о смешанности всех материалов Яштухского местонахождения. Однако материал пункта № 1 может быть также расчленен на характерные для Яштуха комплексы. Это облегчается тем, что часть покровных суглинков и материал, заключенный в них, носит следы ожелезнения. Степень же ожелезненности разных комплексов неодинакова. Всего здесь выявлено пять комплексов (все они встречены в чистом виде на ряде других пунктов Яштуха): а) древний ашельский, не ожелезненный, с глубокой патиной, снесен с предгорных участков; б) древний ашельский, сильно ожелезненный, равный предыдущему, залегал в суглинках; в) финально ашельский в леваллуазской фации, ожелезненный; г) финально ашельский нелеваллуазской фации, не ожелезненный; д) комплекс позднего зубчатого мустье — самый поздний из всех, выделяется по специфическим формам орудий и заготовок и по кремню.

Комплексы, отнесенные в 3-й категории, свидетельствуют о заселении одних и тех же участков местонахождения, удобных для жизни, в течение разных хронологических (и, вероятно, климатических) периодов, а также о возможности расчленения разновременных горизонтов покровных суглинков.

Повторяемость ряда комплексов, о которой шла речь выше, позволяет высказать мысль о наличии на Яштухском местонахождении определенной индустрии, а несходство между собой отдельных групп комплексов показывает, что на данном памятнике существовало несколько различных кремневых индустрий. Судя по ряду других памятников, эти индустрии были, видимо, характерны для всего региона Черноморского побережья Кавказа.

Древнейшую из них составляют ашельского облика комплексы, которые в типологическом отношении характеризуются преобладанием грубых скребуще-рубящих орудий и большим удельным весом выемчатых и скребковых форм (рис. 1, *4, 10, 11, 13, 14*). Интересно отметить, что, наряду с обычными клектонскими анкошами, для этой индустрии характерны своеобразные формы орудий с выпукло-выемчатыми рабочими краями и острием между ними (рис. 1, *3, 7, 8*). Такая форма орудия постоянно встречается во всех ашельских комплексах Яштуха, но совершенно не характерна для ашельских индустрий других районов Кавказа. Ни в Армении, ни в Центральном Закавказье, ни на Северном Кавказе такой типологической формы пока не найдено. Своеобразными по оформлению являются и так называемые «унифасы» — орудия скребуще-рубящих функций, у которых рабочие края прямые, расположены под углом 90° друг к другу и оформлены техникой отески, а не ретуши. Техника вторичной обработки полностью идентична приемам оформления ручных рубил, только здесь эти приемы используются для изготовления односторонне обработанных орудий с поперечными краями. Ручные рубила встречены в единичных экземплярах, имеют ланцетовидную уплощенную форму острого конца, что также является чертой специфической и совершенно не характерной для прочих ашельских индустрий Кавказа. Накапливается, таким образом, значительное число специфических черт, позволяющих считать, что у данной ашельской индустрии имеются свои, местные корни. Этот вывод подкрепляется и особенностями оформления нуклеусов. Ашельской индустрии Яштуха в большей мере, чем какой-либо из кавказских индустрий свойственны черты клектонской отщеповой техники, применяемой также для получения пластин. Ряд характерных

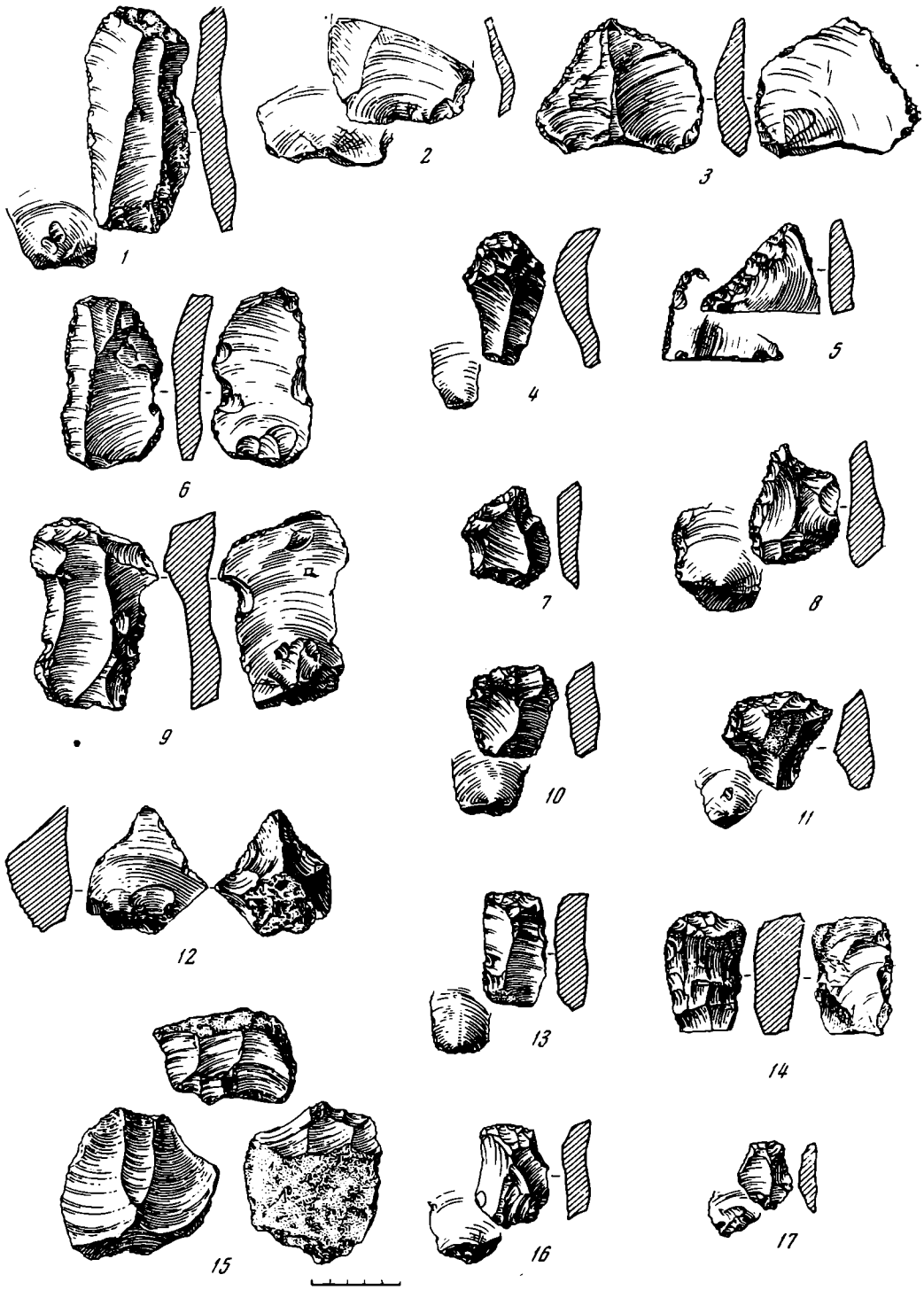


Рис. 1. Ашельский комплекс Яштуха и Бырца

Пункт 2а (*1—4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 16*), Бырц (*5, 8, 11, 14, 17*)

деталей орудий и нуклеусов свидетельствуют о зарождении в технике раскалывания кремня протолеваллуазских приемов. Есть все данные для того, чтобы считать, что эта прогрессивная техника возникает здесь самостоятельно, на местной основе. В отличие от Армении, где сложение леваллуа происходит на основе дисковидного скалывания и вырабатывается техника отделения одного крупного леваллуазского отщепа, здесь предпочтение оказывается получению удлиненных пластин, отщепление которых идет с нуклеусов ортогонального, конусовидного и многогранного типов. Выработке таких форм ядрищ, видимо, способствовало сложение своеобразных приемов ортогонального скалывания, обусловленное характерным качеством местного сырья.

При оценке данной древнейшей индустрии Яштуха прежними исследователями имелась тенденция механически разделять ее на два комплекса: шелльский (наиболее грубый в техническом и типологическом отношении) и ашельский с чертами протолеваллуазской пластинчатой техники. В настоящее время выделение шелльского комплекса кажется не целесообразным. Такой комплекс в строго локализованных условиях не встречен, а морфологически грубые вещи всегда могут быть составной частью любой индустрии. Однако специфические черты Яштухского ашеля могли сложиться только в течение значительного периода времени. Сложение их можно рассматривать как результат либо постепенной эволюции местного населения, либо быстрой трансформации под влиянием местных сырьевых и природных факторов кремневой техники пришлого населения. Последнее, вообще говоря, маловероятно, поскольку все, что мы знаем о кремневой технике древнего человека, говорит за то, что она была чрезвычайно консервативна. Поэтому нельзя исключить возможности выделения очень небольшого количества древних форм, относящихся к раннеашельской индустрии, и выявления в будущем локализованных комплексов таких предметов. В этом случае они должны будут иметь несомненные генетические связи с индустрией прибрежных районов юга Анатолии, где в недавнее время выявлены сходные «чопперовидные» комплексы [11]. Возможно, впрочем, что это сходство будет лишь свидетельством конвергентного характера сложения одинаковых технических приемов в одинаковых природно-климатических условиях, тогда этот факт еще более интересен.

Древняя ашельская индустрия Яштуха эволюционирует тут же, на месте, доказательством чего служат отдельно локализованные комплексы самого финального ашеля.

С началом мустье в данном регионе можно констатировать уже две параллельно эволюционирующие индустрии. Обе имеют общие корни в местном ашеле, но заимствуют из него разное. Видимо, на самой поздней стадии финального ашеля происходит разветвление прежде единой ашельской индустрии Черноморского региона на два параллельно развивающихся индустриальных ствола. Один из них, который мы по аналогии с рядом западноевропейских комплексов с полным основанием можем называть «тейякско-зубчатым», состоит из двух индустрий, развивающихся одна из другой: более ранней — собственно тейякской и более поздней — индустрией зубчатого мустье.

Тейякская индустрия не имеет почти никаких признаков леваллуазской техники (IL — 3) характеризуется применением клектонских приемов непластинчатого скалывания (Ilam — 6. 1F — 1) Нуклеусы укороченных, подпризматичных и конусовидных типов (рис. 2, *23—27*). В типологическом отношении ее характеризуют орудия с зубчатыми и выемчатыми рабочими краями (Ident — 71), представлены мелкие рубящие

[11] Şevket Aziz Kansu. Юго-Восточная Анатолия и индустрия Chopper-Chopping Tools (на турецком языке). Belleten Türk Tarih Kurumu Inst., XXVIII, Ankara, 1964.

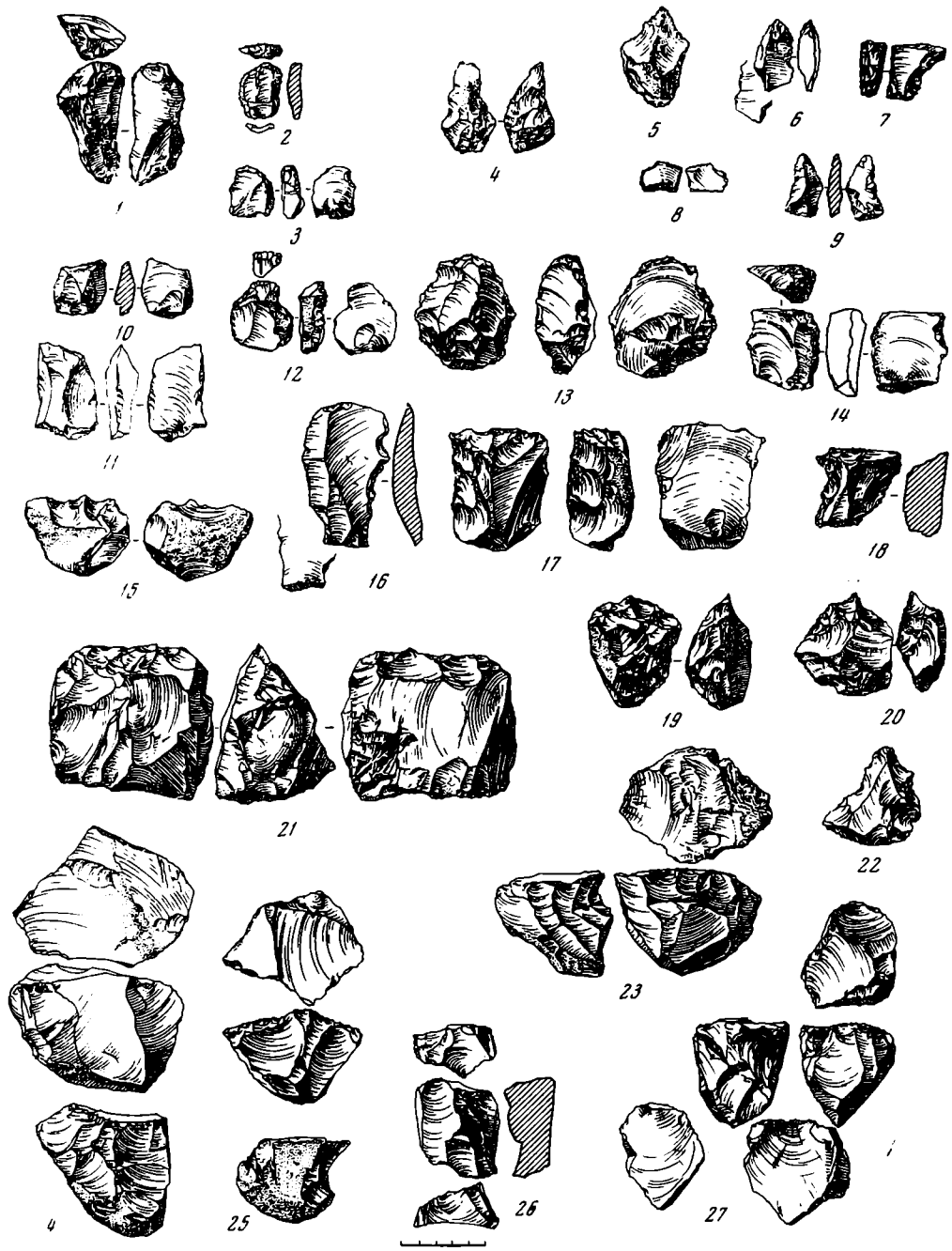


Рис. 2. Тейякский комплекс Яштуха (пункт 3)

орудия (рис. 2, *17, 19, 21*), разного рода скребловидные и скоблевидные формы с асимметричными остриями или закругляющими выступами на стыке рабочих краев (рис. 2, *14, 18, 20, 22*), собственно острия (рис. 2, *6, 9*) и «тейякские остроконечники» (рис. 2, *4, 5*). Вторая группа орудий, широко представленная в тейяке,— это разного рода асимметричные концевые скребки (рис. 2, *1—3, 12, 13*).

Индустрия зубчатого мустье имеет больше признаков пластинчатости в технике. Однако эта черта заключается не в появлении пластин с параллельным ограничением краев, а прежде всего — в более тонком сечении заготовок и уменьшении массивности площадок. Налицо и увеличение

процента леваллуазских заготовок, прежде всего треугольных острий. Однако процент фассетажа площадок минимален. Изменяется и характер нуклеусов: заметна большая тонкость, изящность и правильность негативов, отсутствие забитости у площадки подпризматических нуклеусов. Появляется своеобразная форма ядрища, занимающая по своим морфологическим признакам промежуточное положение между диском, многогранником и шаровидным нуклеусом. Такие ядрища имеют несколько горизонтальных площадок, которые располагаются по отношению друг к другу в различных неортогональных плоскостях. Смыкаясь между собой краями, последние образуют извилистый край, напоминающий край дисковидного нуклеуса. Эти изменения в технике сопровождаются использованием иной породы кремня: более тонкозернистой и пластичной, пестрой по окраске. Такая порода на более ранних этапах на Яштухе не употребляется [12].

Однако зубчатый характер типологии по-прежнему сохраняется, а основные группы орудий, известные еще в тейяке (рубящие орудия, зубчатые и скребковидные формы), сохраняют те же пропорции. Сходные индустрии в других районах Черноморского побережья Кавказа были встречены только в пещерных памятниках (Ахштырская, Хостинская и Воронцовская пещеры в Сочинском районе).

Линию развития другого ствола мустьерских индустрий представляет раннелеваллуазская индустрия Яштуха и ряд комплексов стоянки близ с. Хейвани (в 150 *км* к северу от Яштуха), характеризующих стадию позднего леваллуа-мустье. Яштухская раннелеваллуазская индустрия имеет явные черты своеобразия по сравнению с любой другой леваллуазской индустрией за пределами Черноморского побережья. Своеобразие техники проявляется прежде всего в слабой степени вторичной обработки ударной площадки (IF — 21), несмотря на довольно высокий индекс технического леваллуа (IL до 35). Эта особенность вообще свойственна палеолиту данного региона. Нуклеусы немногочисленны и представлены обычными леваллуазскими формами (треугольными и четырехугольными). Большой процент составляют специфические формы дисковидного леваллуазского ядрища — «нуклеус с круговой площадкой» (рис. 3, *10, 22*). С типологической стороны эту индустрию характеризуют широко распространенные в леваллуа формы орудий без ретуши (рис. 3, *6, 15*) и боковые скребла с тщательной вторичной обработкой (рис. 3, *8—17*). IL_{ty} — 30—40%, т. е. больше, чем индекс технического леваллуа. Однако процент орудий к числу предметов невелик (10% против 25—30% в тейякских комплексах). Интересно отметить, что цифры индексов леваллуа значительно меняются в позднелеваллуазской индустрии Хейвани. Увеличивается индекс леваллуа технического (IL 60—75%), он еще более возрастает с увеличением количества предметов. Индекс пластинчатости относительно стабилен по сравнению с раннелеваллуазской индустрией Яштуха, а индекс подправки площадки возрастает до 65% на пунктах с большим числом предметов. Наоборот, процент типологически четких форм орудий значительно уменьшается. Таким образом, налицо явное и прогрессирующее развитие леваллуазской техники, свидетельствующее о дальнейшей эволюции всего ствола этой своеобразной индустрии. Характерно и то, что Хейванское местонахождение представляет собой открытый памятник, расположенный всего в нескольких десятках километров от Ахштырской пещеры, давшей комплекс мустье зубчатого. Это полностью соответствует отмеченному на Яштухе параллельному существованию и развитию на одной территории леваллуазских и нелеваллуазских индустрий [13] и позволяет считать, что последние характерны преимущественно для пещерных памятников.

[12] И. И. Коробков. Нуклеусы Яштуха. МИА, 131, стр. 104, 105, рис. 9.

[13] Н. И. Гумилевский и И. И. Коробков. Местонахождение каменного века у села Хейвани (Черноморское побережье Кавказа). КСИА АН СССР, 111, 1967.

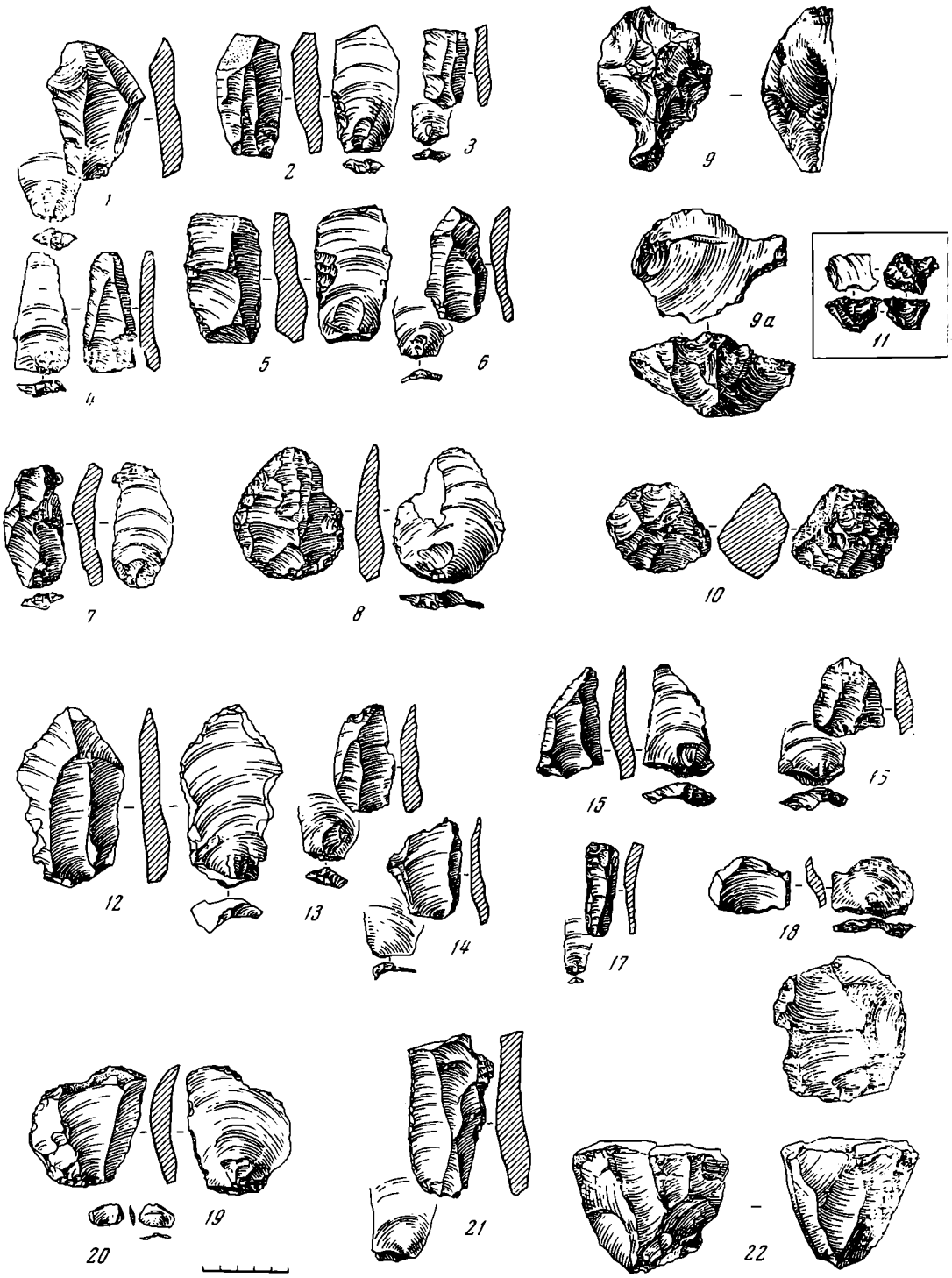


Рис. 3. Два комплекса ранней леваллуа-мустьерской индустрии Яштуха

Пункт Ахабиюк (*11—22*), пункт «1-й карьер» (*1—10*)

На первый взгляд индустрии обоих стволов не имеют друг с другом ничего общего, различаясь как по технике, так и по типам орудий. В то же время на раннем этапе их развития прослеживается определенная генетическая связь с местным ашелем (ср. рис. 1). Причем замечено, что разные стволы воспринимают из единой ашельской индустрии разное. Тейякская индустрия наследует зубчатость вторичной обработки, клектонскую технику и ряд общих форм орудий (концевые скребки, рубящие орудия, скребки-стамески), ранняя леваллуазская — пластинчатость техники с с характерными медленно изживаемыми архаическими признаками и обычный леваллуазский набор орудий, хотя уже и без специфических ашельских форм. И все же при внимательном изучении между двумя, будто бы взаимоисключающими, индустриями обнаруживается одна объединяющая их черта в характере инвентаря, проявляющаяся не в виде заимствования отдельных форм друг от друга, а в общности самой идеи оформления орудий. В данном регионе общность эта — идея зубчатости, редко встречающаяся в леваллуазских индустриях других территорий. Она проявляется как на ранней ступени (ср. рис. 3, *9*, *10* и рис. 2, *8*), так и на поздней между отдельными формами зубчатого мустье и леваллуазского комплекса Хейвани. Такие орудия, имеющие с орудиями противоположной индустрии общие принципы оформления рабочего края, в пределах данного комплекса всегда единичны. Отсутствие серийности таких орудий говорит о том, что их производственная функция в целом была не столь уж необходима данному коллективу. В то же время отличия от типологических серий сходных орудий противоположной индустрии не позволяют считать, что они были просто заимствованы у другого производственного коллектива, а говорят о том, что технические навыки изготовления орудий в разных производственных коллективах были различны. В этом и кроется коренное отличие дивергентных индустрий от разного типа памятников одной индустрии (стоянки, мастерские).

Как видно из изложенного выше, Яштух дает достаточно новых фактов для того, чтобы попытаться на их основе сделать ряд выводов, справедливых и для более широких территорий. В последние годы все большее число исследователей стало обращать внимание на раннемустьерские комплексы, отличающиеся нелеваллуазскими чертами. Ранее такие комплексы считались непоказательными и неясными, поскольку они не обнаруживали набора строго определенных и обязательных для мустье форм орудий (остроконечника, скребла и рубильца), которыми, как полагали, довольствовался неандерталец в любом уголке мира. Они получили название «тейякских», синонимом чего стало «неясный». Различия между тейякскими комплексами различных территорий вызывали недоумение, и раздавались голоса, призывавшие ограничить «тейяк» рамками одной индустрии. С нашей точки зрения, данные, полученные на Яштухском местонахождении и свидетельствующие о сосуществовании раннего леваллуа и тейяка, позволяют высказаться не за сужение его до размеров одной индустрии, а за расширение до понятия фации. «Тейякская фация» в закономерностях своего развития должна быть подобной уже давно получившей права гражданства «леваллуазской фации», но полностью отличаться от нее по технико-типологическим показателям. В этом случае уже выделяемая некоторыми исследователями «нелеваллуазская фация» позднего мустье закономерно займет место деривата «тейякской фации», будучи проявлением дальнейшей эволюции данной технической общности. Тогда разницу между ней и тейяком следует рассматривать не в генетическом плане, а скорее эволюционном, так же, как между Леваллуа VII и Леваллуа I Брейля.

Поскольку на яштухском материале прослеживаются общие корни как леваллуазской, так и тейякской фации, можно считать, что и та и другая возникает из местного ашеля, на местной же основе. Вполне вероятно,

что на позднем этапе ашельского времени единая «причерноморская древнепалеолитическая культура Кавказа», имеющая весьма своеобразный облик, разветвляется на две сосуществующие и параллельно развивающиеся мустьерские индустрии, которые относятся к разным фациям мустьерской техники. Этому явлению, которое начинает прослеживаться с конца ашельского времени, мы предлагаем дать название «дивергенции».

Не менее показателен и тот факт, что с началом верхнего палеолита перестают встречаться отдельно локализующиеся памятники леваллуазской и нелеваллуазской технической фации. Техника леваллуа поглощается более прогрессивной призматической техникой раскалывания кремня, перестает существовать как отдельная, своеобразная фация кремневых индустрий; отмирают и дериваты ее внутри генетически единых коллективов. Однако это не означает отмирания самих леваллуазских приемов обработки кремня, они, как и клектонские приемы, будучи завоеванием человеческого разума, берутся на вооружение призматической техникой и проявляются лишь как составные, подсобные части последней. Мы сможем логически обоснованно интерпретировать эти факты, только приняв гипотезу о том, что в основе разветвления на две фации в технике обработки кремня лежит закономерно выдвигаемое в процессе эволюции человеческих обществ требование разделения на производственные коллективы, существующие самостоятельно и развивающие каждый свои приемы и методы обработки и изготовления орудий, свои методы производственной деятельности, т. е. на коллективы определенного хозяйственного назначения. Бросается в глаза и еще один факт. Известно, что мустьерская культура — это культура неандертальской ступени развития морфологического типа человека, а верхний палеолит дает нам индустрии Homo sapiens. Следовательно, период разветвления, прослеживаемый в материале Яштуха, период дивергенции в кремневых индустриях начинается с началом мустье и прекращается с его концом. Можно считать с полным основанием, что дивергенция свойственна индустриям именно неандертальца и никого другого. Дивергенция дает возможность появления экономически более продуктивных производственных объединений. Происходит как бы специализация отдельных частей единой общности (племени, группы племен?) по производственному признаку. Такая специализация могла дать значительное увеличение запасов пищи и тем самым, наряду с развитием технических навыков, способствовать более быстрому созданию предпосылок для изменения морфологического строения самого человека — предпосылок перехода к Homo sapiens. Таким образом, дивергенция кремневых индустрий неандертальца способствовала процессу его «сапиентизации».

Итак, за индустриями Яштухского местонахождения скорее всего можно видеть не генетически различное население, мигрировавшее в данную область из различных регионов, а разветвление под влиянием законов эволюции генетически единого населения Черноморского региона Кавказа на хозяйственно различные производственные коллективы (например, «охотники» и «собиратели», «добытчики пищи» и «потребители пищи») Несомненно, что наличие дивергенции как производственно-экономической потребности предполагает высокий уровень развития общественных институтов и социального сознания неандертальца, гораздо более высокий, чем предполагалось до сих пор.

К таким выводам позволяют нам прийти факты, полученные в результате пятилетних исследований Яштухского местонахождения, которое несомненно должно занять одно из ведущих мест в ряду опорных памятников нижнего палеолита СССР.

А. Ф. ГАНЯЛИН

РАСКОПКИ в 1959—1961 гг. на АЛТЫН-ТЕПЕ

Древнеземледельческое поселение Алтын-Тепе площадью около 60 *га* находится в Южном Туркменистане, в 50 *км* юго-восточнее ст. Душак у с. Меана Каахкинского района. В плане оно представляет собой бесформенный, вытянутый с северо-востока на юго-запад холм, с довольно крутыми склонами, особенно с восточной и южной стороны. Высота его отдельных точек над окружающей равниной достигает 20 *м*.

Открытие Алтын-Тепе, одного из крупнейших памятников древнеземледельческой культуры (как и ряда других, находящихся в этом районе), принадлежит А. А. Семенову, возглавлявшему в 1929 г. 2-ю Хаверанскую экспедицию, изучавшую исторические памятники подгорной полосы Копет-Дага[1]. В 30-х годах холм Алтын-Тепе неоднократно обследовался А. А. Марущенко[2]. В 1949 г. одним из отрядов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), изучавшим архитектурные памятники в районе с. Меана, параллельно было обследовано и городище Алтын-Тепе. По общему облику поселения и собранному подъемному керамическому материалу было сделано заключение о его близости к известному древнеземледельческому памятнику Намазга-Тепе[3].

В 1951 г. поселение обследовалось археологическим отрядом Музея истории АН ТуркмССР. Помимо сбора подъемного материала было заложено несколько небольших шурфов[4].

Первые опубликованные сведения об Алтын-Тепе фактически относятся к 1953 г. и принадлежат профессору Б. А. Куфтину[5]. В 1953 г. на Алтын-Тепе с целью уточнения некоторых вопросов стратиграфии памятников проведены разведочные раскопки автором[6].

Особую значимость этот памятник приобрел после первых стационарных раскопок ЮТАКЭ на Намазга-Тепе, развернувшихся в 1949—1950 гг.[7] и затем продолженных ИИАЭ АН ТуркмССР и ЮТАКЭ в 1952 г.[8]

---

[1] А. А. Семенов. Древности Мехенейского района (рукопись хранилась в рукописном фонде библиотеки АН ТуркмССР).

[2] Материалы А. А. Марущенко хранятся в Музее краеведения АН ТуркмССР.

[3] Г. А. Пугаченкова. Отчет о работе VII отряда ЮТАКЭ в 1949 г. (рукопись хранится в архиве ЮТАКЭ); М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1951, стр. 15—16.

[4] С. А. Ершов. Археологические памятники Туркмении, стр. 24 (рукопись хранится в Музее истории АН ТуркмССР).

[5] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «Культуры Анау». ИАН ТуркмССР, 1, 1954; Его же. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

[6] А. Ф. Ганялин. Алтын-Тепе (по материалам работ 1953 г.). Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, V, 1959, стр. 30—44.

[7] Б. А. Литвинский. Намазга-Тепе по данным раскопок 1949—50 гг. СЭ, 1952, 4, стр. 30—52.

[8] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «Культур Анау»; Его же. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ..., стр. 250—290.

Поскольку верхний слой Алтын-Тепе чрезвычайно близок по материалу к Намазгинскому, этот памятник был избран объектом широких археологических работ, которые проводились ИИАЭ АН ТуркмССР, а позднее и ЮТАКЭ.

Рельеф поверхности холма относительно ровный (с небольшим понижением к северо-западу). На городище оконтуриваются две площади, одна в северо-восточной части, вторая в южной. Первая площадь имеет подковообразную форму и возвышается над уровнем окружающей такыровой равнины на 5 *м* (по всей вероятности, она являлась площадью и в более древние времена). Узкий подъем к ней, имеющий ныне вид промоины, является скорее всего въездом на городище. Вторая площадь, судя по возвышающемуся над ней общему рельефу городища, сложилась не ранее времени Намазга IV.

В окрестностях Алтын-Тепе отмечены следы древних русел. Одно из них, беря свое начало в предгорьях, проходит рядом с южной окраиной городища, уходя далее в восточном направлении. Другое русло проходит в 200 *м* севернее холма. Равнина к югу от городища усыпана обломками керамики времени Намазга V.

Основными работами на Алтын-Тепе в течение 1959—1961 гг. являлись: а) вскрытие и изучение обводной стены; б) раскопки жилых комплексов верхних слоев городища; в) раскопки гончарных печей.

Вскрытие обводной стены было начато в 1959 г. и продолжалось в 1960—1961 гг. на северо-восточном склоне небольшого холма, выступающего в виде мыса у отмеченного выше въезда. После зачистки по склону на высоту 10 *м* от уровня такыровой равнины выявилась кладка стены шириною по верху до 4 *м*, а дальнейшая ее расчистка с внутренней и внешней сторон подтвердила наличие довольно монументальной обводной стены. Позднее на склоне был заложен раскоп протяженностью в 100 *м*. Вскрытие стены и ее расчистка позволили установить по крайней мере два периода ее существования.

Стена раннего периода сложена из сырцового кирпича размером 48×24×10—12, 46×23×12—12 и 32×30×15×10 *см*. Кладка в перевязку. В одном из разрезов отмечен иной прием кладки, сводившийся к тому, что квадрат забивался пахсой. Эта стена длиною до 60 *м* прослежена с севера на юг от основного въезда до центрального разреза, за которым она под углом поворачивает в юго-западном направлении и уходит в глубь холма.

Ранняя обводная стена местами сохранилась на высоту до 4 *м* при толщине немногим более 2 *м*. В центральном разрезе установлено, что она возведена непосредственно на культурных слоях времени Намазга III, а примыкающие к ней культурные слои дают керамику Намазга IV. Таким образом, время сооружения стены может быть отнесено к ранней поре Намазга IV. При ее расчистке с внешней стороны (в северной части раскопа) вскрыты три выступа типа пилястр, конструктивно связанные со стеной, размеры их 50 × 50 *см*, и отстоят они друг от друга на расстоянии 2 *м*. По-видимому, первоначально здесь находилось какое-то здание, но в пору сооружения поздних оборонительных стен восточная часть его была заложена кирпичом и пахсой.

Время сооружения поздних оборонительных стен хорошо датируется керамическим материалом, полученным при их расчистке. В центральном разрезе в результате расчистки по внутренней стороне стены до ее основания и под ней установлено, что стена возведена на культурных слоях времени Намазга IV. Культурные слои, непосредственно примыкающие к ней, также датируются этим временем.

Таким образом, более древняя стена, сооруженная на культурных слоях времени Намазга III, может быть датирована ранним этапом, а верхняя — соответственно поздним этапом Намазга IV.

По имеющимся на сегодня данным общая характеристика стен всего

городища дана быть не может. Возможно, стенами были обнесены лишь отдельные массивы Алтын-Тепе. Дальнейшие раскопки и изучение фортификационных сооружений городища позволят осветить этот интересный и важный вопрос. Для собственно алтыновского времени (верхний слой городища соответствует времени Намазга V) никаких признаков наличия оборонительных стен нет. Больше того, при зачистке стен позднего периода выявлено, что строительные комплексы Намазга V перекрывают их.

В процессе расчистки обводной стены на всем ее протяжении было зафиксировано около 50 погребений. По типу захоронений их можно подразделить на три группы: погребения в могильных ямах; в погребальных камерах; в специальном погребальном архитектурном комплексе.

Все погребения (за исключением одного) обнаружены с внешней стороны оборонительной стены. Большинство их относится к первой группе. Могильные ямы впущены в отвалы, состоящие из материалов разрушения, золы, органических остатков. Погребения этой группы бедны, из большого количества вскрытых костяков только у восьми имелся инвентарь, состоящий из одного-двух сосудов. Положение погребенных, как правило, скорченное, на правом боку, руки поднесены к лицу. Преобладает северо-восточная ориентировка. Приведем описание нескольких наиболее сохранившихся и имевших при себе инвентарь.

Погребение № 1 обнаружено у северного массива. Костяк подростка скорченный, лежащий на правом боку, ориентирован головой на север. В изголовье находились: красноангобированный расписной кувшинчик, расписная светлоглиняная чашечка и поделка типа амулетика из мраморовидного известняка.

Погребение № 2 — парное. Оба костяка взрослых людей лежали в скорченном положении на правом боку, головой на север. У бедра восточного костяка найдены черноглиняная круглодонная чаша, у подбородка западного костяка — мраморная поделка, возможно светильник.

Погребение № 3 (детское) вскрыто у основного раскопа-траншеи. Костяк скорченный, лежал на правом боку, ориентирован головой на северо-восток. У лица найдена расписная чашечка.

Погребение № 4 неподалеку от южного массива. Костяк в скорченном положении, на правом боку, ориентирован головой на запад. Погребальный инвентарь представлен каменным пестиком и одной крупной глиняной бусиной шаровидной формы.

Погребение № 5, у основного раскопа-траншеи. Костяк взрослого человека помещен в специально сделанный в стене подбой, лежит на правом боку, почти в вытянутом положении, ноги слегка согнуты, руки у подбородка, ориентирован головой на север. Найдено два красноангобированных расписных сосуда, один у головы, другой у живота.

Погребение № 6 обнаружено в основном раскопе-траншее, у края внутренней части оборонительной стены. Костяк взрослого человека, скорченный, лежал на правом боку, головой на северо-восток. У живота погребенного находились; расписной сосудик, мраморный сосудик с гофрированным горлышком, бронзовая булавка и обломанная статуэтка беременной женщины (рис. 1).

К погребениям второй группы можно отнести три камеры, расчищенные с внешней стороны стены.

Камера № 1 площадью 6 *м*^{2} имеет в плане прямоугольную форму. Стены сохранились на высоту 40 *см* и сложены из сырцового кирпича размером 46 × 23 × 10—12 и 30 × 30 × 10 *см*. На полу было расчищено три костяка: два взрослых и один детский, скорченные, лежали на правом боку, руки поднесены к подбородку, ориентировка северо-восточная. Инвентарь отсутствовал. Характер завала внутри камеры позволяет предполагать, что камера имела сводчатое перекрытие [9].

[9] Весьма вероятно, что в принципе наша камера по своей конструкции очень

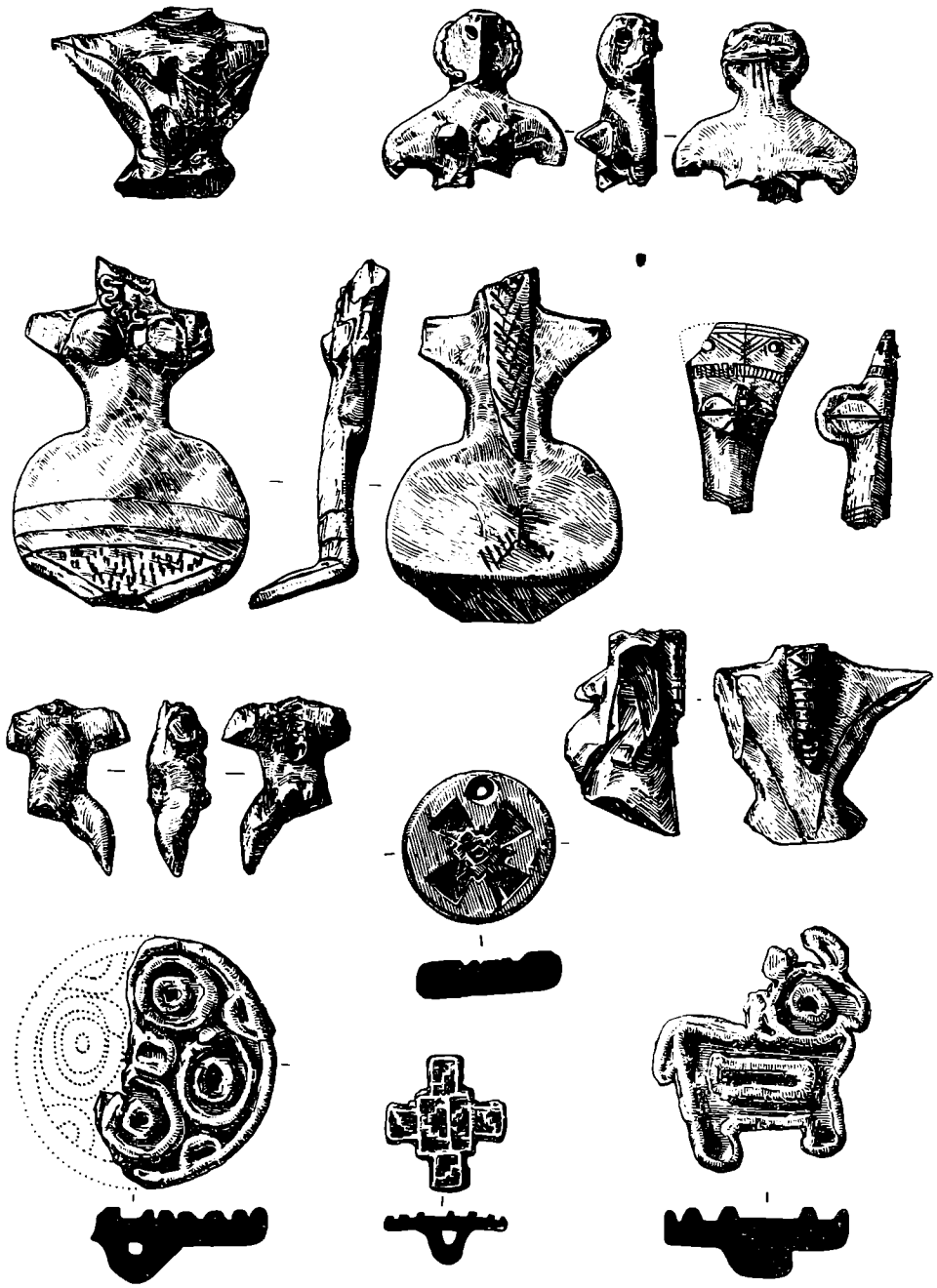


Рис. 1. Печати (нат. вел.) и статуэтки (1/2 нат. вел)

Камера № 2 в плане также прямоугольная, размеры ее 2×1,5 *м*. Стены сохранились на высоту 20—25 *см*, сложены из сырцового кирпича тех же размеров, что и в камере № 1. Здесь расчищено два костяка, взрослый и детский. Оба лежали на правом боку, руки поднесены к подбородку, ориентировка западная. Инвентарь отсутствовал.

Камера № 3, вскрыта в одной из траншей на западном склоне городища. Бо́льшая часть ее разрушена поздней гончарной печью (остался лишь угол камеры). В ней расчищено семь костяков, причем только один

близка к толосу А, вскрытому на энеолитическом поселении Геоксюр. См. В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961, стр. 284, 286.

скелет подростка лежал в обычном скорченном положении на правом боку. Остальные скелеты представляли собой беспорядочное нагромождение костей. Из погребального инвентаря найден только светильник из мраморовидного известняка, находившийся у лица скелета подростка. Светильник имеет форму усеченного перевернутого конуса с небольшой выемкой, закрытой крышкой с круглым отверстием в центре.

Третья группа погребений находилась в специальном погребальном архитектурном комплексе. Этот тип погребений представляет наибольший интерес. Погребальный архитектурный комплекс был выявлен при расчистке северного склона холма у основного въезда. Он представляет собой два ряда небольших прямоугольных сомкнутых помещений, вытянутых по склону с востока на запад. Всего выявлено шесть помещений, но полностью вскрыто только два.

Производившие их расчистку А. А. Марущенко и Д. Д. Дурдыев установили, что погребения образуют три яруса. Наблюдения, сделанные у основания стен помещений, позволили уточнить, что комплекс имел два периода существования с разным уровнем полов. Общая же планировка в принципе повторяется, верхние стены возведены на нижних. С нижним уровнем пола связан только один ярус погребений, два других относятся ко второму — верхнему уровню пола.

Погребения групповые, содержат от двух до четырех костяков, расположение их и ориентировка самые различные. Большинство костяков расчленено и кости находятся в беспорядке. Смещение костей свидетельствует о последовательном характере захоронений. Погребальный инвентарь обнаружен только у четырех костяков, расчищенных на полу верхнего здания. Это — глиняный расписной сосудик, три сосуда из мраморовидного известняка, мраморный светильник и крупная каменная бусина-подвеска. Вскрытые помещения, по всей вероятности, являлись семейными погребальными камерами, напоминающими склепы с групповыми захоронениями в Уре [10].

Все три рассмотренные выше группы погребений относятся ко времени Намазга IV.

В результате раскопок обводной стены и расчистки погребений добыт значительный керамический материал, в целом датируемый также временем Намазга IV. Следует отметить, что в общей массе керамика (рис. 2) очень фрагментирована, целые сосуды найдены главным образом в погребениях. Всю керамику можно подразделить на две группы — столовая и чайная посуда и крупные сосуды типа хумов и хумча, котлы и т. п.

Наиболее многочисленна первая группа. Она характеризуется высоким качеством изготовления, большим разнообразием форм, сложностью и многообразием мотивов росписи. Почти вся керамика этой группы (в основном тонкостенная) изготовлена на гончарном кругу из хорошо отмученной глины.

В настоящее время представляется возможным выделить следующие наиболее распространенные формы сосудов. Чаши, миски с высоким венчиком, горшки от очень миниатюрных до крупных, кувшины с высоким расширяющимся кверху горлышком, кубки с подкошенным поддоном и небольшие сосудики типа пиал. Большинство тонкостенных сосудов покрывалось росписью (черной или бурой краской по светлому или розовому фону, иногда по красному или светло-кремовому ангобу). Орнаментом украшалась обычно только верхняя часть сосуда до перегиба или ребра стенок, хотя бывают сосуды, покрытые росписью от венчика до дна.

Для росписи характерны мотивы, напоминающие ковровый орнамент. Одним из распространенных рисунков является фигура мальтийского кре-

[10] Л. Вулли. Ур Халдеев. М., 1961, стр. 193.

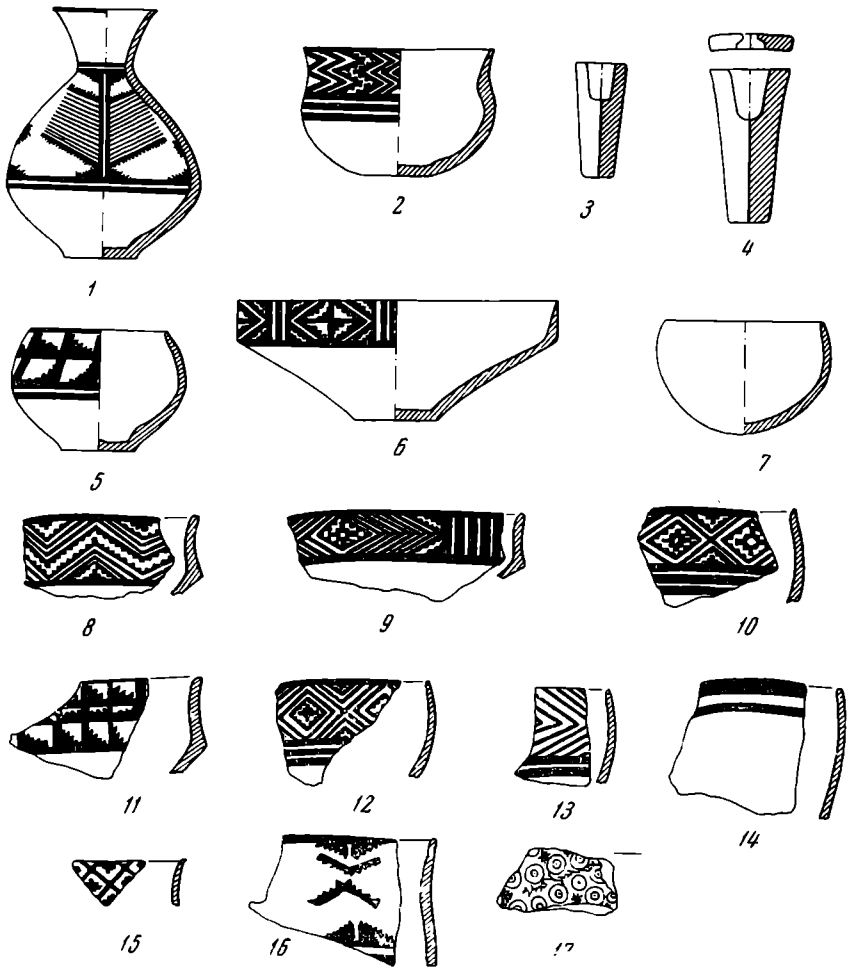


Рис. 2. Керамика времени Намазга IV

ста, вписанного в ромб, чередующаяся с двумя-тремя жирными вертикальными линиями. Часто встречается сложный орнамент, представляющий собой сочетание прямых и зубчатых линий с вписанными в них крестами, пирамидками, «звездами». Можно отметить также роспись в виде прямоугольного картуша с зубцами по углам и пирамидками, развернутыми по горизонтали, или из вертикально нанесенных зигзагообразных линий, чередующихся с ромбами, в которые вписаны кресты.

Попадаются орнаменты в виде вписанных кругов (так называемый солярный мотив), крупных пиловидных линий, нанесенных по тулову сосуда, вертикально или горизонтально. Все эти мотивы характерны для орнаментации крупных сосудов.

Найдено также несколько фрагментов керамики с полихромной росписью. Композиция обычна. Роспись нанесена черной и красной красками по светлому или светло-кремовому фону. В некоторых случаях чистый белый ангоб в сочетании с росписью черной и красной красками создает прекрасную трехцветную гамму.

Вся керамика времени Намазга IV с Алтын-Тепе обожжена в специальных гончарных печах. Последние здесь пока не были встречены, но известны из стратиграфического раскопа на Намазга-Тепе [11]. Гончарные печи времени Намазга V известны и на Алтын-Тепе. Наличие гончарно-

[11] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ..., стр. 267—270.

го круга и специальных обжигательных печей свидетельствуют о появлении керамического ремесленного производства уже в пору Намазга IV.

Среди находок следует отметить большое количество глиняных статуэток людей и животных, размеры последних очень невелики (5—7 *см* в длину при высоте 2,5—4 *см*). Совершенно определенно можно говорить о наличии скульптурных изображений козлов, баранов, крупного рогатого скота, верблюда, возможно, собаки и свиньи. Статуэток, изображающих людей, пока немного, и почти все они фрагментированы. В основном это женские фигурки, но есть и мужские.

Как правило, женские статуэтки изготовлены из хорошо отмученной глины без растительной примеси. Характерной особенностью является предельно стилизованная трактовка лица. Нос обычно сделан защипом, глаза в форме круглых углублений. Плавными линиями подчеркивалась талия и бедра, половой признак нанесен в нижней части живота в виде прочерченного треугольника. Грудь передана овальными налепами, руки опущены или разведены в стороны. Большое внимание уделялось прическе. Волосы или собраны на затылке, или толстой косой спускаются на спину. Часто небольшие косички опущены по шее на грудь.

Любопытна статуэтка беременной женщины, найденная в погр. № 4. Судя по сколам, руки у нее были опущены. Прочерченные линии от плеч до талии передают как бы шов на одежде. Толстая лежащая на спине коса заплетена, что передано нанесенными по ней поперечными зарубками.

Мужские статуэтки даны в еще более стилизованной манере. Сделаны они из грубой глины, высота 6—7 *см*, руки разведены в стороны, ноги широко расставлены и книзу заострены. У всех мужских статуэток головки не сохранились. Весьма интересно, что на некоторых фигурках в области живота, грудной клетки или спины имеются преднамеренно сделанные углубления. Эти «раны» являются скорее всего следствием каких-то определенных магических обрядов.

Любопытны схематические скульптурки с плоским устойчивым основанием, напоминающим шахматные фигуры. Они очень условны, но, как можно предполагать, в ряде случаев изображают людей с разведенными в стороны руками.

Из других глиняных предметов найдены в фрагментах глиняные поделки, покрытые штампованным орнаментом в виде ступенчатых пирамидок и крестов, закрашенных красной и черной краской.

Обнаружено и много других мелких керамических поделок: пряслиц конической формы со сквозным отверстием, булавок, глиняных шариков и пр. Встречены бронзовые или медные поделки: булавки с овальными, плоскими или фертообразным навершием, шилья, проколки, игла с ушком.

Помимо описанных выше работ на Алтын-Тепе проводилось изучение собственно верхнего слоя городища соответствующего времени Намазга V.

Раскопом, заложенным в центре городища на самой высокой точке, общей площадью более 500 $м^2$ вскрыты остатки стен почти 30 помещений, составляющих отдельные жилые комплексы, относящиеся по уровню полов к двум строительным периодам (рис. 3).

К первому относятся помещения расчищенные в южной части раскопа с уровнем пола — 230 *см* от нулевого репера. Здесь вскрыто 18 помещений, составляющих три жилых комплекса. Первый комплекс находится на южной окраине раскопа. Здесь расчищено шесть помещений полностью и два-три — лишь частично. Все они связаны между собой дверными проходами и от другой группы помещений отделены небольшой улочкой, шириной 1,5 *м*, проходящей с востока на запад. Непосредственно к этой улочке подходит вторая, шириною немногим более 1 *м*, идущая в направлении с юга на север. Она прослежена на расстоянии 20 *м*. По обеим ее сторонам вскрыты жилые помещения, связанные дверными проходами и составляющие, видимо, отдельные дома. Стены помещений, местами со-

хранившиеся на высоту 1,2 *м*, сложены из сырцового кирпича с примесью самана. Толщина стен колеблется от 70 до 35—40 *см*. Кладка осуществлялась в перевязку. Все стены в комплексах конструктивно связаны. Внутри стены покрывались глиняной саманной штукатуркой толщиной до 2 *см*.

Ко второму строительному периоду относятся помещения с уровнем полов — 30—50 *см* от репера, вскрытые в северной части раскопа. В силу

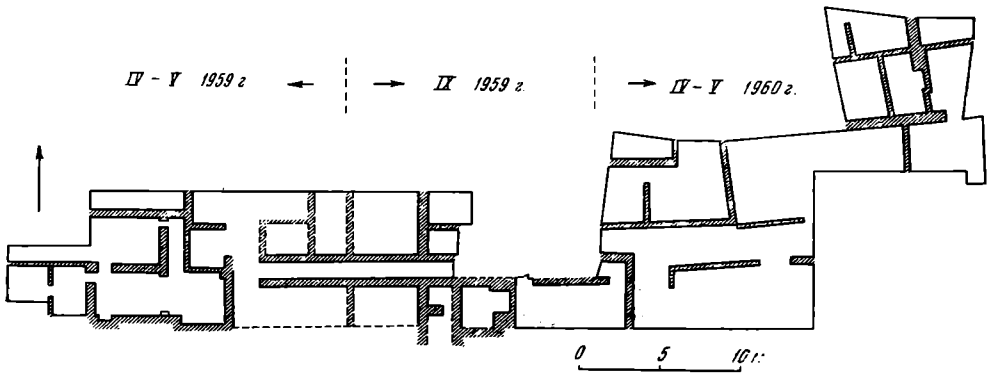


Рис. 3 План раскопа на «вышке»

плохой сохранности стен выявить или даже наметить здесь какие-то отдельные самостоятельные комплексы не представляется возможным. Постройки этого строительного периода сложены из такого же сырцового кирпича, как и постройки первого периода. Стены вскрытых помещений толщиной 25—30 *см* являлись, вероятно, перегородками внутри отдельных жилых комплексов.

В процессе раскопок строительных комплексов кроющего слоя городища получен значительный археологический материал, в первую очередь керамический. Среди сосудов можно выделить три группы: кухонная посуда; крупные сосуды типа хумов и хумчи и столовая посуда (рис. 4).

Кухонная керамика представлена довольно крупными круглодонными сосудами типа котлов, сосудами репообразной формы и сосудами типа тагора с массивным сливом. Вся эта посуда изготовлена из грубой глины с большой примесью песка и дресвы, алебастра или мелкодробленного кварца. Небольшие сосуды, как правило, тонкостенные и изготовлены на гончарном круге. Крупные сосуды (типа котлов) сделаны от руки.

Вторая группа сосудов изготовлена из хорошо отмученной глины, в изломе светлого или розового цвета. Большинство хумов и хумчи сделаны на гончарном круге, исключение составляют только хумы очень крупных размеров.

Чрезвычайно обильна и разнообразна столовая посуда, изготовленная на ножном гончарном круге из хорошо отмученной светлой глины. Основными формами являлись кувшинообразные и вазообразные сосуды, кубки, крупные глубокие или низкие плоскодонные миски, сосуды баночных форм и сосуды типа бутылей.

Вообще весь керамический материал характеризуется большой дифференцированностью форм, изящностью и центричностью их,— все это свидетельствует о высоком развитии гончарного ремесленного производства.

Исключительный интерес представляют обнаруженные при раскопках описываемого комплекса два «клада», находившиеся в стенах вскрытых помещений верхнего жилого комплекса на глубине 50 *см* от поверхности.

В первом «кладе» находилось пять сосудов: крупный сосуд типа хумчи, светлоглиняный кубок, чаша, горшочек и сероглиняный бутылеобразный или графинообразный сосуд (рис. 5, *2*). Чрезвычайный интерес представляют найденные здесь же игральные предметы из слоновой кости

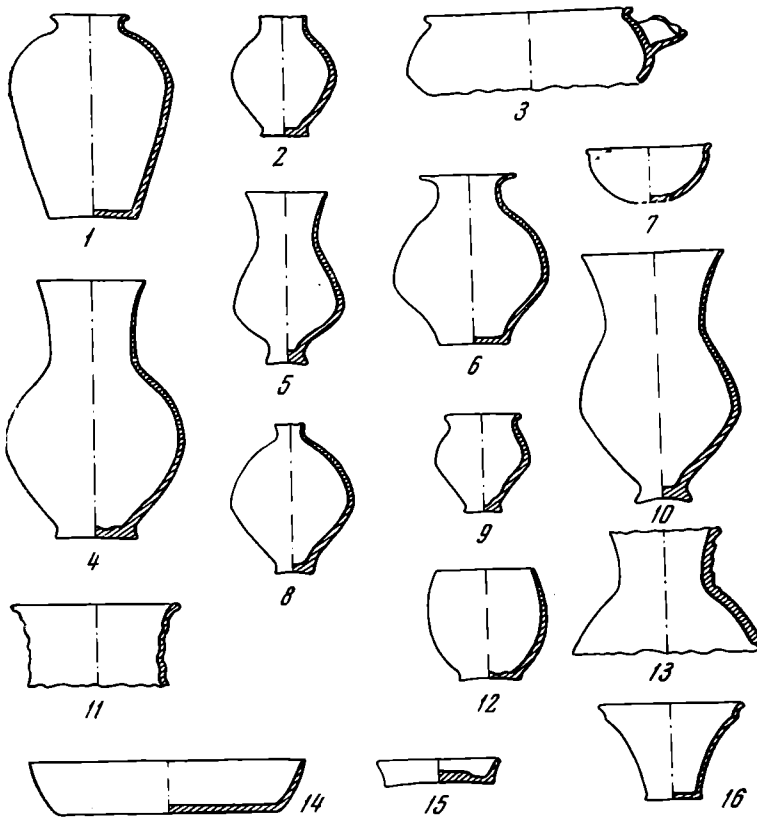


Рис. 4. Керамика времени Намазга V

(рис. 6, *6*, *10—20*, *24*, *25*). Это одиннадцать квадратных пластин размером 5 × 5 *см* при толщине 0,5 *см*, две круглых (диаметром 6 *см*) и несколько прямоугольных палочек. Все поделки покрыты орнаментом, причем удается наметить не только различия в орнаментике, но и в количествах круглых узоров на отдельных фишках.

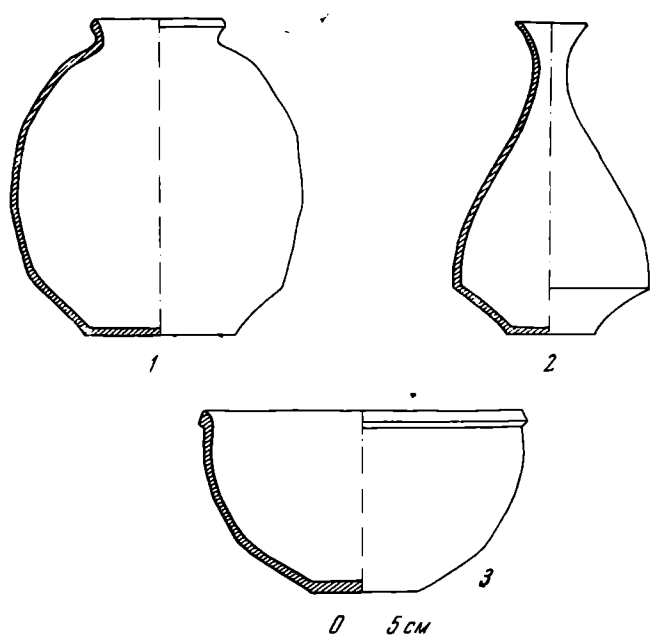


Рис. 5. Сосуды из первого клада

Во втором кладе находилось 13 сосудов (рис. 7). Это светлоглиняный крупный сосуд — хумча, большая глубокая миска, две мелкие чаши, три кувшина, бокал раструбоконической формы, бокал цилиндрической формы, глубокая чаша-пиала, тройной светлоглиняный сосудик в виде трех слепленных вместе горшочков. Особо следует отметить небольшой стака-

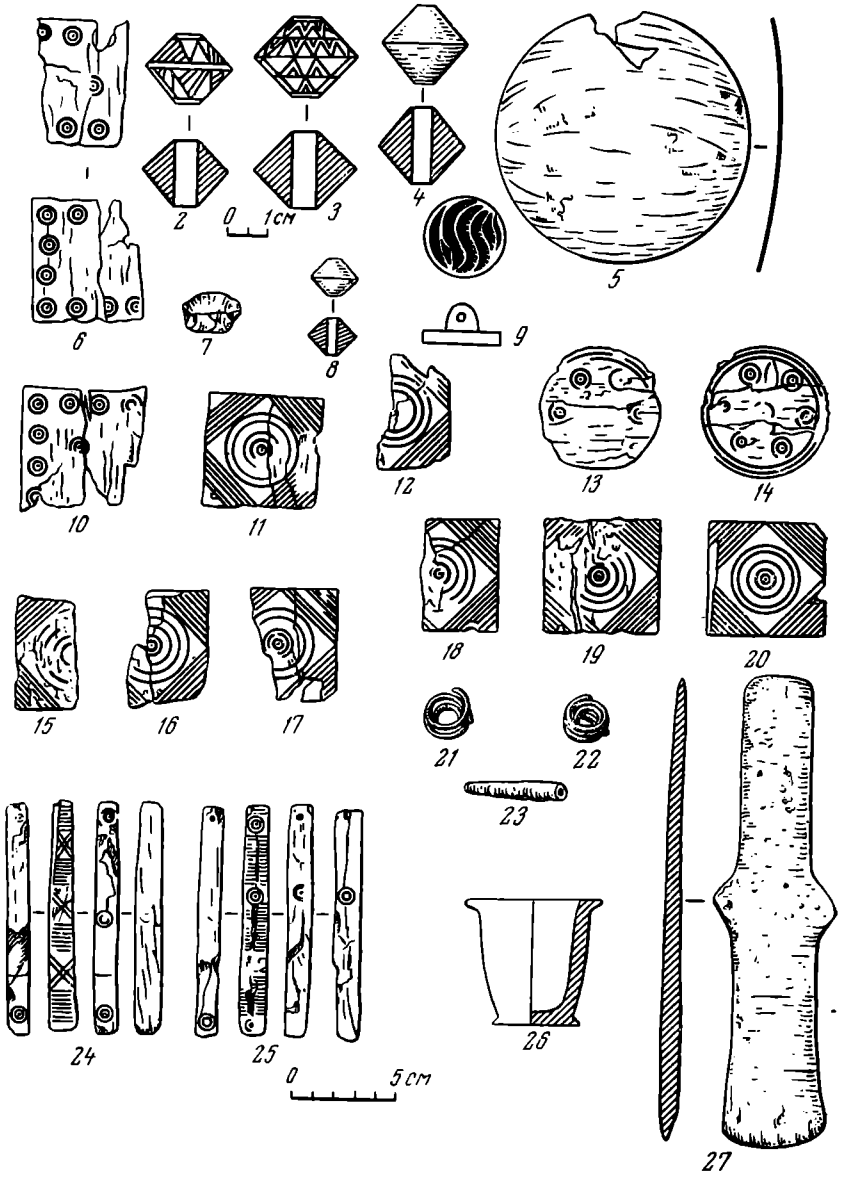


Рис. 6. Вещи из первого и второго кладов, серебряное тесло

нообразный сосудик из фаянса (рис. 6, *26*) и узкогорлый бронзовый сосудик, внутри которого помещен бронзовый стержень. Здесь находилось круглое слегка вогнутое бронзовое «зеркало» (рис. 6, *5*), медная булавка, три височных кольца (рис. 6, *21, 22*) и бусины — алебастровые, каменные и одна сердоликовая. Интересны две крупные каменные орнаментированные бусины-подвески (рис. 6, *2, 3*), фаянсовая подвеска и круглая плоская печать с волнистым штампом и выступающим ушком на спинке (рис. 6, *9*).

Найдены также прямоугольные палочки из слоновой кости, покрытые простым резным орнаментом в виде чередующихся поперечных линий, в

промежутки между которыми нанесен Х-образный знак. Большинство сосудов из этих кладов местного производства, но некоторые, вероятно, являются привозными (таков, возможно, сероглиняный бутылеобразный или графинообразный сосуд из первого «клада»). Аналогичные сосуды известны из слоя III Тепе-Гиссара [12]. Светлоглиняный кубок на ножке из первого «клада» очень близок по форме гиссаровскому из слоя II А [13].

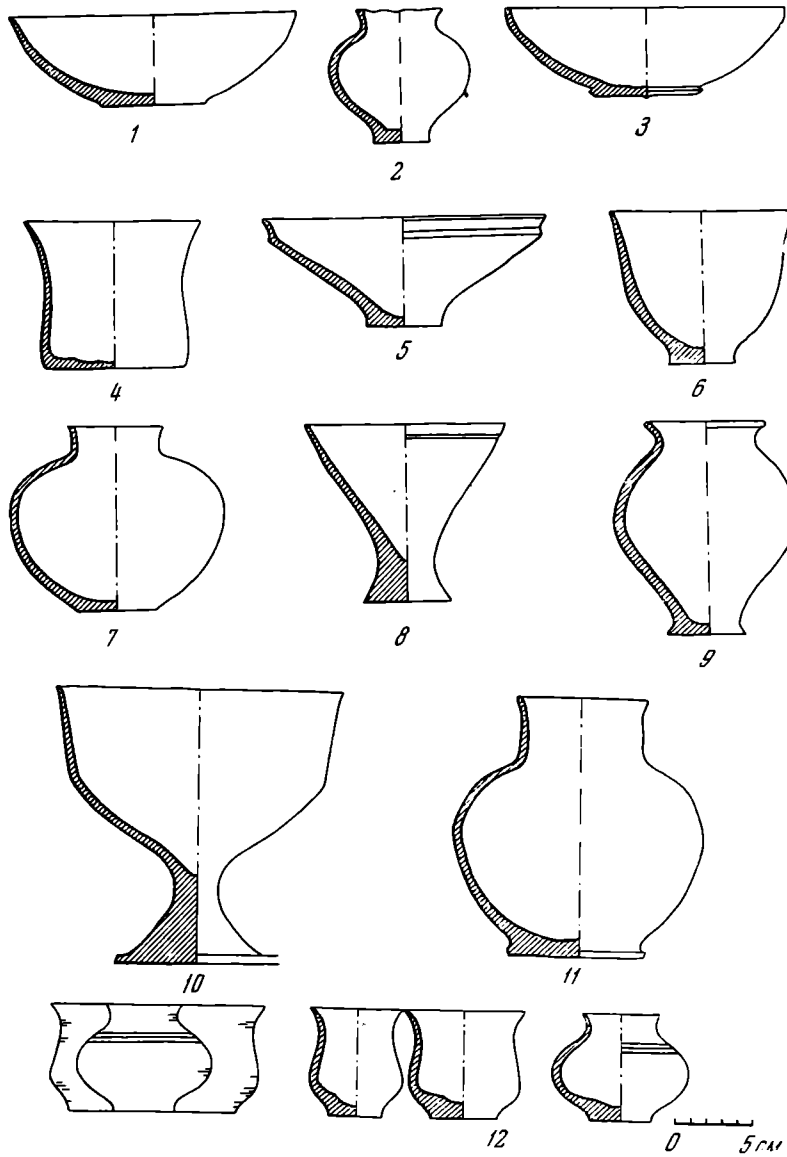


Рис. 7. Сосуды из второго клада

Бронзовый-медный сосудик из второго клада совершенно аналогичен медному сосудику Гиссара [14]. Другой сосудик с Гиссара также очень похож на найденный в «кладе», внутри него также находился стерженек с фертообразным навершием.

При раскопках верхних комплексов найдены сосуды, изготовленные из мрамора или мраморовидного известняка, алебастра и песчаника. Из мра-

[12] E. F. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Damgan, Philadelphia, 1937, табл. 37, *3841*.

[13] Там же, табл. 25, H *2999*.

[14] Там же, табл. 57, H *3497*.

моровидного известняка и алебастра, как правило, изготавливались небольшие чашечки, стаканообразные сосуды, пряслица, бусы-подвески и др. Правда, встречаются отдельные фрагменты и от довольно крупных сосудов. Очень интересны часто встречающиеся как на Алтын-Тепе, так и на синхронных ему памятниках Южного Туркменистана поделки, обычно называемые в иностранной литературе миниатюрными «колоннами» [15]. Они цилиндрической формы (с небольшим сужением в средине и желобком по основанию). Высота их до 50 *см*, диаметр — 12—16 *см*. Эти предметы обычны среди находок Тепе-Гиссара и характерны для слоя Гиссар III.

Среди других находок следует отметить довольно большое количество терракотовых фигурок животных и людей. Человеческие фигурки главным образом женские. Трактовка облика условно-геометрическая, хотя встречаются статуэтки и с попыткой передачи объема (рис. 1).

На Алтын-Тепе было найдено также значительное количество медных и бронзовых поделок, представляющих определенный интерес. Следует отметить, что часть их собрана на поверхности, благодаря чему они совершенно определенно могут быть отнесены к собственно кроющему алтыновскому слою (Намазга V). Предметы же, найденные на склонах холма, при описании будут оговорены.

Наибольший интерес представляют бронзовые или медные печати (рис. 1). В раскопе на «вышке» найдена печать в виде бычка (рис. 1). В центральной ее части на стороне штампа вписан прямоугольный ободок, на месте глаз-кружок. На обороте печати ушко для подвешивания. Отметим, что зооморфная печать в виде козла времени Намазга V известна с небольшого поселения Шор-Тепе у ст. Баба-Дурмаз.

В раскопе на «вышке» найдена и вторая печать (квадратной формы, со сложным геометрическим рисунком, выполненным перегородочной техникой). На оборотной стороне также имеется ушко. Здесь же найдена булавка с навершием в виде полумесяца. Из подъемного материала интересны две печати: круглая (с вписанным треугольником) и полукруглая (с зигзагообразным рисунком). Обе печати изготовлены перегородочной техникой.

Говоря о печатях, следует отметить, что наряду с медными или бронзовыми имеются также печати, сделанные из камня (стеатита). Среди подъемного материала можно отметить две стеатитовые печати: одна крестовидная с петелькой на обороте, другая (от нее сохранилась только половина), как можно полагать, квадратная (с округленными углами). Интересна находка печати-амулета из обожженной глины (рис. 1); она круглая, плоская с отверстием на краю и рисунком в виде Георгиевского креста. Подобный тип печатей-амулетов известен из раскопок ЮТАКЭ на Кара-Тепе [16]. Печати с рисунком в виде Георгиевского креста в находках с памятников времени Намазга V не единичны. Бронзовые печати этого типа известны с южного холма Анау [17], Намазга-Тепе [18] и Шор-Тепе.

Оттиск на глиняной печати-амулете с Алтын-Тепе нанесен металлическим штампом. Говорить определенно о его назначении пока не представляется возможным, но весьма вероятно, что эти отпечатки представляли собой своеобразные пломбы.

Из других бронзово-медных поделок следует отметить булавки с фертообразным овальным или приплюснутым навершием, иглы, проколки, обломки ножей и другие мелкие поделки. Интересна находка одной серебряной низкопробной булавки с утолщенным овальным навершием и бронзо-

---

[15] E. F. Schmidt. Ук. соч., стр. 216.

[16] В. М. Массон. Кара-Тепе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, X, стр. 370, табл. XIV.

[17] R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Washington, 1908, I, стр. 152, рис. 257.

[18] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 48.

вой булавки с навершием в виде козла. Чрезвычайно интересна находка серебряного тесла (рис. 6, *27*). Это двухстороннее, с крестовидным выступом по средине тесло найдено в дерновом слое (при расчистке южного массива на восточном склоне городища).

В связи с вопросом об уровне развития древнего производства у племен Южного Туркменистана на Алтын-Тепе были проведены раскопки гончарных печей на северной окраине поселения. Раскопом площадью 160 $м^2$ вскрыто семь печей двух типов: круглые диаметром до 2 *м* и прямоугольные, размеры которых варьируют.

Высокий уровень развития ремесла свидетельствует о далеко зашедшем процессе разложения первобытно-общинного строя. Уточнить характер и степень развития этого процесса — дело дальнейших специальных исследований.

А. А. МАРТИРОСЯН

РАСКОПКИ АРГИШТИХИНИЛИ

В 1962 г., после 82-летнего перерыва [1], началось новое систематическое обследование выдающегося памятника древности — знаменитого урартского города Аргиштихинили, основанного сыном Менуа (786—760 гг. до н. э.) царем Аргишти в 776 г. до н. э. [2] Новый город этого могучего властелина был сооружен на левом берегу среднего течения р. Аракс, в центре обширной Араратской равнины.

После многочисленных победоносных сражений на юге и севере страны, завоевания земель племени Эрикуахи, создания мощного военного плацдарма Менуахинили на правом берегу Аракса и покорения богатого племени азайцев, завершенного строительством Эребуни (882—881 гг. до н. э.) «на устрашение вражеских племен», перед царем Аргишти встала задача экономического освоения низменности Аракса, превращения ее в житницу своего обширного царства.

Значение этого нового предприятия было настолько грандиозно, что в своей хорхорской летописи Аргишти упоминает о проводке канала в стране Аза и строительстве города Аргиштихинили наравне с крупной военной победой, одержанной над страной Мана, а в ряде других местных надписей помещает сведения, дополняющие лаконичное сообщение летописи.

Успешные походы этого талантливого полководца и завоевание им все новых и новых областей Передней Азии и Кавказа являлись неисчерпаемыми источниками рабской рабочей силы, применяемой в колоссальных масштабах как при строительстве городов Тушпа [3], Эребуни [4], Улху [5] и других, так и в эксплуатации каменоломен, транспортировке строительных материалов, строительстве Аргиштихинили и сооружении довольно мощной ирригационной сети для этого города и его округи [6].

Из большого оросительного канала, начинавшегося у левобережных скал Аракса, напротив селения Каракала, в 20 *км* к юго-западу от Аргиштихинили [7], и проведенного в меридиональном направлении, брали свои воды многочисленные более мелкие каналы и арыки. Именно на четырех подобных каналах был возведен величественный город Аргиштихинили, окруженный зеленым кольцом садов, виноградников и посевов.

Краткая, но документальная история строительства Аргиштихинили и современный его облик сильно напоминают красочное описание Тушпы, сохранившееся у Моисеса Хоренации и почти точно совпадающее с ним

[1] А. С. Уваров. Сборник мелких трудов. II, 1910, стр. 140—148; Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 24, 68—75.

[2] УКН, 137; Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 259—273.

[3] УКН, 127—128.

[4] История Армении Моисея Хоренского. М., 1893.

[5] УКН, 128, А 2.

[6] О мероприятиях, связанных с основанием города Аргиштихинили, конкретных данных пока нет.

[7] УКН, 137.

документальное повествование ассирийского царя Саргона об урартском городе Улху, завоеванном им в конце VIII в. до н. э.[8]

Как следует из надписи Саргона, строителем города Улху являлся Руса I, внук знаменитого царя Аргишти, развернувшего лет на 50—60 раньше своего внука кипучую строительную деятельность на территории Аргиштихинили — проводил каналы, сажал виноградники и сады, строил дворцы, храмы, жилые кварталы города. Пятнадцать клинообразных над-

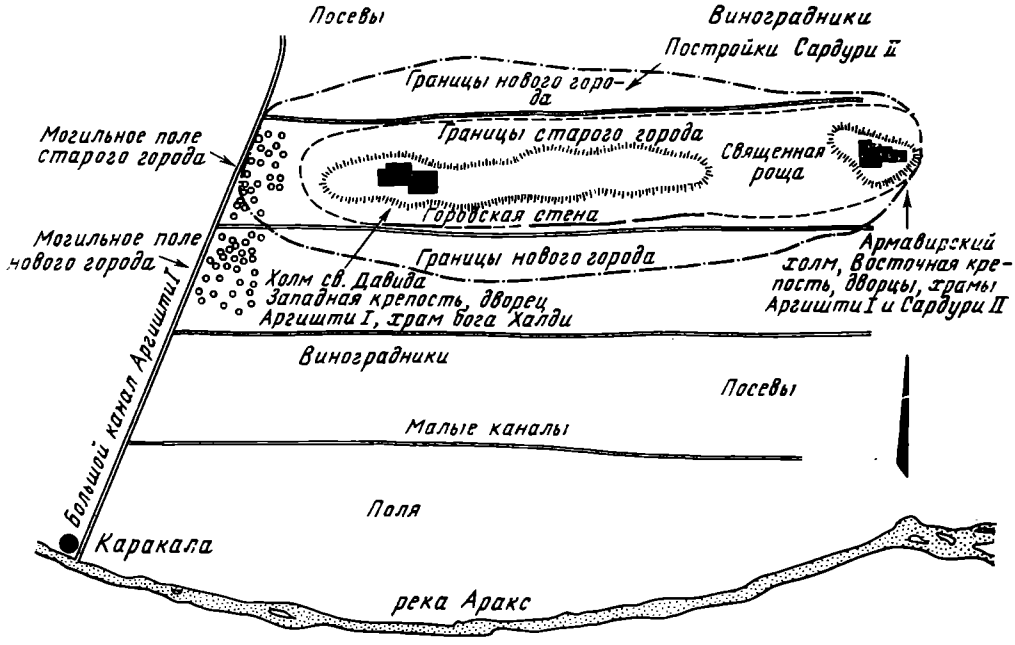


Рис. 1. Схема расположения объектов города Аргиштихинили

писей знаменитого Аргишти I и его потомков Сардури II, Русы I, Русы III свидетельствуют не только об основании Аргиштихинили, но и о продолжении здесь строительных работ в течение VIII—VII вв. до н. э., о сооружении целого ряда оборонительных, дворцовых, религиозных и хозяйственных объектов. Возможно, разные строительные работы производились здесь в VII в. до н. э. также предшественниками Русы III (Аргишти II, Руса II, Сардури III), не упоминаемыми пока в имеющихся клинообразных надписях.

Изучение данных упомянутых надписей не оставляет сомнения в том, что уже в середине VIII в. до н. э. сильно разросшийся Аргиштихинили стал крупным культурно-хозяйственным и религиозным центром восточных провинций Ванского царства, к которому тянулись важные караванные тракты из разных областей Кавказа и Передней Азии.

Картина крупного города предстает перед нами особенно при археологическом его обследовании. Аргиштихинили, воздвигнутый на развалинах поселения эпохи бронзы, располагался узким прямоугольником в пространстве между современными селами Нор-Армавир, Большой, Малый Налбандяны и Айкаван. На этой огромной территории сохранились развалины густо застроенных жилых кварталов города с большими и малыми постройками, замечательными особняками, расположенными по краям узеньких улочек и площадок, утопавших некогда в зелени пышной растительности обильно орошаемых земель. Средняя часть города располагалась на пяти связанных между собою холмах, выступавших на поверхность равнины в виде прямой цепочки вулканических язычков. Эта часть

[8] И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, 2.

города сильно защищена. Седловины между холмами также прочно укреплены мощными оградами или же фасадами капитальных домов. Остальные кварталы Аргиштихинили располагались на скатах холмов и на равнине к северу и югу от последних (рис. 1). Значительная их часть ныне окончательно погребена под огородами и деревенскими домами окрестных сел, на окраинах которых то и дело выступают на дневную поверхность группы огромных урартских карасов, разнообразные зернотерки, ступы и прочие орудия земледельцев, цокольные ряды каменных кладок урартских построек, многочисленные и разнообразные базы от колонн для сводчатого перекрытия домов, подпятники, камни для дверных засовов и прочие архитектурные детали, которые и очерчивают приблизительные границы города.

Видимые следы городских построек простирались на площади около 400—500 *г*. Гораздо большее пространство занимали в древности виноградники, сады, посевы, каковые обычно окружали города Урарту и всего Древнего Востока плотным кольцом на сотнях гектаров и составляли основу их обширного хозяйства. Так именно выглядят урартские города Тушпа, Улху, Тейшебаини и более крупные месопотамские центры Ашшур, Ниневия, Вавилон и другие.

Разумеется, подобных масштабов мог достичь Аргиштихинили лишь в результате целенаправленной деятельности многих урартских правителей, стремившихся в течение длительного времени превратить Аргиштихинили и Араратскую низменность в богатейшую житницу своего царства. Определение последовательных этапов застройки города и его крепостей, выяснение периодов упадка и возвышения его является, конечно, делом времени. Однако и сейчас можно констатировать, что к цветущей поре развития города, ко времени до конца первой половины VIII в. относятся остатки бо́льшей части дворцовых и храмовых комплексов восточной и западной крепостей, примыкавшего к последней с востока первого городского квартала и целого участка города, построенного царем Сардури II в западной части Аргиштихинили в первые годы своего правления. Сравнительно новыми участками города являлись, по-видимому, западная его окраина, возведенная на урартском могильнике; юго-западный участок города, расположенный вне пределов оборонительной стены; постройки северо-восточной окраины, связанные с клинообразной надписью Сардури II, в которой Г. А. Меликишвили восстанавливает также имя последующего царя Урарту, Русы I, а также часть построек восточной крепости, связанных с надписью Русы III. Раскопки упомянутых памятников Аргиштихинили выявляют не только высокий уровень архитектурной мысли и строительной техники, но и степень развития отраслей хозяйства города, особенности быта и городской культуры. Дома первого квартала, расположенные в седловине между двумя холмами, сильно напоминают постройки городов Тушпы и Тейшебаини[9] четкой планировкой жилых и хозяйственных частей зданий, кладовых для вина и других запасов, хлевов и прочих деталей, характеризующих частно-натуральное хозяйство жителей Аргиштихинили. Из пяти зданий, раскопанных в I квартале, особенно типичен большой особняк, повторяющий формы многоэтажных зданий Тушпы и многосекционного дома Тейшебаини[10], с полуколоннами на четырех фасадах, маленьким портиком и парадным входом с северо-западной стороны (рис. 2). В 14 помещениях его, занимающих более 600 $м^2$ площади, находились парадные покои, кухня, пекарня, складские комнаты с зерновыми карасами, винный погреб и прочие хозяйственные уголки. Некоторые помещения особняка располагались уступом, поэтому в дверных проемах часто оказываются высокие каменные пороги и ступеньки. Очень четко наблюдаются следы позднейших перестроек, вы-

[9] А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини. Ереван, 1960, стр. 106—128.

[10] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 251—271.

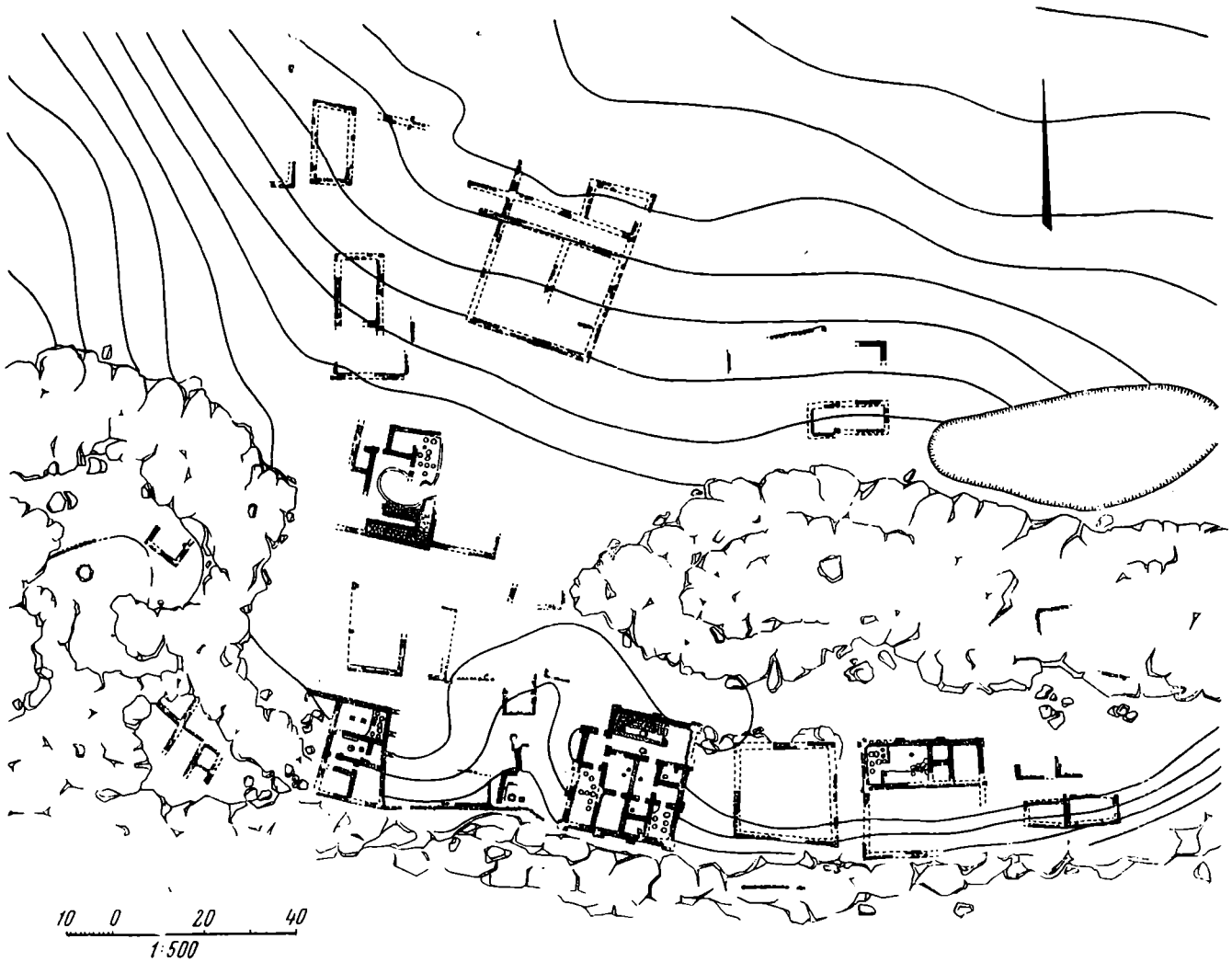


Рис. 2. Первый жилой квартал города (обмер Кафадаряна)

деляются разные типы тоныров, переносных и каменных очагов. Замечательная каменная декоративная чаша, образцы тонкостенных глиняных сосудов VIII в., оникосовая гиревидная печатка с изображением оленя и многочисленный другой инвентарь указывают на особое положение владельца этого дома в городе Аргиштихинили.

* * *

Величественными были в древности крепостные сооружения Аргиштихинили. Западная крепость, расположенная на холме Св. Давида, по своим архитектурно-строительным особенностям напоминает крепости стольного города Урарту-Тушпы, Анзафа и ряда других городов центральных районов царства, относящихся к IX—VIII вв. до н. э. Внешний вид двойного кольца оборонительных ее стен можно легко восстановить по сохранившимся цокольным рядам кладки, по очень близким изображениям крепости Арама урартского на бронзовых обоях балаватских ворот [11]. У южного склона крепостного холма была обнаружена в свое время база от колонны с однострочной надписью Аргишти, сына Менуа, о постройке здесь дворца. Рядом обнаружено 7 подобных же баз из синего базальта, происходящих, несомненно, из западной крепости [12]. Цитадель с площадью около 2,5 *г* замкнута прямоугольной оградой, строгие линии которой разбиты равномерными контрфорсами и уступчато нарастающими прямоугольными объемами на стыках (рис. 3). Толщина цокольных кладок ограды достигает от 3,5 до 5 *м*, высота от 4 до 6 *м*. Нетрудно представить себе колоссальную мощность и высоту этих сооружений при жизни цитадели, внутри ограды которой располагались зерновые амбары площадью до 200—300 $м^2$ с запасами пшеницы и ячменя, винные погреба с симметрично расположенными рядами больших карасов, жилые сооружения с деревянными колоннами и мощное здание храма в западной части цитадели (рис. 3).

Храм этот был ограблен в древности. В нем оказалось богатое средневековое жилище с двумя культурными слоями, обломки тонкостенной урартской керамики, заготовки каменных печатей и фрагменты железных вещей. Однако пятиметровая толщина стен, уступчатая внешняя их поверхность, базальтовые профильные пороги, наличники, перемычки, дверь на оси и подпятник, общая планировка, некоторые другие детали здания и аналогии в древневосточном материале указывают на то, что некогда здесь стоял малых размеров двухэтажный храм с зиккуратом на вершине. В 1965 г. недалеко от этого храма, у башни северной ограды цитадели, была найдена клинообразная надпись Сардури II, повествующая о постройке «Врат бога Халди», об устройстве фруктовых садов, полей с посевами, сразу же после его воцарения. Надпись эта транскрибирована и переведена Н. В. Арутюняном [13]. Отмечается, что полный ее текст состоял минимально из трех подобных же надписей. Внешние стены цитадели некогда были украшены многими клинообразными надписями и есть полная надежда, что часть их будет обнаружена.

Остатки храма и некоторых из упомянутых зданий западной крепости уже раскопаны, но большая часть лежит еще под землей. После постройки цитадели, к оборонительным стенам ее с юга и севера была пристроена целая система больших, террасообразно расположенных на пологих скатах холма, помещений разного назначения, также замкнутых в прямоугольную крепостную ограду. Вся крепость с двойным кольцом оборонительных стен занимала площадь более трех гектаров и являла собой комплекс ступенчато расположенных сооружений с наиболее высокой — объединяющей вершиной зиккурата и с мощными фасадными башнями ворот с восточной

[11] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., табл. V—VI; IX—XI.

[12] УКН, 141, «Арарат», 1896, ноябрь, стр. 512 (на арм. яз.)

[13] Н. В. Арутюнян. Новая урартская надпись из Давти-блура. ВДИ, 1966, 3, стр. 91—105

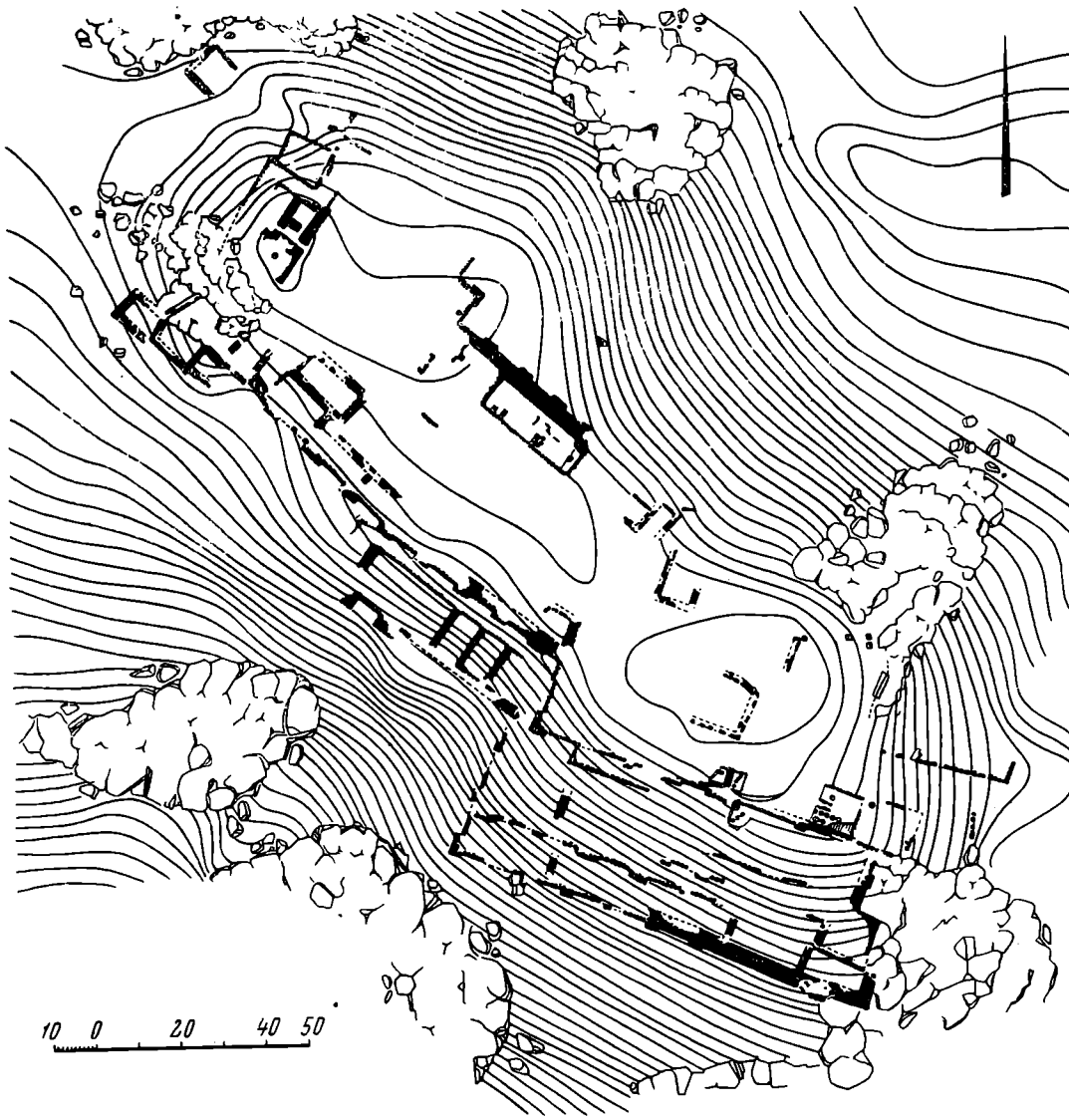


Рис. 3. План западной крепости Аргиштихинили

стороны. Великолепные сооружения и крепостная ограда были воздвигнуты также на большом Айкаванском холме, исследуемом Армавирской экспедицией АН АрмССР под руководством Б. Н. Аракеляна. Урартские древности причудливо переплетаются здесь с остатками цитадели города Армавира — древнейшей столицы Армении при династии Ервандуни. Вполне вероятно, что первоначально этот большой, 70-метровой высоты холм был использован царем Аргишти в качестве места почитания урартских богов в городе Аргиштихинили, превратившегося позже в крупный религиозный центр всех восточных провинций Ванского царства. Из южного подножья холма происходят два камня с фрагментами надписи Аргишти с упоминанием города Аргиштихинили во вражеской стране Аза, целого ряда категорий людей [14], вероятно, служителей культа, разных приношений в виде «мяса», «хлеба», «быка», сильно подчеркивающих культово-обрядовый характер надписи, как на это указывали многие востоковеды вслед за М. В. Никольским [15]. Культовый характер большинства сооружений Арма-

[14] «Арарат», 1869, октябрь, II год, «Арарат», 1886, ноябрь (на арм. яз.), УКН, 142.

[15] М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья, МАК, V, М., 1896, стр. 60. Особняком стоит мнение Г. А. Меликишвили о том, что в надписи этой уста-

вирского холма особенно подчеркивается в надписях сына Аргишти, Сардури II, продолжившего кипучую деятельность отца в районе Аргиштихинили в период до начала 50 гг. VIII в. до н. э. Начало большой культовой надписи этого царя было обнаружено в кладке стены Армавирской крепости [16].

Надпись эта гласит: «Богу Халди, своему владыке, этот дом Сардури, сын Аргишти построил, а также ворота бога Халди величественные (?) он воздвиг (и) посвятил богу Халди, своему владыке.

Величием бога Халди Сардури, царь могущественный, царь великий, царь стран, царь страны Биайнили, царь царей правитель Тушпа города». Средней частью этой несохранившейся надписи Сардури II является также отрывок текста, обнаруженный у подножья холма [17] и приписанный без какого-либо основания царю Аргишти I. Надпись содержит разные культовые реляции, установление количества жертвенных животных богам, совершение обряда перед воротами бога Халди и т. п. В ней идет речь также о постройке «дома Сирихани», являющегося, несомненно, сооружением религиозного назначения.

Ныне эта фрагментированная надпись восстанавливается почти полностью Н. В. Арутюняном с помощью большого культового текста, обнаруженного на Кармир-Блуре и высеченного от имени царя Руса II, сына Аргишти II. При этом выясняется, что упомянутый текст Русы II скопирован целиком с армавирской культовой надписи Сардури II. Приведенные выше отрывки вполне соответствуют началу и середине кармирблурской надписи и восстанавливаются без затруднения. В этой новой надписи речь идет о жертвоприношениях и культовых обрядах, о строительстве малого храма, с «домом Сирихани», «домом Халди» и «домом Адунусини», а также большого храма, в который входили «Суси» и «Халдовы ворота».

Таким образом, выясняется, что значительную, если не основную, часть армавирского холма застроил Сардури II зданиями разных храмов, которые продолжали существовать в середине VII в. до н. э., во времена Русы II и после него до начала VI в. до н. э. при Русе, сыне Эримены. Здесь же, или поблизости, Сардури II вел и гражданское строительство. Три надписи этого царя были обнаружены под холмом в районе селения Молла-баязет (Бамбакашат) к северо-западу от Армавирского холма на расстоянии 0,5 *км* [18].

В одной из трех надписей говорится : «Новый виноградник и сад города... я устроил... могучие дела я там совершил... [19]». В другой надписи, почти аналогичной [20], рядом с Сардури упоминается также имя его сына Русы I [21]. В третьей надписи [22] речь идет о сооружении крепости.

Наконец, неотъемлемыми частями города Аргиштихинили были и могильники его, один из которых был открыт в 1965 г. к северо-западу от западной крепости. К моменту нового строительства города могильник был заброшен, значительная часть его оказалась под строениями Аргиштихинили и современной шоссейной дорогой. Однако три из уцелевших урновых погребений дают основание датировать этот колумбарий первой половиной VIII в. до н. э., исходя из стратиграфических соображений и сопоставления их инвентарей с материалами урартских могильников Нор-Ареша [23] и Малаклю [24].

навливается доля царя в приношениях от разных категорий населения страны Аза, которой Аргишти провел канал, УКН, стр. 266.

[16] «Арарат», 1883, 30 июня, 3, год ЖЗ (на арм. яз.); УКН, 165.

[17] УКН, 143; «Арарат», 1888, 31 января, 1 (на арм. яз.).

[18] «Арарат», 1881, 30 ноября, ЖА (на арм. яз.), а также УКН, 166.

[19] УКН, 172.

[20] УКН, 171.

[21] Если верно восстановление, сделанное Г. А. Меликишвили.

[22] УКН, 166.

[23] А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян. Урартский колумбарий Нор-Ареша. Изв. АН АрмССР, 1958, стр. 10, 63 сл.

[24] Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, XIII-B, 1943.

* * *

Итак, овладев левобережной долиной Аракса в самом начале своего царства, в период до 882—881 гг. до н. э., обогащенный опытом строительства многих крепостей и фортификационных сооружений, воздвигнутых в окрестностях урартской столицы еще в конце IX в. до н. э., Аргишти I приступил к строительству одного из наиболее крупных городов Ванского царства и вел его по всем правилам древневосточного градостроительства, как это подобало крупной восточной державе с достаточно сильной централизованной властью и колоссальным международным авторитетом. Город был основан на развитой оросительной сети, имел довольно четкую планировку с одноэтажными и двухэтажными постройками городских кварталов, расположенных в основном в пространстве между большими крепостями старого и нового Армавира, и опоясанных общей городской оградой, прослеженной полностью в южной части. Вокруг застроенных кварталов города простиралось обширное кольцо зелени, фруктовых садов, виноградников, посевов. Эта типичная картина древневосточного города наблюдалась неоднократно при изучении крупных городов Месопотамии, огромные достижения которых, вероятно, были учтены и при строительстве Аргиштихинили.

Первоначально Аргиштихинили занимал хорошо укрепленный район Нор-Армавира с Эгалом Аргишти на холме «Св. Давида» и территорию священной горы старого Армавира, где со стороны Аргишти были построены дворцы и храмы для почитания богов, которым он был «обязан» столь блестящей своей карьерой. При сыне его, Сардури II, здесь было построено 7—10 великолепных храмов, посвященных разным богам и, таким образом, был создан священный город, крупный религиозный центр, располагавшийся на некотором отдалении (0,5 *км* к востоку) от жилых кварталов, на самой видной точке Араратской равнины. Не случайно именно здесь возник центр языческой религии при Еруандидах с храмами Аполлона и Артемиды [25], прорицалищем и священной рощей [26], где отправлялся смешанный культ Солнца, Аполлона, Тира, Луны-Артемиды-Анаит и царских предков [27]. Доказано, что очень большие святилища, самостоятельные или же находящиеся на некотором отдалении от городов, были чрезвычайно характерны и для послеурартского периода (Немруд-Даг, Ани, Даранали и Ангел, храм Тира у Арташата). Этот обычай сохранился в средневековой Армении и в христианское время. Во времена Сардури II и других потомков Аргишти I город Аргиштихинили застраивался все шире, включив крепости, построенные разными царями, но сохранил при этом свое первоначальное имя. Ни в хорхорской, ни в сардуровской летописях, ни в 16 разрозненных отрывках разных текстов из района Аргиштихинили не находим какого-либо названия другого города теофорной или династической формы. Эта обычная черта древневосточного градостроительства практиковалась на Востоке и в период эллинизма. Древняя Антиохия, например, состояла первоначально из одного лишь квартала («города»), построенного Селевком Никатором в честь своего отца. Затем в разное время (при Антиохе III, Антиохе IV) строились другие кварталы и город,— как сообщает Страбон, составлял Тетраполис [28].

Именно так был создан Аргиштихинили усилиями многих поколений. На фоне мелких урартских крепостей с поселениями городского типа Аргиштихинили выглядел грандиозным, являясь одним из трех-четырех крупнейших хозяйственно-административных и религиозных центров Ванского царства. Подступы его, плодороднейшие земли Араратской рав-

[25] Я. А. Манандян. Армавирские греческие надписи в новом освещении. Ереван, 1946, стр. 45.

[26] К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении. М.—Л., 1953, стр. 105—110.

[27] Г. Х. Саркисян. Тигранакерт. М., 1960, стр. 37.

[28] Там же, стр. 60.

нины со стороны отрогов Арарата, Арагаца, Гехамских гор защищались крепостями Дарани, Гиарниани, Эребуни, Менуахинили и целым рядом других укреплений, созданных в течение VIII—VII вв. до н. э. в районах современных городов Еревана, Эчмиадзина, Октемберяна, Талина (Тейшебаини, Грампа, Арагац, Хербеклу (?), Шамирам, Талин). Независимо от конкретного своего назначения названные выше города и крепости служили обороноспособности Араратской равнины с городом Аргиштихинили точно так же, как на юге Армении, на подступах стольного города Тушпа, было построено множество мощных крепостей царями IX—VIII вв. до н. э. [29].

Урартское царство, ведшее длительные войны на территории всей передней Азии, проводившее политику захвата и экономического освоения обширных районов Востока и Армянского нагорья, поддерживавшее с многочисленными крупными и мелкими царствами политические и торговые контакты, не могло обойтись без крупных городов, связывавших различные провинции государства, служивших центрами развития хозяйства, земледелия, скотоводства, ремесел, торговли, искусства и религии. Одним из таких городов и являлся Аргиштихинили.

* * *

Судя по эпиграфическим данным и источникам материального производства, Аргиштихинили был заселен в основном урартским населением, состоящим из различных социальных слоев и прослоек. В дворцах города обитали высшие государственные сановники и представители жреческой касты, с многочисленным обслуживающим персоналом двора: охраной, наложницами, евнухами, виночерпиями, писцами и пр. В их руках была сосредоточена политическая, экономическая, религиозная жизнь Аргиштихинили и восточных провинций царства, в их ведении находилось огромное хозяйство: оросительные каналы, фруктовые сады, посевы, стада животных и табуны лошадей, движимое и недвижимое имущество. В окрестностях Аргиштихинили находились государственные виноградники, поля с посевами, устроенные царями Аргишти, Сардури и другими. Вместе с ними существовали, вероятно, и крупные храмовые хозяйства.

Продукты земледелия, садоводства, скотоводства поступали в складские помещения крепостей, где велся точный их учет. В одном из вновь открытых винных погребов западной крепости Аргиштихинили находилось 68 крупных карасов с иероглифическими и клинописными обозначениями мер емкости. Эти крупные карасы вмещали в среднем более 1250 литров вина. Рядом находились другие погреба и колоссальные зерновые склады с остатками пшеницы, ячменя, чечевицы, гороха на обмазанном глиняном полу. Хозяйство велось здесь традиционно, из поколения в поколение, и даже один из последних царей Урарту, Руса III, сын Эримены, в начале VI в. до н. э. продолжал строить в восточной крепости Аргиштихинили зернохранилище, вместимостью 1432 капи [30]. Хозяйственные, складские помещения и погреба с большими карасами и хлевы для животных находились в каждом доме Аргиштихинили. В двух особняках западной окраины города, разрушенных до начала работ экспедиции, было обнаружено по 20 крупных карасов, в доме № 1 первого квартала — 15, в большом особняке (№ 4) — 18, по 10—15 карасов в других раскопанных домах того же первого квартала. Все это свидетельствует не только о большом удельном весе частновладельческих хозяйств в экономике города, достатке урартского населения в завоеванной области Азани, но

[29] C. A. Burney and G. R. Lawson. Urartian Fortresses in the Van Region. AS. VII, 1957; Г. В. Церетели. Урартские надписи музея Грузии. Тбилиси, 1939, стр. 39, сл.

[30] УКН, 288; Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту, стр. 261. Кстати, при раскопках восточной крепости в 1964 г. были выявлены комплексы вещей позднеурартского времени, в том числе и костяные псалии скифского типа, относящиеся, несомненно, к концу VII и к VI в. до н. э.

и о колоссальных масштабах земельных угодий, превышающих размеры самого города в несколько раз. Вероятно, археологи, изучавшие города Древнего Востока, при определении их площадей не имели в виду обширные участки земельных угодий, поэтому, согласно Геродоту, окружность Вавилона равнялась 480 стадиям (85 *км*) [31], а по Колдевею, не превосходила 8 *км* [32]. По одним сообщениям Ниневия занимала пространство в три дня пути [33], а археологическими раскопками окружность площади ее застроенных кварталов определена приблизительно в 15 *км* [34]. Соответствующие подсчеты по годовым земледельческим доходам, размерам земельных участков, совокупности площадей жилых участков и хозяйств города, а также по численности населения можно сделать лишь после открытия очень больших площадей жилых кварталов города и рекогносцировочно-аналитических работ по выявлению древних полей с определенными остатками полеводческих, садоводческих и бахчевых культур. Совсем недостаточны пока данные по скотоводству города. При раскопках крепостных сооружений и жилых кварталов обнаружены костные остатки коров, овец, лошадей, свиней [35] и т. д. На данном этапе изучения хозяйства города можно лишь отметить наличие прочной кормовой базы в связи с высоким развитием земледелия и большие возможности увеличения численности стад в частных, царских и храмовых хозяйствах. Исходя из больших масштабов хозяйства, площади археологических объектов города, размеров жилых домов, количественных данных по урартской семье и сопоставления данных по численности населения некоторых малых городов Урарту, можно было бы предположить, что в Аргиштихинили обитало не менее двух-трех десятков тысяч человек.

Раскопки жилых домов, в свою очередь, дают интересные сведения о составе населения города и даже о профессиях его жителей. Любопытно, например, что в одном из раскопанных нами домов обнаружены орудия каменотеса, в другом — преимущественно предметы вооружения и доспехи, в третьем — огромное количество мелкой тары, вероятно, из-под лечебных мазей и благовоний, в четвертом — высокохудожественные изделия и ониксовая печатка и т. п. Эти дома мы условно можем назвать домами каменотеса, воина, врачевателя, «хранителя печати» и т. п. Несомненно, большим удельным весом среди прочих сословий выделялись ремесленники, мастеровые по выделке железного оружия и орудий труда, самых разнообразных керамических, каменных, деревянных и прочих изделий. Добытые при раскопках Аргиштихинили памятники материального производства: продукты глиптики, гончарного, камнеобрабатывающего, металлургического и других ремесел дают конкретное понятие о своеобразии и отличительных чертах малоизученной материальной культуры VIII в. до н. э., характеризуют этот город как крупный производственный центр, о чем свидетельствуют полуфабрикаты многих изделий, специальные клейма и метки гончарных мастерских, своеобразие и обилие продукции. Особая продукция выпускалась для дворцов и храмов. На карасах складских государственных помещений красиво выводились меры емкости клинообразными или иероглифическими знаками, изготавливались разные виды парадной посуды: двуручные изящные кубки, подставки, мелкие крышечки, одноручные кувшины, полусферические глубокие чашечки и неглубокие чаши отличного качества, с блестящей красно-оранжевой или охра-красной поверхностью, изредка встречающиеся лишь в материалах города Тушпы. Простая посуда производилась для населения города в больших масштабах. Разные виды посуды можно различать по клеймам и меткам мастеров (рис. 4 и 5).

---

[31] Я. А. Манандян. Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943, стр. 63.
[32] R. Koldevey. Das wiedererstandene Babylon. Leipzig, 1925, стр. 2—3.
[33] Иоан. III, 2.
[34] V. Christian. Altertumskunde des Zweistromlandes, Leipzig, 1940, табл. III.
[35] Определение зоолога С. К. Межлумян.

Рис. 4. Образцы изделий гончарных мастерских города

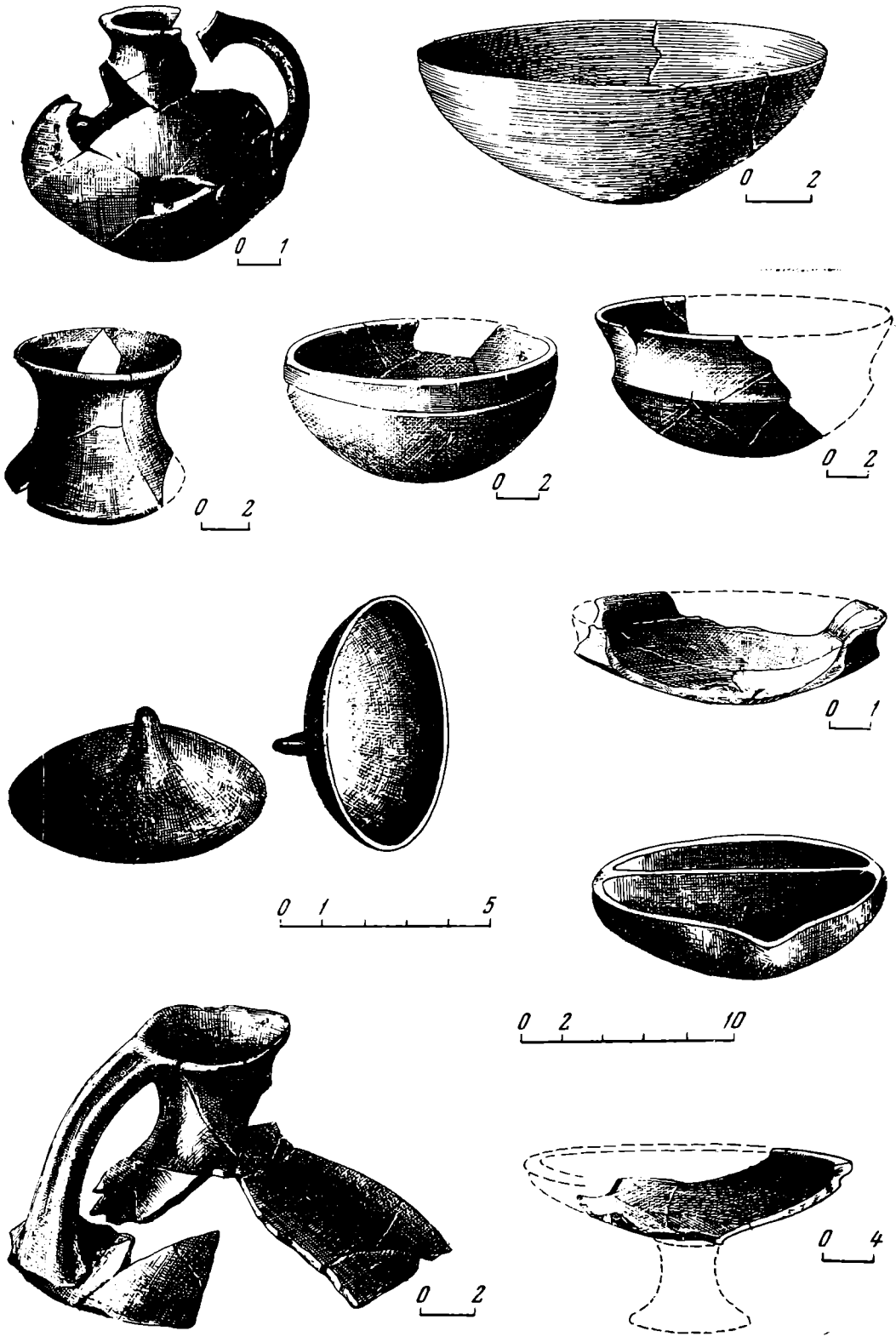


Рис. 5. Образцы керамики VIII в. до н. э. из цитадели и городских домов

Оружейники и кузнецы города изготавливали разнообразные кинжалы, наконечники стрел, мечи, железные панцири, лопаты, тесла, серпы и другие изделия (рис. 6). Резчики по камню выделывали красивые печатки, изготавливали декоративные и бытовые базальтовые чаши. Тонкие ткани, красивые корзины, циновки и прочие изделия выходили из рук

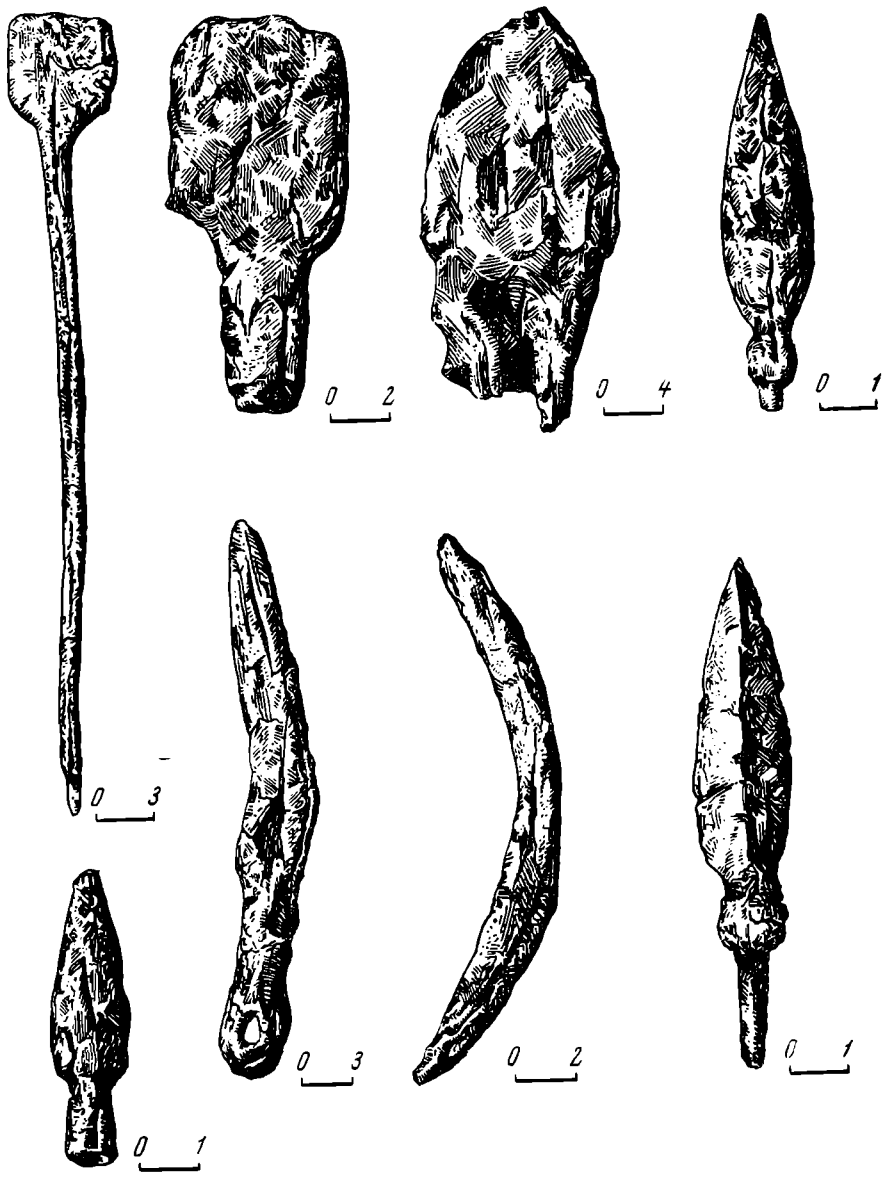


Рис. 6. Железные изделия из дома № 3

мастеровых города. Все эти материалы обильно представлены раскопками разных участков городских кварталов. Аргиштихинили снабжал продуктами ремесла урартские поселения восточной Армении, начиная от мелких вещиц в виде каменных изящных печатей и металлических изделий до разнообразнейшей глиняной тары и замечательных декоративных чаш из базальта. Выяснено, в частности, что в середине VII в. до н. э. ряд глиняных изделий перевезен в город Тейшебаини (Кармир-Блур) из Аргиштихинили. На этих изделиях сохранились клейма особых образцов, встречающихся на сосудах из Аргиштихинили и Тейшебаини, а также на замечательных бронзовых чашах Тейшебаини с надписями царей Аргиш-

ги и Сардури, строителей Аргиштихинили. В материалах Тейшебаини повторяются также многие виды железного оружия, известные ныне из Аргиштихинили[36]. Вполне возможно, что Аргиштихинили поставлял городу бога Тейшебы и целый ряд других продуктов своего производства, получая взамен из Тейшебаини непроизводимые здесь товары. При раскопках одного из помещений цитадели города Тейшебаини найдена глиняная табличка с клинообразным письмом, в котором говорится о поставке «городу бога А», (что) в (?) стране племени Аза, довольно большого количества кожи и шерстяных тканей[37]. С увеличением подобного рода фактов можно будет воссоздать полную картину торгово-хозяйственных взаимосвязей между урартскими городами, а также с различными городами древней цивилизации вне пределов Ванского царства. В этой связи интересна уникальная находка части сосуда с композиционным священным изображением ассирийского типа, составленным из пальмовых деревьев, коз и львов. Знаменателен в этом отношении также факт обнаружения замечательного комплекса урартских первоклассных вещей в погребениях древнего поселения Мецамора, расположенного к северо-западу от Аргиштихинили на расстоянии 10 *км*. Поселение это, существовавшее с III тысячелетия до н. э., было подчинено урартской власти в период до 881 до н. э. царем Аргишти, сыном Менуа, и, конечно, имело самые тесные хозяйственные контакты с городом Аргишти. В захоронениях древних насельников Мецамора, совершенных по правилам местного (неурартского) погребального обряда, вместе с чернолощеной керамикой доурартских типов оказались замечательно отшлифованные сардониксовые, сердоликовые, стеклянные и пастовые бусы, фибулы, птицеголовые фигурные булавочки, змеиноголовые браслеты и бронзовые листовые пояса с гравировкой, один из которых украшен чудесными изображениями колесниц, воинов, львов и быков. Многие из перечисленных вещей имеют точные аналогии в материалах урартского колумбария и из жилых кварталов Аргиштихинили, откуда именно поступали изделия урартского производства в Мецеморское и другие поселения, окружавшие Аргиштихинили со всех сторон Араратской долины. Наличие совершенно идентичного погребального инвентаря Эребуни, в Малаклинском урартском колумбарии на правом берегу Аракса и в Мецаморе, в радиусе не более 50—60 *км* от Аргиштихинили, подразумевает само собою существование не только единого центра их производства, но также и изготовление этих вещей одними и теми же мастерами. Таким крупным производственным центром являлся в то время город Аргиштихинили. В этой связи не лишены интереса и находки аналогичных с Мецамором и Нор-Арешем бронзовых поясов с изображениями колесниц, воинов, львов и быков, сделанные в богатом урартском могильнике VII в. до н. э. на Алтын-Тепе[38], в верховьях Аракса, и среди погребальных комплексов Северной Осетии, в могильнике сел. Тли у Казбека. В столь широком распространении продукции урартского производства теперь нет никакого сомнения, так как по ту сторону Кавказского хребта, на берегу Терека, также был найден замечательный декоративный бронзовый шлем с надписью Аргишти, сына Менуа.

* * *

Многие важные вопросы истории Аргиштихинили еще не освещены, другие же нуждаются в дополнительной аргументации и в окончательном подтверждении. Особенно фрагментарны наши сведения по истории горо-

[36] Б. Б. Пиотровский. Камир-Блур, I, Ереван, 1950, рис. 16, 17, 20, 22, 32

[37] Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинописная табличка из раскопок Кармир-Блура. ВДИ, 1957, 3, стр. 144—149.

[38] T. Özgüç. Excavations at Altin Tepe. «Türk Tarih kurumu Belleten», Ankara, 1961, стр. 269 сл., рис. 23—24.

да в период со второй половины до конца VIII в. Остаются не выясненными и обстоятельства гибели этого грандиозного центра культуры на Кавказе, когда в результате разгромных походов ассирийцев сильно ослабевает Урарту и городское строительство на некоторое время приостанавливается [39].

В некоторых частях цитадели западной крепости и городских кварталов сохранились следы сильного пожара в виде золы, обуглившихся колоссальных бревен и сильно закопченных стен, явившихся, по-видимому, свидетелями штурма города, осуществленного в период до 585 г. [40] мидийскими объединенными войсками, в составе которых активное участие принимали, вероятно, войска армянских предводителей, ставших фактическими хозяевами Араратской долины вскоре после упразднения Ванского царства, при мидянах и ахеменидах (с 560 г. до н. э.), а затем и самостоятельными правителями Айрартского царства (с 316 г. до н. э.). В период воцарения Ервандидов большая часть Аргиштихинили лежала в развалинах. Жизнь возобновилась лишь на восточном его стыке, где возник исторический Армавир, резиденция Ервандидов с кипучей ее жизнью и вековыми хитроумными интригами высшей армянской знати в стенах дворцов Армавира, сохранившихся даже при Аршакидах.

Часть территории Аргиштихинили, к западу от восточных святилищ и храмов Сардури II, была превращена в могильник, погребения которого были выявлены еще в прошлом столетии, у западного подножья большого холма и ныне — среди развалин урартских построек центральной части города. Захоронения эти обещают дать чрезвычайно важный материал для характеристики раннеармянской культуры V — IV вв. до н. э. В описанном выше большом особняке должностного урарта («хранителя печати») оказалось два погребения. Одно — в урне, без вещей, другое — в яме, обложенной мелкими камнями со всех сторон. Среди характерных для послеурартского времени горшков оказались также продолговатые, узкогорлые, с сильно отогнутыми венчиками сосудики, форма которых хорошо увязывается, с одной стороны, с известными урартскими образцами VIII — VII вв., а с другой — с сосудом из Армавира, украшенным замечательным расписным цветком лотоса, возможно, характерным для синхронной культуры Египта, Леванта, Сирии. Небогатое детское погребение с металлическими украшениями оказалось в помещении дома № 3, и чрезвычайно интересное погребение было разрушено в 30-х годах в районе западной крепости у «Давти Сара» [41]. В нем оказались красноокрашенный фрагментированный горшок с носиком и такой же горшок светлого тона, расписанный горизонтальными полосами, треугольными шевронами, гирляндой полукругов, выполненных красной, черной и белой краской. Лучше сохранившийся фрагментированный сосуд с подобной росписью происходит из раннеармянского горизонта Двина. В дополнение к армавирскому этот сосуд имеет еще изображение птиц, летящих в треугольном строе. Подобную орнаментацию имеет полусферическая чашечка, хранящаяся в Государственном музее Армении.

Изучив материалы из раскопок А. С. Уварова, Б. А. Куфтин отметил наличие красноокрашенных сосудов и полусферических бихромных чаш, расписанных черными фестонами, перевитыми черными и красными лентами [42]. Прототипы подобных чаш без росписи происходят из новых раскопок восточной крепости, первого и второго городских кварталов. Сопоставление погребальных материалов с керамикой цитадели древнеармян-

---

[39] В. В. Шлеев. К истории Ванского царства (Урарту) второй половины VIII и первой половины VII вв. до н. э. ВДИ, 1958, 1, стр. 23—29.

[40] И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам. ВДИ, 1951, 2, стр. 29—39.

[41] Е. Байбуртян. Проблема крашеной керамики Армении. ВИИЛ АрмССР, 1936, стр. 291 (на арм. яз.).

[42] Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий, стр. 21—23.

ского Армавира указывает на полную их синхронность. Эти новые памятники Аргиштихинили-Армавира вполне связываются с могильником Кармир-Блура, отнесенным к V—IV вв. до н. э. на основе бихромноокрашенного сосуда, монеты с именем Александра Македонского, а также на основании параллелей ахеменидского периода из Персеполя и Суз, Аму-Дарьинского клада и закавказских погребений с колхидками [43].

Вновь выявленные материалы раннеармянского периода генетически связаны с урартской культурой и это больше всего бросается в глаза при раскопках Аргиштихинили-Армавира.

На территории Аргиштихинили-Армавира жизнь возобновилась вновь в эпоху становления феодализма, в связи с мощным экономическим подъемом страны и восстановлением ее независимости [44]. Начало средневекового заселения территории западной крепости может быть отнесено ко второй половине или к концу IX в. При раскопках верхних горизонтов бывшей урартской крепости выявлены остатки чрезвычайно характерного средневекового поселения, глинобитные домишки, многочисленные тонратуны которого были вписаны в контуры мощных строений урартской крепости или прямо сооружены на разрушенных широких стенах урартской крепости. С незначительными изменениями был приспособлен под жилье богачей также целый ряд частично уцелевших построек цитадели и храма. Находясь на древнем торговом пути Атропатены и между крупнейшими центрами Армении — Двином и Ани, это поселение играло, повидимому, далеко не второстепенную роль в караванной торговле и посреднической связи. Вероятно, этим можно объяснить наличие в последовательных слоях X—XI и XII—XIII вв. многочисленных арабоязычных, византийских и сельджукских монет (византийские теодоры 1055—1056 гг.; ильдегизидские XII—XIII вв., Абу-бекир 1191—1121 и др.), перстневых печатей, сотен разнообразных стеклянных браслетов, ряда образцов художественной глазурованной керамики, характерной для Ани, Двина, Оран-Калы и других центров Востока. На некоторых художественно оформленных сосудах выведены пояски с талантливо выполненным изображением каравана двугорбых верблюдов.

* * *

Нам остается добавить несколько слов о доурартских памятниках Аргиштихинили, являющихся наиболее древними свидетелями возникновения жизни в этом уголке Араратской равнины, названном в урартских клинообразных надписях страной Аза. Страна эта, включающая в себя плодороднейшие земли районов нынешних Октемберяна и Еревана, в пределах от предгорий Гарни и Севана до течения рек Ахурян и Мецамор близ Аракса, давно известна богатыми поселениями III—II тысячелетий до н. э. Уже при раскопках А. С. Уварова близ большого Армавирского холма были выявлены гробницы III тысячелетия с керамическим материалом малаклинского типа [45], интересное поселение открыто ныне Армавирской экспедицией к востоку от этого же холма. Среди подъемного материала из западной крепости Аргиштихинили («Давти Сар») и первого городского квартала также имеются фрагменты сосудов древнебронзового этапа со спиральной характерной орнаментацией, массивные обломки крупных сосудов с кремовой облицовкой и розоватой подкладкой. В домах I квартала Аргиштихинили выявлены хозяйственные ямы жилищ III тысячелетия с обсидиановыми и кремневыми пластинами и отщепами.

---

[43] А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини. Ереван, 1961, стр. 137—150.

[44] Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении в IX—XIII вв. II, Ереван, 1965, стр. 58—70 (на арм. яз.).

[45] Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий..., стр. 21—23.

Из погребений района Аргиштихинили происходят также многочисленные чернолощеные, орнаментированные и гладкие сосуды XIII—X вв. до н. э. (колл. № 777), а также бронзовые браслеты, копье, кинжал — материальные остатки жизни позднебронзовой эпохи.

Изложенные выше наблюдения, соображения и выводы выдвигаются нами в качестве рабочей гипотезы на историко-археологическую проверку. Развернувшиеся раскопки обширных объектов Аргиштихинили выявят много нового, неизвестного, создадут широкие возможности для конкретного изучения проблемы урартского города. Главное то, что эти раскопки уже сейчас помогают преодолевать укоренившееся упрощенное мнение о том, что урартские города якобы были лишь укрепленными поселками с крепостным зданием в центре, занимавшими в лучшем случае несколько десятков гектаров площади.

КОРЮН КАФАДАРЯН

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХИТЕКТУРЕ УРАРТУ

(По материалам Аргиштихинили)

Благодаря систематическим раскопкам урартских памятников на территории Армянской ССР с каждым годом все более ясно вырисовываются черты строительного искусства урартов.

Наряду с давно уже раскапываемыми городами Эребуни и Тейшебаини, с 1962 г. экспедицией Института археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР под руководством А. А. Мартиросяна начались раскопки крупнейшего на территории Советской Армении урартского города Аргиштихинили. Несмотря на сравнительно короткий срок работ, раскопки уже дали определенный материал для выяснения некоторых градостроительных и фортификационных принципов сооружения города и объемно-плановых композиций отдельных жилых, хозяйственных и культовых зданий. Осмыслению этого материала в значительной мере способствуют ранее изученные памятники урартского зодчества в городах Тейшебаини, Эребуни и в крепости с. Арагац. Но наряду с общими строительными принципами, архитектура города Аргиштихинили имеет и много своеобразных черт как в общих градостроительных началах, так и в объемно-конструктивных решениях отдельных построек.

Судя по найденным в районе города клинописным надписям и результатам раскопок, Аргиштихинили существовал очень долгое время — до самого падения Урартского государства. За это время он расширялся, городские кварталы занимали все новые и новые территории (вплоть до могильных полей старого города), застраивались новые и перестраивались старые сооружения. Развалины города в дошедшем до нас виде как бы фиксировали ситуацию последнего урартского строительного периода, за исключением цитадели, которая была заселена в средневековье.

Ввиду плохой сохранности граница территории, занимаемой городом, четко не прослеживается, но по остаткам сооружений и археологическому материалу, а также по результатам разведывательных раскопок можно примерно обрисовать прежние границы города. По приблизительным расчетам он занимал около 400 *га* и был обведен крепостной стеной, остатки которой протяженностью 1,5—2 *км* частично сохранились с южной стороны города. Цитадель площадью 2,5 *га* находилась в западной, наиболее возвышенной части города и была защищена двумя рядами крепостных стен. Наружная, по-видимому, была построена несколько позже внутренней (в результате расширения со временем самой цитадели, частично занявшей и крутые склоны холма). Центральной частью, или осью города явилась цепь холмов св. Давида протяженностью свыше 2 *км*, тянувшаяся от Нор-Армавира к востоку, где на расстоянии около 500 *м* от нее высоко над равниной возвышается другой, Армавирский холм. На этом холме археологической экспедицией под руководством Б. Н. Аракеляна были выявлены остатки урартских крепостных стен и сооружений, под-

вергавшихся перестройкам более позднего, античного времени в связи с сооружением там цитадели древнейшей столицы Армении.

Проблема существования на близком расстоянии друг от друга двух урартских крепостей и вопрос их взаимоотношений решается, в конечном счете, будущими раскопками. Однако и сейчас вполне убедительным кажется предположение А. А. Мартиросяна, считавшего невозможным существование двух отдельных, тем более больших городов на этой территории. По его мнению, Армавирский холм мог служить культовым центром Аргиштихинили. Основой такого предположения служат также данные армавирских клинописных надписей, в которых упоминается о постройках многочисленных храмовых сооружений на этом сравнительно небольшом холме.

Цитадель. На топографической карте местности, сделанной еще до начала раскопок, местами были отлично видны контуры крепостных стен и сооружений. Благодаря полевым исследованиям можно составить почти полное представление об оборонительной системе крепости, хотя некоторые контурные узлы оборонительных сооружений раскопками еще не открыты или плохо сохранились. В частности, неясно еще устройство входа в цитадель.

С северной и южной сторон цитадель имела два ряда крепостных стен. Между ними террасообразно располагались помещения. Сравнительный анализ двух крепостных стен показывает, что, возможно, они разновременны и возводились по мере необходимости расширения площади цитадели с использованием для этого склонов холма.

Крепостные стены цитадели были сложены из сырцовых кирпичей на каменном цоколе, как и во многих известных нам урартских памятниках, с той лишь разницей, что высота нижних, каменных частей стен здесь в наиболее сохранившихся участках превышает 4 *м*, что не наблюдается даже в крепостных стенах Армавирского холма. Причина этого — обилие дешевого строительного камня на скалистых холмах св. Давида. Широкое использование камня в строительстве связано и с необходимостью очистки от скальных выступов и нивелировки мест будущих построек.

Крепостные стены толщиною 3,5 *м* имеют ритмично чередующиеся контрфорсы, выступающие в среднем на 1 *м*, шириной 4—5 *м* и интервалами между ними 7,5—8 *м*. По устройству и пропорциям такая стена очень характерна и распространена в урартском крепостном строительстве (Арин-Берд, Арагац, Элар, Цовинар и т. д.). Принцип и формы таких оборонительных сооружений в урартской архитектуре в определенной мере базируются на строительных традициях так называемых циклопических крепостей Армянского нагорья. В этих памятниках в течение всей эпохи бронзы ясно наблюдается закономерное эволюционное развитие форм крепостной стены, являющейся всегда основой позиционной обороны. В наиболее ранних циклопических сооружениях крепостные стены, вернее оборонительные завалы скальных необтесанных глыб, устраивались по контуру вершины холма, с криволинейным очертанием в плане, строго подчинявшимся рельефу местности (Сарнахпюр, Караберд, Цахкаовит, Хором и т. д.).

Следующим этапом развития крепостного строительства было создание более прочной каменной кладки, причем строители стремились использовать характерные особенности рельефа и сделать зигзагообразные или прямоугольные в плане выступы крепостной стены. Их еще нельзя назвать ни башнями, ни контрфорсами. Они сделаны для более эффективной защиты от противника и построены без какой-либо определенной системы («Вери берд» и «Вари берд» в с. Лернакерт). Позднее выступы приобретают определенные размеры, пропорции и закономерность в расположении. В этих памятниках часто встречаются башни или выступы сравнительно больших размеров в наиболее ответственных участках и у входов в крепость. Таких памятников очень много на территории Армении («Мец

берд» и «Покр берд» в с. Сарнахпюр, крепости в селах Воскеваз, Хнаберд, Гарнаовит и много других). По археологическим данным, такие крепости существовали задолго до создания Урартского государства.

Урартские крепости в своих плановых решениях смогли прекрасно сочетать традиционные формы оборонительных сооружений древнейших крепостей, построенных на холмистых и изрезанных местностях, с канонизированным планом, характерным для сооружений на свободных, равнинных территориях. Канонизация архитектурных форм своими истоками была связана со строительными традициями государств Древнего Востока.

Такому строительному принципу свойственно уже не инертное подчинение планового решения зданий рельефу, а рациональное смелое использование характерных особенностей местности для осуществления предварительно обдуманных проектных замыслов. Эти черты более ясно выявляются в плановых композициях поздних крепостей, что свидетельствует о развитии их и внутри урартской архитектуры. Хорошей иллюстрацией может служить сравнение цитадели города Аргиштихинили с крепостью Тейшебаини, где наряду с более сложным устройством оборонительной системы все наружные и внутренние стены построены только по двум взаимно перпендикулярным направлениям и искусно использованы рельеф и контуры холма.

На другое принципиальное отличие уже между крепостями Эребуни и Тейшебаини указывает К. Л. Оганесян [1]. Если в Эребуни архитектурные объемы внутри крепостных стен решены в виде отдельных зданий, связанных между собою открытыми дворами, то в Тейшебаини цитадель в целом представляет собой единое, монолитное, монументальное сооружение, наружными стенами которого являются крепостные стены.

В цитадели Аргиштихинили внутренние архитектурные объемы решены, по-видимому, тоже по принципу отдельных сооружений. Пока это можно сказать с некоторой оговоркой, потому что раскопками затронута сравнительно незначительная часть цитадели. Тем не менее в северо-западной части цитадели уже открыто одно отдельно стоящее здание, расположенное на самом высоком участке цитадели, что подчеркивает его значение. Здание с северной и западной сторон непосредственно примыкает к крепостным стенам цитадели, и общая толщина стен в этой части составляет в среднем 5,5 *м*. Это обстоятельство явно свидетельствует о разновременности постройки сооружений, ибо в том случае, если бы они были построены одновременно, наружная стена здания стала бы и крепостной стеной цитадели, как это наблюдается в аналогичных постройках Эребуни и Тейшебаини.

Сооружение прямоугольное в плане, с внутренней общей площадью 165 $м^2$, состоит из четырех помещений: двух небольших продолговатых, расположенных под прямым углом относительно друг друга, и двух маленьких, почти квадратных. Одно из этих помещений является передней распределительной комнатой (рис. 1, *а*).

Вход в здание находился в центре восточной стены, на главном фасаде здания. Во входном проеме был устроен базальтовый ступенчатый порог с отдельно поставленным на нем дверным подпятным камнем. Там же обнаружена массивная каменная дверь из гладкоотесанного базальта (размер 1,0 × 1,2 *м*, толщина 20 *см*) с полусферическими осевыми выступами. С наружной стороны дверной проем обрамлен тремя гладкоотесанными базальтовыми блоками (рис. 1, *б*).

Стены здания, сложенные в нижних частях из грубообработанных базальтовых камней, сохранились на высоту до 2 *м*. Внешние из них имели толщину 2,5 *м*, а внутренние — в среднем 1,5 *м*. Верхние части стен, судя по обрушившимся остаткам, как и во всех раскопанных соору-

---

[1] К. Л. Оганесян. Арин-Берд I, Архитектура Эребуни. Ереван, 1961 стр. 21—22.

жениях города, были сложены из сырцовых кирпичей, обычных для урартских построек размеров [2]. Перед зданием, вероятно, была открытая площадка или двор, так как в этой части никаких сооружений раскопками не обнаружено.

Учитывая местонахождение и устройство этого здания, А. А. Мартиросян предполагает, что оно могло иметь культовое назначение. В пользу такого предположения говорят такие факты, как ориентировка здания

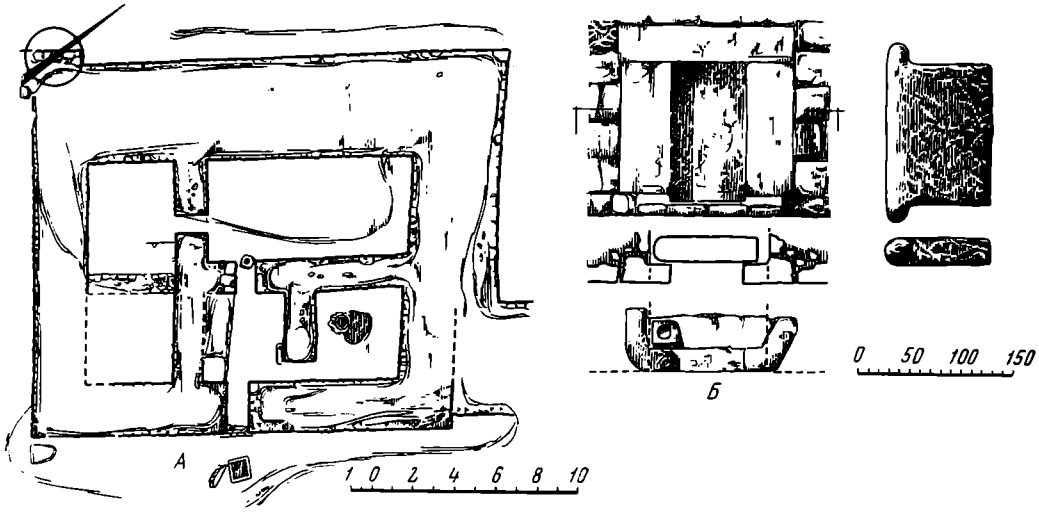


Рис. 1

а — план здания, расположенного в западной части цитадели; *б* — реконструкция каменной двери

диагонально по отношению к сторонам света, характерная для урартских и месопотамских храмов, и выделения дверного проема здания гладкоотесанными блоками на фоне оштукатуренной стены, что наблюдается и в храме «Суси» на Арин-Берде. К сожалению, недостаток необходимых материалов для реконструкции при отсутствии точных аналогий не позволяет восстановить прежние формы столь интересного и уникального здания.

Цитадели в урартских городах имели не только административное и культовое назначение, но были и крупными хранилищами всевозможных продуктов питания; для этого строились в большом количестве крупные, обычно продолговатые в плане, складские помещения. В плановом решении этих сооружений определяющую роль играл размер оптимального пролета бревенчатого балочного перекрытия помещения. В складских помещениях он обычно не превышал 4—6 *м*. В поперечном направлении помещения перекрывались одним или двумя пролетами, когда по продольной оси помещения устраивались промежуточные опоры в виде деревянных колонн или массивных пилонов из сырцовых кирпичей на каменном основании. Таким образом, поперечные размеры помещений решались в определенной зависимости от вышеуказанных условий. Большие площади получались лишь за счет длины комнаты, которая иногда достигала 30 *м*. Этим и объясняется своеобразная плановая структура урартских складских зданий, в частности в первом этаже цитадели Тейшебаини и в хранилище («ари») города Эребуни.

В цитадели Аргиштихинили раскопками пока выявлены два складских помещения. Первое из них, расположенное в центре северной части цитадели у внутренней стороны крепостной стены, служило для хранения зерна, которое было засыпано прямо на полу и обгорело во время пожара.

[2] К. Л. Оганесян. Кармир-блур IV, Архитектура Тейшебаини. Ереван, 1955, стр. 80.

Комната в плане имела размеры 25,5 × 7,5 *м* и сохранилась в высоту до 4 *м*. В связи с тем, что здание было построено на склоне, пол помещения выровнен нивелировочным слоем-заполнением (из каменных глыб и земли), максимальная толщина которого составляла 1,5 *м*. Сравнительно большой поперечный пролет обязательно должен был держаться на внутренних промежуточных опорах, которые не сохранились в раскопанной части помещения. Средневековые постройки, расчленявшие объем боль-

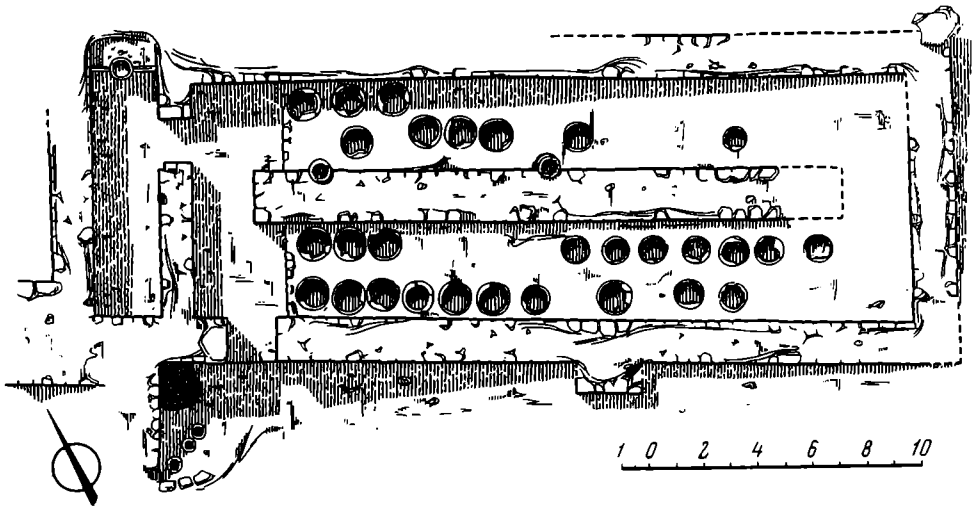


Рис. 2. План складского помещения в юго-восточной части цитадели

шого помещения на маленькие жилые ячейки, могли разрушить пилоны, конструктивно уже непригодные и мешающие свободному использованию помещения. Перекрытые помещения могли иметь и промежуточные опоры в виде деревянных колонн на каменных базах, так как одна типично урартская база была обнаружена вблизи помещения, в западной ее стороне. Она находилась не на своем месте и была вторично использована в средние века.

Второе складское помещение раскопано в юго-восточной части цитадели. Оно, как и первое, представляет собой лишь часть крупного складского здания и имеет форму вытянутого прямоугольника (27×8,5 *м*). По продольной оси помещения вместо отдельно стоящих пилонов построена непрерывная массивная опорная стена толщиной 2 *м*. С двух сторон между поперечными стенами помещения были оставлены проемы для сообщения между двумя узкими отделениями комнаты, полученными в результате такой планировки. В помещении обнаружены большие карасы, расставленные в два ряда в каждой из узких частей (рис. 2). Помещение во всем напоминает подобные комнаты в Кармир-блуре в нижнем этаже цитадели. В интерьере эти помещения просто и легко восстанавливаются, и существующие реконструкции[3] меньше всего вызывают сомнения. Но рассматриваемая комната в цитадели Аргиштихинили сохранилась в перестроенном виде. Первоначальное ее перекрытие основывалось на деревянных колоннах с каменными сложными базами, состоящими из вертикальных втулок и плоских плит под ними. Две такие базы обнаружены на своих же местах. При перестройке они были оставлены в кладке поздней внутренней опорной стены. Перестройка первоначальных опор перекрытия была вызвана, вероятно, необходимостью постройки второго этажа над этим помещением, ибо в этом случае прежние деревянные колонны оказались бы весьма ненадежными для конструкций достроенного верхнего

[3] К. Л. Оганесян. Кармир-блур IV, стр. 36—64.

этажа. Пилоны, сравнительно дорогостоящие и неудобные в смысле охвата большой площади в помещении, делались во многих случаях именно в первом этаже двухэтажного сооружения. Примеров применения такого принципа много в постройках цитаделей Тейшебаини и Эребуни.

Жилые кварталы города, окружая цитадель со всех сторон, распространились к востоку, занимая всю территорию на цепи холмов св. Давида и равнинные места у ее основания. На всей этой территории и без раскопок по остаткам кладки стен, сохранившимся часто в виде отдельных камней, можно определить очертания сотен жилых домов и сооружений. Расположенная на возвышенности центральная часть города помимо общей городской стены, окружающей цепь холмов у ее основания, в наиболее доступных местах укреплялась второй оборонительной стеной, построенной между крайними домами жилых кварталов.

Систематические раскопки жилых домов производились пока в одном месте — на вершине средней части холмов, к востоку от цитадели, на расстоянии 250—300 *м*. Эта часть города, начиная с самой цитадели, условно была названа первым кварталом. Из пяти жилых домов, раскопанных в этом квартале, полностью очищены два (дома № 2 и 3), на них мы остановимся более подробно.

Известные нам урартские жилые дома, согласно требованиям и возможностям разных слоев городского населения, различаются количеством и размерами помещений, следовательно, и общей площадью. Различны также композиции и структуры плановых решений.

Жилые дома, раскопанные в городах Тейшебаини и Аргиштихинили, условно можно разделить на три основные группы. К первой группе можно отнести раскрытые в Тейшебаини в течение 1948—1950 гг., построенные впритык друг к другу малые жилые ячейки, состоящие из двух-трех помещений и частично перекрытого двора [4]. Общая площадь таких жилых ячеек не превышает 100 $м^2$.

Жилые дома второй группы построены в виде отдельных особняков из 7—10 комнат общей площадью 500—700 $м^2$. Стены в этих сооружениях по сравнению с предыдущими более монументальны, толщина их достигает 1,40 *м*, а с наружной стороны они часто ритмично расчленены выступами в виде небольших контрфорсов, размерами в среднем 0,55 × 1,10 *м*. Ядром жилого дома является центральный зал, вокруг которого построены более мелкие помещения хозяйственного назначения. Ко второму типу можно отнести так называемые Малый дом [5] и Дом знатного урарта [6] в городе Тейшебаини и все уже раскопанные жилые дома в городских кварталах Аргиштихинили.

Третьим типом урартского жилого дома являются сооружения, где как бы механически соединены в ряд несколько жилых комплексов второго типа, составляющих отдельные равноправные секции большого дома. Такие огромные планомерно организованные сооружения несомненно были постройками государственного порядка. Единственным примером этого типа пока служит так называемый Большой или Секционный дом в Тейшебаини [7], но о распространенности таких домов в урартском жилищном строительстве свидетельствует изображение трехэтажного секционного дома на двух бронзовых пластинах из Вана [8].

Жилой дом № 2 находится в южной части первого квартала, прямо у склона возвышенности, где в промежутках между крайними домами

[4] К. Л. Оганесян. Кармир-блур IV, стр. 18—35; В. С. Сорокин. Древние поселения у Кармир-блура. Автореф. канд. дис. Л., 1955, стр. 13—17.

[5] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 268—271.

[6] А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини. Ереван, 1961, стр. 111—114.

[7] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 260—264.

[8] R. D. Barnett. The Excavations of the British Museum at Toprak Kala near Van. «Jraq», XII, 1, 1950, табл. 1, *2*.

была построена оборонительная стена, защищавшая центральную часть города. Здание в плане прямоугольной формы, с размерами сторон 27,0 × 23,8 *м*, с общей площадью 614 *м*^{2} (рис. 3). В северо-западном углу, во входной части здания (подобно «Малому дому» в Тейшебаини) имеется угловой уступ размерами 5,50 × 6,0 *м*, который в свое время, вероятно, был перекрыт деревянным навесом. По периметру наружных стен здания,

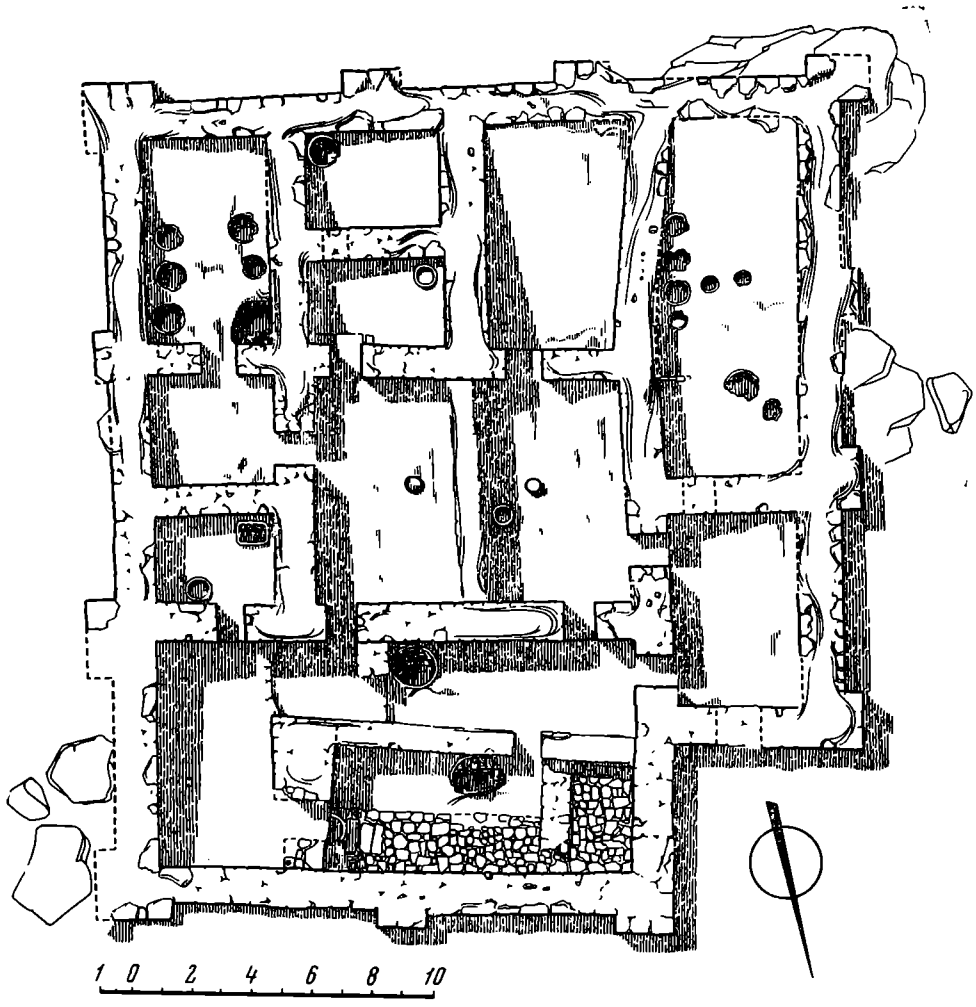


Рис. 3. План жилого дома № 2

приблизительно на равных расстояниях, были сделаны выступы в виде контрфорсов, ритмично расчленяющие глухие поверхности оштукатуренных стен.

Со временем здание подвергалось многим перестройкам, иногда основательно менявшим объемно-конструктивные решения отдельных помещений. В первоначальном виде, который нетрудно восстановить, композиционным центром здания являлось большое помещение — зал площадью 77 *м*^{2}. Его перекрытие поддерживали две деревянные колонны с каменными базами, поставленные на продольной оси помещения. Комната освещалась верхним светом, в ее центральной части был обнаружен глиняный очаг. Тонкой перегородкой комната делилась на две части. Возможно, что построенная позже перегородка заменяла деревянные колонны первоначальной конструкции. Отметка пола второго строительного периода была на 50 *см* выше первоначальной, вследствие чего каменные базы колонн и очаг остались в слое глиняного пола.

Вокруг центрального зала было расположено девять сравнительно мелких помещений в основном хозяйственного значения и с северной стороны зала одно большое помещение, равное по площади залу. С этими помещениями зал сообщался шестью дверными проемами, устроенными по два в продольных стенах и по одному в поперечных, западный проем через переднюю комнату сообщался с наружной дверью здания. Все помещения здания были углублены в материковый грунт от 50 *см* до 1 *м* и, подчиняясь неровному рельефу местности, находились на разных уровнях; переходы из комнаты в комнату у дверных проемов имели ступеньки.

У каждого из подсобных хозяйственных помещений было свое назначение, которое при постройке стало решающим фактором для определения размеров и местоположения помещений в общем жилом комплексе. Два сравнительно больших помещения в юго-восточном и в юго-западном углах были складами. В них вкопано по нескольку каркасов больших и средних размеров. В двух маленьких помещениях с южной и восточной сторон центрального зала обнаружены круглые глиняные очаги и в одном из них — большая керамическая ванна. Помещения с очагами обязательно должны были иметь верхние световые отверстия, служившие для вытяжки дыма и освещения; складские помещения могли освещаться через двери соседних освещенных комнат.

Первоначальное назначение второго большого помещения в этом же доме, расположенного с северной стороны центрального зала, трудно определить, так как во время перестроек оно подвергалось значительным изменениям и частично было использовано для содержания мелкого рогатого скота.

Наличие двух больших, часто почти равных, помещений в одном жилом комплексе наблюдается и в «Малом доме», как и во всех секциях «Большого дома» города Тейшебаини. Следовательно, оно закономерно и продиктовано функциональными требованиями и условиями определенной категории населения урартских городов. Центральный зал являлся бытовым ядром жилого комплекса, местом собрания семьи. Эти помещения обязательно имели очаги и перекрывались с помощью двух или четырех деревянных столбов на каменных базах. Находясь в центре здания, они почти всегда играли и роль комнаты, откуда можно было войти во все хозяйственные помещения.

Назначение второго большого помещения определенно не устанавливается. Однако во всех рассмотренных домах можно отметить тождественные для большинства из этих помещений черты, это позволяет предположить их одинаковое функциональное назначение. Эти помещения как и центральный зал, перекрывались с помощью двух или четырех деревянных колонн, но, как правило, они несколько отстранены от композиционного центра здания и, что важно, имеют выход наружу либо самостоятельный («Малый дом», «Дом знатного урарта» в городе Тейшебаини), либо через переднюю комнату, откуда можно войти и в центральный зал («Большой дом» в Тейшебаини и дом № 2 в Аргиштихинили).

Вопрос функционального назначения этих помещений имеет важное значение для характеристики хозяйственной жизни и общественного положения населения урартских городов. К сожалению, он не решается и на нашем примере дома № 2, где рассматриваемое помещение, как было сказано, сохранилось в очень видоизмененном состоянии. Поздняя сравнительно тонкая перегородка, построенная по продольной оси помещения, конструктивно заменяла некогда существующие промежуточные опоры и разделяла помещение на две продолговатые части, средняя из которых (с частично намощенным полом) служила для содержания скота. В первоначальном виде помещение, кроме двери в переднюю комнату, имело еще три дверных проема: два сообщающихся с центральным залом и один — с северо-восточной угловой комнатой, находящейся на четыре ступени выше этого помещения. Это обстоятельство, т. е. наличие четырех дверных прое-

мов в помещении, по мнению А. А. Мартиросяна, исключает возможность предположения о том, что оно и первоначально предназначалось для содержания скота. Это подтверждается и тем фактом, что во время перестройки, когда помещению придавалась именно такая функция, все дверные проемы, кроме западного, были замурованы.

Специальное отделение для скота раскопано и в плохо сохранившемся и трудно поддающемся реконструкции жилом доме № 1, где оно представляет собой узкое длинное помещение с мощеным каменными плитами полом шириной в 2 *м*.

Эти помещения в домах Аргиштихинили, являющиеся иногда результатом поздней, но все же урартской перестройки, во многом напоминают аналогичные отделения в малых жилых ячейках города Тейшебаини, отнесенных нами в первую группу урартских жилых домов. Поэтому не излишне, на наш взгляд, здесь высказать несколько соображений по поводу существующих их реконструкций.

Густо застроенный жилой массив — квартал в Тейшебаини — складывался из подобных жилых ячеек, состоящих обычно из одного большого и двух сообщающихся с ним малых отделений. Большое отделение, площадь которого не превышала 55 $м^2$, делилось на две части по продольной оси деревянными колоннами и тонкой перегородкой между ними. Первая часть со стороны двух небольших помещений имела очаг и была хозяйственно-бытовым ядром жилого дома, т. е. функционально заменяла центральный зал в рассмотренных нами более богатых жилых домах — особняках. Пол второй части большого отделения был замощен каменными плитами, а обнаруженные там камни для привязи подтвердили предположение исследователей о том, что эта часть была предназначена для содержания скота.

Таким образом, здесь, в сравнительно бедных жилых комплексах, наблюдается совмещение в одном помещении двух отделений разного назначения — общей комнаты и хлева, что было распространено в жилищах древней Армении, описанных Ксенофонтом [9], и дошло почти до современности («гоми ода»).

В созданных реконструкциях эти помещения в жилых ячейках Тейшебаини представлены как частично перекрытые дворы. В одном случае навесом перекрыта замощенная часть помещения [10], а в другом, наоборот, она оставлена открытой [11]. Эти реконструкции, на наш взгляд, недостаточно убедительны, так как трудно согласиться с той мыслью, что кроме трехчетырех холодных месяцев жители домов свое время проводили в основном во дворе и держали скот там же. В действительности же холодных месяцев в Араратской долине несколько больше, а в исследованном жилом комплексе нет помещения, которое могло в эти месяцы функционально заменить большое отделение. Кроме того, нецелесообразным кажется нам наличие внутреннего, пусть даже маленького, двора в жилых ячейках этих густо заселенных кварталов города; эти дворы отсутствуют и в более богатых домах, раскопанных позднее в городах Тейшебаини и Аргиштихинили. Приведенные в реконструкциях в качестве аналогий жилые комплексы с обширными дворами из низменных районов Армении не совсем удачны, так как дворы были здесь лишь хозяйственными постройками и никак не заменяли общей комнаты или хлева в жилом доме. И, наконец, наличие ступенек за входной дверью, ведущих в большое отделение, показывает, что оно было несколько углублено, что очень характерно для помещений урартских жилых домов.

На основании приведенного материала мы можем сделать вывод, что большие отделения в рассмотренных жилых комплексах Тейшебаини представляли собой цельноперекрытые помещения с верхним световым

[9] Ксенофонт. Анабасис. М.— Л., 1915, стр. 112.
[10] К. Л. Оганесян. Кармир-блур IV, стр. 30—31.
[11] В. С. Сорокин. Древние поселения у Кармир-блура, стр. 13—17.

отверстием. Это подтверждает ранее высказанное замечание А. А. Мартиросяна о том, что ядром урартского дома явилось бы помещение с очагом, а не открытый двор, более характерный для Южной Месопотамии, или центральный двор с колоннадой, как это наблюдается в Египте [12].

Нам осталось описать еще один памятник урартской жилищной архитектуры — жилой дом № 3, находящийся в 40 *м* западнее дома № 2, на другом конце уцелевшей части внутренней оборонительной стены

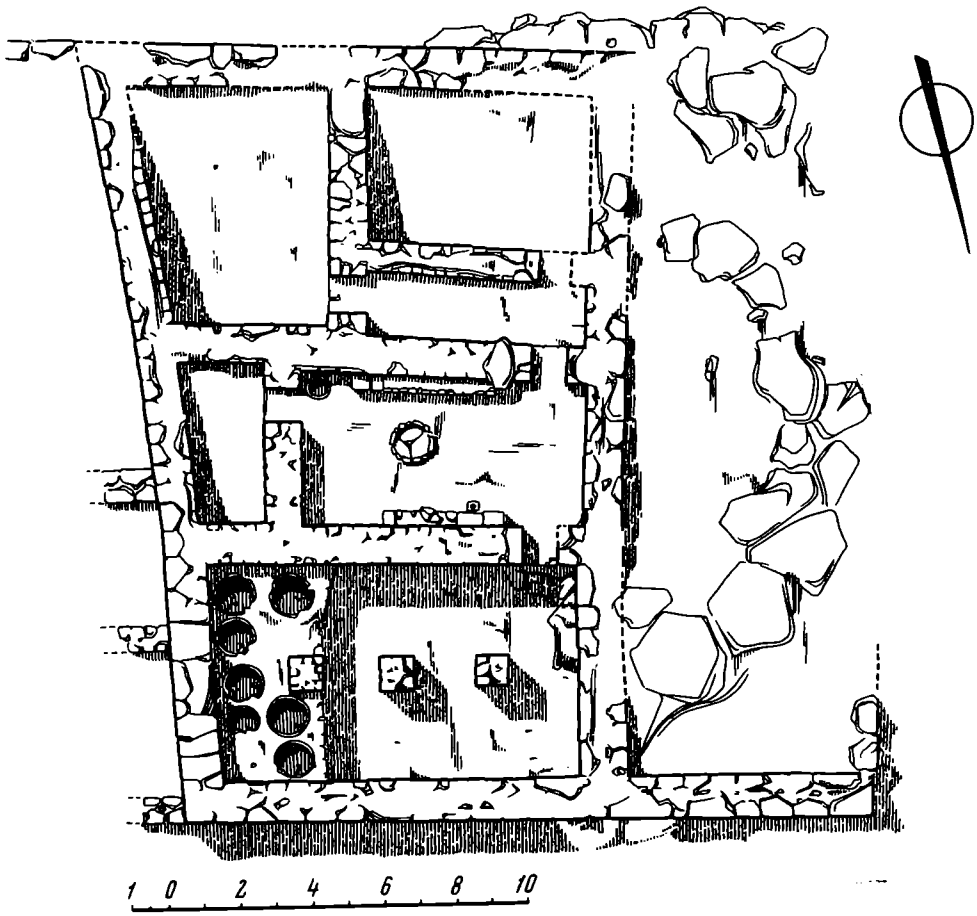


Рис. 4. План жилого дома № 3

(рис. 4). Шесть помещений, сохранившихся в восточной части здания, не дают полного представления о схеме его плана, однако от других сооружений его отличают некоторые черты, на которых стоит остановиться.

Судя по остаткам северной наружной стены, здание в плане имело трапециевидную форму. По занимаемой площади оно уступало дому № 2, и это в первую очередь отразилось на размерах общей комнаты. Ее площадь составляла всего 36 $м^2$, и она была перекрыта одним пролетом, без промежуточных опор. В центре помещения обнаружен каменный круглый очаг диаметром 1,5 *м*, а у продольных стен — две скамьи высотою 50 *см*, выложенные из камня и обмазанные глиной. Общая комната сообщалась с двумя южными подсобными помещениями через узкий коридор и непосредственно с восточной маленькой комнатой.

К северу от общей комнаты находилась довольно обширная кладовая, значительно углубленная в скалистый материковый грунт, вследствие чего нижние части западной и частично северной стены составляли огром-

[12] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 263

ные обтесанные скальные массивы. Это требовало от строителей многих трудоемких работ.

Чем же могла быть вызвана такая необходимость? Помещение не могло быть хозяйственной подвальной комнатой, несмотря на то, что по продольной оси помещения обнаружены три каменных «пилона» небольших размеров, вполне пригодные для поддержания конструкции междуэтажного, сравнительно тяжелого перекрытия. Разница отметок полов этого помещения и общей комнаты, составляющая всего лишь 1 *м*, недостаточна для такого предположения и вполне исключает его. Ответ на этот вопрос дает, на наш взгляд, возвышающаяся на 1 *м* сохранившаяся в восточной части помещения площадка с вкопанными в нее семью большими карасами. Очевидно, помещение было рассчитано только на хранение карасов, которые, как и в карасной комнате в цитадели, были расставлены на полу помещения и покрыты до половины их высоты глиняным заполнением, образовавшим новый пол. В этом случае пол рассматриваемого помещения уравнивался с полом соседней общей комнаты, как это видно на примере площадки. То обстоятельство, что в помещении было обнаружено только семь карасов в восточной стороне, а в остальной части их не было, не опровергает еще нашу точку зрения, так как, возможно, в дальнейшем предполагалось расставить карасы во всем помещении. Каменные «пилоны», как мы склонны думать, доходили до отметки будущего пола и являлись основаниями в глиняном заполнении для опирающихся на них деревянных колонн. Это довольно ясно видно на примере оставленного в заполнении площадки восточного «пилона».

Раскопанные в городских кварталах Аргиштихинили дома, по всей вероятности, были одноэтажными, что подтверждается в первую очередь легкостью конструкции деревянных колонн, которые не могли служить для поддержания конструкции второго этажа. Кроме того, нижние помещения, в том числе общие комнаты и помещения с очагами, имея над собой второй этаж, лишались бы единственно возможного естественного освещения из верхних световых отверстий. Разумеется, такое предположение не следует относить ко всем домам Аргиштихинили, где вполне могли существовать многоэтажные жилые сооружения.

Е. Г. КАСТАНАЯН

О МОЗАИЧНЫХ ПОЛАХ АПОЛЛОНИИ ИЛЛИРИЙСКОЙ

При раскопках античного города Аполлонии Иллирийской (на территории Албанской Народной Республики) в 1958—1960 гг. были открыты здания первых веков нашей эры с мозаичными полами. Одно из этих зданий выделялось среди других своими размерами и богатством внутренней отделки [1] (рис. 1).

В юго-восточной части здания, отделенной от его центральной части галереей, находился ряд банных помещений, вытянувшихся в один ряд с юго-запада на северо-восток (участок *D*-2). Полы помещений покрывала полихромная мозаика, изучению которой и посвящается настоящая статья. Наряду с публикацией и анализом нашей задачей является уточнение датировки этих мозаик.

К сожалению, археологический материал, добытый при раскопках здания, очень скуден, а при расчистке мозаичных полов, рассматриваемых нами, вообще не найдено ничего, что послужило бы надежным основанием для их датировки. Нам приходится эти мозаики датировать лишь по особенностям их стиля [2].

Комната *А* расположена рядом с помещением префурния (*Н*). Под мозаичным полом этой комнаты находится гипокауст, сообщавшийся с топкой через проем в стене, разделяющей комнаты *А* и *Н*. Это дало основание считать комнату *А* калдарием. В мозаике пола этой комнаты утрачена почти полностью центральная часть, где находилась эмблема, и северо-западный край. Размеры мозаики — 7,30 × 7,87 *м*.

Мозаика полихромная на белом фоне, выложена из кубиков разноцветных известняков, доломита и глинистого сланца [3]. Эмблема окаймлена прямоугольной рамкой шириной 0,21 *м*, состоящей из ряда зубчатых равнобедренных треугольников (черных на белом фоне), заключенных между двумя черными полосками. Размер эмблемы с северо-востока на юго-запад 3,49 *м*; с северо-запада на юго-восток рамка целиком не сохранилась.

От центральной композиции сохранилась лишь часть изображения какого-то морского фантастического существа с длинным, закрученным в спираль хвостом и частично две угловые композиции. В одной из них помещено изображение дельфина (рис. 2), в другой — омара. Композиция

---

[1] Раскопки производились советско-албанской экспедицией под руководством В. Д. Блаватского и С. Ислями.

[2] О мозаиках другой части дома см. Н. А. Онайко. Албанская экспедиция 1958 года. КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 26 сл.; Н. А. Онайко. Мозаики Аполлонии Иллирийской. СА, 1962, 4.

[3] Термообъемный анализ мозаичных кубиков выполнен по методу проф. А. Г. Берга старшим техником-химиком Литологической лаборатории Всесоюзного геологического института СССР Т. Ю. Бирюковой. Данные анализа с указанием цветов кубиков помещены в Приложении к статье.

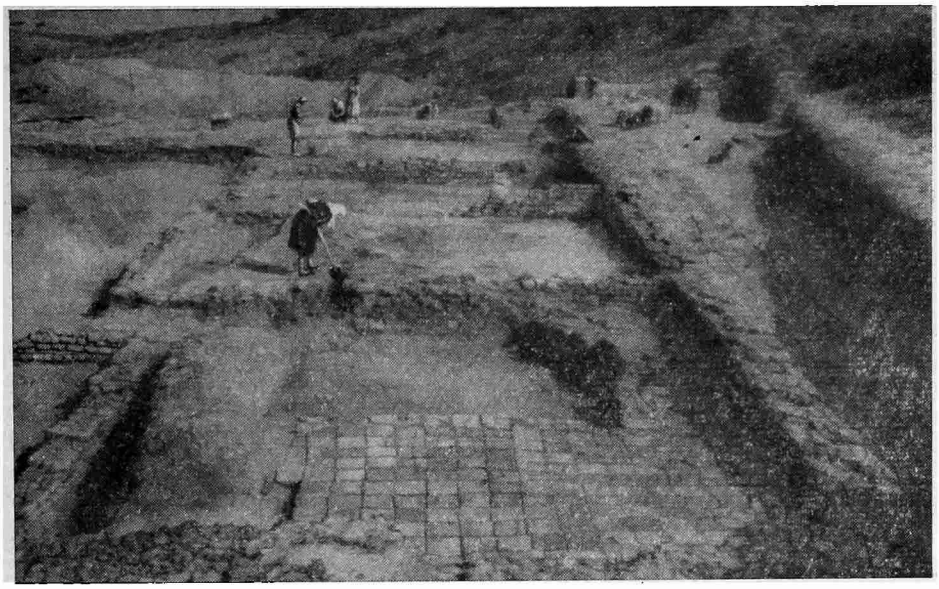


Рис. 1. Общий вид раскопок участка *D*-2 с запада

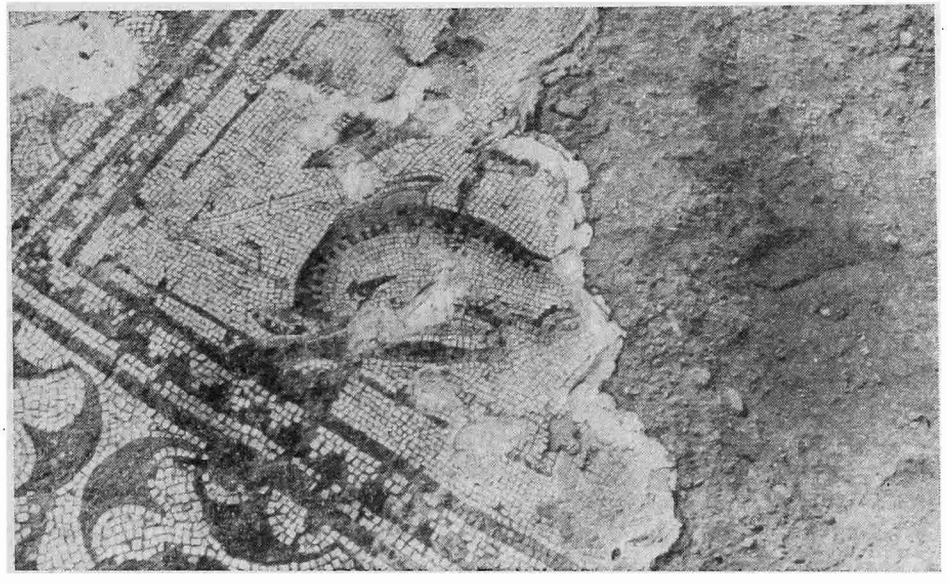


Рис. 2. Угловая часть эмблемы мозаики комнаты *A*

выложена в желтом, густо-розовом, зеленом, сером и черном цвете, размеры кубиков в среднем 8 × 7 × 6 *мм*.

Центральное поле мозаики окаймлено четырьмя орнаментальными полосами, заполненными геометрическими и растительным орнаментами, сохранившимися с трех сторон эмблемы (рис. 3).

Первая от центральной рамки полоса заполнена орнаментом в виде пельт черного цвета, расположенных попарно, вогнутыми сторонами друг к другу на белом фоне[4]. За этой полосой следует полоса черных

[4] Ширина полосы на юго-западной и северо-восточной сторонах составляет 0,79 *м*, на юго-восточной стороне — 1,36 *м*; очевидно, такая же ширина ее была на северо-западе, где мозаика не сохранилась.

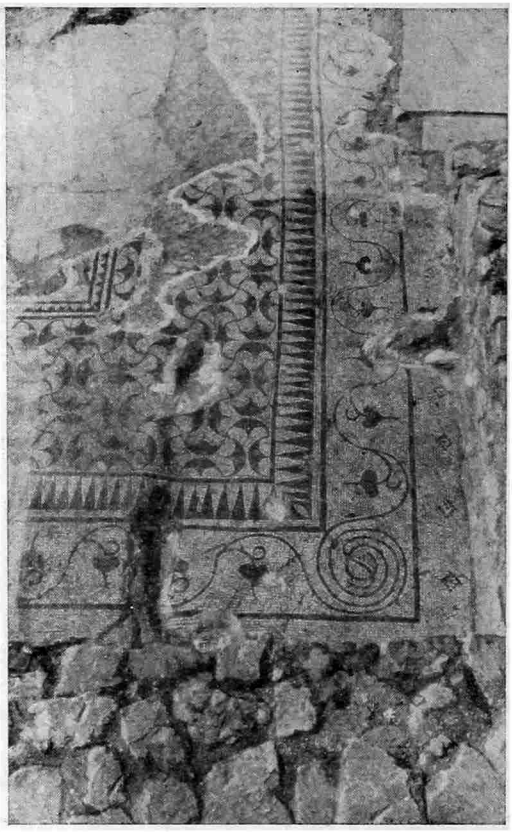


Рис. 3. Орнаментальная рамка эмблемы мозаики комнаты *A*

вытянутых треугольников, выложенных на белом фоне и окаймленных двумя черными полосками. Третья полоса заполнена орнаментом в виде зеленого плюща на белом фоне. В центре юго-восточной полосы сохранилось изображение канфара; по углам ветки плюща закручены в спираль. Эта полоса отделена от последующей узкой зеленой полоской. Последняя полоса выложена белыми кубиками, посредине ее помещены контуры квадратов, поставленных на угол, выложенных зелеными кубиками, с зеленой точкой посредине. Орнаментальные полосы выполнены в технике opus tesselatum [5].

Поскольку центральное изображение мозаики почти полностью утрачено, датировать ее приходится лишь по декоративной части, обрамляющей центральную рамку. Здесь прежде всего надо обратить внимание на орнамент из пельт, заполняющий бóльшую часть декоративного обрамления эмблемы. Орнамент этот появляется в античном мозаичном искусстве только в римское время, когда он использовался для заполнения прямоугольных полей вокруг центральной части мозаики. Его часто можно встретить на мозаиках Италии, Германии и других областей античного мира, начиная с I в. Примером более ранних мозаик с орнаментом этого типа может служить мозаика во дворце Прокуратора в Трире первой половины I в. [6] Особенно распространенным этот орнамент становится к середине II в. Здесь можно указать на мозаику виллы «Вейлербюш» в окрестностях Трира [7] и на мозаику виллы Адриана [8]. В одной из мозаик Трира, так называемой мозаике Сименса, относящейся к началу III в. [9], мы находим такое же, как и на рассматриваемой мозаике, сочетание рамки из зубчатых треугольников вокруг эмблемы и полосы пельт, расположенной за рамкой.

С упомянутой группой мозаик I — начала III вв. объединяет мозаику комнаты *A* и сам характер рисунка пельт, не имеющих вовсе или имеющих слабое утолщение на конце выдающейся средней части, наличие интервалов между спинками пельт, тонкость линий, соединяющих концы пельт, и, наконец, сама раскраска орнамента, выполненного исключительно в черно-белом цвете. Если мы обратимся к более позднему воспроизведению мотива пельт, который встречается на мозаиках второй половины III—IV вв., то заметим, что рисунок пельт этого времени гораздо грубее.

---

[5] Размеры кубиков 1,3 × 0,8 × 0,7 *см*.

[6] K. Parlaska. Die römischen Mosaiken in Deutschland. 1959, стр. 6 сл., табл. 15, *2*.

[7] K. Parlaska. Указ. соч., стр. 14 сл., табл. 19, 3.

[8] M. E. Blake. Roman Mosaics of the Second Century in Itali. MAAR, XIII, 1936, табл. 19, *3*.

[9] K. Parlaska. Ук. соч., стр. 33 сл., табл. 34, *2*.

В центре пельт находится треугольное утолщение, они тесно соприкасаются друг с другом спинками, наконец, линии, соединяющие их концы, гораздо толще, а по большей части совсем отсутствуют. На некоторых мозаиках позднего времени имеется в средине пельт заполнение красными кубиками [10].

Что касается общей схемы орнаментального обрамления рассматриваемой нами мозаики, то ближайшей аналогией ей является мозаика, открытая на острове Фасос при раскопках дома эпохи Адриана [11]. Все центральное поле этой мозаики покрыто черными пельтами на белом фоне, по рисунку и расположению аналогичными пельтам мозаики из Аполлонии Иллирийской и заключенными в такую же рамку из зубчатых треугольников. Кроме того, на фасосской мозаике находится орнаментальная полоса, заполненная гирляндой плюща, аналогичной гирлянде, рассматриваемой нами мозаики, но выполненной не в зеленом, а в черном цвете. Среди мозаик, относящихся к эпохе Адриана, можно найти и изображения, близкие по сюжету и манере исполнения угловым изображениям эмблемы. Так, в одной из мозаик, открытой в Карфагене и относящейся ко II в., в углу центральной рамки изображены дельфин и омар, которые фигурируют и на мозаике из Аполлонии Иллирийской [12]. Однако последняя существенно отличается от мозаик адриановской эпохи тем, что она полихромная, в то время как фасосская и карфагенская мозаики выполнены в черно-белом цвете. Полихромный стиль становится популярным в римском мозаичном искусстве лишь со средины II в.[13] Поэтому рассматриваемую мозаику следует датировать в пределах второй половины II в., точнее концом этого столетия, когда начинает распространяться картинная мозаика.

Рядом с калдарием находился аподитерий (комната *B*), пол которой покрывала мозаичная композиция со сценами амазономахии [14]. К северо-востоку от комнаты *B* расположены еще три комнаты терм — фригидарий *F* с бассейном для холодной воды, помещение с экседрой *G* и две смежные комнаты *D* и *E*, скорее всего являвшиеся помещениями тепидария и сельвария. Рядом с аподитерием *B* расположена сообщавшаяся с ним комната *D*, с которой мы и продолжим рассмотрение мозаик.

Комната *D*. Пол этой комнаты покрывала мозаика, выполненная в черном и красном цвете на белом фоне. Центральная часть ее состоит из комбинации отдельных замкнутых декоративных плоскостей, заполненных различного рода орнаментами и разделенных между собой непрерывной плетенкой. Эта часть заключена в прямоугольную рамку, состоящую из нескольких орнаментальных полос. Яркость расцветки, которую придает мозаике присутствие в ней тессеров из терракоты, и разнообразие ее орнаментации создают впечатление пестрого ковра, покрывающего пол комнаты (рис. 4). Размеры мозаики, соответственно площади пола, 7,34 × 5,30 *м*.

В центре поля расположен круглый щит, заполненный концентрическими кругами из криволинейных треугольников, внутри щита помещена красная шестилепестковая розетка. Щит вписан в квадрат, углы которого заполнены красными и черными треугольниками. Перпендикулярно сторонам квадрата помещены четыре прямоугольника, заполненные квадратами и красными треугольниками. Между этими прямоугольниками находятся четыре других. Из них два заполнены красными пельтами, два — орнаментом из перекрещивающихся кругов, образующих черные четырехлистники, между которыми помещены красные крестики. Между центральным квадратом и прямоугольниками образованы треугольные

---

[10] Там же, стр. 38 сл., табл. 6, 3; стр. 58, табл. 57, *3*; стр. 61 сл., табл. 58, *1*; стр. 81, рис. 10; стр. 107, табл. 14 В; стр. 124, табл. 92, *3*.

[11] FA, III, 1948. Firenze, 1950, стр. 161, рис. 39.

[12] M. E. B l a k e. Ук. соч., стр. 115 сл.

[13] K. P a r l a s k a. Ук. соч., стр. 22.

[14] Е. Г. К а с т а н а я н. Амазономахия на мозаике Аполлонии Иллирийской. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 83—91.

Рис. 4. Мозаичный пол комнаты *D*

площади, в каждую из которых вписан маленький треугольник красного или черного цвета. Каждая из этих орнаментальных плоскостей, как и вся композиция в целом, окаймлены непрерывной плетенкой, которая заключена между двумя черными полосками и состоит из двух прядей, красной и черной, с белой подцветкой. Вся композиция имеет форму восьмиугольника, вписанного в большой квадрат, окаймленный той же непрерывной плетенкой; углы квадрата заполнены мелкими красными и черными треугольниками.

Вокруг центрального изображения располагаются три ряда орнаментальных поясов — меандра, дентикула и квадратов, поставленных на угол, выполненных в черном цвете. С юго-востока и северо-запада к ним примыкают две прямоугольные панели, выложенные черными квадратами. Весь мозаичный узор окаймлен узкой черной рамкой, за которой вдоль стен комнаты оставлен белый фон [15].

Относительно отдельных орнаментальных мотивов можно в общем сказать, что они свойственны римским мозаикам, начиная с I в. [16] Так, центральный щит из криволинейных треугольников входит в репертуар помпеянских мозаик (Casa degli Amorini Dorati). Его можно встретить в мозаиках из Цивидале и Пьяценцы [17]. Этот мотив продолжает встречаться среди римских мозаик II и III вв. В памятниках II в. он фигурирует на мозаике Casa di Apuleio в Остии и на мозаике, открытой на улице Эмануеле Филиберто в Риме [18]. В начале III в. он имеется на мозаике виллы в Балаче [19] и на мозаике из Тахертинга [20]. В этой последней в центре

---

[15] Мозаика выложена в технике opus tesselatum. Размеры кубиков центрального изображения и окружающих его полос орнамента 8 × 8 × 5 *см*; черных полосок, которыми закончена плетенка, 1,1 × 1,1 × 1,1 *см*; крайней белой полосы 1,2 × 2 × 2 *см* и 1,5 × 2 × 2 *см*. Кубики выпилены из того же материала, что и кубики остальных мозаик соответствующих цветов (см. Приложение) и, кроме того, красные кубики сделаны из керамики, что отличает эту мозаику от остальных, где керамика отсутствует.

[16] A. K i s s. The mosaic Pavements at the Roman Villa at Balaça. AA, XI, 1—4, 1959, стр. 232.

[17] M. E. B l a k e. The Pavements of the Roman Buildings of the Republic and Early Empire. MAAR, VIII, 1930, табл. 38.

[18] M. E. B l a k e. Roman Mosaics of the second century in Italy, табл. 13, *2* и 14, *2*.

[19] A. K i s s. Ук. соч., стр. 216, рис. 33*a*.

[20] K. P a r l a s k a. Ук. соч., стр. 196, табл. 14 B, *2*.

изображена такая же шестилепестковая розетка, как и в центре щита мозаики из Аполлонии Иллирийской.

Мотив перекрещивающихся кругов, служащий заполнением двух боковых прямоугольников рассматриваемой мозаики, как и предыдущий мотив, становится типичным для римских мозаик, начиная с I в.[21] Его можно встретить в помпеянской мозаичной живописи, например, на мозаике порога комнаты в Casa di Trittolemo[22]. Заполнение таким орнаментом отдельных плоскостей мозаичных полов встречается и в мозаиках II в., например в Антиохии[23]. Что касается пельтообразного орнамента, служащего заполнением двух других прямоугольников, то он становится популярным в римском мозаичном искусстве, начиная со II в. Такой орнамент встречался уже нам в описанной выше мозаике комнаты *A*, относящейся, по нашему мнению, к концу II в.

Широкие панели, заполненные узором из черных квадратов, имеют аналогии в мозаике Дикирха, относящейся к третьей четверти II в. по датировке К. Парласки, и в мозаике из Нидальтдорфа, датируемой раннесеверовским временем. В этих мозаиках панели располагаются, как и на мозаике из Аполлонии Иллирийской, по двум узким сторонам комнаты. Отличие заключается лишь в построении самого узора[24].

Можно привести еще много аналогий отдельным видам орнаментации мозаики из Аполлонии Иллирийской. Однако взятые сами по себе, они мало что могут дать для уточнения даты всей композиции в целом. Следует остановиться на характере плетенки, обрамляющей декоративные плоскости рассматриваемой нами мозаики. Такая плетенка в I — начале II в. используется еще в качестве самостоятельного орнамента и лишь со II в. начинает употребляться в качестве контурного обрамления отдельных плоскостей мозаики[25]. При этом в ранних мозаиках она более тугая и не создает впечатления текучести, что свойственно плетенке более позднего времени[26]. Примером раннего вида может служить плетенка мозаики виллы Полифема в Антиохии[27]. Характерным признаком плетенки из Аполлонии Иллирийской является ее слабое плетение, она как бы струится, что приближает ее к плетенкам позднесеверовского времени[28].

Рассмотрение схемы композиции мозаики в целом позволит более точно определить ее дату. Принцип построения этой схемы отличает мозаику комнаты *D* от вышеописанных двух мозаик. Ее центральное изображение состоит из отдельных мелких орнаментированных плоскостей, каждая из которых представляет собой как бы самостоятельную картину. Такое дробление центральной композиции в пользу мелких замкнутых орнаментальных плоскостей становится характерным явлением в римских мозаиках со II в.[29] По этому принципу построена, например, мозаика виллы Адриана первой половины II в.[30] Но мозаика эта выполнена еще в черно-белом цвете и потому должна предшествовать по времени мозаике из Аполлонии Иллирийской. Более близкой аналогией рассматриваемой композиции является упомянутая выше мозаика из Дикирха[31]. В ней также имеется центральный квадрат, где помещена эмблема. Вокруг этого квадрата группируются прямоугольные орнаментальные плоскости с заполнением промежутков треугольниками. Непрерывная плетенка, ограни-

---

[21] D. L e v i. Antioch Mosaic Pavements. I, London, 1947, стр. 374.
[22] M. E. B l a k e. The Pavements of the Roman Buildings..., табл. 23, *1*.
[23] D. L e v i. Antioch Mosaic Pavements. II, табл. XCVII, *a*.
[24] K. P a r l a s k a. Ук. соч., стр. 20 и 30, табл. 2, *2* и 23, *2*.
[25] M. E. B l a k e. Roman Mosaics..., стр. 192 и 196.
[26] D. L e v i. Ук. соч., I, стр. 373 и 379.
[27] Там же, табл. III, *в*.
[28] M. E. B l a k e. Roman Mosaics..., стр. 101 сл.; K. P a r l a s k a. Ук. соч., стр. 32.
[29] K. P a r l a s k a. Ук. соч., стр. 32 сл.
[30] M. E. B l a k e. Roman Mosaics..., табл. 15, *4*.
[31] K. P a r l a s k a. Ук. соч., табл. 23, *2*.

чивающая отдельные мотивы, и прямоугольные поля из черно-белых квадратов дополняют сходство этой мозаики с мозаикой нашей комнаты *D*. И. Майер датирует мозаику из Дикирха III в. К. Парласк же отодвигает ее дату на третью четверть II в. только потому, что в этом же здании обнаружена вторая мозаика, которая, по его мнению, не может принадлежать к III в. [32]

Однако рассматриваемую нами мозаику нельзя помещать во II в. благодаря присутствию в ней тессеров из терракоты, которые начинают применяться в мозаичной выкладке лишь с III в. [33] Скорее всего, мозаика комнаты *D* относится к эпохе поздних Северов, когда становится особенно популярной комбинация отдельных орнаментированных или занятых картинным изображением замкнутых плоскостей, разделенных между собой и окаймленных в целом непрерывной плетенкой, с заполнением промежуточных треугольных пространств маленькими треугольниками [34]. Примерами таких мозаик с их полигональными кессонами, разделенными массивными перегородками, характерными для эпохи Северов [35], служат германские мозаики, датируемые 220—240 гг., такие как мозаика Муз, мозаика Бега на колесницах и мозаика Сименса из Трира, мозаика Философов и мозаика Диониса из Кельна, мозаика Гладиаторов из Неннинга и др. [36]

То обстоятельство, что рассматриваемая нами композиция не имеет картинных изображений, присутствующих на всех вышеуказанных мозаиках, не должно нас смущать, поскольку в то же время известны примеры подобной же расчлененной схемы центрального изображения, состоящего из комбинации чисто декоративных плоскостей. Примером тому может служить мозаика из Неннинга, относящаяся к 230/240 г. [37]

Таким образом, мозаика комнаты *D* кажется нам выполненной позднее, чем две предыдущие. Она относится, по всей вероятности, к эпохе поздних Северов. Эта мозаика могла возникнуть как вторичный настил пола в то время, когда внутренний декор некоторых помещений дома подвергался частичной замене или реставрации. Тогда же, видимо, произошла смена декоровки стен соседней комнаты *F*, где под мраморной обшивкой обнаружена была расписная штукатурка, а также починка мозаики комнаты *E*. Пол комнаты *F*, как и комнат, расположенных к северо-западу от нее, находился выше примерно на 0,50 *м*, чем полы с мозаиками, описанными ниже. Это также может навести на мысль, что здесь мы имеем дело с вторичным настилом полов. Правда, повышение полов могло произойти в данном случае и в силу понижения рельефа местности.

Комната *F*. Расположена к северо-востоку от комнаты *D*. Комната эта является, по всей вероятности, фрагидарием. Мозаика покрывает всю площадь пола 4,60 × 4,20 *м*; в средней части она сильно повреждена, но все же позволяет составить общее представление о характере изображения центрального пола. Оно разделено на четыре квадрата непрерывной полихромной плетенкой в виде гераклова узла, окружающей также всю центральную часть мозаики. Плетенка передана розовым, белым, черным, серым и желтым цветом. Каждый квадрат центрального поля обрамлен рамкой из зубчатых треугольников, черных на белом фоне, заключенных между двух горизонтальных полос. Два квадрата, расположенные по диагонали, заполнены сплошной плетенкой из разноцветных прядей розового, желтого, белого и черного цвета (рис. 5). Очевидно, и два других квадрата имели одинаковый рисунок. На одном из них сохранилась часть изображе-

---

[32] K. Parlaska. Ук. соч., стр. 20.
[33] M. E. Blake. Roman Mosaics..., стр. 177.
[34] K. Parlaska. Ук. соч., стр. 26, 32 сл., 121.
[35] P. Gauckler. Musivum Opus. DAGR, III, p. 2, стр. 2111.
[36] Там же, табл. 2, *6*, 6, *1*, *7*, 25, *1*, 31, 34, 36, 66, 80, 81.
[37] Там же, стр. 37 сл., табл. 48, *2*.

Рис. 5. Мозаика комнаты *F*

ния восьмиконечной звезды с ромбовидными концами, выполненной в черном и розовом цвете на белом фоне.

За плетенкой, ограничивающей центральное поле с квадратами, к северо-западу и юго-востоку тянется полоса из пересекающихся кругов, образующих белые четырехлепестковые розетки на черном фоне; между

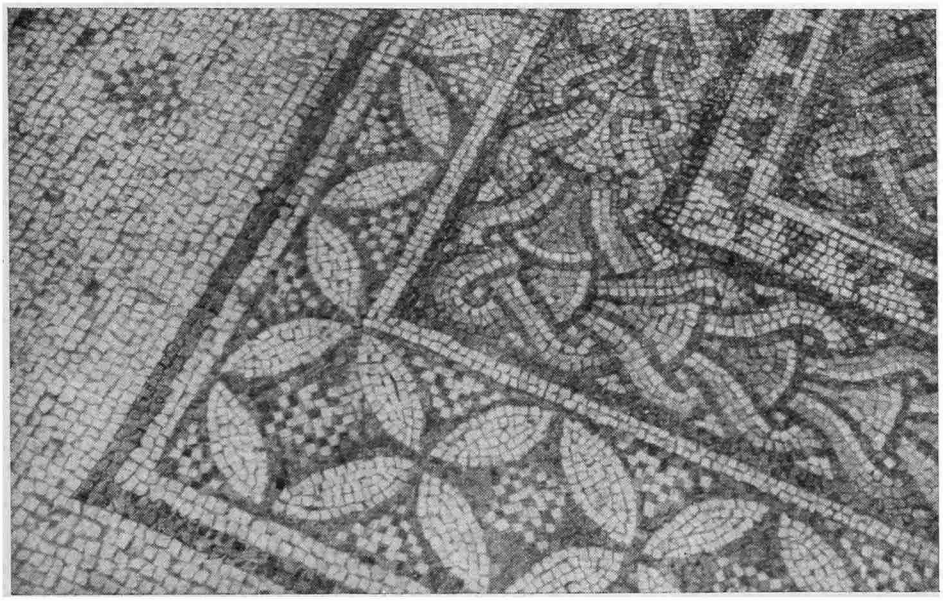


Рис. 6. Угловая часть орнаментальной рамки мозаики комнаты *F*

розетками вписаны маленькие квадратики, выложенные черными и белыми кубиками. На северо-восточной и юго-западной сторонах комнаты за плетенкой идет полоса того же орнамента, но срезанного наполовину (рис. 6). Весь мозаичный узор окаймляет белая полоса, по средине которой размещены квадраты, поставленные на угол, они выложены белыми и черными кубиками в шахматном порядке.

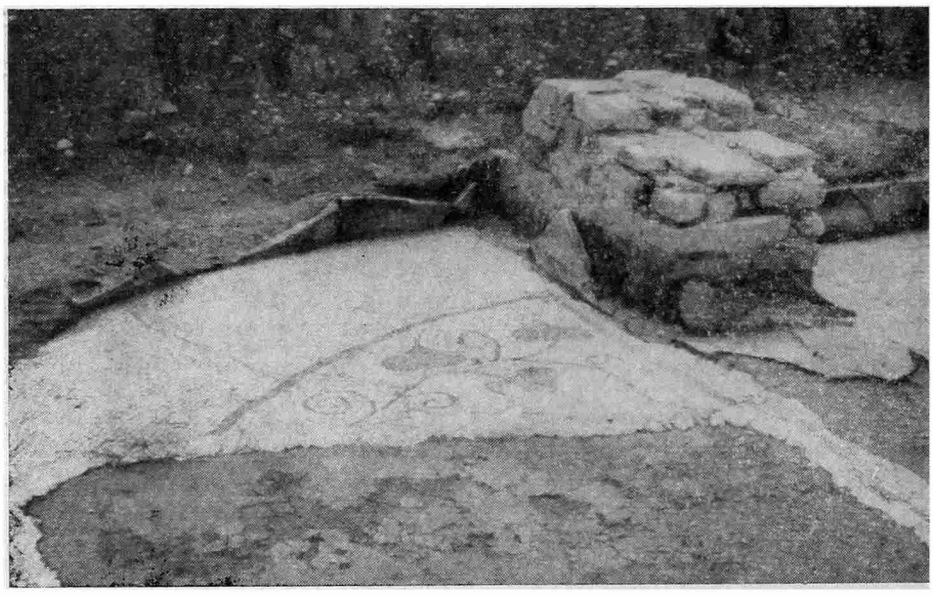


Рис. 7. Мозаика экседры *G*

Схема описываемой мозаики — членение центрального поля на четыре квадрата, разделенные непрерывной плетенкой,— применялась еще в I в. В Помпеях подобная композиция в миниатюре имеется на пороге одной из комнат Casa del Poeto Tragico (первая половина I в.) [38]. Однако мозаика из Аполлонии Иллирийской должна относиться к более позднему времени, чем мозаика из Помпей, поскольку мозаика других комнат того же дома, как мы стремились показать выше, относится самое раннее к концу II — началу III в. К тому же полихромный стиль, в котором она выполнена, развивается лишь во второй половине II в. Период, охватывающий I в.— первую половину II в., был временем господства черно-белых мозаик, включающих в единичных случаях еще какой-либо один цвет [39].

Из полихромных мозаик, построенных по той же схеме (из четырех квадратов, окаймленных непрерывной плетенкой), можно указать на мозаику из виллы Цегимонтана, относящуюся уже к III в. [40] Правда, квадраты там заполнены не орнаментальными мотивами, а картинными изображениями, но среди мозаик III в. можно найти примеры заполнения, аналогичного заполнению квадратов нашей мозаики. Таковы мозаики, открытые в Трире на Дворцовой площади [41]. Манера заполнения отдельных декоративных плоскостей сплошной полихромной плетенкой становится одной из излюбленных в III в. Что касается орнамента из пересекающихся кругов, который обрамляет центральное поле, то он уже упоминался при рассмотрении мозаики комнаты *D*. Скорее всего, мозаика комнаты *F*, как и предыдущая, является вторичным настилом пола. С этим согласуется и тот факт, что облицовка стен комнаты *F* также подвергалась обновлению: под мраморной облицовкой стен этой комнаты обнаружены следы расписной штукатурки.

Комната *F* является крайним помещением здания, расположенным в его восточном углу. С северо-востока к ней пристроена полукруглая эк-

---

[38] M. E. Blake. The Pavements of the Roman Buildings..., табл. 27, *4*.

[39] M. E. Blake. Roman Mosaics..., стр. 115 сл.

[40] M. E. Blake. Mosaics of the Late Empire in Rome and Vicinity. MAAR, XVII, 1940, табл. 33, *4*.

[41] K. Parlaska. Ук. соч., стр. 49 сл., табл. 50, *2*, 51, *2*.

седра *G* с мозаичным полом, отделенная от комнаты *F* невысокой стенкой с мраморной обшивкой. По-видимому, это был бассейн для холодной воды, а сама комната являлась фригидарием.

Экседра *G*. Пол экседры был покрыт мозаикой, воспроизводящей гирлянду плюща, черную на белом фоне, расположенную полукругом (рис. 7). Центр композиции утрачен, но, судя по аналогичному рисунку плюща, который фигурирует на мозаике экседры виллы в Балаче, там должно было находиться изображение ваз [42]. Мозаика эта относится к северовскому времени, им же следует датировать и мозаику из Аполлонии Иллирийской. Она выложена тессерами размером 1,3 × 1,6 × 1 *см*, что датирует мозаику III в.

Рис. 8. Мозаика комнаты *E*. Общий вид

Комната *E*. Граничит с комнатой *F* с северо-запада. Стены ее сохранились в уровень с полом, и потому трудно сказать, была ли это отдельная комната или, быть может, бассейн, примыкавший к фригидарию *F* (небольшие размеры этого помещения (19 $м^2$) позволяют сделать такое предположение). Мозаика полихромная. Центральное поле занимает рисунок черных четырехконечных звезд с вписанными в них квадратами (рис. 8). В каждом квадрате изображены попеременно белая четырехлепестковая розетка на пестром фоне (рис. 9) и узел плетенки, выложенной в желтом, белом, черном и розовом цвете (рис. 10); внутри одной из звезд первоначальная мозаичная композиция заменена другой, отличной от узоров остальных квадратов. Здесь квадрат разделен на четыре. Из них два выложены по диагонали белыми кубиками, один розовыми и один желтыми (результат реставрации). Звезды соприкасаются друг с другом концами, отчего между ними образованы фигуры ромбов, белых с розовыми удлиненными концами; посредине каждого ромба помещен маленький квадрат, выложенный розовыми, белыми и черными кубиками. Ромбы соприкасаются друг с другом удлиненными концами, образуя, в свою очередь, звезды с четырьмя ромбовидными лучами. Центральное поле окружено рамкой из квадратов, белых на черном фоне, окаймленной серой, белой и опять серой полосами.

Мозаика выложена в технике opus tesselatum; размеры кубиков центрального узора 0,7 × 0,8 × 0,8 *см*, рамки — 1 × 1 × 1,5 *см*; мозаика сохранилась лишь в юго-восточной половине комнаты.

Мотив четырехконечных звезд с вписанными в них квадратами встречается в римских мозаиках, начиная с I в. н. э., например, в Помпеях (Casa delle Vestali, Gasa di Championnet) [43]. Кроме Италии, мотив этот

[42] A. Kiss. The Mosaics Pavements..., стр. 198, рис. 25.

[43] M. E. Blake. The Pavements of the Roman Buildings..., табл. 1, *4*, 25, *1*, 31, *3* и *4*.

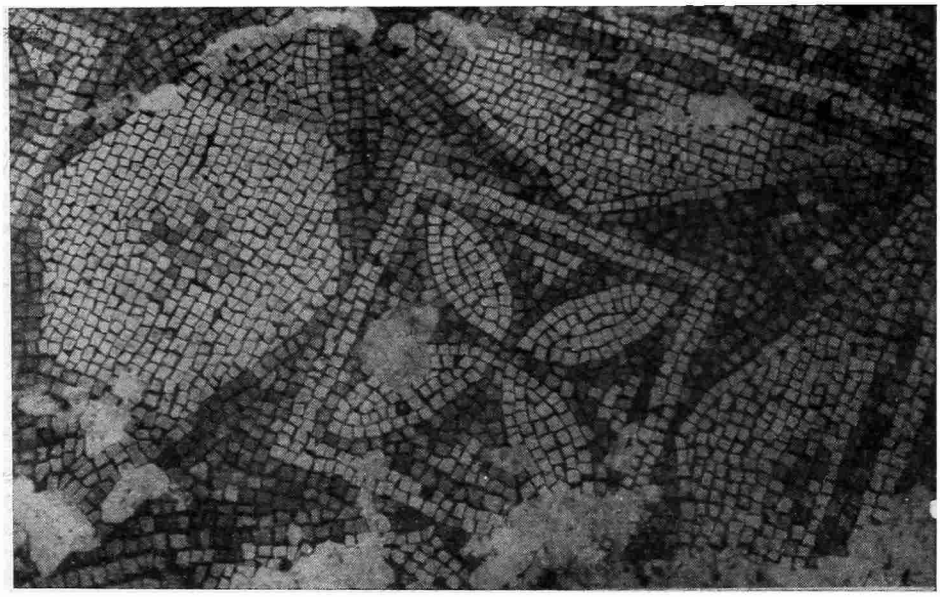


Рис. 9. Мозаика комнаты *Е*. Деталь

был распространен в I в. также в Антиохии на Оранте, где он встречается в доме Полифема и в доме Пьяного Диониса [44]. Во всех приведенных примерах ранних воспроизведений данного мотива рисунок чрезвычайно прост и состоит из чисто геометрических фигур — черные звезды на белом фоне, с вписаннымп в них белыми квадратами. Эта простая схема встречается еще в первой половине II в., например в мозаиках из Фалерона и виллы Адриана близ Тиволи [45]. Однако во II в. мозаичисты вводят уже много нового в геометрический орнамент августовского периода. В первичную простую схему входят новые заполнительные декоративные элементы, меняется характер рпсунка — начинает применяться полихромия. В квадраты вписываются разнообразные геометрические и флоральные мотивы — розетки с разноцветными лепестками, соломонов узел с радужной игрой красок или мелкие белые квадратики. Примером наиболее простого видопзменения первоначальной схемы является мозаика из Библоса (Ливан). Изменение выражено в простом перемещении цветов (звезды даны в белом цвете на черном фоне), благодаря чему большие звезды с ромбовидными концами оказываются чернымп. Кроме того, в черные квадраты, вписанные в белые звезды, вводятся еще маленькие белые квадратики с чернымп точкамп посредине. Мозаика эта относится к концу II — началу III в. [46]

Более усложненным типом этой композиции является изображение на мозаике, принадлежащей зданию, раскрытому в Лаконии [47]. По рисунку и полихромной расцветке мозаика из Лаконии является близкой аналогией нашей, в силу чего она должна относиться к тому же времени, точнее, к началу III в., как и три предыдущие.

Все вышеописанные мозаики сложены на белом известковом растворе. Под ними имеется слой цемянки толщиной 3—8 *см*. Исключение составляет лишь слой, подстилающий мозаику пола комнаты *А*, под кото-

---

[44] D. L e v y. Ук. соч., стр. 26, рис. 6, стр. 41, рис. 13, стр. 374, 378, табл. III.

[45] M. E. B l a k e. Roman Mosaics..., стр. 81 сл., табл. 12, *1*; 15, *4*; стр. 97, табл. 19, *3*; стр. 106, табл. 21, *1*.

[46] M. H. C h é h a b. Mosaiques du Liban. Paris, 1957. Bulletin du Musée de Berouth. XIV, Paris, 1958, стр. 20, табл. VII.

[47] J. M. G o o k, R. V. N i g n e l l. Laconia. ABS, XLV, 1960, стр. 282 сл., табл. 28 *c*.

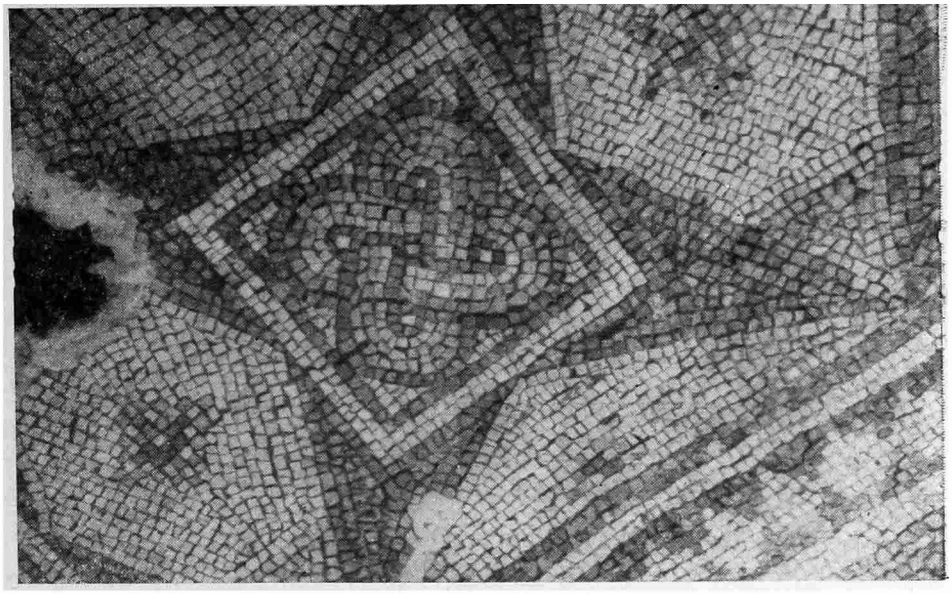


Рис. 10. Мозаика комнаты. *Е*. Деталь

рой обнаружен гипокауст. Здесь под мозаикой имеется подсыпка толщиной в 6 *см*, состоящая из дробленой керамики вперемежку с мелкой галькой, лежащая прямо на земле. Там, где имеется гипокауст, под этой подсыпкой залегает еще цемянковый пол толщиной 11—13 *см*.

Мозаики Аполлонии Иллирийской типичны для римских мозаичных ателье, особенно распространившихся в эпоху Антонинов и продолживших свою весьма интенсивную деятельность во времена Северов. На мозаиках участка D-2, которым посвящена статья, четко прослеживается сочетание стиля антониновской эпохи, богатого фигурными изображениями, и стиля эпохи Северов, более строгого, с господством воспроизведений архитектурных форм и геометрических фигур.

Приложение

Результаты термообъемного анализа мозаичных кубиков из Аполлонии (с участка D-2), %

(Анализ произведен по методу проф. Л. Г. Берга в Литологической лаборатории Всесоюзного геологического института)

Порода, цвет образца	%	Сидерит	Доломит	Кальцит
Слабокарбонизированный глинистый сланец, зеленый	3,29			7,47
Известняк желтый	43,08			97,73
» черный	40,51	Следы		89,25
» серый	33,3			75,28
Доломит содержащий известняк, розовый	42,85		2,57	94,45
Известняк темно-красный	43,42			98,94
Доломит, содержащий известняк, белый	42,85		3,04	93,94

В. И. ДОВЖЕНОК

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДИЩА НА СРЕДНЕМ ДНЕПРЕ
(в зоне строительства Каневской ГЭС)

В результате строительства Каневской гидроэлектростанции на Днепре образуется новое море, которое зальет пойму реки от Канева до Киева. Воды Каневского моря затопят в пойме большое число археологических памятников и разрушат многие из тех, что расположены на возвышенных берегах. В зоне затопления в 1963—1964 гг. были проведены археологические разведки. Из числа археологических памятников, относящихся к раннеславянскому периоду и эпохе Киевской Руси, на этой территории были обнаружены: 5 поселений зарубинецкой культуры, 1 поселение черняховской культуры, 7 поселений средины и второй половины I тысячелетия н. э., 13 древнерусских городищ и 30 древнерусских селищ.

Правда, число обнаруженных здесь разведкой раннеславянских поселений относительно невелико, что не соответствует тому историческому значению, которое имело Среднее Поднепровье в период, предшествующий Киевской Руси. От предположения,что их здесь имеется значительно больше, но они не были обнаружены разведкой, пришлось отказаться после вторичной контрольной разведки. Очевидно, их здесь имеется действительно немного, и это требует объяснения. Как известно, поселения древних славян обычно располагались на черноземных почвах, преимущественно в поймах или на отлогих склонах. А та часть днепровской поймы, которая подлежит затоплению и на которой производились разведки, очень бедна черноземными почвами. Здесь преобладают песчаные дюны или луговые и заболоченные низины. Очевидно, славянские поселения этого времени находились преимущественно несколько в стороне от полосы заливаемой поймы, там, где имеются удобные для жизни условия, но где археологические разведки не проводились.

Памятники эпохи Киевской Руси сосредоточиваются главным образом на правом высоком берегу Днепра. Можно сказать, что по количеству этих памятников правый берег Днепра между Киевом и Росью превосходит все другие районы древнерусской территории (рис. 1). Здесь находились такие известные летописные города, как Треполь, Халеп, Витичев, Новгород Святополчий, Иван, Чучин, Заруб, Канев, Родня, и располагались другие населенные пункты, не упомянутые в летописях,— Китаевское, Пироговское, Ходоровское и Григорьевское городища. Вблизи городищ сосредоточивались неукрепленные селища. На левой стороне Днепра на этом участке известны городища Процевское, Устье, у с. Старое, у с. Городище и Липлявское городище, а также селища, располагавшиеся вблизи городищ, так и вдали от них.

Охранные археологические раскопки производились на шести древнерусских городищах указанной территории.

Два городища исследовались Б. А. Рыбаковым у с. Витачево [1]. Одно из них принадлежит древнему Витичеву, упоминаемому Константином Багрянородным [2]. Оно расположено на высоком мысу над Днепром и укреплено мощной деревянной стеной, состоящей из городен — срубов, заполнен-

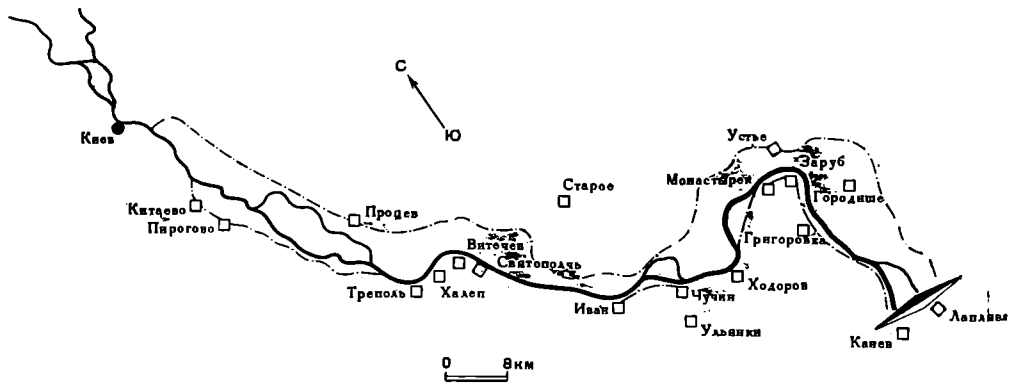


Рис. 1. Карта городищ на Днепре между Киевом и Каневом

ных землей. На самой высокой точке открыты следы сооружения, видимо, башни, на крыше которой разводился сигнальный костер для передачи военных сведений на другие соседние городища. К центральному укреплению города, так называемому детинцу, примыкал посад, также укрепленный валом и рвом. На посаде открыты жилища — полуземлянки, датируемые X в.

Другое городище находится в 3 *км* ниже первого и также занимает высокий мыс над Днепром. Оно относится к городу Святополчему, основанному в 1095 г.[3]. Раскопками здесь обнаружены остатки крепостной стены и древние погребения. К городищу примыкает обширное неукрепленное селище.

На южной окраине Ржищева над Днепром находится обособленная возвышенность, ограниченная со всех сторон крутыми склонами и оврагами. Местные жители называют ее Иван-горой. На ней имеется древнерусское городище, исследовавшееся В. К. Гончаровым [4] (рис. 2). Автор исследования отождествляет его с населенным пунктом под названием «Иван», упоминаемом в Ипатьевской летописи под 1151 г.[5]. Площадь городища занимает около 1 *га*. Раскопками обнаружены остатки городен, жилых и хозяйственных клетей, конструктивно связанных с городнями, и жилищ-полуземлянок со столбовой конструкцией. Всего здесь вскрыты 24 жилища, найдено значительное число разных хозяйственных и бытовых предметов. К юго-востоку от городища находилось открытое селище, где обнаружены остатки жилища — полуземлянки. Автор считает, что город Иван и соседнее с ним селище были основаны в конце XI или начале XII в. Просуществовали они до 1224 г., когда татары после битвы на Калке дошли до Новгорода Святополчего на Днепре и уничтожили многие города и села, стоявшие на пути.

На высоком мысу правого берега Днепра находится Ходоровское городище (рис. 3), исследованное М. П. Кучерой. Площадь этого городища

[1] Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города. КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 6.

[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством. ИГАИМК, 91, 1934, стр. 8.

[3] Ипатьевская летопись. СПб., 1871, стр. 160.

[4] В. К. Гончаров. Древнерусское городище Иван-гора. Тезисы доклада на XII археологической конференции Института археологии АН УССР в 1964 г.

[5] Ипатьевская летопись, стр. 295.

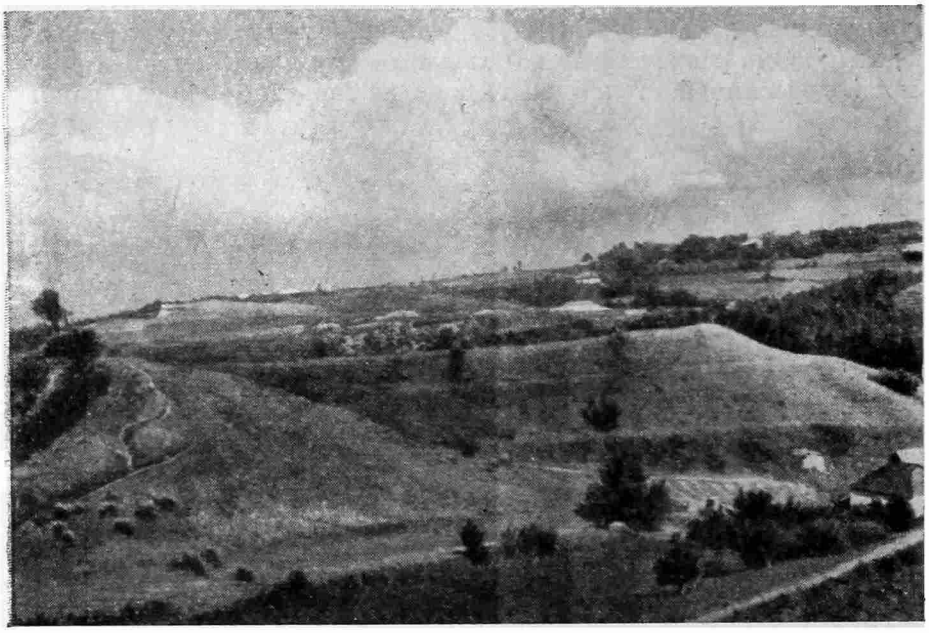


Рис. 2. Вид городища на Иван-горе возле Ржищева

равна 0,25 *га*. Оно со всех сторон хорошо защищено естественными преградами — оврагами и обрывом к реке, а также стеной из дерева и земли, остатки которой были обнаружены при раскопках. По периметру распола-

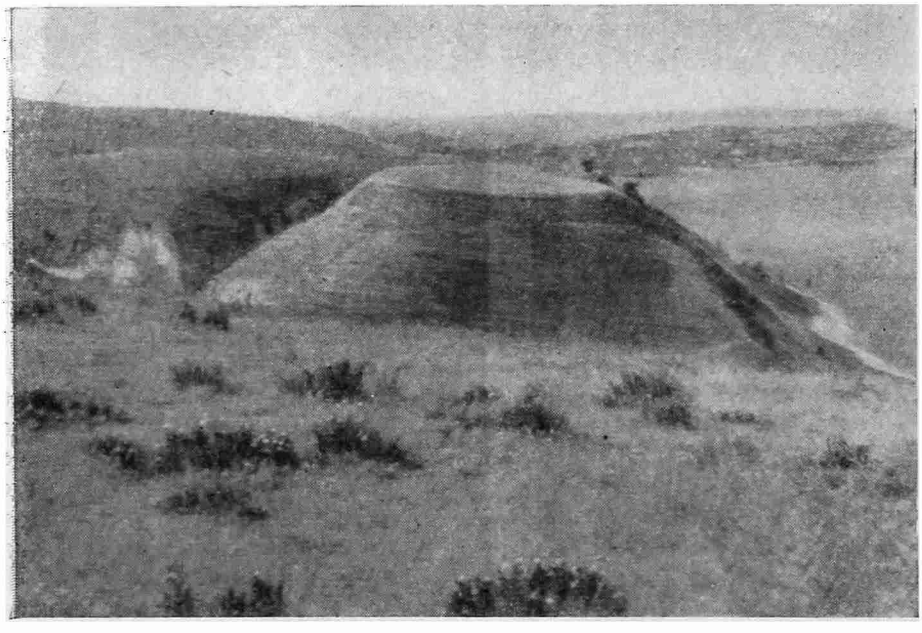


Рис. 3. Вид городища у с. Ходоров

гались жилища-полуземлянки. В жилищах и культурном слое найдены хозяйственные и бытовые предметы XI—XIII вв. К городищу с южной стороны примыкало неукрепленное селище, а за ним располагался могильник. Городище и селище погибли в пожаре.

М. П. Кучера исследовал также городище у с. Городища в пойме левого берега Днепра. Оно расположено на незначительной возвышенности

Рис. 4. Вид городища у с. Щучинка

над озером. От него сохранились оплывший вал и следы рва, окаймляющие площадь диаметром в 55 *м*. К городищу примыкает неукрепленное селище площадью около 15 *га*. Раскопками обнаружены обугленные остатки деревянных срубов в валу, а в центре городища — остатки полуземляночного помещения. На поселении открыты остатки жилищ и хозяйственных помещений. Преобладающее количество обнаруженных на городище и селище фрагментов керамики относится к XI в., находок, датируемых XII—XIII вв., встречено мало.

Значительный интерес представляют результаты раскопок Щучинского городища, производившихся автором данной статьи. Городище занимает самую высокую точку обособленной возвышенности на юго-восточной окраине с. Щучинка (рис. 4). Оно возвышается на 70 *м* над уровнем Днепра, с него хорошо просматриваются окрестности на большое расстояние, видны соседние городища — на Иван-горе и Ходоровское.

Городище со всех сторон защищено крутыми склонами и труднодоступно даже в настоящее время. Только в одном месте с западной стороны к нему ведет отлогий склон, служивший местом въезда. Городище состоит из двух частей — детинца площадью в 2,3 *га* и окольного города площадью 3.7 *га* (рис. 5). Каждая из этих частей укреплена валом и рвом; особенно хорошо сохранился вал детинца, в некоторых местах достигающий высоты 4 *м*. Раскопки производились на площади детинца и окольного города.

В детинце открыты остатки деревянных конструкций вала, они были прослежены в его южной части на протяжении 12 *м*. Две городни были вскрыты полностью и две частично. Они представляют собой дубовые срубы, поставленные в ряд по краю над рвом и заполненные землей изнутри. Длина городен-срубов (по направлению вала) 4, ширина — 2 *м*. Деревянные стены городен, обращенные к центру городища, обгорели. В некоторых местах обгоревшие стены прослежены на высоту до шести венцов, что составляет более 1 *м* (рис. 6).

Вдоль городен, примыкая к ним с внутренней стороны, располагались деревянные клети, которые не были засыпаны землей изнутри, но были покрыты сверху насыпью вала. Сохранились они плохо, стены их сгорели почти полностью. По остаткам нижних венцов прослежено пять таких кле-

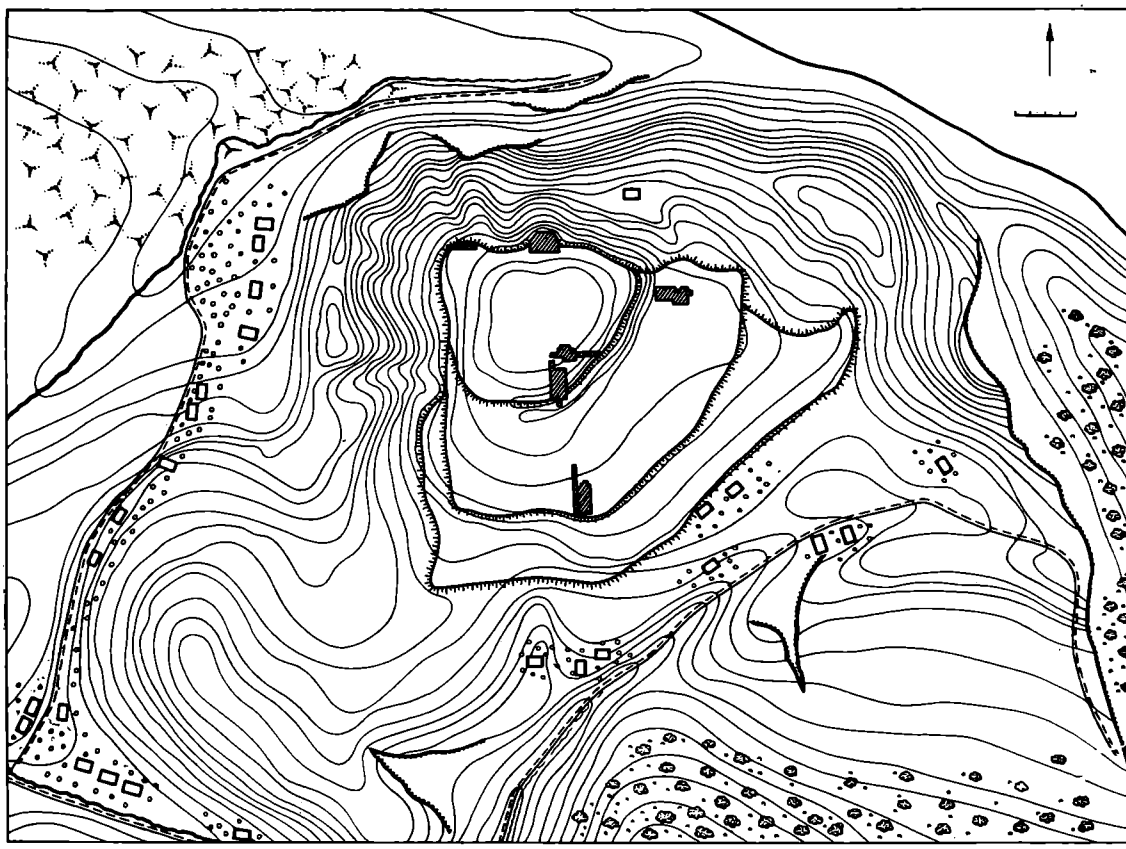


Рис. 5. План городища у с. Щучинка

тей. По ширине они были одинаковыми, что определялось расстоянием крайней стены клетей от параллельной ей внутренней стены городен; они отстояли одна от другой на 1,6 *м*. По длине (по направлению вала) клети чередовались: бо́льшая в 5 *м* с меньшей в 1,4 *м*. В одной из лучше сохранившихся больших клетей обнаружен под печи, указывающий на то, что она была жилым помещением. Меньшие клети служили, видимо, хозяйственным целям.

На городище открыты остатки одиннадцати жилищ, не связанных конструктивно с укреплениями и расположенных в разных частях детинца и окольного города: в детинце было открыто шесть жилищ и в окольном городе — пять. Из них четыре оказались сгоревшими и семь — оставленными при других обстоятельствах. В конструктивном отношении девять жилищ были полуземлянками и два — наземными; девять — однокамерными и два — с сенями. Все жилища имели столбы по углам и посредине двух противоположных стен, служившие для поддержки стен и крыши, во всех находились глинобитные конусовидные печи, стоявшие в одном из углов на уровне пола. В некоторых жилищах, погибших в пожаре, сохранились остатки внутреннего оборудования, а также некоторые предметы.

Остановимся подробнее на пяти жилищах, остатки которых были открыты в наиболее сохранившемся виде.

Одно жилище, раскопанное в северо-западной части детинца (рис. 7), состояло из двух частей: основного помещения площадью около 17 $м^2$ и примыкавших к нему сеней площадью 12 $м^2$. Это полуземляночное жилище было ориентировано длинной осью с севера на юг, пол основного помещения лежал на глубине 1,3 *м* от древнего уровня поверхности, пол сеней на 40 *см* выше него. От жилища сохранились обгорелые части столбов, стоявшие по углам и посредине двух противоположных стен, нижние венцы стен, остатки перегородки и двери. Снаружи в сени вели ступеньки. На-

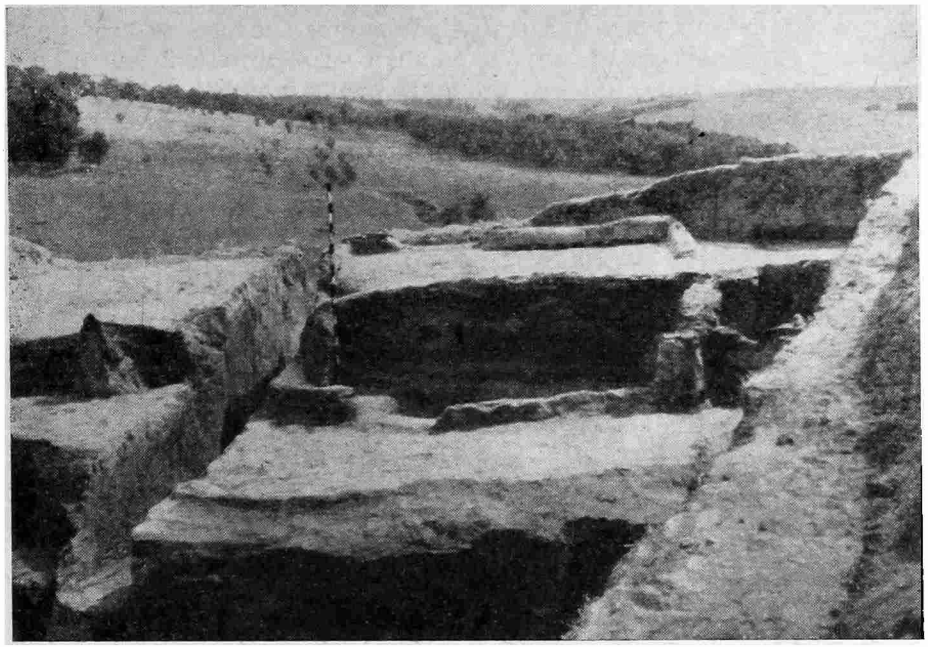


Рис. 6. Остатки городней и клетей в валу Щучинского городища

против входа в сени находился вход в основное жилище. Во внутренней перегородке, отделявшей сени от основного помещения, прослежен дверной проем и остатки дверей. Налево от дверей, в углу на уровне пола стояла глинобитная конусовидная печь. На полу в северной части лежал жернов, у северной стены на боку — большая корчага с мукой, в юго-восточном углу — деревянная бочка с зерном льна и рядом с ней плетеная корзина с зерном пшеницы. У западной стены находилась лубянка с зерном ржи, в юго-западном углу — железный струг. В сенях у стены, налево от дверей, ведущих в основное помещение, стояло деревянное ведро с железными обручами и дужкой.

Второе жилище находилось в 1,5 *м* к востоку от первого (рис. 8). Сверху его перекрывал зольный слой, образовавшийся при пожаре первого жилища. Это было полуземляночное помещение, углубленное в материк на 0,84 *м* от уровня древней поверхности. В нем не было обнаружено обгорелых деревянных конструктивных частей; видимо, жилище было покинуто обитателями по каким-то причинам, когда оно было еще пригодно для пользования. Ориентировано оно, как и первое, с севера на юг, размеры сторон 4,50 × 4,20 *м*. Вход находился с южной стороны, перед ним обнаружена полукруглая, несколько углубленная площадка свыше 3 $м^2$, служившая полом передней. Жилище имело столбовую конструкцию. Ямы от столбов с остатками деревянной трухи прослежены по углам и посредине стен. Глинобитная конусовидная хорошо сохранившаяся печь диаметром 1,80 *м* находилась в юго-западном углу. Под печи диаметром 1,20 *м* возвышался над уровнем пола на 20 *см*. Свод, вылепленный на деревянном каркасе, возвышался на 1,60 *м* от уровня пола (обвалился лишь самый верх свода). Устье находилось с северной стороны и сохранилось полностью. Оно представляло собой трапециевидное отверстие высотой 40. шириной внизу 35 и вверху 30 *см*.

От внутреннего оборудования жилища сохранились следы столбов, поддерживавших полати, расположенные вдоль западной стены. В юго-восточном углу жилища была яма, врезанная в стену в виде ниши и служившая местом хранения продуктов. В жилище найдены черепки посуды XI—

XII вв. и кости животных. У западной стены возле печей на уровне пола обнаружена бронзовая пластина с изображением святого во весь рост.

Третье, квадратное, жилище раскопано в юго-восточной части городища, в 20 *м* от вала (рис. 9). Его стороны равнялись 4,1 *м*, а пол лежал на глубине 1 *м* от современной поверхности и на 30 *см* от древней поверхности, следовательно, его можно отнести к типу наземных жилищ. Ориен-

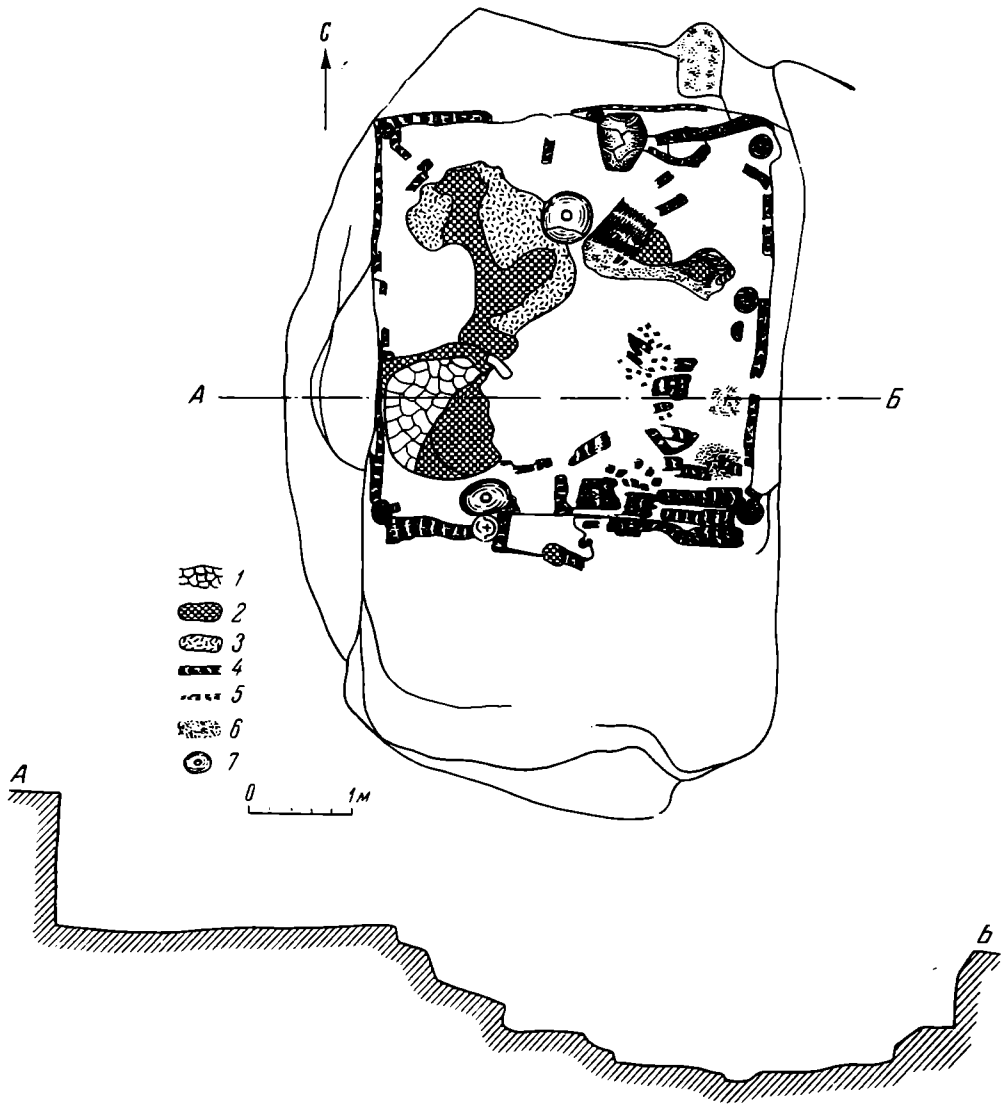


Рис. 7. План сгоревшего жилища с сенями в северо-западной части детинца

1 — под печи, *2* — развал глиняной обмазки, *3* — зольное скопление, *4* — горелое дерево, *5* — остатки сгоревшей плетеной и деревянной посуды, *6* — скопление сгоревшего зерна, *7* — жернова

тировано жилище с северо-востока на юго-запад. Оно погибло в пожаре, но сохранились остатки многих конструктивных деталей и внутреннего оборудования. Стены строились из дубовых бревен путем закидки между угловыми столбами, которые имели для этой цели пазы. Вход находился с южной стороны. Печь стояла в юго-западном углу, она была глинобитной с камнями в своде, имела форму конуса с хорошо сглаженной поверхностью. Жилище делилось двумя внутренними перегородками на три небольшие камеры, каждая из которых имела, видимо, особое назначение. В западной части находились полати, расположенные вдоль стены от печи до

противоположной северной стены. От полатей прослежены доски, лежавшие на перекладинах, поддерживаемых столбами. У восточной стены прослежены остатки столба, поддерживавшего стол. Из движимого имущества в жилище обнаружены один совсем окислившийся и распавшийся на части лемех и три горшка. Зольный слой, образовавшийся при пожаре этого жилища, перекрывал остатки полуземлянки, почти вплотную примыкавшей к нему с южной стороны.

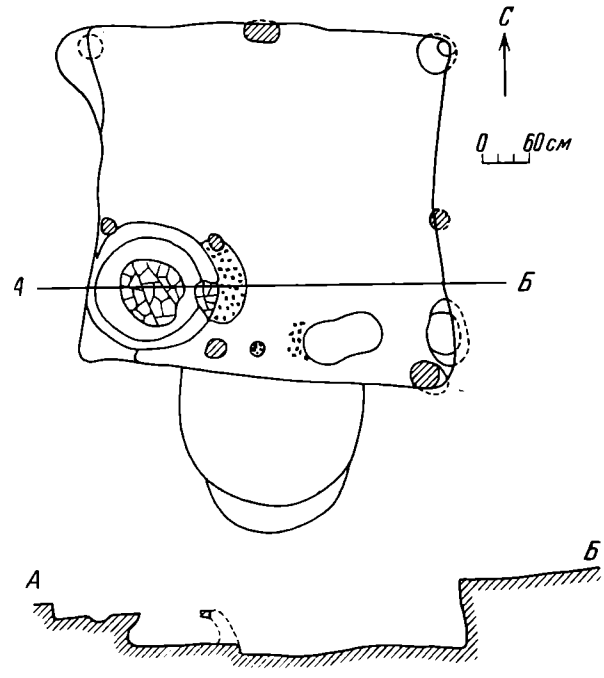


Рис. 8. План оставленного жилища в северо-западной части детинца

Четвертое жилище раскопано в северной части окольного города, почти над самым склоном к Днепру (рис. 10). Оно находилось в таком месте, что его обитатели непосредственно из окна могли видеть просторы левого берега. Это была наземная постройка, пол которой лежал ниже уровня древней поверхности не более чем на 10 *см*. Жилище состояло из двух помещений, расположенных по линии восток — запад; основная площадь равнялась 16, сеней — 6 *м*^{2}. Жилище сгорело и от него сохранились остатки конструктивных деталей и оборудования. По углам основного помещения находились остатки столбов, между ними лежали части бревен от нижних венцов стен. Сени были пристроены к основному помещению в виде трех стен. Остатков угловых столбов в сенях не прослежено, возможно, они представляли собой трехстенный сруб на подставках, как это наблюдается в пристройках к избам и в настоящее время. В южном углу стояла глинобитная печь; прослежено, что под печи подмазывался пять, а свод — четыре раза. Очевидно, печь служила хозяевам длительное время. Возле нее, справа от устья лежала обгорелая доска, служившая предпечной лавкой или столиком. Здесь же находился столбик, поддерживающий эту лавку. У юго-западной стены был другой столбик. Между ними встречены остатки сгоревшей плахи и досок. Остатки сгоревших досок найдены вдоль всей юго-западной стенки помещения. Очевидно, здесь были полати, которые доходили до северо-западной стены. Приблизительно от середины северо-западной стены и до северного угла, а также вдоль всей северо-восточной стены прослежены остатки широких (около 40 *см*) и толстых (около 5 *см*) досок, служивших скамейками и лавками. Когда во время пожара эти скамейки и лавки обрушились, они покрыли и придавили находившуюся под ними посуду. Под лавкой вдоль северо-восточной стены стояло более 10 глиняных горшков. Несколько горшков было найдено на полу жилища, ближе к центру; видимо, они свалились сверху, где стояли на полке у стены. Два горшка были около печи. Всего в этом жилище обнаружено 17 больших и малых глиняных горшков. Кроме посуды в этом помещении найден боевой топор (у юго-западной стены), бронзовый кистень (у северо-западной стены), стремена (под лавкой у печи), долото, деревянное ведро с железной дужкой и прочие предметы. В сенях находились жернова и два деревянных ведра с железными обручами и дужками.

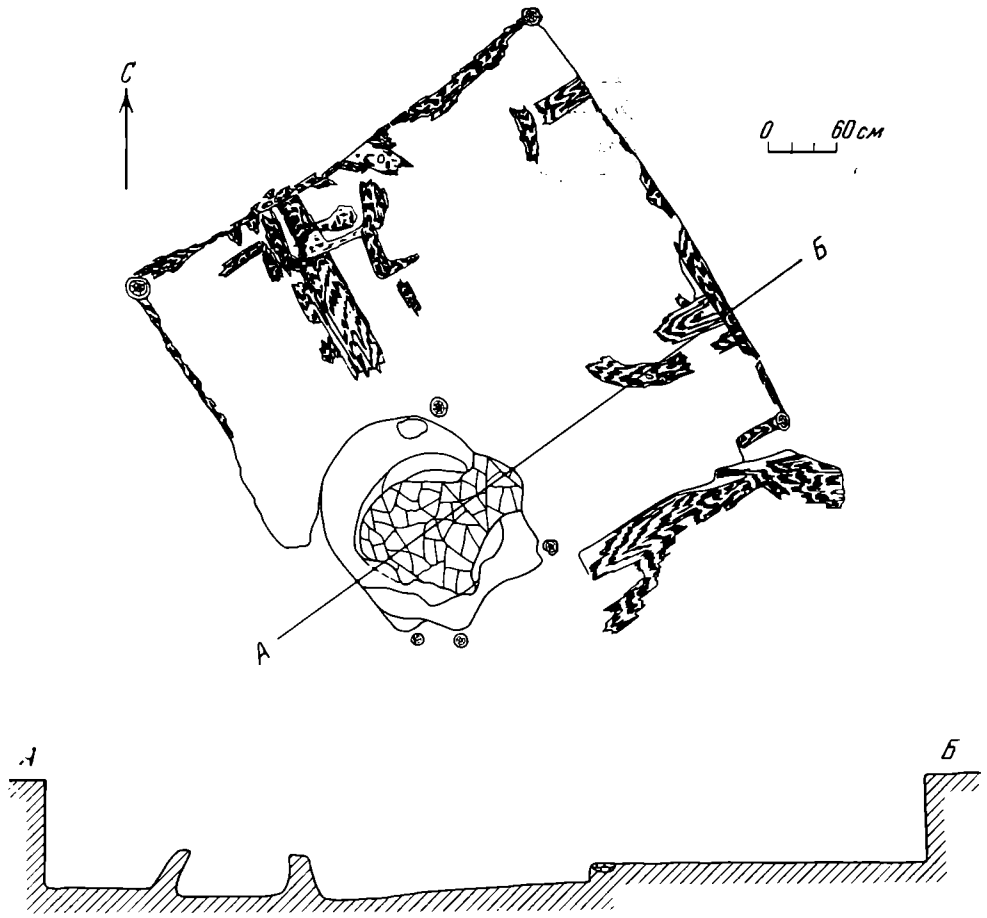


Рис. 9. План сгоревшего жилища в юго-восточной части детинца

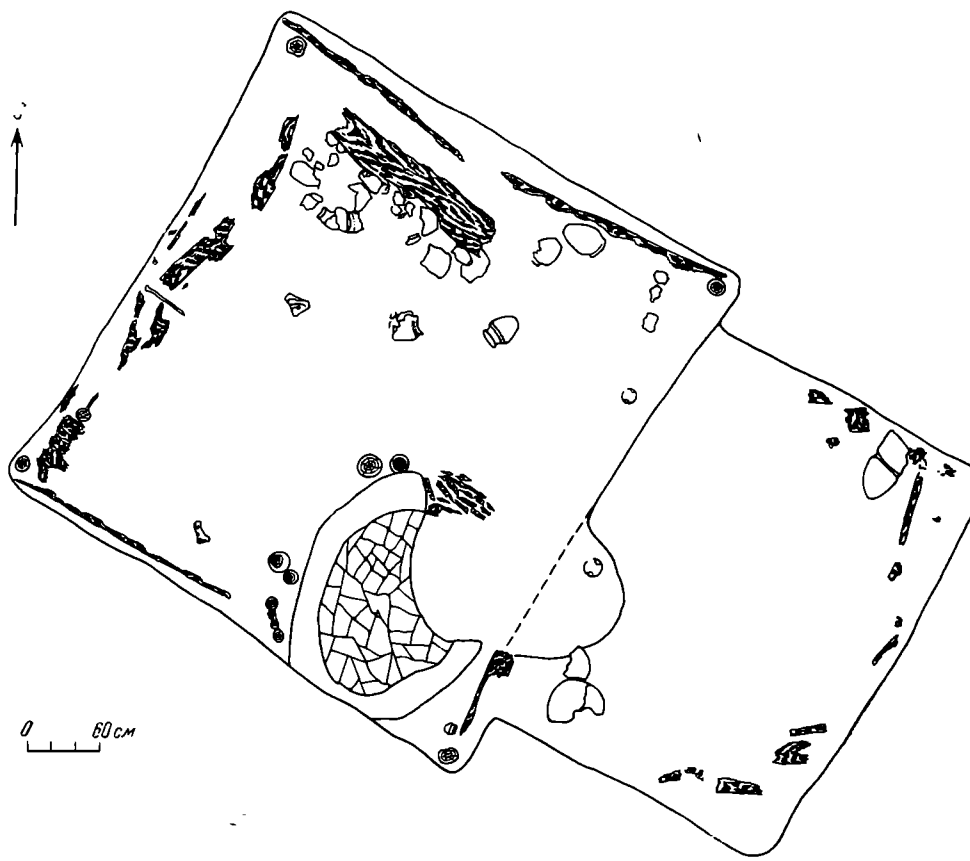


Рис. 10. План сгоревшего жилища в северо-западной части окольного града

Пятое жилище раскопано на площади окольного города, в 2 *м* к западу от предыдущего (рис. 11). Это квадратное помещение площадью 16 *м* было ориентировано с северо-запада на юго-восток и углублено в материк на 60 *см*. Следов пожара в нем не прослежено. По углам и посередине юго-восточной и северо-западной стен обнаружены ямы с остатками деревянной трухи от столбов, поддерживавших стены и перекрытие. В западном углу

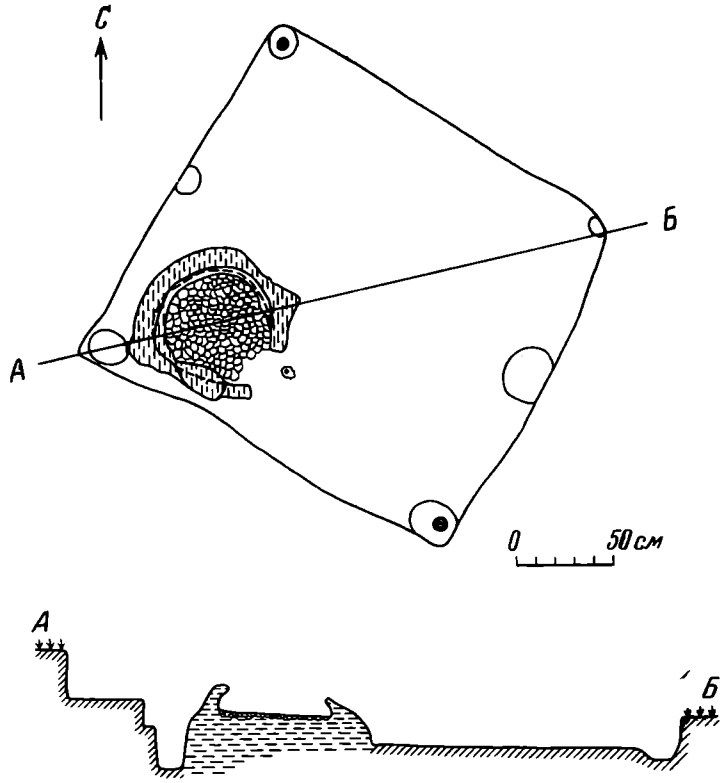


Рис. 11. План оставленного жилища в северо-западной части окольного града

стояла глинобитная конусовидная печь с подом площадью около 1,5 *м* и сводом, сохранившимся на высоту 30 *см*. У печи обнаружены ямы от столбов, поддерживавших полати, проходившие от печи вдоль северо-западной стены. В заполнении и на полу жилища находились фрагменты керамики XI—XII вв.

При раскопках Щучинского городища найдены предметы разного назначения — орудия производства, предметы, быта, оружие, произведение ювелирного искусства и запасы продуктов. К числу орудий относятся лемех, наральник, серп, коса, пружинные ножницы, жернова, топор, два струга, два долота, два ложкаря, ножи, рыболовные крючки, шиферные прясла. Из предметов быта найдено большое количество глиняной посуды, деревянные ведра, кресала, замки и ключи. К оружию и военному снаряжению относятся боевой топор, кистень, наконечники стрел, стремена (рис. 12, 13). Запасы продуктов представлены остатками обгорелого зерна пшеницы, ржи, проса, льна, конопли и муки.

Уникальным произведением искусства является бронзовая штампованная пластина, размером 9,5×6 *см* с изображением святого (рис. 14), найденная в северо-западной части детинца, в одной из полуземлянок, у стены рядом с печью. Условия находки исключают какое-либо сомнение в том, что эта вещь относится к тому же времени, что и жилище, и что она была принадлежностью этого жилища.

Сохранность предмета удовлетворительная, имеются некоторые повреждения — обломан правый угол, во многих местах образовались трещины и вмятины — но повреждения почти не затронули само изображение. Святой изображен во весь рост (высота фигуры 8,5 *см*) с книгой в руках, которую он держит у груди. Длинные одежды свисают с плеч и рук и прикрывают почти всю фигуру. Справа и слева помещены греческие надписи с вертикальным расположением букв. Справа — вверху монограмма свя-

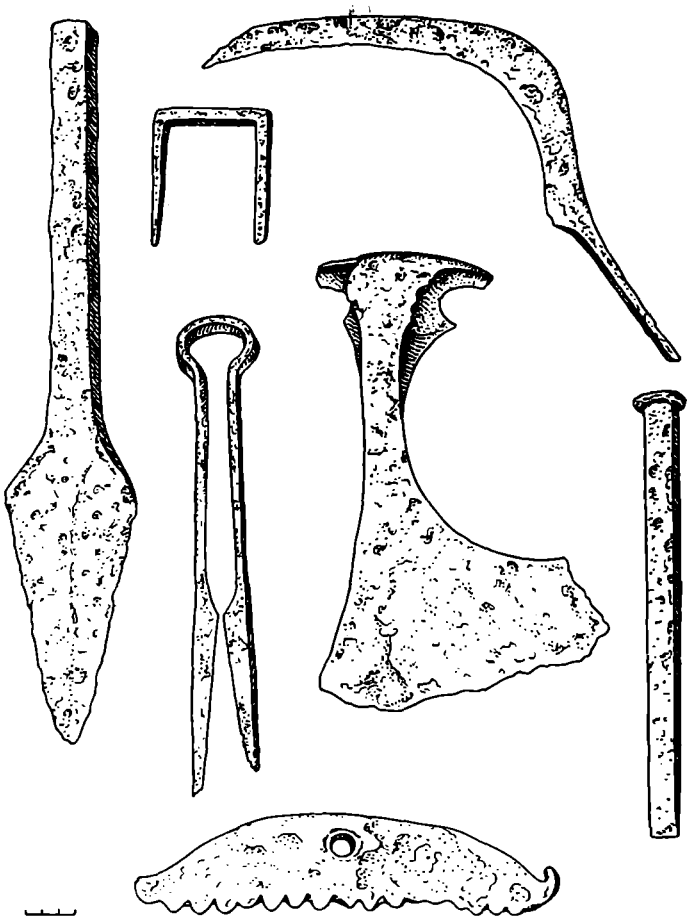


Рис. 12. Орудия, найденные на Щучинском городище

того Ⓐ , а под ней буквы BACI, слева — две последние буквы: OS (предшествующие находились на отломанной части предмета). Из того, что сохранилось не трудно реконструировать все слово BACILIOS.

Очевидно, на пластине изображен Василий Великий — церковный деятель IV в., кессарийский архиепископ, богослов, аскет. Характер изображения вполне соответствует изображенному персонажу. Аскетичность и суровость переданы в трактовке всей фигуры в целом и в отдельных деталях: вытянутый строгий корпус, длинные ниспадающие прямыми складками одежды, худое с большим выпуклым лбом и прямым тонким носом лицо, глубоко посаженные глаза, гладкая прическа волос, тонкая борода, опущенные тонкие усы. Изображение святого Василия на пластинке из Щучинского городища несомненно является высокохудожественным произведением ювелирного искусства и образцом высокого мастерства художника-ювелира.

На краях пластинки имеются круглые небольшие отверстия для прикрепления к какому-то плоскому предмету. Она могла крепиться к доске

иконы и к переплету книги. Более вероятно считать пластинку с изображением святого Василия накладкой книги религиозного содержания.

Трудно сказать определенно о месте изготовления этого произведения. Греческая надпись и тонкое мастерство художника позволяют отнести его к образцам византийского искусства. Но в этом произведении имеются сти-

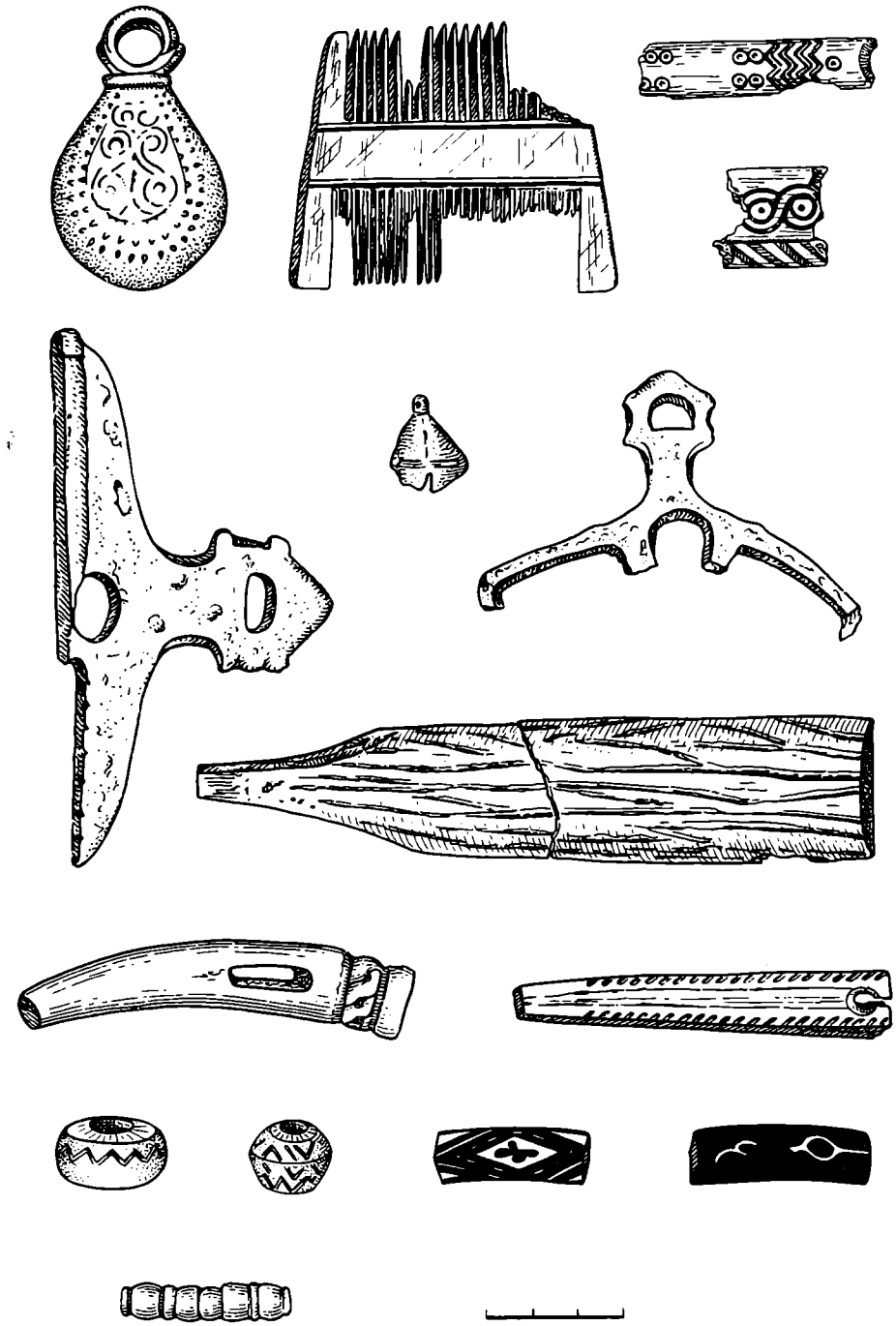


Рис. 13. Предметы, найденные на Щучинском городище

левые особенности, не характерные для византийского искусства. Византийскими мастерами Василий Великий изображался в более удлиненных пропорциях и в более строгой манере. Примером византийской трактовки образа Василия святого может быть его изображение в алтаре Софийского

Рис. 14. Бронзовая пластина с изображением святого Василия

собора в Киеве. На Щучинской же пластинке святой изображен в более мягкой трактовке с заметными реалистическими тенденциями. Не трудно заметить в этом произведении стилевые особенности, характерные для периферии византийской художественной школы, которая охватывала, как известно, многие страны, находившиеся под влиянием византийской художественной культуры, и в том числе Древнюю Русь. Не лишним будет вспомнить, в связи с этим, и то, что в Древней Руси Василий Великий был одним из самых популярных святых. Культ его был распространен на Руси, как ни в одной другой христианской стране. В его честь строили храмы, давали имена детям, он был патроном многих русских князей и в том числе Владимира Святославича и Владимира Мономаха. Не будет ничего невероятного в предположении, что бронзовая пластинка с изображением святого Василия, найденная на древнерусском городище, была на Руси и изготовлена. Возможно, русский художник воспользовался известными на Руси образцами византийской иконографии святого, например изображением в алтаре киевского Софийского собора, позаимствовал и греческую надпись, но внес элементы местного художественного стиля.

В свете результатов археологических исследований Щучинское городище предстает как значительный населенный пункт Древней Руси. Есть основания отнести его к одному из упоминаемых в летописи древнерусских городов.

В летописи под 1110 г. рассказывается о том, как половцы «воеваша около Переяслова по селам», и здесь же сообщается, что «взяша» половцы город Чучин[6]. Таким образом, в Древней Руси существовал город под названием Чучин. Точного места, где находился этот город, летописи не указывают, но по смыслу летописного рассказа видно, что он находился где-то недалеко от Переяславля и взял его, видимо, тот же половецкий отряд, который воевал около села Переяславля.

Щучинское городище является единственным пунктом, который можно отождествлять с летописным Чучином. Такой вывод подтверждается топонимическими и географическими данными. Современное название села Щучинка возникло недавно в результате искажения древнего действительного его названия. В литературе XIX в. оно упоминается под названием Чучинка[7], так же его называют старики и в настоящее время. Это ставшее непонятным название было заменено по законам народной этимологии созвучным и вместе с тем понятным словом, производным от

[6] Ипатьевская летопись ПСРЛ, II, М., 1962, стр. 62, название этого города в некоторых списках летописи искажено и читается как «чина». В правильном виде оно сохранилось в Хлебниковском списке.

[7] Л. Похилевич. Сказания о населенных пунктах Киевской губернии. Киев, 1864, стр. 47—48.

названия рыбы, которая к тому же водилась в здешних водоемах в изобилии. Ясно, что село Чучинка свое древнее и подлинное название получило от находившегося здесь в эпоху Киевской Руси города Чучина. В пределах Переяславской земли и ближайших к ней районов, где по смыслу летописного рассказа должен находиться город Чучин, нет другого такого пункта, который напоминал бы этот город по названию и где бы имелось древнерусское городище. Единственным таким пунктом является Щучинское городище. Таким образом, Щучинское городище и представляет собой остатки летописного города Чучина.

Данные археологических исследований Чучина и летописная запись о нем позволяют проследить в общих чертах судьбу этого города. Возник он, примерно, в XI в.; вещей, относящихся к X в., на городище не найдено.

В 1110 г. Чучин был разгромлен половцами, и население вынуждено было на время оставить город. Свидетельством определенного запустения города (неясно, полного или частичного) являются те заброшенные жилища-полуземлянки, которые были обнаружены раскопками. Причем жилища были оставлены жителями тогда, когда были еще вполне пригодны для жизни, например, жилище, в котором была найдена бронзовая пластинка с изображением святого. Оно имело совершенно целую печь, хорошо сохранившиеся стены и ступеньки, ведущие во внутрь, и т. д.; кажется, что если бы не сгнило дерево, жилище выглядело бы совершенно новым. Подобные жилища люди могли оставить только по вынужденным обстоятельствам. И таким обстоятельством было половецкое нападение, отмеченное летописью.

Возобновилась жизнь в Чучине, очевидно, не сразу после того, как из него ушли половцы. Какое-то время жилища оставались без хозяев и успели прийти в негодность. Когда люди здесь опять начали обосновываться, то им пришлось строить новые жилища, а старые они вынуждены были забросить. Некоторые новые жилища были построены в непосредственной близости от старых, частично перекрывая их.

Возобновившаяся жизнь продолжалась здесь еще долгое время. Она была прервана нападением нового врага. Тогда же были сожжены городские укрепления и жилища; это могло быть во время татарского похода на Поднепровье после битвы на Калке или во время Батыева нашествия.

А. С. ВОСКРЕСЕНСКИЙ, А. П. СМИРНОВ, Т. А. ХЛЕБНИКОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АРХИТЕКТУРЕ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

Монументальные памятники города Великие Болгары ценны не только как страница культуры волжских булгар, но и как определенный этап ранней истории архитектуры казанских татар. Волжские булгары явились основным этническим и культурным компонентом в формировании казанских татар, и поэтому их материальная культура может раскрыть многие стороны истории татарского народа. Сравнение культовых зданий и рядовых построек казанских татар с булгарскими дает неоспоримое доказательство их близости [1]. С другой стороны, в архитектуре казанских татар мы не найдем следов древнемонгольской архитектуры, ставшей нам известной по археологическим исследованиям столицы Монгольской империи Кара-Корума, с ее сильным налетом элементов китайской архитектуры [2].

Первые археологические раскопки архитектурных памятников болгар были проведены в 1887 г., когда была исследована Белая палата, лежавшая уже в руинах. Несколько позднее, в 1892 г., были расчищены развалины «Четырехугольника». Раскопки 1914—1915 гг. открыли комплекс Ханской усыпальницы. В 1916 г. В. Ф. Смолиным были исследованы развалины церкви армянской колонии, известной под именем «греческой палаты».

До последнего времени для датировки архитектурных сооружений было мало археологических материалов. Основанием, как правило, служил стилистический анализ зданий, который позволил датировать большинство построек эпохой хана Узбека (1313—1341 гг.) [3]. Эту дату подтвердили находка могильной плиты 1309 г. в кладке «Ханской усыпальницы» и монета багдадского халифа Аннасирли-дини-ляха, чеканенная около 1258 г. В 1957 г. была проведена шурфовка около южной стены Черной Палаты, позволившая по данным стратиграфии датировать постройку временем не ранее конца XIII в.— начала XIV в. В 1958 г. В. В. Егерев в своей монографии «Архитектура города Болгары» [4] на основании скрупулезного стилистического анализа датировал постройки значительно более ранним временем. Так, Черная Палата, определенная им как мавзолей, датирована не позднее XII в. [5] Мавзолей «церковь св. Николая» по надписи на могильной плите датирован рубежом XIII—XIV вв. [6] Ханская усыпальница и Малый минарет были отнесены к началу XIII в. [7], и, наконец, «Четырехугольник» был им датирован началом XIII в. [8]

---

[1] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 78.
[2] Сб. «Древнемонгольские города». М., 1965.
[3] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 168.
[4] В. В. Егерев. Архитектура города Болгары. МИА, 61, 1958, стр. 360.
[5] Там же, стр. 371.
[6] Там же, стр. 372
[7] Там же, стр. 374.
[8] Там же, стр. 380.

К сожалению, приведя неоспоримые данные стилистического характера, исследователь не учел консервативности восточной культовой архитектуры и допустил некоторую, правда незначительную, ошибку. Только в отношении Черной Палаты полученные археологические данные резко разошлись с данными стилистического анализа.

Раскопки «Четырехугольника» дали возможность установить время его сооружения и гибели. Выяснилось, что постройка здания была завершена в 30-е годы XIV столетия, здание погибло в начале XV в.[9]

В 1966 г. нами были продолжены работы на Четырехугольнике, а также около церкви св. Николая, Монастырского погреба и Черной Палаты. Расчистка баз колонн на полу «Четырехугольника» подтвердила смену внутренней планировки, установленную в предшествующие годы[10]. В 1966 г. при расчистке стен были найдены металлические пяты двойных дверей, расположенных в восточной стороне мечети. Углубления для установки пят прослежены и в других дверных проемах. В том же году, с целью уточнения времени постройки и выяснения конструктивных особенностей мавзолеев, было проведено исследование у Соборной мечети. Раскоп XIII размером 49,4 $м^2$ был заложен возле южной стены и юго-восточного угла дюрбе «Церковь святого Николая». Раскоп XIV площадью в 46 $м^2$ охватил юго-восточный угол мавзолея «Монастырский погреб».

Вскрытие культурного слоя проводилось с оставлением контрольных бровок, выявивших картину залегания культурных напластований в непосредственной близости к постройкам.

На раскопках 1966 г. прослеживается в целом та же закономерность в залегании культурных слоев, что и на раскопках 1964—1965 гг. у Соборной мечети: I слой современный супесчаный, II слой русской деревни XVI—XIX вв. На раскопе XIII слой рыхлый, аморфный в результате перекопов для захоронения покойников в XVIII—XIX вв. На раскопе XIV он более плотный. Датируется слой наличием большемерного кирпича, русской серой лощеной керамики XVI—XVIII вв. и глазурованной красной XIX в., позднего стекла, монет и медных крестов XVIII—XIX вв. в погребениях.

Вскрытые на XIII раскопе 33 христианских погребения аналогичны погребениям вскрытым в раскопах 1964—1965 гг. и представляют собой продолжение кладбища возле Успенской церкви.

IV слой золотоордынского периода существования города в целом супесчаный, буро-серого цвета, как и в раскопах, заложенных в 1964—1965 гг., разделяется на два горизонта. Они различаются цветом, структурой, содержанием характерных включений, что связано с определенными условиями жизнедеятельности на данной территории города на протяжении XIII — начала XV вв.

Верхний горизонт более светлый и менее плотный. Он характеризуется содержанием на всем протяжении мелкой известняковой и гипсовой крошки. В верхней части этого горизонта, завершая IV слой, залегает углистая прослойка мощностью до 15 *см* на раскопе XIII и до 25 *см* на раскопе XIV. Это следы разрушений зданий, сопоставляемые с событиями 1431 г. После этого город уже не восстановился.

В основании верхнего горизонта IV слоя прослежена прослойка из некрупных известняковых камней и щебня мощностью от 10 до 30 *см*. Эта прослойка по уровню залегания и своему характеру представляет собой продолжение вымостки, выявленной раскопками 1964—1965 гг. вокруг Соборной мечети и на площади перед ней. Под нею наслоение пестроцветной супеси с глиной (от 10 до 50 *см*), прослойки строительного мусора в виде гипсовой крошки (6—10 *см*) и материкового глинистого выкида

[9] А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов. Археологическое исследование соборной мечети (Четырехугольника) в Великих Болгарах. СА, 1966, 1, стр. 244.
[10] А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 255.

(10—12 *см*). Эти наслоения относятся к периоду строительства исследуемых зданий. Уровень их залегания сопоставляется с верхней гранью фундамента. Мощность верхнего горизонта IV слоя 50—80 *см*. На раскопе XIII он сохранился незначительными фрагментами, сильно пострадав в период существования русского кладбища.

Верхний горизонт золотоордынского слоя не содержит сооружений. Неоднородность его на раскопе XIV объясняется наличием подсыпки грунта к фундаменту Монастырского погреба, вызванной оседанием засыпки.

Нижний горизонт IV слоя более плотный и более темный характеризуется большим содержанием сгнившей древесины и углистых включений. В нем прослежены прослойки глинистого и песчаникового материкового выкида, угля и древесной трухи. Мощность его в спокойном залегании на обоих раскопах 60—80 *см*.

В отличие от верхнего горизонта, он насыщен остатками сооружений в виде хозяйственных ям, жилых построек и мастерских (горны для выплавок железа). В западной части раскопа XIII вскрыта, кроме того, могильная яма с тремя костяками (женским и двумя младенческими). Захоронения датируются более поздним временем, чем открытые сооружения XIII раскопа, ибо при рытье могильной ямы была разрушена стенка уже заброшенного сооружения № 8. О том же свидетельствует расположение погребения почти вплотную к сооружению № 7, что могло произойти лишь после прекращения деятельности последнего и разрушения его.

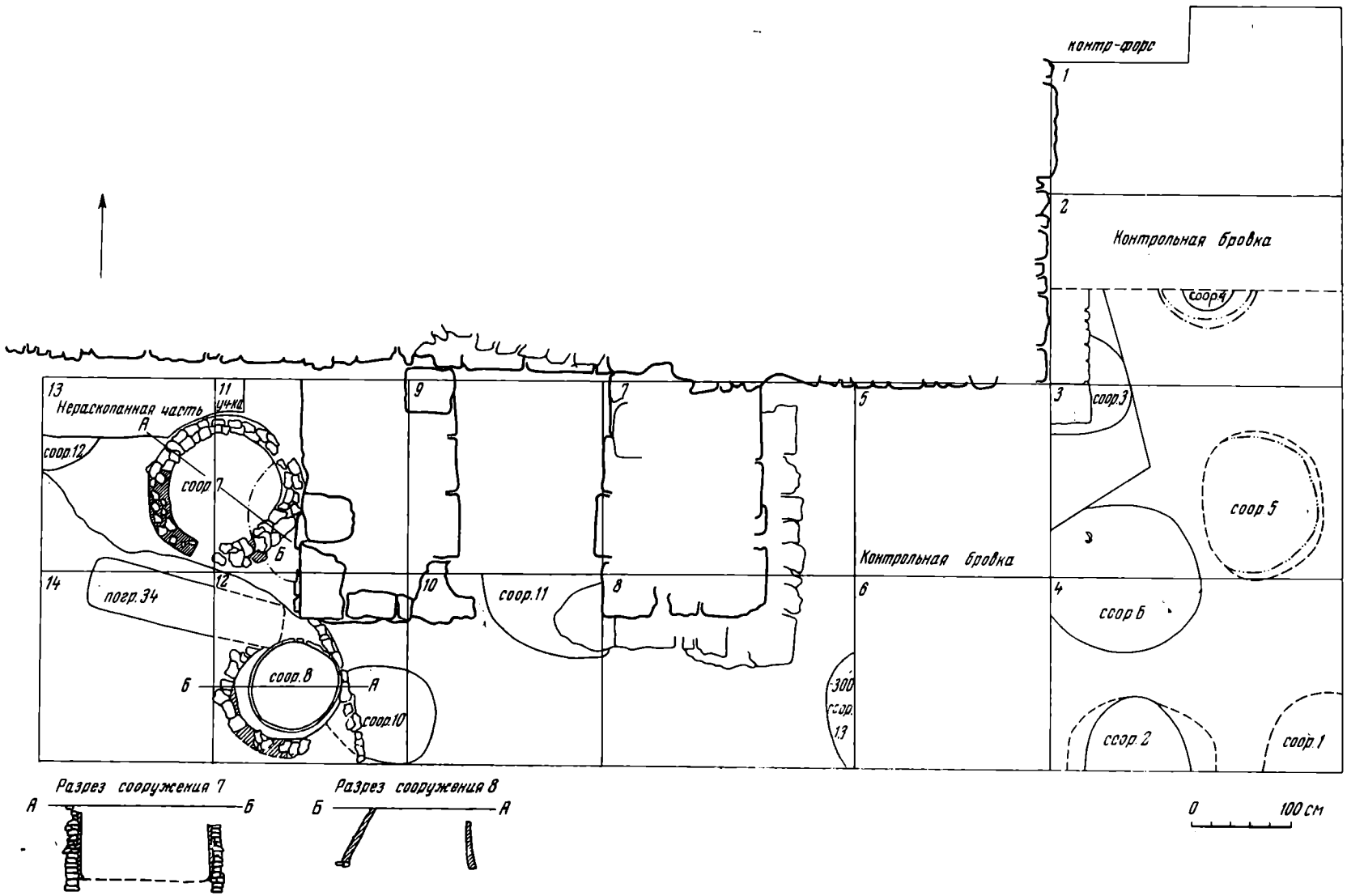
Содержание этого горизонта IV слоя — керамика, бытовые вещи из черного и цветного металлов, шлак, монеты, обломок стеклянного браслета, китайский селадон, кости животных — позволяет датировать слой золотоордынским временем. Вещей с точной датой мало. Монеты из нижнего горизонта слоя относятся к середине XIII в. (раскоп XIII, уч. 10, шт. 11; сооружение № 7 на уч. 11, 13). К тому же времени относится монета из верхнего горизонта (раскоп XIV, уч. 4, шт. 6), найденная вместе с русской монетой XVIII в. На уч. 1, на цоколе мавзолея «Монастырский погреб» обнаружена монета Джанибека 1352/1353 г. Закономерно залегание поливной посуды. В нижнем горизонте она представлена более ранними образцами монохромной керамики с желтой поливой на красном черепке, с голубой и бирюзовой поливой на кашинном черепке и с зеленой поливой на желтом черепке. Полихромная посуда с подглазурной росписью на кашинном черепке, характерная для конца XIII—XIV вв., в нижнем горизонте почти отсутствует, тогда как в верхнем горизонте IV слоя она встречается гораздо чаще, чем какая-либо иная. Из других находок датируют слой фрагмент стеклянного браслета темного стекла, происходящий из нижнего горизонта слоя, и фрагменты китайского селадона из верхнего горизонта золотоордынского слоя.

V—VI слои домонгольского времени отделяются от IV слоя углистой прослойкой, прослеженной на ряде участков обоих раскопов. Мощность этой прослойки достигает на XIII раскопе 12 *см*. Многолетними работами на городище она определена как слой разрушения 1236 г.

К домонгольскому времени относятся хозяйственные ямы и одна полуземлянка. Находок в домонгольских слоях мало: немногочисленная, но характерная для X—XII вв. гончарная и лепная посуда, обломок железного предмета и глазчатая бусина.

Для определения времени постройки мавзолеев «Монастырский погреб» и «церковь св. Николая» имеет значение содержание нижнего горизонта IV золотоордынского слоя и связанных с ним сооружений. Из них заслуживают внимание, как имеющие непосредственное отношение к данному вопросу, сооружения 3, 7, 11, вскрытые в раскопе XIII, и сооружение 7 раскопа XIV.

Сооружение № 3 в XIII раскопе (рис. 1) представляет собой подполье дома подпрямоугольной формы с чашевидным углублением в середине.



1. План раскопа XIII

Стенки подполья почти отвесные, обложены деревом. Над подпольем прослежены остатки деревянного обугленного настила от пола дома. Сооружение № 3 было срезано при рытье котлована для фундамента мавзолея «Церковь св. Николая».

Сооружение № 7 на XIII раскопе являлось сыродутным горном подцилиндрической формы. Внутренний диаметр его в нижней части 120—125 *см*, толщина стенок 15 *см*. Стены были сложены на глиняном растворе из обломков квадратного кирпича толщиной от 4 до 6,5 *см*. Изнутри стены сильно прокаленного горна имели фундамент в 4 ряда кирпича. Эта кладка прослежена на высоту 90 *см* от основания фундамента и на 75 *см* от пода. Дневной уровень ямы для горна лежит на половине толщи нижнего горизонта IV слоя. На этом уровне близ горна обнаружено большое количество железного шлака. Куски шлака (12 штук) обнаружены в нижнем заполнении горна. Здесь же найдена золотоордынская монета хана Берке (1259 г.). Горн существовал до возникновения мавзолея «Церковь св. Николая».

Сооружение № 11 на XIII раскопе — остатки другого горна. Его яма была вырыта в нижних напластованиях раннезолотоордынского слоя. Горн разрушен при кладке фундамента входа в мавзолей «Церковь св. Николая».

Сооружения XIII раскопа стратиграфически одновременны. Их деятельность связана с отложением напластований раннезолотоордынского слоя. При постройке мавзолея «Церковь св. Николая» та или иная часть их была уничтожена, но уже после того, как они прекратили свое существование и были заброшены.

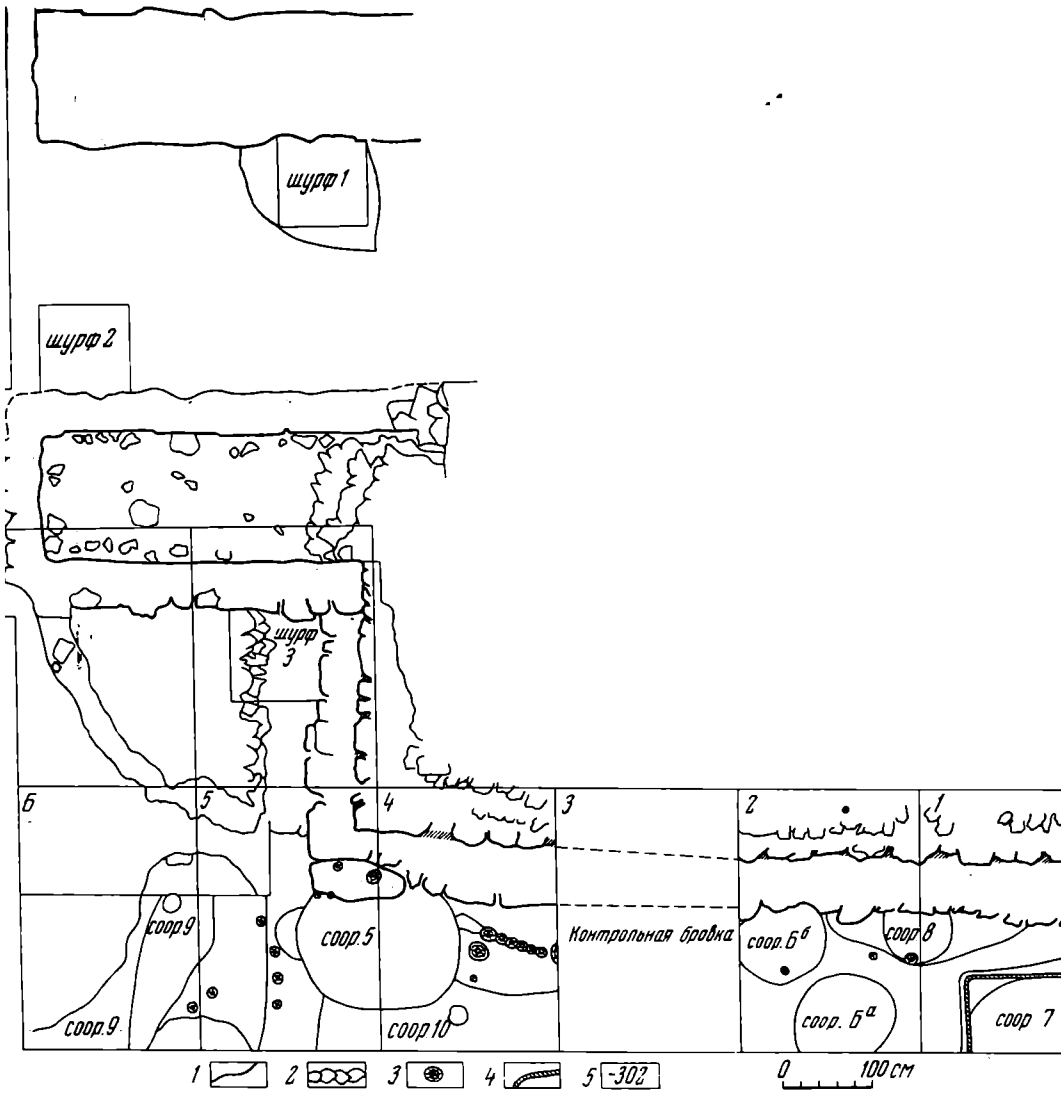
Стратиграфически одновременно вышеописанным сооружениям XIII раскопа сооружение № 7, вскрытое в раскопе XIV. Раскоп затронул не более чем четвертую его часть, но и по ней было видно, что сооружение № 7 пострадало при рытье котлована для фундамента дюрбе «Монастырский погреб».

Сооружение № 7 является частью жилой постройки, углубленной на 1,5 *м* в землю (рис. 2). Форма прямоугольная, стены вертикальные, обложены горбылями. Плоское дно дважды выстилалось соломой, дошедшей до нас в виде слоя обугленной трухи в 2 *см* толщиной. На дневном уровне сооружения обнаружены остатки деревянного перекрытия, сохранившегося в виде углистой прослойки, слегка прогнувшейся в середине.

По вскрытой части сооружения определить его назначение можно лишь предположительно. Это или землянка, или подполье наземного дома. Существование его, судя по сгоревшему перекрытию, прекратилось в результате пожара, т. е. в тех же условиях, что дома и горнов на раскопе XIII.

Из анализа стратиграфических данных видно, что строительству мавзолеев предшествовало время в пределах раннезолотоордынского периода, когда на месте будущего их расположения протекала интенсивная хозяйственная и производственная деятельность, прерванная пожаром. Это разрушение может быть датировано по находкам монет в горне раскопа XIII (сооружение 7) серединой XIII в. Отложения между наслоениями этого разрушения и прослойками материкового выкида, а также строительного мусора, сопоставимыми с периодом строительства дюрбе, незначительны. Это указывает на небольшой отрезок времени между моментом разрушения и строительством дюрбе. В это время на территории XIII раскопа у церкви св. Николая существовало кладбище, зафиксированное работами 1964—1965 гг.

Строительство исследованных мавзолеев было сравнительно кратковременным. К периоду создания вымостки из известнякового щебня вокруг Соборной мечети оно было, по-видимому, завершено. Укладка же вымостки у Соборной мечети, как показали исследования прошлых лет,



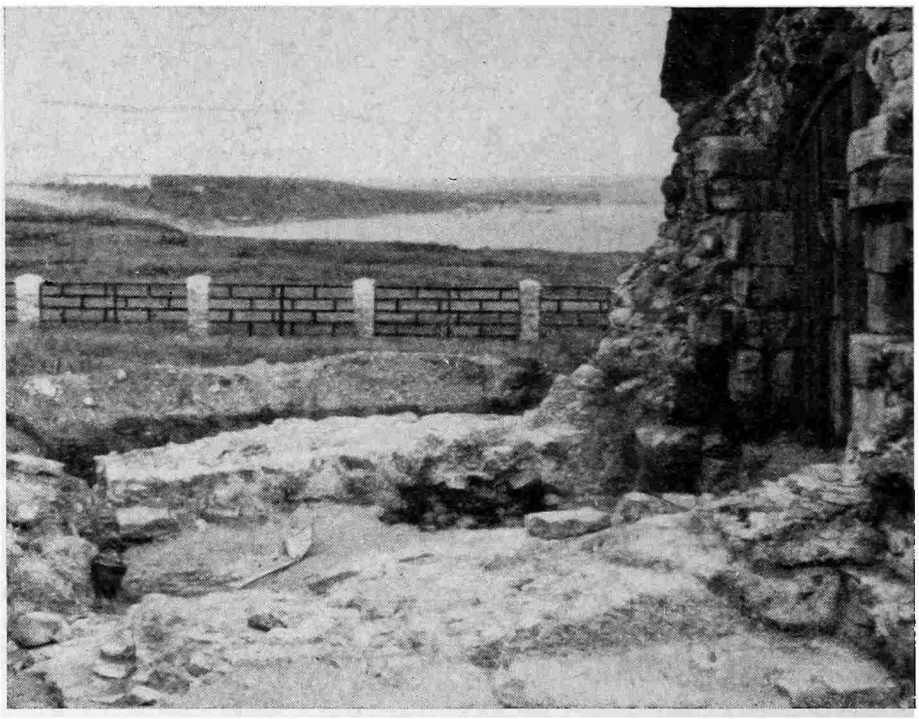
2. План раскопа XIV у Монастырского погреба.

1 — контур ям; *2* — контур кладки; *3* — столбы; *4* — древесная труха; *5* — показатель залегания от линии нивелира в *см*

была датирована временем после 30-х годов XIV в.[11] Оформление площади вымостки было связано с окончанием постройки Соборной мечети[12]. Следовательно, строительство мавзолеев относится к последнему периоду строительных работ мечети. Созданием мавзолеев и укладкой вымостки было закончено оформление центральной площади города Болгара.

Проведенными исследованиями получены некоторые сведения о конструкции мавзолеев. Так, выход в мавзолей «Церковь св. Николая», расположенный в центре южной стороны мавзолея, представлял собой коридор шириной 1,5 *м* с фундаментом 2,5—2,6 *м*. Стенки его шириной 1,6—1,65 *м* с внутренней и наружной сторон были облицованы тесаными блоками толщиной 0,4—0,5 *м*. Внутреннее пространство их заполнено полубутом. Раскопом вскрыт также юго-восточный угол цокольной части и фундамента мавзолея. Высота цоколя 70—80 *см* выступает от стены на

[11] А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 251, 257.
[12] Там же, стр. 251.



3. Правая стенка входа в мавзолей «Монастырский погреб»

10 *см* по южной стороне и 20 *см* по восточной. Фундамент шире цоколя на 10—12 *см* по южной стороне и на 20—22 *см* по восточной. Его глубина 190—195 *см*. Кладка аналогична кладке фундамента входной части мавзолея.

Интересные сведения получены о конструкции мавзолея (дюрбе) «Монастырский погреб». Стены этого мавзолея имеют вид полуразрушенного бутового заполнения на известняковом растворе белого цвета, и лишь нижняя часть их сохранилась в виде крупных, грубо обработанных блоков известняка (рис. 2—3). На стыке восточной и южной стен лежат наиболее крупные блоки. Следов облицовки не прослежено.

Вход, как и у мавзолея «Церковь св. Николая», является коридором шириной 3,2 *м* (фундамент 4,5 *м*). Стены коридора имеют ширину 1,4 *м* (восточная) и 1,5—1,55 *м* (западная). У восточной стены изнутри — следы несохранившегося ряда камней облицовки. Кладка стен входа в виде полубутового заполнения на известковом растворе белого цвета сохранилась на выходе на 40—50 *см*, а близ стен мавзолея — на 100 *см*. Пол коридора был выложен камнем с известковым раствором и неоднократно ремонтировался. Поверхность вымостки неровная. По первоначальному замыслу она имела наклон к выходу, но, кроме того, значительно пострадала в результате оседания нижележащих напластований. Вымостка прослежена также к востоку от входного коридора.

Фундамент под стенами дюрбе сложен из крупного известякового и туфового камня, почти необработанного, на известковом твердом растворе с примесью толченого кирпича. В кладке в основании и по краям наблюдается завал мелким камнем без раствора. В юго-восточном углу постройки, в фундаменте, как и выше, положены крупные блоки, достигающие размеров 105 × 45 × 30 *см*. Край фундамента выступает от линии сохранившейся кладки стен на 60—80 *см* по восточной и на 45—60 *см* по южной стороне. Известный по Соборной мечети и другим болгарским зданиям золотоордынского периода прием укрепления грунта под фунда-

метом забитыми сваями прослежен и здесь: на дне котлована в юго-восточном углу были вбиты сваи, от которых сохранились ямки цилиндрической формы диаметром 8—14 *см*.

Фундамент под стенами входного коридора, сложенный из крупных блоков, достигает той же глубины, что и под стенами основной части постройки и сделан в перевязку с последней.

У южной стены, в 80 *см* от юго-восточного угла прослежена кладка, аналогичная кладке фундамента под стенами. Она положена не в перевязку с фундаментом, а впритык, как контрфорс, в котловане, глубина которого на 40 *см* мельче глубины котлована для стен. Контуры этой кладки не прослежены, она уходит под вымостку, выложенную перед южной стеной мавзолея.

Исследованием выявлено, что фундамент стен «Монастырского погреба» был поднят над дневным уровнем котлована, вырытого для него на глубину 40—50 *см*. Под полом коридора и, по-видимому, перед южной стеной мавзолея, вне стен коридора, пространство от дневного уровня до верхней грани фундамента было заполнено кладкой известякового, почти необработанного, камня на тощем сыпучем растворе с большим количеством песка, которая выполняла роль фундамента под вымосткой. У восточной же стены, на прослойках материкового выкида и строительных остатков, залегает подсыпка толщиной 30—40—50 *см*, в виде пестроцветного, с желтым суглинком, грунта. Вымостка положена на него. Мавзолей был возведен как бы на искусственном холме. Уровень залегания пола во входном коридоре на 60—70 *см* выше вымостки площади Соборной мечети. Подъем фундамента над дневным уровнем строительства объясняется намерением поставить мавзолей в одну плоскость с мечетью.

Одним из лучших памятников архитектуры на территории Болгар является Черная палата [13]. В настоящем виде это здание в плане представляет собой почти правильный квадрат. Основной объем его кубовидный, состоит из трех ярусов; на верхний опирается невысокая восьмигранная призма, увенчанная полусферическим куполом.

Нижний ярус цокольный — внутри имеет уступ, служивший, очевидно, для настила пола верхнего помещения; с внешней стороны сейчас мы видим также узкий уступ. В северной стене цокольного помещения находится вход со стрельчатой аркой. Второй ярус имеет в центре каждой стороны вход со стрельчатой аркой, по обе стороны от которого с южной стороны мы видим еще по одному проему такой же формы, но меньшего размера. Третий, невысокий ярус отделен от основного узким уступом; в центре каждой его стороны стрельчатое окно. Каждая сторона восьмигранника, опирающегося на третий ярус основного объема, имеет над окном килевидную нишу; переход от куба к восьмиграннику осуществлен при помощи тромпов.

Стены возведены из камня. Кладка состоит из внешнего и внутреннего панцирей с забутовкой между ними. Внешняя сложена из хорошо отесанных плотно пригнанных камней, внутренняя — из слегка подтесанного грубоколотого камня. Внутри здание было оштукатурено. Для кладки стен использованы известняки и туф. Восьмерик, на который опирается купол, и сам купол сложены исключительно из туфа.

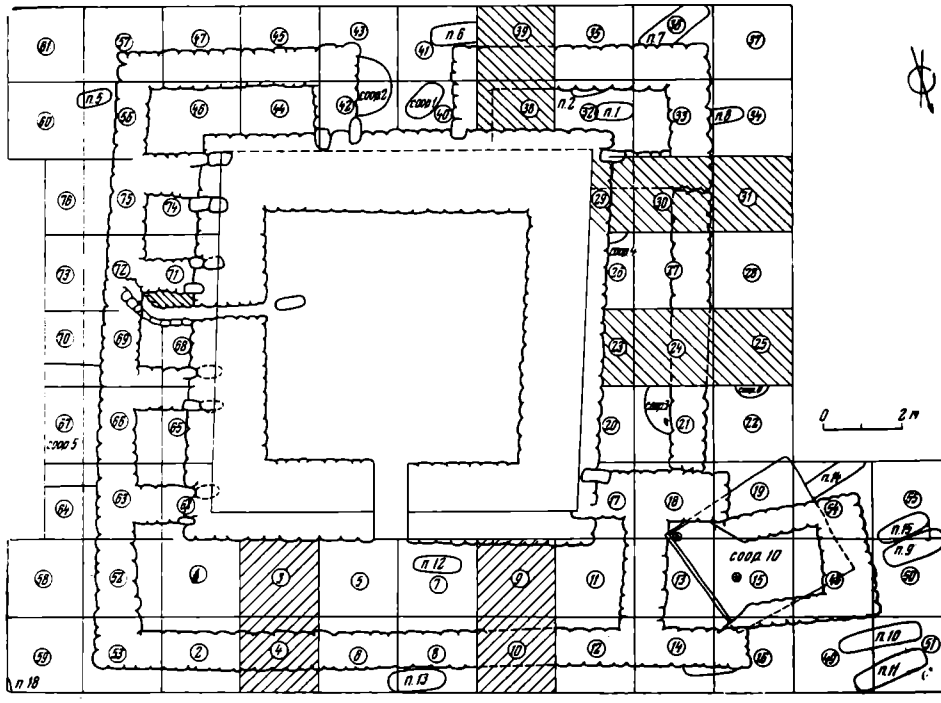
Внутри здания в отдельных местах сохранились фрагменты лепных украшений (розетки, звезды), а в одном из окон верхнего яруса до недавнего времени сохранялись остатки гипсовой резной решетки с круглыми ячейками для стекла (панджара).

Назначение здания спорно: по мнению Н. И. Березина и А. П. Смирнова,— это мечеть; по мнению В. В. Егерева,— мавзолей. Имеется и другая трактовка здания: так, П. С. Паллас, Ф. Ф. Эрдман и Кафтанников считают его «Судной Палатой», Н. Савенков — медресе. Различные мне-

[13] Сб. «Булгары — Черная Палата». Казань, 1951.

ния выдвигались и по поводу датировки памятника: домонгольским временем датирует его В. В. Егерев, XIV в.— А. П. Смирнов [14] и М. Г. Худяков [15].

Для выяснения даты, назначения и конструктивных особенностей этого здания в 1966 г. вокруг него был разбит раскоп общей площадью 254 *м*^{2} (рис. 4).



4. План раскопа XV у Черной Палаты

В процессе работ установлена следующая стратиграфия культурного слоя: I (верхний) слой — дерновый, толщиной 0,05—0,10 *м*; II слой — серая супесь мощностью 0,05—0,40 *м* с небольшим количеством строительного мусора — слой русской деревни XVI—XIX вв.; III слой — серая супесь толщиной 0,25 *м*, с небольшим количеством находок — слой эпохи Казанского ханства; IV — основной слой мощностью 0,80—1,40 *м*, насыщенный культурными остатками и относящийся к золотоордынской эпохе, делится на четыре горизонта.

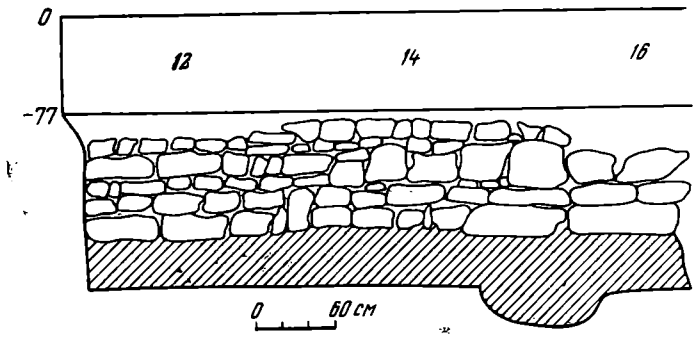
К нижнему горизонту относится могильник, дневной уровень которого лежит в слое серой супеси с очень малым количеством культурных остатков. Всего открыто 18 погребений обычного для золотоордынского периода типа. Все костяки лежат вытянуто на спине, головой на запад, лицом к югу, руки у таза. Погребение № 14 нарушено котлованом землянки с монетами второй половины XIII в.; погребения № 2, 7, 8, 16 потревожены фундаментами помещений Черной Палаты, следовательно, могильник предшествует сооружению этих объектов и датируется самым началом золотоордынского времени.

Ко второму горизонту золотоордынского слоя относятся землянка и несколько хозяйственных ям. Землянка прямоугольной формы, размером 3,20×3,60 *м*, глубиной 1,25 *м*. Стены обложены деревянными плахами, в углах обнаружены остатки деревянных столбов, пол земляной, остатков печи не сохранилось. Среди остатков в заполнении землянки обломки со-

[14] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 142.

[15] М. Г. Худяков. К вопросу о датировке булгарских зданий. МПОРРП, IV, Казань, 1930, стр. 42—46.

судов, костей животных, бусы, пряслица и две монеты: медная 1259 г. и серебряная последней четверти XIII в. Землянка, датирующаяся монетами последней четверти XIII в., и стратиграфически одновременные ей хозяйственные ямы (в ямах № 3 и 6 найдено по одной монете 1259 г.) перерезаны фундаментами Черной Палаты, дневной уровень которых лежит несколько выше уровня землянки, т. е. время их жизни с учетом времени обращения монет определяет дату сооружения Черной Палаты началом XIV в.



5. Кладка фундамента пристройки

К третьему горизонту золотоордынского слоя относится сооружение всего здания Черной Палаты, состоящего из центрального и семи окружающих его помещений.

К четвертому периоду следует отнести пристройку к северо-западной части комплекса помещений Черной Палаты.

Черная Палата в древности имела совершенно иной облик. Как теперь выяснилось, вокруг основного сооружения, которое мы видим сейчас и считали законченным, раскопками были открыты фундаменты семи помещений, окружавших его по всему периметру (рис. 4).

С северной стороны, перед входом в нижний ярус центрального помещения, было расположено одно коридорообразное помещение (№ 4), размером 12,20×3 *м*.

С южной стороны открыты два симметрично распланированных вытянутых помещения, разделенных проемом, расположенным по центру. Размер помещений 4,40×1,60 *м* (№ 6) и 4,20×1,60 *м* (№ 7).

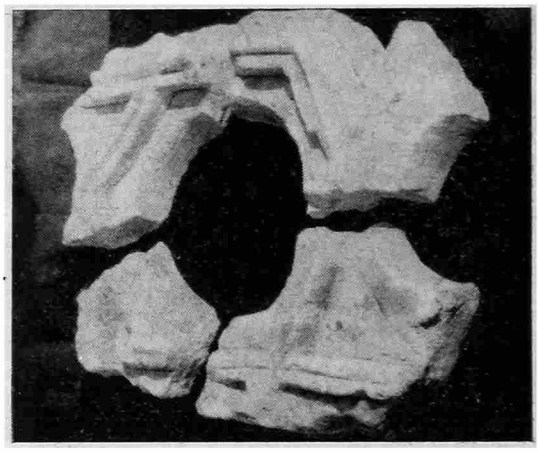
С восточной стороны мы видим три очень небольших помещения размером 1,64×1,80 *м* (№ 1); 3,00×1,92 *м* (№ 2); 2,00×1,92 *м* (№ 3).

С западной стороны расположено одно вытянутое помещение размером 7,40×2,20 *м*, которое и по данным стратиграфии, и по манере кладки следует считать несколько более поздним. Пол в этом помещении лежит выше чем в других (—0,20 *м* от 0 против —0,70—0,90 *м*), а фундамент его внешней стены заложен на меньшую глубину; если две короткие его стены, примыкающие к стене центрального помещения, положены «вперевязку» с ней, т. е. несомненно одновременно, то внешняя стена сложена «впритык» к ним. Однородность культурных остатков, найденных во всех помещениях, говорит о том, что разрыв между возведением стен помещений № 5 и всех остальных очень невелик, возможно, оно просто возводилось последним, и в процессе работ предполагаемая его планировка несколько изменилась, отчего внешняя стена и сложена «впритык».

Фундаменты открытых помещений сохранились на высоту от 0,52 до 1,20 *м*, ширина кладки стен от 0,95 до 1,20 *м* (рис. 5). С внешней стороны помещений всюду сохранились только фундаменты, с внутренней в некоторых помещениях (№ 2 и 3) сохранились нижние части оштукатуренных стен, возвышающиеся над уровнем пола. Фрагменты пола, открытые в помещениях № 2 и 3, представляют собой утрамбованную мелкую щебенку, покрытую известковой заливкой толщиной 0,07—0,08 *м*.

Непосредственно под полом помещения № 2 прослежен горизонтальный канал шириной 0,35 и высотой 0,35—0,40 *м*. Восточный конец его теряется во внешней разрушенной стене в 0,40 *м* от ее края. Западный конец, проходя сквозь толщу стены центрального помещения, выходит под его полуразрушенный пол, прослеженный в центральном помещении.

Возникает вопрос: как же сообщались между собой и с внешней средой все помещения Черной Палаты?



6. Оконная рама из гипса

Наши наблюдения, в соответствии с данными П. С. Палласа [16], показывают, что наружные помещения имели выходы прямо наружу: в помещениях № 2 и 3, где сохранились пол и нижние части боковых стен, нет никаких следов дверных проемов.

Какова же была высота открытых помещений?

Как известно, центральное помещение Черной Палаты двухэтажное; цокольный этаж и основной, второй, были разделены деревянным настилом, опирающимся на уступ цоколя внутри помещения. По обмерам Н. Савенкова и И. Крапивина, сделанным в конце XVIII в., высота нижнего этажа определена в 2,49 *м* [17].

На обмерных чертежах архитектора Р. М. Муртазина 1940 г. в нижней части кладки цокольного этажа с внутренней стороны показан выступ в кладке, которому Р. М. Муртазин не дает никакой трактовки. Между тем он несомненно отмечает уровень пола нижнего этажа; высота нижнего этажа определяется теперь как 2,50—2,55 *м*. Архитектор С. С. Андаров, зондируя внешнюю поверхность стен центрального помещения, под слоем реставрационной облицовки открыл в северной и западной стенах кладку из хорошо пригнанных каменных блоков; на южной и восточной стенах под реставрационной облицовкой открыта оштукатуренная стена.

Такая разница в оформлении стен центрального помещения наводит на мысль, что северный и западный фасады здания, с одной стороны, и южной и восточной, с другой, решались по-разному. Последующие исследования помогут решить вопрос о первоначальном облике здания.

Трудно указать памятник, который по планировке был аналогичен Черной Палате с открытыми вокруг нее помещениями. Пожалуй, ближе всего к ней «Ханская дача» XIV в. в селении Нардаран (Азербайджан [18]).

[16] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., 1809, стр. 189.

[17] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 573.

[18] И. Л. Вартанесов, Т. Я. Щаринский. «Ханская дача» в селении Нардаран. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». Москва — Баку, 1947. стр. 90—97.

Новые материалы пока не могут определенно решить вопрос о назначении памятника. Конечно, это не мавзолей, едва ли мечеть или судилище. Возможно, что здание являлось так называемой ханака — прибежищем для странствующих дервишей, которая обычно включает в себя помещение главного шейха, меджид (малая мечеть) и отдельные жилые помещения (худжры), причем все это, в соответствии с уставом дервишей, должно было иметь суровый, непритязательный облик.

Датировать здание, относящееся к третьему горизонту золотоордынского слоя, как уже указывалось, по данным стратиграфии следует XIV в., о чем свидетельствует золотой перстень, найденный в фундаменте Черной Палаты, аналогичный по стилю замечательным произведениям клада Джуке-Тау [19].

Ко времени разрушения боковых сооружений относится помещение, пристроенное к северо-западному углу Черной Палаты. Это вытянутое, неправильной формы помещение, длина его 4 *м*, ширина по западной стене 1,76 *м*, по восточной — 2,80 *м*, поставлено без фундамента, над засыпанной землянкой, основания стен лежат на глубине — 0,88—1,27 *м* от 0. Стены, сохранившиеся в высоту на 0,60—1,00 *м*, сложены из бутового камня нерегулярной кладки и оштукатурены с обеих сторон. Верхняя часть западной стены образует начало коробового свода. Пол разрушен. В заполнении среди посуды хорезмийского типа, обломков ганчевых резных сталактитов и оконных решеток (рис. 6) найдены кости человека. Местоположение помещения, его характер, а также найденный материал позволяют говорить, что, вероятнее всего, это был небольшой мавзолей, пристроенный к полуразрушенной Черной Палате в XIV в.

Таким образом, этот интересный памятник, сооруженный в начале XIV в., полной жизнью жил всего лишь около столетия, к середине XV в. он был фактически уже заброшен. Медленно разрушаясь, ко времени П. С. Палласа он еще сохранял очертания, позволяющие осмыслить его первоначальный облик. К 80-м годам XIX в. здание настолько обветшало, что Общество археологии, истории и этнографии сочло необходимым провести ремонтно-реставрационные работы, уничтожив при этом следы боковых помещений, подновив облицовку верхних ярусов и сделав наружный цоколь на уровне первого яруса. В таком виде Черная Палата стоит до наших дней.

---

[19] А. П. Смирнов, С. А. Янина. Редкие золотые перстни волжских булгар. СА, 1967, 3, стр. 303.

Заметки

В. П. ЛЮБИН

МУСТЬЕРСКИЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ИЗ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В 1964 г. во время повторного обследования мустьерского местонахождения Лысая гора близ г. Орджоникидзе [1] найден крупный двусторонне обработанный наконечник копья из алевролита. Верхний конец орудия утрачен в древности (рис. 1). Заготовкой для него был, по всей видимости, чрезвычайно длинный краевой скол, снятый с алевролитового валуна. Об этом свидетельствуют небольшая криволинейность продольного профиля изделия и участок сглаженной валунной корки (?) на выпуклой стороне предмета.

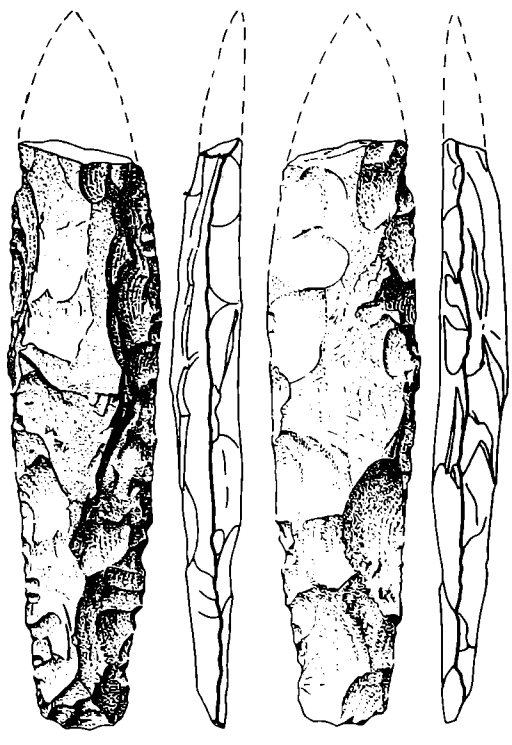


Рис. 1. Мустьерское местонахождение Лысая гора. Наконечник копья. Алевролит

Длина сохранившейся части орудия равна 21,3 *см*; подлинная же величина его, если утраченный конец имел вид острия, могла находиться в пределах от 25—26 *см* (острие широкое, массивное) до 29—30 *см* (острие узкое, колющее). Ширина орудия — на всем протяжении от его основания до места облома — изменяется мало, благодаря чему оно имеет очертания сильно вытянутого прямоугольника со слабо и несколько асимметрично выпуклыми продольными краями: максимальная ширина предмета равна 5,5 *см*, ширина в месте облома — 4,5 *см*; при всем этом основание наконечника сужено до 3 *см*. Таким же образом соотносятся измерения толщины орудия: максимальная равна 2,5 *см*, в месте облома — 1,5 *см*, в 1,5 *см* от основания (поперечный край которого приострен) равна 1 *см*.

Вторичная обработка орудия — классический образец виртуозной плоско-выпуклой отделки (retouche plano-convexe) двусторонних орудий. От-

[1] В. П. Любин. Нижнепалеолитические находки на Тереке. Тр. КИЧПЕ, XIII, М., 1957, стр. 332—343.

делка эта объединяет в себе технику мелких сколов — стесов и технику чешуйчатой ретуши, причем, как это отмечал еще Г. А. Бонч-Осмоловский, «...отличить мелкие лунки сколов от крупных фасеток ретуширования не всегда возможно. Сплошь и рядом они настолько незаметно переходят друг в друга, что граница проводится совершенно условно» [2].

Нижняя сторона данного орудия — брюшко отщепа (?) — оформлена с помощью техники мелких сколов, изощренно выравнена плоскими (как бы выстругивающими) стесами. Отделка верхней выпуклой стороны выполнена применением обоих отмеченных техник: первоначально, почти по всей поверхности — широкими мелкими сколами, дополнительно — чешуйчатой ретушью; и сколы и ретушь, взбираясь по крутым скатам спинки заготовки, образуют множество ступенек (заломов). Обработка нижней стороны при этом предшествовала обработке верхней. В итоге всех этих операций рабочие края орудия оказались в плоскости нижней стороны.

Пропорции, массивность и морфологические особенности рассматриваемого предмета — прямоосность, равномерность и тщательность приострения продольных краев, суженность и утонченность основания — позволяют допустить, что это крупное, мощное орудие использовалось в качестве наконечника тяжелого копья (рогатины).

Прямые аналогии этому орудию в мустье Старого света отсутствуют — размеры и очертания его совершенно уникальны. Ближайшими параллелями на Кавказе являются наконечники копий, встреченные на Ильской стоянке [3] и на Яштухе (крупный фрагмент двустороннего кремневого наконечника, найденный И. И. Коробковым). Уместно также сопоставление с Ахштырской пещерой, в нижнем мустьерском слое которой найден фрагмент средней части крупного кремневого наконечника [4], имеющего, однако не плоско-выпуклую, а двояковыпуклую (biconvexe) отделку обеих поверхностей.

Отметим, наконец, что лысогорский наконечник копья встречен в составе своеобразного комплекса изделий, который по своим техническим и типологическим показателям может быть отнесен к мустье «зубчатому» (количество зубчатых и выемчатых форм достигает 47,5%), фации леваллуа (индекс леваллуа типологический-35,1%), с леваллуазской техникой расщепления камня (индекс леваллуа равен 45,2%). Специальное рассечение крупных отщепов и пластин с целью получения заготовок для различных микроорудий, изготовление значительной серии последних, наличие грубых рубящих орудий, выпуклых поперечных скребел типа demi — Quina и описанного двустороннего наконечника копья оригинальных размеров и очертаний — составляют локальную особенность «зубчатого» мустье Лысой горы.

---

[2] Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Кипк-Коба. М.— Л., 1940, стр. 108.

[3] С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Тр. II МКИЧПЕ, М., 1934, табл. I, *1*, *2*; II, *3*, *5*.

[4] С. Н. Замятнин. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря. Очерки по палеолиту. М.— Л., 1961, табл. LI, *2*.

А. М. МИКЛЯЕВ

ИДОЛ ИЗ УСВЯТСКОГО ТОРФЯНИКА

С 1964 г. Невельской археологической экспедицией Государственного ордена Ленина Эрмитажа под руководством автора проводятся раскопки многослойной торфяниковой стоянки Усвяты IV, расположенной близ поселка Усвяты в Невельском районе Псковской области [1]. Нижний

---

[1] А. М. Микляев. Результаты работы Невельского отряда в 1964 г. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за

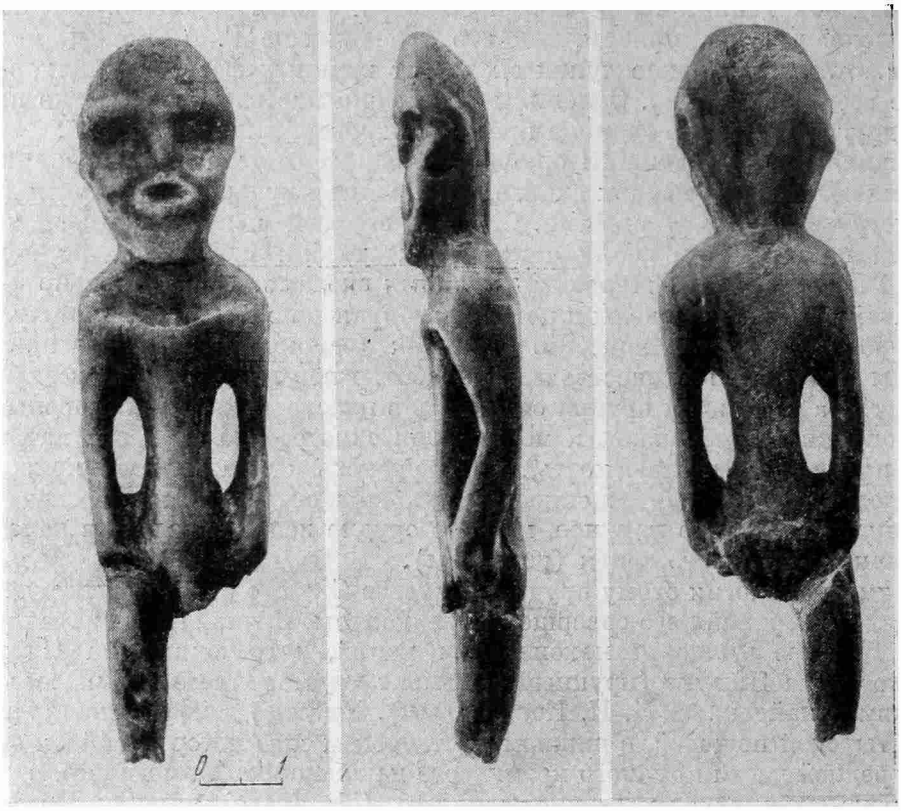


Рис. 1. Идол из Усвятского торфяника

слой стоянки (слой Б) содержит остатки свайного поселения эпохи неолита.

С оговорками материалы этого слоя могут быть сопоставлены с материалами некоторых стоянок Латвии (Пиестиня в Лубанской низменности) и Северной Белоруссии (Кривина и Осовец). Изучение археологических материалов Усвятского микрорайона в свете данных топографии и стратиграфии отдельных групп стоянок, при учете палинологической датировки и даты по C^{14}, позволяет отнести время существования свайного поселения к середине III тыс. до н. э.[2] Однако эту дату пока нельзя считать окончательной. Свайное поселение, по нашему мнению, принадлежит к какой-то ранее неизвестной культуре охотников, характеризуемой, помимо своеобразных приемов строительства жилищ и устройства поселений, керамикой с примесью толченых раковин и растительных остатков в тесте, украшенной разнообразными геометрическими узорами, нередко имеющими изобразительную направленность. Сейчас идет обработка материалов раскопок и подготовка их к публикации. Некоторые же предметы заслуживают введения в научный оборот до публикации всего комплекса.

1964 год. Л., 1965 г., стр. 34—35; е г о ж е. Раскопки многослойной торфяниковой стоянки Усвяты IV (Псковская область) в 1964—1965 гг. Пленум Института археологии АН СССР 1966 года. Секция неолит и бронзовый век (тезисы докладов). М., 1966, стр. 20—22; е г о ж е. Работы Невельского отряда. СГЭ, XXVII, Л., 1966, стр. 83—85.

[2] Спорово-пыльцевой анализ образцов, добытых на стоянке, выполнен Е. А. Спиридоновой (НИИ географии, ЛГУ), а датирование образца дерева из свайного поселения по C^{14}—А. А. Лийв (Институт ботаники и зоологии АН ЭССР). Автор пользуется случаем выразить благодарность этим товарищам.

К такого рода предметам принадлежит фигурка мужчины, вырезанная из рога лося (рис. 1). По всей вероятности, это — идол. Фигурка была найдена в 1966 г. на западной части поселения в слое торфа с примесью грубозернистого песка и скорлупы орехов и желудей, на глубине 1,15 *м* от поверхности. Стратиграфическое положение и сопровождающий материал (обломки сосудов с растительной примесью) позволяют отнести эту находку к поздней поре существования свайного поселения.

Фигурка представляет собой скульптурное изображение стоящего мужчины. Длина ее — 9,3 *см*, наибольшая ширина — 2,5 *см* при толщине 1,2 *см*. На голове с левой стороны и на левом плече есть небольшие трещины. Левая нога отломлена в древности, правая частично утрачена при извлечении фигурки из культурного слоя. Поверхность фигурки сильно заполирована, но в углублениях заметны следы режущего инструмента. Голова идола непропорционально велика. Лоб покатый, затылок плоский. Глаза показаны широкими углублениями, а слегка горбатый суживающийся книзу нос — выпуклостью между ними. Над глазами заметны надбровные дуги. Открытый как для крика рот сделан в виде ямки. Губы толстые и их припухлость специально подчеркнута кольцевой канавкой вокруг рта. Подбородок узкий. Уши обозначены небольшими бугорками с углублениями внутри. Левое ухо помещено несколько выше правого. Короткая массивная шея плавно переходит в покатые узкие, сравнительно с головой, плечи, соединенные на груди рельефной полоской. Руки, слегка согнутые в локтях, положены на бедра. Кисти рук не детализированы. Грудь узка, особенно узко туловище. Переход от него к бедрам подчеркнут. Слегка выделены в рельефе ягодицы. В целом это — изображение физически сильного мужчины в расцвете лет.

Количество антропоморфных скульптур эпохи неолита и бронзы, найденных на территории лесной полосы европейской части СССР и Урала, велико. Достаточно назвать деревянные идолы Шигирского [3] и Горбуновского [4] торфяников, роговые фигурки из Кубенина [5], Верхнего Веретья [6], Оленеостровского могильника [7] и Пярну [8], янтарные фигурки из юго-восточной Прибалтики [9], кремневые из разных мест [10] и, наконец, бронзовые идолы галичского клада [11]. Сравнение усвятского идола с перечисленными изображениями показывает, что по некоторым стилистическим особенностям он отчасти близок деревянным идолам Шигира и бронзовым галичским идолам, а среди последних — экземпляру, хранящемуся в Эрмитаже [12]. Однако шигирский идол сильно схематизирован. Сопоставимы лишь головы скульптур. И здесь-то мы находим большое сходство. Д. Н. Эдинг схематичность передачи человеческого тела в уральских идолах, выполненных чрезвычайно грубо, в отличие от изображений животных и птиц, объяснял опасением древних мастеров слишком сильно «привязать» духа

---

[3] В. Толмачев. Деревянный идол из Шигирского торфяника. ИАК, 60, Птг., 1916, табл. III.

[4] Д. Н. Эдинг. Идолы Горбуновского торфяника. СА, IV, 1937.

[5] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, V, 1940, табл. 1.

[6] М. Е. Фосс. Костяные и деревянные орудия стоянки Веретье. МИА, 2, 1941, табл. VII, 8*а*, *б*, *в*.

[7] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956, рис. 120, *1—3*.

[8] H. A. Moora. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932.

[9] R. Klebs. Der Bernsteinschmuk der Steinzeit von der Schwarzort und anderen Lokalitäten Preusens.— Physikalischen — öken gesselschaft Beiträge zur Naturkunde Preusens, Bd. V, Königsberg, 1882.

[10] С. Н. Замятнин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. СА, X, 1948, стр. 85—123; В. И. Зубков. Антропоморфные и зооморфные изображения из окских неолитических стоянок. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 109—112.

[11] А. А. Спицын. Галичский клад. ЗОРСА, V, 1, СПб., 1903, табл. XXIX—XXXI и рис. 72—73.

[12] ГЭ. колл. 77/1.

к его достаточно точному изображению, если бы таковое было создано [13]. По-видимому, такого рода опасения не смущали обитателей нашего свайного поселения, изображавших и животных, и птиц, и человека с одинаковым мастерством вне зависимости от той идеи, какая вкладывалась в изображение. П. А. Дмитриев датировал шигирскую культуру, а вместе с ней и идолов, XIII (XII) — VIII вв. до н. э. [14]

Значительно больше общих черт усвятский идол имеет с эрмитажным из галичского клада — выраженные надбровные дуги, припухлость губ открытого рта, относительно большая голова и узкая грудь. При этом нельзя забывать о различиях как в общем положении фигур и их конечностей, так и в весьма существенных деталях, позволяющих судить о самом смысле изображаемого. Ноги нашего идола не подогнуты, руки не соединены. У него нет диадемы на голове и пламевидных лучей на плечах и предплечьях. Отсюда следует, что эти идолы могут быть сопоставлены лишь в плане стилистических особенностей исполнения изображений, поскольку содержание их совершенно различно.

К сожалению, вопрос о происхождении галичских идолов и их месте среди других изображений в отечественной литературе не освещен. Из зарубежных исследователей этой темой занимался А. Тальгрен [15]. Однако в то время ряд изображений, которые можно было бы привлечь, не был известен, другие почему-то оставлены им без рассмотрения [16]. А. Тальгрен в поисках истоков идеи и изобразительных средств ее воплощения обратился к материалам древнего востока, приводя в качестве возможных звеньев генетической цепочки изображение солнечного бога Шамаша на стелле, датируемой 1900 г. до н. э., изображение этого же бога на цилиндрической печати и фигурки из Казбекского клада [17]. В этой работе он датировал галичский клад, ставя его в один ряд с сейминскими, турбинскими и бородинскими находками, 1600—1300 гг. до н. э. [18] Несколько позже А. Тальгрен выделил Галичский клад из общего ряда, считая его древнее сейминских находок, датируемых им теперь 1300—1100 гг. до н. э. [19] О. Н. Бадер также включал галичский клад в один ряд с предметами из сейминско-трубинских могильников, но предлагал для них более раннюю дату — конец второй четверти II тысячелетия до н. э., но не позднее XV века [20]. В. А. Сафронов [21] предлагает датировать Сейму и Турбино временем не ранее середины XIII — начала XI вв. до н. э., а точнее XIII — XII вв. Как мы видим, даже самая ранняя дата галичского клада оказывается слишком молодой для усвятского идола — здесь хронологический разрыв не менее, чем в тысячу лет. Тем не менее, нам кажется, что идея изображения солнечного (?) божества с лучами и диадемой воплотилась в виде мужской фигурки из галичского клада. Основные же стилистические черты изображения были выработаны в среде неолити-

---

[13] Д. Н. Эдинг. Ук. соч., стр. 141—142.

[14] П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, 21, 1951, стр. 59 и 89.

[15] A. Tallgren. The Copper Idols from Galich and their Relatives. «Studia Orientalia», I, Helsinki, 1924, стр. 312—341.

[16] A. M. Tallgren. Permian Studies, III, 1928, стр. 63—71. А. Тальгрен рассматривает «пермяцкие идолы» в качестве дериватов галичских идолов. Однако шигирский идол, опубликованный еще в 1916 г., им не привлечен.

[17] Там же, стр. 322—332.

[18] Там же, стр. 341.

[19] A. M. Tallgren. Zer Chronologie der osteuropischen Bronzezeit. Mitteifungen der anthropologische Gesselschaft in Wien, Bd. 61, Wien, 1931.

[20] О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 5 и 143.

[21] В. А. Сафронов. Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966, стр. 184—185.

ческих племен лесной полосы европейской части СССР задолго до появления самой этой идеи. Атрибуты солнечного (?) бога оказались перенесенными на вполне сложившееся и ставшее традиционным изображение.

Мы надеемся, что публикация усвятского идола окажется важной для установления генетических связей и стилистических особенностей галичских идолов. Она привлечет внимание к ряду разнообразных антропоморфных изображений эпохи неолита и бронзы, традиционные стилистические черты которых сложились на огромной территории лесной полосы северо-востока Европы и существовали, по-видимому, в течение весьма длительного отрезка времени.

М. М. ЧЕРНЯВСКИЙ

ФИГУРКА ЧЕЛОВЕКА СО СТОЯНКИ ОСОВЕЦ-II

При выпрямлении русла р. Кривинки в 1966 г. в 1,5 *км* к юго — юго-востоку от дер. Осовец Бешенковичского района Витебской области была перерезана каналом территория древнего поселения. В сентябре этого же года автором были произведены раскопки на площади в 36 $м^2$. Культурный слой стоянки толщиной в 60 *см* был перекрыт почти метровым пластом темно-серого коричневатого осокового торфа, что способствовало хорошей сохранности костяных, роговых и даже некоторых деревянных изделий.

Судя по рельефу материка, сложенного из светлого песка, поселение располагалось на небольшом мысе, вдающемся в древнее озеро (ныне превратившееся в трудно проходимое болото) у истока небольшой реки. Такое местоположение привлекало внимание к этому пункту древних рыболовов и охотников, и жизнь на поселении протекала интенсивно, о чем свидетельствует большая насыщенность культурного слоя находками.

Изделий из кремня, однако, найдено мало: кость и рог служили основным материалом для изготовления орудий труда, рыбной ловли и охоты. Среди них чаще всего встречаются наконечники стрел, ножи, шилья, орудия для вязки сетей, топоры и мотыги.

Наиболее частыми находками на поселении являются фрагменты керамики, почти всегда имеющие в тесте примесь толченых раковин. Наибольшую группу составляют обломки сосудов, орнаментированные густо расположенными поясами насечек, оттисков гребенчатого штампа или ямочных вдавлений. Постоянно встречаются елочные композиции. Очень характерной чертой сосудов является горизонтальная штриховка по внутренней и внешней поверхностям. Сосуды обычно имеют слабо выраженную остродонность, у некоторых отмечены небольшие также орнаментированные плоские днища.

Подобный керамический материал обнаружен и при раскопках поселений Кривина и Осовец-I в Сенненском районе [1]. Близка нашей керамике и посуда с торфяниковых поселений юго-восточной Прибалтики [2].

В основании культурного слоя поселения были найдены единичные фрагменты керамики, по примесям в тесте и пористости стенок сосудов близкие к характеризованным выше, но имеющие разреженный орнамент, состоящий в основном из насечек, оттисков перевитой веревочки

[1] К. М. Поликарпович. Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в БССР, БКИЧП, 6—7, 1940, стр. 44—46.

[2] F. Zagorskis. Jauni materiāli par neolitu Latvijas austrumu dalā. Latvijas PSR Za Vēstis, 6, 1965, стр. 42—43.

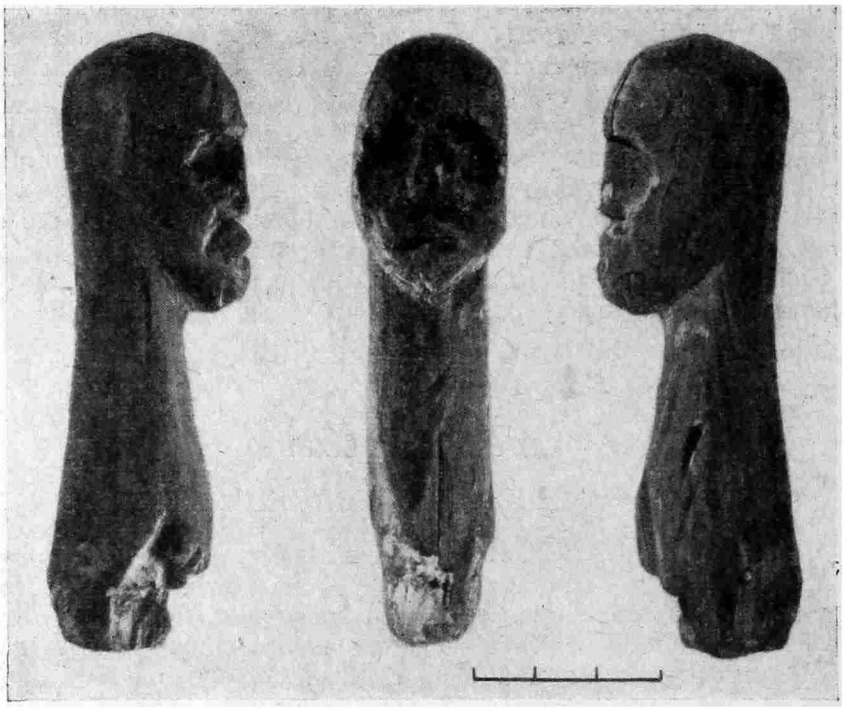


Рис. 1. Фигурка человека со стоянки Осовец-II

и гребенчатого штампа. Венчики сосудов этой группы скошены вовнутрь, а обе поверхности стенок хорошо заглажены. Подобная керамика есть в нижних слоях стоянок Кривины и Осовца-I, а также на поздненеолитическом поселении Скема-I на оз. Нарач в Мядельском районе Минской области [3].

Почти у основания культурного слоя было обнаружено скульптурное изображение человека, вырезанное из твердого дерева вероятно лиственной породы (рис. 1). Слоистость направлена по длинной оси изделия. Фигурка эта длиной 9,5 *см*, цвет ее темно-серый, почти черный. Такая окраска, очевидно, в значительной мере зависит от пребывания в торфянистой почве. Скульптура представляет собой реалистическое изображение человека с выразительными и резкими чертами лица. Глубокие глазницы, опущенные вниз углы рта, придают изображению суровый вид. Концы надбровий опущены вниз, переносица выражена слабо, нос прямой и несколько приплюснутый, по-видимому, кончик его еще в древности был отбит. Выступающая вперед нижняя часть лица, возможно, передает усы и бороду, хотя правильные пропорции головы как будто и не подтверждают этого. Высокий лоб плавно закругляется. Хорошо выраженная шея утолщается к корпусу, вырезанному очень схематично. Рук у фигурки нет. Нижняя часть скульптурки отломлена. По-видимому, древний художник хотел изобразить мужчину европеоидного облика.

Человеческая фигурка с поселения Осовец-II, конечно, относится к предметам, связанным с культом предков. Это, как считает Н. Н. Гурина, подтверждается находками таких изделий в погребениях Оленеостровского могильника [4]. Подобные изображения людей, выполненные из рога и дерева, были найдены и на других памятниках Северо-Восточной

---

[3] М. М. Чарняўскі. Неалітычнае паселенне Скема-I на поўначы Беларусі. Весці АН БССР, 3, 1963, стр. 72—73.

[4] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956, стр. 244—245.

Европы и Урала [5]. К культовым предметам относятся, очевидно, и другие изображения, найденные на нашем поселении: фигурка животного, видимо лося, вырезанная из лосиного рога, изображение цапли, вырезанное из зуба кабана, и два непонятных изделия из такого же материала, быть может, изображающие уточек с обломанными головками.

Поселение, а вместе с ним и изображение человека можно датировать по керамическому материалу. На значительной части сосудов первой группы заметны следы влияния среднеднепровской культуры [6] в орнаменте и примесях. Датировку поселения облегчает находка на стоянке сосуда баночной формы среднеднепровской культуры с опоясывающими его ниже края венчика отпечатками тонкого шнура. Этот сосуд, так же как и человеческая фигурка, залегал в нижней части культурного слоя, между этими находками если и существуют различия во времени, то не слишком значительные.

Исходя из этого, комплекс находок из поселения Осовец-II можно предварительно датировать первой половиной II тысячелетия до н. э.

[5] М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино. Тр. ГИМ, VIII, М., 1938, стр. 86; Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Тр. ГИМ, X, М., 1940, стр. 66—68.

[6] И. И. Артеменко. Верхнее поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы. КСИА АН СССР, 101, 1964.

И. АХРАРОВ

ГЛИНЯНАЯ ГОЛОВКА С СОГДИЙСКОЙ НАДПИСЬЮ С АФРАСИАБА

Весной 1965 г. в юго-восточной части городища Афрасиаба, внутри третьей городской стены [1], около ташкентской дороги, был вскрыт жилой комплекс, относящийся к X—XI вв. В юго-восточной части этого раскопа заложили стратиграфический шурф, в котором обнаружили культурный слой, относящийся к концу VII — началу VIII в.

Рис. 1. Терракотовая головка VII—VIII вв.

В этом слое встретилось около десяти согдийских монет, керамические изделия и фрагменты стеклянных изделий. Среди находок была и головка фигурки.

Головка изготовлена из куска глины ручной лепкой с применением штампа (рис. 1). Высота головки 4 *см*, ширина 2,5 *см*. Лицо фигурки продолговатое; четкие, высоко приподнятые дугообразные брови, сходясь на переносице, переходят в тонкую прямую линию носа. Нос частично сбит, однако видно, что крылья его резко расширяются, образуя массивное утолщение. Щеки худые; энергичный, заостренный и несколько выдвинутый вперед подбородок. Глаза большие, продолговатые, с тяжелыми верхними веками и углубленно обозначенными зрачками. Четким рельефом обозначены глазные яблоки и резко очерчены контуры век. Рот маленький с

[1] М. К. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаба. СА, 1967, 1, стр. 60—73.

вывороченными, толстыми, плотно сжатыми губами. Округлая, плотно одетая шапочка, свешивающаяся набок, надвинута на лоб и закрывает уши. Шапочка с ободком, орнаментирована елочкой, убегающий лоб скрыт головным убором. Шея толстая, короткая. Тыльная сторона головки плоская и сглаженная. Глина розовато-коричневого цвета. Лицевая часть головки покрыта розовато-желтым ангобом-охрой. Черты лица индивидуализированы, портретны, с задорным выражением. В нижней части шеи есть выем, где нацарапана надпись в несколько букв. Поверх надписи ангоб.

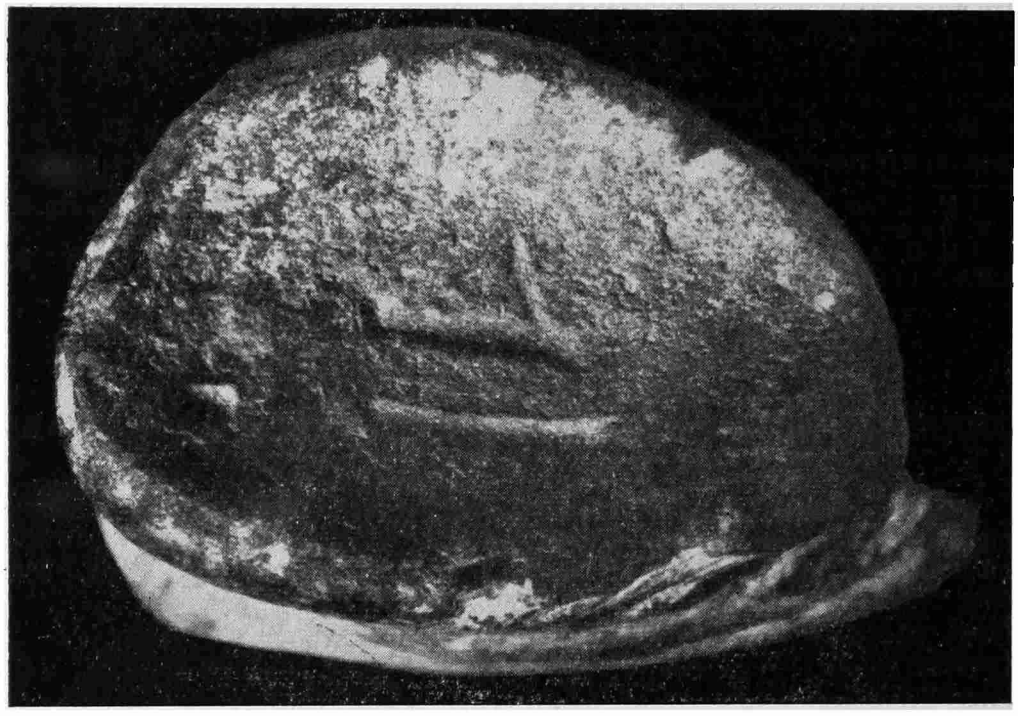


Рис. 2. Согдийская надпись на головке

Находка поступила в лабораторию археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР для анализа. Н. С. Гражданкина, исследовавшая головку, пришла к выводу, что надпись была сделана еще до обжига глиняной головки.

Анализ надписи был сделан В. А. Лившицем.

В. А. Лившиц отмечает, что надпись, несомненно, согдийская; она состоит, вероятно, из двух-трех слов. Сохранились лишь следы первого слова, где читается «бог» или «господин» [2] (рис. 2). Далее, видимо, шло имя божества или вообще имя. Дату В. А. Лившиц определяет примерно VI—VIII вв.

Характеризуемая нами терракота (глиняная головка) не имеет точных аналогий среди терракот Афрасиаба V—VIII вв. эфталитско-тюркской эпохи, однако некоторое сходство с ними все-таки есть [3].

Наша терракота интересна и тем, что она найдена в хорошо датированном слое VII—VIII вв.

В заключение отмечаем, что благодаря нашей находке есть возможность считать аналогичные ей предметы изделиями VII—VIII вв. Важно

[2] Автор выражает благодарность В. А. Лившицу за прочтение надписи.

[3] В. А. Мешкерис. Терракоты самаркандского музея. Л., 1962. Мы считаем, что глиняные головки под № 268—271 в табл. XV работы В. А. Мешкериса очень напоминают нашу находку.

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

НАВЕРШИЯ ИЗ МАЙКОПСКОГО И НОВОЧЕРКАССКОГО МУЗЕЕВ

В коллекциях Майкопского и Новочеркасского музеев нам удалось познакомиться с интересными экземплярами скифских наверший. Из них Майкопское навершие неопубликовано, а навершие Новочеркасского музея опубликован частично [1].

Майкопское навершие имеет вид головки оленя на длинной трубчатой втулке (рис. 1, 2). Согласно записи в каталоге музея, оно поступило в музея опубликовано частично [1].

Навершие литое. Цилиндрическая втулка 3,5 *см* в диаметре. Общая длина ее с головкой (без рогов) 11 *см*. По сторонам втулки имеются четыре миндалевидной формы прорези, обращенные острой стороной вверх.

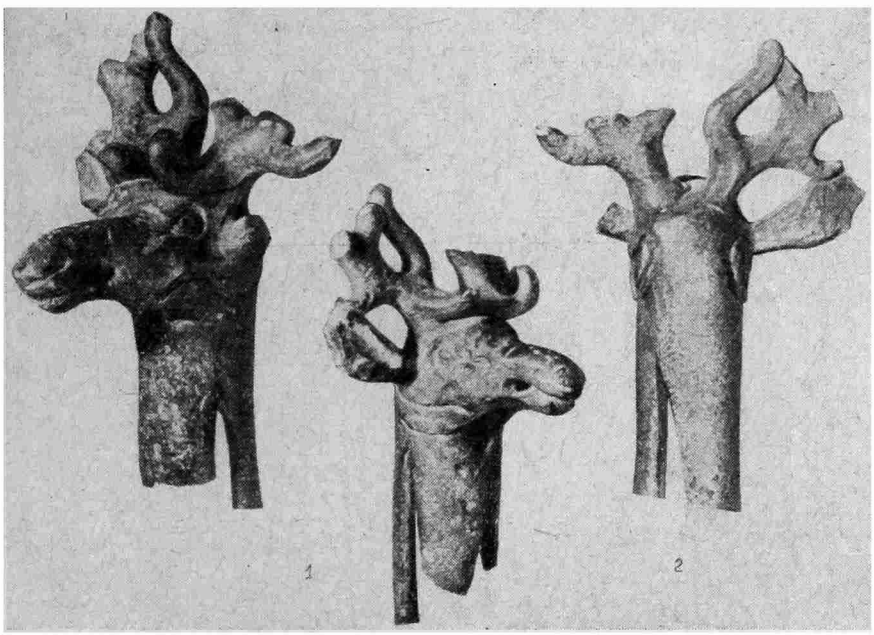


Рис. 1. Навершие с головой оленя из Майкопского музея

1 — вид сбоку, *2* — вид сзади

В основании головки с нижней стороны при переходе во втулку имеется еще одна овальная прорезь. Морда животного, сделанная в круглой скульптуре, выступает от втулки вперед. Изображение довольно реалистично. Мастер передал крутой лоб, горбатый изгиб морды. Особыми углублениями по сторонам переданы ноздри, углубленной полосой и сквозным отверстием выделено разделение пасти. Круглые глаза с овальными слезницами. Уши оленя (из которых сохранилось правое) имеют вид торчащих в стороны от головы плоских лопастей, заостренных у наружного конца и окаймленных снизу и по бокам утолщенным валиком.

От затылка вверх поднимаются два мощных ствола рогов, которые целиком не сохранились. Каждый рог, поднимаясь вверх, разделяется на четыре ветви, образуя симметричный ажурный волнистый орнамент. Еще одна ветвь, выступающая вперед в виде крючка надо лбом, отходит от основания каждого из стволов. В трактовке рогов животного сочетаются элементы условнодекоративной стилизации со стремлением передать реалистические черты. На боковых сторонах морды, от основания шеи к за-

[1] A. Salmony. An Unknown Scythian Find in Novocherkassk. ESA, X, Helsinki, 1936, стр. 54.

тылку, огибая ухо снизу, выгравирован резцом загнутый вверх значок в форме птичьего крыла.

Пара наверший Новочеркасского музея также имеет вид головы оленя на длинной трубчатой втулке, воспроизводящей шею животного (рис. 3). Головка оленя выполнена в круглой скульптуре изящно и реалистично. Спереди на втулке имеются четыре рельефные опускающиеся полосы, передающие мягкие складки шеи. Глаза окаймлены рубчатым валиком. Такой же валик на вершине отделяет голову оленя от основания рога.

Главной достопримечательностью этих наверший являются рога, из которых только один обломок опубликован у А. Салмони.

Рога оленя, сохранившиеся в нескольких кусках (рис. 4), имеют вид плоской ажурной пластины, слегка сужающейся вверх. Длина пластины 32,5 *см*, она в 2,5 раза больше служащей для нее основанием головки

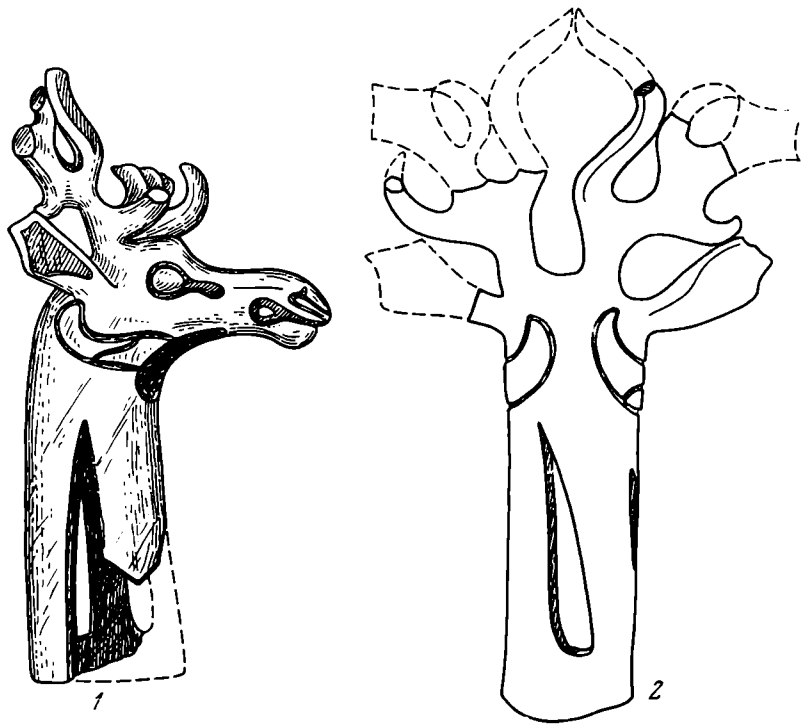


Рис. 2. Навершие с головой оленя из Майкопского музея

оленя со втулкой, общая высота которой 12,5 *см*. Среднюю линию рога составляет разделенный на пять отрезков вертикальный ствол, заканчивающийся наверху овальной шишкой. По сторонам этого ствола имеются четыре последовательно уменьшающихся звена симметричного рисунка, составленного из комбинаций валют. В основании валютообразных завитков с наружной стороны имеются две пары треугольных выступов в виде бутонов. По сторонам от шишкообразной вершины изображены две симметрично сидящие птицы в виде уточек с головой, повернутой назад [2].

По типологическим признакам оба вышеописанные навершия относятся к сравнительно небольшой группе втульчатых наверший без бубенцов, известных пока только на Кубани. К их числу относятся навершия с головкой коня из первого Келермесского кургана, аналогичные ему навершия с головкой коня и орла, происходящие также из окрестностей Майкопа, навершия с головой грифона из кургана 1909 г. у Ульского аула [3].

---

[2] Выражаю сердечную благодарность С. Н. Братченко за предоставление мне фотографий навершия Новочеркасского музея.

[3] В. А. Іллінська. Про скіфські навершники. «Археологія», XV, 1963, стр. 33, рис. 1, *1*; стр. 36, рис. 2, *4*, *5*, *11*.

Образ оленя — один из наиболее древних и стойко сохраняющихся в украшении скифских наверший. Среди них — пара наверший с фигурой оленя-самца на шаровидном прорезном бубенце из Махошевского кургана, фигурки оленей с ветвистыми рогами на навершиях из Аксютинецкого и Волковецкого курганов на Суле, изображения фигурок молодого оленя или лани на паре наверший Посулья и серии наверший, происходящих из области Подунавья, стилизованное навершие из Чертомлыцкого кургана.

Особенно близки к характеризуемым нами навершия в виде головок оленя с ажурными плоскими стилизованными рогами из кургана окрест-

Рис. 3. Навершие с головой оленя из Новочеркасского музея

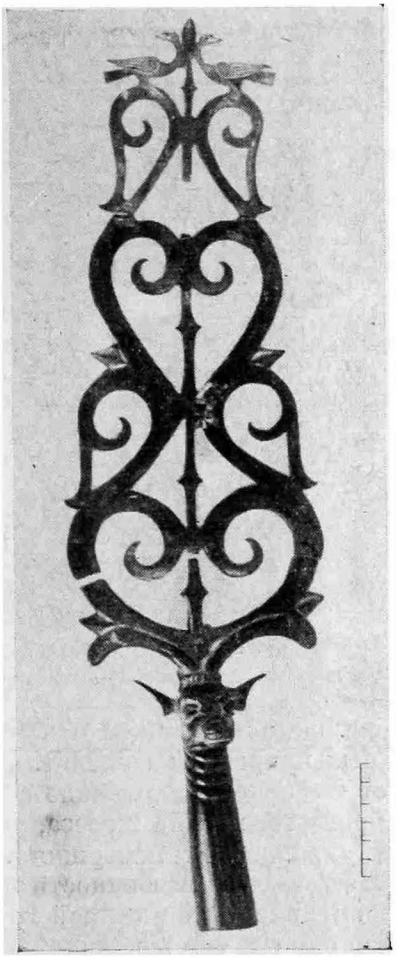


Рис. 4. Полный вид навершия из Новочеркасского музея

ностей Анапы и станицы Елизаветинской на Кубани (рис. 5). Навершия Елизаветинского и Анапского курганов относятся к IV в. до н. э. В обоих случаях головки оленя изображены в профиль и чрезвычайно схематизированы. Они как бы служат основанием для растительно-геометрического рисунка рогов, составленного из разнообразных завитков. Как справедливо отмечают М. И. Ростовцев и Г. Боровка, украшения этих наверший полностью соответствуют орнаментальному стилю украшений конской уздечки из Елизаветинского кургана и представляют собою дальнейшее развитие художественного стиля бронз Семибратних и Нимфейских курганов [4].

По сравнению с ними новочеркасские навершия представляют собой произведения искусства более раннего. Реалистически выполненная го-

[4] G. Borovka. Scythian Art. London, 1928, стр. 62; M. Rostovtzeff. The Animal Stile in Sauth Russia and China. Princeton. 1929, стр. 32.

ловка, четкий гармоничный контур рисунка рогов, художественный стиль фигурок птиц — все это характерно для скифского искусства V в. до н. э., в котором древняя местная художественная традиция сочетается с элементами греческого влияния и стилизации.

Что касается майкопского навершия, то оно представляется наиболее архаичным. Отдельные натуралистические детали сочетаются здесь со стилизованным рисунком рогов. Следов влияния греческого искусства в них

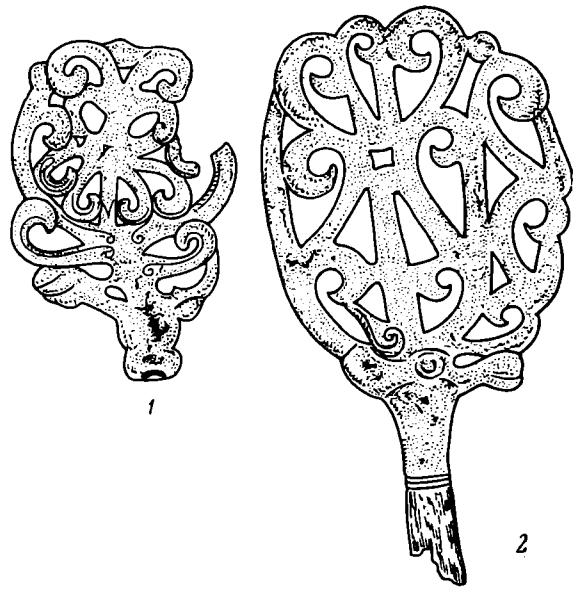


Рис. 5.

1 — навершие из станицы Елизаветинской, *2* — навершие из кургана окрестностей Анапы

не ощущается. Ранним признаком является наличие удлиненных стреловидных прорезей на втулке. Овальная прорезь в основании головки сближает майкопское навершие с группой кавказских наверший конца периода бронзы и начала железа, где прорези встречаются на фигурках животных, украшающих навершия [5].

Несмотря на особенности художественного стиля, объясняющегося разновременностью описанной группы наверший, все они несомненно воплощают один и тот же сюжет — оленя с рогами в виде растения. На новочеркасском навершии смысловое содержание образа выражено особенно четко. Рога оленя оформлены в виде дерева с бутонами, плодом и сидящими на вершине птицами. На майкопском навершии дополнительным признаком образа являются изображения знака птичьих крыльев в основании головки.

На скифских навершиях мы неоднократно встречаемся с изображением священного дерева и связанного с ним изображения птицы. Таково навершие с тремя ветвями из Александропольского кургана, на концах которых изображены птицы с подвесными колокольчиками в клювах. С этим же навершием связаны подвесные украшения в виде лунницы и плоского круглого солярного диска [6].

На знаменитом навершии с изображением скифского бога Папая [7] фигура божества составляет как бы центральный ствол, от основания кото-

[5] В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 54, рис. 8, *5—8*; стр. 57, рис. 9; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, табл. X, *1—3*.

[6] В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 41, рис. 5, *3*.

[7] М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов. Археологический сборник ГЭ, 2, Л., 1961, стр. 74.

рого отходят четыре дугообразные ветви с идущими по ним вверх фигурками четвероногих животных. Вершины центрального ствола и боковых ветвей увенчаны фигурками птиц с распластанными крыльями, к клювам, хвосту и концам крыльев которых прикреплены подвесные колокольчики, лунница и плоские диски. Бронзовые ветви-дуги от второго такого же навершия с фигурками «волков» и орлов, подвесками в виде лунниц были найдены в 1963 г. экспедицией А. И. Тереножкина в кургане у с. Марьинское [8].

Рис. 6. Изображения верховного божества на фигурах быка и оленя в памятниках хеттской культуры (по Г. Контено)

1 — рельеф из Арслан-Таша, *2* — рельеф из Еникоя, *3* — бронза из Малой Азии

Все эти символы являются разнообразными средствами выражения космических идей, и прежде всего культа солнца и связанной с ним идеи плодородия, составляющих, как мы старались показать, основное смысловое содержание изображений на культовых скифских навершиях.

Что касается наверший Майкопского и Новочеркасского музеев и связанной с ними группы скифских наверший, то они позволяют наметить один из конкретных вариантов в раскрытии этой символики и проследить определенные пути проникновения этого образа в скифскую культуру.

Одно из древнейших изображений оленя в качестве символа солнца на культовых навершиях известно в культуре древнехеттского мира. Таковы медные навершия из царской гробницы Алача Гуюк, которые относятся ко времени раннего бронзового века, предшествующего периоду сложения хеттского государства [9]. Образ оленя в качестве солярного символа фигурирует здесь наряду с образом быка. На хеттском рельефе из Арслан-Таша (XII—XI вв. до н. э.) (рис. 6, *1*) великий бог Хадад в солнечной тиаре с пучками молний в руках изображен стоящим на быке. На другом рельефе из Еникоя (рис. 6, *2*) божество стоит на олене, на правой руке у него изображена сидящая птица. Маленькая бронза из Малой Азии изображает фигурку быка с птицей, сидящей на его рогах (рис. 6, *3*). Г. Контено усматривает в этом ту же символику великого божества, выраженного через его атрибут — орла [10]. В этих случаях наблюдается ор-

[8] Обломки навершия оказались в грабительской мине, прорытой через насыпь кургана.

[9] Kurt Bittel. Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasien. Tübingen, 1950, стр. 28.

[10] G. Conténau. La civilisation des Hittites et des Hurrites du Mitanni. Paris, 1948, стр. 147—149, 178.

ганическое слияние образов антропоморфного верховного солнечного божества, посвященного ему животного и птицы.

Изображения оленя, быка и птицы сохраняется в качестве основных мотивов оформления наверший в памятниках периода бронзы и раннего железа на Кавказе. Таковы бронзовые фигурки, найденные вместе с частями повозок в богатых курганах XIII—XII вв. на берегу озера Севан [11], навершия из селения Ацарат Нор-Баязетского района Армении [12]. Анализируя типы повозок, колесниц и предметы конского снаряжения из курганов Лчашена на берегу озера Севан, А. А. Мартиросян приходит к выводу об общности этих предметов на территории хеттской Сирии, Армении и Восточной Грузии в XIV—III вв. до н. э., намечая тем самым пути проникновения данной группы культовых бронзовых изделий в памятники Кавказа [13].

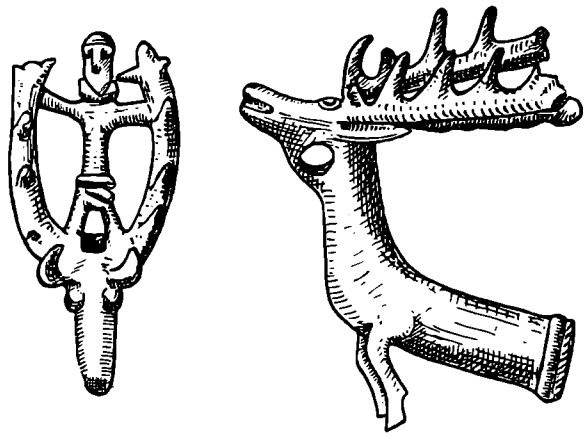


Рис. 7. Бронзовое боковое навершие из Комунты

Подобные изображения на навершиях продолжают встречаться в памятниках Кавказа до конца эпохи бронзы и начала железа. К позднему бронзовому веку относятся два совершенно однотипных навершия с головками быка из с. Толорс в Армении, с. Арчадзор в Нагорном Карабахе [14]. В могильниках кобанской культуры у сел Верхняя Кобань, Фаскау, Камбулту, Рутха постоянно встречаются разного рода навершия и наконечники, украшенные изображениями протом и головок быка и оленя [15]. В ряде случаев к фигуркам оказываются прикреплены подвесные шумящие колокольчики.

Исключительный интерес в этой связи представляют два бронзовые навершия Казбекского клада, изображающие фаллическую мужскую фигуру с жезлом в руках, стоящую на вершине между ветвями, составленными из вертикального ряда бычьих рогов [16]. В этом случае бычьи рога приобретают значение священного дерева, увенчанного фигурой плодоносящего божества. Символика образа очень близка скифским навершиям с изображением бога Папая.

На бронзовом боковом навершии из Комунты (рис. 7) аналогичная фигура мужского божества изображена стоящей между ветвистыми рогами оленя [17]. Рассматривая эти навершия, Тальгрен приходит к выводу, что здесь изображено верховное мужское божество — бог солнца и плодородия, связывает этот образ с сиро-хеттским божеством Тешубом [18].

---

[11] А. О. Мнацаканян. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. СА, 1960, 2, стр. 149, 150.

[12] А. А. Мартиросян. Ук. соч., табл. X.

[13] Там же, стр. 100.

[14] К. Х. Кушнарева. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА, XXVII, 1957, стр. 135; А. О. Мнацаканян. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР. КСИИМК, 54, 1954, стр. 101.

[15] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. CXVII, CXVIII.

[16] Там же, стр. 144, рис. 124.

[17] Там же, табл. CXVIII, *26*, стр. 303, рис. 235.

[18] A. M. Tallgren. Caucacian Monuments. ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 163.

Очевидно, в круге этих переднеазиатских и кавказских аналогий может быть понято и осмыслено символическое значение майкопского и новочеркасского наверший, а также связанных с ними наверший Елизаветинского и Анапского курганов, воплощающих образ солнечного божества в виде оленя или птицы-оленя с рогами в виде священного дерева жизни.

Г. Д. БЕЛОВ

TERRA SIGILLATA ИЗ ХЕРСОНЕСА

При исследовании в XIX квартале Херсонеса, под средним нефом базилики, открытой в 1935 г., были найдены 39 краснолаковых обломков, из которых удалось склеить вазу. Недостает ножки и нескольких мелких обломков ее корпуса. Высота корпуса вазы 18 *см*, высота с ножкой 23,5 *см*, диаметр венчика 21 *см* [1] (рис. 1).

Глина вазы оранжевая, плотная, без блесток. Лак, покрывающий всю вазу снаружи и изнутри, отличается густым темнокрасным цветом и блестящей поверхностью. Верхняя половина вазы цилиндрическая со слегка вогнутыми стенками и отогнутым наружу венчиком. Нижняя ее часть имеет сферическую форму и переходит в подставку с тонкой шейкой. Верхняя часть вазы гладкая с неглубокими желобками. Нижняя, отделенная от верхней рельефными и углубленными поясками, украшена растительным рельефным орнаментом, состоящим из трех зон, расчлененных тонкими рельефными линиями.

Рис. 1. Краснолаковая ваза из Херсонеса

Верхняя зона заполнена волнистой лозой с листьями, обращенными поочередно то вверх, то вниз, с наклоном влево. Листья имеют сильно изрезанные края с остроконечными выступами. Между ними на тонких волнистых черенках, вытянутых по горизонтали, от лозы бегут влево мелкие виноградные кисти, состоящие из трех ягод каждая и помещенные последовательно вверху или внизу.

Листья второй зоны имеют менее изрезанный контур, они прикреплены не к лозе, а к горизонтальному пояску посредством тонкого волнистого черенка. В интервалах между листьями помещены трехчастные веерообразные кисти с круглыми ягодами. Листья и кисти наклонно обращены влево. Нижняя зона является зеркальным отражением средней: на ней точно такие же листья и кисти, но обращенные книзу. Ниже рельефного фриза поверхность вазы гладкая, с утолщением, переходящим к шейке подставки.

---

[1] Хранится в Гос. Эрмитаже. Инв. № Х. 1953. 474.

Для всех зон орнамента характерен спокойный равномерный ритм. Следует отметить общий его стиль: очень низкий рельеф, тонкие линии волны, черенков и контуров листьев, четкие формы всех элементов узора, тщательное выполнение рельефа. Орнамент в целом отличается стройной гармонической композицией: все его составные части согласованы друг с другом и выполнены в одном стиле.

Чувство меры мастера проявилось и в том, что рельефом украшена только нижняя половина вазы, верх же оставлен гладким. В противном случае поверхность вазы оказалась бы сильно перегруженной орнаментом. Особенностью формы вазы является более широкая и тяжелая ее нижняя половина, придающая сосуду монументальность и устойчивость. Эта черта отличает херсонесскую вазу от ваз, происходящих из Галлии и Германии, и Арреццо. Общими чертами являются отогнутый венчик и форма ножки. Сходство с ними наблюдается также в том, что корпус расчленен на два фриза — верхний гладкий, нижний с рельефом. Однако гладкий фриз у них, по сравнению с нашей вазой, очень узкий, нижний же широкий, что придает им иные пропорции. Корпус италийских ваз сильно расширяется кверху, форма их приземистая, херсонесская же более вытянутая[2]. Наиболее близок сосуд кратеру из Арреццо, но у последнего широкая подставка и иные контуры корпуса[3]. Близок по форме и арретинский кратер из Капуи, в частности его венчик, но в целом он все же не аналогичен[4]. Таким образом, херсонесская ваза остается своеобразной по форме, не похожей на другие.

Растительные мотивы, подобные изображенным на нашей вазе, имеются на ряде ваз, однако буквального совпадения нет[5]. Вазы Италии и Галлии к тому же обычно сильно перегружены декоративным убранством. По общему характеру орнаментов херсонесскую вазу можно сопоставить с арретинскими, их характеризует такая же чистота линий, их тонкость и изящество[6]. Стилистическое сходство с керамикой Арреццо позволяет отнести херсонесскую вазу к началу I в. и датировать ее временем не позднее эпохи Августа.

В 1957 г. в Херсонесе был найден обломок краснолаковой чаши (Х.1957. 40), принадлежавшей, по Дешелетту, к форме № 37[7], она широкая, приземистая на низкой кольцевой подставке. Сохранившаяся высота обломка 8 *см*, длина 11,5 *см* (рис. 2). Глина оранжевая, чистая, без блесток и вкраплений. Густой темно-красный лак покрывает наружную и внутреннюю стороны. Вверху снаружи уцелел валик, которому внутри соответствует вдавленный поясок. На основании аналогичных чаш можно предполагать у нее вверху небольшой гладкий фриз с венчиком-валиком[8].

На херсонесском обломке ниже рельефного фриза остается узкая гладкая полоса, отделенная от фриза тонким выпуклым пояском. В верхней части помещен пояс из шестилепестковых розеток. Под ним изображена сцена охоты: представлены группы зверей между деревьями. Левая груп-

---

[2] August Oxé. Arretinische Reliefgetässe vom Rhein. Römisch-germanische Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts, Frankfurt. A. M. 1933, табл. I, *1*; табл. V, *12;* табл. VI, *13;* табл. XVI, *72;* табл. XXVII, *117;* табл. XXXIX, *140;* LVIII, *22, 24* и др.; J. Dechelette. Les vases céramiques ornée de la Gaule romaine. I—II, 1904. Париж, табл. I, *11*; EAA, 1, Rom, 1958, рис. 796, *1a, 1m.*

[3] H. Walters. Catalogue of the Roman Pottery British Museum. London, 1908, табл. XLI, *12.*

[4] H. Walters. Ук. соч., табл. VI, L *54*; EAA, I, IV, *796.*

[5] A. Oxé. Ук. соч., табл. XI, *42*; табл. XLVIII, *177, 179, 181.*

[6] H. Dragendorf. Terra sigillata. Bonner Jahrbücher, XCVI—XCVII. Bonn, 1895, Табл. VI, *54, 57*; *103*, табл. II, *3, 6*; G. H. Chase. The Loeb Collection of Arretine Pottery. New York, 1908, табл. XII, *218*; XXI, *318, 319.*

[7] J. Dechelette. Ук. соч., I, табл. II *37;* H. Dragendorf. Ук. соч., табл. III, *37.*

[8] J. Dechelette. Ук. соч., том I, табл. VIII—XII.

па состоит из двух фигур — крупного зверя, на которого вскочила собака, вцепившаяся ему в шею. Судя по массивным формам, зверем мог быть медведь, стоит он на задних лапах, а передними опирается на дерево. Справа изображен лев, поднявшийся на задних лапах до уровня верхушки дерева. Определение фигуры льва сомнений не вызывает: изображение дает характерные для него формы — большая голова, массивная передняя часть и подтянутый живот. Правее льва видна нога, по-видимому, охот-

Рис. 2. Обломок краснолаковой вазы из Херсонеса

ника. Вверху от него ко льву тянется узкая линия (рука охотника?). Для деревьев характерны массивные искривленные стволы, с короткими толстыми ветками.

Контуры розеток, деревьев и фигур имеют сдвоенные очертания, из-за того, что форма-матрица накладывалась на сосуд несколько раз. После формовки выступающие части фигур были повреждены: смяты передняя часть льва и медведя. За счет изношенности формы можно объяснить и нечеткость фигуры медведя и собаки и некоторые детали, исполненные в слабом рельефе.

Аналогичный сюжет изображен на обломке вазы в собрании Лёб[9]. Представлена сцена охоты: бегущие вправо лев и медведь, затем дерево, за ним охотник на лошади, преследующий медведя, далее второе дерево. Вверху фриз украшен овами, внизу ограничен тонким пояском.

Однако этот фриз аналогичен нашему лишь по сюжету, исполнен же он из другой формы. На основании близких по стилю рельефных ваз наш фрагмент можно датировать началом I в.

Третий обломок чаши происходит из раскопок 1899 г. (Х.1899.149), высота 4,5 *см*, длина 9 *см* (рис. 3). Обломок принадлежал широкой и приземистой чаше на низкой кольцевой подставке[10]. Сохранилась нижняя часть чаши, на боковом ее фризе видны животное вправо и птица, разделенные волной с зубцами, вверху этот узкий фриз был ограничен вдавленным пояском, внизу — рельефным пунктирным пояском. Нижний фриз, под изгибом, состоит из двух узоров, чередующихся между собою: розетка

[9] G. H. Chase. Ук. соч., табл. VI, *136*.

[10] H. Dragendorf. Ук. соч., *96*, табл. II, *29*; J. Dechelette. Ук. соч., I, форма № 29, табл. I; H. Walters. History of Ancient Pottery, II, London, 1905; рис. 221.

внутри пунктирного круга и метопа в виде четырехугольника, образованного мелковолнистыми рельефными линиями с диагоналями — крестообразно пересекающимися извилистыми линиями, со звездочками на углах и в местах их пересечения, с пальметками, обращенными вверх и вниз. Ниже фриза два углубленных пояска. На внутренней стороне дна остаток клейма. Глина оранжевая, плотная, лак густой, блестящий, темно-красного цвета.

Рис. 3. Обломок краснолаковой чаши из Херсонеса

Мотив косого креста весьма распространен на вазах, происходящих из Галлии [11], откуда они широко вывозились. Период производства этих ваз Г. Комфорт определяет временем с 25—30 гг. до Траяна, Г. Драгендорф — I в. [12]

С аналогичным орнаментом в виде косого креста изданы фрагменты вазы у Дешелетта, но этот мотив усложнен дополнительными деталями [13].

Четвертый обломок кубка происходит из раскопок 1900 г. (Х.1900. 35), высота 8,5 *см*, глина оранжевая, лак красный, густой, блестящий (рис. 4).

По краю идет венчик в виде валика, под ним гладкий фриз, отделенный от следующего поясом-желобком, затем — фриз из ов, ниже фриз, ограниченный с обеих сторон пунктирными поясками. На фризе виден полумедальон с изображением орла в фас с повернутой влево головой.

Фрагмент принадлежал, по Дешелетту, вазе формы № 30 [14]. Такие же схематично и сухо исполненные овы имеются на многих вазах [15].

Кубок М. 1050 Британского музея, происходящий из Галлии (мастерские Lezoux), весьма близок обломку из Херсонеса как по форме, так и по

[11] H. Walters. Catalogue of the Roman Pottery..., табл. XXV, *555*; XXVIII, табл. X, стр. XXIX—XXXII.

[12] H. Comfort. Terra sigillata. RW, VII, стр. 1295—1352.

[13] Dechelette. Ук. соч., рис. 59; ваза на рис. 67, стр. 98. Там же, рис. 110—114 на стр. 184; H. Walters. History of Ancient Pottery. Табл. LXVII, LXVIII; F. Behn. Römische Keramik mit Einschluss der hellenistischen Vorstufen. Mainz, 1910, рис. 14.

[14] J. Dechelette. Ук. соч., I, табл. I, *30*.

[15] Там же, табл. XI; H. Walters. Catalogue of the Roman Pottery..., табл. XI, M *52*; табл. XXVII, M *1050*.

фризу из ов, на широком его фризе помещены аналогичные полумедальоны с изображением птиц, медальоны и другие украшения. Имеются также и характерные пунктирные вертикальные линии и горизонтальные перекладки вверху. Продукция мастерских Lezoux отличается схематизмом, сухостью и небрежностью исполнения рельефных украшений. Ж. Дешелетт форму № 30 датирует 75—110 гг., Г. Комфорт — 40—170 гг., Г. Драгендорф — I—II в.

Рис. 4. Обломок краснолакового кубка из Херсонеса

Наконец последний обломок сосуда типа Terra Sigillata происходит из раскопок 1908 г. (Х. 1908, 562), высота 6, ширина 5,5 *см* (рис. 5). Глина оранжевая, лак красный блестящий. Обломок является средней частью стенки чаши. Вверху видны вдавленные пояски, под ними овы и поясок из мелких зигзагов. На широком фризе помещено рельефное изображение Ники на колеснице влево, запряженной парой коней. В правой поднятой руке Ника держит венок, в левой пальмовую ветвь. Впереди рамка — вытянутый остроконечный овал, розетка и вертикальная линия с мелкими зигзагами. Фрагмент принадлежал, как и предыдущий, чаше формы № 30.

Овы и зигзаги находят себе аналогии на уже упомянутых образцах

Для изображения Ники на биге удалось найти фрагмент с таким близким изображением (рис. 6), что можно с полной уверенностью говорить о происхождении обеих ваз, к которым принадлежали обломки, из одной

Рис. 5

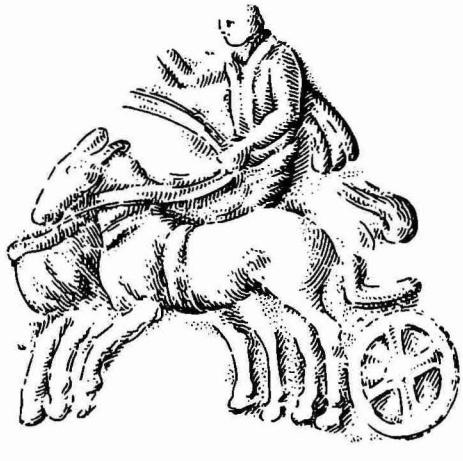


Рис. 6

Рис. 5. Обломок краснолаковой чаши с изображением Ники из Херсонеса
Рис. 6. Изображение Ники на краснолаковой чаше из Галлии

формы. В этом убеждают совершенно одинаковые детали на обоих обломках [16]. Так как сохранность их неодинакова, то, восполняя некоторые утраченные части изображения, они дополняют друг друга. Имеются и другие фрагменты ваз с подобным же сюжетом, однако они выполнены в иных формах [17].

Последний херсонесский фрагмент можно датировать, как и предыдущий, 40—170 гг., скорее — II в.

Количество фрагментов краснолаковой керамики (terra sigillata), найденных в Херсонесе, невелико, но на основании их все же можно сделать некоторые замечания.

Ваза и обломок сосуда с изображением охоты, найденные в северном районе Херсонеса, принадлежат началу I в. Происхождение и место их производства остаются пока неясными, отнести их к продукции арретинских мастерских вряд ли возможно, их фактура очень отличается от ваз Италии и Галлии.

Остальные мелкие фрагменты происходят, несомненно, из Галлии, в этом нас убеждают сходство форм, орнаментов, стилистические особенности и фактура, в частности лак, имеющий «сургучный» цвет. Все они найдены на юго-восточном участке Херсонеса, где, в цитадели, стоял гарнизон римского войска. Время появления гарнизона в Херсонесе — шестидесятые годы I в. Можно полагать, что краснолаковые чаши, которым принадлежали описанные фрагменты, привезены с собою римскими солдатами. Краснолаковые же вазы малоазийского происхождения, поступавшие путем торговли, найдены в Херсонесе сотнями, а их обломки — тысячами.

Так как впервые гарнизон римских солдат появился в Херсонесе в 60-е годы I в., то датировать описанные фрагменты следует концом I — первой половиной II в.

[16] J. Dechelette. Ук. соч., II, стр. 223, рис. 100, из Галлии.

[17] J. Dechelette. Там же, стр. 300, рис. 123; Ника вправо, кони не сохранились, надпись NICA.

Г. А. НУДЕЛЬМАН

ГУННСКИЙ КОТЕЛ ИЗ МОЛДАВИИ

Материальная культура восточных гуннов известна в основном по находкам из могильников и поселений, расположенных в Монголии и Забайкалье. Основные находки западных гуннов известны по материалам из Венгрии и Румынии. Предметов гуннской культуры в степях Восточной Европы найдено мало. Целью настоящей заметки является введение в научный оборот двух новых гуннских вещей с территории Молдавии. Речь идет о характерных находках — бронзовом котле и медном котелке.

На среднем течении Днестра в апреле 1962 г. на окраине с. Шестачи Резинского района Молдавской ССР тракторист Н. М. Горун обнаружил при пахоте на своем приусадебном участке на глубине 0,8 *м* котел, внутри которого находился медный котелок [1].

Котел (рис. 1) бронзовый, литой. По форме котел напоминает массивную вазу, чуть суживающуюся и округленную в нижней части тулова, на полой усеченно-конической ножке. В нижней части котла имеются две бронзовые заплаты, наложенные еще в древности. Внешние стенки котла украшены геометрическим орнаментом в виде рельефных валиков и кружочков. На стенках котла хорошо сохранился толстый слой нагара.

[1] Находки хранятся в Гос. историко-краеведческом музее МолдССР.

Высота котла 53 *см*, диаметр горловины — 35 *см*, высота ножки 10,5 *см*, диаметр ножки — 20 *см*, длина сторон ручек — 14 *см*, толщина стенок — 1,4 *см*, вес котла — 29 *кг*.

У котла две «П»-образной формы ручки, на каждой из которых четыре грибообразных выступа. Верхняя сторона выступов — дугообразная. По правой и левой сторонам ручек — еще по одному грибообразному выступу.

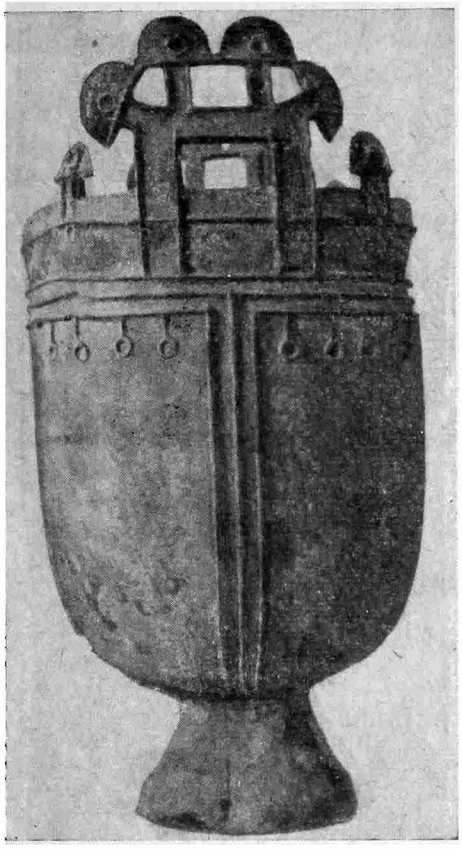


Рис. 1. Бронзовый гуннский котел из с. Шестачи в Молдавии

Близким по типу к найденному является котел из станицы Ивановской на Дону [2]. Такие котлы известны на территории Румынской Социалистической и Венгерской Народной Республик, где они датируются началом V в. [3]. Наиболее близкой аналогией котлу из с. Шестачи является котел из Десса-Чуперчень в Румынской Социалистической Республике.

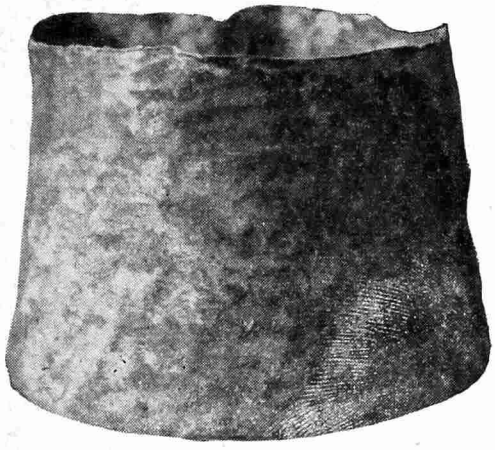


Рис. 2. Медный гуннский котелок из с. Шестачи в Молдавии

В шестачевском котле был обнаружен небольшой котелок (рис. 2), кованый из цельного листа красной меди, толщиною 1 *мм*. Форма котелка — усеченный конус, с выпуклым днищем. На стенках его в средней и нижней части тулова имеются три медные заплаты и пробоины. Сосуд деформирован еще в древности. На стенках котелка сохранился слой нагара. Высота его — 17 *см*, диаметр горловины — 16 *см*, диаметр днища — 21,5 *см*.

Вместе с котлом и котелком были обнаружены фрагменты грубой лепной керамики, большинство которых составляют обломки стен сосудов баночной формы.

---

[2] Fettich Nandor. La trouvaille de tombe princière hunnique à Szeged-Nagyszèksos. AH, XXXII, Budapest, 1953, стр. 142, табл. XXXVI, 4.

[3] Fettich Nandor. Там же, стр. 139—144, табл. XXVI, XXXVI; Joachim Werner. Beiträge zür Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 57—61, табл. XXXVII, *10*, *11*; табл. XXVIII, *1*, *2*, *3*, табл. 64, *18*, *19*, *20*, *21*; табл. 71, *k.5*; Nestor, I, C. S. Nicolăescu-Plopsor. Hunnisce Kessel aus der Kleinen Walachei. Germania, XXI, 1937, стр. 178—182; B. Mitrea, N. Anghelescu. Fragmente de cazan hunic descoperite in sud-estul Munteniei. SCIV, XI, 1, 1960, стр. 155—157.

Касаясь вопроса о назначении котлов, можно отметить, что по этому поводу существуют разные точки зрения. А. Н. Бернштам считал, что котлы служили для изготовления пищи. Высокая ножка позволяла легко разводить под ним огонь. Большой объем котлов предполагает, что пища в нем готовилась на большое количество людей [4].

И. Вернер, Н. Феттих, М. Пардуц, Б. Митря полагают, что котлы предназначались для жертвоприношений и иных культовых действий [5].

Описанные выше предметы являются первыми находками гуннской культуры, обнаруженные до сего времени на территории Прутско-Днестровского междуречья.

---

[4] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 201.

[5] N. Fettich. Ук. соч.; J. Werner. Ук. соч., B. Mitrea, N. Anghelescu. Ук. соч.; Altheim Franz. Geschichte der Hunnen, 5, Berlin, 1962; Mihàly Párduez. Die ethnischen Probleme der Hunnenzeit in Ungarn. Budapesta, 1963.

С. И. КОЧКУРКИНА

КУРГАНЫ НА РЕКЕ ПАШЕ

Раскопки в Ленинградской области на р. Паше в 1965 г. дали интересные материалы по истории населения Приладожья XI—XIII вв.

Курган № 1 у дер. Новой, в 0,5 *км* ниже по течению реки за первым ручьем — наиболее ранний из раскопанных нами. Насыпь его полусферической формы, высотой 1,5—1,9 *м*, диаметр с запада на восток — 9,9 *м*; с севера на юг — 11,4 *м*. В кургане были три костяка, из них два плохой сохранности, головами на юго-восток, без вещей. Наиболее интересным оказалось четвертое захоронение девочки. Около шеи погребенной — четыре бронзовых бубенчика, два клыка с просверленными отверстиями, западноевропейская монета XI в., шиферное пряслице, двойная «лимонка», светло-серый бисер, пять пастовых бус, бронзовый браслет, крученный из тонких, круглых в сечении проволочек. (Здесь он использовался как гривна.) На груди — две маленьких круглых пряжки с подвижными иглами и с закрученными концами. На руке — витой бронзовый браслет с завязанными концами. При погребении найдены лировидная пряжка, фрагмент прорезной подвески-уточки. У правого бока — маленький нож с костяной ручкой. Рядом с погребением слева от него — миниатюрный горшочек со скошенным внутрь венчиком, украшенный волнистым орнаментом. В Южной части насыпи кургана — скопление гончарной керамики.

Большинство вещей детского погребения датируется XI—XII вв. Витые браслеты с завязанными концами А. А. Спицын [1] относит к XI в. Они известны у кривичей, во владимирских курганах, у латгалов и в других местах. В приладожских курганах браслеты часто встречаются с монетами XI в.

---

[1] А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, 29, 1903, стр. 49.

Бытование сложно-витых браслетов (рис. 1, *5*) А. А. Спицын определял временем от XII до XIII вв. В Новгороде такой браслет есть из слоя XI в., два найдены в слое XIV в.

Прорезные подвески-уточки в Приладожье бытовали в X—XI вв.[2] В погребениях они неоднократно встречены с монетами XI в. На других территориях подвески-уточки бытуют длительное время. В Новгороде они

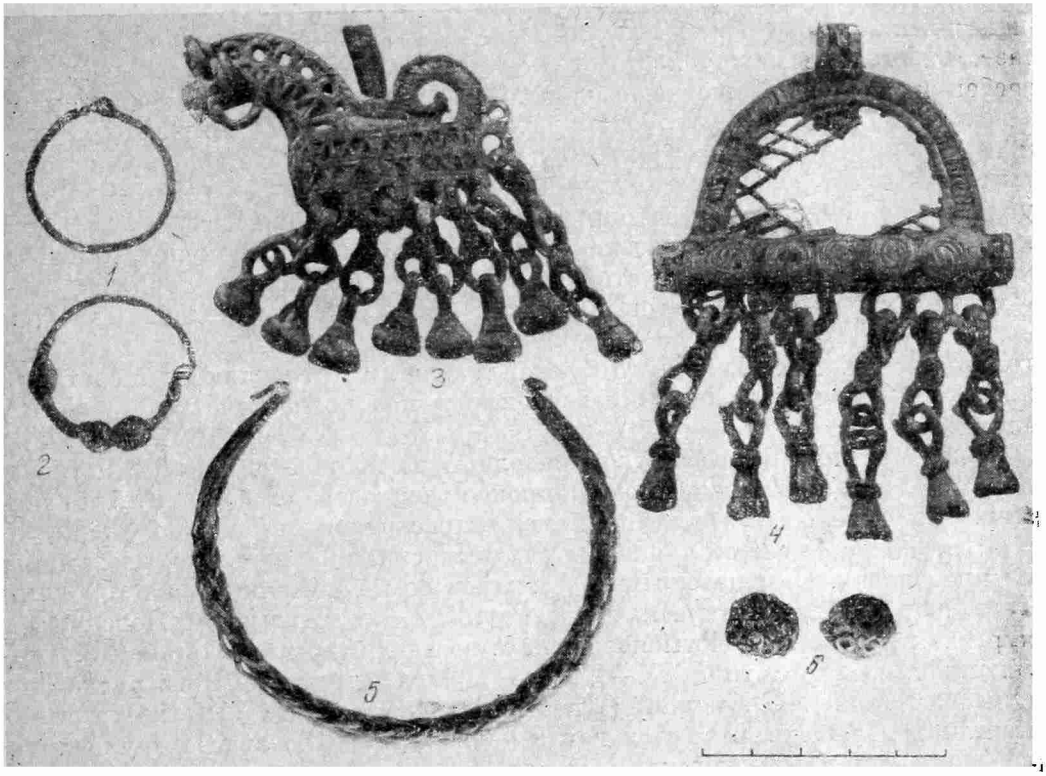


Рис. 1. Находки из курганов по р. Паше

1, 2 — височные кольца из кургана № 1 у дер. Щипняк; *3, 4* — подвески из кургана № 1 у дер. Щипняк; *5* — гривна из кургана у дер. Новой (первый ручей); *6* — бусы из кургана № 3 у дер. Новой

найдены в слоях X и рубежа XI—XII вв.[3], в Финляндии характерны для памятников X—XII вв.[4], в костромских курганах они датируются XII в.[5] К тому же времени относятся бусы «лимонки» и лировидные пряжки. На основании анализа инвентаря это погребение датируется XI — началом XII в. и является характерным для приладожских памятников этого времени.

Курганная группа у дер. Щипняк открыта автором в 1965 г. Могильник состоял из пяти насыпей, из которых нами раскопана одна, не испорченная кладоискательскими ямами.

Курган, высотой — 1,9 *м* и диаметром в 8,5 *м* имеет округлую форму. В вершине насыпи кургана обнаружен скелет плохой сохранности, с западной ориентировкой, без вещей. На глубине 0,75 *м* — мужское погребе-

---

[2] Я. В. Станкевич. Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археологический сборник, Петрозаводск, 1947, рис. 9.

[3] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, 65, 1959, стр. 230.

[4] E. Kivikoski. Die Eisenzeit im Auraflussgebiet, Helsingfors, 1939, табл. XXXV, 2.

[5] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, X, 6—7, 1931, стр. 17.

ние, при котором найдены железный топор, бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой и полукруглым приемником, кресало и железный предмет неопределенного назначения.

В южной части кургана, на глубине 1,6 *м*, на подсыпке из белого песка прослежено погребение головой на юг — юго-восток. Руки костяка вытянуты, кисти сложены на тазе. На правом боку — железный нож с костяной ручкой, у ног — железная пряжка.

Под центром кургана, головой на юг на глубине 1,7 *м* захоронены две женщины. Костяки лежали на спине, руки вытянуты и кисти сложены на тазе. Расстояние между костями — 30 *см*. На правом виске первого погребения височное бронзовое кольцо с завитком на одном из концов (рис. 1, *1*), на левом — другое и обломки третьего. На шее женщины — посеребренные бочонкообразные бусы, бронзовая пуговица с продолговатым ушком, на руках браслеты с несомкнутыми концами (один — прямоугольный в сечении, другой округлый). У правого бока погребенной была коньковая «шумящая» подвеска (рис. 1, *3*) на кожаном ремешке и железный нож. На правом виске второго костяка — два височных кольца: одно с завитком, на другом — три плетеных неподвижно закрепленных бусины (рис. 1, *2*). На груди — стеклянная округло-уплощенная бусина с тонким отверстием. У правого бока был арочный игольник на шерстяном шнурке с восьмеркообразными звеньями и колоколообразными привесками (рис. 1, *4*).

Височные кольца с завитком на одном из концов, сделанные из круглой в сечении проволоки, имеют широкое распространение. А. В. Арциховский [6] указывал, что этот тип колец распространен на большой территории: от Чехии до костромских и владимирских кривичей, нигде заметно не преобладая. Они известны в Алекановском могильнике [7], на городище Тешилове [8], среди вятических древностей [9], в Костромском Поволжье в курганах рубежа I и II тысячелетия [10], во владимирских курганах [11], в памятниках юмского типа IX—XI вв., в слоях древнего Новогрудка [12], в курганах Минской губернии [13] и Новгородской земли [14]. В костромских курганах кольца встречаются как в первой, так и во второй группах погребений, но в последних преобладают [15]. Один экземпляр опубликован Е. И. Горюновой [16] (одиночный курган у пустоши Кубасовой в Костромской области). В приладожских курганах [17] известно около 60 экземпляров колец этого типа, разных по величине (от 2 до 4 *см* в диаметре). Несколько раз они были здесь встречены в погребениях с монетами XI в.

---

[6] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 62.

[7] В. А. Городцов. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками. АИЗ, М., 1897, 12.

[8] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 62.

[9] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. 14, 2.

[10] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. МАВГР, III, 1899, табл. I, *1*.

[11] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, 15, СПб., 1905, рис. 130.

[12] К. В. Павлова. Раскопки могильника близ Новогрудка. КСИА АН СССР, 104, 1965, стр. 105.

[13] А. Ляуданскі. Археолёгічныя досьледы ў Смоленшчыне. Працы, III, Менск, 1932, табл. VI, *17*, *18*.

[14] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского МАР, 20, 1896, табл. 1, *12*; его же. Гдовские курганы..., табл. XX, *1*.

[15] П. Н. Третьяков. Ук. соч., табл. II, *1*, *3*.

[16] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, М., 1961, рис. 94, *7*, *13*.

[17] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, 18, 1895, рис. 8; В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. ИГАИМК, 94, 1934, табл. XII, *8*, XIII, *18*.

Височные кольца из курганов у дер. Бретянка несколько иного характера и представляют собой местный вариант описываемого типа колец [18].

Височные кольца с тремя напущенными бусинами встречаются среди древностей среднерусских племен. В Приладожье они немногочисленны [19].

Полые коньковые «шумящие подвески» М. В. Седовой [20] датированы XIII—XIV вв. К этому же времени П. Н. Третьяков [21] относит коньковые подвески из костромских курганов. Наш экземпляр в общих чертах сходен с известными типами подвесок, но у него есть и отличия. У игольника арочной формы — шесть восьмеркообразных звеньев, заканчивающихся колоколообразными привесками. Подобный известен в раскопках Н. Е. Бранденбурга [22], но имеет иные подвески. Игольник найден с монетами VIII и X вв. Вряд ли это может служить аргументом для датировки, поскольку курган, где эта вещь найдена, раскапывался местным землевладельцем Извековым, по словам Н. Е. Бранденбурга «ненадлежащим образом».

Бочонкообразные посеребренные бусы датированы монетами XI в., но встречаются и в слое XII в.[23]. По новгородской стратиграфии они бытуют в пределах конца X — середины XIII вв. [24]

В мужском погребении найдена бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой и полукруглым приемником. Пряжки такого типа известны в костромских древностях. П. Н. Третьяков относит их ко второй половине XII в. [25]. В Новгороде встречены две таких пряжки, одна в слое XII в., другая — в слое XIII в. [26]

Погребения этого кургана можно датировать концом XII—XIII вв. (за исключением первого погребения — более позднего времени) и принадлежат, вероятно, ославянизированному местному финскому населению.

Группу, расположенную за вторым ручьем у дер. Новой, исследовал Н. Е. Бранденбург [27]. Она состоит из низких курганов (более 30) небольших размеров. Исследователем раскопаны три насыпи, давшие незначительные остатки человеческих костей. В 1965 г. нами раскопано здесь три кургана. Высота насыпей — 0,6—0,85 *м*, диаметр 6,8—8,4 *м*.

Курган № 1. Под дерном насыпи встретился костяк женщины. Погребенная лежала на слое прокаленной земли, головой на запад, руки сложены на груди. На левом виске — четыре проволочных бронзовых кольца с завитком. На шее — шесть медных бусин с напаянными на поверхность медными колечками (рис. 1, *6*) и две пастовых серых. На левой руке — бронзовая тонкая фигурная пряжка с язычком, у правого бока — железный нож. Ниже, на уровне горизонта, было погребение мужчины, головой на запад. У левого виска находился небольшой железный нож.

Второй мужской скелет лежал в могильной яме, головой на запад. Глубина ямы — 0,15 *см*, ширина — 0,7 *м*. Кисть левой руки — на тазе, правая согнута и лежит на поясе. На левой стороне таза — железный нож.

Курган № 2. На глубине 0,7 *м* — костяк, ориентированный головой на юг. При костяке найдены фрагменты неопределенных железных изделий и нож.

На уровне горизонта — скелет женщины головой на юг — юго-запад. На шее — три бронзовые маленькие бусины. В восточной поле кургана залегал слой белой глины.

---

[18] К. В. Павлова. Ук. соч.
[19] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., табл. IV, *4*.
[20] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 231.
[21] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 26.
[22] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., табл. IV, *4*.
[23] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 139, 145.
[24] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 172.
[25] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 18.
[26] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 258.
[27] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 103.

Курган № 3. Выше горизонта на 0,8 *м* и в 1 *м* на север от центра кургана обнаружены остатки таза и ног. Вещей нет.

Второе погребение в кургане ориентировано головой на юго-запад. На шее — одна серая пастовая бусина.

На 0,25 *м* ниже предыдущего — третий костяк, ориентированный головой на запад. Он лежал в могильной яме (глубина — 0,25 *м*, ширина — 0,75 *м*). В ногах скелета была деревянная доска. У левого бока — нож, в области живота — обломок серебряной монеты восточного происхождения X в., у правого бока — железное продолговатое кресало.

Среди вещей женского погребения интересны бусы, которые А. А. Спицын[28] называет медными глазчатыми и считает подражанием филигранным киевским золотым и серебряным бусам. Они встречаются в курганах эстляндских и владимирских[29], но нигде не найдены в таком количестве, как в курганах петербургских[30]. А. А. Спицын датирует их XI—XIII вв.

Овальные удлиненные кресала появились в середине XII в., и бытовали до середины XIII в.[31]

Медные глазчатые бусы и овальное кресало позволяют датировать курган № 3 концом XII — началом XIII в.

Наличие курганов в Приладожье в XIII в. свидетельствует о длительном существовании здесь языческих обрядов. Курган у дер. Щипняк и группа за вторым ручьем у дер. Новой различаются по погребальному обряду и, по-видимому, принадлежали различным группам населения.

---

[28] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., стр. 14.

[29] J. R. Aspelin. Antiquités du nord finno-ougrien. V, Helsingfors, 1884, № 1912.

[30] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. XI, *4*.

[31] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, стр. 101.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААНЛ— Архив Академии наук в Ленинграде
АГ — Археология Грузии, Тбилиси, 1959
АИЗ — Археологические известия и заметки
БКИЧПЕ — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода Европы
БСАРГРУ — Бюллетень Среднеазиатского районного геолого-разведочного управления
ВАИ — Вестник археологии и истории
ВАН КазССР — Вестник Академии наук Казахской ССР
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВитГВ — Витебские губернские ведомости
ВЛУ — Вестник Ленинградского госуд. университета
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
ВООН — Вестник Отделения общественных наук Академии наук Грузинской ССР
ВЭИНП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики
ДАН В — Доклады Академии наук, серия В
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАНО — Записки С.-Петербургского археолого-нумизматического общества
ЗАО — Записки Археологического общества
ЗапБАН — Записки Белорусской Академии наук
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии
ИАИ — [ИБАИ] — Известия на Българския археологически институт
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. Аз. ФАН СССР — Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР
Изв. Арм. ФАН СССР — Известия Армянского филиала Академии наук СССР
Изв. Средазкомстариса — Известия Среднеазиатской комиссии по охране памятников старины и искусства
ИИАЭ АН ГССР — Институт истории, археологии и этнографии Грузинской ССР
ИИЯИМК Груз. ФАН СССР — Известия Института языка, истории материальной культуры
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИООИА — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана
ИРАО — Известия Русского археологического общества
ИРГО — Известия Русского географического общества
КБВС — Кавказско-Ближневосточный сборник. Тбилиси
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МДАПВ — Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИАЛ — Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР
МИГК — Материалы по истории Грузии и Кавказа
«Мимомхилвели» — Обозрение Института истории Ак. наук Груз. ССР
МКА — Материальная культура Азербайджана
МОИП — Московское общество испытателей природы
МПОРРП — Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарской АССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПК Вит. Г.— Памятная книжка Витебской губернии
Працы — Працы археолёгічнай камісіі
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
САИ — Свод археологических источников
САН ГССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук СССР
СЭ — Советская этнография
Тр. Абхаз. ИЯЛИ — Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории
» ВОМПК — Труды Виленского отделения Московск. предварительного комитета по устройству в Вильно IX археологического съезда
» ГИМА — Труды Гос. исторического музея Армении
» ГМГ — Труды Гос. музея Грузии

» ИГН — Труды Ин-та геологических наук
» ИИ АН АзССР — Труды Института истории Академии наук Азербайджанской ССР
» ИИАН Кирг.ССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР
» ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
» ИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР
» ИИАЭ АН УзССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Узбекской ССР
» ИИФ АН АзССР — Труды Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР
» ИЯЛИ АН КиргССР — Труды Института языка, литературы, истории Академии наук Киргизской ССР
» КАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
» КИЧПЕ — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода Европы
» МКИЧПЕ — Труды «Международной конференции» Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы
» ОВЭ — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа
Труды ОИПКГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
» ПОКЭ — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
» ТГУ — Труды Тбилисского гос. университета
» САГУ — Труды Средне-азиатского гос. университета
» ХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
» ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
AA — Acta Archaeologica. Annual Bulletin of Classical Archeologici
ArchAnz — Archäologischer Anzeiger
AAB — Acta Archaeologica Budapesta
ABS — The Annual of the British School at Athen
AE — Archeologije un etnografija
AK — Antike Kunst
AJA — American Journal of Archaeology
AH — Archaeologia hungarica. Budapest
AP — Archeologia Polski
AR — Archeologické Rozhledy
AS — Anatolian Studies
CR — Clara Rodos
CVA — Corpes Vasorum Antiquorum
DAGR — Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris 1892—1919
Die Antike — Die Antike Zeitschrift für Kunst und Kulture der klassischen Altertüms
EAA — Enciclopedia dell'arte Antika classica e orientale
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
FA — Fasti Archaeologici
JGS — Journal of Glass Studies
GGA — Göttingische Gelehrte Anzeiger
HA — Handbuch der Archäologie
IHKM PAN — Institut Historii Kultury Materialnej (Польской академии наук)
JD — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
LVM — Raksti (Труды Музея истории Латв.ССР)
MA — Matierialy Archeologiczne
MAAR — Memoires of the American Academy in Rome
PWK — Pauly — Wissowa — Krol. Real — Enzyklopädie der Classischen Altertümswissenschaft
RA — Revue Archéologique
RM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung
SA — Silesia Antiqua
SCIV — Studii ci cerçetari de istorie veche
SIN — Biuletyn Slaskiego Instytutu Naukowego
SLA — Slovencka Archeológia
SI. A — Slavia Antika
TV — Par tehnikas vesturi Latvijas PSR
WA — Wiadomósci Archeologiczne

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1967 г.

Статьи

	№	стр.
К. А. Акишев. Археология в Казахстане за Советский период	4	62
Л. В. Алексеев. Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XIX в.	4	5
В. П. Алексеев. Антропология андроновской культуры	1	22
А. М. Апакидзе. Развитие археологической науки в Советской Грузии	4	
Б. Н. Аракелян, А. А. Мартиросян. Археологическое изучение Армении за годы Советской власти	4	26
Е. Атагаррыев, О. Бердыев. Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти	3	124
О. Н. Бадер. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь	3	142
В. А. Башилов. Периодизация культуры мольо в Боливии XI—XVI вв.	1	99
С. Н. Бибиков. К 50-летию археологической науки на Украине	3	47
В. Д. Будько, А. Г. Митрофанов. Археология в Белоруссии за Советский период	4	123
Р. М. Вайдов, И. Г. Нариманов. Развитие археологической науки в Советском Азербайджане	4	48
Д. Ф. Винник. Пятьдесят лет советской археологии в Киргизии		
Р. Волкайте-Куликаускене. Успехи археологической науки в Литовской ССР	3	91
А. С. Воскресенский. Полихромные майолики золотоордынского Поволжья	2	79
Г. В. Грошевой, Л. Л. Галкин, М. А. Зайончковский. Археологическая разведка магнитометром направленного действия	3	191
И. И. Гущина. О сарматах в юго-западном Крыму	1	40
Г. Ф. Дебец. Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирьской стоянке	3	160
Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде	1	74
А. А. Иерусалимская. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье	2	55
Я. К. Козловский. Некоторые вопросы относительной хронологии неолита Южной Польши	4	178
А. А. Коновалов. Географические названия в берестяных грамотах	1	84
Ю. А. Краснов. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы	1	3
О. Ю. Круг, Э. Бажанов. Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв.	1	52
Б. А. Литвинский. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы	2	29
Б. А. Литвинский. Археология Таджикистана за годы Советской власти	3	106
Г. А. Лордкипанидзе. Животноводство и промыслы античной Колхиды	1	27
В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии	3	165
Х. А. Моора. Основные результаты археологических исследований в Советской Эстонии	3	82
Ю. А. Мочанов. Белькачинская неолитическая культура на Алдане	4	164
А. Р. Мухамеджанов. Развитие археологической науки в Узбекистане в годы Советской власти	4	93
И. С. Николаев. Античная техника в строительстве Гардского моста	2	38
М. К. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаб	1	60
Пятьдесят лет советской археологии	3	3
А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, Л. П. Хлобыстин, В. П. Любин, Е. А. Векилова, Л. Я. Крижевская, О. Н. Бадер, М. Ф. Косарев, К. Ф. Смирнов, Н. И. Сокольский, Л. П. Зяблин, А. П. Смирнов, Р. Л. Розенфельдт. Достижения археологической науки в РСФСР	3	9
Б. А. Рыбаков. Русалии и бог Симаргл-Переплут	2	91

	№	стр.
Ю. А. Савватеев. О новых петроглифах Карелии	2	3
Г. Д. Смирнов, Л. Л. Полевой. Археология Молдавии в годы Советской власти	3	73
Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Тали-Барзу	2	22
А. Я. Стубавс. Археология в Советской Латвии	4	103
К. К. Шилик. Опыт электроразведки методом симметричного профилирования	3	205
К 60-летию М. М. Герасимова	3	212
К 75-летию К. Э. Гриневича	4	187
К 70-летию Т. И. Книпович	4	189
К 60-летию А. И. Тереножкина	4	190
К 60-летию С. П. Толстова	1	111
Памяти А. Я. Брюсова	2	117

Публикации

В. Г. Алиев. Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане	1	115
Ю. И. Аренкова. О происхождении изразцовых рельефов Успенского собора в г. Дмитрове	2	224
Ю. С. Асеев, М. И. Сикорский, Р. Я. Юра. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком	1	199
С. С. Березанская. Тшинецко-комаровская культура на Северной Украине	2	120
Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Смоленский детинец и его памятники	3	287
А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова. Новые данные об архитектуре Волжских Булгар	4	274
А. Ф. Ганялин. Раскопки 1959—1961 гг. на Алтын-Тепе	4	207
А. Д. Грач. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени	3	215
О. Д. Дашевская. Эллинистическая расписная керамика из северо-западного Крыма	1	162
В. И. Довженок. Древнерусские городища на Среднем Днепре	4	260
С. А. Изюмова. О бронзолитейном производстве Сатинского городища	1	122
Е. Г. Кастанаян. О мозаичных полах Аполлонии Иллирийской	4	248
К. К. Кафадарян. Новые данные по архитектуре Урарту	4	237
М. М. Кобылина. Форма с изображением сирены из Фанагории	1	169
И. И. Коробков. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения	4	194
А. Э. Кустин. Археологические памятники начала II тысячелетия на островах Саарема и Муху	1	176
М. Х. Маннай-оол. Древнее изображение горного козла в Туве	1	140
А. А. Мартиросян. Раскопки Аргиштихинили	4	220
И. Д. Марченко. Местная расписная керамика Пантикапея VI—V вв. до н. э.	2	146
А. Ф. Медведев. Из истории Старой Руссы	3	265
В. Г. Миронова. Языческое жертвоприношение в Новгороде	1	215
О. В. Обельченко. Погребение сарматского типа под Самаркандом	2	181
Н. А. Онайко. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора	2	155
М. Н. Погребова. Урартские мечи из Закавказья	2	137
Г. А. Пугаченкова. Две ступа на юге Узбекистана	3	257
А. П. Смирнов, С. А. Янина. Находка редких золотых перстней в Болгарах	3	303
Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы близ с. Демьянки	1	187
С. М. Финогенова. Античные медицинские инструменты	1	147
А. М. Хазанов. Сарматские мечи с кольцевым навершием	2	169
Н. В. Холостенко. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове	2	188
А. Н. Щеглов. Исследование сельской округи Калос Лимена	3	234

Заметки

И. Ахраров. Глиняная головка с согдийской надписью с Афрасиаба	4	293
Г. Д. Белов. Terra Sigilata из Херсонеса	4	301
А. В. Бодянский. Неолитический сосуд с Днепровского надпорожья	2	232
С. А. Высоцкий. Граффити золотых ворот в Киеве	1	274
А. Г. Губаев. Новый памятник сасанидского времени в Южном Туркменистане	1	262
В. С. Драчук. Стела со знаками из Теребовельщины	2	243

	№	стр.
В. Л. Егоров. Древний штандарт из Хакасско-Минусинской котловины	1	250
Ю. А. Заднепровский. Тюркские памятники в Фергане	1	270
В. А. Ильинская. Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев	4	295
В. Ф. Исаенко. Находка со знаком Рюриковичей	2	250
В. И. Козенкова. Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии	1	266
В. А. Комаров, А. Ф. Фокин, Г. С. Франтов. О применении метода вызванной поляризации при археологических поисках кострищ с углем	1	301
К. В. Кострин. Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани	1	285
С. И. Кочкуркина. Курганы на р. Паше	4	308
В. А. Кучкин. Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд	1	289
И. А. Лунегов. Усть-язьвинская находка идола	2	242
В. П. Любин. Мустьерский наконечник копья из Северной Осетии	4	286
П. Ф. Лысенко. Свинцовые иконки из древнего Турова	1	281
М. И. Максимова. Еще раз о дате Артюховского кургана	2	240
В. И. Мамонтов. Курган эпохи бронзы у с. Цацы близ Волгограда	1	236
О. А. Махнева. Расписной эллинистический сосуд из Неаполя Скифского	1	253
А. М. Микляев. Идол из Усвятского торфяника	4	287
Г. А. Нудельман. Гуннский котел из Молдавии	4	306
С. Н. Орлов. Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода	2	233
Т. Б. Попова. Новый памятник поздняковской культуры	1	239
Г. А. Пугаченкова. Погребение монгольского времени в Халчаяне	2	252
А. П. Рунич. Энеолитическое поселение близ Кисловодска	1	223
В. П. Третьяков. Волосовская керамика Панфиловской стоянки	1	233
М. Д. Хлобыстина. К семантике карасукских лапчатых подвесок	1	246
М. Д. Хлобыстина, Л. П. Хлобыстин. Литейная форма из Южного Зауралья	2	236
В. И. Цехмистренко. Заметки о синопских клеймах	1	256
Е. Н. Черных. О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других	1	295
М. М. Чернявский. Фигурки человека со стоянки Осовец II	4	291
Ю. Г. Чуланов. Некоторые новые памятники Северной Ферганы	2	245

Критика и библиография

В. Д. Блаватский. Colloques Internationaux du Centre National de la recherche scientifique	2	259
Г. К. Вагнер. По поводу рецензии А. В. Столетова	2	276
В. Б. Вилинбахов. В. П. Шушарин. Современная буржуазная историография Древней Руси	1	309
Л. А. Голубева. В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры	1	305
Б. А. Кузнецов. Т. М. Минаева. Очерки по археологии Ставрополья	3	315
В. А. Могильников. Железный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции, т. II	2	260
В. В. Седов. П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге	3	307
А. В. Столетов, Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси	2	268
Г. А. Федоров-Давыдов. Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья	2	266

Хроника

Н. М. Андрунина, Э. А. Сымонович. Седьмая археологическая сессия в Одессе	2	279
Г. А. Архипов. Научная сессия по этногенезу марийского народа	1	317
П. М. Кожин. Сессия Отделения истории и пленум ИА АН СССР	2	289
И. М. Мизиев. Научная сессия об этногенезе осетинского народа	2	296
В. И. Сарианиди, З. И. Усманова. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 20 лет	1	314
Г. А. Федоров-Давыдов. Археологическая поездка в Тунис	2	282

Некрологи

Д. И. Блифельд	3	319
В. Ф. Гайдукевич	2	299
П. И. Мещанинов	3	319
К. В. Сальников	1	322
В. А. Шишкин	2	301

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. М. Апакидзе (Тбилиси). Развитие археологической науки в Советской Грузии 5
Б. Н. Аракелян, А. А. Мартиросян (Ереван). Археологическое изучение Армении за годы Советской власти 26
Р. М. Ваидов, И. Г. Нариманов (Баку). Развитие археологической науки в Советском Азербайджане 48
К. А. Акишев (Алма-Ата). Археология в Казахстане за Советский период . 62
Д. Ф. Винник (Фрунзе). Пятьдесят лет советской археологии в Киргизии . 79
А. Р. Мухамеджанов (Ташкент). Развитие археологической науки в Узбекистане в годы Советской власти 93
А. Я. Стубавс (Рига). Археология в Советской Латвии 103
В. Д. Будько, А. Г. Митрофанов (Минск). Археология в Белоруссии за Советский период 123
Л. В. Алексеев (Москва). Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XIX в. 146
Ю. А. Мочанов (Якутск). Белькачинская неолитическая культура на Алдане 164
Я. К. Козловский (Варшава). Некоторые вопросы относительной хронологии неолита Южной Польши 178
К 75-летию К. Э. Гриневича 187
К 70-летию Т. Н. Книпович 189
К 60-летию А. И. Тереножкина 190

Публикации

И. И. Коробков (Ленинград). Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения 194
А. Ф. Ганялин (Ашхабад). Раскопки 1959—1961 гг. на Алтын-Тепе 207
А. А. Мартиросян (Ереван). Раскопки Аргиштихинили 220
К. К. Кафадарян (Ереван). Новые данные по архитектуре Урарту 237
Е. Г. Кастанаян (Ленинград). О мозаичных полах Аполлонии Иллирийской 248
В. И. Довженок (Киев). Древнерусские городища на Среднем Днепре . . . 260
А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов (Москва), **Т. А. Хлебникова** (Казань). Новые данные об архитектуре Волжских Булгар 274

Заметки

В. П. Любин (Ленинград). Мустьерский наконечник копья из Северной Осетии 286
А. М. Микляев (Ленинград). Идол из Усвятского торфяника 287
М. М. Чернявский (Минск). Фигурка человека со стоянки Осовец-II . . . 291
И. Ахраров (Ташкент). Глиняная головка с согдийской надписью с Афрасиаба 293
В. А. Ильинская (Киев). Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев 295
Г. Д. Белов (Ленинград). Terra sigillata из Херсонеса 301
Г. А. Нудельман (Кишинев). Гуннский котел из Молдавии 306
С. И. Кочкуркина (Москва). Курганы на р. Паше 308
Указатель статей, опубликованных за 1967 г. 315

SOMMAIRE

Articles

A. M. Apakidze (Tbilisi). Le développement d'archéologie en Géorgie Soviétique 5
B. N. Arakelian, A. A. Martirossian (Erevan). L'archéologie en Arménie à l'époque Soviétique 26
R. M. Vahidov, I. G. Narimanov (Bakou). Le développement d'archéologie en Azerbaidjan Soviétique 48
K. A. Akichev (Alma-Ata). L'archéologie en Kazakhstan pendant le période Soviétique 62
D. F. Vinnik (Frounzé). Cinquante années d'archéologie soviétique en Kirguisie 79
A. R. Mouhamedjanov (Tachkent). Le développement d'archéologie en Ouzbekistan Soviétique 93
A. J. Stoubavs (Riga). L'archéologie en Lettonie soviétique 103
V. D. Bud'ko, A. G. Mitrofanov (Minsk). L'archéologie en Bielorussie pendant le période soviétique 123
L. V. Alexeeve (Moscou). Apersue d'archéologie en Biélorussie avant le Révolution 146
I. A. Motchanov (Yakoutsk). Culture néolithique de Belkatchine dans la région d'Aldan 164
J. K. Kozlovski (Varsovie). Quelques questions de la chronologie rélatives à la période néolithique en Pologne Meridionale 178
Au soixante-quinsième anniversaire de K. E. Grinievitch 187
Au soixante-dixième anniversaire de T. N. Knipovitch 189
Au soixantième anniversaire de A. I. Tierienojkin 190

Publication

I. I. Korobkov (Léningrad). Les resultats d'explorations d'un siège paléolitique a Jachtouh pendant cinq ans 194
A. F. Ganialin (Achkhabad). Fouilles d'Altyn-Tépé pendant les années 1959—1961 207
A. A. Martirossian (Erevan). Fouilles d'Arguichtihinili 220
K. K. Kafadarian (Erevan). Nouvells données sur l'architecture d'Ourartou . . 237
E. G. Kastanaian (Léningrad). A propos de quelques mosaiques d'Apollonie en Illyrie 248
V. I. Dovjenok (Kiev). Vestiges des villes russes anciennes dans la région de Dniepr 260
A. S. Voskresenski, A. P. Smirnov (Moscou), **T. A. Khlebnikova** (Kazan). Nouvelles données sur l'architecture des Bulgares de la Volga 274

Notes

V. P. Lioubin (Léningrad). Une pointe de lance de l'epoque Moustier, trouvée en Ossétie Septentrionale 286
A. M. Mikliaev (Léningrad). Une idole trouvée dans la tourbière d'Ousviat . 287
M. M. Tcherniavski (Minsk). Figurine anthropoide provenant du camp Assavietz-II 291
I. Akhrarov (Tachkent). Une tête d'argile, portant une inscription sogdienne trouvée à Aphrosiab 293
V. A. Ilynskaia (Kiev). Les standards conservis aux Museés de Maikop de Novotcherkassk 295
G. D. Belov (Léningrad). Terra sigillata trouvée à Chersonese 301
G. A. Noudelman (Kichinev). Un chaudron des Huns trouvé en Moldavie . . 306
S. I. Kotchkourkina (Moskou). Les tumuli dans la région de la riviére Pacha . 308

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2-х экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2-х экземплярах.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото-контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2-х экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2-х экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальке для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны даты отправления и полный почтовый адрес автора.